
2
2
А.МЕРРИТ
А·МЕРРИТ

Том 1
КОРАБЛЬ ИШТАР
СЕМЬ ШАГОВ К САТАНЕ
ЖИТЕЛИ МИРАЖА

Том 2
ВЕДЬМА, ГОРИ!
ТЕНЬ, ПОЛЗИ!
ПОКОРИТЕЛИ ЛУННОГО БАССЕЙНА
РАССКАЗЫ

А.МЕРРИТ

А·МЕРРИТ

Коллекция "Януса"

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
АБРАХАМА МЕРРИТА
В ТРЕХ ТОМАХ

А. МЕРРИТ

2

ВЕДЬМА, ГОРИ!
ТЕНЬ, ПОЛЗИ!
ПОКОРИТЕЛИ ЛУННОГО БАССЕЙНА
рассказы

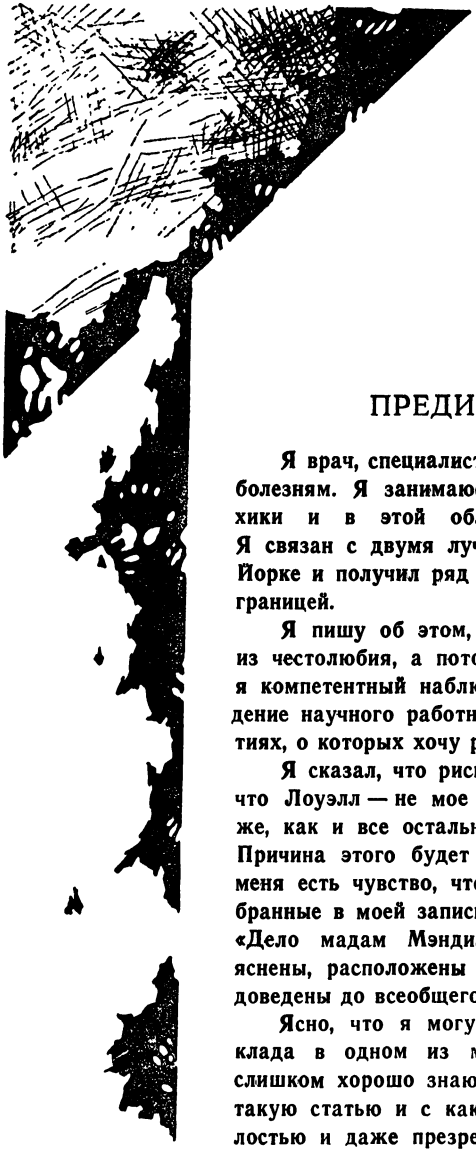
Перевод с английского

Художник О.Иванов

ПЕРМЬ
«ЯНУС»
93

ББК 84.4 США
М-52

© ОсОО «Янус», состав. с/с А. Мерритa, 1992.
© Д. Арсеньев и Е. Сушарник, перевод, 1992.
© О. Иванов, оформление томов, 1993.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я врач, специалист по нервным и психическим болезням. Я занимаюсь вопросами больной психики и в этой области считаюсь знатоком. Я связан с двумя лучшими госпиталями в Нью-Йорке и получил ряд наград в своей стране и за границей.

Я пишу об этом, рискуя быть узнанным, не из честолюбия, а потому, что хочу показать, что я компетентный наблюдатель и могу иметь суждение научного работника о тех особенных событиях, о которых хочу рассказать.

Я сказал, что рискую быть узнанным, потому что Лоуэлл — не мое имя. Это — псевдоним, так же, как и все остальные имена в этом рассказе. Причина этого будет ясна позже. И все-таки у меня есть чувство, что факты и наблюдения, собранные в моей записной книжке под заголовком «Дело мадам Мэндилип», должны быть разъяснены, расположены в определенном порядке и доведены до всеобщего сведения.

Ясно, что я могу сделать это в форме доклада в одном из медицинских обществ, но я слишком хорошо знаю, как встретят мои коллеги такую статью и с какой подозрительностью, жалостью и даже презрением они будут впоследствии смотреть на меня — так противоположны общепринятым мнениям многие из приведенных здесь фактов и наблюдений.

Но теперь, ортодоксальный медик, я спрашиваю самого себя, нет ли причин иных, которые мы не принимаем? Силы и энергия, которые мы упорно отрицаем, потому что не можем найти им объяснения в узком кругу нашей современной науки? Энергия, реальность которой проявляется в фольклоре, в древних традициях всех народов, которые, чтобы оправдать наше невежество, мы относим к мифам и суевериям.

Мудрость — наука неизмеримо древняя. Рожденная до истории, но никогда не умирающая, никогда целиком не исчезающая. Мудрость секретная, но всегда находящая своих служителей, хранящих ее темное пламя, переносящих его из столетия в столетие. Темное пламя запрещенного знания... горевшее в Египте еще до постройки пирамид; прячущееся под песками Гоби; известное сынам Эда, которого Аллах, как говорят арабы, превратил в камень за десять тысяч лет до того, как Авраам появился на улицах Ура в Халдее; известное Китаю и тибетским ламам, шаманам азиатских степей и воинам южных морей.

Темное пламя злой мудрости... мерцающее в тени скандинавских замков, вскормленное руками римских легионеров, усилившееся неизвестно почему в средневековой Европе... и все еще горящее, все еще живое, все еще сильное.

Довольно предисловий. Я начинаю с того момента, как темная мудрость, если только это была она, впервые бросила на меня свою тень.

НЕПОНЯТНАЯ СМЕРТЬ

Поднимаясь по ступеням госпиталя, я услышал, как часы пробили час ночи. Обычно в это время я был уже в постели и спал, но в этот вечер меня задержал особый случай. Мой ассистент Брэйл позвонил и сообщил о непонятном развитии болезни, которое мне захотелось понаблюдать самому. Была ночь начала ноября. Я остановился на минуту на верхней ступеньке полюбоваться яркими звездами. В этот момент к госпитальным воротам подъехал автомобиль.

Пока я стоял, раздумывая, кто бы мог прибыть в такой поздний час, из автомобиля вышел человек. Он быстро осмотрел пустынную улицу и открыл ворота. Вышел еще один человек. Оба нагнулись, как бы вытаскивая что-то из машины. Затем выпрямились, и я увидел, что между ними находится третий человек. Они двигались, не поддерживая, а неся на руках этого человека. Его голова свешивалась на грудь, тело обмякло.

Четвертый человек вышел из машины. Я узнал его. Это был Джулиан Рикори — личность, известная в преступном мире, одно из порождений закона о запрещении спиртных напитков. Мне его показывали несколько раз. Но если бы и не показывали, — газеты давно познакомили меня с его лицом и фигурой. Худой и высокий, с серебристо-белыми волосами, всегда прекрасно одетый, с ленивыми движениями, по виду джентльмен-созерцатель, а не лидер, ведущий крупные дела, подобные тем, в которых его обвиняли.

Я стоял в тени незамеченный. Когда вышел на свет, тотчас же пара, несущая человека, остановилась, как гончие на охоте...

Их свободные руки опустились в карманы пальто. В этом движении была угроза.

— Я доктор Лоуэлл, — торопливо сказал я. — Связан с госпиталем. Заходите.

Они не ответили. Их глаза не отрывались от меня, они не двигались. Рикори вышел вперед. Его руки тоже были в карманах. Он осмотрел меня, затем кивнул остальным, напряжение ослабло.

— Я знаю вас, доктор, — сказал он приветливо. — Но вы рисковали. Позвольте мне дать вам совет: не стоит так быстро и неожиданно появляться перед неизвестными вам людьми, особенно ночью и в этом городе.

— Но я же вас знаю, мистер Рикори, — сказал я.

— Тогда, — он слабо улыбнулся, — ваши действия вдвойне неверны и мой совет вдвойне ценен.

Я открыл двери. Двое прошли мимо со своей ношей, а за ними вошли и мы с Рикори. Я как врач поспешил подойти к человеку, которого несли. Сопровождающие бросили взгляд на Рикори. Тот кивнул. Я поднял голову человека и содрогнулся. Глаза его были широко рас-

крыты. Он не был мертв и не был без сознания. Но на его лице было необыкновенное выражение ужаса. Я ничего подобного не видел за свою долгую практику среди здоровых, ненормальных и полусумасшедших людей. Это был не просто страх. Это был предельный ужас. Глаза, голубые в темных ресницах, были похожи на восклицательные знаки. Они глядели на меня, через меня и за меня. И в то же время казалось, что они смотрят внутрь — как будто кошмар, который они видели, был не только снаружи, но и внутри них.

Рикори внимательно наблюдал за мной.

— Доктор Лоуэлл, что мог увидеть мой друг, или что ему дали, что он так выглядит? Я очень хочу это знать. Я заплачу, хорошо заплачу. Я хочу, чтобы его вылечили, да, но я буду откровенен с вами, доктор Лоуэлл. Я отдал бы последний пенни за то, чтобы знать наверное, что тот, кто сделал это с ним, не сделает того же и со мной, не сделает меня таким же, как он, не заставит меня увидеть то, что видит он, чувствовать то, что чувствует он.

Я позвонил, вошли санитары. Они положили пациента на носилки. К этому времени появился и дежурный врач. Рикори дотронулся до моего локтя.

— Я много знаю о вас, доктор Лоуэлл, — сказал он. — Я хотел бы, чтобы вы сами лечили его.

Я задумался.

Он продолжал серьезно:

— Можете вы оставить всё остальное? Отдать ему все ваше время? Пригласить всех, у кого вы хотели бы проконсультироваться, не думая о тратах...

— Минуту, мистер Рикори, — перебил я его. — У меня есть пациенты, которых я не могу оставить. Я могу отдать все время, которое у меня будет, и мой ассистент Брэйл тоже. Ваш друг будет под постоянным наблюдением людей, которым я вполне доверяю. Хотите вы передать мне больного на таких условиях?

Он согласился, хотя я видел, что он не вполне удовлетворен.

Я приказал перенести пациента в отдельную палату и произвести все необходимые формальности. Рикори сказал, что больного зовут Томас Питерс, что у него нет близких родственников и что самый близкий друг его — он, Рикори. Он вынул из кармана пачку денег, отсчитал тысячу долларов и положил на стол на «предварительные расходы».

Я спросил Рикори, не хочет ли он присутствовать при осмотре больного. Он согласился и сказал что-то своим двум телохранителям, после чего они стали по обеим сторонам госпитальных дверей — на страже. Рикори и я прошли в комнату к моему пациенту. Санитары раздели его, он лежал на койке, покрытой простыней. Брэйл, за которым я послал, стоял, наклонясь над Питерсом, с внимательным и недоуме-

вающим выражением лица. Я заметил с удовольствием, что к нему назначена сестра Уолтерс — необычайно способная и знающая молодая женщина. Брэйл посмотрел на меня и произнес:

— Это явно какой-то токсикоз.

— Может быть, — ответил я. — Но если так, я никогда не встречал такого яда. Посмотрите на его глаза.

Я закрыл веки Питерса. Но как только отнял пальцы, они начали очень медленно раскрываться, пока снова широко не раскрылись. Некоторое время я пытался закрыть их, но они все время открывались снова. Ужас в них не уменьшался.

Я начал обследование. Все тело было расслаблено. Оно было бессильно, как у куклы. Все нервы как бы вышли из строя. Но никаких признаков паралича не было. Тело не реагировало ни на какие раздражители. Единственная реакция, которую я смог вызвать, заключалась в слабом сужении зрачков при сильном свете.

Хоскинс, патолог, зашел взять анализы крови. Когда он кончил, я снова стал осматривать тело, но не мог найти ни единого укола, ранки, царапины или ссадины. Грудь его была покрыта волосами. С разрешения Рикори я сбрил всю растительность с груди, плеч, ног и головы. Я не нашел ничего, что бы указывало на то, что яд был введен с помощью укола.

Я сделал промывание желудка, взял образцы для анализа из толстой кишки и с поверхности кожи. Я проверил нос и горло — они были здоровыми и нормальными — тем не менее я взял с них мазки для анализа. Кровяное давление было низким, температура тела немного ниже нормальной, но это могло и ничего не значить... Я сделал укол адреналина. Никакой реакции. Это могло означать многое.

«Бедняга, — сказал я сам себе. — Так или иначе, но я должен снять с тебя этот кошмар».

Я ввел ему небольшую дозу морфия. Он произвел не больше действия, чем если бы был водой. Тогда я ввел такую дозу, какую только можно было. Ничего не изменилось. Пульс и дыхание оставались прежними.

Рикори наблюдал за всем с огромным интересом. Я сделал все, что мог и сказал ему об этом.

— Ничего больше сделать не могу, — сказал я, — пока не получу результаты анализов. Откровенно — я ничего не понимаю. Я не знаю ни одной болезни, ни одного яда, которые могли бы привести к такому состоянию.

— Но доктор Брэйл, — сказал он, — упомянул о каком-то «озе»...

— Это только предположение, — торопливо перебил Брэйл. — Как и доктор Лоуэлл, я не знаю яда, который мог бы вызвать такие симптомы.

Рикори посмотрел в лицо Питерса и содрогнулся.

— Теперь, — сказал я, — я должен задать вам несколько вопросов. Болел ли этот человек? Если так, наблюдал ли за ним врач? Если он не был фактически болен, не говорил ли он о каком-нибудь недомогании? Не замечали ли вы чего-нибудь особенного в его манерах и поведении?

— На все ваши вопросы отвечаю: нет. Питерс был со мною всю прошлую неделю. Он был совершенно здоров. Сегодня вечером мы беседовали в моей квартире за поздним и довольно легким обедом. Он был в хорошем настроении. Посреди фразы он вдруг остановился, полуобернув голову, как бы прислушиваясь, затем соскользнул со стула на пол. Когда я нагнулся над ним, он был такой, как сейчас. Это случилось в половине первого. Я сейчас же повез его сюда.

— Хорошо, — сказал я. — Это дает нам по крайней мере точное время приступа. Вы можете уйти, мистер Рикори, если не имеете желания остаться с больным.

— Доктор Лоуэлл, — ответил он, — если этот человек умрет и вы не узнаете, что убило его, я заплачу вам обычную плату и госпиталю тоже — не больше, но если вы, хотя бы после его смерти, узнаете, в чем дело, я заплачу сто тысяч долларов для любых благотворительных целей, какие вы назовете. Если же вы сделаете открытие до его смерти и вернете ему здоровье — я уплачу ту же сумму вам лично.

Я посмотрел на него, и когда значение этого замечательного предложения дошло до моего сознания, я с трудом сдержал раздражение и гнев.

— Рикори, — сказал я, — мы с вами живем в разных мирах, поэтому я отвечу вам вежливо, хотя и нахожу, что это очень трудно. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы узнать, что случилось с вашим другом и чтобы вылечить его. Я бы сделал это, если бы вы и он были бедняками. Я заинтересован в нем только как в проблеме, бросающей вызов мне как врачу. Но в вас я нисколько не заинтересован. И в ваших деньгах тоже. И в вашем предложении тоже. Считайте, что я решительно отказываюсь. Понимаете вы меня?

После небольшой паузы он ответил:

— Так или иначе, я больше чем когда-либо хочу, чтобы он лечился у вас.

— Очень хорошо. Где я могу найти вас, если вы мне понадобитесь?

— С вашего позволения, — ответил он, — я хотел бы иметь... представителей, чтобы они все время находились в этой комнате. Если вы захотите меня видеть, скажите им — и я скоро буду здесь.

Я улыбнулся, но он был серьезен.

— Вы напомнили мне, — сказал он, — что мы живем в разных мирах. Вы принимаете свои меры, чтобы быть в безопасности в вашем мире, а я стараюсь уменьшить опасности в моем мире. Ни в коем

случае я не стал бы советовать вам, как избежать опасностей в вашей лаборатории, доктор Лоуэлл. Я тоже подвергаюсь им и спасаюсь от них, как могу.

Все это было противозаконно, конечно, но мне нравился Рикори, и я понимал его точку зрения; чувствуя это, он продолжал настаивать:

— Мои люди не будут мешать. Если то, что я подозреваю — правда, они будут охранять вас и ваших помощников. Но они, а также те, кто сменит их, должны оставаться в комнате днем и ночью. Если Питерса переведут в другую палату, они должны сопровождать его — независимо от того, куда его переместят.

— Это можно устроить, — согласился я. Затем по его просьбе послал санитара к двери. Он вернулся с одним из стражей. Рикори пошептался с ним, и тот вышел. Немного погодя оба стража вернулись вместе. В это время я обрисовал дежурному врачу особенности случая и получил официальное разрешение начальства на дежурство двух человек у больного. Оба стража были хорошо одеты, вежливы, со сжатыми губами и холодными внимательными глазами. Один из них взглянул на Питерса.

— Бог мой! — пробормотал он.

Комната была угловой, с двумя окнами, одно из них выходило на бульвар, другое — на боковую улицу. Дверь вела в холл. Ванная комната была темной, без окон. Рикори и два его телохранителя осмотрели комнату очень внимательно, не подходя близко к окнам. Рикори спросил, нельзя ли потушить свет. Я кивнул. Свет выключили, все трое подошли к окнам, внимательно осмотрели шестиэтажные дома по сторонам обеих улиц. Со стороны бульвара домов не было, там начинался парк. На боковой улице против госпиталя располагалась церковь.

— Эту сторону — наблюдать, — сказал Рикори и указал на церковь. — Теперь можно включить свет, доктор.

Он пошел к двери, затем повернулся:

— У меня много врагов, доктор Лоуэлл. Питерс был моей правой рукой. Если один из этих врагов убил его, он сделал это, чтобы ослабить меня, или, может быть, потому, что не мог убить меня. Я смотрю на Питерса и впервые в моей жизни я, Рикори, боюсь. Я не хочу быть следующим, не хочу смотреть в ад.

Я недовольно заворчал. Он четко сформулировал то, что я чувствовал, но не мог выразить словами.

Он снова подошел к двери и снова остановился.

— Еще одна вещь. Если кто-нибудь позвонит по телефону и будет спрашивать о здоровье Питерса, пусть подходят мои люди. Если кто-нибудь придет к вам и будет спрашивать о нем, впустите его, но если

их будет несколько, пусть войдет только один. Если они придут, уверяя, что являются родственниками, пусть мои люди поговорят с ними и расспросят их.

Он пожал мою руку и вышел из комнаты. На пороге его ждала другая пара телохранителей. Они пошли: один впереди, другой позади него. Когда они вышли, я заметил, что Рикори энергично перекрестился.

Я закрыл дверь и вернулся в комнату. Взглянул на Питерса... Если бы я был религиозным, я бы тоже перекрестился. Выражение лица Питерса изменилось. Ужас исчез. Он по-прежнему смотрел как бы сквозь меня и внутрь самого себя, но с выражением какого-то ожидания, такого злого, что я невольно оглянулся, чтобы увидеть, что вызывает этот взгляд.

В комнате не было ничего необычного. Один из парней Рикори сидел в углу у окна, в тени, наблюдая за парапетом церковной крыши напротив, другой неподвижно сидел у двери.

Брэйл и сестра Уолтерс стояли по другую сторону кровати. Их глаза не могли оторваться от лица Питерса, они были как зачарованные. Затем Брэйл повернул голову и осмотрел комнату, как это только что сделал я.

Вдруг глаза Питерса стали сознательными, они увидели нас, увидели комнату. Они заблестели какой-то необычайной радостью. Эта радость не была маниакальной, она была дьявольской. Это был взгляд дьявола, надолго изгнанного из любимого ада и вдруг возвращенного туда.

Это выражение внезапно исчезло, и вернулось выражение ужаса и страха. Я с невольным облегчением вздохнул, впечатление было такое, как будто исчез кто-то злобный, присутствующий в комнате. Сестра дрожала, Брэйл спросил напряженно:

— Как насчет еще одной инъекции?

— Нет, — сказал я. — Я хочу, чтобы вы понаблюдали за ходом этого (что бы это ни было) без наркотиков. Я пойду в лабораторию. Внимательно наблюдайте за ним, пока я вернусь.

В лаборатории Хоскинс буднично посмотрел на меня:

— Ничего не нашел. Прекрасное здоровье. Правда, я не все еще кончил.

Я кивнул. У меня было ощущение, что и остальные анализы ничего не откроют. Я был потрясен всем случившимся больше, чем мне хотелось бы признаться в этом. Вся эта история беспокоила меня, давала ощущение кошмара, как будто я стою у какой-то двери, которую позарез нужно открыть, но нет ключа, и даже замочной скважины нет. Я давно обнаружил, что работа с микроскопом помогает мне размышлять над разными проблемами. Я взял несколько мазков крови Питерса и начал изучать их, не ожидая что-либо обнаружить.

Я просматривал четвертый мазок, когда вдруг понял, что вижу

что-то необычайное. При повороте стеклышка в поле зрения появился белый шарик. Простой белый шарик, но внутри него наблюдалась флюоресценция, он сиял, как маленькая лампа! Сначала я подумал, что это действие света, но никакие изменения освещения не меняли этого свечения. Я протер глаза и поглядел снова, затем позвал Хоскинса.

— Скажите мне, не видите ли вы чего-нибудь особенного?

Он посмотрел в микроскоп. Вздрогнул и повертел винтами, как я.

— Что вы видите, Хоскинс?

Он ответил, продолжая смотреть в микроскоп:

— Лейкоцит, внутри которого фосфоресцирующий шарик. Его свет не затухает и не усиливается с изменением освещения. Во всем остальном лейкоцит обычен.

— Но ведь это совершенно невозможно! — воскликнул я.

— Конечно, — согласился он, выпрямляясь. — Однако он тут.

Я отделил лейкоцит и дотронулся до него иглой. При прикосновении иглы лейкоцит как бы взорвался, фосфоресцирующий шарик сплющился, и что-то вроде миниатюрного языка пламени пробежало по видимой части препарата.

И всё: фосфоресценция исчезла. Мы начали изучать препарат за препаратом. Еще дважды мы нашли маленькие сияющие шарики, и всякий раз результат прикосновения к ним иглой был тот же.

Зазвонил телефон, Хоскинс ответил и обратился ко мне:

— Это Брэйл, он просит вас наверх, побыстрее.

— Продолжайте, Хоскинс, — сказал я и поспешил в комнату Питерса. Войдя, я увидел сестру Уолтерс с лицом белее мела и закрытыми глазами, стоящую спиной к кровати.

Брэйл наклонился над пациентом со стетоскопом у его сердца. Я взглянул на Питерса и остановился с чувством паники в душе. На его лице опять было выражение дьявольского ожидания, и оно усилилось. Пока я смотрел, оно сменилось выражением дьявольской радости. Оно держалось не дольше нескольких секунд. Два выражения начали быстро меняться. Брэйл сказал мне сквозь сжатые зубы:

— Его сердце остановилось три минуты назад. Он должен быть мертвым, но послушайте...

Тело Питерса выпрямилось. С его губ сорвался звук — смех, низкий, нечеловеческий, дьявольский. Человек у окна вскочил на ноги, стул его с шумом упал. Смех замер, тело Питерса лежало неподвижно.

Дверь открылась и я услышал голос Рикори:

— Как он, доктор Лоуэлл? Я не мог спать...

Он увидел лицо Питерса.

— Мать божья! — прошептал он и опустился на колени.

Я видел его, как в тумане, — я не мог отвести глаз от лица Питерса. Это было лицо смеющегося, радующегося негодяя — все челове-

ческое исчезло — это было лицо демона с картины сумасшедшего средневекового художника. Голубые глаза злобно смотрели на Рикори...

Мертвые руки шевельнулись, локти медленно отделились от туловища, пальцы сжимались, как когти, и мертвое тело начало извиваться под одеялом. Этот кошмар, однако, привел меня в себя.

Это было окоченение тела после смерти, но проходящее необыкновенно быстро. Я подошел и закрыл ему глаза, затем накрыл покрывалом ужасное лицо.

Я взглянул на Рикори. Он все еще стоял на коленях, крестясь и молясь, и так же на коленях позади него стояла сестра Уолтерс, бормоча молитву.

Часы пробили пять.

ВОПРОСНИК

Я предложил Рикори поехать вместе домой, и, к моему удивлению, он охотно согласился. Он был, видимо, потрясен. Мы ехали молча в сопровождении телохранителей со сжатыми губами. Лицо Питерса стояло передо мной.

Я дал Рикори сильное снотворное и оставил его спящим под охраной двух стражей. Я сказал им, чтобы его ничем не беспокоили, и что я еду произвести вскрытие тела.

Вернувшись в госпиталь в его машине, я обнаружил, что тело Питерса унесли в морг. Окоченение трупа, по словам Брэйла, закончилось менее чем за час, в удивительно короткое время.

Я сделал необходимые для вскрытия приготовления и забрал с собой Брэйла домой, чтобы хоть несколько часов поспать.

Трудно передать словами то неприятнейшее впечатление, которое произвела на меня вся эта история. Могу только сказать, что я был рад обществу Брэйла так же, как он рад был моему.

Когда я проснулся, кошмарная подавленность все еще оставалась, хотя и в несколько ослабленной степени. Около двух мы приступили к вскрытию. Я снял простыню с тела Питерса с явным волнением. Лицо его изменилось. Дьявольское выражение исчезло. Лицо было серьезным — простое лицо человека, умершего спокойно, без всякой агонии тела или мозга. Я поднял его руку: она была мягка, тело еще не окоченело.

В этот момент я понял, что имею дело с каким-то абсолютно новым, еще неизвестным агентом смерти, вызванным микробом или чем-то другим. Как правило, окоченение тела продолжается от 16 до 24 часов, в зависимости от состояния пациента перед смертью, температуры тела и дюжины других причин. Вообще окоченение не исчезает двое-трое суток. Обычно быстрое затвердевание ведет к быстрому его исчезновению и наоборот. Диабетики окоченевают быстрей. Сильное по-

вреждение мозга, вроде выстрела в голову, ведет к убыстрению процесса. В данном случае окоченение началось сразу, одновременно со смертью и закончилось в пять часов, так как дежурный врач сказал мне, что он осматривал тело в 10 часов, и его отвердение еще не закончилось. Оно появилось и исчезло.

Результат вскрытия можно изложить в двух словах. Не было никаких причин для смерти. И все же он был мертв!

Позже, когда Хоскинс делал свой доклад, эти утверждения оставались верными. Не было причин для смерти. И все же Питерс умер. Если таинственный свет, который мы видели под микроскопом, и имел отношение к его смерти, то он не оставил никаких следов. Все его органы были абсолютно здоровы, все в полном порядке. Он был на редкость здоровым парнем. После моего ухода из лаборатории Хоскинс не мог больше найти ни одного светящегося шарика. Вечером я написал короткую записку, в которой описал симптомы, наблюдавшиеся в случае с Питерсом, не останавливаясь на смене выражений его лица, но осторожно ссылаясь на «необычные гримасы» и «выражение интенсивного ужаса». Мы с Брэйлом размножили эту записку и отправили ее по почте во все госпитали и клиники Нью-Йорка. Кроме того, такие же письма мы отправили многим частным врачам. В записке мы спрашивали также, не наблюдались ли такие симптомы у пациентов, и если да, то просили прислать подробное описание, имена, адреса, род занятий и другие детали; конечно, в запечатанном виде, с гарантией полной секретности.

Я льстил себя надеждой, что моя репутация не позволит врачам, получившим мой вопросник, заподозрить меня в простом любопытстве или неэтичности.

Я получил в ответ семь писем и персональный визит одного из их авторов. Каждое письмо, за исключением одного, с разной степенью врачебного консерватизма, давало мне просимую информацию. Прочитав их, я убедился в том, что в течение шести месяцев 7 человек самых разных по возрасту и по положению в обществе умерли так же, как Питерс.

В хронологическом порядке эти случаи расположились так:

Май, 25. Руфь Бэйли, девица, 50 лет, здоровье среднее, работала в социальной регистратуре, хорошая характеристика, добра, любила детей.

Июнь, 20. Патрик Мак-Илрэн, каменщик, жена и двое детей.

Август, 1. Анита Грин, девочка 11 лет. Родители — небогатые люди с хорошим образованием.

Август, 15. Стив Стенли, акробат, 39 лет, жена и трое детей.

Август, 30. Джон Маршалл, банкир, 60 лет, любит детей.

Сентябрь, 10. Фонеас Димотт, 35 лет, гимнаст на трапеции, жена, маленький ребенок.

Октябрь, 12. Гортензия Дорнили, около 30 лет, никакого занятия. Адреса, за исключением двух, широко разбросаны по всему городу.

Каждое письмо сообщало о быстром наступлении окоченения и быстром его окончании. От первого проявления болезни до смерти во всех случаях проходило 5 часов.

В пяти случаях отмечались странные изменения выражения лица, которые так беспокоили меня. В той осторожной манере, в которой они описывались, я чувствовал страх и удивление писавших.

«Глаза пациента оставались открытыми», писал врач, наблюдавший девицу Бэйли. «Она глядела, но не узнавала окружающих и не видела предметов вокруг себя. Выражение дикого ужаса после смерти сменилось особенным выражением, весьма сильно подействовавшим на обслуживающий персонал».

Врач, наблюдавший Мак-Илрэна, каменщика, ничего не мог сообщить о явлениях после смерти, но много писал о выражении лица пациента после смерти. «Это ничего общего не имело», писал он, «со сжатием мускулов, которое называется «Гиппократовым выражением», ни с широко раскрытыми глазами и искривленным ртом, известным под названием «улыбка смерти». Не было также никаких признаков расслабления лицевых мускулов после смерти, — как раз наоборот, — я бы назвал выражение его лица необыкновенно озлобленным».

Отчет врача, наблюдавшего акробата Стенли, был точен. Он упоминал, что «...после смерти пациента странные, очень неприятные звуки издавались его горлом».

Это, видно, были такие же дьявольские вещи, которые наблюдали и мы у Питерса, и если так, то не было ничего удивительного в том, что мое письмо вызвало такие детальные ответы. Я знал врача, наблюдавшего банкира, — самоуверенного, важного, великолепного доктора для очень богатых. «Причина смерти для меня не является тайной, — писал он. — Это наверняка тромб в области мозга. Я не придаю значения гримасам и быстрому окоченению. Вы знаете, дорогой Лоуэлл, что ничего нельзя обосновать на длительности этого явления».

Мне хотелось ответить, что тромб явился просто удобным диагнозом для прикрытия невежества врача, но это ни к чему не привело бы.

Отчет о Димотте был простым перечислением фактов, без ссылок на гримасы или звуки.

Но доктор, наблюдавший маленькую Аниту, не был так сдержан.

«Дитя, — писал он, — было прелестно. Казалось, она не испытывала страданий, но в ее глазах застыл ужас. Это было так, словно она находилась в каком-то кошмаре, так как, несомненно, до самой смерти она была в сознании. Большая доза морфия не оказала никакого действия и не внесла изменений в ритм дыхания и работу сердца. Позже

ужас исчез, и появилось другое выражение лица, которое мне не хочется описывать в этом рапорте, но о котором я могу рассказать вам, если вы этого пожелаете. Вид ребенка после смерти был потрясающ, но опять-таки я хотел бы лучше рассказать вам об этом, вместо того, чтобы писать».

Внизу была сделана торопливая приписка: я представил себе, как он сначала раздумывал, затем решился поделиться тем, что его угнетало, быстро приписав несколько фраз и поспешно отправив письмо, пока не передумал.

«Я написал, что ребенок был в сознании до самой смерти. То, что мучает меня — это уверенность, что она была в сознании после физической смерти. Разрешите мне поговорить с вами».

Я удовлетворенно кивнул. Я не посмел говорить об этом в своем вопроснике. И в других случаях, как я теперь считал вероятным, все доктора, за исключением наблюдавшего за Стенли, оказались так же консервативны, как и я.

Я сейчас же позвонил врачу маленькой Аниты. Он был сильно взволнован. Во всех деталях случай был такой же, как с Питерсом. Врач повторял снова и снова: «Девочка была кротка и мила, как ангел, и она превратилась вдруг в дьявола!»

Я пообещал сообщить ему о всех открытиях, которые мне удастся сделать, и вскоре после разговора с ним принял у себя доктора, наблюдавшего Гортензию Дорнили.

Доктор И., как я буду называть его, не мог ничего добавить к своему отчету, но после разговора с ним мне стала яснее практическая линия приближения к разрешению проблемы.

Его приемная, сказал он, находится в том же доме, в котором жила Гортензия Дорнили. Он задержался на работе и был вызван к ней на квартиру в 10 часов вечера ее горничной-мулаткой. Он нашел пациентку лежащей на кровати и был потрясен выражением ужаса на ее лице и необыкновенной гибкостью тела. Он описал ее, как «голубоглазую блондинку кукольного типа». В квартире находился мужчина. Сначала он не хотел называть своего имени, заявляя, что является просто знакомым заболевшей. При первом осмотре доктор И. подумал, что женщина — жертва побоев, но подробный осмотр не дал таких данных. «Знакомый» сказал, что они «обедали, когда мисс Дорнили сползла со стула на пол так, как будто все кости размягчились, и больше мы не могли от нее ничего добиться». Горничная подтвердила это. На столе стоял еще не съеденный обед и оба — мужчина и девушка — утверждали, что Гортензия была в прекрасном настроении. Ссоры не было. «Знакомый» сказал, что «приступ» случился три часа назад и что они старались привести ее в чувство сами и обратились к врачу только тогда, когда их привела в ужас смена выражений лица, описанная подробно в случае с Питерсом. С развитием «приступа» с горничной нача-

лась истерика, и она убежала. Мужчина был более смелым и оставался до конца. Он был потрясен так же, как и доктор.

После того, как врач заявил, что это случай для прокурора, он перестал упрямиться и сказал, что его зовут Джемс Мартин и попросил врача произвести вскрытие и полное исследование трупа. Он стал откровенен. Он жил с мисс Дорнили, и у него было «достаточно неприятностей и без того, чтобы ее смерть приписали ему».

Было проведено очень тщательное обследование тела. Гортензия Дорнили была здорова, если не считать небольшого заболевания сердечного клапана. Записали, что смерть произошла от инфаркта. Но доктор И. прекрасно знал, что сердце тут ни при чем. Было ясно, что Гортензия умерла от тех же причин, что и все остальные. Но для меня в ее случае показался странным тот факт, что она жила рядом с Питерсом, адрес которого мне дал Рикори. Более того, Мартин был из того же мира, если только впечатления доктора И. были верны.

Здесь была какая-то связь между двумя случаями, отсутствовавшая у всех остальных. Я решил посетить Рикори, рассказать ему все и заручиться его помощью. Мои исследования продолжались две недели. За это время я лучше познакомился с Рикори. С одной стороны, он страшно интересовал меня, а с другой — он мне нравился, несмотря на его репутацию. Он был поразительно начитан, очень умен, хотя и аморален, суеверен, но смел — в древние времена он мог бы быть капитаном кондотьеров — ум и шпага для найма. Я не знал, кто были его родители. Он посетил меня несколько раз после смерти Питерса и явно отвечал мне взаимной симпатией. Его всегда сопровождали те два молчаливых стража, которые дежурили в госпитале. Одного из них звали Мак-Канн. Он был наиболее приближенным к Рикори человеком, явно преданным своему седовласому начальнику. Это был тоже интересный тип, и тоже симпатизировавший мне. Он был южанином, как он сам мне рассказывал — «коровьей нянькой» с низовьев Аризоны, а потом стал «слишком популярным на границе».

— Я за вас, доктор, — говорил он мне. — Вы добры к моему хозяину. И когда я прихожу сюда, я могу вынуть руку из кармана. Если кто-нибудь когда-нибудь нападет на вашу скотину, зовите меня. Я попрошу отпуск на денек. — И он добавил просто, что «может всадить шесть пуль подряд в одну и ту же точку на расстоянии 100 футов».

Я не знаю, в шутку ли он это говорил или серьезно. Во всяком случае, Рикори никуда не выходил без него, и то, что он оставил его охранять Питерса, показывало, как ценит он своего погибшего друга.

Я позвонил Рикори и пригласил его пообедать со мной и Брэйлом вечером у меня. В семь он приехал и приказал шоферу вернуться за ним к десяти. Мы сели за стол. Мак-Канн остался на страже в гости-

ной, приведя в волненье двух ночных сиделок — у меня был маленький частный госпиталь рядом с квартирой.

После обеда я отпустил лакея и перешел к делу. Я рассказал Рикори о вопроснике и о том, что мне удалось с его помощью обнаружить еще семь случаев, аналогичных известному нам.

— Вы можете выкинуть из головы все подозрения о том, что смерть Питерса как-то связана с вами, — сказал я. — За одним возможным исключением, ни один из семи человек не принадлежит к тому, что вы называете вашим миром. Если этот единственный случай и затрагивает вашу сферу деятельности, он не меняет абсолютной уверенности в том, что вы никакого отношения ко всему этому делу не имеете. Слышали вы о женщине по имени Гортензия Дорнили?

Он покачал головой.

— Она жила, — сказал я, — напротив Питерса.

— Но Питерс не жил по этому адресу, — он улыбнулся несколько смущенно. — Видите ли, я не знал вас так хорошо, как теперь.

Я немного растерялся.

— Ну, хорошо, — продолжал я. — А вы не знали некоего Мартина?

— Да, — сказал он. — Я знал его. Фактически я знаю нескольких Мартинов. Можете вы описать его или назвать его имя?

— Джемс, — ответил я.

Он снова покачал головой, хмурясь.

— Мак-Канн может знать его, — сказал он наконец. — Позовите его, доктор.

Я вызвал лакея и послал его за Мак-Канном.

— Мак-Канн, — спросил Рикори, — ты знаешь женщину по имени Гортензия Дорнили?

— Конечно, — ответил он, — беленькая куколка — она живет с Бутчем Мартином. Он взял ее из театра Бэнити.

— А Питерс знал ее? — спросил я.

— Да, — сказал Мак-Канн, — конечно. Она была знакома с Молли, вы знаете, босс, с маленькой сестрой Питерса. Молли взяли из Фоллис три года назад, и он встретил Горти у Молли. Горти и он — оба умирали по малютке Молли. Он сказал мне сам. Но никогда ничего не позволял себе с ней, если вас это интересует.

Я внимательно взглянул на Рикори, вспоминая о том, что он говорил мне об отсутствии родственников у Питерса. Он ничуть не смутился.

— А где сейчас Мартин? — спросил он.

— Уехал в Канаду, как я слышал, — ответил Мак-Канн. — Хотите, чтобы я разыскал его?

— Я скажу тебе об этом позднее, — сказал Рикори, и Мак-Канн вернулся в гостиную.

— Мартин — ваш друг или враг? — спросил я.

— Ни то, ни другое, — ответил он.

Я помолчал, обдумывая сведения, полученные от Мак-Канна: связи, которые неясно мерещились мне между случаями Питерса и Дорнили, исчезли сразу. Но появилось более сильное звено: Гортензия умерла 12 октября, Питерс — 10 ноября. Когда Питерс виделся с этой женщиной? Если таинственная болезнь была заразной, никто, конечно, не мог сказать, сколько длится инкубационный период. Мог ли Питерс заразиться от нее?

— Рикори, — сказал я, — дважды сегодня вечером я узнал, что вы сказали мне неправду о Питерсе. Я забуду об этом, так как думаю, что это не повторится. Я хочу верить вам далее, если мне придется выдать вам профессиональную тайну. Прочтите эти письма.

Я передал ответы на мой вопросник. Он молча прочел все. Когда он кончил, я рассказал ему все, что доктор И. сообщил мне, рассказал ему подробно о своих испытаниях, включая описание маленьких светящихся шариков в крови Питерса.

Он побледнел и перекрестился.

— Боже мой! — пробормотал он. — Ведьма! Это ее огонь!

— Чепуха, друг! — сказал я. — Забудьте о своих проклятых суевериях. Они не помогут.

— Вы, ученые, ничего не знаете! Есть некоторые вещи, доктор Лоуэлл, — начал он горячо, затем сразу оборвал себя и замолчал. — Что вы хотите от меня?

— Во-первых, — сказал я, — давайте проанализируем эти факты. Брэйл, вы не пришли ни к каким заключениям?

— Да, — ответил Брэйл, — я считаю, что все восемь были убиты.

СМЕРТЬ СЕСТРЫ УОЛТЕРС

Брэйл высказал то, что находилось все время в моем подсознании, хотя и не имело никаких доказательств, и это привело меня в раздражение.

— Вы умнее меня, Шерлок Холмс, — сказал я иронически. Он покраснел, но упрямо повторил:

— Они убиты...

— Бог мой! — прошептал Рикори.

Я повернулся к нему.

— Бросьте биться головой о стену, Брэйл. Какие у вас доказательства?

— Вы уходили от Питерса почти на два часа, а я был с ним от начала до конца. Пока я изучал его, у меня все время было ощущение, что причина его гибели — в уме, а не в теле, нервах, мозгу, которые не отказывались функционировать. Отказала воля. Конечно, не совсем

так. Я хочу сказать, что его воля перестала управлять функциями организма и как бы сконцентрировалась, чтобы убить его.

— То, что вы говорите теперь — самоубийство, а не убийство. Мне приходилось наблюдать, как люди умирали потому, что теряли желание жить...

— Я не это подразумевал, — перебил он меня. — То было пассивно. Это было активно...

— Боже мой, Брэйл! — я был шокирован. — Не говорите мне, что вы считаете, будто все восемь отправились к праотцам потому, что они активно захотели этого... и один из них — одиннадцатилетний ребенок...

— Я этого не говорю, — ответил Брэйл. — То, что я чувствовал, было сначала не его волей, а чужой, поборовшей и подчинившей его волю, запугавшей его, проникшей помимо его желания. Черная воля, которой он не хотел или не мог противостоять, по крайней мере в конце...

— Пресвятая дева Мария! — снова пробормотал Рикори.

Я сдержал раздражение и замолчал.

Я уважал Брэйла. Он был слишком умный, здравомыслящий человек, чтобы можно было легко отмахнуться от его идеи.

— Имеете ли вы представление о том, как были осуществлены эти убийства, если это убийства вообще? — вежливо спросил я.

— Ни малейшего, — сказал Брэйл.

— Давайте рассмотрим эту теорию, Рикори, по этой части у нас больше опыта, чем у вас, поэтому забудьте о вашей ведьме. В каждом убийстве есть три фактора: метод, возможность, мотив. Рассмотрим по порядку. Метод... Имеется три основных пути, которыми можно отравить человека: через нос, через рот и через кожу. Есть, правда, еще два-три других канала. Отец Гамлета, например, был отравлен через ухо, хотя я всегда в этом сомневался. Думаю, что в наших случаях остаются только названные пути. Были ли какие-нибудь признаки того, что Питерс был отравлен через кожу, нос или рот? Наблюдали ли вы какие-нибудь признаки отравления на коже, дыхательных путях, в горле, на слизистой оболочке, в желудке, крови, нервах, мозгу — хоть что-нибудь?

— Вы знаете, что нет, — ответил Брэйл.

— Конечно. Таким образом, кроме проблематичного шарика в крови, нет никакого признака метода. Поэтому мы не имеем абсолютно ничего конкретного, на чем мы могли бы обосновать теорию убийства.

Давайте рассмотрим второй фактор — возможность. У нас имеется сомнительная дама, бандит, уважаемая пожилая девица, каменщик, одиннадцатилетняя школьница, банкир, акробат, гимнаст. Самая разношерстная компания. Никто из них, кроме циркача, Питерса и дамы Дорнили, не имеют ничего общего. Как кто-нибудь, имевший возмож-

ность подойти так близко к бандиту Питерсу, чтобы убить его, мог войти в такой же тесный контакт с мисс Руфью Бэйли из Социальной регистратуры? Как мог человек, имеющий связь с банкиром Маршаллом, иметь нечто общее с акробатом Стенли? И так далее...

Понятна вам трудность положения?

Объяснить причины этих смертей — если это убийства — нелегкое дело. Это требует наличия известных отношений между всей этой группой людей. Согласны вы с этим?

— Частично, — сказал Брэйли.

— Если бы все они были соседями, мы могли бы предположить, что они находились в сфере деятельности гипотетического убийцы. Но они...

— Простите меня, доктор Лоуэлл, — перебил Рикори, — но представьте себе, что у них мог быть какой-то общий интерес, который ввел их в эту сферу?

— Какой же общий интерес может быть у таких разных людей?

— Один общий интерес ясно указан в этих письмах и в рассказе Мак-Канна.

— О чем вы говорите, Рикори?

— Дети, — ответил он.

Брэйл кивнул: — Я тоже заметил это.

— Посмотрите письма, — продолжал Рикори. — Мисс Бэйли описана как дама добрая, любящая детей. Ее доброта как раз и выражалась в том, что она помогала им. Маршалл — банкир — тоже интересовался детскими приютами. Каменщик, акробат и гимнаст имели своих детей. Анита сама ребенок. Питерс и Дорнили, по словам Мак-Канна, «умирали по малютке».

— Но, — возразил я, — если это убийства, то все они совершены одной и той же рукой. Не может быть, чтобы все они интересовались одним ребенком или даже одной группой детей.

— Правильно, — сказал Брэйл, — но все они могли интересоваться одной какой-нибудь особой вещью, которая могла быть нужна ребенку или могла развлекать его и которую можно было достать в одном месте. Если бы можно было узнать, что это такое, мы могли бы выяснить что-нибудь, исследовав это место...

— Это стоит дальнейших размышлений, — сказал я. — Все-таки мне кажется, что тут может быть все проще. Дома, в которых жили все эти люди, могли посещаться одним человеком. Убийца мог быть, например, радиотехником или страховым агентом, или сборщиком податей, или электротехником и так далее.

Брэйл передернул плечами. Рикори не ответил, он глубоко задумался и как будто не слышал меня.

— Послушайте, Рикори, — сказал я. — Мы зашли довольно далеко.

Метод убийств — если это убийства — неизвестен. Что дает возможность для убийства? — нужно найти особу, работа, профессия (или еще что-нибудь) которой представляет интерес для всех восьми, и которая посещала их (или они ее), например, такую особу, работа которой имеет отношение к детям. Теперь о мотиве. Месть, выгода, любовь, ненависть, ревность, самозащита?.. Ни один из этих мотивов не подходит, так как опять мы упираемся в слишком разное социальное положение этих людей.

— А как насчет удовлетворения, которое может испытывать убийца, давая волю своей склонности к убийству, к смерти, разве это не может быть мотивом? — спросил Брэйл странно.

Рикори приподнялся на стуле, посмотрел на него с удивлением, затем снова опустился на сидение, но я заметил, что теперь он живо заинтересован.

— Я как раз и хотел рассмотреть возможность появления такого убийцы-маньяка, — сказал я сердито.

— Это не совсем то, вспомните строки из Лонгфелло:

Я пускаю стрелу в воздух,
Она падает на землю, не знаю куда.

Я никогда не соглашался с тем, что автор в этих строках подразумевал отправку корабля в неизвестные порты и его возвращение с грузом слоновой кости, павлинами, обезьянами и драгоценными камнями. Есть люди, которые не могут стоять у окна высоко над шумной улицей или на вершине небоскреба, чтобы не пожелать в душе бросить вниз что-нибудь тяжелое. Они чувствуют приятное волнение, стараясь угадать, кто был бы убит. Это чувство силы. Как будто он становится богом и может наслать чуму на этих людей. Лонгфелло был одним из этих людей. В душе ему хотелось выпустить стрелу и представить в своем воображении, попала ли она кому-нибудь в глаз, в сердце или убила беднягу бродячую собаку. Теперь продолжим дальше это рассуждение. Дайте одному из таких людей силу и возможность выпустить на волю случая смерть, причину которой невозможно обнаружить, он находится в неизвестности и безопасности — бог смерти. Не имея никакой особой ненависти к кому бы то ни было персонально, он просто выпускает свои стрелы в воздух, как стрелок Лонгфелло, ради удовольствия.

— И вы не назовете такого человека убийцей-маньяком? — спросил я сухо.

— Не обязательно. Просто лишенный обычных взглядов на убийство. Может быть, он даже не знает, что поступает плохо. Каждый из нас приходит в мир со смертным приговором, причем метод и время его исполнения неизвестны.

— Ну, убийца может рассматривать себя самого таким же естественным фактором, как сама смерть. Ни один человек, который верит

в то, что все на земле управляется мудрым и всесильным богом, не считает его убийцей-маньяком. А он напускает на человечество войны, чуму, голод, болезни, потопы, землетрясения — на верующих и неверующих одинаково. Если поверить в то, что все находится в руках того, кого неопределенно называют судьбой, назовете вы судьбу убийцей-маньяком?

— Ваш гипотетический стрелок, — сказал я, — выпустил исключительно неприятную стрелу, Брэйл. Дискуссия наша приняла слишком метафизический характер для такого простого научного работника, как я. Рикори, я не могу доложить все это полиции. Они вежливо выслушают и от всей души посмеются после моего ухода. Если я расскажу все, что я думаю, медицинским авторитетам, они сочтут меня ненормальным. И мне не хочется привлекать к делу частных сыщиков.

— Что вы от меня хотите? — спросил он.

— Вы обладаете необыкновенными возможностями, — ответил я. — Хочу, чтобы вы восстановили все передвижения Питерса и Гортензии Дорнили за последние два месяца. Желательно, чтобы вы проверили и других. Я хочу, чтобы вы нашли то место, в котором каждый из этих бедняг, благодаря своей любви к детям, в последнее время побывал. Потому что, хотя мой ум и говорит мне, что в ваших с Брэйлом рассуждениях нет никакой логики, все-таки у меня есть чувство, что в чем-то вы оба правы.

— Вы прогрессируете, доктор Лоуэлл, — сказал Рикори вежливо. — Я предсказываю, что пройдет немного времени, и вы неохотно признаете существование моей ведьмы.

— Я до такой степени выбит из колеи, — ответил я, — что могу поверить даже этому.

Рикори засмеялся и занялся выпиской основных сведений из писем врачей. Пробило десять. Появился Мак-Канн и доложил, что машина подана. Мы проводили Рикори до дверей. И тут мне в голову пришла одна мысль.

— С чего вы начнете, Рикори?

— Я съезжу к сестре Питерса.

— Она знает, что Питерс умер?

— Нет, — ответил он неохотно. — Она думает, что он уехал. Он часто подолгу отсутствовал и при этом не сообщал ей о себе. Обычно я держал связь с ней и сообщал ей о нем. Я не сказал ей о его смерти потому, что она очень любила его и это известие причинит ей огромное горе... А через месяц у нее будет еще ребенок.

— А знает она, что Гортензия умерла?

— Не знаю. Может быть. Хотя Мак-Канн явно не знает.

— Ну, хорошо, — сказал я. — Не знаю, удастся ли вам и теперь скрыть от нее смерть Питерса. Но это ваше дело.

— Точно, — ответил он и пошел к машине.

Мы с Брэйлом едва успели вернуться в мою библиотеку, как зазвонил телефон. Брэйл ответил. Я слышал, как он выругался. Рука его, державшая трубку, задрожала. Он сказал:

— Нам нужно сейчас же идти.

Он медленно положил трубку и обернулся ко мне. Лицо его было искажено.

— Сестра Уолтерс заразилась от Питерса.

Я вздрогнул. Уолтерс была прекрасной сестрой и, кроме того, весьма приятной и красивой молодой особой. Чистый галльский тип — синевато-черные волосы, голубые глаза с удивительно длинными черными ресницами, молочно-белая кожа, да, изумительно привлекательная девушка. Минуту помолчав, я сказал:

— Ну, вот, Брэйл, все ваши догадки летят к черту. И ваша теория убийств. От Дорнили к Питерсу, затем к Уолтерс. Нет сомнения, что это инфекционная болезнь.

— Разве? — сказал он угрюмо. — Я что-то не очень готов согласиться с этим. Случайно я знаю, что Уолтерс тратит большую часть своих денег на маленькую больную племянницу, которая живет вместе с ней — девочка восьми лет. Идея Рикори об общем интересе подходит и к этому случаю.

— Тем не менее, — мрачно заявил я, — я собираюсь принять все меры против заражения.

Во время этого разговора мы оделись и сели в мою машину. Госпиталь был всего в двух кварталах, но нам не хотелось терять ни одной минуты. Я приказал перевести Уолтерс в изолятор. Осматривая ее, я обнаружил ту же пластичность тела, что у Питерса. Но, в отличие от него, ее глаза и лицо не выражали интенсивного ужаса, хотя страх в лице был. Страх и отвращение, никакой паники. Опять у меня было впечатление, что она смотрит и наружу и внутрь. Когда я осматривал ее, я ясно увидел, что на несколько мгновений она узнала меня, и глаза ее приняли умоляющее выражение. Я посмотрел на Брэйла, он кивнул, он тоже заметил это.

Дюйм за дюймом я осмотрел ее тело. Оно было совершенно чисто, за исключением розовой полоски на подошве правой ноги. Внимательный осмотр привел меня к выводу, что это было какое-то поверхностное повреждение. Оно совершенно зажило, кожа была здоровой.

Во всем остальном случай был аналогичен случаю Питерса и другим. Она потеряла сознание сразу же, когда собиралась уходить домой. Мои вопросы ее подругам были прерваны восклицанием Брэйла. Я повернулся к кровати и увидел, что рука Уолтерс слегка приподнята и дрожит, как будто это действие стоило ей огромного напряжения воли. Палец на что-то указывал. Я посмотрел в указанном направлении.

Она указывала на розовую полоску на ноге, и на эту полоску смотрели ее глаза.

Напряжение было слишком велико, рука упала, глаза снова наполнились страхом. Но нам было ясно, что она хотела что-то сообщить нам, что-то, связанное с ее зажившим ожогом на ноге. Я стал спрашивать сестер, не рассказывала ли она им чего-нибудь о повреждении ноги. Никто ничего не слышал. Сестра Роббинс, однако, сообщила мне, что она жила вместе с Гарриет и Дианой. Я спросил, кто такая Диана, и она ответила мне, что это имя маленькой племянницы Уолтерс.

Роббинс собиралась уходить, и я попросил ее зайти ко мне сейчас же, как только она придет на работу.

Хоскинс взял кровь на анализ. Я попросил его быть очень внимательным и сообщить мне сейчас же, если он найдет светящиеся корпускулы. Бартенс — прекрасный эксперт по тропическим болезням — случайно был в госпитале, а также Сомерс — специалист по мозговым болезням, пользовавшийся моим большим доверием. Я привлек их к моим наблюдениям, ничего не рассказывая о предыдущих случаях. Пока они осматривали Уолтерс, Хоскинс вернулся и сказал, что он выделил светящийся корпускул. Я попросил обоих врачей пойти с Хоскинсом и сказать мне потом свое мнение. Они вернулись несколько озабоченные и взволнованные. Хоскинс, говорили они, показал им лейкоцит, содержащий «фосфоресцирующее ядро». Они смотрели в микроскоп, но не нашли его. Сомерс серьезно посоветовал мне проверить у глазного врача зрение Хоскинса. Бартенс сказал ехидно, что он удивился бы меньше, если бы увидел миниатюрную русалку, плавающую внутри артерии.

По этим замечаниям я еще раз понял, как умно я поступил, что молчал обо всем деле.

Ожидаемая смена выражения лица у Уолтерс не появлялась. Продолжало держаться выражение ужаса и отвращения. Бартенс и Сомерс — оба — заявили, что это выражение необычно. Оба они согласились с тем, что состояние больной вызвано каким-то повреждением мозга. Они не нашли никаких признаков инфекции, яда или наркотика. Согласившись с тем, что случай очень интересный, и попросив меня сообщить о дальнейшем течении болезни, они удалились.

В начале четвертого часа появились изменения выражения лица, но не так, как мы со страхом ожидали. На лице появилось только отвращение. Один раз мне показалось, что по лицу пробежало и моментально исчезло дьявольски-злобное выражение.

В середине четвертого часа глаза ее снова узнали нас. Сердце стало работать медленнее, но я чувствовал какую-то концентрацию нервных сил.

И затем ресницы начали подниматься и падать: медленно, как буд-

то с огромным усилием, причем равномерно и как будто целеустремленно.

Четыре раза они поднимались и опускались, затем — пауза, затем они закрылись и снова открылись. Она повторила это дважды.

— Она пыталась что-то просигнализировать, — прошептал Брэйл, — но что?

Снова длинные ресницы опустились и поднялись четыре раза... пауза... девять раз... пауза... один раз...

— Она умирает, — шепнул Брэйл.

Я опустился на колени со стетоскопом у ушей... медленнее билось сердце... еще медленнее... и остановилось.

— Она умерла, — сказал я и поднялся. Мы наклонились над ней, ожидая последней ужасной спазмы, — или как это еще назвать. Но ее не было. На лице все еще держалось выражение отвращения. Никакой дьявольской радости. Никаких звуков. Под моей рукой я чувствовал, как быстро затвердевает ее рука.

Неизвестная смерть погубила сестру Уолтерс — в этом не было сомнений. Но каким-то неясным, подсознательным путем я чувствовал, что она не победила ее полностью.

Ее тело — да. Но не ее волю.

СЛУЧАЙ В МАШИНЕ РИКОРИ

Я вернулся домой вместе с Брэйлом, глубоко потрясенный. Трудно описать всю последовательность событий, о которых я рассказываю с начала и до конца. Все время я чувствовал себя так, как будто находился в тени чего-то неизведанного. Нервы мои были напряжены, как будто я находился под наблюдением кого-то невидимого, пребывающего вне нашей жизни... подсознание мое словно билось в дверь сознания, призывая быть настороже... Странные фразы для медика? Пусть!

Брэйл был жалок и совершенно измучен. Я задумался о том, испытывал ли он только профессиональный интерес к умершей девушке. Если между ними что-нибудь было, он не сказал мне об этом.

Мы пришли ко мне домой около четырех часов утра. Я настоял, чтобы Брэйл остался со мной. Я позвонил в госпиталь и спросил, не появлялась ли сестра Роббинс? Ее не было. Я заснул на несколько часов беспокойным и нервным сном.

Вскоре после девяти Роббинс вызвала меня по телефону. Она была в истерике от неожиданного горя. Я попросил ее прийти ко мне, и когда она явилась, мы с Брэйлом задали ей ряд вопросов.

— Около трех недель тому назад, — сказала она, — Гарриет принесла домой для Дианы прелестную куклу. Ребенок был очарован. Я спросила Гарриет, где она достала ее, и она ответила, что в стран-

ной маленькой лавочке на окраине города. «Джоб, — сказала она (мое имя Джобина), — там сидит странная женщина. Я вроде даже боюсь ее, Джоб». Я не обратила внимания на это. Кроме того, Гарриет вообще не была очень разговорчивой. Мне даже показалось, что она сожалеет о том, что сказала это. Теперь, когда я все это вспоминаю, мне кажется, что Гарриет вела себя после этого как-то странно. То она была весела, то... ну, как бы сказать?.. задумчива. Около десяти дней тому назад она вернулась домой с забинтованной ногой. Правой? Да. Она сказала, что пили чай вместе с женщиной, у которой она достала куклу для Дианы. Чайник опрокинулся, и горячий чай пролился ей на ногу. Женщина смазала ногу какой-то мазью, и теперь она нисколько не болит. «Но я думаю, что должна смазать ногу чем-нибудь своим», — сказала она мне. Затем она спустила чулок и начала развязывать бинт. Я вышла на кухню, и она позвала меня посмотреть ногу. «Странно, — сказала она, — здесь был ужасный ожог, Джоб. И он уже практически зажил, а не прошло и часа, как она смазала мне его мазью».

Я посмотрела на ее ногу. На подошве была большая красная полоска. Но она совершенно зажила, и я сказала ей, что чай, видимо, не был горячим. «Но это был ожог, Джоб, — сказала она. — Я хочу сказать — сплошной пузырь». Она сидела и глядела на повязку и на свою ногу некоторое время. Мазь была голубоватая и как-то странно блестела, словно светилась. Я никогда не видела ничего подобного. Запаха не было. Гарриет подняла бинт и сказала: «Джоб, выбрось его в огонь». Я бросила бинт в огонь. Я заметила, что он как-то странно мерцал. Он как будто не горел, а просто померцал некоторое время и исчез. Гарриет побледнела. Потом снова поглядела на свою ногу. «Джоб, — сказала она, — я никогда не видела, чтобы что-нибудь заживало так быстро, как моя нога. Она, должно быть, ведьма!»

«Господи, о чем ты говоришь, Гарриет?» — спросила я. «О! ничего, — ответила она. — Только мне хотелось бы разрезать это место и втереть в рану что-нибудь, противодействующее этой мази».

Затем она рассмеялась, и я решила, что все это шутка. Но она смазала место ожога йодом и завязала чистым бинтом.

На следующее утро она разбудила меня и сказала: «Посмотри теперь на мою ногу. Вчера на нее был вылит чайник кипятка, а теперь кожа даже не нежная. На самом деле кожа должна быть еще тонкой. Джоб, я хотела бы, чтоб ожог существовал».

Это все, доктор Лоуэлл. Она больше ничего не говорила. Казалось, она забыла все это дело. Да. Я спрашивала ее, где находится лавочка, и кто была эта женщина, но она не сказала мне, не знаю, почему. Но после всего этого я никогда не видела ее веселой и беспечной, как прежде... О, я не понимаю, почему она должна была умереть? Я не понимаю... не понимаю...

Брэйл спросил:

— Число 491 значит что-нибудь для вас, Роббинс? Не можете ли вы ассоциировать его с каким-нибудь адресом, который знала Гарриет?

Она подумала, потом покачала головой. Я рассказал ей о движениях век Гарриет, обозначающих определенные цифры.

— Она явно хотела передать нам что-то этими цифрами. Подумайте-ка еще.

Вдруг она выпрямилась и стала считать что-то на пальцах. Затем кивнула.

— А не могла ли она пытаться передать какое-то слово? Может быть, это буквы: «Д», «И» и «А». Это три первые буквы — «Диана».

— Да, конечно, это довольно просто. Она могла попытаться попросить нас позаботиться о ребенке.

Я взглянул на Брэйла. Он отрицательно покачал головой.

— Она знала и так, что я это сделаю, — сказал он. — Нет, это что-то другое.

Вскоре после ухода Роббинс позвонил Рикори. Я сказал ему о смерти Уолтерс. Он был искренне расстроен. Затем мы занялись грустным делом — вскрытием и обследованием трупа. Результаты были такие же, как и в случае Питерса. Не было ничего такого, отчего девушка могла умереть. Около четырех часов следующего дня Рикори снова позвонил по телефону.

— Будете ли вы дома между шестью и девятью, доктор?

В голосе его чувствовалось сдерживаемое волнение.

— Конечно, если это нужно, — ответил я, взглянув в свою записную книжку. — Вы нашли что-нибудь, Рикори?

Он помолчал, раздумывая.

— Не знаю, может быть, да.

— Вы подразумеваете, — я даже не пытался скрыть волнение, — предполагаемое место, о котором мы говорили?

— Возможно. Я узнаю позже. Я еду сейчас туда.

— Скажите мне, Рикори, что вы предполагаете там найти?

— Кукол, — ответил он. И, словно избегая дальнейших расспросов, повесил трубку.

Куклы! Я сидел задумавшись. Уолтерс купила куклу. И в этом самом месте она получила повреждение, которое так обеспокоило ее, или, скорее, необычное поведение ожога смутило ее. У меня не было сомнения после рассказа Роббинс, что именно через этот очаг она получила свое заболевание — она пыталась нам это объяснить. Мы не ошиблись в объяснении ее первого безнадежного усилия указать нам на причину болезни. Конечно, она могла ошибиться. Ожог, или, вернее, мазь могли не иметь ничего общего с ее гибелью. И все-таки Уолтерс любила ребенка, а дети были тем общим интересом, который

объединил всех, умерших так же, как и она. И, конечно, дети больше всего любят кукол. Что же обнаружил Рикори?

Я позвонил Брэйлу, но не мог вызвать его. Я вызвал Роббинс и попросил ее немедленно принести куклу, что она и сделала.

Кукла была исключительно хороша. Она была вырезана из дерева и затем покрыта гипсом. Она была поразительно похожа на живого ребенка — ребенка с маленьким личиком эльфа. Ее платье было покрыто изысканной вышивкой — народное платье какой-то страны, которую я не мог определить. Эта вышивка была просто музейной вещью и стоила, конечно, больше, чем сестра Уолтерс могла себе позволить. На ней не было никакой марки с указанием мастера или хозяина магазина. Осмотрев ее внимательно, я спрятал ее в ящик стола. Я с нетерпением ждал звонка Рикори.

В семь часов раздался нетерпеливый звонок в дверь. Отворяя дверь из кабинета, я услышал голос Мак-Канна в гостиной и попросил его войти. Я сразу же понял, что что-то неблагополучно. Его загорелое лицо было изжелта-бледным, глаза смотрели изумленно.

— Пойдемте к машине. Хозяин, кажется, умер.

— Умер?! — воскликнул я и бросился к машине, вниз по лестнице. Шофер стоял у дверцы. Он открыл ее, и я увидел Рикори, сжавшегося в комочек в углу заднего сиденья. Я не слышал пульса, и когда я поднял ему веки, его глаза взглянули на меня невидящим взглядом. Но он был теплым.

— Вносите его, — приказал я.

Мак-Канн и шофер внесли его в дом и поместили на кушетку в моем кабинете. Я нагнулся над ним со стетоскопом. Сердце не билось. Дыхания не было. Я сделал несколько простых исследований. По всей видимости, Рикори был мертв. И все-таки я не мог успокоиться. Я проделал все, что делается в сомнительных случаях: безрезультатно...

Мак-Канн и шофер стояли позади меня. Они прочли приговор на моем лице. Они обменялись каким-то странным взглядом. Явно каждый из них сдерживал панический страх, шофер был напуган в большей степени, чем Мак-Канн. Последний спросил меня ровным монотонным голосом:

— Может ли это быть отравлением?

— Да, может... — Я остановился. Яд! Вот этот таинственный визит, о котором он говорил мне по телефону! А возможность отравления в других случаях! Но эта смерть — я опять почувствовал сомнение — не была такой, как все...

— Мак-Канн, — сказал я, — когда и где вы заметили, что не все благополучно?

Он ответил так же монотонно:

— За шесть кварталов от вас. Хозяин сидел близко ко мне. Неожиданно он сказал: «Господи!». Как будто испугался. Прижал руки

к груди, застонал и словно окаменел. Я сказал ему: «Что с вами, босс, вам больно?» Он не ответил мне, затем свалился в мою сторону, глаза его были широко открыты. Он показался мне мертвым. Тогда я крикнул Полю, чтобы он остановил машину, и мы оба осмотрели его. Затем на всех парах примчались сюда.

Я прошел в кабинет и налил им по стаканчику спирта и бренди. Они нуждались в этом. Я покрыл Рикори простыней.

— Сядьте, — сказал я, — и ты, Мак-Канн, расскажи мне то, что случилось с того момента, как вы выехали с Рикори из дома. Не опускай деталей.

Он начал:

— Около двух часов босс поехал к Молли — это сестра Питерса, — оставался у нее час, вышел, поехал домой и приказал Полю вернуться за ним в 4.30. Но он много говорил по телефону, поэтому мы выехали только в пять. Он приказал Полю ехать на одну маленькую улицу за Бэттери-парком. Он велел Полю ехать по улице, а остановить машину возле парка. А мне он сказал: «Мак-Канн, я пойду туда один. Я хочу, чтобы они знали, что я пришел один». Он добавил: «У меня для этого есть причины. А ты находись поблизости, но не заходи, пока я не позову тебя». Я сказал: «Босс, вы думаете, это безопасно?» — «Ах! — ответил он. — Я знаю, что делаю, делай, что я тебе говорю». Поэтому я замолчал.

Мы приехали, и Поль сделал, как ему было приказано, а босс пошел по улице и остановился у маленькой лавочки с куклами на окне. Я посмотрел на лавочку, когда проходил мимо. Она была плохо освещена, но я заметил массу кукол внутри и худую девушку за кассой. Она показалась мне бледнее рыбьего брюха. Босс стоял минуту у окна, а затем вошел внутрь, и я опять прошел мимо, и девица, показалось мне, стала еще бледнее, так что я подумал, что никогда не видел человека с таким цветом лица, стоящего на ногах.

Босс поговорил с девушкой, и она показала ему несколько кукол. Следующий раз, когда я проходил мимо окна, я увидел в лавке женщину. Она была очень крупная. Я постоял у окна минуты две, рассматривая ее, так как никогда не видел никого похожего на нее. Лицо у нее было коричневого цвета и похоже на лошадиное, над губами усы, много больших родинок, бородавок, и она как-то странно смотрела на бледную девицу. Большая и толстая. Но как щурились ее глаза! Бог мой! Какие глаза! Большие, черные и блестящие, и почему-то они мне особенно не понравились, впрочем, как и она сама. Следующий раз, когда я проходил мимо, босс стоял у прилавка и разговаривал с большой женщиной. В руках у него была пачка чеков, а девушка смотрела совсем испуганно. Я снова прошел мимо, и уже по-настоящему испугался, когда не увидел ни хозяина, ни дамы. Поэтому я стал у окна и смотрел в него, поскольку очень не люблю терять босса из вида.

Затем босс вышел из двери, находящейся в углу лавки. Он был рассержен невероятно и нес сверток, а женщина шла позади, и глаза ее метали молнии. Босс что-то говорил, но я ничего не слышал, дама тоже что-то кричала и делала какие-то смешные движения руками. Какие-то смешные, нелепые движения. Но босс, не обращая на нее внимания, пошел к двери и сунул при этом сверток под пальто и застегнул пуговицы. Это была кукла; я видел ее ноги, болтающиеся в воздухе, когда он запихивал ее под пальто. Большая кукла, очень большая...

Он остановился и начал механически отыскивать сигарету, затем взглянул на покрытое простыней тело и отшвырнул ее в сторону.

— Я никогда раньше не видел босса таким сердитым. Он бормотал что-то по-итальянски, повторяя часто «Пресвятая дева Мария!» Я видел, что говорить с ним пока что не следует. Поэтому шел рядом молча. Один раз он сказал мне, правда, как будто говорил сам с собой: «В Библии сказано, что нельзя позволять жить ведьме на свете!»

Так он продолжал бормотать, крепко прижимая к себе куклу под пальто. Мы подошли к машине, и он приказал Полю скорее ехать к вам, и к черту правила уличного движения. Так ведь, Поль? Когда мы сели в машину, он перестал бормотать и сидел спокойно до тех пор, пока я не услышал, как он сказал: «Иезус, Мария!» Я об этом уже рассказывал вам. И это все, не правда ли, Поль?

Шофер не ответил. Он сидел, глядя на Мак-Канна каким-то умоляющим взглядом. Я ясно видел, как Мак-Канн отрицательно покачал головой. Шофер сказал с сильным итальянским акцентом:

— Я не видел лавку, но все остальное правда.

Я встал и подошел к телу Рикори.

Я собирался поднять простыню, когда что-то меня остановило.

Красное пятнышко величиной с монету. Кровяное пятнышко. Дотронувшись до него пальцем, я осторожно опустил простыню. Пятно было как раз напротив сердца Рикори.

Я взял одну из самых сильных моих луп и вынул самый тонкий из моих зондов. Под лупой я увидел на груди Рикори крохотный укол, не больше, чем от тончайшей иглы. Осторожно я вставил в него зонд. Он легко скользнул вниз, пока не дотронулся до стенки сердца. Дальше он не пошел.

Какая-то острая, тонкая игла прошла через грудь Рикори, прямо к сердцу.

Я посмотрел на него с сомнением: не было причин умирать от такого укола. Если, конечно, орудие не было отравлено или если укол не сопровождался каким-нибудь шоком. Но такой шок вряд ли мог убить Рикори — человека, привыкшего ко всему в своей жизни.

Нет, несмотря на мои исследования, я не был уверен в смерти Рикори. Но я не сказал об этом Мак-Канну. Живой он или мертвый,

но Мак-Канн должен объяснить ужасный факт. Я повернулся к паре, которая внимательно следила за каждым моим движением.

— Вы говорите, вас было всего трое в машине?

Снова я увидел, как они переглянулись.

— Была еще кукла, — сказал Мак-Канн как-то вызывающе.

Я отмахнулся от этого ответа с нетерпением.

— Я повторю вопрос: вас было только трое в машине?

— Трое людей, да!

— Тогда, — сказал я угрюмо, — вам следует многое объяснить. Рикори был убит. Заколот. Я должен вызвать полицию.

Мак-Канн встал и подошел к телу. Он взял лупу и долго смотрел на маленькое пятнышко укола. Затем повернулся к шоферу.

— Я говорил тебе, что это сделала кукла, Поль!

В МАШИНЕ РИКОРИ

Я сказал: — Конечно, ты не думаешь, что я этому поверил?

Он не ответил, размял вторую сигарету в пальцах и закурил, шофер приблизился к телу Рикори, опустился на колени и стал молиться Мак-Канн, к моему удивлению, совершенно успокоился. Было похоже на то, что установление причины смерти Рикори восстановило его обычное хладнокровие и самоуверенность. Он сказал почти весело:

— Я должен заставить вас поверить!

Я подошел к телефону. Мак-Канн прыгнул ко мне и остановился, загородив телефон спиной.

— Подождите минутку, док. Если я принадлежу к тому типу крыс, которые могут вонзить иглу в тело человека, который нанял меня, чтобы охранять его, не кажется ли вам мое поведение непонятным? Как вы думаете, что в этом случае помешало бы нам с Полем просто удрать?

Откровенно говоря, я об этом не подумал. Только теперь мне стало понятно, в какое опасное положение попал я сам. Я взглянул на шофера. Он поднялся с колен и стоял, внимательно глядя на Мак-Канна.

— Я вижу, что вы не все поняли, — Мак-Канн невесело улыбнулся. Он подошел к итальянцу. — Дай-ка мне твои игрушки, Поль.

Шофер молча погрузил руки в карманы и передал ему пару автоматических пистолетов. Мак-Канн положил их на стол. Он добавил к ним свои два револьвера.

— Сядьте, док, — сказал он и указал на мой стул у окна. — Это вся наша артиллерия. Пусть она будет у вас под руками. Все, о чем я прошу вас — не звоните никому, пока не выслушаете.

Я сел, положил рядом с собой оружие, проверил, заряжены ли револьверы. Они были заряжены.

— Док, — сказал Мак-Канн, — я хочу, чтобы вы подумали над тремя вещами.

Первое — если бы я был хоть в какой-то мере виноват в смерти босса, разве я так вел бы себя?

Второе — я сидел с правой стороны от него. На нем было толстое пальто. Как бы я мог проткнуть его тончайшей иглой через одежду и через куклу? Да еще сделать это так, чтобы он не заметил? Рикори ведь был сильным человеком. Да и Поль заметил бы что-нибудь.

— А если Поль сообщник?

— Верно, — согласился он. — Это так. Поль сидел в той же луже, что и я. Не так ли, Поль?

Он быстро взглянул на шофера, который молча кивнул. — Ладно, оставим это под вопросом. Возьмем третье обстоятельство: если я убил босса этим путем, а Поль был со мной, неужели мы привезли бы его к единственному человеку, который мог понять, как он был убит? А когда вы определили причину смерти, как мы и ожидали, рассказать вам всё так, как оно было, и тем погубить себя? Иезус, Мария, док, я не такой идиот, чтобы так поступить.

Лицо его исказилось.

— И зачем мне убивать его? Я бы прошел через ад за него, и он знал это. И Поль тоже.

Я почувствовал правоту всего сказанного. В глубине души я был уверен, что Мак-Канн говорит правду, или, по крайней мере, то, что кажется ему правдой. Он не убивал Рикори. И все же сваливать это на куклу было слишком фантастично... А в машине было всего три человека. Мак-Канн словно читал мои мысли.

— Это могла быть какая-нибудь механическая кукла, — сказал он. — Заводная, приспособленная для удара.

— Мак-Канн, сойди вниз и принеси мне ее, — приказал я резко.

Он дал наконец-то рациональное объяснение.

— Ее там нет, — сказал он и усмехнулся невесело. — Она выпрыгнула.

— Нелепость... — начал я.

Шофер перебил меня.

— Но это верно. Что-то выпрыгнуло, когда я открыл дверь. Я подумал, что это кошка или какой-нибудь другой зверек. Я сказал: «Кой черт!» — и тут увидел ее. Она бежала со всех ног. Затем остановилась и потом исчезла в тени. Я видел ее один момент, как блеск молнии. Я сказал Мак-Канну: «Что за черт!» Мак-Канн шарил в машине. Он сказал: «Это кукла. Она убила босса!» Я ответил: «Кукла? Что ты хочешь сказать?» Он объяснил. Я ничего не знал о кукле раньше, хотя видел, что босс нес что-то под пальто. Я не знал, что там у него. Но я видел эту проклятую штуку — не кошку и не собаку. Она выпрыгнула из машины и проскочила у моих ног.

Я спросил иронически:

— Вы считаете, Мак-Канн, что эта механическая кукла была заведена так, что могла убить и убежать после этого, не так ли?

Он покраснел, но ответил спокойно:

— Я не утверждаю, что это механическая кукла. Но всякое другое представление было бы сумасшествием, не правда ли?

— Мак-Канн, — сказал я, — чего вы хотите от меня?

— Док, когда я был в Аризоне, там умер один фермер. Умер неожиданно. Там был один парень, который, казалось, был сильно замешан в этом. Шериф сказал: «Я не думаю, что ты это сделал, но я единственный придерживаюсь такого мнения. Что ты мне на это скажешь?» Парень ответил: «Шериф, дайте мне две недели, и если я не притащу человека, который это сделал, вы можете повесить меня». Шериф сказал: «Прекрасно. Временное определение: умер от шока». Это и был шок. От пули. Ну вот, еще до конца второй недели явился этот парень с убийцей, привязанным к его седлу.

— Я понял тебя, Мак-Канн. Но здесь не Аризона.

— Я знаю. Но разве вы не можете сказать всем, что он умер от инфаркта? Временно? И дать мне одну неделю? Тогда, если я не явлюсь, обвиняйте меня. Я не убегу. Это единственный путь, док. Если вы скажете полиции... лучше возьмите один из этих револьверов и убейте меня с Полем сейчас же. Если мы скажем им о кукле, они умрут от смеха и сейчас же отправят нас в Синг-Синг. Если мы ничего им не скажем, будет то же самое. Если каким-нибудь чудом полицейские потеряют нас... вы знаете, среди ребят босса найдутся такие, которые могут помочь нам, — тогда все останется невыясненным навсегда. Я говорю, док, вы убьете двух невиновных людей. И никогда не узнаете, кто убил босса, потому что никто не станет искать настоящего убийцу. Зачем это им?

Облако сомнения собралось вокруг моей уверенности в виновности этих людей. Предложение, кажущееся наивным, было хитро задумано. Если я соглашусь, Мак-Канн и шофер будут иметь целую неделю, чтобы скрыться. Если они не вернутся, и я расскажу правду, я буду выглядеть как сообщник. Если я скрою причину смерти и ее обнаружат другие, я буду обвинен в невежестве. Если их поймают, и они во всем признаются, опять я буду выглядеть, как сообщник. Мне пришло в голову, что сдача мне оружия Мак-Канном была необыкновенно умно задумана. Я не могу показать, что мое согласие было вынужденным. И, кроме того, это могло быть хитрым жестом с целью завоевать мое доверие, ослабить сопротивление его просьбе. Разве я знал достоверно, что у них не осталось больше оружия, которое они могли употребить в случае моего отказа?

Пытаясь найти выход из этой ловушки, я подошел к Рикори, положив оружие в карман халата. Я нагнулся над ним. Он похолодел,

но это не был холод смерти. Я еще раз внимательно осмотрел его. И вдруг я почувствовал слабое биение сердца... в углу его рта начал появляться и исчезать пузырек... Рикори был жив! Я продолжал осматривать его, быстро обдумывая положение. Рикори был жив, да! Но это не спасало меня. Опасность даже увеличилась. Если Мак-Канн покушался, если оба они были в заговоре и вдруг узнают, что их попытка кончилась неудачей, не захотят ли они докончить ранее начатое дело? Если Рикори жив и сможет говорить и обвинять их — им грозила смерть даже скорее, чем если бы их осудили. Приговор в банде Рикори выносился им самим. А убивая Рикори, они должны будут покончить со мной.

Все еще наклоняясь, я сунул руку в карман, достал револьверы, быстро вынул их и направил на обоих сразу.

— Руки вверх! Вы оба! — сказал я.

Удивление появилось на лице Мак-Канна, сосредоточенность на лице Поля. Оба подняли руки. Я сказал:

— Нет смысла в вашем умном предложении, Мак-Канн. Рикори не умер. Когда он сможет говорить, он сам скажет, что с ним случилось.

Я не был готов к тому, какое действие окажет мое заявление. Если Мак-Канн не был искренен, то он был изумительным актером. Его тело напряглось. Я редко видел такое радостное облегчение, какое появилось на его лице, слезы катились по его загорелым щекам. Шофер опустился на колени, рыдая и молясь. Мои подозрения исчезли. Я не мог поверить, что это игра. Мне даже стало как-то стыдно за себя.

— Вы можете опустить руки, ребята, — сказал я и положил револьверы в карманы своего халата.

Мак-Канн спросил хрипло:

— Он будет жить?

Я ответил:

— Считаю, что должен. Если только нет никакой инфекции, можно быть в этом уверенным.

— Благодарение Богу! — прошептал Мак-Канн и снова и снова повторил эти слова. В этот момент вошел Брэйл и остановился, с удивлением глядя на нас.

— Рикори закололи. Я расскажу все после, — сказал ему я. — Крошечный укол над сердцем, а может быть, и в сердце. Он страдает главным образом от шока. Сейчас он приходит в себя. Возьмите его в палату и проследите, пока я приду.

Я быстро сказал ему, что надо предпринять, какие лекарства ввести, как ухаживать за больным, и когда Рикори унесли, я обратился к его людям.

— Мак-Канн, — сказал я. — Я не собираюсь объясняться. Не теперь. Но вот ваши револьверы. Вы получили свой шанс.

Он взял оружие и посмотрел на меня с каким-то странным теплым блеском в глазах.

— Я не хочу сказать, что не хотел бы знать, что изменило ваше мнение, док, — сказал он, — но что бы вы ни делали — по мне все правильно, лишь бы вы поставили на ноги босса.

— Без сомнения, есть люди, которым следует сообщить о его состоянии, — ответил я. — Это все я поручаю вам. Все, что я знаю, — это только то, что он ехал ко мне. У него был сердечный приступ в машине. Вы привезли его ко мне. Теперь я лечу его от сердечного приступа. Если он умрет, Мак-Канн, тогда будет другое дело.

— Я сообщу, — ответил он. — Вам придется повидаться только с двумя людьми. Затем я поеду в эту кукольную лавку и выбью правду из этой старой карги.

Его глаза прищурились, рот был сжат.

— Нет, — сказал я твердо. — Не сейчас. Поставьте наблюдателя. Если женщина выйдет, следите за ней. Следите за девушкой. Если покажется, что одна из них или обе хотят убежать — пусть бегут. Но следите за ними. Я не хочу, чтобы их трогали или даже пугали, пока Рикори не расскажет нам, что случилось.

— Ладно, — сказал он с неохотой.

— Ваша кукольная сказка, — сказал я ему иронически, — для полиции не будет так убедительна, как для моего доверчивого ума. Смотрите, чтобы они не вмешались в эти дела. Пока Рикори жив, не нужно их беспокоить.

Я отвел его в сторону.

— Можно верить шоферу? Он не будет болтать?

— Поль — правильный парень, — сказал он.

— Ну вот, для вас обоих лучше, если он таким и будет, — предупредил я.

Они ушли. Я пошел к Рикори. Сердце билось сильнее, дыхание было еще слабым, но спокойным. Температура тела все еще низкая. Если, как я сказал Мак-Канну, не будет никакой инфекции и если не было никакого яда на орудии, которым его закололи, он будет жить.

Позже вечером ко мне зашли два очень вежливых джентльмена, выслушали рассказ о самочувствии Рикори, спросили, не могут ли они повидать его, зашли, посмотрели и удалились. Они уверили меня в том, что, «выиграю я или потеряю», я могу не беспокоиться об оплате своего труда или об оплате самых дорогих консультантов. Я убедил их в том, что Рикори, по-видимому, скоро поднимется. Они попросили меня не пускать к нему никого, кроме них и Мак-Канна. Они считали, что спокойней было бы, если бы я согласился поместить пару их людей

в гостиной. Я ответил, что буду очень рад. В необычайно короткий срок два спокойных наблюдательных человека поместились у дверей Рикори, совершенно так же, как когда-то у Питерса.

Во сне вокруг меня танцевали куклы, преследовали меня, пугали. Мой сон был тяжелым.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПОЛИСМЕНА ШЕЛВИНА

К утру состояние Рикори значительно улучшилось. Глубокая кома не прошла, но температура была почти нормальной, дыхание и работа сердца — удовлетворительные. Брэйл и я дежурили поочередно таким образом, что один из нас мог быть всегда вызван сиделкой. Стражи но время завтрака сменялись. Один из моих вчерашних гостей появился, посмотрел на Рикори и получил с теплой благодарностью мой отчет об улучшении его состояния.

Когда я лег спать вчерашней ночью, мне вдруг пришла в голову мысль, что Рикори мог записать что-нибудь в записной книжке о своих поисках, и я почувствовал желание осмотреть его карманы. Момент был удобный. Я сказал своему гостю, что мне бы хотелось посмотреть бумаги Рикори, так как мы с ним были заинтересованы в одном общем деле, для обсуждения которого он и ехал ко мне, когда у него случился приступ.

Я сказал, что у него могут оказаться заметки, интересующие меня. Мой гость согласился, я приказал принести пальто и костюм Рикори, и мы осмотрели их. В карманах были бумаги, но ничего относящегося к интересующему меня вопросу.

Однако во внутреннем кармане пальто оказался странный предмет — тонкая веревочка около 8 дюймов длины, на которой было завязано девять узелков, расположенных на различных расстояниях друг от друга. Это были странные узелки, я таких никогда не видел. Я рассматривал веревочку с каким-то неопределенным, но неприятным чувством. Я взглянул на моего гостя и увидел изумление в его глазах; я вспомнил, что Рикори был суеверен, и решил, что эта завязанная узелками веревочка была, возможно, талисманом или чем-нибудь в таком роде. Я положил ее обратно в карман.

Оставшись один, я снова вынул веревочку и осмотрел ее внимательно. Она была туго сплетена из человеческих волос, волосы были светло-пепельные и, без сомнения, женские. Каждый узелок был завязан по-разному. Узелки были очень сложные. Разница между ними и разные расстояния от узелка к узелку создавали впечатление написанной словами фразы. Изучая узелки, я опять почувствовал себя так, как будто стоял у запертой двери, которую мне жизненно важно было открыть. Это было то же ощущение, которое я испытывал, наблюдая за умирающим Питерсом. Как бы слушаясь какого-то неясного импульса,

я не положил веревочку обратно в карман, я бросил ее вместе к кукле, принесенной Роббинс, в ящик стола. Вскоре после этого мне позвонил Мак-Канн. Я страшно обрадовался, услышав его голос. При свете дня история в машине Рикори казалась невероятно фантастичной.

Все мои сомнения вернулись.

Я снова начал задумываться о своем незавидном положении в случае его исчезновения. Мои настроения, видимо, проскользнули в особо сердечном тоне моего приветствия, потому что он рассмеялся.

— Думали, что я сбежал, док? Нет, вы и силой не могли бы угнать меня отсюда. Вот подождите. Увидите, что у меня есть.

Я с нетерпением ждал его прихода. Он явился не один. С ним был грубый мужчина с красной физиономией и большим бумажным мешком для одежды. Я узнал в нем полисмена, которого встречал на бульваре, хотя раньше я никогда не видел его без формы. Я пригласил их сесть. Полисмен сел на кончик стула и положил мешок себе на колени. Я вопросительно взглянул на Мак-Канна.

— Шелвин, — он махнул рукой в сторону полисмена, — говорит, что знает вас, док. Я привел его к вам.

— Если бы не знал доктора Лоуэлла, я бы здесь не был, Мак-Канн, мой мальчик, — сказал Шелвин угрюмо. — Но у доктора в голове мозги, а не вареная картошка, как у этого проклятого лейтенанта.

— Ладно, — сказал Мак-Канн ядовито. — Во всяком случае доктор пропишет тебе, Тим.

— Я не за этим пришел, — обиделся Шелвин. — Я видел это своими глазами, говорю тебе. И если доктор Лоуэлл скажет мне, что я был пьян или сошел с ума, я пошлю его к черту, как я послал лейтенанта. И я говорю это же и тебе, Мак-Канн.

Я слушал с возрастающим интересом.

— Ну-ну, Тим, — успокаивающим голосом сказал Мак-Канн. — Я тебе верю. Ты даже представить себе не можешь, как я хочу верить тебе, — и почему.

Он кинул на меня быстрый взгляд, и я понял, что, какова бы ни была причина, по которой он привел ко мне полисмена, он ничего не сказал ему о Рикори.

— Видите ли, доктор, когда я сказал вам об этой кукле, что она поднялась и выпрыгнула из машины, вы подумали, что я шарлатан. Ладно, сказал я себе, может быть, она не убежала далеко. Может быть, это была одна из усовершенствованных механических кукол, но и у нее где-то должен кончиться завод. И я отправился искать кого-нибудь, кто видел ее. И я встретил Шелвина. Давай, Тим, расскажи доктору, что ты видел.

Шелвин поморгал глазами, осторожно подвинул свой мешок и начал. У него был упрямый вид человека, повторяющего снова и снова одно и то же. И притом неверящему окружению, так как он посматривал на меня подозрительно и угрожающе повышал голос.

— Это было в час ночи. Я стоял на посту, когда услышал, что кто-то кричит с отчаянием: «Помогите! Убивают! Уберите это прочь!» — вот что он кричал. Я прибежал и увидел парня, стоящего на скамейке в вечернем костюме и шляпе. Он бил что-то палкой, пританцовывал и кричал. Я подошел и ударил его дубинкой. Потихоньку, чтобы обратить на себя внимание; он обернулся и бросился прямо мне в объятия. Мне показалось, что я понял, в чем дело, когда почувствовал, что от него пахнет виски. Я поставил его на ноги и сказал: «Успокойтесь, зеленые черти скоро исчезнут. Это все закон о запрещении спиртных напитков приводит к тому, что люди отвыкают пить, как полагается мужчинам. Скажите мне, где вы живете, и я посажу вас в такси. А может быть, вы хотите в госпиталь?»

Он стоял держась за меня и дрожал.

— Вы думаете, я пьян?

Я посмотрел на него и увидел, что он действительно трезв. Он, может, и был пьян, но теперь совершенно протрезвел. И вдруг он прыгнул на скамейку, завернул брюки, опустил носки, и я увидел кровь, которая текла из доброй дюжины ранок, а он сказал: «Может быть, вы мне скажете, что это сделали зеленые черти?»

Ранки выглядели так, как будто кто-то сделал их иглой для шляпы.

Невольно я взглянул на Мак-Канна. Он отвел глаза. Он спокойно разминал сигарету.

— Я сказал: «Что за черт! Кто сделал это?» А он ответил: «Кукла!»

Я вздрогнул, дрожь пробежала по моей спине, и я снова взглянул на Мак-Канна. Он посмотрел на меня на этот раз предостерегающе. Шелвин тоже смотрел на меня.

— «Кукла!» — сказал он мне, — закричал Шелвин. — Он мне сказал — «Кукла!»

Мак-Канн засмеялся, и Шелвин обернулся к нему. Я сказал торопливо:

— Я понимаю вас, коп. Он сказал вам, что кукла нанесла ему ранения. Это удивительное утверждение, конечно.

— Вы хотите сказать, что не верите мне? — спросил он свирепо.

— Да нет, я верю, что он вам это сказал, — ответил я. — Но продолжайте.

— Ну, конечно, вы скажете еще, что я был пьян, если поверил этому. Это и сказал мне лейтенант с картошкой вместо мозгов.

— Нет, нет, — торопливо уверил его я. Шелвин успокоился и продолжал:

— Я спросил пьяного: «А как ее зовут?»... — «Кого?» — «Да куколку», — сказал я. — «Готов держать пари, что она блондинка, брюнетки не употребляют ножи». — «Коп», — сказал он торжественно, — «Это была кукла. Мужского рода кукла. И когда я говорю «кукла», я имею в виду только куклу. Я шел, прогуливаясь. Я не отрицаю, что немного выпил, но был только навеселе. Я шел, размахивая тростью, и уронил ее у этих вот кустов. Я нагнулся, чтобы достать ее, и увидел куклу. Это была большая кукла, она лежала скрюченная в канавке, как будто ее потеряли. Я хотел поднять ее. Когда я дотронулся до нее, она вдруг вскочила, как будто я нажал на пружину. Она прыгнула выше моей головы. Я удивился и испугался и начал искать ее, когда вдруг почувствовал страшную боль в икре, как будто ее прокололи.

Я подпрыгнул и увидел куклу с иглой в руке, приготовившуюся ударить меня снова». «Может быть, — спросил я, — это был карлик?» — «К черту карлика», — ответил он. — «Это была кукла, и она уколола меня шляпной иголкой. Она была около двух футов высотой, с голубыми глазами. Она смеялась так, что у меня кровь похолодела от ужаса. И пока я стоял, парализованный страхом, она опять и опять ударяла меня. Я думал, что она убьет меня, и стал орать. А кто бы не стал? И вот вы пришли, и кукла снова нырнула в кусты. Ради бога, коп, проводите меня до такси, потому что я не скрываю, что напуган до безумия». Поэтому я взял его за руку, уверенный в том, что спьяну ему все это приснилось, и удивляясь про себя, откуда у него такие ранки на ногах. Мы прошли по бульвару. Он все еще дрожал. Мы остановились, ожидая такси, когда он вдруг заорал: «Вот она идет!»

Я обернулся и вдруг увидел в тени что-то движущееся — не то кошку, не то собаку. Затем вдруг из-за поворота выехала машина и эта кошка или собака сразу же попала под нее. Пьяный страшно закричал, а машина пронеслась с большой скоростью и не остановилась. Она скрылась прежде, чем я успел свистнуть. Мне показалось, что на мостовой что-то шевелится, и я все еще считал, что это кошка или собака. Я подошел к тому, что лежало на мостовой.

Он снял мешок с колен, положил на стол и развязал его.

— Вот что это было.

Из мешка я вынул куклу или то, что осталось от нее. Автомобиль проехал посередине туловища, раздавив его. Одной ноги не хватало, другая висела на ниточке. Одежда была порвана и выпачкана в пыли. Это была кукла, но удивительно похожая на пигмея. Шея безжизненно опускалась вниз. Мак-Канн подошел и поднял голову. Я смотрел, смотрел... волосы шевелились на моей голове... сердце замерло... На меня смотрело лицо Питерса. И на нем, как тонкая вуаль, сохранилась тень той дьявольской радости, которую я наблюдал на лице Питерса, когда смерть остановила его сердце.

Шелвин смотрел на меня, когда я взглянул на куклу. Он был удовлетворен тем действием, которое вид ее произвел на меня.

— Адская штука эта игрушечка, не правда ли? — спросил он. — Доктор это понимает, Мак-Канн. Я тебе говорил, что он умен!

Он снял куклу с колен и посадил ее на край стола, напоминая краснолицего чревовещателя с удивительно злобной куклой — должен сказать, что я не удивился бы, если бы вдруг услышал дьявольский смех, вырвавшийся из ее слегка улыбающегося рта.

— Теперь я хочу рассказать, что произошло дальше, доктор Лоуэлл, — продолжал Шелвин. — Я постоял над ней, затем наклонился и поднял ее. «Здесь что-то не так, Тим Шелвин», — сказал я себе. И я оглянулся на моего пьяного. Он стоял на старом месте, и когда я подошел к нему, спросил: «Ну, что, это была кукла, как я говорил вам? Ха! Я же говорил вам, что это кукла! Это она!» Тогда я сказал ему: «Молодой человек, мой мальчик, тут что-то не так. Ты пойдешь со мной в участок и скажешь лейтенанту все, что ты видел, покажешь ему свои ноги и все такое». И он сказал: «Хорошо, но держи эту штуку подальше от меня». И мы пошли в участок.

Там были лейтенант и сержант, и еще пара ребят. Я подошел и положил куклу на стол перед лейтенантом.

— Что это? — спросил он, ухмыляясь, — опять кража ребенка?

— Покажи ему ноги, — сказал я пьяному. Он показал.

— Кто это сделал? — спросил лейтенант, вставая.

— Кукла, — ответил пьяный. Лейтенант посмотрел на него и сел, моргая. Тогда я рассказал ему все с начала до конца. Сержант и ребята при этом хохотали до слез, а лейтенант покраснел и заорал:

— Ты что, дураком меня считаешь, Шелвин?

— Ах, — сказал я, — я рассказываю вам, что он мне сказал и что я видел сам, и вот вам кукла.

Лейтенант сказал:

— Да, самогон силен, но я никогда не слышал, чтобы его действие было заразительно.

И он поманил меня пальцем:

— Я так и думал. Уходи вон! — и потом он еще орал на пьяного:

— Ты, с трухой под шелковой шляпой, позор для города, как ты смеешь развращать хорошего полисмена и морочить мне голову? Ты сумел сделать первое, но второе тебе не удастся. Посадить его в вытрезвитель, и бросьте эту проклятую куклу с ним для компании!

При этом бедный парень заорал и упал на пол. Он потерял сознание. А лейтенант сказал:

— Несчастный, проклятый дурак... он верит в свое собственное

вранье... — И потом добавил: — Приведите его в чувство и отпустите.

А потом он сказал мне:

— ...Если бы ты не был таким хорошим парнем, Тим, я бы тебя выгнал за это. Возьми свою дегенеративную куклу и отправляйся домой. Я пошлю на твой пост замену. И утром приходи трезвым.

И я сказал ему:

— Ладно, но я видел то, что видел. К черту вас всех, — сказал я смеющимся ребятам. Но все смеялись до колик. Тогда я взял куклу и ушел. — Он остановился и передохнул: — Я взял куклу домой. Я рассказал все Мэгги, моей жене. И что она сказала мне? «...Я думала, что ты давно бросил пить, а ты... Посмотри на себя! Со всей этой болтовней о дерущихся куклах, да еще оскорбил лейтенанта, ты дождешься, что тебя прогонят с работы, а Дженни только что поступила в институт! Ложись спать и проспись хорошенько, а куклу я выкину на помойку».

Но к этому моменту я совсем взбесился, прикрикнул на нее, забрал куклу и ушел. Тут я встретил Мак-Канна, который, видно, знает кое-что, я рассказал ему все, и он привел меня к вам. А для чего, я не знаю.

— Хотите, я поговорю с лейтенантом? — спросил я.

— А что вы можете сказать? — ответил он довольно логично. — Если вы скажете ему, что пьяный был прав и что вы тоже видели, как кукла бежала, что он подумает? Он подумает, что вы такой же сумасшедший, как и мы. А если вы ему докажете, что я не был пьян, они пошлют меня в госпиталь. Нет, доктор, я вам очень благодарен, но все, что остается делать — это молчать, стараться держаться с достоинством и не обращать внимания на шутки и насмешки товарищей. Я благодарен вам за то, что вы так терпеливо выслушали. Теперь я чувствую себя лучше.

Шелвин встал и глубоко вздохнул.

— А что вы думаете? Я хочу сказать, что вы думаете о том, что сказал пьяный, и что я вам рассказал? — спросил он с беспокойством.

— Я ничего не могу сказать о пьяном, — ответил я осторожно. — Что касается вас, то могло случиться так, что кукла давно лежала на мостовой, а кошка или собака перебежала дорогу автомобилю. Собака или кошка убежала, но вы были так заняты куклой, что...

Он перебил меня.

— Ладно, ладно. Этого достаточно. Я оставляю вам куклу с благодарностью за диагноз, сэр.

Шелвин распрощался и вышел. Мак-Канн трясся от беззвучного смеха. Я взял куклу и положил ее на стол. Я посмотрел в ее маленькое злое лицо. Я не чувствовал желания смеяться. По какой-то неясной для меня причине я вынул и вторую куклу из стола и положил ее рядом, затем вынул веревочку со странно завязанными узелками и ее

тоже положил между ними. Мак-Канн стоял возле меня и смотрел. Я услышал, как он тихо свистнул.

— Где вы ее взяли, док? — Он указал на веревочку. Я рассказал. Он снова свистнул. — Я уверен, что босс не знал о том, что она у него в кармане, — сказал он. — Интересно, кто ее туда положил? Конечно, эта карга. Но как?

— О чем ты говоришь? — спросил я.

— Да ведь это лествица — четки ведьмы, — он показал на веревочку. — Так ее называют в Мексике. Это колдовская штука. Ведьма кладет ее вам в карман и приобретает над вами власть...— Он нагнулся над веревочкой. — Да, это ведьмина лествица — на ней 9 узлов, она из женских волос... и в кармане у босса. — Он стоял и смотрел на веревочку. Я обратил внимание на то, что он не сделал попытки взять ее в руки.

— Возьми ее и рассмотри внимательно, Мак-Канн, — сказал я.

— Ну уж нет! — Он сделал шаг назад. — Я вам сказал, что это колдовская штука, док.

Меня все больше и больше раздражал туман суеверия, окружавший меня, и наконец я потерял терпение.

— Слушай, Мак-Канн, — сказал я сердито. — Не пытаешься ли ты, употребляя выражение Шелвина, морочить мне голову? Каждый раз, когда я вижу тебя, я сталкиваюсь с каким-то грубым выступлением против здравого смысла. Сначала кукла в машине. Затем Шелвин. А теперь — лествица ведьмы! К чему ты клонишь? Чего ты хочешь?

Он посмотрел на меня, сощурившись, слабый румянец появился на его скулах.

— Все, чего я хочу, — растягивая по-южному слова, сказал он, — это увидеть босса на ногах. И добраться до того, кто чуть не убил его. Что касается Шелвина — вы не верите ему?

— Нет, — ответил я, — но я все время помню о том, кто был рядом с Рикори, когда его ударили иглой. И я не могу не удивляться тому, как быстро ты нашел Шелвина сегодня.

— И какой вывод?

— Вывод, что пьяный исчез. Вывод, что вполне возможно, что это был твой сообщник. Вывод, что весь эпизод, произведший такое впечатление на достопочтенного Шелвина, мог быть хитроумно разыгранной сценой, а кукла на мостовой и несущийся автомобиль — просто спланированный маневр. Так или иначе, но ведь я только по твоим и шофера словам знаю, что кукла не была в машине все то время, что вы были у меня вчера вечером. Еще вывод...

Я остановился, отдавая себе отчет, что обрушиваю на него мое скверное, вызванное глубоким недоумением настроение.

— Я кончу за вас, — сказал он, — вывод, что я стою за всем этим.

Лицо его побелело. Мускулы напряглись.

— Вам везет, что вы мне нравитесь, док, — продолжал он. — Еще лучше то, что я знаю о вашей дружбе с боссом. И самое лучшее, может быть, то, что вы единственный человек, который может помочь ему, если только ему еще можно помочь. Это все.

— Мак-Канн, — сказал я, — мне жаль, мне очень жаль. Не того, что я сказал, а того, что должен был это сказать. В конце концов, сомнение существует. И от него никуда не денешься. Вы должны признать это. Лучше прямо сказать вам все, чем прятаться и быть двуличным.

— Но какую же я могу иметь цель?

— У Рикори были сильные враги. Он имел также сильных друзей. Для его врагов было выгодно, чтобы его убрали без всякого подозрения, а врач с хорошей репутацией, известный как абсолютно честный и неподкупный человек, дал бы требующееся заключение. Я горжусь, что отношусь к такого рода врачам.

Он кивнул. Лицо его смягчилось, и напряжение исчезло.

— У меня нет доказательств, док. Я ничего не смогу вам ответить. Но я очень благодарен вам за высокое мнение о моем уме. Нужно быть очень умным человеком, чтобы все таким образом устроить. Совсем как в кино, где показывают, как преступник укладывает кирпич, который должен свалиться на голову его врага ровно в 20 минут 16 секунд третьего. Да я должен быть гениальным!

Меня передернуло от этого явного сарказма, но я промолчал. Мак-Канн взял куклу Питерса и стал осматривать ее. Я позвонил по телефону и справился о здоровье Рикори. Вдруг Мак-Канн издал восклицание. Я обернулся. Он кивнул мне, и, протягивая куклу, указал на воротник ее пиджака. Я пощупал это место. Мой палец нащупал что-то вроде головки большой булавки. Я вытащил ее. Это была стальная булавка около 9 дюймов длиной. Она была тоньше обычной шляпной булавки, крепкая и острая. Я сразу понял, что смотрю на инструмент, который вонзился в сердце Рикори.

— Еще одно нарушение здравого смысла, — сказал Мак-Канн. — Может быть, это я засунул ее туда?

— Вы имели такую возможность, Мак-Канн.

Он засмеялся. Я рассматривал странную иглу. Фактически это было тонкое лезвие. Оно было сделано как будто из стали, но в то же время я не был уверен в том, что это металл. Оно совершенно не гнулось. Маленькое утолщение вверху было не более полудюйма и меньше походило на булавочную головку, чем на рукоятку кинжала. Под увеличительным стеклом на нем видны были углубления, как будто для пальцев руки... кукольной руки... кукольный кинжал... На нем были пятна. Я нетерпеливо встряхнул головой и отложил вещь в сторону, решив заняться анализом пятен позже. Это были пятна крови. Я знал это, но нужно было удостовериться. Но, если бы даже это было уста-

новлено, это все же не являлось доказательством того, что кукла применяла это смертоносное оружие.

Я взял куклу Питерса и начал ее детально изучать. Я не мог определить, из чего она сделана. Она не была из дерева, как первая кукла. Более всего материал напоминал сплав резины и воска. Я не знал о существовании такого состава. Я снял с нее одежду. Неповрежденная часть куклы была сделана анатомически совершенно. Волосы были человеческими, искусно вставленными в череп. Глаза — какие-то голубые кристаллы. Одежда была сшита так же искусно, как и одежда куклы Дианы. Висящая нога держалась на проволоке, а не на нитке. Ясно, что кукла была сделана на проволочном каркасе. Я прошел в свой кабинет, взял скальпель, несколько ножей и пилку.

— Подождите минутку, док, — сказал Мак-Канн, который следил за всеми моими движениями. — Вы хотите разрезать эту куклу на части?

Я кивнул. Он сунул руку в карман и вынул острый охотничий нож. Прежде, чем я успел остановить его, он ударил им, как топором, по шее куклы. Он отрезал ее голову, взял ее в руки и стал разглядывать. Выскочила проволочка. Он уронил голову на стол и подвинул ко мне туловище. Голова покатилась. Она остановилась напротив веревочки, которую он называл лествицей ведьмы. Голова, казалось, повернулась и посмотрела на нас. На одну секунду, мне показалось, глаза сверкнули красным огнем, черты лица исказились, выражение злобы усилилось, как на лице живого Питерса в часы его смерти. Я рассердился на себя. Так упал свет, конечно... Я повернулся к Мак-Канну и выругался.

— Зачем ты это сделал?

— Вы значите для босса больше, чем я, — ответил он таинственно.

Я не ответил. Я разрезал туловище куклы. Как я и думал, внутри оказался проволочный каркас. Он оказался сделанным из одного куска проволоки, и так же хитро, как и тело куклы, причем удивительно точно имитировал строение человеческого скелета. Не абсолютно точно, но удивительно аккуратно... Не было никаких сочленений. Вещество, из которого была сделана кукла, было удивительно эластичным. Казалось, я режу что-то живое. И это было... ужасно.

Я посмотрел на отрезанную голову. Мак-Канн наклонился над ней, глядя в ее глаза близко-близко. Руки его сжимали край стола и были напряжены так, как будто он делал огромное усилие, чтобы оттолкнуться. Когда он кинул голову на стол, она остановилась около веревочки с узелками, но теперь эта веревочка обвивалась вокруг шеи куклы и ее лба, как маленькая змейка.

И я ясно видел, как лицо Мак-Канна приближалось к крошечному личику на столе все ближе... ближе... а в лице куклы как бы кон-

центрировалась злоба... Лицо Мак-Канна было бледно, как маска, от ужаса.

— Мак-Канн! — крикнул я и ударил его по подбородку, заставив откинуть голову. При этом — я мог бы поклясться! — глаза куклы уставились на меня, а губы исказились.

Мак-Канн опомнился. Минуту он глядел на меня, а затем бросился к столу, швырнул голову куклы на пол, наступил на нее каблуком и стал топтать ее, как топчут ядовитого паука. Голова превратилась в бесформенную лепешку, все человеческое исчезло, и только два голубых глаза-кристалла все еще мерцали, да веревочка с узелками все еще обвивалась вокруг них.

— Господи! Она... она тянула меня к себе.

Мак-Канн зажег сигарету дрожащей рукой и отбросил в сторону спичку. Спичка упала на то, что было кукольной головой. Затем последовала яркая вспышка, раздался странный стонущий звук, сквозь нас прокатилась волна горячего воздуха. Там, где лежала голова куклы, осталось неправильное пятно сгоревшего паркета. В середине его лежали голубые кристаллы — глаза куклы, лишенные блеска, почерневшие. Веревочка исчезла. И туловище куклы тоже исчезло. На столе стояла пахучая лужица воскоподобной жидкости, из которой поднимались ребра проволочного скелета.

Зазвонил телефон, я машинально ответил:

— Да, что случилось?

— Мистер Рикори... Сэр, он пришел в себя.

Я повернулся к Мак-Канну.

— Рикори пришел в себя.

Он схватил меня за плечи, затем отступил назад, на лице его был страх.

— Да, — прошептал он, — он пришел в себя, когда сгорела ведьмина лествица. Это освободило его. Теперь мы с вами должны беречься!

ДНЕВНИК СЕСТРЫ УОЛТЕРС

Я взял с собой Мак-Канна, когда пошел к Рикори. Очная ставка с начальником была лучшей проверкой его искренности. Я чувствовал, что все странные события, о которых я рассказывал, могли быть частью хитро задуманного плана, в котором мог частично участвовать и Мак-Канн. Отсечение головы куклы могло быть драматическим жестом, предназначенным для того, чтобы воздействовать на меня. Именно он привлек мое внимание к страшному значению веревочки с узлами. Он нашел иглу. Его притягивание отрезанной головой могло быть наигранным. И то, что он бросил горящую спичку, могло быть действием,

рассчитанным на то, чтобы уничтожить улики. Я не чувствовал, что могу доверять своим ощущениям.

И все-таки трудно было себе представить, чтобы Мак-Канн был таким выдающимся актером и таким тонким заговорщиком. Но он мог выполнять инструкции другого человека, способного на такие вещи. Мне хотелось верить ему. Я надеялся, что он с честью выдержит очную ставку. Мне хотелось этого от всей души.

Но ничего не вышло. Рикори был в полном сознании, он не спал, его мозг был таким же живым и здоровым, как всегда. Но тело его не было свободным. Паралич продолжался, не давая ему возможности шевельнуть ни одним мускулом. Он не мог говорить. Глаза смотрели на меня — блестящие и умные, но лицо было неподвижно... Таким же взглядом смотрел он на Мак-Канна.

Мак-Канн прошептал:

— Может ли он слышать?

— Думаю, что да, но он не может сообщить нам об этом.

Мак-Канн опустился около кровати на колени, взял его руки в свои и сказал четко:

— Все в порядке, босс. Мы все работаем.

Это не было поведением виноватого человека, но ведь Рикори не мог говорить! Я сказал Рикори:

— Вы прекрасно поправляетесь. У вас был тяжелый шок, и я знаю причину. Я думаю, что через день-два вы сможете двигаться. У меня есть основания надеяться на это. Не расстраивайтесь, не волнуйтесь, старайтесь не думать ни о чем неприятном. Старайтесь успокоиться. Я вам дам успокоительного. Не старайтесь бороться с его действием. Спите!

Я дал ему снотворное и с удовольствием отметил его быстрое действие. Это убедило меня в том, что он меня слышал.

Я вернулся в свой кабинет вместе с Мак-Канном, сел и глубоко задумался. Никто не знал, сколько времени Рикори будет парализованным. Он мог пролежать в таком состоянии от часа до нескольких месяцев. За это время мне нужно было добиться нескольких вещей.

Во-первых, установить внимательное наблюдение за местом, в котором Рикори достал куклу; во-вторых, узнать все возможное о двух женщинах, о которых рассказывал Мак-Канн; в-третьих, выяснить, что заставило Рикори отправиться в это место. Я решил временно поверить тому, что рассказал Мак-Канн о кукольной лавке. В то же время я не хотел показать ему этого.

— Мак-Канн, — начал я. — Установил ли ты слежку за лавкой, как мы вчера договорились?

— А то как же? Муха не вылетит из нее незамеченной!

— Было ли что-нибудь интересное?

— Ребята окружили весь квартал около полуночи. Окно было

темное. Позади лавки есть помещение. Там тоже окно с тяжелыми ставнями, из-под которых видна полоска света. Около двух часов ночи явилась бледная девушка, и ее впустили, затем свет погас. Утром девица открыла лавку. Через некоторое время в лавке появилась и баба-яга. Наблюдение за ними продолжается.

— А что вы о них узнали?

— Ведьму зовут мадам Мэндилип. Девица — ее племянница. Или она так говорит. Они въехали сюда около восьми месяцев назад. Никто не знает, откуда они приехали. По счетам платят аккуратно. Денег полно. Племянница ходит на рынок. Старуха никогда не выходит из дома. Держатся особняком. Не имеют ничего общего с соседями. У ведьмы имеется ряд покупателей. Большая часть их — богатые люди. Изготовляются два вида кукол: обычные (и все, что нужно для них) и особые, по которым специалистка — старуха. Соседи их не любят. Некоторые считают, что она торгует наркотиками. Это пока все.

Специальные куклы? Богатые люди? Как, например, девица Бэйли или банкир Маршалл? Обычные куклы для таких людей, как акробат или каменщик... Но и эти куклы могли быть специальными, только Мак-Канн не узнал этого.

— Позади лавки, — продолжал он, — две или три комнаты. На втором этаже большая комната вроде склада. Они снимают все помещение. Старуха и девица живут в комнатах позади лавки.

— Хорошая информация! — похвалил я. — Мак-Канн, кукла напомнила тебе кого-нибудь?

Он посмотрел на меня прищурившись.

— Скажите сначала вы мне, — произнес он сухо.

— Ну, хорошо. Мне показалось, что она похожа на Питерса.

— Показалось! — взорвался он. — К черту — показалось! Это была его точная копия!

— И все же ты ничего мне об этом не сказал. Почему? — спросил я подозрительно.

— Будь я проклят! — начал он и сдержался. — Я знал, вы заметили это. Но вы так были заняты уличением меня, что я просто не имел возможности...

— Тот, кто делал эту куклу, должен был хорошо знать Питерса. Питерс должен был позировать, как позируют художнику или скульптору. Почему он это делал? Почему кому-нибудь может захотеться иметь свою копию в виде куклы?

— Разрешите мне повозиться с ведьмой часик — и я вам все скажу, — ответил он мрачно.

— Нет, — я покачал головой. — Ничего в таком духе, пока Рикори не сможет говорить. Но, может быть, мы сумеем выяснить что-нибудь другим путем. У Рикори была какая-то причина пойти в эту лавку. Я знаю, какая. Но я не знаю, что привлекло его внимание к этой

лавке. Мне кажется, что он получил какие-то сведения от сестры Питерса. Достаточно ли хорошо вы ее знаете? Достаточно ли хорошо для того, чтобы поехать к ней и узнать, что она рассказала Рикори? Между прочим, тактично, не говоря о болезни Рикори.

— Если вы расскажете мне больше. Молли не глупа

— Хорошо. Не знаю, сказал ли вам Рикори, что мисс Дорнили умерла. Мы думаем, что имеется связь между ее смертью и смертью Питерса. Мы думаем, что все это имеет какое-то отношение к любви их обоих к ребенку Молли. Дорнили умерла так же, как Питерс...

— Вы хотите сказать, что... с такими же особенностями? — прошептал он.

— Да. Мы имели основание думать, что оба они заразились в одном месте. Рикори решил, что Молли может знать это место. Место, где они оба бывали не обязательно в одно и то же время и где могли заразиться. Может быть, даже были зараженными нарочно... Ясно, что Молли направила его к Мэндилип. Тут есть одна неловкость — я не знаю, сказал ли ей Рикори о смерти брата. Если он ничего ей не сказал, ты тоже не должен говорить.

— А вы много кое-чего знаете, док.

— Да, — ответил я откровенно, — но я сказал тебе достаточно.

— Да? Ну что ж, может быть, — он посмотрел на меня мрачным взглядом. — Так или иначе, но я скоро узнаю, сказал ли он об этом Молли. Если да, наша беседа будет вполне естественной. Если нет... ну, ладно, я позвоню вам. До свиданья.

Он ушел. Я подошел к остаткам куклы на столе. Душистая лужица затвердела и грубо приняла форму человеческого тела. При этом у нее был исключительно неприятный вид, с миниатюрными ребрами и просвечивающим проволочным позвоночником.

Преодолевая отвращение, я собирал вещество для анализа, когда пришел Брэйл. Я был так обрадован улучшением состояния Рикори, что не сразу заметил его бледность и задумчивость; я прервал свой рассказ о владевших мной сомнениях, чтобы спросить его, в чем дело.

— Сегодня утром я проснулся с мыслью о Гарриет, — сказал он. — Я знал, что цифры 4, 9, 1, если они означали буквы, не были началом слова «Диана». Эта мысль преследовала меня. Я вдруг сообразил, что это значит — «Дневник» [1]. В свободный час я побежал к Роббинс. Мы обыскали квартиру и нашли дневник Гарриет. Вот он.

Он протянул мне маленькую красную тетрадку и сказал:

— Я уже прочел его.

Я раскрыл тетрадь и переписал оттуда:

---

[1] Буквы d, i, a — 4, 9, 1, Дневник (*англ.*) — diary (*Прим. ред.*).

«3 ноября.

Сегодня со мной случилось странное событие. Зашла в Бэттери-парк посмотреть на новых рыбок в аквариуме. Имела свободный часок после этого и пошла побродить по улицам, заглядывая в лавочки, чтобы купить что-нибудь для Дианы. Наткнулась на очень странную лавочку. На окне стояли прелестнейшие куклы и лежали самые чудесные кукольные платья, какие я когда-либо видела. Я стояла, глядя на них через окно. В лавке была девушка. Она стояла спиной ко мне. Когда она обернулась, лицо ее был совсем бледно, без окраски, а глаза большие и испуганные. У нее была масса волос пепельного цвета, собранных на макушке. Странная девушка! Мы смотрели друг на друга не менее минуты. Затем она быстро покачала головой и сделала знак рукой, как бы предлагая мне уйти... Я была так удивлена, что едва поверила своим глазам. Я уж хотела зайти и спросить, в чем дело, но тут взглянула на часы и увидела, что опаздываю в госпиталь. Я снова посмотрела в лавку и заметила, что дверь, которая вела во внутренние помещения, медленно открывается, девушка сделала жест отчаяния. Что-то было такое во всем этом, что мне захотелось вдруг убежать. Но я не убежала, хотя все-таки повернулась и ушла. Весь день я об этом думала. Мне было любопытно, и я немного сердилась. Куклы и их платья были прелестны. Почему мне нельзя было войти и купить? Я выясню это.

5 ноября.

Сегодня я вернулась в лавку. Тайна стала еще глубже. Только я не думаю, чтобы тут была какая-нибудь тайна. Просто, вероятно, бедняжка немного ненормальная... Я не остановилась у окна, а зашла прямиком в лавку. Когда она увидела меня, ее глаза стали еще более испуганными, и она задрожала. Я подошла ближе к ней, и она прошептала:

— О! Я же сказала вам, чтобы вы ушли. Зачем вы вернулись?

Я засмеялась и возразила:

— Вы странная продавщица. Разве вы не заинтересованы в продаже своих кукол?

Она ответила тихо и быстро:

— Теперь поздно. Вы не можете уйти теперь. Но не она будет выдавать вам. — И затем обычным голосом она сказала громко: — Что вам показать? У нас есть все для кукол. — Переход был так резок, что я поразилась. И тут я увидела, что дверь открылась, та же дверь, что открывалась прежде, и на ее пороге появилась женщина. Она смотрела на меня. Я глядела на нее не знаю сколько времени. Она была особенная. В ней было не меньше 180 сантиметров роста, она была огромная, с громадной грудью, но не жирна. Мощ-

на. Лицо у нее было длинное, и кожа на нем коричневая. Над губой росли усы, волосы густые, серебристо-серые. Но ее глаза просто приковывали меня к месту. Они были огромные, черные, полные жизни. Она, видимо, была ужасно жизнелюбива. Или, может быть, казалась такой рядом с безжизненной девушкой. Нет, конечно, она была полна необычной энергии. У меня по спине пробежала дрожь, когда я смотрела на нее. Я подумала глупо: «Какие у тебя большие глаза, бабушка!» — «Чтобы лучше видеть тебя, дорогая!» — «Какие большие зубы у тебя, бабушка!» — «Чтобы быстрее тебя съесть, дорогая». А у нее действительно были большие зубы, сильные и желтые. Я сказала совсем глупо: «Как поживаете?» Она улыбнулась и дотронулась до моей руки, и я почувствовала странную дрожь от ее прикосновения. Руки у нее были удивительно красивы. Так красивы, что даже жутко! Длинные, с заостренными концами, пальцы белые... Как руки Эль Греко или Боттичелли. Я думаю, что именно это и поразило меня. Казалось, что именно они не принадлежат ее огромному, грубому телу. И глаза тоже. Глаза и руки. Она улыбнулась и сказала: «Вы любите красивые вещи?» Голос ее был такой же, как глаза и руки. Глубокое, богатое контральто. Я почувствовала, что он входит в меня, как аккорд органа. Я кивнула. Она сказала: «Тогда я покажу их вам, дорогая. Войдите». Она не обращала никакого внимания на девушку. Она пошла к двери, и я за ней. Когда я переступила порог, то обернулась. Девушка стояла перепуганная, и я ясно услышала, как она шепнула: «Помните!»

Мы вошли в комнату... я не могу описать ее. Она была такой, как ее глаза, руки, голос. Когда я вошла в нее, у меня появилось странное ощущение, будто я не в Нью-Йорке. Даже не в Америке. Нигде на земле. У меня было ощущение, что единственное место, где можно существовать — эта комната. Я испугалась. Комната была больше, чем казалось возможным, судя по размерам лавки. Вероятно, такое впечатление создавал свет. Мягкий, приятный, сумеречный свет. Панели изысканные, потолок обит материей. Одна стена была пустой, только старые темные панели покрывали ее.

В камине горел огонь. В комнате было так приятно-тепло. Стоял слабый приятный запах, может быть, от горящих поленьев. Мебель была также старинная и изысканная, необычная. На стенах висели старинные ковры. Странно, но мне было трудно запомнить, что еще было в этой комнате. Ясно помню ощущение необыкновенной красоты. Огромный стол и огромное зеркало, и почему-то воспоминание об этом зеркале мне неприятно.

Я вдруг начала рассказывать ей все о себе, о Диане, и как она любит красивые вещи. Она выслушала и сказала своим приятным голосом: «У вас будет красивая вещь, моя дорогая!» Она подошла к шкафчику и вернулась с самой прекрасной куклой из всех, какие

я когда-либо видела. Я пришла в восторг от мысли, как обрадуется ей Диана. Маленькая бэби, и так изысканно одета, так сделана, как живая.

«Понравится ли ей?» — спросила женщина. Я ответила: «Да. Но я не могу купить такое сокровище. Я бедна». Она засмеялась и сказала: «Но я не бедна. Она будет вашей, когда я окончу одежду!» Это было невежливо, но я не могла не сказать ей: «Вы должны быть очень, очень богатой. У вас такие чудесные вещи. Удивляюсь, почему вы держите кукольную лавку?» А она рассмеялась и сказала: «Чтобы встречаться с такими милыми людьми, как вы, моя дорогая!» И вот тут начались странные вещи с зеркалом. Оно было круглое, как я уже упоминала, и я смотрела и смотрела на него, потому что оно было похоже на половину огромного шара с чистейшей водой. Оно было в раме из резного коричневого дерева, и время от времени резьба отражалась в нем и, казалось, шевелилась, как растительность на берегу лесного озера, когда дует ветерок. Мне хотелось заглянуть в него, и вдруг это желание стало непреодолимым. Я пошла к зеркалу. Я видела, как комната отражается в нем. Совсем так, как будто я смотрела в окно на другую такую же комнату. И вдруг будто волны пошли по зеркалу, и отражение стало туманным, а мое отражение, наоборот, очень ясным. Я видела себя, но становилась все меньше и меньше, пока не стала величиной с большую куклу. Я приблизила к зеркалу свое лицо, и маленькое личико тоже приблизилось к моему лицу. Я покачала головой и улыбнулась, то же сделало мое отражение, но такое маленькое! И вдруг я почувствовала страх и крепко закрыла глаза. А когда их открыла — все было по-прежнему. Я взглянула на часы и удивилась тому, как долго здесь пробыла. Я встала, чтобы уйти — все еще с паническим страхом в душе. Она сказала: «Зайдите ко мне завтра, дорогая. Я приготовлю для вас куклу». Я поблагодарила и обещала зайти. Она проводила меня до дверей лавки. Девушка не глядела на меня, когда я проходила мимо нее. Хозяйка — мадам Мэндилип. Я не пойду к ней ни сегодня, ни завтра, никогда вообще. Она очаровывает меня, но я боюсь. Мне не нравится чувство, которое я испытала перед зеркалом. А когда я увидела в нем всю комнату, почему там не было ее отражения? Его не было! И комната была освещена, хотя в ней не было ни окон, ни ламп. А эта девушка! И все-таки, Ди так понравилась бы кукла!

7 ноября.

Удивительно, как трудно выдержать решение не идти к мадам Мэндилип! Я так взволнована. Ночью мне снились ужасные сны. Мне снилось, что я снова в этой комнате. Я ясно ее видела. И вдруг

оказалось, что она вне меня, снаружи, а я нахожусь внутри зеркала. И я была маленькая. Как кукла. Я испугалась и стала биться в стекло, как бабочка. Затем я увидела две красивые белые руки, которые протягивались ко мне. Они открыли зеркало и поймали меня, а я боролась и билась и старалась вырваться. Я проснулась с бьющимся сердцем. Ди сказала, что я плакала и кричала: «Нет! Нет! Не хочу! Я не хочу!» несколько раз. Она бросила в меня подушку и разбудила меня. Сегодня я ушла из госпиталя в четыре, собираясь идти прямо домой. Не знаю, о чем я думала, но вдруг оказалось, что я нахожусь в метро и дожидаюсь поезда в Баулинг-Гран. То есть еду в Бэттери. По рассеянности я направлялась к мадам Мэндилип. Это меня так испугало, что я бегом выбежала на улицу. Мне кажется, я поступаю очень глупо. А я всегда гордилась своим здравым смыслом. Думаю, что мне надо посоветоваться с мистером Брэйлом и проверить нервы. Нет никакой причины, почему бы я не могла поехать к мадам Мэндилип. Она очень интересна, и я ей явно понравилась. С ее стороны было так любезно предложить мне эту прелестную куклу. Она должна подумать, что я груба и неблагодарна. А кукла так понравилась бы Ди! Когда я вспоминаю свои ощущения перед зеркалом, я чувствую себя таким же ребенком, как Алиса в стране чудес или, вернее, в Зазеркалье. Зеркала и другие отражающие поверхности иногда заставляют вас видеть в них странные вещи. Возможно, что жара и запах привели меня к легкому головокружению и галлюцинации. На самом деле я не была уверена в том, что мадам Мэндилип не отражалась в зеркале. Я слишком внимательно рассматривала себя. Смешно убегать и прятаться, как ребенку от бабы-яги. А это как раз то, что я делаю. Если б не эта девушка... Она действительно какая-то истеричка. Мне хочется пойти, и я не вижу, почему я не должна этого делать?!

10 ноября.

Ну, я даже рада, что пошла. Мадам Мэндилип просто удивительна. Конечно, тут есть что-то странное, чего я не понимаю, но это потому, что она так сильно отличается от всех известных мне людей, и когда входишь в ее комнату, жизнь кажется совсем другой; когда я ухожу, мне кажется, будто я оставляю заколдованный дворец и попадаю в прозаический неинтересный мир. Вчера я решила пойти к ней прямо из госпиталя. Как только я это решила, мне показалось, что какой-то груз свалился с моих плеч. Я почувствовала себя веселей и счастливей, чем раньше. Но когда я вошла в лавку, белая девушка — ее имя Лиона — посмотрела на меня так, как будто собиралась плакать.

Она сказала мне странным приглушенным голосом: «Помните,

что я старалась спасти вас». Мне это показалось до того смешным, что я расхохоталась и никак не могла остановиться. Тут мадам Мэндилип открыла дверь, и когда я взглянула в ее глаза и услышала ее голос, я поняла, почему у меня так легко на сердце — будто я вернулась домой после того, как ужасно истосковалась по этому дому. Чудесная комната как будто приветствовала меня. У меня было странное ощущение, что она живая, часть самой Мэндилип, как ее руки, глаза, голос. Она не спросила меня, почему я так долго не приходила. Она принесла куклу. Кукла была еще красивей, чем раньше, но у мадам Мэндилип оставалась еще часть работы, поэтому мы сидели и разговаривали, пока она доделывала. Она сказала: «Мне бы хотелось сделать куклу из вас, дорогая!» Это были ее собственные слова, и на секунду я вдруг испугалась, вспомнив свой сон. Но потом подумала, что это ее манера выражаться и что подразумевала она просто желание сделать куклу, похожую на меня. Поэтому я засмеялась и сказала: «Конечно, вы можете сделать из меня куклу, мадам Мэндилип». Интересно, какой она национальности?

Она засмеялась вместе со мной, глаза ее стали еще больше и сильно блестели. Она принесла немного воска и стала лепить мою голову. Ее красивые пальцы работали очень быстро, как будто каждый из них был артистом. Я следила за ними очарованная. Мне захотелось спать все больше и больше. Она сказала: «Милочка, мне хотелось бы, чтобы вы разделись, и я могла бы слепить все ваше тело. Не стесняйтесь, я ведь старуха!» Мне было все равно, и я ответила в полусне: «Конечно!» И я встала на маленький стул и наблюдала, как воск принимал новые формы под ее белыми пальцами и превращался в маленькую мою копию. Я знала, что она вполне точна, хотя и была настолько сонной, что едва видела ее. Я была такой сонной, что мадам Мэндилип должна была помочь мне одеться, и затем я, видимо, крепко уснула, а когда проснулась, увидела, что она сидит рядом и гладит мою руку. «Мне жаль, что я так утомила вас, дитя мое. Полежите, пока не отдохнете. Но если вам нужно уходить, то поспешите: становится поздно». Я взглянула на часы. Мне все еще хотелось спать. Я еще не увидела циферблат, но уже знала, что ужасно поздно. Вдруг мадам Мэндилип прижала свои пальцы к моим глазам, и вся сонливость сразу исчезла. Она сказала: «Приходите завтра и возьмите куклу». Я ответила: «Я должна заплатить вам, хотя бы столько, сколько смогу». Она возразила: «Вы мне полностью отплатили тем, что позволили сделать из себя куклу». После этого мы обе засмеялись, и я поспешила уйти. Белая девушка была занята чем-то в лавке. Я сказала ей: «До свидания!», но она, видимо, не слышала, так как ничего не ответила.

11 ноября.

Я получила куклу, и Диана в восторге от нее. Как я рада тому, что не поддалась этим глупым ощущениям. У Ди никогда не было ничего, что бы доставляло ей столько радости. Она обожает куклу! Позировала опять для мадам Мэндилип, чтобы она могла закончить мою куклу сегодня до обеда. Она — просто гений! Удивляюсь больше, чем раньше, почему она держит лавочку. Она могла бы быть величайшим скульптором. Кукла — моя точная копия. Она попросила прядь моих волос, и я, конечно, дала ей их. Она сказала мне: это не та, которую она действительно сделает из меня. Та будет много больше. Это — просто модель, по которой она будет работать. Я сказала ей, что это совершенство, но она ответила, что большая будет из более прочного материала. Может быть, она отдаст мне эту, когда кончит работать с ней. Мне так хотелось скорей отнести куклу бэби Ди, что я оставалась у нее недолго. Выходя, я улыбнулась Лионе и заговорила с ней, а она кивнула мне, но без симпатии. Не знаю, может быть, она ревнует меня к мадам?!.

13 ноября.

Впервые сажусь писать после смерти мистера Питерса утром 10-го. Я только что кончила писать о кукле Ди, когда меня вызвали на ночное дежурство в госпиталь. О, как я жалею, что не отказалась! Никогда не забуду эту кошмарную ночь. Никогда! Не хочу ни писать, ни думать об этом! Когда я пришла домой рано утром, я не могла заснуть и мучилась, мучилась, стараясь выкинуть из памяти его лицо. Я думала, что достаточно тренирована, чтобы не испытывать волнения от поведения пациентов. Но тут было что-то... Затем я подумала, что только мадам Мэндилип может мне помочь забыть все это. Поэтому я пошла к ней около двух часов дня. Мадам была в лавке с Лионой и, казалось, была удивлена, увидев меня так рано. И не так приветлива, как обычно, хотя, может быть, мне только показалось это. Как только я вошла в ее чудесную комнату, я всё забыла. Мадам что-то делала из проволоки, сидя за столом, но я не рассмотрела, что, так как она усадила меня подальше на небольшом удобном стуле. «Дитя мое, вы выглядите усталой. Посидите и отдохните, пока я кончу. Перед вами лежит интересная старая книга». Она указала мне на странную старую книгу, длинную и узкую. Она, видимо, была старинная и походила на средневековую, написанную от руки старыми монахами. На рисунках были сады и деревья, причем очень странные. Людей видно не было, но при этом вас не покидало ощущение, что они скрываются за деревьями и следят за вами оттуда.

Не знаю, сколько времени я рассматривала эти картинки, всё стараясь увидеть прячущихся людей, но, наконец, мадам позвала

меня. Я подошла к столу, все еще держа книгу в руках. Она сказала: «Это кукла, которую я делаю из вас. Возьмите и посмотрите, как искусно это сделано». И она показала на что-то проволочное на столе. Я взяла и вдруг увидела, что это скелет. Небольшой, как у ребенка; и вдруг лицо Питерса сразу явилось передо мной, я вскрикнула в панике и протянула вперед руки. Книга выпала из моих рук и упала на проволочный скелет, раздался резкий звук, и скелет подпрыгнул. Я пришла в себя и увидела, что конец проволоки высвободился и, проткнув оболочку книги, торчит оттуда. Мадам Мэндилип ужасно рассердилась. Она схватила меня за руку и сжала до боли, глаза ее метали молнии, она сказала странным голосом: «Почему вы это сделали? Отвечайте! Почему?!» И тряхнула мою руку. Я не осуждаю ее теперь, но тогда она испугала меня, видимо, она подумала, что я сделала это нарочно. Потом она увидела, что я вся дрожу, и ее глаза и голос стали ласковыми. «Что-то волнует вас, дорогая. Скажите мне, может быть, я смогу вам помочь.» Она уложила меня на диван, села рядом и стала гладить мои волосы и лоб, и я вдруг рассказала ей всю историю Питерса, хотя раньше никогда и никому не рассказывала о пациентах госпиталя. Она спросила, кто его привез в госпиталь, и я сказала: «Рикори», и что, кажется, он был знаменитым гангстером. Ее руки успокаивали меня, мне хотелось спать, и я рассказала ей о докторе Лоуэлле, о том, какой он великий доктор, и как ужасно я влюблена в доктора Б. Я очень сожалею, что рассказала ей об этом. Никогда ни с кем я не была так откровенна, но я была так потрясена, и как только начала рассказывать, уже не могла остановиться. Все в моих мозгах перепуталось, когда я подняла голову и взглянула на нее, мне показалось, что она упивается моим рассказом. Я была не в себе. Когда я кончила, она приказала мне поспать и сказала, что разбудит, когда я захочу. Я ответила, что должна уйти в четыре. Сразу уснула и проснулась успокоенной и отдохнувшей. Когда я встала, маленький скелет и книга все еще лежали на столе. Я извинилась. Она сказала: «Лучше книга, чем рука, дорогая. Проволока могла сильно поранить вас». Она попросила меня принести мою форменную одежду, чтобы сделать такую же кукле.

14 ноября.

Я бы хотела никогда не видеть мадам Мэндилип. Моя нога не была бы повреждена. Но не только поэтому. Я не могу выразить это словами. Но мне не хотелось бы ее больше встретить. Я отнесла к ней мою одежду сегодня рано утром. Она быстро сделала одежду для куклы, была весела и спела несколько очень оригинальных песенок. Она засмеялась, когда я ее спросила, на каком

языке она поет, и сказала: «Это язык народа, который смотрел на вас с картинок моей книги, дорогая!» Это так странно: откуда она знает, что я думала о людях, спрятанных в лесах? Мне хотелось бы не знать ее и этого места. Она вскипятила чайник и налила две чашки. И когда протягивала мне чашку, зацепила локтем чайник и опрокинула его на мою правую ногу. Боль была ужасная. Она сняла мою туфлю и чулок и смазала ожог мазью, сказав, что боль сейчас пройдет и все заживет. Боль прекратилась, а когда я пришла домой, то не могла поверить глазам. Джоб просто не поверила, что здесь был ожог. Мадам Мэндилип была ужасно огорчена происшедшим или делала вид. Она не проводила меня до двери, как обычно, и осталась в комнате. Бледная девушка Лиона стояла у двери, когда я вышла в лавку. Она поглядела на повязку на моей ноге, и я сказала ей, что это ожог, и что мадам Мэндилип перевязала мне ногу. Она даже не сказала, что ей очень жаль. Уходя, я сказала ей немного сердито: «Прощайте!» Глаза ее наполнились слезами, она покачала головой и ответила: «До свидания!» Закрывая за собой дверь, я видела, что слезы бегут у нее по щекам. Почему?

Мне хотелось бы никогда не встречаться с мадам Мэндилип...

15 ноября.

Нога зажила. У меня нет ни малейшего желания вернуться к мадам Мэндилип. Я никогда не пойду туда больше. Мне хочется уничтожить куклу, которую она мне дала для Ди. Но это разобьет сердце ребенка!

20 ноября.

Все еще не имею желания видеть ее. Постепенно я ее забываю. Я вспоминаю о ней только тогда, когда вижу куклу Ди. Я так рада! Так рада, что мне хочется плясать и петь. Боже мой, как бы мне хотелось никогда, никогда в жизни не видеть ее. И все-таки я не понимаю, почему...»

Это были последние слова в дневнике сестры Уолтерс. Она умерла 25 ноября утром...

КОНЕЦ КУКЛЫ ПИТЕРСА

Брэйл внимательно следил за мной. Я встретил его вопросительный взгляд и постарался скрыть чувство паники, охватившее меня после чтения дневника. Я сказал:

— Никогда не предполагал такого богатого воображения у Уолтерс.

Он вспыхнул и спросил сердито:

— Вы думаете, она сочиняла?

— Не совсем. Наблюдая ряд обычных явлений через дымку живого и богатого воображения, она изобразила все иначе, чем было на самом деле.

Он сказал недоверчиво:

— А вы не думаете, что все, что она написала, является субъективным и бессознательным описанием акта гипноза?

— Я не подумал о такой возможности, — ответил я сердито. — Но я не вижу признаков, подтверждающих это мнение. Я вижу только то, что Уолтерс не была такой уравновешенной особой, как я думал. У меня были основания не считать ее очень эмоциональной. Видимо, в один из ее визитов к мадам Мэндилип она была просто переутомлена и пребывала в состоянии чрезвычайной нервной неуравновешенности. Я намекаю на ее рассказ о случае с Питерсом. Ведь это было после того, как я предупредил ее, как вы помните, чтобы она о нем ничего никому не говорила.

— Я это хорошо помню, так хорошо, — сказал он, — что когда дошел до этой части ее повествования, больше не имел основания сомневаться в том, что это гипноз. Но продолжайте!

— Если есть две причины для какого-нибудь одного действия, желательно принять более логичную, — сказал я сухо. — Рассмотрим действительные факты, Брэйл. Нервы Уолтерс были в огромном напряжении из-за странного поведения и предупреждения бледной девушки. Она сама признает, что эта девушка неврастенична. Ее поведение как раз таково, какого и можно ожидать от неврастенички. Уолтерс привлечена красотой куклы и заходит, чтобы приценицься, — любой поступит точно так же. Она встречает женщину, физические качества которой возбуждают ее воображение и эмоциональность. Она откровенничает с ней. Эта женщина тоже эмоционального типа, как и она. Она дарит ей куклу. Женщина-художница, она видит в Уолтерс чудесную натурщицу. Она просит ее позировать, все еще никакого принуждения, естественная просьба — и Уолтерс позирует ей. Женщина разработала свою технику, как и все художники, и часть этой техники — проволочные скелеты для кукол. Естественная и умная процедура. Вид скелета напоминает о смерти, а смерть — о Питерсе, она представляет себе его лицо, которое произвело на нее сильнейшее впечатление, и с ней начинается истерика, что опять-таки признак сильнейшего переутомления. Она пьет чай с мастерицей кукол, и та случайно обваривает ее. Естественно, что это вызывает заботу хозяйки, и она завязывает обваренное место и смазывает его какой-то мазью, в которую верит. И это все. Что в этих обычных событиях говорит о том, что она находится под гипнозом? И, наконец, если она действительно была под гипнозом, для чего это нужно было старухе?

— Она сама сказала это, — ответил Брэйл. — «Я сделаю из вас куклу, моя дорогая!»

Я почти убедил самого себя своими аргументами, и его замечание испугало меня.

— Полагаю, — сказал я, — вы хотите убедить меня в том, что, однажды попав в лавку мадам Мэндилип, Уолтерс возвращалась туда против своего желания для каких-то дьявольских целей мадам Мэндилип. Что жалостливая продавщица старалась спасти ее от того, что в старых мелодрамах называлось судьбой, которая хуже смерти. Что кукла, подаренная ею племяннице, была просто приманкой на крючке колдуньи. Что ее необходимо было ранить для применения колдовской мази. Что эта мазь и привела к непонятной смерти. Что первая попытка ранить ее проволокой не удалась и поэтому был придуман инцидент с чайником, и что теперь душа Уолтерс бьется в зеркале ведьмы, как ей это приснилось. Все это, мой дорогой Брэйл, самое неистовое суеверие.

— Так, — сказал он уклончиво, — значит, все эти возможности приходили и в вашу голову? Ваш мозг не так окаменел, как я думал несколько минут назад.

Я почувствовал отчаяние.

— Значит, ваша теория... вы считаете, что с того момента, как Уолтерс вошла в лавку, каждое рассказанное ею событие вело к тому, чтобы мадам Мэндилип овладела ее душой, что и случилось в момент ее смерти?

Он подумал и сказал:

— В общем — да.

— Душа? — произнес я иронично. — Но я никогда ее не видел. Что такое душа, если она существует? Является ли она материальной? Вещественной? Никто не может взять в свою собственность то, что невещественно и нематериально. Как можно знать, что она существует, если ее нельзя увидеть, взвесить, почувствовать, или измерить, или услышать? Если она нематериальна, как можно ее принуждать, направлять, ограничивать? Вы ведь думаете, это и было сделано с душой Гарриет этой мастерицей кукол.

Если она материальна, где же она помещается — в теле? В мозгу? Я сотни раз оперировал мозг и ни разу не видел в нем секретной камеры с таинственным жильцом. Маленькие клетки, много более сложные в своей деятельности, чем любые изобретенные человеком машины. Клетки, изменяющие настроение, эмоции, характер, личность в соответствии с тем, хорошо или болезненно они функционируют, — вот это я видел, Брэйл. Но никогда не видел души. Хирурги полностью исследовали тело человека. Они также не нашли секретного ларца внутри него. Покажите мне душу, Брэйл, и я поверю в мадам Мэндилип.

Он молча изучал мое лицо, затем, через несколько минут, кивнул.

— Теперь я понимаю, это все тяжело поразило вас, не правда ли? Вы тоже бьетесь о ваше собственное зеркало, не так ли? Что ж, я тоже претерпел тяжелую борьбу, чтобы отбросить в сторону все, чему меня учили, и принять, что в мире есть что-то ирреальное. Это дело, Лоуэлл, вне медицины, вне науки. Пока не признаем этого, мы ничего не поймем. Мне хочется напомнить вам о двух вещах: Питерс и Дорнили умерли одинаковой смертью. Рикори выяснил, что оба они имели дело с мадам Мэндилип — мы можем это принять. Он сам посетил ее и едва не погиб. Гарриет зашла к ней и умерла, как Дорнили и Питерс. Разве это логически не указывает на мадам Мэндилип как на источник зла, погубивший всех четверых?

— Конечно, — ответил я.

— Значит, мы должны сделать вывод, что у Гарриет существовала реальная причина для страха. Что существовала причина другая, чем ее эмоциональность и чересчур развитое воображение — даже если Гарриет и не знала об этих обстоятельствах.

Я слишком поздно понял, к чему меня привело мое согласие с ним, но я не мог ответить иначе, чем утвердительно.

— Второе — это исчезновение всякого желания вернуться в лавку после инцидента с чайником. Это не поразило вас?

— Нет. Если она была эмоционально неустойчива, испытанный ею шок мог привести к обратным настроениям. Создать бессознательный барьер. Обычно такие люди не любят возвращаться туда, где они испытали нечто неприятное.

— А заметили вы, что после ожога женщина не проводила ее до дверей лавки? И что это был первый раз, когда она не сделала этого?

— Я не обратил на это внимания, а что?

— Так. Если применение мази было последним действием, и смерть стала неизбежной, разве нужно мадам Мэндилип, чтобы ее жертва продолжала ходить в лавку, пока ее не убьет яд? Приступ может начаться прямо в лавке и привести к опасным расследованиям. Поэтому умнее было сделать так, чтобы жертвы потеряли всякий интерес к ней, даже чувствовали неприязнь или забывали ее. Это можно легко сделать постгипнотическим внушением. А мадам Мэндилип имела для этого все возможности. Разве все это не объясняет поведения Гарриет?

— Да, — сознался я.

— И поэтому женщина не пошла к двери с Гарриет. Ее план удался. Все кончено. Она внушила то, что хотела. Контакт с Гарриет был не нужен. Она выпускает ее без сопровождения. Показательно для окончания всего!..

Он сидел задумавшись.

— Нет нужды опять встречаться с Гарриет, — прошептал он, — до ее смерти...

Я вздрогнул.

— Что вы хотите этим сказать?

— Неважно, — ответил он.

Он подошел к обгорелому месту на полу и поднял почерневшие кристаллы. Потом подошел к столу и посмотрел на гротескную фигуру с ребрами скелета.

— Интересно, как подействует на него огонь, — сказал он и хотел поднять скелет. Он прилип к столу, и Брэйлу пришлось его сильно дернуть. Раздался резкий металлический звук, и он уронил скелет с испуганным восклицанием.

Вещь упала на пол. Минуту она извивалась, как живая, и, наконец, раскрутилась в единую проволоку, из которой была искусно свернута. Раскрутившись, она еще некоторое время скользила по полу, как змея, затем остановилась, вздрагивая.

Мы посмотрели на стол.

Вещество, напоминающее скрюченное, плоское, безголовое тело, исчезло. На его месте появился слой тонкой серой пыли, которая некоторое время клубилась и шевелилась, как от ветра, а затем тоже исчезла.

ШАПОЧКА СИДЕЛКИ И ЛЕСТВИЦА ВЕДЬМЫ

— Она умеет отделываться от улик, — засмеялся Брэйл, но в его смехе не было ничего веселого.

Я промолчал. Эту же мысль я скрыл от Мак-Канна, когда исчезла голова куклы. Избегая дальнейших разговоров на эту тему, мы отправились повидать Рикори.

У дверей сидели два новых телохранителя. Они вежливо поднялись и поговорили с нами. Мы тихо вошли. Рикори спал. Он дышал легко, спокойно в здоровом сне. Комната была в конце здания, и окна выходили в небольшой садик. Оба моих дома старомодны: толстые лозы вирджинского винограда оплетают их задние фасады.

Я приказал установить экран у лампы, чтобы на Рикори падал слабый свет, и предупредил телохранителей, что выздоровление их босса зависит в значительной степени от тишины. Я пригласил Брэйла к обеду, затем попросил его навестить пациентов в госпитале и вызвать меня, если появится необходимость. Мне хотелось быть дома в момент пробуждения Рикори.

Мы почти кончили обед, когда зазвонил телефон. Подошел Брэйл.

— Мак-Канн, — сказал он.

— Алло, Мак-Канн, говорит доктор Лоуэлл.

— Как босс?

— Лучше. Я ожидаю, что он проснется и сможет говорить, — от-

ветил я и внимательно прислушался, стараясь уловить, какова будет его реакция на это сообщение.

— Это чудесно, док!

Я не мог уловить в его тоне ничего, кроме глубокого удовлетворения.

— Слушайте, док, я видел Молли и узнал кое-что. Зашел к ней сразу же от вас. Застал Гилмора, ее мужа, дома, и это дало возможность мне пригласить ее покататься. Мы оставили Джона с ребенком...

— Знала она о смерти Питерса? — перебил я его.

— Нет. И я ей не сказал. Теперь слушайте. Я сказал вам: Горти... Как кто? Да мисс Дорнили — девушка Джима Уилсона. Да. Дадите вы мне говорить, наконец? Я вам сказал, что Горти любила ребенка Молли. В начале прошлого месяца Горти явилась с красавицей куклой для девочки. У нее была поранена рука, и она сказала, что повредила ее там же, где достала куклу. Женщина устроила это ей. Что? Рану? Нет, куклу. Слушайте, док, неужели я неясно говорю? Да, она повредила себе руку там, где достала куклу. Это я и говорю. Женщина наложила ей повязку. Она подарила ей куклу, потому что Горти показалась ей хорошенькой и согласилась позировать ей. Да, позировать ей для статуэтки, или что-то в этом роде. Горти это очень польстило и она страшно расхваливала эту даму. Да. Через неделю после этого Том — это Питерс — зашел к Молли и увидел куклу. Она понравилась Тому, он даже приревновал девочку к Горти и спросил, где она достала куклу. Она дала ему адрес мадам Мэндилип, и Том сказал, что кукле нужна компания, и решил достать куклу-мальчика. Через неделю он пришел с чудесной куклой-мальчиком. Молли спросила, сколько он заплатил за нее. Она не сказала, что Горти заплатила тем, что позировала. Молли говорит, что Том смутился, но ответил, что плата за куклу его не разорила. Тогда она стала шутить, спрашивая, не нашла ли мастерица кукол его достаточно хорошеньким, чтобы позировать ей, но девочка в это время закапризничала, и она отвлеклась, не получив ответа. Том не показывался до первых чисел этого месяца. Когда он пришел, на руке у него была повязка, и Молли шутя спросила, не поранил ли он руку там же, где достал куклу. Он удивился и сказал: «Да, но какого черта ты знаешь об этом?» Да, да, она говорит, что он так ее спросил. Что? Завязали ли ему руку у мадам Мэндилип? Какого черта? Нет, я не знаю. Может быть, Молли не сказала, а я не спрашивал... Слушайте, док, я вам говорю, что Молли не дура. Мне пришлось потратить два часа, чтобы узнать у нее все это. Говорил о том, о другом, опять возвращался к старому, как будто просто хотел поболтать. Но я боялся задавать слишком много вопросов... Что? Да, док. Да, я сам думаю, что все это глупо. Но повторяю, что я все-таки боялся зайти слишком далеко. Молли слишком умна... Да, и когда

Рикори был у нее вчера, он, видимо, применял ту же тактику. Он восхищался куклами и спрашивал ее, где она их достала и сколько они стоили и т. д. Вспомните, я говорил вам, что оставался в машине, когда он был у нее. После этого он приехал домой, звонил по телефону, а потом отправился к этой бабе-яге... Да, это все. Что-нибудь это значит?.. Да?.. Тогда здорово!..

Он помолчал минуты две, но не вешал трубки. Я спросил:

— Ты слушаешь, Мак-Канн?

— Да. Я думал... мне бы хотелось быть с вами, когда босс проснется. Но мне нужно съездить и удостовериться, как мои люди смотрят за этими коровами Мэндилип. Может быть, попозже я заеду к вам. Всего!

Я медленно подошел к Брэйлу, пытаясь привести в порядок разбегающиеся мысли. Я повторил ему все, что сказал мне Мак-Канн, очень точно. Он не перебивал меня. Когда я кончил, он спокойно сказал:

— Гортензия Дорнили отправляется к старухе Мэндилип, ей дают куклу, просят позировать, ранят ее, затем лечат рану. И она умирает. Питерс тоже отправляется к ней же. Тоже получает куклу, его тоже ранят там, и, видимо, лечат, и он умирает, как Гортензия. Вы видели куклу, для которой он, вероятно, позировал. Гарриет прошла через то же самое. И умерла, как Гортензия и Питерс. Что же теперь?

Я вдруг почувствовал себя старым и утомленным. Не очень приятно видеть и чувствовать, как рушится знакомый, организованный по определенным законам окружающий мир с изученными причинами и явлениями. Я сказал устало:

— Я не знаю...

Он встал и погладил меня по плечу.

— Поспите немного. Сестра позовет вас, если проснется Рикори. Мы доберемся до сути этой ловушки.

— Если даже сами в нее попадем, — сказал я и улыбнулся.

— Даже если сами должны будем попасть в нее, — повторил он, но не улыбнулся.

После ухода Брэйла я долго сидел, глубоко задумавшись. Затем, решив отвлечься от своих мыслей, попытался читать. Но я был так выбит из колеи, что не мог сосредоточиться. Мой кабинет так же, как комната Рикори, выходит окнами в маленький садик. Я подошел к окну — стал смотреть в него, не видя ничего. Резче, чем когда-либо, я чувствовал себя стоящим перед запертой дверью, которую жизненно важно было открыть. Я вернулся в кабинет и удивился, обнаружив, что было уже около десяти часов. Я погасил свет и лег на кушетку. Почти тотчас же я уснул. Проснулся неожиданно, вздрогнув, как будто кто-то сказал мне что-то громкое прямо в ухо. Я сел, прислушиваясь.

Кругом была полная тишина. И вдруг я понял, что тишина была какой-то странной, необычной и давящей. Какая-то густая мертвая тишина заполняла мой кабинет, и ни один звук снаружи не мог пробиться через нее. Я вскочил на ноги и включил свет. Тишина, казалось, стала изливаться из комнаты, как что-то материальное. Но медленно. Теперь я мог слышать тиканье моих часов. Я нетерпеливо тряхнул головой и подошел к окну. Я нагнулся над подоконником и высунулся, чтобы глотнуть свежего воздуха. Потом высунулся еще больше, чтобы взглянуть на окно комнаты Рикори, и при этом оперся рукой на ствол виноградной лозы и вдруг почувствовал, что она слегка дрожит, как будто кто-то осторожно трясет ее или как будто какое-то маленькое животное осторожно взбирается по ней.

Окно комнаты Рикори вдруг осветилось. Позади я услышал тревожный звонок, который говорил о необходимости спешить на помощь. Я бросился из кабинета вверх по лестнице и по коридору. Я увидел, что стражи не стоят у дверей Рикори. Дверь была распахнута. Я остановился на пороге, ошеломленный. Один из стражников нагнулся над окном с автоматом в руках. Другой склонился над телом, лежащим на полу. Пистолет его был направлен на меня. За столом сидела сиделка, голова ее покоилась на груди. Она спала или была без сознания. На кровати никого не было. Тело на полу принадлежало Рикори. Телохранитель опустил оружие. Я нагнулся над Рикори. Он лежал лицом вниз, в нескольких футах от кровати. Я перевернул его. Лицо было смертельно бледно, но сердце билось.

— Помогите мне положить его на кровать, — сказал я, — и заприте дверь.

Он молча повиновался. Человек у окна спросил сквозь зубы, продолжая смотреть в окно:

— Босс умер?

— Не совсем, — ответил я и выругался, что вообще делал крайне редко. — Что вы, черт бы вас побрал, мерзавцев, за сторожа?!

Человек, запиравший дверь, невесело засмеялся.

— Тут есть много о чем стоит поспрашивать, док.

И он взглянул на сиделку. Она все еще сидела в расслабленной позе спящей или находящейся без сознания. Я снял с Рикори пижаму и начал детальное обследование его тела. Никаких следов на нем не было. Я послал за адреналином, сделал инъекцию, затем занялся сиделкой. Я стал трясти ее, но она не просыпалась. Я поднял ее веки, зрачки были сужены. Я поднес к ее глазам яркий свет, но они на это не реагировали. Пульс и дыхание были слабы, но не безнадежны. Я оставил ее в покое и обратился к сторожам.

— Что случилось?

Они смущенно посмотрели друг на друга. Стоящий у окна махнул рукой, как бы приглашая своего товарища говорить. Тот сказал:

— Мы сидели в коридоре. Вдруг в доме наступила какая-то проклятая тишина. Я сказал Джеку: «Похоже, что по всему дому установлены глушители». Он ответил: «Да». Мы сидели, прислушиваясь. Вдруг услышали звук из комнаты, как бы от падения тела с кровати. Ворвались в комнату. Увидели босса в таком виде, в каком вы его застали. Сиделка спала на своем месте. Мы позвонили и вскоре услышали ваши шаги. Это все, Джек?

— Да, — ответил тот, — я полагаю, что все.

Я посмотрел на него подозрительно.

— Ты полагаешь, что это все? Что ты хочешь сказать этим «я полагаю»?

Они снова переглянулись.

— Давай, валяй все, Билл, — сказал Джек.

— Черт, но ведь он не поверит, — ответил тот.

— И никто не поверит. Тем не менее расскажи.

Билл сказал:

— Когда мы ворвались в дверь, то заметили что-то похожее на пару дерущихся кошек на подоконнике. Босс лежал на полу. Мы схватились за пистолеты, но боялись стрелять, так как вы сказали нам, что шум может убить босса. Затем мы услышали странный звук, будто кто-то играл на флейте за окном. Два существа разъединились и бросились в окно. Мы подбежали к окну, но ничего не увидели.

— Вы видели какие-то существа на подоконнике. На что они были похожи?

— Скажи, Джек!

— На кукол!

Дрожь пробежала по моей спине. Это был ответ, которого я ожидал и боялся. Выпрыгнули в окно! Я вспомнил, как дрожала лоза, когда я взялся за нее. Билл посмотрел на меня, и рот его закрылся.

— Господи, Джек, — прошептал он. — Он верит этому!

Я заставил себя заговорить.

— Какие это были куклы?

Джек, стоявший у окна, ответил охотнее:

— Одну мы не рассмотрели. Другая была совсем как одна из ваших сестер, если ее уменьшить до двух футов.

Одна из моих сестер... Уолтерс! Я почувствовал слабость и опустился на край кровати Рикори.

Что-то белое у кровати привлекло мое внимание. Я тупо смотрел на эту вещь несколько минут, потом нагнулся и поднял ее. Это была шапочка сестры милосердия, маленькая копия той, которую носила Уолтерс и которые носят сестры в госпитале.

Она была как раз таких размеров, какой нужен для двухфутовой куклы...

Там лежало еще что-то... Я поднял. Это была веревочка с узел-

ками из волос. Светлые пепельные волосы... Девять сложных узелков, расположенных на разных расстояниях друг от друга.

Билл стоял, глядя на меня с тревогой.

Он спросил:

— Хотите, я позову ваших людей, док?

— Постарайтесь найти Мак-Канна, — попросил я, затем обернулся к Джеку: — Заприте окна и опустите гардины. Заприте дверь.

Билл позвонил по телефону. Сунув шапочку и веревочку в карман, я подошел к сиделке. К ней начинало возвращаться сознание, и через две минуты мне удалось разбудить ее. Сначала она ничего не понимала, затем встревожилась и вскочила.

— Я не видела, как вы вошли, доктор. Неужели я заснула, доктор? Что случилось? — она схватилась за горло.

— Я надеюсь, что вы нам об этом расскажете, — сказал я мягко.

Она взглянула на меня с удивлением.

— Я не знаю... стало вдруг очень тихо... Мне показалось, что-то шевелится на подоконнике... Затем появился какой-то странный свет... и затем я увидела вас, доктор.

Я спросил:

— Не можете ли вы вспомнить что-нибудь о том, что вы видели на окне? Малейшую деталь, малейшее указание. Пожалуйста, попытайтесь:

Она ответила медленно:

— Там было что-то белое... что-то... что-то наблюдало за мной. Затем появился свет... запах цветов... это все!

Билл повесил трубку.

— Все в порядке, док! Пошли за Мак-Канном. Что теперь?

— Мисс Баттлер, — сказал я сиделке, — я заменю вас сегодня. Идите спать. Я хочу, чтобы вы выспались. Я вам советую принять... — я сказал ей название лекарства.

— Вы не сердитесь? Вы не считаете, что я недобросовестная?

— Нет, нет, — я улыбнулся и погладил ее по плечу. — Просто произошли некоторые серьезные изменения в состоянии больного, это все. Не задавайте вопросов.

Я проводил ее до двери.

— Делайте так, как я сказал вам, — проговорил я и запер за ней дверь.

Я сел около Рикори. «Шок, который он испытал, должен пройти или убить его», — подумал я мрачно.

Вдруг легкая дрожь пробежала по его телу. Одна рука со сжатым кулаком начала медленно подниматься. Губы шевелились. Он заговорил по-итальянски так быстро, что я не мог уловить ни одного слова. Рука упала. Я встал. Паралич прошел. Он мог двигаться и говорить.

Но вернется ли к нему его сознание? Это станет ясно через несколько часов. Я больше ничего не мог сделать.

— Слушайте меня внимательно, — сказал я обоим ребятам. — Неважно, что то, что я вам скажу, может показаться странным; все равно вы должны повиноваться мне даже в мелочах, — от этого зависит жизнь Рикори. Я хочу, чтобы один из вас сел позади меня, у стола, а другой около Рикори, в головах кровати, между ним и мной. Если я засну, а один из вас будет бодрствовать, — разбудите меня. Если вы заметите какое-нибудь изменение в его состоянии, немедленно разбудите меня. Ясно?

Они ответили: — Ладно!

— Очень хорошо. Теперь самое важное: вы должны внимательно наблюдать за мной. Тот, кто сидит позади меня, не должен сводить с меня глаз. Если я пойду к вашему боссу, я могу сделать только три вещи: послушать его сердце и дыхание, поднять его веки, измерить температуру. Конечно, если он будет в таком же состоянии, как сейчас. Если вам покажется, что я хочу его разбудить или сделать что-нибудь другое, — остановите меня. Если я буду сопротивляться, свяжите меня и заткните мне рот... хотя, нет, не затыкайте, а слушайте, что я буду говорить и запоминайте все. Затем позвоните доктору Брэйлу. Вот его телефон.

Я записал и отдал записку.

— Не вредите мне больше, чем это будет необходимо, — сказал я, и они засмеялись, переглянулись в явном недоумении.

— Если вы так говорите, док... — начал с сомнением Билл.

— Я так говорю. Не рассуждайте. Если вы будете грубы со мной, я не обижусь.

— Док знает, что говорит, Билл, — сказал Джек.

— Тогда ладно, — сказал Билл.

Я потушил все лампы, за исключением той, которая стояла на столике сиделки. Я вытянулся на стуле и установил лампу так, чтобы мое лицо было хорошо видно. Маленькую белую шапочку, которую я поднял с пола и которая так потрясла меня, я вынул из кармана и положил в ящик стола. Джек сел около Рикори. Билл придвинул стул и сел напротив меня. Я засунул руку в карман и взял веревочку с узелками, закрыл глаза, постарался ни о чем не думать. Оставив хотя бы на время мои концепции о здравом смысле и порядке в этом мире, я решил дать мадам Мэндилип все возможные шансы действовать.

Сквозь сон я услышал, как пробил час ночи. Я заснул.

Где-то дул ветер. Он схватил меня и унес. Я не имел тела или какой-нибудь формы. И все же я существовал. Что-то бесформенное, но чувствующее, кружащееся по воле ветра. Я уносился в бесконечное пространство. Бестелесный, нематериальный, я знал все-таки, что я существую, больше того, я обладал какой-то неземной жизненностью.

Я ревел вместе с ветром, в нечеловеческом ликовании. Ветер принес меня обратно из неизмеримых пространств.

Казалось, я проснулся и пульс странной жизненности все еще пронизывал меня... Ах! Там на кровати было что-то, что я должен уничтожить... Убить, чтобы этот пульс не замер... должен убить, чтобы ветер подхватил меня снова, унес, дал бы мне свою энергию... но осторожнее... осторожнее... вот тут, в горло, под ухом... в это место я должен вонзить... затем снова улететь с ветром... туда, где бьется пульс... что держит меня? Осторожнее... Осторожнее...

— Я хочу измерить его температуру.

Теперь один быстрый прыжок — и в горло, в то место, где бьется пульс.

— Нет, не этим!

Кто это сказал? Все еще держат меня! Ярость, всепоглощающая в своем бессилии... темнота и звук удаляющегося ветра!

Я услышал голос:

— Стукни его снова, Билл, но не очень сильно. Он приходит в себя.

Я почувствовал сильный удар по лицу. Танцующий туман рассеялся. Я стоял на полпути между столиком сиделки и кроватью Рикори. Джек держал мои руки. Рука Билла все еще была поднята. Я что-то крепко сжимал в руке. Я посмотрел. Это был большой скальпель, отточенный, как бритва.

Я уронил его и сказал спокойно:

— Теперь все в порядке, вы можете отпустить меня!

Билл не сказал ничего. Его товарищ не отпустил моих рук. Я посмотрел на них внимательно и увидел, что лица обоих землисто-серые. Я сказал:

— Это было то, чего я ожидал. Поэтому я дал вам соответствующие инструкции. Все кончено. Вы можете направить на меня свое оружие, если желаете.

Джек отпустил мои руки. Я пощупал свое лицо и сказал мягко:

— Вы стукнули меня довольно сильно, Билл!

Он ответил:

— Если бы вы видели ваше собственное лицо, док, вы бы не удивились тому, что я ударил изо всей силы.

Я кивнул, прекрасно понимая теперь демонический характер испытываемой ярости. Я спросил:

— Что я делал?

Билл сказал:

— Вы проснулись, сидели несколько минут, глядя на начальника. Затем вы вынули что-то из ящика стола и встали. Вы сказали, что хотите измерить температуру. Вы были уже на полпути, когда мы заметили, что́ у вас в руках. Я закричал: «Нет! Не этим!», а Джек схва-

тил вас. После этого вы словно обезумели. И мне пришлось стукнуть вас. Все!

Я снова кивнул. Затем вынул из своего кармана веревочку с узелками, сплетенную из светлых женских волос, положил ее на поднос и поднес к ней спичку. Она начала гореть, извиваясь, как маленькая змея. При этом крошечные узелки сами развязывались. На подносе образовалась кучка золы.

— Я думаю, что сегодня никаких беспокойств больше не будет, — сказал я, — но все-таки будьте осторожны, как всегда.

Я снова упал на стул и закрыл глаза.

Да, Брэйл не показал мне души, но я поверил в мадам Мэндилип.

КУКЛА УБИВАЕТ

Конец ночи я спал крепко и без снов. Проснулся я, как всегда, в семь. Телохранители не спали. Я спросил, не слышно ли было чего-нибудь от Мак-Канна, и они ответили отрицательно. Я немного удивился, но они, казалось, не придавали этому особого значения. Они должны были скоро смениться, и я предупредил их о необходимости молчать и никому ничего не рассказывать, кроме Мак-Канна, о ночных происшествиях. Напомнил им, что никто их рассказам и не поверит. Они серьезно уверили меня, что будут молчать. Я сказал им, что хочу, чтобы сторожа оставались внутри комнаты до тех пор, пока это необходимо.

Рикори спал крепко и спокойно. Его состояние во всех отношениях было вполне удовлетворительным. Я подумал, что второй шок как бы противодействовал первому. Когда он проснется, он сможет говорить и двигаться. Я сказал об этом его телохранителям. Я видел, что они горят желанием задать ряд вопросов. Я дал им понять, что не собираюсь отвечать.

В восемь часов явилась дневная сиделка и очень удивилась, увидев, что Баттлер спит, а я замещаю ее. Я ничего ей не объяснил, сказав просто, что телохранители будут теперь дежурить в комнате, а не в коридоре.

В десять тридцать Брэйл забежал ко мне поздороваться и доложить о больных. Я выслушал его и затем рассказал о ночных делах, умолчав при этом о шапочке сиделки и о моем печальном опыте.

Брэйл сконцентрировал бы все свое внимание на этой шапочке. Я сильно подозревал, что он был влюблен в Уолтерс и что я не смогу удержать его от визита к кукольной мастерице. Обычно очень упрямый, в этом деле он никого не послушался бы. Это было бы опасно для него, а его наблюдения не имели бы никакой цены для меня. Кроме того, если бы он знал о моем опыте, он бы отказался оставлять меня одного. А это помешало бы моему решению увидеть мадам Мэн-

дилип — наедине — за исключением Мак-Канна, наблюдавшего бы за мной извне.

Что может получиться из этого свидания, я не мог предугадать. Но ясно, что только это могло спасти мое самоуважение. Признать, что все, что случилось, было колдовством, волшебством, сверхъестественным — значило сдаться на милость суеверия. Ничего на свете нет сверхъестественного. Если что-либо существует, оно должно подчиняться естественным законам. Материальные тела должны подчиняться материальным законам. Мы можем не знать этих законов — тем не менее они существуют. Если мадам Мэндилип обладает какими-то неизвестными знаниями, это заставляет меня, как представителя науки, собрать все возможные сведения об этом. Тем более что я недавно так полно ответил на проявление силы этих знаний. То, что я смог заранее предугадать ее технику, давало мне приятное чувство уверенности в себе. Во всяком случае я должен был ее увидеть. Это был день моих консультаций, так что я не мог выйти из госпиталя раньше двух часов дня. Я попросил Брэйла остаться на дежурство на несколько часов после двух.

Около двух сиделка позвонила и сообщила, что Рикори проснулся, может говорить и спрашивает меня.

Он улыбнулся мне, когда я вошел в комнату; когда я стал слушать его пульс, он сказал:

— Я думаю, что вы спасли больше, чем мою жизнь, доктор Лоуэлл. Благодарю вас. Я этого не забуду.

Немного цветисто, но это в его характере. Это показывало, что мозг его работает нормально. Я успокоился.

— Да, вы были плохи!

Я погладил его руку. Он прошептал:

— Были еще случаи смертей?

Мне хотелось узнать, помнит ли он что-нибудь о том вечере. Я отвечал:

— Нет. Но вы потеряли много сил с тех пор, как Мак-Канн привез вас сюда. Я не хочу, чтобы вы много разговаривали сегодня. — И я добавил обычным голосом: — Нет, ничего не случилось. О да, вы упали с кровати сегодня утром, помните?

Он посмотрел на людей и потом снова на меня. И сказал:

— Я слаб. Я очень слаб. Вы должны очень быстро поставить меня на ноги.

— Вы будете сидеть через два дня.

— Меньше чем через два дня я должен встать и выйти. Есть одна вещь, которую я должен сделать. Я не могу ждать!

Я не хотел, чтобы он волновался. Я оставил попытку узнать, что было в машине. Я сказал решительно:

— Это будет зависеть только от вас. Не нужно волноваться. Вы

должны слушаться меня. Я должен оставить вас. Я дам распоряжение о вашем питании. Кроме того, я хочу, чтобы ваши ребята остались в комнате.

Он возразил:

— И тем не менее вы хотите уверить, что ничего не случилось!

— Я хочу, чтобы ничего не случилось. — Я наклонился над ним и сказал очень тихо: — Мак-Канн поместил людей вокруг жилища Мэндилип. Она не сможет убивать!

Он ответил:

— Но ее слуги способнее моих!

Я внимательно взглянул на него.

Глаза его были непроницаемы. Я пошел в свой кабинет в глубокой задумчивости. Что знал Рикори?

В одиннадцать часов Мак-Канн позвонил мне по телефону. Я был так рад услышать его голос, что даже рассердился.

— Где вы были? — начал я.

— Слушайте, док. Я у Молли — сестры Питерса, — приходите скорее.

Это требование еще больше раздражило меня.

— Не сейчас, — ответил я. — Сейчас мое служебное время. Я буду свободен только с двух.

— А не можете ли вы все-таки приехать? Что-то случилось... Я не знаю, что делать!

В его голосе слышалось отчаяние.

— Что случилось? — спросил я.

— Я не могу сказать вам по те... — голос понизился, стал мягким, я слышал, как он сказал: «Успокойся, Молли, это не поможет», — а затем обратился ко мне: — Ну, хорошо, приезжайте как только сможете, док. Я подожду. Запишите адрес.

Затем, после того, как он продиктовал мне адрес, я услышал, как он сказал: «Оставь это, Молли, я не уйду от тебя!»

Он резко оборвал разговор и повесил трубку. Я вернулся к своему столу обеспокоенный. Он не спросил меня о Рикори. Это само по себе было тревожным признаком... Молли?.. Сестра Питерса, конечно! Может быть, она узнала о смерти брата, и ей стало плохо? Я вспомнил, что Рикори говорил мне о том, что она ждет ребенка. Нет, я чувствовал, что паника Мак-Канна вызвана чем-то большим, чем это. Я чувствовал себя все более и более обеспокоенным. Я посмотрел на список вызовов. Серьезных случаев среди них не было. Я сказал секретарю, чтобы он им позвонил и отсрочил мои визиты. Я заказал машину и дал адрес Молли шоферу. Мак-Канн встретил меня на пороге.

Лицо его похудело и осунулось, в глазах сквозила загнанность. Он молча пропустил меня через гостиную. Я прошел через нее, открыл

дверь и увидел женщину с плачущим ребенком на руках. Мак-Канн провел меня в спальню, к кровати. На ней лежал мужчина, закрытый покрывалом до подбородка. Я нагнулся над ним, попробовал пульс, послушал сердце. Он был мертв. Он был давно уже мертв. Мак-Канн сказал:

— Муж Молли. Осмотрите так, как вы осматривали босса.

Я ощутил исключительно неприятное чувство, будто какая-то рука специально направляла меня от Питерса к Уолтерс, затем к Рикори и, наконец, к этому, лежащему передо мной... Когда же это прекратится?

Я раздел мужчину, вынул из сумки увеличительное стекло и зонды. Я осмотрел все тело, дюйм за дюймом, начиная от области сердца. Ничего... нигде ничего... Я перевернул тело. Сейчас же в основании черепа я увидел крошечную точку. Я вынул самый тонкий зонд и ввел его в ранку. И опять у меня появилось ощущение бесконечного повторения... Зонд свободно скользнул в отверстие. Я слегка пошевелил им.

Что-то вроде длинной тонкой иглы было введено в это место, где позвоночник соединяется с черепом. Случайно, а может быть, потому, что игла дико вращалась, чтобы порвать нервные пути, случился паралич дыхания, и это вызвало моментальную смерть. Я вынул зонд и повернулся к Мак-Канну.

— Этот человек убит, — сказал я. — Убит тем же типом оружия, от которого пострадал и Рикори. Но на этот раз сделано было более умело. Он никогда не вернется к жизни, как Рикори.

— Да? — спокойно сказал Мак-Канн. — Мы с Полем были при нем, когда это случилось. А с этим человеком были только его жена и ребенок. Как вы теперь поступите? Скажете, что они убили его, как вы сказали, что мы с Полем убили хозяина?

Я спросил:

— Что ты об этом знаешь, Мак-Канн? И как ты попал сюда? Случайно?

Он терпеливо ответил:

— Я не был здесь, когда это случилось, если вы хотите это узнать. Это случилось в два часа. Молли позвонила мне час тому назад, и вот я оказался здесь.

— Ей повезло больше, чем мне, — сухо сказал я. — Ребята Рикори пытались разыскать вас с часу ночи.

— Я знаю. Но я не знал этого до того, как Молли позвонила мне. А если вы хотите знать, что я делал всю ночь — я скажу вам. Я уходил по делам босса и вашим. Во-первых, я хотел увидеть, где племянница этой дикой кошки держит свой маленький автомобиль. Я нашел — но поздно.

— Ну, а люди, которые должны были наблюдать?

— Слушайте, док, поговорите с Молли. Я боюсь за нее. Ее поддерживает только то, что я говорил ей о вас.

— Пойдем к ней, — сказал я.

Мы вернулись в комнату с женщиной и плачущим ребенком. Женщине было не более 27—28 лет. При обычных обстоятельствах она была бы очень хороша.

Теперь лицо ее было измучено и смертельно бледно, глаза полны ужаса, ужаса на границе с сумасшествием. Она поглядела на меня, не видя, все время растирая губы кончиками пальцев. Девочка лет четырех продолжала беспрерывно плакать. Мак-Канн встряхнул ее за плечо.

— Кончай это, Молли! — сказал он грубо, но с жалостью. — Вот док.

Женщина посмотрела на меня внимательно и спросила немедля, со слабой тенью неверия:

— Он умер? — Она прочла ответ на моем лице и закричала: — О! Джони, Джони, родной! Умер!

Она взяла на руки ребенка и сказала почти спокойно:

— Джони ушел, дорогая. Папе нужно уехать. Не плачь, крошка, мы скоро увидимся с ним.

Мне бы хотелось, чтобы она заплакала. Этот глубокий страх, не оставляющий ее глаз, был слишком силен, он как бы закрывал все выходы для горя. Ее мозг не мог вынести такое напряжение в течение длительного времени.

— Мак-Канн, — прошептал я, — скажи что-нибудь, сделай что-нибудь ей, чтобы хоть немного ее подбодрить или отвлечь. Сделай так, чтобы она сильно рассердилась или расплакалась. Все равно что.

Он кивнул. Выхватил ребенка из ее рук и спрятал у себя за спиной, затем близко наклонился к женщине и сказал ей грубо:

— Ну-ка, скажи начистоту, Молли, почему ты убила Джона?

На минуту она замерла, не понимая. Затем вся вздрогнула. Ужас исчез из ее глаз, и они заблестели от бешенства. Она бросилась на Мак-Канна и принялась бить его кулаками по лицу. Я поймал ее руки. Ребенок кричал.

Напряжение ее тела ослабло, руки бессильно опустились. Она соскользнула на пол и положила голову на колени. И слезы пришли. Мак-Канн хотел поднять ее и успокоить. Я остановил его.

— Пусть поплачет. Для нее это лучше.

Немного погодя она взглянула на Мак-Канна и сказала тихо:

— Ты ведь не думаешь этого, Дан?

Он ответил:

— Нет. Я знаю, что это не ты сделала, Молли. Но теперь ты должна все рассказать доку, и скорей. У нас с ним много дел.

Она спросила довольно спокойно:

— Вы будете задавать мне вопросы, доктор? Или мне просто рассказать вам, что случилось?

Мак-Канн сказал:

— Расскажи ему так, как ты рассказала мне. Начни с куклы.

Я сказал:

— Это правильно. Расскажите мне все. Если у меня будут вопросы, я задам их потом.

Она начала:

— Вчера перед обедом Дан приехал и повез меня покататься. Обычно Джон не приходит... не приходил домой до шести. Но вчера он беспокоился обо мне и приехал домой рано, около трех часов. Он любит... он любил Дана и настоял, чтобы я поехала. Я вернулась около шести. «Пока ты отсутствовала, Молли, дочурке прислали подарок,— сказал он.— Это опять кукла. Я уверен, что ее прислал опять Том». Том — это мой брат. На столе стояла большая коробка. Я открыла крышку. Там лежала чудеснейшая кукла. Совершенная вещь. Маленькая девочка, но не ребенок, а уже лет одиннадцати. Одета ученицей, с книгами через плечо, около 30 сантиметров длиной, прелестная вещь. Прекраснейшее личико, как у ангелочка. Джон сказал: «Адрес был твой, Молли, я подумал, что там были цветы, и вскрыл посылку. Просто будто она сейчас заговорит, правда? Я уверен, что это то, что называют куклой-портретом. Наверное, она сделана с живой модели».

Я тоже решила, что куклу прислал Том, так как он и раньше подарил маленькой Молли куклу. А моя подруга... которая умерла... достала в том же месте и рассказала, что женщина, которая делала их, попросила ее позировать для нее. Но я спросила Джона: «А не было ли там записки, или карточки, или чего-нибудь в этом роде?» Он сказал: «Нет... О, да, там была странная вещь. Что это такое? Я, видимо, засунул ее в карман». Он порылся в кармане и вытащил веревочку. На ней были узелки, и она была сделана из волос. Я сказала: «Удивляюсь, что пришло в голову Тому?». Джон положил ее обратно в карман и забыл о ней.

Маленькая Молли спала. Мы поставили куклу так, чтобы она могла сразу увидеть ее, как только проснется. Как только она ее увидела, она не могла от нее оторваться. Мы пообедали, а Молли все играла с куклой. Когда она легла спать, я хотела забрать куклу, но она заплакала, и я положила ее рядом с ней в кроватку. Мы поиграли в карты до одиннадцати, а затем стали собираться спать. Молли спит беспокойно, поэтому мы укладываем ее в низкой колыбельке на случай, если она упадет. Колыбелька стоит в спальне, в углу около окна. Мы постояли и посмотрели на Молли, как всегда. Она крепко спала, обняв куклу, голова куклы лежала на ее плечике.

Джон сказал: «Господи, Молли, эта кукла выглядит такой же жи-

вой, как дочурка. Я бы не удивился, если бы она встала и пошла. Для нее позировала прелестная девчушка».

И это было так. У нее было прелестное, доброе, маленькое личико. О! Доктор Лоуэлл, это так ужасно!.. Так ужасно...

Я увидел, что страх опять появляется в ее глазах.

Мак-Канн сказал:

— Держись, Молли!

— Я все пыталась отобрать куклу. Она была так хороша, что я боялась, что девочка во сне может придавить ее и испортить, но она крепко держала ее, а мне не хотелось будить ребенка. Я так и оставила все. Когда мы раздевались, Джон вынул из кармана волосяную веревочку. «Странная веревочка, — сказал он. — Когда увидишь Тома, спроси его, зачем она ему нужна?»

Он сунул ее в ящик стола, стоящего у кровати. Вскоре после этого он заснул. Потом заснула и я...

Потом вдруг я проснулась... или думала, что проснулась... я не знаю, спала ли я и мне снилось... Это должен был бы быть сон... и все же... О, Господи! Джон умер... Я слушала, как он умирал...

Снова брызнули слезы. Затем:

— Если я проснулась, то от страшной тишины. И все-таки мне кажется, что это было во сне. Не может быть такой тишины... разве только во сне. Мы живем на втором этаже, и к нам всегда доносятся звуки с улицы. А тут — никакого звука. Как будто весь мир онемел. Я сидела, думала, прислушивалась...

Жадно слушала, пытаясь уловить хоть малейший шум. Я даже не слышала дыхания Джона. Я была испугана, так как в этой тишине было что-то ужасающее. Мне хотелось нагнуться над Джоном, дотронуться до него, разбудить его. Но я не могла двинуться, не могла пошевелить пальцем. Я попыталась позвать Джона, крикнуть... и не могла. Занавеси на окнах были частично опущены. Слабый свет проникал из-под них с улицы, и вдруг он исчез. Комната погрузилась во мрак... И затем появился зеленый свет. Сначала он был слабым. Он появился снаружи. Он был в самой комнате. Он слегка разгорался и угасал. Но после каждого угасания он становился ярче. Он был зеленоватым, как чистая морская вода. Наконец он перестал угасать. Он освещал все, но это не был свет. Он не был ярким. Он как бы сиял. И он был везде: под столом, под стульями... то есть он не давал тени. Я могла видеть все в комнате. Я могла видеть девочку в колыбельке, голову куклы на ее плече... И вдруг кукла пошевелилась! Она повернула голову, как бы прислушивалась к дыханию ребенка. Она положила свои маленькие ручки на руку девочки. Рука девочки упала. Теперь я была уверена в том, что это сон... Странная тишина. Странный зеленый свет. И это... Кукла перелезла через сетку колыбельки и упала на

пол. Затем добежала вприпрыжку до кровати, как ребенок, таща за собой свои учебники на ремешке. Она поворачивала головку во все стороны, как любопытное дитя. Она увидела туалетный стол, влезла на край стола и начала любоваться собой в зеркале. Она прихорашивалась, вертелась, рассматривала себя то через левое, то через правое плечо.

Я подумала: «Какой странный, фантастический сон!» И затем я подумала: «Мне снится все это потому, что Джон сказал, что кукла как живая и он не удивился бы, если бы она пошла или заговорила. Какая тщеславная кукла! Но я не сплю, иначе я не раздумывала бы о том, почему мне снится сон». Все это мне показалось такой чепухой, что я засмеялась. Но звука смеха не было. Смех был как бы внутри меня. Она повернулась и посмотрела прямо на меня: похоже, что кукла услыхала меня. Мне показалось, что сердце остановилось. У меня бывали кошмары, доктор Лоуэлл, но я никогда не видела ничего более ужасного, чем глаза этой куклы. Это были глаза дьявола! Они отливали красным светом. Я хочу сказать, что они фосфоресцировали... как глаза зверя в темноте. Но это была злоба, ужасная злоба. Она потрясла меня. Эти глаза дьявола на ангельском личике. Я не помню, сколько времени она так стояла, глядя на меня. Наконец она спрыгнула вниз и села на край стула, болтая ногами, как ребенок, и все еще глядя на меня. Затем медленно и спокойно она подняла обе руки и закинула их за голову. Так же медленно она опустила обе руки. В одной из них была длинная игла. Как кинжал...

Она спрыгнула на пол, подбежала ко мне, спряталась под кровать. Минута — и она взобралась на кровать и стояла в ногах у Джона, все еще глядя на меня своими красными глазами.

Я пыталась крикнуть, шевельнуться, разбудить Джона. Я молилась: «Господи! Разбуди его! Господи, разбуди, спаси его!»

Кукла отвернулась от меня. Она стояла и смотрела на Джона. Она стала взбираться вдоль его тела к голове. Я пыталась пошевелить рукой, чтобы схватить ее. Я не могла. Кукла исчезла из моего поля зрения.

Затем я услышала ужасный, рыдающий стон... Я почувствовала, как Джон содрогнулся, вытянулся и замер. Потом вздохнул. Я знала, что он умирает... и ничего не могла сделать... и это молчание... и зеленый свет...

Я услышала звук какой-то свирели или флейты с улицы... из-под окон... Я почувствовала какое-то движение.

Кукла запрыгала по полу через комнату и вспрыгнула на подоконник. Она нагнулась, глядя на улицу. Она держала что-то в руке. И я увидела, что это была веревочка с узелками, которую Джон положил в ящик стола...

Я снова услышала звук флейты... кукла выпрыгнула в окно... глаза

ее сверкнули красным светом... маленькие руки одно мгновение держались за подоконник... затем исчезли... зеленый свет замигал и исчез. Снова появился свет под занавесью. Тишина, казалось, вытекала из комнаты.

А меня как будто захлестнула волна темноты. Я словно погрузилась в нее. Я смутно слышала, как часы пробили два раза. Когда я снова проснулась или пришла в себя после обморока, я повернулась к Джону. Он лежал рядом так тихо!.. Я дотронулась до него. Он был холодным. Боже мой, каким холодным! Я знала, что он мертв. Доктор, скажите... что было сном, а что правдой?

Я знаю, что кукла не могла убить Джона! Неужели это сама я во сне... убила его?!

ТЕХНИКА МАДАМ МЭНДИЛИП

В ее глазах было что-то такое, что запрещало мне говорить правду, поэтому я соврал ей:

— В этом отношении я могу вас успокоить. Ваш муж умер от вполне естественной причины — тромба в мозгу. Мое исследование привело меня к такому выводу. Вы не имеете к этому никакого отношения. Что касается куклы — вы видели просто необычайно яркий сон. Вот и все. Это случается с нервными людьми.

Она посмотрела на меня так, как будто рада была бы душу свою отдать, чтобы мне поверить. Затем сказала:

— Но я слышала, как он умирал!

— Это весьма возможно, — я принялся за сугубо профессиональное объяснение, которое, как я знал, будет ей совершенно непонятно и поэтому убедительно:

— Вы могли наполовину проснуться, то, что мы называем на границе сознания. Может быть, весь ваш сон был навеян тем, что вы слышали. Ваше подсознание пыталось объяснить звуки, и так зародился весь фантастический сон, который вы рассказывали мне. То, что казалось вам длящимся несколько минут, на самом деле заняло часть секунды — подсознание создает свое собственное время. Это обычное явление. Хлопает дверь или раздается какой-нибудь другой звук, внезапный и резкий, — он будит спящего. Когда он совсем проснется, у него останется воспоминание о каком-то ярком, необычайном сне, который кончился громким звуком. На самом деле сон начался одновременно со звуком. А ему кажется, что сон длился часы. На самом деле он был моментальным, он уместился весь, от начала до конца, в краткий миг между громким звуком и пробуждением.

Она тяжело вздохнула, боль в ее глазах ослабела. Я продолжал:

— И еще есть что-то, о чем вам нужно помнить — ваше положение. В это время у многих женщин бывают очень реалистические сны,

обычно неприятного характера. Иногда даже доходит до галлюцинации...

Она прошептала:

— Это верно. Когда я была беременна маленькой Молли, я видела ужасные сны...

Она задумалась. Сомнение снова появилось на ее лице.

— Но кукла! Кукла-то ведь исчезла! — сказала она.

Я выругал себя за то, что не приготовился к этому и не имел готового ответа. Мак-Канн пришел на помощь. Он сказал:

— Конечно, она исчезла, Молли. Я выкинул ее в мусоропровод. После того, что ты мне рассказала, я решил, что лучше тебе ее больше не видеть.

Она спросила резко:

— Где ты ее нашел? Я искала ее.

— Видимо, ты не была в таком состоянии, чтобы терпеливо поискать, — ответил он. — Я нашел ее в ногах в колыбельке, закрученной в простыню. Выглядело так, как будто Молли плясала на ней всю ночь во сне.

Она сказала задумчиво:

— Она соскользнула к ногам. Кажется, я там не посмотрела.

Я сказал строго, чтобы она не почувствовала сговора между Мак-Канном и мною:

— Ты не должен был делать этого, Мак-Канн. Если бы ты показал куклу, миссис Гилмор сразу бы почувствовала, что все это ей приснилось, и была бы избавлена от части своих мучений.

— Но я не подумал, доктор, — голос его звучал виновато. — Я думал, так будет лучше.

— Пойди и поищи ее, — сказал я сердито. Он быстро взглянул на меня. Я кивнул — я надеялся, что он поймет. Через несколько минут он вернулся.

— Пятнадцать минут тому назад мусорный ящик очистили, — доложил он. — Кукла исчезла. Но я нашел вот что.

Он держал в руках связочку миниатюрных книжек на ремешке. Он спросил:

— Это не те книжки, которые кукла уронила на твоем столе, Молли, в твоем сне?

Она вздрогнула и отпрянула в сторону.

— Да, — прошептала она, — пожалуйста, убери их, Дан. Я не хочу их видеть.

Он посмотрел на меня: — Думаю, что я все-таки был прав, когда выкинул куклу вон, доктор.

Я сказал: — Во всяком случае теперь, когда миссис Гилмор знает, что все это был только сон, можно считать, что никакой особой беды не случилось.

— А теперь, — я взял ее холодные руки в свои, — я кое-что предпишу вам. Я не хочу, чтобы вы оставались здесь больше, чем это необходимо. Я хочу, чтобы вы запаковали вещи, которые вам с Молли нужны на неделю, и уехали тотчас же. Я думаю о вашем положении — маленькой жизни, которая скоро появится на свет. Я займусь необходимыми формальностями. Вы можете проинструктировать Мак-Канна по всем деталям. Но я хочу, чтобы вы уехали. Согласитесь вы с этим?

К моему облегчению, она охотно согласилась. Последовали быстрые сборы, затем тяжелый момент прощания с телом. Наконец все было готово. Девочка хотела забрать своих кукол. Я отказал ей в этом, несмотря на опасность снова разбудить подозрения Молли. Я не хотел, чтобы что-нибудь от мадам Мэндилип сопровождало их в их поездке к деревенским родственникам. Мак-Канн поддержал меня, и куклы были оставлены в квартире.

Я пригласил по телефону знакомого гробовщика. Затем осмотрел еще раз тело, чтобы убедиться, что крошечный укол не будет замечен. Опасности расследования и вскрытия не было, так как я дал свое заключение, в котором никто не стал бы сомневаться.

Когда явился гробовщик, я объяснил ему отсутствие жены началом родовой деятельности и отправкой в больницу по моему предписанию.

В диагнозе я написал, что смерть наступила вследствие тромбоза — мрачно вспомнив при этом, что точно такой же диагноз был поставлен врачом банкира и что я тогда подумал о нем.

После того, как унесли тело, я сидел и ждал возвращения Мак-Канна, стараясь сориентироваться во всей этой фантасмагории, через которую, как мне казалось, я двигался бесконечно долгое время.

Я старался освободить свой мозг от всякого предубеждения, всех предвзятых идей о том, что может и чего не может быть в природе. Я понял, что эта мадам Мэндилип обладает какими-то знаниями, о которых современная наука не имеет понятия. Я отказывался называть это колдовством или волшебством. Слова ничего не значили, так как их могли в течение столетий применять к совершенно естественным явлениям, причины которых могли быть поняты лишь много позже. Так, зажженная спичка была волшебством для дикарей. Нет! Мадам Мэндилип не была ведьмою, как считал Рикори. Она знала что-то никому не известное — и это все. Это было знание, наука, а потому оно должно было подчиняться каким-то определенным законам, тоже не известным никому. Если деятельность мастерицы кукол не имела определенной цели, все же ее действия имели какие-то законы причин и следствий, без которых она не могла обойтись. В них не было ничего сверхъестественного, но было то, что, будучи в положении дикарей, мы не знали. Что заставляет гореть спичку. Что-то из этих законов, что-то от способностей этой женщины, мне казалось, я уже знал.

Веревочка с узелками, «лествица ведьмы», видимо, была необходима для оживления кукол. Одну такую веревочку положили в карман Рикори перед первым покушением на него. Я нашел другую у его кровати после беспокойных ночных событий. Я заснул, держась за нее рукой — и я пытался убить моего пациента. Третья веревочка, сопровождавшая куклу, убила Джона Гилмора. Значит, ясно, что веревочка была одним из условий необходимых для управления и контроля над куклами. Против этого как будто говорил факт, что пьяный бродяга не мог иметь при себе «лествицы», когда на него нападала кукла Питерса.

Однако, может быть, она была нужна, чтобы привести кукол в действие, а раз приведенные в действие, они могут быть живыми какой-то длительный срок? При производстве этих кукол существовали какие-то определенные правила.

Во-первых, видимо, предполагаемая жертва должна была позировать по доброй воле для создания своей маленькой копии; во-вторых, у жертвы должна была появляться рана, чтобы можно было ввести в кровь какое-то снадобье, вызывающее смерть по неизвестным причинам; в-третьих — кукла должна быть точной копией жертвы.

То, что причина, вызывающая смерть, одинакова во всех случаях, подтверждается одинаковыми симптомами короткой болезни. Не связаны ли эти смерти с оживлением кукол? Являются ли они необходимой частью операции? Мастерица кукол, без сомнения, верит в это. Я — нет!

То, что кукла, проткнувшая Рикори, являлась копией Питерса, а кукла-сиделка — копией Уолтерс, что кукла, воткнувшая иглу в мозг Гилмора, была, возможно, вылеплена с Аниты — одиннадцатилетней школьницы — все это я признавал.

Но что нечто от Питерса, Уолтерс и Аниты было перемещено в кукол с проволочными скелетиками... против всего этого возмущалось всё мое думающее «я». Я не мог заставить свой мозг принять такое предположение. Мой анализ был прерван возвращением Мак-Канна.

Он сказал коротко:

— Ну, с этим кончено.

Я спросил:

— Мак-Канн, ты случайно не сказал правду, что нашел куклу?

— Нет, док, кукла сбежала.

— А где ты взял книжечки?

— Как раз там, где Молли сказала, что она уронила их — на ее туалетном столике. Я спрятал их в карман после ее рассказа. Она не заметила этого. Я ее обманул. Здорово получилось, не правда ли?

— Ты заставил меня подумать о том, что бы мы сказали, если бы она спросила о веревочке с узелками.

— Веревочка с узелками, кажется, на нее не произвела впечатления. — Он задумался. — Но я думаю, что она означает чертовски

много, док. Я думаю, что если б я не увез ее тогда на прогулку, а Джон не оказался бы дома и Молли открыла бы коробку вместо него — то Молли лежала бы рядом с ним ночью.

— Ты предполагаешь...

— Я думаю, что куклы охотятся за тем, у кого веревочка, — сказал он угрюмо.

Ну что ж, это была та же мысль, что приходила и мне в голову. Я спросил:

— Но почему кому-то понадобилось убить Молли?

— Может быть, кто-нибудь считает, что она слишком много знает? А это напомнило мне о том, что я хотел сказать вам. Мэндилип прекрасно знает, что за ней следят.

— Ну что ж, ее слуги лучше наших, — повторил я мысль Рикори. И я рассказал Мак-Канну о ночном нападении и почему я искал его.

— А это, — сказал он, когда я кончил, — доказывает, что ведьма Мэндилип прекрасно знает, кто стоит за ее сторожами. Она старается убрать обоих — босса и Молли. Она и охотится за ними, док.

— Кукол кто-то сопровождает, — сказал я. — Музыкальные звуки отзывают их обратно. Они не тают в воздухе. Они слышат звуки и уходят... куда-то... туда, откуда слышатся звуки. Значит, одна из женщин должна забрать их. Как они проскальзывают мимо ваших сторожей?

— Я не знаю, — его похудевшее лицо было измучено. — Бледная девка делает это. Сейчас я расскажу вам, что я нашел, док: вчера, после вас, я пошел к ребятам. Я много чего услышал. Они говорят, что около четырех часов девица уходит в заднее помещение, а старуха усаживается в лавке. В этом ничего особенного нет. Но около семи часов они вдруг видят, что девица идет по улице и входит в лавку. Они устраивают скандалы ребятам, сторожащим задний вход. Они ни разу не видели ее выходящей и поэтому начинали ругать ребят, сторожащих вход с улицы.

Около одиннадцати часов ночи один из ребят пришел с еще худшими новостями. Он сказал, что шел по Бродвею, когда его обогнала маленькая машина, причем ею управляла девица из лавки. Он не мог ошибиться, он уже хорошо изучил ее. Она быстро проехала вверх по Бродвею. Он заметил, что за ней никто не следит, и начал искать такси. Конечно, не нашел. Поэтому вернулся к ребятам и спросил, какого черта все это значит? И опять никто не видел, как она выходила.

Я взял пару ребят, и мы начали прочесывать весь квартал, чтобы найти гараж. Нам повезло только около четырех часов, когда прибежал один из ребят. Он сказал, что около трех часов он видел девушку — по крайней мере ему показалось, что это была она — идущей по

улице за углом, недалеко от лавки. В руках у нее было два больших чемодана, которые она несла так легко, как будто они были пустые. Она шла быстро. Но шла она от лавки прочь. Парень на секунду повернулся, чтобы удобнее встать, когда вдруг она исчезла. Он обыскал всё это место, но не нашел ее. От нее не осталось ни волоска. Было довольно темно. Он дергал за ручки дверей и калиток, но все было заперто. Он бросил поиски и побежал искать меня. Я осмотрел место. Это совсем недалеко от лавки, в трети квартала за углом. Там всё больше лавки, а дальше — склад. Там живет мало народа. Дома — старые. Все же я никак не пойму, как эта девица могла попасть в лавку. Я подумал, что ребята ошибаются. Он видел еще кого-то или думал, что видел. Ну, мы осмотрели все и, наконец, нашли гараж. Мы открыли дверь. И там, действительно, стояла машина с горячим мотором. Она только что была тут поставлена. И такая же машина, какую видели на Бродвее с ней, той же марки.

Я снова запер дверь и вернулся к ребятам. Я сторожил вместе с ними до утра. Лавка не освещалась. Около восьми часов девушка показалась в лавке и отперла ее.

— И все-таки, — сказал я, — вы не имеете реальных доказательств ее отсутствия. Девушка, которую видел ваш приятель, могла быть просто похожа на нее.

Он посмотрел на меня с сожалением.

— Она вышла днем, и они не видели ее, не так ли? Почему она не могла проделать то же ночью? Парень видел ее за рулем машины, не так ли? И мы нашли такую же машину около того места, где встретили эту девушку.

Я сидел задумавшись. Не было причин не верить Мак-Канну. Кроме того, наблюдалось полное совпадение, ужасающее совпадение по времени. Я сказал негромко:

— Время ее отсутствия днем совпадает со временем, когда Гилморам доставили куклу. Время ее отсутствия ночью совпадает со временем нападения на Рикори.

— Да, — вы попали не в бровь, а в глаз! — обрадованно сказал Мак-Канн. — Она вышла и оставила куклу у Молли, затем вернулась. Она вышла ночью и натравила кукол на босса. Она ждала, когда они выпрыгнут из окна. Затем она поехала забрать ту, которую она оставила у Молли. Затем поехала домой. Они были в чемоданах, которые она несла.

Я не мог сдержать злого раздражения на состояние безнадежности, которое охватило меня.

— Полагаю, что вы думали увидеть, как она вылетает на метле из дома, прямо из трубы, — сказал я насмешливо.

— Нет, — ответил он серьезно. — Нет, этого я не думал. Но дома

там старые, и я думал, что, может быть, в них есть какая-нибудь крысиная нора в виде подземного хода или что-нибудь в таком роде, через которую она проходит. Как бы то ни было, ребята наблюдают улицу и гараж, и она не может вывести незаметно машину.

Он добавил холодно:

— А впрочем, я не уверен, что она не может пролететь на метле, если захочет.

Я сказал резко:

— Мак-Канн, я иду туда поговорить с мадам Мэндилип. Я хочу, чтобы ты пошел со мной.

— Я буду с вами, док, с пальцем на курке.

— Нет, я пойду к ней один. Но я хочу, чтобы ты стоял настороже снаружи.

Ему это не понравилось, с трудом и нехотя он согласился.

Я позвонил к себе в госпиталь, поговорил с Брэйлом и узнал, что Рикори поправляется удивительно быстро.

Я попросил Брэйла посмотреть за всеми делами до конца дня, придумал, что мне необходимо съездить на консультацию. Я попросил соединить меня с комнатой Рикори. Через сиделку я ему сказал, что Мак-Канн со мной, что мы исследуем один вопрос, о результатах которого сообщу, когда вернусь, и что, если он не возражает, я прошу, чтобы Мак-Канн оставался со мной до конца дня.

Рикори передал, что Мак-Канн должен слушаться моих приказаний, как его собственных. Он хотел переговорить со мной, но я не позволил. Сказал, что очень спешу, и повесил трубку.

Я хорошо позавтракал. Мне показалось, что хороший завтрак поможет мне держаться ближе к реальности, когда я встречу хозяйку иллюзий. Мак-Канн был странно молчалив и озабочен.

Часы пробили три, когда я отправился на свидание к мадам Мэндилип.

МАДАМ МЭНДИЛИП

Я стоял у окна кукольного магазина, стараясь подавить странное нежелание войти в него. Я знал, что Мак-Канн следит за мной. Я знал, что люди Рикори находятся на страже в доме напротив, а также ходят, как прохожие на улице. Несмотря на грохот подземной железной дороги и шум движения вокруг Бэттери и нормальную жизнь улицы, кукольная лавка казалась крепостью, в которой царила полная тишина.

Я стоял, содрогаясь, на пороге, словно в преддверии неизвестного мира. На окне было выставлено несколько кукол, но они не были настолько необычны, чтобы привлечь внимание как ребенка, так и взрослого. Не такие красивые, как куклы, подаренные Уолтерс или Гил-

мору, но тоже прелестные в своем роде. Свет в лавке был слабый. Я заметил худенькую девушку, движущуюся за прилавком. Без сомнения, племянница мадам Мэндилип. Размеры лавки не говорили о наличии большой комнаты позади нее, описанной Уолтерс. Но дом был старый и мог тянуться дальше во двор.

Резко и нетерпеливо я открыл дверь и вошел. Девушка обернулась ко мне. Она наблюдала за мной, когда я шел к прилавку. Я тоже изучал ее. Явная истеричка, тип, не вызывающий сомнений. Бледные голубые глаза с неопределенным взглядом из-под полуопущенных ресниц, длинная тонкая шея, бледное округлое личико, очень бледное, тонкие белые пальчики. Руки ее были сжаты, и я заметил, что они необычно гибки. В другие времена и при других обстоятельствах она была бы монахиней, жрицей, оракулом или святой.

Основным чувством в ней был страх. В этом не было никакого сомнения. Но боялась она не меня. Это был какой-то глубокий, давнишний страх, который словно лежал в глубине ее существа, высасывая ее жизнь, — какой-то духовный страх.

Я посмотрел на ее волосы. Они были серебристо-пепельными... Цвет волос, из которых были сплетены веревочки с узелками!..

Когда она увидела, что я смотрю на ее волосы, неопределенность ее взгляда уменьшилась. Она как будто впервые увидела меня. Я сказал как можно будничнее:

— Меня заинтересовали куклы на вашем окне. У меня есть маленькая внучка, и я думаю, что они бы ей понравились.

— Куклы продаются. Вы можете купить ту, которая вам понравится. Цены указаны.

Голос ее был низким, очень тихим, безразличным. Но глаза становились все более внимательными.

— Я думаю, — сказал я, чувствуя раздражение, — что это может сделать любой покупатель. Но этот ребенок — моя любимица, и я хочу купить для нее самую лучшую куклу. Не можете ли вы показать мне еще куклы, может быть, у вас есть лучше этих?

Она отвернулась. Мне показалось, что она прислушивается к каким-то звукам, которых я не слышал. Ее манеры вдруг потеряли свое безразличие, стали грациозными. И в этот момент я почувствовал на себе чей-то изучающий взгляд. Ощущение было так сильно, что я невольно обернулся и осмотрел лавку. В ней не было никого, кроме девушки и меня. В конце прилавка была дверь, но плотно закрытая. Я посмотрел в окно — не смотрит ли в него Мак-Канн. Никого не было видно.

Затем сразу, как будто щелкнул затвор фотоаппарата, невидимый взгляд исчез... Я повернулся к девушке. Она поставила на прилавок полдюжины коробок и открыла их. Она смотрела на меня искренне, почти ласково.

Она сказала:

— Конечно, вы можете посмотреть все, что есть у нас. Мне очень жаль, если вы подумали, что я безразлична к вашим желаниям. Моя тетя, которая делает кукол, любит детей. Ей не нравится, когда другие люди, тоже любящие детей, уходят неудовлетворенными.

Это была странная маленькая речь, как будто повторенная под диктовку. Но меня больше заинтересовало изменение, происшедшее с самой девушкой. Ее голос не был больше безжизненным. Он звучал живо и бодро. И сама она не была больше безжизненной, рассеянной, безразличной. Она была оживлена, даже немного излишне, на щеках ее появилась краска, и вся неопределенность исчезла из ее глаз, они блестели чуть насмешливо и даже слегка злобно.

Я рассматривал кукол.

— Они прелестны, — сказал я наконец. — Но, может быть, у вас есть еще лучше? Откровенно говоря, у меня сегодня особое событие: день рождения внучки. Ей исполняется 7 лет. Цена для меня не имеет особого значения, конечно, если она в пределах разумного...

Она вздохнула. Я взглянул на нее. Бледные глаза снова приобрели напуганное выражение, блеск и насмешка погасли в них. Она побледнела, и я вдруг снова почувствовал на себе незримый взгляд, еще более настойчивый, чем раньше. И снова я содрогнулся.

Дверь за прилавком открылась. Подготовленный записями Уолтерс к чему-то необычному, я все-таки был поражен видом мастерицы кукол. Ее рост и массивность подчеркивались размерами кукол и тонкой фигуркой девушки. С порога на меня глядела великанша с тяжелым лицом с большими скулами, с усами над верхней губой и весьма мужественным лицом, резко контрастирующим с огромным бюстом.

Я посмотрел в ее глаза... я забыл карикатурность ее лица и фигуры... Глаза были огромные, блестящие, черные, чистые и изумительно живые. Как будто это были духи-близнецы, не связанные с телом. Из них словно изливался поток жизненности, который действовал на мои нервы, и в этом не было ничего угрожающего... в эту минуту... С трудом я отвел от нее глаза. Я посмотрел на ее руки. Она была вся завернута во что-то черное, и ее руки были спрятаны в складках. Я снова поднял глаза и, встретившись с ее глазами, заметил в них насмешку и неудовольствие, как в глазах девушки. Она заговорила, и я сразу понял, что вибрация жизни в голосе девушки была эхом ее приятного, звучного, глубокого голоса.

— То, что показала вам моя племянница, вам не понравилось?

Я собрался с мыслями и сказал:

— Они все прекрасны, мадам... мадам...

— Мэндилип, — сказала она вежливо. — Мадам Мэндилип. Вы не знали моего имени?

— К несчастью, — ответил я. — У меня есть маленькая внучка.

Я хочу что-нибудь красивое ко дню ее рождения. Все, что мне показали, чудесно, но мне хотелось бы знать, нет ли чего-нибудь особенного...

— Чего-нибудь особенного, — повторила она. — Хорошо — может быть, и есть. Но когда я особо обслуживаю покупателей, — она сделала ударение на слове «особо», — я должна знать, с кем имею дело. Вы, должно быть, считаете меня странной хозяйкой магазина, не так ли? — Она засмеялась, и я поразился свежести, молодости, удивительной нежности и звонкости этого смеха. С явным усилием я заставил себя вернуться к действительности и насторожиться. Я вытащил из чемоданчика карточку. Я не хотел, чтобы она узнала меня, как могло быть, если бы я дал ей свою карточку. Я не хотел также направить ее внимание на кого-нибудь, кому она могла принести вред. Поэтому я дал ей карточку моего давно умершего приятеля-доктора. Она взглянула на нее.

— А! — сказала она, — вы врач? Ну, теперь, когда мы знаем друг друга, зайдите ко мне, и я покажу вам моих лучших кукол.

Она ввела меня в широкий, плохо освещенный коридор. Она дотронулась до моей руки, и снова я почувствовал странное приятное напряжение нервов. Она остановилась около двери и взглянула мне в лицо.

— Это здесь, — сказала она, — я держу моих лучших кукол. Моих особенно хороших кукол!

Она снова засмеялась и открыла дверь.

Я перешагнул через порог и остановился, рассматривая комнату быстрым, беспокойным взглядом. Это была не та большая, чудесная комната, которую описывала Уолтерс. Действительно, она была несколько больше, чем можно было ожидать. Но не было изысканных старых панелей, ковров, волшебного зеркала, похожего на полушарие из прозрачнейшей воды, и всех тех вещей, которые превращали комнату в земной рай. Свет проходил через полузанавешенные окна, выходящие на небольшой пустой дворик. Стены и потолок были выложены простым коричневым деревом. Одна из стен комнаты была занята маленькими шкафчиками с деревянными дверцами. На стене висело зеркало, и оно было круглой формы, но на этом сходство с описанием Уолтерс кончалось. В углу был камин, такой же, как во всех обыкновенных домах Нью-Йорка. На стенах висело несколько гравюр. Большой стол был самым обыкновенным, заваленным кукольными одеяниями разной степени законченности.

Мое беспокойство росло. Если Уолтерс фантазировала насчет комнаты, то и весь ее дневник мог быть сплошным измышлением или продуктом слишком разыгравшегося воображения. И все же она ничего не выдумала относительно самой мастерицы кукол, ее глаз, голоса, наружности или насчет особенностей ее племянницы... Женщина заговорила, отрывая меня от моих мыслей:

— Моя комната интересует вас?

Я сказал:

— Любая комната, в которой творит настоящий артист, должна интересовать. А вы истинный художник, мадам Мэндилип.

— Откуда вы это знаете? — задумчиво спросила она.

Я совершил ошибку. Я сказал торопливо:

— Я любитель искусств. Я видел ваших кукол. Не нужно видеть целую галерею картин, чтобы понять, что Рафаэль, например, был великим мастером. Достаточно одной картины.

Она дружески улыбнулась. Затем закрыла за мной дверь и указала на стул около окна.

— Не возражаете ли вы против того, чтобы немного подождать перед тем, как я покажу вам своих кукол? Мне нужно кончить платьице кукле. Я обещала сделать это сегодня, а малютка, которая ждет его, должна скоро прийти. Я кончу быстро.

— Почему же нет?

Я опустился на стул. Она мягко сказала:

— Здесь спокойно. А вы устали. Вы много работали, да? И вы очень устали.

Я облокотился на спинку стула.

Вдруг я почувствовал себя очень усталым. На один момент я словно потерял сознание. С трудом открыв глаза, я увидел, что мадам села за стол. И тут я увидел ее руки. Пальцы были длинные, выхоленные, белые, и я знал, что это самые красивые руки из всех, какие я когда-либо видел. Так же, как и глаза, они, казалось, жили своей отдельной жизнью, независимой от тела, которому принадлежали. Она положила их на стол и снова заговорила ласково:

— Хорошо иногда прийти в спокойный уголок. Туда, где царит покой. Человек устает, очень устает. Он волнуется, работает и очень устает.

Она взяла со стола маленькое платье и начала шить. Длинные тонкие пальцы водили иглу, тогда как другая рука осторожно поворачивала крошечную одежду. Как удивительно гармоничны были движения ее белых рук... как ритм... как песня... успокоительны!..

Она сказала тихим, прекрасным голосом:

— Ах, да... сюда не достигает шум света. Все здесь мирно... и тихо... покой.

Я отвел глаза от медленного танца ее рук, от мягких движений длинных тонких пальцев, которые так ритмично двигались. Так успокаивающе. Она смотрела на меня мягко, с нежностью... глаза ее были полны того покоя, о котором она говорила.

Не вредно немного отдохнуть, набраться сил для ожидающей меня борьбы. Я устал. Я даже не сознавал раньше, как я устал! Я снова стал смотреть на ее руки. Странные руки, так же не принадлежащие

ее грузному телу, как глаза и голос. Может быть, они и не принадлежали ему. Может быть, грузное тело было только плащом, оберткой для настоящего тела, которому принадлежали руки, глаза, голос? Я думал об этом, наблюдая за медленными, ритмичными движениями ее рук. Каким должно быть это другое тело? Таким же прекрасным, как руки, глаза и голос?

Она начала напевать какую-то странную песенку. Это была сонливая, убаюкивающая мелодия. Она обволакивала мои усталые нервы, проникала в мой измученный мозг, распространяла сон... И от рук исходила сонливость... И глаза убеждали меня заснуть. Засни! Что-то внутри меня вдруг бешено забилось, заставляя меня встать, сбросить с себя это летаргическое состояние...

Ужасное усилие привело меня на границу сознания, однако я знал, что я еще не вышел из этого странного состояния. И на миг, на пороге полного пробуждения, я увидел комнату такой, какой видела ее Уолтерс. Огромная, наполненная мягким светом, увешанная странными коврами, за которыми словно прятался кто-то смеющийся надо мной. На стене зеркало, как огромное полушарие чистейшей воды, в котором отражалась резная рама, и это отражение колебалось, как зелень, окружающая чистый лесной пруд! Огромная комната заколебалась... и пропала.

Я стоял около перевернутого стула в той комнате, в которой заснул. И мастерица стояла рядом со мной очень близко. Она смотрела на меня с каким-то удивлением и, как мне показалось, печально. Она была похожа на человека, которому внезапно помешали.

Помешали?! Когда она встала со стула? Что она делала со мной, когда я спал? Что за мощное усилие воли помогло мне порвать ее паутину, которую она с таким искусством плела?

Я хотел заговорить и не мог. Я стоял бессловесный, обозленный, униженный. Я понял, что меня поймали — меня, который был так насторожен, подозрителен к каждому движению. Пойман в ловушку голосом, глазами, движущимися руками... предположением, что я устал... измучен... что здесь был покой... и сон... сон...

Что сделала она мне, пока я спал? Почему я не мог двигаться? Я чувствовал себя так, как будто вся энергия ушла в этот ужасающий разрыв паутины сна. Я стоял без движения, молчаливый, беспомощный. Ни один мускул не подчинялся моим желаниям. Мастерица кукол засмеялась. Она подошла к шкафчикам в стене. Мои глаза беспомощно следовали за ней. Паралич, охвативший меня, не ослабевал. Она нажала пружинку, и дверцы шкафчика распахнулись. Внутри шкафчика была кукла-ребенок. Маленькая девочка с прелестным улыбающимся личиком. Я посмотрел на нее и почувствовал холод в сердце. В ее маленьких сжатых ручках была игла-кинжал, и я знал точно, что это

та кукла, что зашевелилась в объятиях крошки Молли, вылезла из ее колыбельки, протанцевала на кровати и вонзила...

— Это моя самая хорошая! — глаза мастерицы кукол не отрывались от моих, они были наполнены злобной насмешкой. — Отличная кукла! Немного неаккуратная иногда. Забывает принести обратно свои учебники, когда ходит с визитами. Но такая послушная! Хотите ее для вашей внучки?

Она снова засмеялась — молодым, сверкающим злым смехом. И вдруг я понял, что Рикори был прав, и что эту женщину надо убить. Я собрал всю свою волю, чтобы прыгнуть на нее, но я не смог двинуть даже пальцем.

Длинные белые руки поднялись к следующему шкафчику и дотронулись до спрятанной пружины. Сердце мое сжалось так, как будто его стянула ледяная рука. Из шкафчика на меня смотрела Уолтерс. И она была распята. Так замечательно сделана, такой совершенно живой была эта кукла, что мне показалось, будто я вижу живую девушку в обратную сторону бинокля. Я не мог думать о ней как о кукле. Она была одета в форму сиделки. Но на ней не было шапочки, и ее черные растрепанные волосы свисали ей на лицо. Руки ее были вытянуты, и через каждую ладонь был проткнут маленький гвоздик, прикалывающий ее руки к стенке шкафчика. Ноги были босые, одна нога лежала на другой и через обе был вбит в стену еще один гвоздь. Дополняя и объясняя ужасное предположение, над головой висел маленький плакатик. Я прочел его:

«Сожженная мученица!»

Мастерица кукол пробормотала (голос ее был словно мед, собранный с цветов ада):

— Эта кукла вела себя плохо. Она была непослушна. Я наказываю своих кукол, когда они себя плохо ведут. Но я вижу, что вы расстроились. Ну, что ж, она была достаточно наказана, можно простить ее... на время.

Длинная белая рука протянулась к шкафу, вынула гвозди, затем она посадила куклу, прислонив ее спиной к стенке шкафчика. После этого мадам повернулась ко мне лицом.

— Может быть, вы хотите ее для вашей внучки? Увы! Она не продается. Ей нужно выучить урок, тогда она сможет ходить с визитами.

Голос ее изменился, потерял свою дьявольскую сладость, стал полным угрозы.

— Теперь слушайте меня, доктор Лоуэлл! Что, не думали, что я знаю, кто вы? Я знала это с самого начала. Вы тоже нуждаетесь в уроке! — Ее глаза блестели. — Вы получите свой урок — вы дурак! Вы, претендующий на то, чтобы лечить умы, и не знающий ничего, ничего, говорю я, о том, что такое ум, вы считаете ум частью машины из

плоти и крови, нервов и костей и не знаете ничего о том, что в нем находится. Вы считаете, что ничего не существует такого, чего вы не можете измерить в ваших пробирках или увидеть под вашим микроскопом. Вы определяете жизнь, как химический фермент и сознание, как продукт работы клеток. Вы дурак! Вы и ваш дикарь Рикори осмелились оскорбить меня, вмешаться в мои дела, окружить меня шпионами! Вы осмелились угрожать мне, мне... обладающей древней мудростью, рядом с которой вся ваша наука ничего не значит. Идиоты! Я знаю, кто обитает в мозгу, и силы, заставляющие их проявлять себя, и то, что живет вне их. Они являются по моему зову. А вы думаете выставить ваши кухонные знания против моих! Глупцы! Вы поняли меня? Говорите!

Она показала на меня пальцем. Я почувствовал, что могу говорить.

— Ты, чертова ведьма, — хрипло крикнул я. — Ты проклятая убийца! Ты сядешь на электрический стул, прежде чем твои черти помогут тебе сгинуть в преисподней!

Она подошла ко мне, смеясь.

— Вы предадите меня закону? Но кто поверит вам? Никто! То невежество, которое насадила ваша наука, явится моим щитом. Темнота вашего неверия явится моей неприступной крепостью. Идите, забавляйтесь вашими машинами, глупец! Играйте с ними! Но не мешайтесь больше в мои дела!

Голос ее стал смертельно спокойным.

— Теперь вот что я скажу вам. Если вы хотите жить, если вы хотите, чтобы жили люди, которых вы любите, уберите ваших шпионов. Рикори вы не можете спасти. Он — мой! Но вы никогда больше не думайте обо мне. Не лезьте в мои дела! Я не боюсь ваших шпионов, но они оскорбляют меня. Уберите их. Сейчас же. Если к ночи они будут еще на своих местах...

Она схватила меня за плечо и стала с такой силой трясти, что оно заныло. Затем толкнула меня к двери.

— Идите!

Я старался стать хозяином своей воли, поднять руки... Если бы я мог это сделать, я убил бы ее, как бешеного зверя. Но я не мог пошевелить руками. Как автомат я пересек комнату до двери. Мастерица кукол открыла ее.

Я услышал странный шелестящий звук из шкафчика. С трудом повернул голову. Кукла Уолтерс упала. Она лежала, и ее руки были протянуты в мою сторону, как будто она молила меня взять ее с собой. Я видел ее ладони, проткнутые гвоздями. Ее глаза смотрели на меня.

— Уходите! — сказала старуха, — и помните!

Такими же принужденными шагами я прошел через коридор в лавку. Девушка посмотрела на меня туманным испуганным взглядом.

Словно чья-то мощная рука тащила меня вперед, и я, будучи не в состоянии остановиться, быстро вышел из лавки на улицу.

Мне показалось, что я слышал позади себя насмешливый, злой и одновременно мелодичный смех мастерицы кукол...

МАСТЕРИЦА КУКОЛ НАНОСИТ УДАР

В тот момент, когда я попал на улицу, ко мне вернулись подвижность, энергия и сила. Я повернулся, чтобы снова войти в лавку. В метре от ее дверей я наткнулся на что-то, похожее на невидимую стену. Я не мог сделать и шага, не мог протянуть руки, чтобы дотронуться до двери. Как будто в этом месте моя воля перестала действовать, а мои руки и ноги отказывались слушаться меня. Я понял, что это было так называемое постгипнотическое состояние необычного характера, часть того же явления, которое держало меня в неподвижности перед мастерицей и отправило как робота вон из ее жилища. Я увидел подходящего ко мне Мак-Канна, и на секунду мне пришла в голову сумасшедшая мысль приказать ему войти и прикончить мадам Мэндилип пулей. Здравый смысл немедленно подсказал мне, что мы не сможем дать правдоподобного объяснения этому убийству, и что это может привести нас на тот же самый электрический стул, которым я только что грозил ей.

Мак-Канн сказал:

— Я уже начал беспокоиться, док. Хотел уже вломиться туда.

Я ответил:

— Пойдем, Мак-Канн. Я хочу как можно скорее попасть домой.

Он посмотрел мне в лицо и свистнул.

— Вы выглядите так, словно выдержали битву, док.

Я ответил:

— Да. И победа на стороне мадам Мэндилип. Пока.

— Вы вышли оттуда довольно спокойно. Не так, как босс, который словно выскочил из ада. Что случилось?

— Я скажу тебе позже. Дай мне немного подумать. Я хочу успокоиться.

На самом деле мне хотелось только вернуть себе самообладание. Мой мозг, казалось, был полуслепым... Как будто я попал в какую-то исключительно неприятную паутину, и, хотя вырвался из нее, куски ее все еще цеплялись за меня. Мы сели в машину и ехали несколько минут молча. Затем любопытство Мак-Канна взяло верх:

— Все-таки, — спросил он, — что вы думаете о ней?

К этому времени я пришел к определенному решению. Никогда в жизни я не испытывал такой гадливости, такой холодной ненависти, такого неудержимого желания убить, какое возбуждала во мне эта женщина. Это было не потому, что пострадало мое самолюбие, хотя

и это было довольно тяжело для меня. Нет, это было убеждение в том, что в задней комнате за лавкой жило чернейшее зло. Зло такое неизвестное и нечеловеческое, словно мастерица кукол действительно явилась прямо из ада, в который верил Рикори. Не может быть компромисса с этим злом, а также с женщиной, в которой оно концентрируется.

Я сказал:

— Мак-Канн, во всем свете нет ничего более злого, чем эта женщина. Не позволяйте девушке снова проскользнуть между вашими пальцами. Как вы думаете, она заметила, что вы вчера выследили ее?

— Не знаю, не думаю.

— Увеличьте количество людей против фасада дома и позади него. Сделайте это открыто, чтобы женщина заметила. Они подумают (конечно, если девушка не заметила, что за ней следили), что мы не подозреваем о другом выходе. Они будут думать, что мы уверены в том, что она выходит невидимой через переднюю и заднюю двери. Поставьте наготове две машины в начале и в конце улицы, на которой они держат гараж.

Будьте осторожней, не возбуждайте подозрений. Если появится девица, следите за ней...

Я остановился.

Мак-Канн спросил:

— А дальше что?

— Я хочу, чтобы вы взяли ее, увезли, упрятали, как там это называется? Это должно быть сделано совершенно тихо. Я полагаюсь на вас. Сделайте это быстро и спокойно. Вы знаете, как делаются такие вещи, лучше, чем я. Но не очень близко от лавки, если можно. Засуньте девице в рот кляп, свяжите ее, если нужно, но схватите ее. Затем хорошенько обыщите машину. Привезите девушку в мой дом со всем, что с ней найдете. Понимаете?

Он сказал:

— Если она покажется, мы ее захватим. Вы хотите ее допросить?

— Да, и кое-что еще. Я хочу посмотреть, что может сделать старуха. Я могу довести ее до какого-нибудь действия, которое даст нам возможность официально наложить на нее руки. Приведем ее в границы законности. Она может иметь, а может больше не иметь других, нами не видимых слуг, но мое мнение — надо отнять у нее видимых помощников. Это сможет сделать видимыми остальных. По меньшей мере, это должно обезвредить ее.

Он посмотрел на меня с любопытством:

— Она стукнула вас весьма чувствительно, док.

— Она это сделала, — ответил я коротко. Он задумался.

— Вы расскажете об этом боссу? — спросил он наконец.

— Может быть, да, а может быть, и нет. Все зависит от его состояния. А что?

— Дело в том, что, если нам придется толкать такое дельце, как умыкание девицы, он должен об этом знать.

Я сказал решительно:

— Мак-Канн, я сказал тебе, что Рикори приказал тебе безусловно повиноваться мне и выполнять мои распоряжения, как его собственные. Я дал вам приказ. Я беру на себя всю ответственность.

— Ладно, — сказал он, но я мог видеть, что он все еще сомневается. Если Рикори чувствовал себя хорошо, не было никакой причины, почему бы мне не рассказать все ему. Другое дело Брэйл. Зная о его чувстве к Уолтерс, я не мог сказать ему о распятой кукле, о которой даже теперь я не мог думать как о кукле, а думал только как о самой Уолтерс, распятой на стене и страдающей. Если я скажу ему, ничто не удержит его от внезапного нападения на мастерицу кукол. Я не хотел этого.

Но я чувствовал ничем не объяснимое нежелание рассказывать Рикори о деталях моего визита. То же я чувствовал и в отношении Мак-Канна. Я отнес это за счет опасения показать себя в смешном виде.

Мы остановились против моего дома. Было около шести. Перед тем, как выйти из машины, я повторил все свои распоряжения. Мак-Канн кивнул.

— Ладно, док. Если она выйдет, мы захватим ее.

Я вошел в дом и нашел записку от Брэйла о том, что он вышел и увидит меня после обеда. Я был рад этому. Я боялся вопросов. Я узнал, что Рикори спит и что он восстанавливает свои силы с поразительной быстротой. Я попросил сиделку передать ему, если он проснется, что я зайду после обеда. Я лег, стараясь заснуть перед обедом.

Но я не мог заснуть — все время я видел перед собой лицо старухи; как только начинал дремать, вздрагивал и просыпался.

Определенно, я не мог заснуть.

В семь я встал, съел прекрасный, сытный обед, выпил нарочно вдвое больше, чем обычно позволял себе, и закончил все чашкой крепкого кофе. После обеда я почувствовал себя много лучше, более энергичным и деятельным — или мне так казалось. Я решил рассказать Рикори о моих распоряжениях Мак-Канну насчет девушки. Я понимал, что это повлечет за собой рассказ о моем визите в лавку, но я уже сформулировал себе ту историю, которую хотел рассказать.

С неожиданным ужасом я вдруг понял, что эта история — все, что я мог рассказать! Я понял, что не могу передать другим то, что мне не разрешено, даже если бы хотел. И что это было по приказу старухи — постгипнотическое внушение, часть того запрета, который она наложила на мою волю, того запрета, который делал меня бессильным

в ее присутствии, который вывел меня из лавки, как робота, и отшвырнул от ее двери, когда я хотел вернуться.

Во время моего короткого сна она внушила мне: «Этого и этого ты не должен говорить. Это и это — можешь...»

Я не мог рассказать о кукле с иглой-кинжалом, которая проткнула мозжечок Гилмора. Я не мог говорить о кукле Уолтерс и ее распятии. Я не мог говорить о старухином признании в том, что она отвечала за смерти, приведшие нас к ней.

Однако, поняв это, я почувствовал себя лучше. Тут по крайней мере было что-то понятное — реальность, о которой я тосковал, что-то, что объяснялось без привлечения колдовства или каких-то других темных сил, что-то, находящееся все еще в сфере моих знаний. Я делал то же с моими пациентами много раз, возвращая их умы в нормальное состояние таким же постгипнотическим внушением.

Кроме того, существовал путь, которым можно было избавиться от всех внушений этой женщины по моему желанию. Сделаю ли я это? Упорно я решил не делать этого. Это будет признанием того, что я боюсь мадам Мэндилип. Я ненавидел ее, да, но я не боялся ее. Зная ее технику, я не мог допустить такую глупость, чтобы отказаться от наблюдений за самим собой, как за лабораторным экспериментом. Я говорил себе, что смогу снять с себя это внушение, когда захочу, что это, видимо, все, что она успела мне внушить, так как мое внезапное пробуждение помешало ей внушить больше.

Ах, мастерица кукол была права, когда назвала меня глупцом! Когда появился Брэйл, я уже был в состоянии спокойно встретить его. Едва успел я поздороваться с ним, как позвонила сиделка и сказала, что Рикори проснулся и хочет видеть меня.

Я сказал Брэйлу:

— Это кстати. Пойдемте. Это избавит меня от повторения одной и той же истории.

Он спросил:

— Какой истории?

— Моего интервью с мадам Мэндилип.

Он спросил недоверчиво:

— Вы видели ее?

— Я провел с ней все время до обеда. Она весьма... интересна... Пойдемте, я расскажу вам об этом.

Я быстро пошел в госпиталь, не отвечая на вопросы. Рикори сидел. Я быстро осмотрел его. Все еще слабый, он мог уже не считаться больным.

Я поздравил его с изумительно быстрой поправкой и прошептал ему:

— Я видел вашу ведьму и говорил с ней. Мне нужно многое

вам сказать. Попросите ваших телохранителей выйти за дверь. Я сейчас отпущу сиделку.

Когда ребята и сиделка ушли, я стал рассказывать о событиях дня, начав с вызова Мак-Канна к Гилморам. Рикори с мрачным лицом слушал рассказ о Молли. Он сказал:

— Брат, а теперь муж! Бедная Молли! Но она будет отомщена!.. И здорово... Да!

Я привел весьма неполную версию встречи с мадам Мэндилип. Сообщил Рикори о своих распоряжениях Мак-Канну и сказал:

— Таким образом, сегодня ночью мы, наконец, сможем спать спокойно. Потому что если девушка выйдет с куклами, Мак-Канн схватит ее. Если она не выйдет, ничего не случится. Я уверен, что без нее мастерица кукол не сможет нанести удар. Надеюсь, вы со мной согласны?

Он внимательно посмотрел на меня.

— Я согласен, доктор Лоуэлл, в большей части. Вы поступили так, как и я поступил бы на вашем месте. Но... мне кажется, что вы не сказали нам всего, что произошло между вами и ведьмой.

— То же думал и я, — сказал Брэйл.

Я встал.

— Во всяком случае, я сказал вам основное. И я смертельно устал. Я приму ванну и лягу спать. Сейчас 9.30. Если девушка выйдет, это будет не раньше одиннадцати часов, может быть, и позже. Я собираюсь поспать, пока Мак-Канн не поймает ее. Если этого не случится, я буду спать всю ночь. Это конец. Отложите вопросы до утра.

Ищущий взгляд Рикори ни на минуту не оставлял меня. Он сказал:

— Почему вам не лечь спать здесь? Это было бы безопаснее... для вас.

Я почувствовал страшное раздражение. Моя гордость и без того пострадала из-за того, что старуха перехитрила меня, и предложение спрятаться за оружие ребят Рикори показалось мне оскорбительным.

— Я не ребенок, — сердито ответил я, — и смогу побеспокоиться о себе сам. Я не собираюсь жить под охраной вооруженных людей...

Я остановился, сожалея о том, что сказал это. Но Рикори не обиделся. Он кивнул и облокотился на подушки.

— Вы сказали мне то, что я хотел знать. Ваши дела плохи, Лоуэлл. И вы не сказали нам главного...

Я ответил:

— Мне очень жаль, Рикори.

— Не нужно. — Он улыбнулся. — Я прекрасно понимаю. Я тоже немного психолог. И я скажу вам следующее: неважно, приведет или нет Мак-Канн к нам сегодня девушку. Завтра ведьма умрет, и девушка вместе с ней.

Я не ответил. Я позвал сиделку и телохранителей в комнату. Что бы я ни чувствовал относительно себя, я не имел права подвергать опасности Рикори. Я не сказал ему об угрозе старухи на его счет, но я не забыл ее.

Брэйл проводил меня в кабинет. Он сказал извиняющимся тоном:

— Я знаю, что вы чертовски устали, Лоуэлл, и я не хочу надоедать вам. Но, может быть, вы разрешите мне посидеть у вас в комнате, пока вы спите?

Я сказал с той же упрямой раздражительностью:

— Ради бога, Брэйл, разве вы не слышали, что я сказал Рикори? Я очень обязан вам, но это относится и к вам.

Он ответил спокойно:

— Я останусь здесь в кабинете и не буду спать, пока Мак-Канн не привезет девицу или пока не появится утренняя заря. Если я услышу какой-нибудь шум из вашей комнаты, я войду. Когда мне захочется посмотреть, все ли в порядке с вами, я тоже войду. Не запирайте дверь, иначе я ее сломаю. Вам это вполне ясно?

Я еще больше рассердился. Он повторил:

— Я это сделаю.

Я ответил:

— Ладно. Черт с вами, делайте, как хотите.

Я вошел в спальню и захлопнул дверь за собой, но не запер ее.

Я очень устал, в этом не было сомнения. Даже час сна был бы для меня большим подкреплением. Я решил не купаться и стал раздеваться. Я снимал рубаху, когда вдруг заметил крошечную булавочку на ней, слева напротив сердца. Я вывернул рубашку и посмотрел на ее обратную сторону. Приколотая булавкой, здесь висела веревочка с узлами. Я сделал шаг к двери и открыл рот, чтобы позвать Брэйла. И вдруг остановился. Я не покажу ее Брэйлу. Это приведет к бесконечным расспросам. А я хотел спать. Боже! Как я хотел спать... Лучше сжечь веревочку. Я нашел спичку, и только хотел ее зажечь, как услышал шаги Брэйла у двери. Я сунул веревочку в карман брюк.

— Чего вам надо? — спросил я.

— Просто хотел взглянуть, легли ли вы.

Он немного приоткрыл дверь. Конечно, он просто хотел выяснить, не запер ли я дверь. Я ничего не сказал и продолжал раздеваться.

Моя спальня — большая комната с высоким потолком на втором этаже моего дома. Она выходит окнами в садик и является смежной с моим кабинетом. Два окна обвиты плющом снаружи. В комнате стоит старинный массивный канделябр с гирляндой хрустальных призм, кажется, они называются подвесками. Эти длинные висюльки расположены на шести кругах, из середины которых поднимается стержень с подставкой для свечи. Это — одна из форм прелестных канделябров

колониальных времен из зала Независимости в Филадельфии. Купив дом, я не позволил вынести его и заменить свечи электрическими лампочками.

Моя кровать стоит в конце комнаты, и когда я поворачиваюсь на левый бок, то вижу слабо освещенное окно. Тот же слабый свет, преломленный и отраженный призмами, превращается в маленькое облако. Это успокаивает, навевает сон. В окно стучится старое грушевое дерево, остаток фруктового сада. Канделябр стоит в ногах кровати. Выключатель находится в головах ее. Сбоку расположен старинный камин, отделанный по бокам мрамором, с широкой полкой сверху.

Чтобы хорошо понять, что произошло в ту ночь, нужно иметь в виду расположение этих вещей в комнате.

К тому времени, как я разделся, Брэйл, видимо, уверовав в мою честность, закрыл дверь и ушел в кабинет.

Я взял веревочку, «лествицу ведьмы», и бросил ее на стол. Я думаю, что в этом действии был какой-то вызов, фанфаронство; если бы я не был так уверен в Мак-Канне, я бы сжег веревочку. Я выпил снотворного, потушил свет и лег. Снотворное быстро подействовало.

Я все глубже и глубже погружался в море сна... глубже... глубже...

Я проснулся. Огляделся. Как я попал в это странное место? Я стоял в неглубокой круглой яме, окруженной зеленью. Край ямы достигал моих колен. Яма была центром круглого ровного луга, примерно в четверть мили диаметром. Он был покрыт травой, странной травой с пурпурными цветами. Вокруг травяного луга росли незнакомые деревья. Деревья с изумрудно-зеленой листвой и ярко-красные деревья с опущенными ветвями, покрытыми папоротниковидными листьями и обвитые тонкими лозами, похожими на змей.

Деревья окружали луг, как сторожа... наблюдали за мной... ожидали моего движения... Нет, не деревья наблюдали за мной! Кто-то притаился среди деревьев... какие-то злые создания... злобные существа... и это они наблюдали за мной, ожидая, что я двинусь...

Но как я попал сюда? Я посмотрел на свои вытянутые руки, на свои ноги... Я был одет в голубую пижаму, в которой лег спать... в моем нью-йоркском доме... Как я попал сюда? Я, видимо, не спал... Теперь я видел, что из ямы вели три тропинки. Они выходили на край и тянулись, каждая в своем направлении, в сторону леса. И вдруг я почувствовал, что должен буду выбрать одну из этих тропинок, правильную... единственную, которая пересечет местность безопасно... что две другие отдадут меня во власть прячущихся существ. Яма начала сжиматься. Я чувствовал, как ее дно поднимается под моими ногами. Оно как бы выбросило меня наружу. Я прыгнул на тропинку вправо и медленно пошел по ней. Затем все быстрей побежал в сторону леса. Я подбежал ближе и увидел, что тропинка пересекает лес, что

она имеет около метра ширины и окаймляется деревьями и что она исчезает в туманной зеленоватой дали... Я бежал все скорее и скорее. Я вбежал в лес, и невидимые существа собирались на деревьях, окаймляющих тропинку, толпились на ее краях, безмолвно сбегались со всего леса. Что они собой представляли, что они могли сделать мне, если бы поймали меня — я не знаю. Я знал только, что никакие муки не могли сравниться с тем, что я испытаю, если они меня поймают.

Я все бежал и бежал, и каждый шаг был кошмаром. Я чувствовал, что руки протягивались, чтобы поймать меня... слышал шепот... Весь потный, дрожащий, я вырвался из леса и помчался по обширной равнине, протягивающейся до далекого горизонта. Равнина не несла на себе следов или тропинок. Она была покрыта коричневой высохшей травой. Неважно. Это было лучше, чем полный привидений лес. Я чувствовал на себе взгляды мириадов злых глаз. Я повернулся спиной к лесу и пошел по высушенной равнине. Я взглянул на небо. Оно было туманно-зеленым. Высоко вверху начинали светиться два туманных круга... черных солнца... нет, это были не солнца... это были глаза... Глаза мастерицы кукол! Они смотрели на меня вниз с туманно-зеленого неба...

Над горизонтом этого странного мира вдруг начали подниматься две гигантские руки... начали протягиваться ко мне... чтобы поймать меня и швырнуть обратно в лес... белые руки с длинными пальцами... и каждый белый длинный палец — живое существо. Руки мастерицы кукол! Все ближе опускались глаза, все ближе становились руки.

С неба послышался взрыв смеха.

Смех мастерицы кукол!

Этот смех еще звенел в моих ушах, когда я проснулся — или мне показалось, что я проснулся. Я находился в своей комнате. Я сидел, выпрямившись, на своей постели. Я был весь в поту, и сердце мое так билось, что все тело вздрагивало при его ударах. Я мог видеть канделябр, его подвески слабо светились, создавая впечатление отдаленной небесной туманности. Окна тоже слабо светились... Было очень тихо... Движение на окне!

Я хотел встать с постели, посмотреть, что там шевелится. Но я не мог двинуться!

В комнате появился слабый зеленый свет. Сначала он был похож на слабо мерцающую флюоресценцию гнилого пня. Он то загасал, то разгорался, но все время усиливался. Комната осветилась. Канделябр светился, как рассыпавшиеся изумруды.

На подоконнике появилось маленькое лицо! Лицо куклы! Сердце мое подпрыгнуло и остановилось в отчаянии. Я подумал: «Мак-Кann подвел! Это — конец!»

Кукла смотрела на меня с усмешкой. Лицо, гладко выбритое, при-

надлежало человеку лет сорока. Нос длинный, рот большой с тонкими губами. Глаза глубоко посаженные, лохматые брови. Глаза блестели, красные, как рубины. Кукла влезла на подоконник. Она скользнула головой вперед в комнату и стояла минуту на голове, болтая в воздухе ногами.

Затем она ловко сделала двойное сальто, снова вскочила на ноги, оперла руки в бока и посмотрела мне прямо в лицо, как будто ожидая аплодисментов.

На ней были рейтузы и жакет циркового акробата. Она поклонилась мне. Затем показала рукой на окно, там появилось другое маленькое лицо. Оно было важное, холодное — лицо человека лет шестидесяти, с маленькими бакенбардами. Он смотрел на меня с таким выражением, с каким банкир смотрит на человека, который пришел получить заем — мысль показалась мне забавной. И вдруг я понял.

Кукла банкира, кукла акробата. Куклы тех двух, которые умерли от неизвестной болезни.

Кукла-банкир с достоинством спустилась с подоконника. Она была в вечернем костюме, во фраке, в накрахмаленной манишке — все было великолепно.

Он повернулся и с тем же достоинством поднял руку к окну. Там стояла третья кукла — женщина, такого же возраста, как и банкир, в приличном вечернем туалете.

Старая дева!

Осторожно эта старая дева взяла протянутую руку и легко спрыгнула на пол.

В окно же взбиралась четвертая кукла в темном блестящем трико. Она легко спрыгнула с окна и стала рядом с акробатом. Она посмотрела на меня с усмешкой и поклонилась.

Четыре куклы начали маршировать в мою сторону, впереди акробаты, затем важно и неторопливо банкир и старая дева — под руку. Гротескные, фантастические, но вовсе не смешные. Боже — нет! Если в них и было что-нибудь смешное, так это смешное было такого характера, что над ним мог смеяться только дьявол.

Я подумал с отчаянием: «Брэйл рядом, по другую сторону двери. Если бы я мог произнести хоть какой-нибудь звук!»

Четыре куклы остановились, как бы для консультации. А акробаты сделали легкие пируэты, доставая из-за шеи длинные иглы-кинжалы. В руках остальных кукол появилось такое же оружие. Они направили острия в мою сторону и возобновили свой марш в сторону кровати.

Красные глаза второго акробата — гимнаста, я знал это теперь, остановились на канделябре; он замер, изучая его, затем указал на него, сунул иглу-кинжал обратно в «ножны» позади шеи и опустился на колени, сложив ладони чашечкой, напротив остальных.

Первая кукла кивнула, затем откинула назад голову, явно измеряя высоту канделябра от пола и раздумывая, как лучше влезть на него. Вторая кукла указала на полку камина, и двое из них полезли туда. Пожилая пара наблюдала за ними с большим интересом. Они не спрятали своих игл.

Акробат нагнулся, и гимнаст поставил свою маленькую ногу на его сложенные чашечкой руки. Первая кукла выпрямилась, вторая перелетела через пустоту между полкой камина и канделябром, ухватилась за один из кругов, увешанных подвесками, и закачалась. Сейчас же другая кукла прыгнула, поймала круг канделябра и закачалась рядом с первой.

Я увидел, как тяжелый старый круг задрожал и закачался. Около дюжины призмочек-подвесок посыпались на пол и разбились. В мертвой тишине это было похоже на взрыв.

Я услышал, как Брэйл подбежал к двери. Он распахнул ее и остановился на пороге. Я хорошо видел его в зеленом свете, но знал, что он не может ничего сделать, так как ничего не видит. Для него комната погружена во мрак. Он закричал:

— Лоуэлл! Что с вами? Зажгите свет!

Я попытался ответить. Предупредить его... Напрасно!

Он бросился вперед к выключателю. В этот момент он увидел кукол. Он остановился как раз позади канделябра, глядя вверх. И в этот момент кукла, висящая над ним, повисла на одной ноге, вытащила иглу-кинжал из потайных ножен и прыгнула на плечи Брэйла, ударяя бешено иглой в его тело.

Брэйл вскрикнул всего один раз. Крик перешел в ужасный хлюпающий звук...

И тут я увидел, что канделябр закачался и упал. Он свалился со своего старинного фундамента. Это падение потрясло весь дом. Он упал прямо на Брэйла и куклу, все еще бьющую его в горло. Неожиданно зеленый свет исчез. По полу раздались мелкие легкие шаги, как будто бежали большие крысы...

Мой паралич прошел. Я поднял руку, повернул выключатель и вскочил на ноги.

Маленькие фигурки лезли на окно — четыре проворных легких человечка спешили убежать... Я увидел в дверях Рикори, по бокам его стояли телохранители и из автоматов с глушителями стреляли по окну.

Я нагнулся над Брэйлом. Он был мертв. Упавший канделябр разбил ему голову. Но... Брэйл умер еще до того, как упал канделябр... его горло было проткнуто, сонная артерия повреждена.

Кукла, убившая его, исчезла!..

Я выпрямился и сказал с горечью:

— Вы были правы, Рикори, ее слуги лучше ваших.

Он не ответил, глядя на Брэйла глазами, полными жалости.

Я сказал:

— Если все ваши люди так же исполняют свои обещания, как Мак-Канн, я считаю чудом, что вы до сих пор живы.

— Что касается Мак-Канна, — он взглянул на меня печально, — он умен и предан. Я не стал бы обвинять его, не выслушав. И, если бы вы, доктор Лоуэлл, были откровеннее с нами вчера вечером, доктор Брэйл был бы жив.

Я съежился — в этом было слишком много правды. Я весь дрожал от жалости, горя и безнадежной ярости. Я не должен был позволить моей проклятой гордости руководить мною; если б я рассказал им все, что испытал и видел у мастерицы кукол, объяснил бы все детали, которые я был не в состоянии передать, попросил бы Брэйла снять с меня постгипнотическое состояние, если б я принял предложение Рикори охранять меня, пока я сплю, — этого не случилось бы. Я посмотрел в кабинет и увидел сиделку Рикори и других служащих госпиталя, привлеченных шумом упавшего канделябра. Я сказал сиделке спокойно:

— Канделябр упал, когда доктор Брэйл стоял в ногах моей кровати, разговаривая со мной. Он убил его. Но не говорите этого другим. Скажите, что канделябр только ранил его. Отправьте всех спать. Скажите, что доктора Брэйла мы увозим в больницу. Затем вернетесь с санитаром и вытрите кровь. Канделябр не трогайте.

Когда все ушли, я повернулся к людям Рикори.

— Что вы видели, когда стреляли?

Один сказал:

— Мне показалось, какие-то обезьяны.

Другой добавил:

— Или карлики.

Я взглянул на Рикори, и по его лицу понял, что он также видел.

Я снял покрывало с кровати.

— Рикори, — сказал я. — Пусть ваши люди поднимут Брэйла и завернут его в покрывало. Затем отнесут его в маленькую комнату рядом с кабинетом и положат на койку.

Он кивнул, и они подняли Брэйла из-под кучи битого стекла и ломаного металла. Его лицо и руки были порезаны разбитыми призмочками, и случайно одна из них замаскировала то место, в которое была воткнута игла куклы. Рана была глубока, и, возможно, вызвала вторичное кровотечение из сонной артерии. Я последовал за Рикори в маленькую комнату. Люди положили тело Брэйла на койку, и Ри-

кори велел им вернуться в спальню и подождать там до ухода сиделки и санитара. Он закрыл дверь и обратился ко мне:

— Что вы намерены делать, доктор Лоуэлл?

Мне хотелось просто заплакать, но я ответил:

— Это случай для следователя, конечно. Я должен сейчас заявить в полицию.

— Что вы им скажете?

— Что вы видели на окне, Рикори?

— Я видел кукол!

— И я. Могу ли я сказать полиции, кто убил Брэйла до падения канделябра? Вы знаете, что нет. Я скажу им, что мы разговаривали, когда без всякого предупреждения канделябр упал на него. Стекло от подвесок проткнуло ему горло. Что другое могу я сказать? И этому они охотно поверят, тогда как правда...

Я замолчал. Мое самообладание покинуло меня, и впервые за много лет я заплакал.

— Рикори, вы были правы. Не Мак-Канн, а я виноват в этом — старческое тщеславие... если бы я рассказал вам все, свободно и полностью, он был бы жив... но я этого не сделал... я убийца...

Он утешал меня спокойно, как женщина.

— Это не ваша ошибка. Вы и не могли поступить иначе... будучи тем, кто вы есть... имея взгляды, которых вы придерживаетесь всю жизнь. Вашим вполне естественным неверием она и воспользовалась... и все же это не ваша вина... Но теперь она ничем не воспользуется. Ее чаша переполнена...

Он положил руку на мое плечо.

— Не говорите ничего полиции до тех пор, пока мы не услышим чего-нибудь от Мак-Канна. Сейчас около двенадцати. Он должен позвонить, если не сможет прийти. Я пойду к себе и оденусь. Когда я свяжусь с Мак-Канном, я должен буду оставить вас.

— Что вы хотите сделать, Рикори?

— Я убью ведьму, — спокойно сказал он. — Убью ее и ее девушку. До утра. Я слишком долго ждал. Больше ждать я не намерен. Она больше не будет убивать.

Я почувствовал слабость и опустился на стул. В глазах у меня потемнело. Рикори дал мне воды, и я жадно выпил. Сквозь шум в ушах, я услышал стук в дверь и голос одного из ребят Рикори: «Мак-Канн здесь!»

Рикори сказал:

— Скажи ему, пусть войдет.

Дверь открылась, Мак-Канн встал на пороге.

— Я захватил ее...

Он замолчал, глядя на нас. Глаза его остановились на покрытом простыней теле на койке, и лицо его стало мрачным.

— Что случилось?

Рикори ответил:

— Куклы убили доктора Брэйла. Ты слишком поздно захватил девушку, Мак-Канн. Почему?

Голос звучал так, словно ему сжали горло.

— Где девушка, Мак-Канн?

Тот ответил:

— Внизу в машине, с кляпом во рту и связанная.

Рикори спросил:

— Где вы захватили ее? Когда?

Глядя на Мак-Канна, я внезапно почувствовал к нему большую жалость и симпатию. Это чувство возникло из моих собственных угрызений совести и стыда. Я сказал:

— Сядь, Мак-Канн. В том, что случилось, я виноват больше, чем ты.

Рикори сказал сдержанно:

— Разрешите мне судить об этом. Мак-Канн, ты поместил две машины по концам улицы, как велел доктор?

— Да!

— Тогда начни свой рассказ с этого момента.

Мак-Канн начал рассказывать.

— Она вышла на улицу около одиннадцати. Я стоял на восточном конце, Поль на западном. Я сказал Тони: «Ну, мы поймали девку в мешок!». Она несла два чемодана. Осмотрелась и пошла к тому месту, где стояла машина. Она открыла дверь гаража, потом выехала и направилась на запад, где был Поль. Я сказал Полю, что приказал мне док: «Не хватать ее близко от лавки». Поль последовал за ней. Я бросился от своего конца и двинулся за Полем. Ее машина повернула на западный Бродвей. Затем она получила возможность удрать. Улица была так переполнена машинами, что Поль ударил в неудачно повернувший «форд» и сам задел колонку. Получилась каша. Я потратил две-три минуты, чтобы из нее выбраться. Когда мне это удалось, машина девушки исчезла из вида. Я выпрыгнул из машины и позвонил Роду. Я сказал ему, чтобы он схватил девку, как только она появится, даже если ее придется связать на пороге лавки. И, как только они схватят ее, пусть везут прямо сюда. Сам я тоже поехал сюда. Я решил, что, возможно, она ехала именно сюда. Я проехал по улице и осмотрел парк. Я решил, что кукольной ведьме слишком долго везло и теперь должно повезти мне. Так и случилось. Я увидел машину под деревьями. Мы поймали девку. Она не сопротивлялась. Но все-таки мы заткнули ей рот и связали ее. Тони отвел машину в сторону и тщательно обыскал ее. В ней было только два пустых чемодана. Мы привезли девицу сюда.

Я спросил:

— Сколько времени прошло между вашим приездом и поимкой девицы?

— Десять-пятнадцать минут. Тони осмотрел машину детально и это отняло порядочно времени.

Я посмотрел на Рикори. Мак-Канн наткнулся на девушку как раз в тот момент, когда умер Брэйл. Рикори кивнул.

— Она ждала кукол, конечно.

Мак-Канн спросил:

— Что с ней делать?

Он смотрел на Рикори, а не на меня.

Рикори молчал, глядя на Мак-Канна со странным вниманием. И я видел, как он сжал левую руку, затем разжал ее, широко расставив пальцы. Мак-Канн сказал:

— Ладно, босс!

Он пошел к двери. Я понял, что Рикори отдал приказание, и не сомневался в его значении.

— Подождите, — сказал я и стал спиной к двери. — Слушайте, Рикори, я хочу кое-что сказать вам на этот счет. Доктор Брэйл был так же близок мне, как вам Питерс. Какова бы ни была вина мадам Мэндилип, эта девушка не в состоянии не делать того, что та ей приказывает. Ее воля абсолютно подчинена мастерице кукол. Я сильно подозреваю, что большую часть времени она находится под гипнозом. Я не могу забыть о том, что она пыталась спасти Уолтерс. Я не хочу, чтобы ее убили.

Рикори сказал:

— Если вы правы, то тем более ее следует уничтожить как можно скорее. Тогда ведьма не сможет использовать ее до тех пор, пока мы не уничтожим и ее самою.

— Я не позволю этого, Рикори! И есть еще одна причина, Рикори. Я хочу задать ей ряд вопросов. Это поможет мне узнать, как мадам Мэндилип делает эти вещи... тайну кукол... из чего состоит мазь... есть ли еще люди, обладающие ее знаниями. Все это и даже больше может знать девушка. А если она это знает, я могу заставить ее рассказать.

Мак-Канн спросил недоверчиво:

— Как?

Я ответил угрюмо:

— Применяя ту же ловушку, в которую старуха поймала меня.

Минуту Рикори серьезно думал.

— Доктор Лоуэлл, — сказал он, — в последний раз уступаю вам в этом деле. Я считаю, что вы неправы. Я знаю, что совершил ошибку, когда не убил ведьму в тот день, когда встретил ее. Я думаю, что каждая минута жизни этой девушки является угрозой для всех нас. Тем не менее я вам уступлю... в последний раз.

— Мак-Канн, — сказал я, — приведите девушку в мой кабинет. Подождите, пока я отделаюсь от всех, кто может оказаться внизу.

Я пошел вниз. Мак-Канн и Рикори шли за мной. Там никого не было. Я поставил на стол зеркало Льюиса, употребляемое для гипноза в госпитале. Оно состояло из двух параллельных рядов маленьких рефлекторов, вращающихся в разных направлениях. Луч света освещает их таким образом, что их поверхности поочередно то вспыхивают, то погасают. Весьма полезный аппарат, который, как я думал, быстро подействует на девушку, чувствительную к гипнотическим внушениям. Я поставил удобно стул под нужным углом и направил свет так, чтобы он не мешал освещению зеркала. Едва я закончил свои приготовления, как Мак-Канн с другим парнем из свиты Рикори привели девушку. Они посадили ее на стул и вынули из ее рта тряпку.

Рикори сказал:

— Тони, пойди к машине. Мак-Канн, ты останься здесь.

КОНЕЦ КОЛДУНЬИНОЙ ДЕВУШКИ

Девушка не сопротивлялась. Она казалась ушедшей в себя. На меня она глядела тем же туманным взглядом, какой я заметил в начале моего визита в кукольную лавку. Я взял ее за руки. Она пассивно оставила их в моих руках. Они были очень холодны. Я сказал ей ласково, убеждающе:

— Дитя мое, никто не причинит вам вреда. Отдохните и успокойтесь. Откиньтесь на спинку стула. Я только хочу помочь вам. Засните, если хотите. Засните!

Она, казалось, ничего не слышала и все смотрела на меня неопределенным взглядом. Я отпустил ее руки, сел напротив, глядя ей в лицо, и включил аппарат с зеркалами.

Она взглянула на них и больше не отрывала взгляда, словно зачарованная. Напряжение ее тела ослабло, она откинулась на спинку стула. Ресницы ее стали опускаться.

— Спите... — сказал я мягко. — Здесь никто не причинит вам вреда. Пока вы спите, никто не тронет вас... Спите... спите...

Глаза ее закрылись, она вздохнула.

Я сказал:

— Вы спите. Вы не проснетесь, пока я не разбужу вас. Вы не можете проснуться, пока я не разбужу вас.

Она повторила последнюю фразу тихим, почти детским голосом.

Я остановил вращающиеся зеркала и сказал:

— Я задам вам несколько вопросов. Вы ответите правду. Вы не сможете солгать. Вы это знаете.

Она опять повторила таким же слабым детским голосом:

— Я не могу солгать. Я это знаю.

Я не мог удержаться, чтобы не бросить победного взгляда на Рикори и Мак-Канна. Рикори крестился, глядя на меня широко раскрытыми глазами, полными сомнения и ужаса. Я знал, что они думают, будто я тоже знаю какое-то колдовство. Мак-Канн сидел, нервно перебирая пальцами, и смотрел на девушку.

Я начал спрашивать, стараясь сначала задавать вопросы, которые не волновали бы ее.

— Вы действительно племянница мадам Мэндилип?

— Нет.

— Кто же вы ей?

— Я не знаю.

— Когда вы стали жить с ней и почему?

— Двадцать лет тому назад. Я сирота, подкидыш из приюта в Вене. Она взяла меня оттуда. Она научила меня называть ее тетей. Но она не родная мне.

— Где вы жили после этого?

— В Берлине, Париже, Лондоне, Праге, Варшаве.

— И везде мадам Мэндилип делала кукол?

Она не ответила; она содрогнулась, и ее ресницы начали дрожать.

— Спите! Вспомните, вы не можете проснуться, пока я не разбужу вас. Спите! Отвечайте мне!

Она прошептала:

— Да!

— И они убивали во всех этих городах?

— Да!

— Спите! Успокойтесь... Никто не обидит вас.

Ее волнение снова стало заметно, и я перевел разговор:

— Где родилась мадам Мэндилип?

— Я не знаю.

— Сколько ей лет?

— Я не знаю. Я спрашивала ее, но она смеялась и отвечала, что время для нее ничего не значит. Мне было пять лет, когда она взяла меня. Она и тогда выглядела так же, как и сейчас.

— Есть у нее сообщники? Я подразумеваю — мастера кукол?

— Один. Она научила его. Он был ее любовником в Праге.

— Ее любовник! — воскликнул я недоверчиво, — вид ее огромного жирного тела, большого бюста, тяжелого лошадиного лица встал перед моими глазами. Она сказала:

— Я знаю, о чем вы думаете. Но она имеет и другое тело. Она носит его, когда хочет. Это красивое тело. Ему принадлежат ее глаза, голос, руки. Когда она принимает это тело, она прекрасна. Она ужасающе красива. Я видела ее много раз такой.

Другое тело! Иллюзия, конечно... Как комната, описанная Уолтерс... Которую и я видел один момент, выбиваясь из паутины гипно-

за, которым она меня оплела... Картина, нарисованная ее мозгом в мозгу этой девушки. Я отбросил это и принялся за основное.

— Она убивает двумя методами, не так ли: мазью и с помощью кукол?

— Да, мазью и куклами.

— Сколько она убила мазью в Нью-Йорке?

Она ответила не прямо:

— Она сделала четырнадцать кукол с тех пор, как мы приехали сюда.

Значит, были еще случаи, о которых я не знал. Я спросил:

— А скольких убили куклы?

— Двадцать человек.

Я слышал, как выругался Рикори, и бросил на него предостерегающий взгляд. Он наклонился вперед, бледный и напряженный. Мак-Канн сидел тихо.

— Как она делает кукол?

— Я не знаю.

— А знаешь ты, как она приготавливает мазь?

— Нет. Она делает это тайно.

— А что оживляет кукол?

— Делает их живыми?

— Да.

— Что-то от мертвых.

Снова Рикори тихо выругался. Я сказал:

— Если ты не знаешь, как делаются куклы, ты должна знать, что делает их живыми. Что это такое?

Она не ответила.

— Ты должна отвечать мне. Ты должна слушаться меня. Говори.

Она сказала:

— Ваши вопросы неясны. Я сказала вам, что что-то от мертвых делает их живыми. Что вы хотите еще знать?

— Начни с того, как люди позируют для куклы, когда впервые встречают мадам Мэндилип, и кончи последним шагом, когда кукла, как ты говоришь, становится живой.

Она заговорила медленно:

— Она говорит: человек должен прийти по собственному желанию. Должен без всякого принуждения согласиться, чтобы из него сделали куклу. То, что он не знает, на что он идет, ничего не значит. Она должна немедленно начать делать первую модель. До окончания второй куклы, той, которая будет жить, она должна ввести мазь. Эта мазь, она говорит, освободит жителя мозга, и он придет к ней и войдет в куклу. Она говорит, что он не единственный житель мозга, но до других ей дела нет. И она выбирает не всех, кто приходит к ней. Я не знаю, как она выбирает их и по какому признаку. Она кончает другую

куклу. Когда она ее кончает, тот, кто позировал, умирает. Когда он умирает, оживает кукла. Она слушается ее. Они все слушаются ее.

Она замолчала, затем сказала, как бы раздумывая:

— Все, кроме одной...

— А эта... одна?..

— Это ваша сиделка. Она не слушается. Моя... тетя... мучает ее, наказывает ее, но не может подчинить ее себе. Прошлую ночь я привезла сюда маленькую сиделку с другими куклами — убить человека, которого прокляла моя... тетя. Она дралась с другой куклой и спасла человека... Это что-то, чего моя тетя не может понять... Это смущает ее... и это дает мне... надежду...

Ее голос заглох. Затем она сказала внезапно громко и твердо:

— Вы должны спешить. Я должна вернуться с куклами. Скоро она начнет искать меня. Я должна идти... или она найдет меня... она придет за мной... и тогда... если она найдет меня здесь... она убьет меня.

Я спросил:

— Ты привезла кукол, чтобы убить меня?

— Конечно!

— А где куклы сейчас?

Она ответила:

— Они вернутся ко мне. Ваши люди схватили меня раньше, чем они явились. Они пойдут домой... Они ходят быстро, когда им это нужно. Без меня им труднее... это все... но они вернутся к ней...

— Почему куклы убивают?

— Чтобы доставить удовольствие... ей.

Я спросил:

— А какое значение имеет веревочка с узлами?

Она ответила:

— Я не знаю, но она говорит... — и затем вдруг с отчаянием, как испуганное дитя, она прошептала: — Она ищет меня! Ее глаза смотрят на меня... ее руки ищут... Она видит меня! Спрячьте меня! О, спрячьте меня от нее! Скорее!

Я сказал:

— Спи крепче! Глубже, глубже, засни. Теперь она не может найти тебя. Ты спрятана от нее!

Она прошептала:

— Я сплю крепко. Она потеряла меня. Я спрятана. Но она ищет, все еще ищет меня.

Рикори и Мак-Канн вскочили со стульев и подошли ко мне.

Рикори спросил:

— Вы верите, что ведьма ищет ее?

— Нет, — ответил я. — Но это вполне возможно. Девушка была во власти этой женщины так долго и так полно, что ее реакция вполн-

не естественна. Это может быть результатом внушения или ее собственного подсознательного мышления... она нарушила распоряжение и боится наказания, если...

Девушка закричала в агонии страха:

— Она видит меня! Она нашла меня! Ее руки тянутся ко мне!

— Спите! Спите крепче! Она не может повредить вам! Она опять потеряла вас!

Девушка не ответила, но где-то в ее горле послышался слабый стон.

Мак-Канн сказал хрипло:

— Иисус! Помогите же ей!

Глаза Рикори неестественно ярко блестели на его бледном лице.

— Пусть умрет! Это избавит вас от лишних тревог!

Я сказал девушке строго:

— Слушай меня и подчиняйся: я буду считать до пяти. Когда я досчитаю до пяти, проснись! Проснись сразу же! Ты должна проснуться так быстро, чтобы она не успела поймать тебя! Слушайся!

Я стал считать медленно, так как боялся, что быстрое пробуждение может вредно подействовать на нее.

— Раз... два... три...

Девушка вскрикнула. И затем:

— Она поймала меня! Ее руки сжимают мое сердце! А-а-а!

Ее тело поникло, по нему пробежала судорога, оно обмякло и соскользнуло со стула. Глаза открылись, челюсть отвисла... Я расстегнул платье, стал слушать сердце. Оно не билось...

И вдруг из ее мертвого горла послышался голос, точно звуки органа — прекрасный, полный угрозы и недовольства:

— Вы глупцы!..

Голос мадам Мэндилип.

ГОРИ, ВЕДЬМА, ГОРИ!

Странно, но Рикори был наиболее спокоен из всех нас. Я дрожал, Мак-Канн, хотя никогда не слышал голоса мастерицы кукол, был потрясен. Рикори первым нарушил молчание:

— Вы уверены, что она умерла?

— В этом нет никакого сомнения, Рикори.

Он кивнул Мак-Канну:

— Отнеси ее обратно в машину.

Я спросил:

— Что вы хотите делать?

Он ответил:

— Убить ведьму. — И добавил иронично: — В смерти они не должны быть разделены. И в аду они тоже будут гореть вместе — вечно!

Он посмотрел на меня внимательно.

— Вы не одобряете этого, доктор Лоуэлл?

— Рикори, я не знаю... честно говоря, просто не знаю. Сегодня я мог бы убить ее своими собственными руками... Но сейчас ярость прошла... То, что вы хотите сделать, — против всех моих инстинктов, привычек, идеалов, взглядов и понятий о справедливости наказания. Это для меня просто убийство.

Он сказал:

— Вы слышали девушку. Двадцать человек только в этом городе убиты куклами, и четырнадцать человек превращены в куклы. Четырнадцать умерли, как Питерс!

— Но, Рикори, ни один суд не признает показания под гипнозом действительными. Это может быть правдой, может быть нет. Девушка была ненормальна. Все, что она говорила, могло быть только ее воображением без достаточных оснований, и ни один суд в мире не примет это как основу для судебного процесса.

Он ответил:

— Нет... ни один земной суд. — Он сжал мое плечо и спросил: — А вы не верите тому, что это правда?

Я не мог отвечать, так как в глубине души верил в то, что это правда.

Он сказал:

— Точно, доктор Лоуэлл! Вы ответили мне. Вы знаете так же, как и я, что девушка сказала правду. Вы знаете, как и я, что наш закон не может наказать ведьму. Вот почему я должен убить ее. Я сделаю это, и я, Рикори, не буду убийцей! Нет, я буду орудием Господа!

Он помолчал, ожидая моего ответа.

И снова я не мог ответить.

— Мак-Канн, сделай так, как я сказал тебе, — он указал на девушку. — Затем вернись!

И когда Мак-Канн вышел со своей ношей на руках, Рикори сказал:

— Доктор Лоуэлл, вы должны поехать со мной и быть свидетелем казни.

Я передернулся. Сказал:

— Рикори, не могу! Я измучен телом и душой. Я слишком много перенес сегодня. Я разбит горем...

— Вы должны поехать, — перебил он, — если даже нам придется везти вас с тряпкой во рту и связанным, как девушку. Если вы останетесь один, ваши научные сомнения могут победить, и вы можете помешать мне прежде, чем я совершу то, в чем поклялся Иисусом Христом, его святой Матерью и всеми святыми. Вы можете поддаться слабости и передать все дело полиции. Я не могу рисковать. Я уважаю

вас, доктор Лоуэлл, даже больше — привязан к вам. Но повторяю вам, что, если б моя собственная мать постаралась остановить меня в этом деле, я оттолкнул бы ее в сторону так же грубо, как сейчас вас.

Я сказал:

— Я поеду с вами.

— Тогда прикажите сиделке подать мне мою одежду. Пока все не будет кончено, мы все будем вместе, я не могу больше рисковать.

Я снял трубку и отдал соответствующее распоряжение.

Вернулся Мак-Канн, и Рикори сказал ему:

— Когда я оденусь, мы поедем в кукольную лавку. Кто сегодня в машине вместе с Тони?

— Ларсон и Картелло.

— Хорошо. Возможно, что ведьма знает, что мы едем к ней. Может быть, она слушала мертвыми ушами девушки так же, как говорила через ее мертвое горло. Неважно. Мы будем считать, что она ничего не знает. Дверь лавки запирается на задвижку?

Мак-Канн сказал:

— Босс, я не был в лавке. Я не знаю. Но есть стеклянная панель в двери. Если есть задвижка, мы сможем открыть ее. Тони захватит инструмент, пока вы одеваетесь.

— Доктор Лоуэлл, — Рикори повернулся ко мне, — можете вы дать мне слово, что не перемените решения о вашей поездке со мной? Не будете делать никаких попыток помешать мне?

— Я даю вам слово, Рикори!

— Мак-Канн, можешь не возвращаться. Подожди нас в машине.

Рикори оделся. Когда я вышел вместе с ним из моего дома, часы пробили час ночи. Я вспомнил, что все это странное приключение началось неделю тому назад в этот же час...

Я ехал на заднем сиденье в машине между Рикори и мертвой девушкой. Против нас сидели Ларсон и Картелло. Первый — крупный швед, второй — маленький жилистый итальянец. Тони вел машину, и Мак-Канн сидел рядом с ним. Мы проехали по моей улице, и через 20 минут были в нижней части Бродвея. С приближением к улице, где находилась кукольная лавка, мы поехали медленнее. Небо было покрыто тяжелыми тучами, с моря дул холодный ветер. Я задрожал, но не от холода.

Мы подъехали к углу улицы мастерицы кукол; на протяжении нескольких кварталов мы не встретили ни души, как будто ехали по городу мертвых.

Так же пуста была и улица, на которой находилась лавка.

Рикори сказал Тони:

— Остановись против лавки. Мы выйдем. Затем поезжай за угол и там жди нас.

Мое сердце тяжело билось. Ночь была так темна, что, казалось,

поглощала свет фонарей. В лавке не было света. Вход был погружен в глубокую тень. Ветер выл, и я слушал его стоны. Я подумал, смогу ли я перейти через порог, или запрет мастерицы кукол до сих пор имеет надо мной власть.

Мак-Канн выскользнул из машины, неся в руках легкое тело девушки. Он прислонил ее к стене, в тени у входа. Рикори, я, Ларсон и Картелло последовали за ним. Машина отъехала, и снова меня охватило чувство нереальности, кошмара, которое я так часто ощущал с тех пор, как мои пути пересеклись со страшной тропой мастерицы кукол...

Маленький итальянец смазал стекло каким-то резиноподобным веществом. В центре его он прикрепил небольшую вакуумную резиновую чашечку. Он вынул из кармана инструмент и вырезал им круг в стекле, примерно сантиметров 30 в диаметре. Конец инструмента резал стекло с такой легкостью, словно это был воск. Держа одной рукой вакуумную чашечку, он слегка постучал по стеклу резиновым молоточком. Стеклянный круг оказался в его руках. Все было сделано абсолютно бесшумно. Он опустил руку в отверстие и тихо повозился несколько минут. Затем раздался слабый звук, и дверь открылась. Мак-Канн внес мертвую девушку. Молча, как призраки, мы вошли в кукольную лавку. Маленький итальянец быстро вставил стеклянный круг на место. Я смутно видел дверь, которая открывалась в коридор и вела в ужасную комнату сзади. Маленький итальянец попробовал открыть дверь из лавки в коридор. Она была заперта. Он повозился с ней несколько секунд и открыл ее. Рикори вошел первым, за ним Мак-Канн с девушкой, мы прошли, как тени, по коридору и остановились у последней двери.

Дверь открылась раньше, чем маленький итальянец дотронулся до нее. Мы услышали голос мастерицы кукол:

— Войдите, джентльмены! С вашей стороны очень любезно привезти мне мою дорогую племянницу. Я бы встретила вас у входа, но я ведь только старая, очень старая испуганная женщина.

Мак-Канн прошептал:

— Отойдите, босс!

Он держал тело девушки, как щит, в левой руке, а правой направил револьвер на старуху. Рикори слегка отодвинул его. Держа наготове автомат, он переступил порог. Я последовал за Мак-Канном, двое остальных вошли за мной. Я быстро оглядел комнату. Мастерица сидела за столом и шила. Она была спокойна, совершенно спокойна; ее длинные белые пальцы как бы танцевали в ритм со стежками. Она не взглянула на нас. В камине полыхал огонь. В комнате было очень тепло, и она была полна каким-то сильным приятным ароматом, незнакомым мне. Я взглянул на шкафчики с куклами. Все они были открыты. Куклы стояли в них рядами, глядя на нас зелеными, голубыми, серы-

ми, чернымн глазами, и вид у них был такой живой, как будто это были карлики на какой-то шутовской выставке.

Их было много — сотни. Одни были одеты так, как одеваются у нас в Америке, другие — как немцы, испанцы, французы, англичане, многие были в костюмах неизвестных мне национальностей. Балерина, кузнец с поднятым молотом, немецкий студент, французский солдат со шпагой в руке и со шрамом на лице... апаш с ножом в руке, с сумасшедшим лицом кокаиниста, и рядом с ним женщина с порочным ртом уличной девки... Жокей... Достаточно для мастерицы кукол с дюжиной рук.

Куклы, казалось, были готовы к прыжку. Готовы были броситься на нас. Уничтожить нас.

Я старался успокоиться, привести в порядок свои мысли, чтобы выдержать взгляды этих живых кукол, убедить себя в том, что это всего лишь куклы. Я заметил пустой шкафчик... еще один... и еще... пять шкафчиков без кукол... Не было тех четырех кукол, которых я видел, лежа в параличе, освещенных зеленым светом и наступающих на меня... И не было Уолтерс...

Я отвел взгляд от наблюдающих за мной кукол и взглянул на старуху, все еще спокойно занимающуюся шитьем... Как будто она была одна... как будто она не видела нас... как будто автомат Рикори не был направлен на нее... Она продолжала шить... тихо напевала...

На столе перед ней лежала кукла Уолтерс!

Она лежала на спине. Ее маленькие ручки были связаны в запястьях веревочкой с узелками из пепельных волос. И к ним была привязана игла-кинжал!

Описывать это долго, но для того, чтобы все увидеть, нам понадобилось несколько долей секунды.

Занятие мастерицы кукол, ее полное безразличие к нам, тишина — создали как бы экран между нами и ею, и этот барьер становился все плотнее. Острый, приятный запах все усиливался. Мак-Канн уронил тело девушки на пол. Он попытался что-то сказать, дважды это ему не удавалось, и только третья попытка увенчалась успехом. Он сказал Рикори странным, хриплым голосом:

— Убейте ее... или я сам...

Рикори не двигался. Он стоял застывший, с автоматом, направленным в сердце старухи, глаза его не отрывались от ее танцующих рук. Казалось, он не слышал Мак-Канна или не обращал внимания на его слова... а она продолжала петь... Ее пение напоминало жужжание пчел... звук был необычно приятным... Он собирал сон, как пчелы собирают мед... сон...

Рикори поднял автомат и прыгнул вперед. Он ударил оружием по руке мастерицы кукол.

Рука упала, пальцы начали извиваться... Ужасно было видеть, как длинные белые пальцы дрожали и извивались... как змеи с перебитыми спинами.

Рикори поднял автомат для второго удара. Прежде, чем он смог это сделать, она вскочила на ноги, перевернув стол. По комнате пронесся шепот, как эхо звука... Куклы, почудилось, наклонились вперед. Глаза мастерицы смотрели на нас. Казалось, она смотрит на всех нас и на каждого в отдельности одновременно. И глаза ее были как горящие черные солнца, в которых плясали языки пламени.

Ее воля охватывала нас и подчиняла себе. Она была ощутима, как волны. Я чувствовал, что она бьется об меня, как что-то материальное. Какое-то бессилие охватило меня. Я увидел, как рука Рикори, сжимавшая автомат, разжалась и побелела. Я знал, что такое же бессилие охватывает и его... И Мак-Канна, и других...

Еще раз мастерица кукол одолела нас! Я прошептал:

— Не смотрите на нее, Рикори! Не смотрите ей в глаза...

С большим усилием я отвел свои глаза от ее горячего взгляда. Я посмотрел на куклу Уолтерс. С огромным трудом я двинулся к ней, не знаю почему, и сделал попытку ее схватить. Но старуха была быстрее меня. Она схватила куклу здоровой рукой и прижала ее к своей груди. И вдруг она закричала, и вибрирующая мелодичность ее голоса действовала на каждый нерв, увеличивая охватывавшую нас летаргию.

— Не смотреть на меня, глупцы! Вы не можете делать ничего другого!

И тут начался тот незабываемый, странный эпизод, который был началом конца.

Аромат, которым наполнилась комната, казалось, пульсировал, но становился все сильнее. Что-то похожее на блестящий туман клубилось в воздухе и покрывало мастерицу кукол, пряча от нас ее лошадиное лицо и уродливое тело. Только ее глаза блестели сквозь туман... Туман рассеялся... Перед нами стояла женщина захватывающей красоты — высокая, тонкая и изящная. Совершенно голая! Черные шелковистые волосы покрывали ее, спускаясь до колен. Сквозь них сияло золотистое тело... Только глаза, руки и кукла, прижатая к одной из округлых высоких грудей, говорили о том, кто она была...

Автомат Рикори выпал из его рук. Оружие остальных тоже со стуком упало на пол. Я знал, что они стоят, не в силах двинуться, как и я, ошеломленные этим невероятным превращением и совершенно беспомощные, во власти страшной силы, изливающейся из этой женщины... Она показала на Рикори и засмеялась.

— Ты хотел убить меня... Подними свое оружие, Рикори, и попробуй!

Тело Рикори повернулось медленно, медленно... Я видел его плохо,

сбоку, так как не мог отвести глаз от женщины. Я знал, что он тоже не может этого сделать, что его глаза смотрят вверх на нее, не отрываясь, пока он наклоняется. Я скорее почувствовал, чем увидел, что он дотронулся до оружия, попытался поднять его. Я услышал, как он застонал. Мастерица кукол снова рассмеялась.

— Довольно, Рикори, ты не можешь этого сделать!

Тело Рикори внезапно выпрямилось, как будто кто-то подхватил его под подбородок и поставил на пол.

Позади меня послышался шорох и топот маленьких ног. У ног женщины появились четыре маленькие фигурки: те четверо, что маршировали ко мне в зеленом свете... банкир, старая дева, акробат и гимнаст.

Они стояли перед ней в ряд, глядя на нас. В руках каждого появилась игла, направленная в нашу сторону, как маленькая рапира. И еще раз смех женщины наполнил комнату. Она сказала ласково:

— Нет, нет, мои маленькие, я не нуждаюсь в вас!

Она показала на меня.

— Вы знаете, что это мое тело не более чем иллюзия, не так ли? Говорите.

— Да!

— А эти малыши у моих ног — тоже моя иллюзия?

— Я не знаю!

— Вы знаете слишком много и вы знаете слишком мало. Поэтому вы должны умереть, мой слишком мудрый и слишком глупый доктор!

Большие глаза смотрели на меня с ироническим сожалением, прелестное лицо стало угрожающим:

— И Рикори должен умереть, потому что он знает слишком много. И вы, остальные, — тоже должны умереть. Но не от рук моего маленького народа. Не здесь! Нет! У себя дома, мой славный доктор. Вы уйдете отсюда тихо, не разговаривая ни друг с другом, ни с посторонними людьми по пути домой. А дома... вы возненавидите друг друга... вы начнете убивать друг друга... станете, как волки... как...

Она отступила шаг назад, выпрямилась.

И тут я увидел, или мне показалось, что кукла Уолтерс пошевелилась. Затем быстро, как жалящая змея, она подняла связанные руки и вонзила свой кинжал-иглу в горло мастерицы кукол... выхватила его дико и снова вонзила... снова и снова... ударяя золотистое горло женщины как раз в то место, в которое другая кукла вонзила иглу Брэйлу!

И так же, как вскрикнул Брэйл, вскрикнула теперь мастерица кукол... ужасно, в агонии... Она оторвала куклу от груди и отбросила ее от себя. Кукла пролетела по воздуху к камину, покатилась, дотронулась до тлеющих угольев. Вспыхнул язык необыкновенного, блестящего огня, и волна интенсивно нагретого воздуха охватила нас. Как то-

гда, когда спичка Мак-Канна упала на куклу Питерса. И от этой горячей волны все куклы у ног женщины вдруг исчезли. На месте каждой на мгновение возникало такое же яркое пламя. Оно охватило мастерицу кукол в одно мгновение с ног до головы. Я видел, как прекрасное тело словно растаяло. На его месте стояло огромное тело мадам Мэндилип с лошадиным лицом и мертвыми слепыми глазами... Длинные белые руки сжимали порванное горло... но они не были больше белыми, они были алыми от крови...

Так она стояла минуту, затем упала на пол. В это мгновение ее чары исчезли. Рикори нагнулся над бесформенной массой, которая недавно еще была телом мастерицы кукол.

Он плюнул на нее и закричал в исступлении:

— Гори, ведьма, гори!

Он толкнул меня к двери и показал на ряды кукол в шкафчиках, которые казались теперь совершенно безжизненными. Всего лишь куклы!

Огонь приближался к ним по занавесям и портьерам. Огонь добирался до них, как какой-то очищающий дух!

Мы бросились в дверь, через коридор, вон из лавки. Через дверь в лавку за нами ворвался огонь. Мы выбежали на улицу.

Рикори крикнул:

— Быстро, к машине!

Улица вдруг осветилась красным светом. Я слышал, как открывались окна, раздавались тревожные крики. Я вскочил в машину, и она тронулась.

ТЕМНАЯ МУДРОСТЬ

«Они сделали мое подобие, похожее на меня телом, и оно отняло у меня дыхание, они дали ему мои волосы, мое платье; маслом из вредных трав они натерли меня, они привели меня к смерти — о, бог Огня, уничтожь их!»

Три недели прошло со смерти мастерицы кукол. Мы с Рикори сидели за обедом в моем доме. Сидели молча. Затем я процитировал несколько фраз, те, которые являются эпиграфом к завершающей главе моей книги, причем почти не сознавая, что говорю вслух. Но Рикори поднял голову.

— Вы процитировали что-то. Что?

— Древние глиняные таблицы с халдейскими надписями времен Ассурбанипала. Три тысячи лет тому назад.

Он сказал:

— И в этих нескольких словах рассказана вся наша история!

— Да, Рикори. Здесь все есть: куклы, мазь, мучение, смерть, очищающее пламя!

Он подумал.

— Это странно. Три тысячи лет тому назад... и даже тогда было известно это зло и то, что от него излечивает... подобие, похожее на меня лицом и телом, которое отняло у меня дыхание... масло из вредных трав... привели меня к смерти... О, бог Огня, уничтожь их! Да это вся наша история, доктор Лоуэлл!

Я ответил:

— Куклы смерти много-много древнее, чем Ур халдеев. Древнее истории. Я проследил их историю в веках после того, как был убит Брэйл. А это длинная-длинная история, Рикори. Они были найдены глубоко похороненными под очагами кроманьонцев, очагами, огонь которых потух двадцать тысяч лет тому назад. И их находили под еще более холодными очагами еще более древних народов. Куклы из кремня, камня, клыков мамонта, костей пещерного медведя, зубов саблезубого тигра. Даже тогда они обладали темной мудростью, Рикори!

Он кивнул:

— Однажды у меня работал парень, который мне очень нравился. Трансильванец. Однажды я спросил его, почему он приехал в Америку. Он рассказал мне странную историю. Он сказал мне, что у них в деревне жила девушка, о матери которой говорили, что она знает вещи, которые не положено знать христианам. Он говорил об этом осторожно, осеняя себя крестными знамениями. Девушка была миловидной, желанной, но он не любил ее. А она влюбилась в него, может быть, его равнодушие привлекало ее. Однажды, возвращаясь с охоты, он проходил мимо ее хижины. Она позвала его. Он хотел пить, он выпил поданное ею вино. Вино было хорошее. Он развеселился, но все равно не чувствовал любви к ней.

Тем не менее он зашел к ней в хижину и выпил еще. Смеясь, он позволил ей срезать волосы с головы, обрезать ногти, взять немного крови из руки и слюны изо рта. Смеясь, он оставил ее, пошел домой и лег спать. Когда он проснулся вечером, он вспомнил не все, а только то, что он пил вино с девушкой. Что-то толкнуло его пойти в церковь. Он стал молиться на коленях и вдруг вспомнил, что девушка взяла у него кровь, слюну, волосы и ногти. И он решил пойти и посмотреть, что она делает с этими его частицами. Он говорит, что будто святые, которым он молился, приказали ему сделать это.

Он прокрался к хижине девушки и взглянул в окно. Она сидела у очага, замешивая тесто, как для хлеба. Ему стало стыдно, что он пробрался к окну с такими мыслями, но вдруг он увидел, что она бросает в тесто все взятые у него частицы. Она смешала их с тестом. Затем он увидел, что она начала лепить из теста человека. Она брыз-

нула водой на его голову, как бы крестя его, и при этом говорила какие-то непонятные слова. Он испугался, этот парень. Но в то же время его охватил гнев. Он был смелый парень. Он наблюдал за ней, пока она не кончила. Он видел, как она завернула куклу из теста в фартук и пошла из избы. Он последовал за ней. Он был охотником и знал, как выслеживать. Поэтому она и не подозревала, что он идет за ней.

Она подошла к перекрестку. Светил молодой месяц, и она подняла к нему лицо и сказала вслух какую-то молитву. Затем она вырыла ямку и положила в нее куклу из теста. И зарыла. После этого она сказала: «Зару! (таково было имя этого парня) Зару! Зару! Я люблю тебя. Когда твое подобие сгниет, ты будешь бегать за мной! Ты мой, Зару, душой и телом! Когда твое подобие сгниет, ты станешь моим! Навсегда, навсегда и навсегда!»

После этого он не вернулся в деревню, а сбежал в Америку. Он говорил мне, что в первые дни путешествия он чувствовал, словно чьи-то руки, схватив его, тянули в море, обратно в деревню, к девушке. Такой вот ночной кошмар. Ночь за ночью он боролся с этими руками. Он не смел спать, потому что во сне он видел себя на перекрестке и девушку рядом, и три раза он просыпался как раз вовремя, чтобы отойти от борта судна, откуда готов был броситься в море.

Затем сила рук стала ослабевать. И наконец через несколько месяцев все исчезло Но все-таки он здесь еще долго жил, пока не получил известие. Кто-то убил ее.

Эта девушка обладала тем, что вы называете «темной мудростью». Да! Видимо, она обратилась против нее, в конце концов так же, как и против ведьмы, которую мы знали.

Я сказал:

— Странно, что вы это говорите, Рикори... Странно, что вы сказали о «темной мудрости», которая оборачивается против того, кто владеет ею... Но об этом позже. Любовь, ненависть и сила — ноги треножника, на котором горит темное пламя, они поддерживают площадку, с которой сходят куклы смерти...

Знаете, кто впервые сделал куклы, Рикори? Нет? Ну как же, это был бог! Его имя было Хнум. Он был богом много раньше, чем Иегова евреев, который тоже делал кукол, вспомните, он сделал двух в саду Эдема, оживил их, но дал им только два права — право страдать и право умирать. Хнум был более милосердным богом. Он не отрицал права умирать, но он не считал, что куклы должны страдать. Он любил, когда они развлекались в те короткие минуты, когда жили. Хнум был таким древним, что царствовал в Египте задолго до того, как были построены пирамиды и Сфинкс. У него был брат, тоже бог, по имени Кефер — с головой овода. Это именно Кефер послал мысль, которая как ветерок полетела над поверхностью Хаоса. Эта мысль

оплодотворила Хаос, и от этого родился МИР. Только легкий ветерок над поверхностью, Рикори! Если бы она проникла под кожу Хаоса... или еще глубже... в сердце... что представляло бы собой тогда человечество? И все-таки, даже так, мысль приняла форму человека. Работа Хнума заключалась в том, что он лепил тело ребенка в утробе матери. Его называли богом-горшечником. Он, по приказу Амона, величайшего из богов, слепил тело царицы Хатшепсут.

А за тысячу лет до этого жил принц, которого Озирис и Изида очень любили за красоту, смелость и силу. Никогда на земле, по их мнению, не было достойной ему женщины. Поэтому они позвали Хнума-горшечника и попросили сделать женщину. Он явился, с длинными белыми руками, как у... как у мадам Мэндилип... как у нее, каждый палец живой. Он сделал из глины такую красавицу, что даже богиня Изида позавидовала. Они были весьма практичными, эти боги древнего Египта, они усыпили принца, положили рядом женщину и посмотрели, подходит ли ему женщина. Увы! Она не гармонировала. Она была слишком мала. Тогда Хнум сделал другую куклу. Эта была слишком велика. Ему пришлось сделать шесть — и сломать их, пока он не достиг требуемого совершенства.

Тогда боги удовлетворились, а принц получил свою прекрасную жену, которая была только куклой.

Столетиями позже, во времена Рамзеса II, жил человек, который долго искал и наконец узнал секрет Хнума, бога-горшечника. Всю свою жизнь он добивался этого знания. Он был уже стар, сгорблен и морщинист, но страсть к женщинам была еще сильна в нем. Все, чего он добивался, сводилось к удовлетворению этой страсти. Но ему понадобилась модель. Кто были прекраснейшие из женщин, могущие позировать для него? Конечно, жены фараона. Тогда он сделал кукол по образцу и подобию тех людей, которые сопровождали фараона, когда он посещал своих жен. Кроме того, он сделал копию самого фараона, и в нее вошел сам, оживив ее. Куклы внесли его в царский гарем мимо сторожей, которые приняли его за фараона так же, как и жены фараона. И развлекали его соответственно. Но, когда он собирался уже уходить, вошел настоящий фараон. Возникло весьма неловкое положение, Рикори: вдруг, неожиданно и таинственно, в гареме появилось два фараона. Но Хнум увидел, что случилось, спустился с небес и дотронулся до кукол, отняв у них жизнь. Они упали на пол и оказались просто куклами. А там, где стоял второй фараон, лежала кукла, и рядом с ней дрожащий, сморщенный старик.

Вы можете прочесть эту историю и детальное описание всего последовавшего в папирусе, сохранившемся с тех времен и находящемся сейчас в музее Турина. Там же приведен перечень пыток, которые претерпел колдун прежде, чем его сожгли. Нет сомнения, что такие обвинения имели место, что был такой процесс — папирус сохранил его

детали. Но что на самом деле было за этим описанием? Является ли эта история очередным суеверием или в ее основе проявление темной мудрости?

Рикори сказал:

— Вы сами видели плоды этой темной мудрости — и вы еще не уверены в ее реальности?

Я не ответил, а продолжал:

— Веревочка с узлами — лествица ведьмы. Это тоже древнее понятие. Наиболее древние франкские документы, свод законов, написанный 1500 лет тому назад, гласит, что строжайшее наказание ожидает того, кто будет завязывать узел ведьмы...

— Мы хорошо знаем эту вещь, — сказал Рикори, — в моей стране, к великому нашему горю.

Я заметил, как он побледнел и сжал пальцы, и торопливо сказал:

— Ну, конечно, Рикори, вы понимаете, что я только рассказывал древние легенды. Фольклор. И никаких научных фактов или доказанных оснований для них нет.

Он с шумом отодвинул стул, встал и недоверчиво посмотрел на меня. Заговорил с усилием:

— Вы до сих пор считаете, что вся та дьявольщина, которую мы видели, может быть объяснена с точки зрения известной вам науки?

Я неловко поежился.

— Я не говорю этого, Рикори. Я считаю, что мадам Мэндилип была необыкновенным гипнотизером, убийцей, создательницей иллюзий...

Он перебил меня, сжимая пальцами край стола:

— Вы думаете, что ее куклы были иллюзией?

Я ответил уклончиво:

— Вы сами знаете, как реальна была иллюзия красивого тела. А мы видели, как оно изменилось под действием истинной реальности — огня. Оно выглядело таким же реальным, как куклы, Рикори...

Он снова перебил меня:

— А удар в мое сердце... Кукла, убившая Гилмора... Кукла, убившая Брэйла... Благословенная кукла, убившая ведьму? Вы называете их иллюзией?

Я ответил немного сердито (старое неверие с новой силой охватило мой мозг):

— Возможно, что, подчиняясь постгипнотическому приказу кукольной мастерицы, вы сами воткнули иглу в свое собственное сердце! Возможно, что, подчиняясь такому же приказу, где и когда данному, я не знаю, сестра Питерса сама убила своего мужа. Канделябр упал на Брэйла, когда я был под влиянием тех же постгипнотических внушений, и возможно, что обломок стеклянной подвески перерезал его ар-

терию. Что касается смерти самой мастерицы кукол как будто от куклы Уолтерс — ну что ж, возможно, что ненормальный мозг самой мадам Мэндилип временами оказывался жертвой тех иллюзий, которые она возбуждала в умах других людей. Мастерица кукол была сумасшедшим гением, и ее сознание управлялось манией окружать себя подобием людей, которых она убивала мазью. Маргарита Валуа, королева Наварры, носила с собой забальзамированные сердца более дюжины своих любовников, которые умирали из-за нее. Она не убивала этих людей, но являлась причиной их смерти так же верно, как если бы задушила их своими собственными руками. Психология королевы Маргариты, собирающей коллекцию сердец, и мадам Мэндилип, создавшей коллекцию кукол — одна и та же.

Продолжая стоять, все еще напряженным голосом он повторил:

— Я спросил вас, считаете ли вы иллюзией убийства, совершенные ведьмой?

Я ответил:

— Вы ставите меня в неудобное положение, Рикори, когда смотрите на меня так... а я отвечаю на ваши вопросы. Я повторяю, что, возможно, в ее собственном мозгу она являлась временами жертвой тех же иллюзий, которые она вселяла в мозг других людей. Что временами она думала сама, что ее куклы живые. Что в ее странном мозгу возникла ненависть к кукле Уолтерс. И в конце концов, под влиянием раздражения, вызванного нашим нападением, это убеждение подействовало на нее. Эта мысль появилась у меня, когда я сказал вам о том, как странно, что вы заговорили о «темной мудрости», обращающейся против своего обладателя. Она мучила куклу, она ожидала, что кукла может отомстить ей, как только подвернется случай... И так сильна была эта вера, или это ожидание, что, когда наступил благоприятный момент, она драматизировала его. Ее мысль превратилась в действие! Мастерица кукол, как вы сами, могла воткнуть иглу в свою грудь...

— Вы глупец!

Это сказал Рикори, но слова мне так живо напомнили мадам Мэндилип в ее волшебной комнате и говорящую через мертвые губы девушки Лионы, что я дрожа упал на свой стул.

Рикори нагнулся ко мне через стол. Его черные глаза были невидящими, без всякого выражения. Я закричал, чувствуя, как страх охватывает меня:

— Рикори... проснитесь!

Взгляд его изменился, стал острым и внимательным. Он сказал:

— Я не сплю, я настолько не сплю, что не стану больше слушать вас. Вместо этого послушайте меня, доктор Лоуэлл. Я говорю вам — к черту вашу науку! Я говорю вам, что за завесой материального,

перед которой останавливается в слепом недоумении ваш ум, имеются силы и энергии, ненавидящие нас, которым Бог все-таки позволяет существовать. Я говорю вам, что эти силы могут проникнуть через завесу в материальный мир и подчиняться таким созданиям, как мадам Мэндилип. Это так! Ведьмы и колдуны рука об руку со злом! Это так! И есть силы, дружественные нам, которые иногда проявляются в избранных.

Я говорю вам: мадам Мэндилип — проклятая ведьма! Инструмент злых сил! Девка Сатаны! Она сгорела, как и полагается ведьме! Она будет гореть в аду вечно. Я говорю вам, что маленькая сиделка была инструментом добрых сил. И она счастлива теперь в раю — и будет счастлива вечно!

Он замолчал, дрожа от волнения.

Он дотронулся до моего плеча:

— Скажите, доктор Лоуэлл, скажите мне правдиво, как перед Богом, если бы вы верили в него, как верю я, действительно ли вас удовлетворяет ваше научное объяснение?

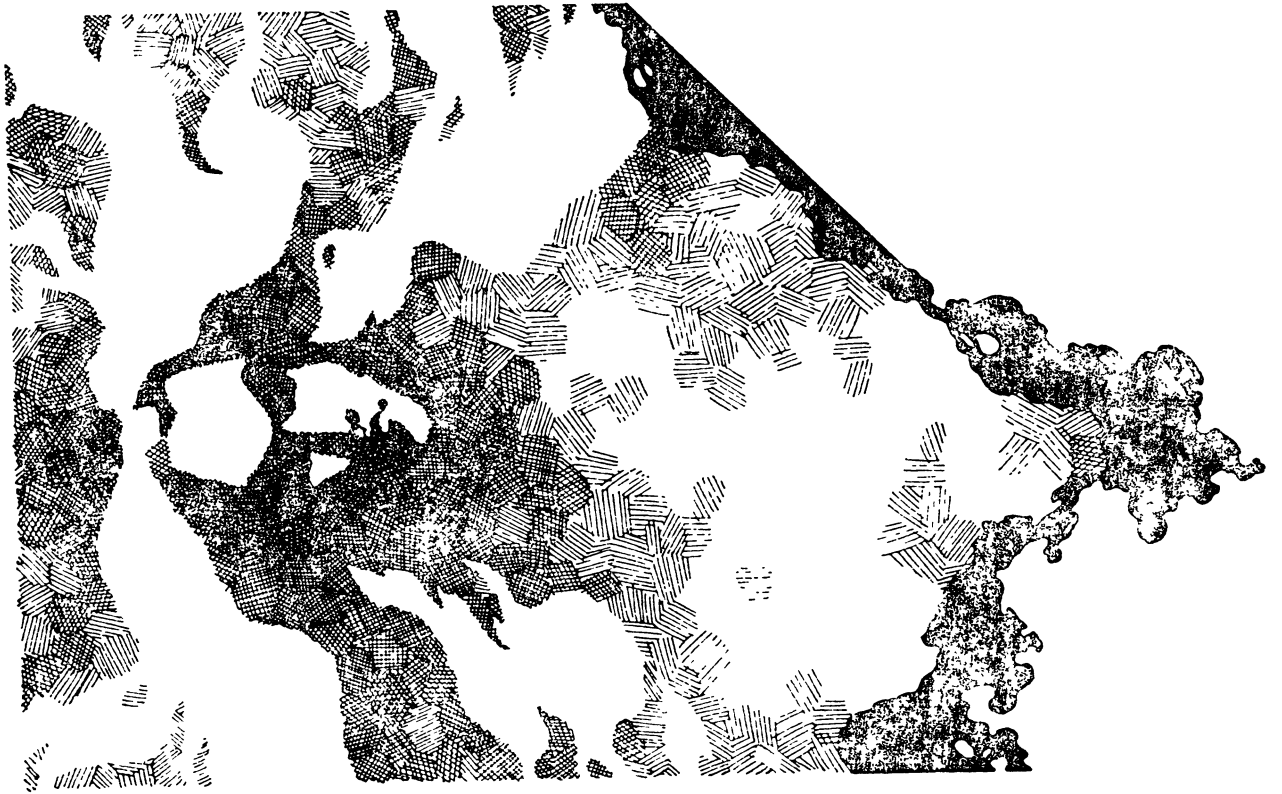
Я ответил очень спокойно:

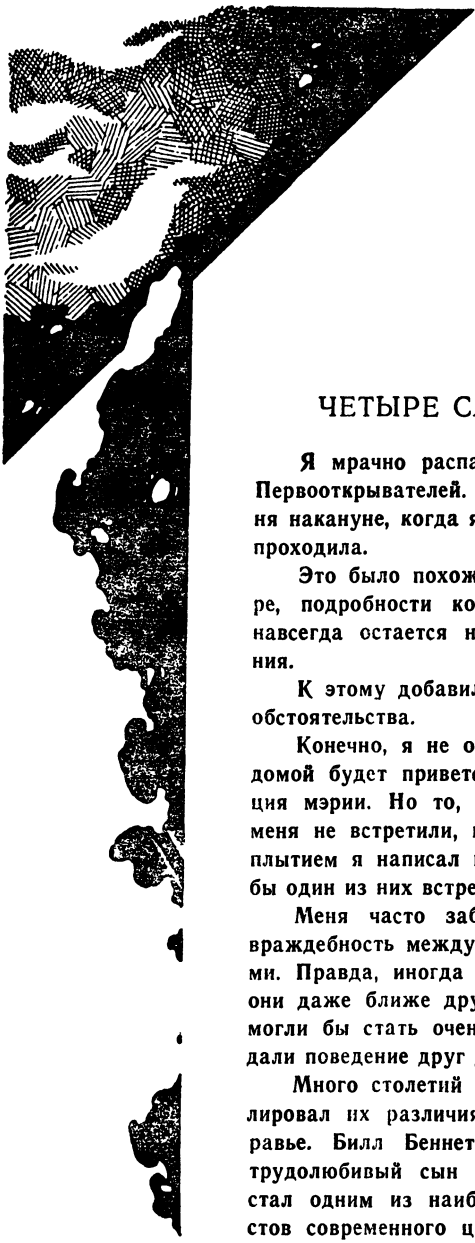
— Нет, Рикорн.

И так оно и было.

ТЕНЬ, ПОЛЗИ!

Фантастический роман

ЧЕТЫРЕ САМОУБИЙСТВА

Я мрачно распаковывал свои вещи в клубе Первооткрывателей. Депрессия, охватившая меня накануне, когда я проснулся в своей каюте, не проходила.

Это было похоже на воспоминания о кошмаре, подробности которого забыты, но который навсегда остается на самом донышке подсознания.

К этому добавились и другие раздражающие обстоятельства.

Конечно, я не ожидал, что мое возвращение домой будет приветствовать специальная делегация мэрии. Но то, что ни Беннет, ни Ральстон меня не встретили, вызывало тревогу. Перед отплытием я написал им обоим и думал, что хотя бы один из них встретит меня на пристани.

Меня часто забавляла некоторая странная враждебность между моими ближайшими друзьями. Правда, иногда мне казалось, что внутренне они даже ближе друг к другу, чем ко мне; они могли бы стать очень близки, если бы не осуждали поведение друг друга.

Много столетий назад старина Эзоп сформулировал их различия в басне о стрекозе и муравье. Билл Беннет был муравьем. Серьезный, трудолюбивый сын доктора Лайонела Беннета стал одним из наиболее выдающихся специалистов современного цивилизованного мира по па-

тологии мозга. Я подчеркиваю, что речь идет о современном и цивилизованном мире, потому что у меня есть доказательства: тот мир, который мы называем нецивилизованным, знает гораздо больше нас об этом, и у меня есть основания полагать, что древний мир в этом отношении обладал еще большими познаниями, чем современные миры, цивилизованный и нецивилизованный.

Старший Беннет был одним из тех редких специалистов, которые больше думают о своей работе, чем о банковском счете. Отец во многом опирался на сына. Я подозревал, что в некоторых отношениях, особенно в изучении подсознания, сын превзошел отца, у него более гибкий, более открытый ум. Год назад Билл написал мне, что его отец умер, а сам он теперь работает ассистентом доктора Остина Лоуэлла, заняв место доктора Дэвида Брэйла, который недавно погиб при несчастном стечении обстоятельств.

Дик Ральстон — стрекоза. Наследник состояния такого огромного, что даже зубы депрессии смогли оцарапать его лишь слегка. Идеальный образчик сына богача, не видящего в работе ни почета, ни радости, ни пользы и никаких других достоинств. Человек беспечный, умный, щедрый. Но, безусловно, первоклассный лентяй.

А я, выполняя компромиссную роль, служил мостом, на котором эти двое встречались. У меня есть медицинский диплом, но есть и деньги, которые спасают от скучной практики. Состояние достаточное, чтобы делать, что захочу, то есть бродить по всему земному шару с этнологическими исследованиями в тех областях, которые иные мои научные братья называют суевериями: колдовство, волшебство, вуду и прочее. В своих исследованиях я так же страстен, как и Билл в своих.

Дик приписывает мои странствия бродяжьему инстинкту, который я унаследовал от одного из своих бретонских предков, пирата, отплывшего из Сен-Мало и заслужившего кровавую репутацию в Новом Свете, за что и был повешен. Мои необычные интересы Дик приписывал тому обстоятельству, что среди моих предков были две ведьмы, сожженные в Бретани

Я для него был совершенно понятен.

Причуды Билла он понимал гораздо хуже.

Я мрачно размышлял, что хоть и отсутствовал три года, однако это слишком небольшое время, чтобы меня забыть. Потом, постаравшись стряхнуть дурное настроение, я посмеялся над собой. В конце концов друзья могли не получить мои письма, или у них были свидания, которые ребята не могли отменить, и каждый считал, что другой обязательно меня встретит.

На кровати лежала газета — «Ивнинг Стар». За вчерашнее число. Мой взгляд остановился на заголовке. Прочитав его, я тут же перестал смеяться. Заголовок гласил:

«НАСЛЕДНИК ПЯТИ МИЛЛИОНОВ
КОНЧАЕТ САМОУБИЙСТВОМ!»

«РИЧАРД ДЖ. РАЛЬСТОН МЛАДШИЙ
ПУСКАЕТ ПУЛЮ СЕБЕ В ГОЛОВУ!»

А ниже:

«Ричард Дж. Ральстон младший, унаследовавший два года назад свыше пяти миллионов после смерти своего отца, владельца шахт, сегодня утром найден мертвым в своей постели на Парк Авеню, 35642. Он выстрелил себе в голову. Следователи установили, что на пистолете отпечатки пальцев только его владельца.

Тело обнаружил дворецкий Джон Симпсон, который рассказал, что вошел в комнату, как обычно, в восемь часов. По состоянию тела доктор Пибоди, коронер, установил, что выстрел был произведен около трех часов утра, то есть примерно за пять часов до того, как Симпсон обнаружил тело».

Три часа? У меня по спине поползли мурашки. Если учесть разницу между корабельным и нью-йоркским временем это именно тот момент, когда я проснулся в странной депрессии. Я продолжал читать.

«Если рассказ Симпсона правдив — а полиция не имеет оснований в этом сомневаться — самоубийство не было подготовлено заранее, а явилось результатом внезапного депрессивного импульса. Это предположение подкрепляет найденное письмо, которое Ральстон начал, но, не закончив писать, разорвал. Обрывки найдены под столом в спальне, где он их бросил. В письме говорится:

«Дорогой Билл,
прости, но больше я не могу выдержать. Считай это объективным, а не субъективным явлением, как бы невероятно это ни казалось. Если бы только здесь был Алан! Он знает больше...»

В этот момент Ральстон, очевидно, изменил свои намерения и разорвал письмо. Полиция хотела бы знать, кто такой Алан и о чем он «знает больше». Она также надеется, что Билл, которому адресовано письмо, объявится. Нет никаких сомнений, что здесь мы действительно имеем дело с самоубийством, но, возможно, тот, кто что-то знает об «объективном, а не субъективном» характере происшествия, прольет свет на мотивы этого самоубийства.

Причины, по которым мистер Ральстон покончил с жизнью, не известны. Его поверенные, известная фирма «Уинстон, Смит энд Уайт», заверили полицию, что состояние его в полном порядке, что никаких «осложнений» в жизни их клиента не было. Известно, что, в отличие от большинства богатых наследников, Ральстон никогда не оказывался впутанным в скандалы.

Это четвертый за последние три месяца случай самоубийства состоятельных людей в возрасте Ральстона и такого же, как у него, образа жизни. Обстоятельства самоубийств во всех четырех случаях настолько аналогичны, что полиция серьезно рассматривает возможность какого-то договора между этими самоубийцами.

Первая из этих четырех смертей произошла 15 июля, когда Джон Марстон, всемирно известный игрок в поло, прострелил себе голову в спальне своего сельского дома в Локуст Уолли, Лонг-Айленд. Причины этого самоубийства так и не выяснены. Подобно Ральстону, Марстон был холост. 6 августа в автомобиле вблизи Риверхеда, Лонг-Айленд, было найдено тело Уолтера Сент-Клера Колхауна. Колхаун съехал с главной дороги, которая здесь по обеим сторонам заросла деревьями, на открытое поле и здесь пустил себе пулю в голову. Причина случившегося до сих пор не ясна. Колхаун три года состоял в разводе. 21 августа Ричард Стентон, миллионер, яхтсмен и путешественник, выстрелил себе в голову на борту собственной океанской яхты «Тринклу». Это произошло накануне намеченного им путешествия в Южную Америку...»

Я читал и недоумевал... соображения по поводу договора о самоубийствах, предположительно вызванного «скукой и болезненным стремлением к острым ощущениям»... истории Марстона, Колхауна и Стентона... некролог Дика...

Читал, почти не понимая прочитанное. По-прежнему казалось, что этого не может быть.

У Дика нет никаких причин для самоубийства. Во всем мире нет человека, который меньше был бы способен убить себя. Теория самоубийственного договора еще более абсурдна. Разумеется, «Алан» из письма — это я. А «Билл» — Беннет. Но что такого я знаю, чего не знают другие?

Зазвонил телефон.

— К вам доктор Беннет.

Я сказал:

— Пришлите его ко мне.

И подумал: «Слава Богу!»

Билл вошел. Он был бледен и изможден, как жертва тяжелых испытаний, которые еще не миновали. В глазах застыл ужас, будто Билл постоянно видел перед собой нечто страшное. С отсутствующим видом он подал мне руку и сказал:

— Я рад, что ты вернулся, Алан.

Я все еще держал газету. Он взял ее, взглянул на заголовки и сказал:

— Вчерашняя. Ну, здесь все. Все, что знает полиция.

Прозвучало это странно. Я спросил:

— Ты хочешь сказать, что знаешь еще что-то?

Ответ показался мне уклончивым.

— О, у них все факты. Дик прострелил себе голову. И они правы, когда связывают все эти четыре смерти...

Я спросил:

— Что ты знаешь такого, чего не знает полиция, Билл?

Он ответил:

— Что Дик был убит!

Я удивленно смотрел на него.

— Но если он пустил пулю себе в голову...

— Твое удивление понятно. И все-таки: хотя я знаю, что Дик выстрелил в себя сам, но тем не менее это было убийство.

Он сел на кровать, сказал:

— Мне нужно выпить.

Я достал бутылку шотландского виски, которое клубный слуга заботливо принес в качестве приветствия по поводу моего возвращения. Налил обоим большие порции. Билл повторил:

— Я рад, что ты вернулся! Нас ждет тяжелая работа, Алан!

— Какая работа? Найти убийцу Дика?

Он ответил:

— Да. Прекратить убийства.

Я снова налил ему и себе. Сказал:

— Перестань ходить вокруг да около и расскажи мне, в чем дело.

Он задумчиво посмотрел на меня и негромко ответил:

— Нет, Алан. Пока не время. — Поставил стакан. — Предположим, ты открыл новый возбудитель болезни, неизвестный микроб — или считаешь, что открыл. Ты изучал его и отметил его особенности. Предположим, ты хочешь, чтобы кто-нибудь проверил твои выводы. Что ты сделаешь: сообщишь ему сразу все свои данные и попросишь его взглянуть в микроскоп, чтобы подтвердить их? Или просто дашь самые общие сведения и предложишь посмотреть в микроскоп и обнаружить самому?

— Конечно, общие сведения — и пусть смотрит сам!

— Точно. Вот и я считаю, что нашел такой новый возбудитель, вернее, очень старый, хотя у него нет ничего общего с микробами. Но больше я тебе ничего не скажу, пока ты сам не посмотришь в микроскоп. Не хочу, чтобы мое мнение воздействовало на тебя. Пошли за газетой.

* * *

Я позвонил и попросил принести свежий номер «Сан». Билл взял его. Просмотрел первую полосу, потом стал перелистывать газету, пока не нашел то, что искал.

— Случай Дика переместился с первой полосы на пятую, — сказал он. — Вот. Прочти первые несколько абзацев, остальное — пересказ уже известного и праздные соображения. Очень праздные.

Я стал читать:

«Доктор Уильям Беннет, известный специалист в области мозга и ассистент знаменитого медика Остина Лоуэлла, сегодня утром пришел в полицию и заявил, что он и есть «Билл» из неоконченного письма, найденного в спальне Ричарда Дж. Ральстона младшего, после того как тот вчера утром совершил самоубийство.

Доктор Беннет заявил, что письмо, несомненно, адресовалось ему, что мистер Ральстон, один из его ближайших друзей, недавно консуль-

тировался с ним по поводу того, что можно в общих чертах назвать бессонницей и дурными снами. Накануне вечером мистер Ральстон обедал у доктора Беннета. Доктор хотел, чтобы Ральстон провел ночь у него, тот вначале согласился, но потом передумал и отправился спать домой. Именно это он имеет в виду в начальной фразе своего письма. Профессиональный долг заставляет доктора Беннета воздержаться от дальнейшего описания симптомов болезни мистера Ральстона. Когда его спросили, можно ли объяснить самоубийство Ральстона состоянием его психики, доктор Беннет осторожно ответил, что самоубийство всегда объясняется состоянием психики».

Несмотря на всю растерянность и горе, я не мог не улыбнуться этим строкам.

«Доктор Беннет заявил, что «Алан», который упоминается в письме, это доктор Алан Каранак, также старый друг мистера Ральстона, который сегодня возвращается в Нью-Йорк после трехлетнего пребывания в Северной Африке. Мистер Каранак хорошо известен в научных кругах своими этнологическими исследованиями. Доктор Беннет сказал, что Ральстон считал: некоторые симптомы его болезни могут быть объяснены доктором Каранаком, который хорошо знает умственные заболевания первобытных народов».

— А теперь главное, — сказал Беннет и указал на следующий абзац.

«После визита в полицию доктор Беннет ответил на вопросы репортеров, но не смог сообщить никаких новых сведений. Он сказал, что за две недели до смерти мистер Ральстон снял со своих счетов большие суммы. Что стало с этими деньгами — неизвестно. Похоже, доктор тут же пожалел о сказанном, заявив, что это не имеет отношения к самоубийству мистера Ральстона. Он неохотно признал, однако, что речь может идти более чем о ста тысячах долларов, и что полиция занимается этим обстоятельством».

Я сказал:

— Похоже на шантаж.

Он ответил:

— Никаких доказательств. Но все, что я сказал полиции и репортерам, здесь передано верно.

Репортеры скоро будут здесь, Алан. И полиция. Я ухожу. Ты меня не видел. Не имеешь ни малейшего представления о происходящем. Больше года ты ничего не слышал о Ральстоне. Скажи им, что после того, как свяжешься со мной, может, что-то и сможешь добавить. А сейчас — ты ничего не знаешь. И это правда — ты ведь действительно ничего не знаешь!

И он пошел к двери.

— Минутку, Билл. Но что же скрывается за всем, что я прочитал?

Он ответил:

— Тщательно замаскированная приманка.

— И кто на нее должен клюнуть?

— Убийца Дика. — Билл повернулся к двери. — Плюс еще кое-кто в твоем вкусе. Ведьма!

И закрыл за собой дверь.

МАДМУАЗЕЛЬ ДАХУТ

Вскоре после ухода Билла меня посетил представитель полиции. Было очевидно, что тот считал свое посещение пустой формальностью. Вопросы были поверхностными, и он не спрашивал, виделся ли я с Беннетом. Я угостил полицейского скотчем, и он, расслабившись, сказал:

— Не одно, так другое. Если у тебя нет денег, загоняешь себя насмерть, добывая их. А если есть, все время кто-то старается тебя ограбить. Или свихнешься, как этот бедняга, а тогда что толку от твоих денег? Я слышал, этот Ральстон был неплохой парень.

Я согласился. Он выпил еще и ушел.

Потом пришли три репортера: один из «Сити Ньюс», двое из вечерних газет. Мне задали несколько вопросов о Дике, но куда больше их интересовали мои путешествия. Я, почувствовав облегчение, послал за второй бутылкой скотча и рассказал им несколько историй о волшебных зеркалах женщин Риффа, которые считают, что в определенное время и при определенных условиях могут захватить отражения тех, кого любят или ненавидят, чтобы распоряжаться их душами по собственному усмотрению.

Репортер из «Сити Ньюс» сказал, что если бы риффские женщины обучили его своему искусству, он смог бы завладеть душами всех изготовителей зеркал в Америке, помочь им выйти из депрессии и разбогатеть. Остальные двое мрачно признали, что знают издателей, чьи отражения они готовы хоть сейчас присвоить.

Я рассмеялся и сказал, что гораздо эффективнее было бы пригласить парочку старинных болгарских каменщиков. Нужно заманить издателя, дать каменщику возможность измерить с помощью веревки его тень. После этого каменщик положит веревку в ящичек, который замурует в стене. Через сорок дней издатель умрет, и его душа останется сидеть в ящике рядом с веревкой.

Один из репортеров мрачно заметил, что сорок дней — слишком долго для человека, которого он имеет в виду. А другой с обезоруживающей наивностью спросил, верю ли я, что подобные вещи возможны? Я ответил, что если человек убежден, что он умрет в определенный день, он в этот день и окочурится. Не потому, что тень его измерили веревкой, а веревку замуровали, а потому, что верит. Вера эта его и убьет. Простое внушение, самогипноз. Кахуна, колдуны южных морей, предсказывают смерть человека, и человек умирает, конечно, если знает, что кахуна предсказал его смерть.

Мне нужно было подумать раньше. В газетах лишь несколько строк было посвящено тому, что я отвечал на вопросы полиции и не смог пролить какой-либо свет на самоубийство Ральстона. Но в газете наивного репортера была специальная статья:

«Хотите избавиться от своих врагов? Раздобудьте волшебное зеркало риффских женщин или пригласите болгарского каменщика! Доктор Алан Каранак, известный исследователь, рассказывает, как отделаться от тех, кто вам не нравится. Но сначала вы должны убедить их, что можете это сделать...»

Как вам понравится такая ерунда?

Я перечитал статью и рассмеялся. В конце концов я сам виноват. Прозвонил телефон, меня вызывал Билл. Он неожиданно спросил:

— Как тебе пришло в голову разговаривать с репортерами о тенях?

Он нервничал. Я сказал:

— Да никак. А почему бы мне не поговорить с ними о тенях?

Какое-то время он молчал. Потом спросил:

— Ничего не направило тебя на эту тему? Никто не предложил ее?

— «Все страньше и страньше», как говаривала Алиса. Нет, Билл, я сам поднял эту тему. И никакая тень не нашептывала мне на ухо...

Он резко прервал:

— Не говори так!

Теперь я действительно удивился, потому что в голосе Билла звучал страх.

— Да, никакой причины не было. Просто так получилось, — повторил я. — А в чем дело?

— Неважно. — Я еще больше удивился облегчению в его голосе. Он быстро сменил тему. — Завтра похороны Дика. Увидимся там.

Единственная вещь, которую меня не заставят и не убедят сделать, — это присутствовать на похоронах друга. Я хочу помнить друзей живыми, энергичными, проворными. Картина гроба заслоняет все, и я теряю друзей. По-моему, животные в этом смысле поступают мудрее. Они прячутся перед смертью. Билл знал, что я об этом думаю, поэтому я ответил:

— Там мы с тобой не увидимся. — И чтобы пресечь спор, спросил: — Кто-нибудь клюнул на твою приманку?

— И да и нет. Не настоящая поклевка, как я надеялся, но внимание с совершенно неожиданных направлений. После того, как я ушел от тебя, позвонил поверенный Дика и спросил, что мне известно о деньгах, снятых Диком со счетов. И рассказал, что они пытаются установить, куда Дик их потратил. И не могут. Он мне не поверил, конечно, когда я ответил, что ничего не знаю, что у меня только

смутные подозрения. Я его не виню. Сегодня утром позвонил душеприказчик Стентона и задал тот же вопрос. Сказал, что перед смертью Стентон снимал значительные суммы, и они не могут установить их местонахождение.

Я свистнул.

— Странно. А как насчет Колхауна и Марстона? Если у них то же самое, это наводит на подозрения.

— Пытаюсь установить, — ответил он. — До свидания...

— Минутку, Билл, — сказал я. — Я умею ждать и все такое. Но меня мучает любопытство. Когда мы с тобой увидимся, и что мне до того времени делать?

Ответил он таким серьезным голосом, какого я у него раньше не слышал:

— Алан, ничего не делай, пока я не выложу перед тобой карты. Не хочу сейчас ничего объяснять, но поверь, у меня есть причины. Скажу тебе только одно. Твое интервью — это еще одна приманка, и мне кажется, она еще лучше моей.

* * *

Это было во вторник. Естественно, я был крайне удивлен и возбужден. Настолько, что если бы кто угодно, кроме Билла, попросил меня сидеть спокойно и ничего не предпринимать, я бы страшно рассердился. Но Билл знает, что делает, я был уверен в этом. Поэтому я ждал.

В среду похоронили Дика. Я просматривал свои записи и начал первую главу книги о марокканских колдунах. В четверг вечером позвонил Билл.

— Завтра вечером у доктора Лоуэлла небольшой прием, — сказал он. — Доктор де Керадель с дочерью. Я хочу, чтобы ты пришел. Обещаю, будет интересно.

Де Керадель? Знакомое имя.

— Кто это? — спросил я.

— Рене де Керадель, французский психиатр. Ты, наверно, читал его...

— Да, конечно, — прервал я. — Он продолжил эксперименты Шарко по гипнозу в больнице «Сальпетриер». Начал там, где Шарко остановился. Несколько лет назад при неясных обстоятельствах покинул «Сальпетриер». То ли пациенты умерли, то ли он применял слишком неортодоксальные методы.

— Это он.

Я сказал:

— Буду. Мне интересно с ним встретиться.

— Хорошо, — сказал Билл. — Обед в семь тридцать. Надень ве-

черний костюм. И приди на час раньше. С тобой хочет до прихода гостей поговорнть одна девушка.

— Девушка? — удивленно переспросил я.

— Элен, — с усмешкой сказал Билл. — И не разочаровывай ее. Ты ведь ее герой. — И он повесил трубку.

Элен — сестра Билла. Моложе меня лет на десять. Я не видел ее пятнадцать лет. Припомнил озорного ребенка. Глаза слегка раскосые и желтовато-карие. Волосы чуть рыжеватые. Когда я видел ее в последний раз, она была неуклюжей и склонной к полноте. Ходила за мной следом, когда я на каникулы приезжал к Биллу, сидела и молча смотрела на меня, отчего я начинал нервничать.

Трудно сказать, то ли это было молчаливое восхищение, то ли чистейшая проказа. Тогда ей было двенадцать. Никогда не забуду, как она с невинным видом усадила меня на подземное осиное гнездо; не забуду и того, как, ложась в постель, обнаружил в ней семейство ужей. Первое могло быть случайностью, хотя я в этом сомневался, но второе — нет. Я выбросил ужей в окно и впоследствии ни словом, ни жестом не выдал этого происшествия, получив в награду замешательство девочки от моего молчания и ее явное, но поневоле немое любопытство. Я знал, что она закончила Смит-колледж и изучала искусство во Флоренции. Интересно, какой она стала.

На следующий день в библиотеке медицинской академии я прочел несколько статей де Кераделя. Несомненно, странный человек, и теории у него странные. Неудивительно, что «Сальпетриер» избавилась от него. Если отбросить шелуху научных терминов, главная мысль удивительно похожа на то, что говорил мне много-раз-рожденный лама в монастыре Джианг-цзе на Тибете. Святой человек и известный чудотворец, искатель странных знаний. Суеверные люди могут назвать такого колдуном. Примерно то же говорил мне греческий монах в Дельфах. Плащ христианства едва прикрывал в его случае явный языческий атавизм. Он предложил продемонстрировать свои способности и сделал это. И почти убедил меня.

Я почувствовал сильный интерес к доктору де Кераделю. Имя бретонское, как и мое, и такое же необычное. У меня в памяти всплыло еще одно воспоминание. В семейных хрониках де Каранаков есть упоминание о де Кераделях. Я просмотрел хроники. Между двумя семействами не было приязни, мягко выражаясь. Но то, что я прочел, подогрело мое любопытство к де Кераделю почти до лихорадочного состояния.

* * *

Я на полчаса опоздал к доктору Лоуэллу. Дворецкий провел меня в библиотеку. Из большого кресла поднялась девушка и пошла мне навстречу с протянутой рукой.

— Здравствуй, Алан, — сказала она.

Я, мигая, смотрел на нее. Невысокая, но с пропорциями, которые скульпторы афинского золотого века придавали своим танцующим девушкам. Тонкое, как паутина, черное платье не скрывало этих пропорций. Волосы медного цвета убраны в высокую прическу. Тяжелый шиньон показывает, что она устояла перед соблазном короткой стрижки. Удлиненные глаза золотого янтарного цвета. Нос маленький и прямой, подбородок круглый. Кожа не молочно-белая, как часто бывает у рыжеволосых, а золотистая. Такое лицо и такая голова могли бы послужить моделью для лучшей золотой монеты Александра. Слегка архаичные, тронутые античной прелестью. Я снова замигал. И выпалил:

— Не может... Элен!

Глаза ее блеснули, на лице появилось проказливое выражение, заставившее меня вспомнить ужей. Она вздохнула:

— Она самая, Алан! Она самая! А ты — о, позволь мне взглянуть на тебя. Да, по-прежнему герой моего детства. То же живое смуглое лицо, как у... я тебя называла Ланселотом Озерным, про себя, конечно. То же стройное сильное тело — я тебя называла еще Черной Пантерой, Алан. А помнишь, как ты запрыгал, как пантера, когда тебя ужалили осы...

Она склонила голову, и ее плечи затряслись. Я сказал:

— Ты маленький чертенок! Я так и знал, что ты сделала это нарочно.

Она приглушенно ответила:

— Я не смеюсь, Алан. Я плачу.

Она взглянула на меня, и на глазах у нее действительно были слезы, но я уверен, это были не слезы горя. Она сказала:

— Алан, долгие, долгие годы я хотела тебя кое о чем спросить. Хотела, чтобы ты мне ответил. Нет, не о том, что ты меня любишь, дорогой. Нет! Нет! Я всегда знала, что рано или поздно это произойдет. Нет, о другом...

Я тоже смеялся, но со странным смешанным чувством. Я сказал:

— Скажу тебе все. Даже, что я тебя люблю... и, может, на самом деле...

— Ты нашел ужей в своей постели? Или они расползлись до тебя?

Я повторил:

— Ты маленький чертенок!

— Значит, они там были?

— Да, были.

Она удовлетворенно вздохнула.

— Ну, одним комплексом меньше. Теперь я знаю. Мне так иногда хотелось узнать это, что я не могла терпеть.

Она подняла ко мне лицо.

— Поскольку ты все равно будешь меня любить, Алан, можешь меня поцеловать.

Я ее поцеловал. Может, она и дурачилась, говоря о герое своего детства, но в моем поцелуе дурачества не было — и в ее ответном тоже. Она вздрогнула и положила голову мне на плечо. Томно сказала:

— Вот и еще одного комплекса не стало. Где же я остановлюсь?

Кто-то кашлянул у двери. Прошептал, извиняясь:

— Мы не хотели мешать.

Элен опустила руки, и мы повернулись. Я понял, что у двери стоят дворецкий и еще один человек. Но я не мог оторвать взгляда от девушки — или женщины, стоявшей с ними.

Знаете как бывает: в метро, или в театре, или на скачках вдруг почему-то, а может, и вовсе беспричинно чье-нибудь лицо привлекает внимание в толпе, как будто твой мысленный прожектор осветил его, и все остальные лица становятся туманными и отступают на второй план. Со мной это часто случается. Что-то в таких лицах, несомненно, пробуждает старые забытые воспоминания. Или оживляет память предков, чьи призраки всегда смотрят нашими глазами. Вот такое у меня было впечатление от лица этой девушки, и даже больше.

Я не видел больше никого, даже Элен.

Никогда я не видел таких голубых глаз, вернее, глаз странно глубокого фиолетового оттенка. Большие, необычно широко расставленные, с длинными загнутыми черными ресницами и тонкими, словно нарисованными, черными бровями, которые почти встречались над орлиным, но изящным носом. Я скорее почувствовал, чем увидел цвет этих глаз. Лоб у нее широкий, но низкий ли, сказать невозможно: он скрыт прядями чистого золота, и концы волос на голове завиваются, и такие они тонкие и блестящие, что создается впечатление ореола вокруг головы. Изысканно чувственный рот чуть великоват, но прекрасно очерчен.

Кожа ее — чудо, белая, но полная жизни, как будто сквозь нее просвечивает лунное сияние.

Ростом почти с меня, с женственной фигурой, с полной грудью. Грудь такая же чувственная, как губы. Голова и плечи, как лилия, выступают из чашечки блестящего платья цвета морской волны.

Красивая женщина, но я сразу понял, что ничего небесного в голубизне ее глаз нет. И ничего святого в ореоле вокруг головы.

Само совершенство. Но я почему-то почувствовал приступ ненависти. Я вдруг понял, как можно разрезать картину — шедевр красоты, или взять молот и разбить статую.

И тут я подумал: «Я ее ненавижу — или боюсь?»

И все это в мгновение ока.

Элен отошла от меня с протянутой рукой. В ней не было никакого смущения. Как будто прервали не объятие, а простое рукопожатие. Она с улыбкой сказала:

— Я Элен Беннет. Доктор Лоуэлл попросил меня принять вас. Вы ведь доктор де Керадель?

Я посмотрел на человека, склонившегося с поцелуем к ее руке. Он распрямился, и я почувствовал замешательство. Билл сказал, что придут доктор де Керадель с дочерью, но этот человек выглядел не старше девушки, если она его дочь. Правда, в чуть более бледном золоте его волос виднелись серебряные нити; правда, его голубые глаза не имели такого фиолетового оттенка...

Я подумал: «Но у них нет возраста». И сразу: «Да что это со мной такое?»

Мужчина сказал:

— Я доктор де Керадель. А это моя дочь.

Девушка — или женщина — рассматривала нас с Элен, явно забавляясь. Странно отчетливо выговаривая слова, доктор де Керадель сказал:

— Мадмуазель Дахут д'Ис, — немного поколебавшись, добавил: — де Керадель.

Элен сказала:

— А это доктор Алан Каранак.

Я смотрел на девушку — или женщину. Имя Дахут д'Ис что-то затронуло в моей памяти. А когда Элен назвала меня, фиолетовые глаза расширились, стали огромными, прямые брови соединились над носом в одну линию. Я почувствовал ее взгляд, как физический удар. Она, казалось, впервые увидела меня. И в глазах ее появилось что-то угрожающее... собственническое. Тело ее напряглось. Она как бы про себя сказала:

— Ален де Карнак...

Потом посмотрела на Элен. Взгляд был расчетливым, оценивающим. Но и презрительно равнодушным, я это сразу понял. Так может посмотреть королева на служанку, осмелившуюся поднять взгляд на ее любовника.

Правильно я понял ее взгляд или нет, но Элен что-то такое почувствовала. Она повернулась ко мне и сладко сказала:

— Дорогой, мне за тебя стыдно. Проснись!

И боком туфельки незаметно толкнула мою ногу.

Но тут вошел Билл, а с ним почтенный седовласый джентльмен, который, несомненно, был доктором Лоуэллом.

Не знаю, когда я еще так радовался появлению Билла.

Я сделал Биллу знак — наш старый сигнал тревоги, и после представлений он увел меня, оставив мадмуазель Дахут с Элен, а доктора де Кераделя с доктором Лоуэллом. Мне очень хотелось выпить, и я сказал Биллу об этом. Билл без комментариев передал мне коньяк и содовую воду. Я выпил неразбавленного коньяку.

Элен привела меня в замешательство, но это замешательство было приятным и не из-за него мне потребовался алкоголь. А вот мадмуазель Дахут — это совсем другое дело. Вот она вызвала настоящее смятение. Мне пришло в голову сравнение с кораблем, идущим под парусом с опытным капитаном и по хорошо исследованным морям. Элен подобна порыву, хорошо вписывающемуся в известную картину, а мадмуазель Дахут — урагану, дующему совсем в ином направлении и уносящему корабль в неизведанные воды. В этом случае ваши навигационные познания вам мало помогут. Я сказал:

— Элен способна привести в порт Рай, а другая — в порт Ад.

Билл ничего не ответил, продолжая смотреть на меня. Я налил себе вторую порцию. Билл спокойно сказал:

— За обедом будут коктейли и вина.

— Прекрасно, — ответил я и выпил коньяк.

И подумал: «Не ее адская красота так выбила меня из равновесия. Но почему я так возненавидел ее с первого же взгляда?»

Теперь ненависти во мне больше не было. Было только страстное любопытство. Но почему мне кажется, что я когда-то был знаком с ней? И почему кажется, что она знает меня лучше, чем я ее? Я прошептал:

— Она заставляет вспомнить о море, вот что.

— Кто?

— Мадмуазель д'Ис.

Он сделал шаг назад и сказал, как будто его что-то душило:

— А кто такая мадмуазель д'Ис?

Я подозрительно посмотрел на него и спросил:

— Ты не знаешь имена своих гостей? Эта девушка там внизу — мадмуазель Дахут д'Ис де Керадель.

Билл ответил:

— Нет, я этого не знал. И Лоуэлл представил ее только как де Керадель.

Спустя минуту он сказал:

— Вероятно, еще одна порция тебе не повредит. А я присоединюсь.

Мы выпили. Он небрежно заметил:

— Никогда раньше не встречался с ними. Де Керадель позвонил Лоуэллу вчера утром, как один известный психиатр другому. Лоуэлл

заинтересовался и пригласил его с дочерью на обед. Старик очень любит Элен, и со времени своего возвращения в город она всегда на его приемах играет роль хозяйки. Она его тоже любит.

Он допил свой коньяк и поставил стакан. Потом по-прежнему небрежно добавил:

— Я так понял, что де Керадель здесь уже больше года. Однако до вчерашних интервью, твоего и моего, он ни разу нас не навещал.

Я подпрыгнул, когда до меня дошло, на что он намекает. Я сказал:

— Ты хочешь сказать...

— Ничего не хочу. Просто указываю на совпадение.

— Но если они имеют отношение к смерти Дика, зачем им рисковать, приходя сюда?

— Чтобы узнать, много ли нам известно. — Он колебался. — Это может ничего не значить. Но... именно о таких случаях я думал, готовя свою наживку. А де Керадель и его дочь похожи на рыбу, которую я надеялся поймать... особенно теперь, когда я знаю о д'Ис. Да, особенно.

Он обошел вокруг стола и положил руки мне на плечи.

— Алан, то, что я думаю, может показаться тебе сумасшествием. Да и мне самому иногда кажется. Не Алиса в Стране Чудес, а Алиса в Стране Дьявола. Я хочу, чтобы сегодня ты говорил все, что придет в голову. Вот и все. Пусть тебя не удерживают соображения вежливости, приличия, удобства или еще какие-нибудь. Если твои слова могут стать оскорблением, пусть так и будет. Не заботься о том, что подумает Элен. Забудь о Лоуэлле. Говори все, что приходит в голову. Если де Керадель будет утверждать что-то, с чем ты не согласен, не слушай вежливо, возражай ему. Если он сорвется, тем лучше. Выпей столько, чтобы всякие сдерживающие соображения о вежливости тебе не мешали. Ты будешь говорить, я — слушать. Понятно?

Я рассмеялся и сказал:

— In vino veritas. Твоя мысль заключается в том, что vino мое, а veritas — у противников. Здравая психология. Ладно, Билл, выпью еще немного.

Он сказал:

— Ты знаешь свои возможности. Но будь осторожен.

* * *

Мы спустились к обеду. Мне было интересно, весело и беззаботно. Представление о мадмуазель упростилось до тумана серебристо-золотых волос с двумя фиолетовыми пятнами на белом лице. С другой стороны, Элен оставалась четкой античной монетой. Мы сели за стол. Доктор Лоуэлл сидел во главе, слева от него де Керадель, справа мадмуазель Дахут. Элен сидела рядом с де Кераделем, а я рядом с мадмуазель.

Билл сидел между мной и Элен. Стол был красиво убран, и вместо электричества горели свечи. Дворецкий принес коктейли. Я поднял свой и сказал Элен:

— Ты прекрасная античная монета, Элен. Тебя отчеканил Александр Великий. И ты будешь в моем кармане.

Доктор Лоуэлл удивленно посмотрел на меня. Но Элен чокнулась со мной и прошептала:

— Ты ведь никогда не потеряешь меня, дорогой?

Я ответил:

— Нет, сердце мое, и не отдам тебя никому, и никому не позволю украсть мою любимую античную монету.

Ко мне прижалось мягкое плечо. Я отвел взгляд от Элен и посмотрел прямо в глаза мадмуазель. Теперь они не были просто фиолетовыми пятнами. Удивительные глаза. Большие, чистые, как вода на тропической отмели, и в них поблескивали маленькие светло-лиловые искорки, как блестит солнце в мелкой тропической воде, когда поворачиваешь голову и смотришь сквозь чистую воду.

Я сказал:

— Мадмуазель Дахут, почему, глядя на вас, я думаю о море? Я видел в Средиземном море цвет точно как у ваших глаз. А пена на волнах белая, как ваша кожа. И водоросли, как ваши волосы. Ваш аромат — аромат моря, а ходите вы, как волна...

Элен протянула:

— Как ты поэтичен, мой дорогой. Может, тебе лучше заняться супом, а не брать другой коктейль?

Я ответил:

— Дорогая, ты моя античная монета. Но ты еще не в моем кармане. И я не в твоем. Я выпью еще коктейль, а потом займусь супом.

Она вспыхнула. Я пожалел о сказанном. Но взгляд Билла подбодрил меня. И глаза мадмуазель отплатили мне за любые угрызения совести — если бы я только не понял, что за вновь вспыхнувшей ненавистью совершенно определенно скрывается страх. Она легко положила свою руку на мою. Рука была щекочуще теплой. При ее прикосновении странное неприятное отталкивающее ощущение прошло. Я почти с болью осознал ее исключительную красоту. Она сказала:

— Вы любите... старинные вещи. Потому что в вас древняя кровь... кровь Арморики. Вы, кажется, помните...

Мой коктейль пролился на пол. Билл сказал:

— О, прости, Алан. Как это неуклюже с моей стороны. Бриггс, принесите доктору Каранаку другой.

— Все в порядке, Билл, — сказал я.

Надеюсь, я сказал это легко, потому что глубоко во мне горел гнев. Интересно, сколько времени прошло с этого «помните» мадмуа-

зель до того, как перевернулся мой стакан. Когда она произнесла это, ее щекочущее тепло превратилось в огненную точку, эта искра воспламенила мой мозг. И вместо приятной, освещенной свечами комнаты я увидел обширную равнину, уставленную огромными монолитами. Эти монолиты стояли рядами и сходились к центру, в котором находилась гигантская пирамида из камней. Я знал, что это Карнак, загадочный памятник друидов и забытых народов, живших до друидов. От этого места происходит моя фамилия, только за столетия добавился один слог.

Но это не тот Карнак, который я видел в Бретани. Это место моложе, все камни на месте, стоят прямо; их еще не изгрызли зубы неисчислимых столетий. По проходам между монолитами идут люди, сотни людей. И хотя я знал, что дело происходит днем, какая-то чернота нависла над склепом, находившимся в центре круга. И океана я не видел. Там, где должен был быть океан, виднелись высокие башни из серого и розового камня, туманные очертания стен большого города. Я стоял, как мне показалось, очень долго, и страх медленно вползал мне в сердце, как прилив. А с ним ползли холодная неумолимая ненависть и гнев.

Я услышал слова Билла — и снова оказался в комнате. Страх миновал. Гнев остался.

Я взглянул в лицо мадмуазель Дахут. Мне показалось, что я вижу в нем торжество и радостное оживление. Я прекрасно понимал, что произошло, и мне не нужно было отвечать на ее прерванный вопрос. Она знала. Это какой-то гипноз, внушение в очень высокой степени. Я подумал, что если Билл прав в своих подозрениях, то со стороны мадмуазель Дахут было не слишком умно раскрывать так быстро свои карты. А может, она просто уверена в себе. Я постарался не думать об этом.

Билл, Лоуэлл и де Керадель разговаривали. Элен слушала и краем глаза следила за мной. Я прошептал мадмуазель:

— Я знаю колдуна в Зулуленде, который может сделать то же самое, мадмуазель де Керадель. Он называет это «посылать душу». Но он не так прекрасен, как вы; может, поэтому ему требуется больше времени?

Я готов был уже добавить, что она быстра, как нападающая змея, но сдержался.

Она не ответила на вопрос. Спросила:

— Вы так думаете... Ален де Карнак?

Я снова рассмеялся:

— Я думаю, ваш голос — это голос моря.

Так оно и было: я не слыхал более мягкого, сладкого контральто; голос низкий, убаюкивающий, шепчущий, успокаивающий, как шелест волн на длинном гладком берегу. Она сказала:

— Но разве это комплимент? Вы сегодня много раз сравнивали меня с морем. Разве море не предательское?

— Да, — сказал я.

Пусть понимает ответ, как хочет. Она не казалась оскорбленной.

* * *

За обедом продолжались разговоры о том, о сем. Хороший обед, и вино хорошее. Дворецкий так внимательно следил за моим стаканом, что я подумал, уж не дал ли ему указаний Билл. Взгляды мадмуазель на жизнь оказались космополитичными, она умна и, несомненно, очаровательна. У нее дар казаться такой, какой она хочет представить себя в разговоре. Ничего экзотического, ничего загадочного теперь в ней не было. Современная, хорошо информированная, ухоженная молодая женщина исключительной красоты. Элен была восхитительна. Ничто не заставляло меня спорить или быть невежливым.

Мне показалось, что Билл смущен, находится в замешательстве, как пророк, предсказавший явление, которое и не думает материализоваться. Если де Керадель был заинтересован в смерти Дика, он ничем это не выдал. Некоторое время они с Лоуэллом негромко что-то обсуждали, а остальные в их разговоре не участвовали. Вдруг я услышал слова Лоуэлла:

— Конечно, вы не верите в объективную реальность подобных существ?

Вопрос сразу привлек мое внимание. Я вспомнил разорванное письмо Дика. Дик хотел, чтобы Билл считал что-то объективным, а не субъективным. Я заметил, что Билл внимательно прислушивается. Мадмуазель с легким интересом смотрела на Лоуэлла.

Доктор Керадель ответил:

— Я знаю, что они объективны.

Доктор Лоуэлл недоверчиво спросил:

— Вы верите, что эти создания, эти демоны... действительно существовали?

— И по-прежнему существуют, — сказал де Керадель. — Точно воспроизведите условия, при которых обладавшие древней мудростью пробуждали эти существа — силы, явления, факторы, назовите их как угодно, — и дверь откроется, и Они придут. Та Светлая, которую египтяне именовали Изидой, снова, как в старину, встанет перед нами, предлагая поднять Свою вуаль. И Темный и Сильный, которого египтяне называли Сет и Тифон, но у которого есть и более древнее имя, известное в храмах более древней и мудрой расы, он тоже явится. Да, доктор Лоуэлл, и другие придут через открытые двери учить нас, советовать нам, направлять нас и владеть нами...

— И приказывать нам, отец мой, — почти нежно добавила мадмуазель де Керадель.

— И приказывать нам, — повторил де Керадель механически; кровь отхлынула от его лица, и мне показалось, что во взгляде, который он бросил на дочь, был страх.

Я коснулся руки Билла и почувствовал его подбадривающее пожатие. Поднял свой стакан и сквозь него посмотрел на де Кераделя. И сказал раздражающе поучительно:

— Доктор де Керадель — настоящий режиссер. Если подготовить подходящее театральное помещение, подходящий сценарий, подобрать состав исполнителей, соответствующую музыку, то в нужный момент из-за кулис появятся демоны. Что ж, я видел, как в таких условиях рождались прекрасные иллюзии. Настолько реальные, что способны обмануть простых любителей...

У де Кераделя сузились глаза; он привстал со своего кресла, прошептал:

— Любителей? Вы считаете меня любителем?

Я вежливо ответил, по-прежнему глядя сквозь свой стакан:

— Вовсе нет. Я сказал — режиссер, организатор представления.

Он с трудом подавил свой гнев и сказал Лоуэллу:

— Это не иллюзии, доктор Лоуэлл. Существуют ритуалы, формулы, которые нужно соблюдать. Есть ли что-либо более жесткое, чем обряды, при помощи которых католическая церковь устанавливает контакт со своим Богом? Пение, молитвы, жесты, даже интонации молитв — все жестко расписано. В любом ритуале: мусульманском, буддистском, синтоистском — каждый акт поклонения в любой религии по всему миру жестко определен. Человеческий мозг сознает, что только при точном соблюдении формулы может он соприкоснуться с мозгом... нечеловеческим. Это древняя мудрость, доктор Каранак, но довольно об этом. Говорю вам: то, что появляется на моей сцене, не иллюзия.

Я спросил:

— Откуда вы знаете?

Он негромко ответил:

— Знаю.

Доктор Лоуэлл успокаивающе сказал:

— Исключительно странные и исключительно реальные видения можно вызвать комбинацией звуков, запахов, движений и цветов. Кажется, существуют комбинации, которые у разных индивидуумов вызывают приблизительно те же видения, устанавливают одинаковый эмоциональный ритм. Но я никогда не имел доказательств, что эти видения не субъективны...

Он помолчал, и я заметил, что кулаки у него сжаты, костяшки пальцев побелели; он медленно сказал:

— За одним исключением.

Доктор де Керадель следил за ним, и сжатые руки не скрылись от его внимания. Он спросил:

— И это исключение?..

Лоуэлл хрипло ответил:

— У меня нет доказательств.

Де Керадель продолжал:

— Но в вызывании духов есть еще один элемент, который не относится к сцене, не принадлежит театру, доктор Каранак. Это, если использовать химический термин, катализатор. Он вызывает необходимые последствия, а сам при этом остается незатронутым и неизменным. Это человеческий элемент — мужчина, женщина, ребенок, находящийся в связи с пробуждаемым Существом.

Такой была пифия в Дельфах, сидевшая на треножнике, открытая богу и говорившая его голосом. Таковы жрицы Изиды в Древнем Египте и жрицы Иштар в Вавилоне — впрочем, богиня одна и та же. Таковы жрицы Гекаты, богини Ада, чьи тайные обряды оставались забытыми, пока я не восстановил их. Таков был воин-царь, жрец Калкру, Кракена древних уйгуров. И таковы были жрецы, по призыву которых приходил Черный Бог скифов в виде чудовищной лягушки...

Билл прервал его:

— Но все это в далеком прошлом. В них уже много столетий никто не верит. И род этих жрецов и жриц давным-давно оборвался. Как можно сегодня найти такого?

* * *

Мне показалось, что мадмуазель бросила предупреждающий взгляд на де Кераделя и собиралась заговорить. Он не обратил на это внимания, захваченный своими мыслями. Он сказал:

— Вы ошибаетесь. Они живут. Они живут в сознании своих потомков. Спят в их мозгу. Спят, пока не появится человек, знающий, как их разбудить. И какова награда разбудившему! Не золото и сверкающее барахло из гробницы Тутанхамона, не добыча Чингиз-хана или Аттилы... блестящие камешки и ничего не стоящий металл... игрушки. Нет, запасы воспоминаний, ульи знаний. Это знание возносит своего владельца так высоко над остальными людьми, что он становится богом.

Я вежливо заметил:

— Я бы не прочь какое-то время побыть богом. Где я могу найти такой запас? Открыть такой улей? Может, ужалят несколько раз, но дело того стоит.

Жилы вздулись на его висках; он сказал:

— Вы насмехаетесь. Тем не менее я намекну. Однажды доктор Шарко загипнотизировал девушку, которая давно была объектом его экспериментов. Неожиданно он услышал другой голос, исходивший из ее горла. Мужской голос, грубый голос французского крестьянина.

Доктор Шарко расспрашивал этот голос. И тот рассказал о многом, о таком, чего не могла знать девушка. Голос рассказывал о событиях Жакерии. А Жакерия происходила шестьсот лет назад.

Доктор Шарко записал то, что говорил голос. Позже тщательно проверил. Все подтвердилось. Он проследил родословную девушки. Оказалось, она по прямой линии происходит от предводителя этого восстания. Он попробовал снова. Пошел еще глубже. И услышал другой голос, женский, который рассказывал о событиях, происходивших тысячу лет назад. Рассказывал о подробностях, которые мог знать только непосредственный свидетель. Снова доктор Шарко проверил записи. И снова обнаружил, что голос говорил чистую правду.

Я спросил еще более вежливо:

— Значит, мы пришли к переселению душ?

Он яростно ответил:

— Не смейте смеяться! Шарко проник сквозь множество преград в памяти за тысячу лет. А я пошел дальше. Не на тысячу, а на десятки тысяч лет. Я, де Керадель, говорю вам это.

Лоуэлл сказал:

— Но, доктор де Керадель, воспоминания не передаются по наследству. Физические характеристики, слабости, предрасположенности, цвет, форма — да. Сын скрипача может унаследовать пальцы своего отца, его талант, слух, но не воспоминания о нотах, которые играл его отец. Не воспоминания своего отца.

Доктор де Керадель ответил:

— Вы ошибаетесь. Эти воспоминания могут передаваться. Через мозг. Точнее, через то, что использует мозг. Я не утверждаю, что каждый человек наследует воспоминания своих предков. Мозг человеческий не стандартизован. Природа — не рабочий в спецодежде. У некоторых людей, похоже, отсутствуют клетки, способные нести эти воспоминания. У других они неполны, неясны, в них много пробелов. Но у некоторых, немногих, записи полны, четки, реальны, как записи в книге, и нужен глаз сознания, чтобы прочесть их.

Меня он игнорировал, а доктору Лоуэллу сказал с напряженной страстностью:

— Говорю вам, доктор Лоуэлл, это так, что бы ни писали о наследственном веществе, хромосомах, генах — маленьких переносчиках наследственности. Говорю вам, я это доказал. И говорю вам, что существуют мозги, в которых записаны воспоминания, уходящие в те времена, когда человек еще не был человеком. Воспоминания его обезьяноподобных предков. И дальше этого — к первым амфибиям, которые выползли из моря и начали долгий подъем по лестнице эволюции, чтобы стать тем, чем мы стали сегодня.

Мне уже не хотелось прерывать, не хотелось вмешиваться — сила веры этого человека была огромна. Он сказал:

— Доктор Каранак презрительно упомянул о переселении душ. А я утверждаю, что человек не может вообразить нечто несуществующее, и тот, кто презрительно говорит о любом веровании, сам невежественный человек. Именно эта наследственная память лежит в основе веры в реинкарнацию и, может, веры в бессмертие. Позвольте в качестве иллюстрации привести одну из современных игрушек — фонограф. То, что мы называем сознанием, — это игла, бегущая по бороздкам, сделанным опытом. Точно так, как игла фонографа бежит по бороздкам пластинки.

После того, как бороздки записаны, игла снова может пройти по ним, это называется воспоминаниями. Мы снова видим, снова слышим, снова живем, читая записанный опыт. Не всегда сознание находит нужную бороздку. Тогда мы говорим, что забыли. Иногда бороздки недостаточно глубоки, диск поврежден, и наши воспоминания смутны, неполны.

Древние воспоминания, древние диски заключены в другой части мозга, в стороне от тех, что несут воспоминания нашей жизни. Очевидно, так должно быть, иначе получилось бы смешение, человеку мешали бы воспоминания об условиях, которые больше не существуют. В древности, когда жизнь была проще и условия не так сложны, эти две области воспоминаний располагались ближе.

Именно поэтому мы утверждаем, что древний человек больше полагался на «интуицию», а не на разум. И сегодня примитивные племена поступают так же. Но время проходило, жизнь все более усложнялась. Те, кто больше опирался на свои собственные воспоминания, чем на воспоминания предков, получали больше шансов выжить. Как только это расхождение началось, оно должно было совершаться быстро, как все подобные эволюционные процессы.

Но природа никогда не теряет того, что когда-то создала. Поэтому на определенных стадиях развития у человеческого зародыша появляются жабры, а еще позже волосы обезьяны. И поэтому и сегодня есть люди, у которых запасы древних воспоминаний полны, их нужно суметь открыть, доктор Каранак, а открыв, суметь прочитать.

Я улыбнулся и отпил вина.

Лоуэлл сказал:

— Все это весьма предположительно, доктор де Керадель. Если ваша теория верна, эти унаследованные воспоминания будут восприниматься как прошлые жизни теми, кто может их вспомнить. Они могут быть основанием доктрины о переселении душ, о реинкарнации. Как еще их может объяснить примитивный мозг?

Де Керадель сказал:

— Это объясняет множество вещей, например, веру китайцев, что только человек, не имеющий сына, умирает на самом деле. Народную поговорку: «Человек живет в своих детях»...

Лоуэлл сказал:

— Новорожденная пчела отлично знает законы и обязанности улья. Ее не нужно учить веять, обмахивать, чистить, смешивать пыльцу и нектар в желе, которым кормят матку и трутней, не нужно учить, что для работниц следует смешивать другое желе. Никто не учит ее сложным законам жизни улья. Знания, память заключены в яйце, в личинке, в куколке. То же самое справедливо для муравьев и других насекомых. Но это не так для человека и других млекопитающих.

Доктор де Керадель ответил:

— Это справедливо и для человека.

ЗАТЕРЯННЫЙ ГОРОД ИС

В словах де Кераделя много правды. Я встречался с проявлениями наследственной памяти в самых разных уголках Земли. Мне очень хотелось поддержать его, несмотря на вполне извинительный намек на мое невежество. Хотелось бы поговорить с ним, как с более осведомленным исследователем.

Вместо этого я осушил свой стакан и строго сказал:

— Бриггс, мне уже пять минут нечего пить, — а потом обратился ко всем за столом: — Минутку. Будем логичны. Такая важная проблема, как душа и ее странствия, заслуживает внимательного рассмотрения. Доктор де Керадель начал обсуждение, утверждая объективное существование того, что он демонстрирует. Верно, доктор де Керадель?

Он коротко ответил:

— Да.

Я сказал:

— Затем доктор де Керадель упомянул некоторые эксперименты доктора Шарко в области гипноза. Эти случаи меня не убеждают. В южных морях, в Африке, на Камчатке я не раз слышал, как наиболее способные фокусники-шаманы говорят не двумя и не тремя, а десятком разных голосов. Хорошо известно, что загипнотизированный человек иногда начинает говорить не своим голосом. Известно также, что шизоид, то есть человек с расщепленной личностью, может говорить разными голосами — от баса до сопрано. И все это без всякого вмешательства наследственной памяти. Это просто симптомы их состояния. И ничего больше. Я прав, доктор Лоуэлл?

— Да, — сказал Лоуэлл.

Я продолжал:

— Что касается того, что рассказывал Шарко его пациент — кто знает, что рассказывала этой девушке ее бабушка? В семьях часто передаются такие рассказы, дети их запоминают, сохраняют в своем подсознании. К тому же их мог подсказать сам Шарко. Он обнаружил,

что некоторые сведения соответствуют действительности. Ничего удивительного для того, кто желает подкрепить свою idee fixe, свою любимую теорию. Но я не так доверчив, как Шарко, доктор де Керадель.

Он сказал:

— Я прочел в газете ваше интервью. Там вы говорите по-другому, доктор Каранак.

Значит, он читал интервью. Я почувствовал, как Билл нажимает мне на ногу. И сказал:

— Я пытался объяснить репортерам, что вера в обман необходима, чтобы он стал эффективным. Признаю, что для жертвы нет особой разницы, обман это или реальность. Но это вовсе не значит, что обман становится реальностью. И я старался показать, что защита от обмана очень проста — не верить.

Вены на лбу де Кераделя начали дергаться. Он сказал:

— Под обманом вы понимаете, по-видимому, эффектный номер.

— Больше того, — жизнерадостно заявил я. — Полнейший вздор!

Доктор Лоуэлл выглядел смущенным. Я допил вино и улыбнулся мадмуазель.

Элен сказала:

— У тебя сегодня прекрасные манеры, дорогой.

Я ответил:

— Манеры — к дьяволу! Какие нужны манеры в обсуждении гоблинов, реинкарнации, наследственной памяти, Изиды, Сета и Черного Бога скифов, похожего на лягушку? Я хочу вам кое-что сказать, доктор де Керадель. Я побывал во многих местах земного шара. Я охотился повсюду за гоблинами и демонами. И во всех своих странствиях я ни разу не встречал того, что нельзя объяснить массовым гипнозом, внушением или мошенничеством. Поняли? Ни разу. А я видел многое.

Это была ложь, но я хотел посмотреть, как это на него подействует. И увидел. Вены у него на висках вздулись еще сильнее, губы побелели. Я сказал:

— Много лет назад у меня появилась блестящая мысль, которая сводит всю проблему к простейшей форме. Блестящая идея основана на том факте, что слух, вероятно, последнее чувство, умирающее у человека. После остановки сердца мозг продолжает функционировать, пока у него есть кислород. И вот мозг функционирует, а чувства уже мертвы, а умирающему кажется, что проходят дни и недели, хотя на самом деле видения длятся секунды.

«Небо и Ад, Инкорпорейтед», — вот моя идея. «Обеспечьте себе бессмертие радости!» — «Дайте вашему врагу бессмертие мук!» Опытные специалисты-гипнотизеры, мастера внушения будут сидеть у постели умирающего и нашептывать ему, а мозг драматизирует это после того, как все остальные чувства умрут...

Мадмуазель резко сдержала дыхание. Де Керадель со странным напряжением смотрел на меня.

— Вот и все, — продолжал я. — За определенную сумму вы можете дать вашему клиенту бессмертие. Любой тип бессмертия, все, что захочет, от населенного гуриями рая Магомета до рая с ангельскими хорами. А если сумма достаточна, вы можете и врагу вашего клиента нашептать ад на века и века. И, готов поручиться, он туда отправится. Вот какова моя «Небо и Ад, Инкорпорейтед».

— Прекрасная мысль, мой дорогой, — прошептала Элен.

— Прекрасная мысль, — согласился я с горечью. — Но позвольте вам сказать, что она всего лишь придумана. Положим, она вполне осуществима. Хорошо, возьмем меня, изобретателя. Если существует восхитительная жизнь после смерти, буду ли я наслаждаться ею? Вовсе нет. Я буду думать: «Это только видение в умирающих клетках моего мозга. Это не объективная реальность». Ничего из происходящего в этом будущем, если оно реально, не станет для меня реальностью.

Я буду думать: «О, да, я это очень хорошо придумал, но все же это только умирающие клетки моего мозга». Конечно, — сказал я мрачно, — есть и компенсация. Если я приземлюсь в традиционном аду, я не восприму его серьезно. И все чудеса, вся магия, все волшебство, которые я видел, не более реальны, чем эти видения умирающего мозга.

Мадмуазель прошептала чуть слышно, так что понятно было только мне:

— Я могу сделать их реальными для вас, Ален де Карнак. И небо, и ад.

Я сказал:

— В жизни и в смерти ваши теории не могут быть доказаны, доктор де Керадель. По крайней мере для меня.

Он не ответил, продолжая смотреть на меня и постукивая пальцами по столу.

* * *

Я продолжал:

— Предположим, например, что вы хотите узнать, кому поклонялись среди камней Карнака. Вы можете воспроизвести все обряды. Можете найти потомка жреца, у которого в мозгу живет древний дух. Но откуда вы знаете, что тот, кто появится на большой пирамиде в кругу монолитов — Собиратель в Пирамиде, Посетитель Алкар-Аза, — реален?

Де Керадель недоверчиво спросил напряженным голосом, будто его что-то сдерживало:

— А что вы знаете об Алкар-Азе и о Собирателе в Пирамиде?

Я тоже удивился этому. Не могу припомнить, чтобы когда-нибудь

слышал эти названия. Но они возникли у меня на устах, будто я их давно знаю. Я взглянул на мадмуазель. Она опустила глаза, но я успел заметить в них торжество, как и тогда, когда при прикосновении ее руки я увидел древний Карнак. Я ответил де Кераделю:

— Спросите у своей дочери.

Глаза его больше не были голубыми, они стали бесцветными. И были похожи на огненные шары. Он молчал, но глаза его требовали от нее ответа. Мадмуазель равнодушно взглянула на него. Пожала белыми плечами. И сказала:

— Я ему не говорила.

И добавила с угрозой:

— Может, он помнит, отец.

Я наклонился к ней и коснулся ее стакана своим. Я снова чувствовал себя очень хорошо. Сказал:

— Я помню... помню...

Элен ядовито заметила:

— Если будешь пить еще, запомнишь головную боль, дорогой.

Мадмуазель прошептала:

— А что вы помните, Ален де Карнак?

Я запел старую бретонскую песню:

Эй, рыбак, скажи скорей,
Царица из страны теней
Не проезжала ль здесь верхом
На черном жеребце своем
Со сворой призрачной у ног?

Ее не видеть ты не мог.
Конь ее мчится, словно тень
От облака в ненастный день,
Как тучи сумрачной копье.
Дахут Белая — имя ее.

Наступило странное молчание. Я заметил, что де Керадель сидит напряженно и смотрит на меня с тем же выражением, с каким смотрел, когда я говорил об Алкар-Азе и Собирателе в Пирамиде. Лицо Билла побледнело. Я посмотрел на мадмуазель: в ее глазах плясали светло-лиловые искорки. Не представляю, почему старая песня могла произвести такой эффект.

Элен сказала:

— Странный мотив, Алан. А кто эта Дахут Белая?

— Ведьма, мой ангел, — ответил я. — Злая, но прекрасная ведьма. Не рыжая, как ты, а светловолосая. Она жила больше двух тысяч лет назад в городе Ис. Никто не знает, где находился город Ис, но, может, там, где между Кеброном и Бель-Илем плещется море. Когда-то здесь была суша. Ис был злым городом, полным ведьм и колдунов,

но самой злой из них была Дахут, дочь короля. Она брала себе в любовники кого хотела. Они удовлетворяли ее ночь, две ночи, редко три. Потом она бросала их, говорят некоторые, в море. Или, как говорят другие, отдавала их своим теням...

Билл прервал:

— Что ты хочешь этим сказать?

Лицо его еще больше побледнело. Де Керадель пристально смотрел на него. Я сказал:

— Я хочу сказать — теням. Разве ты не слышал в песне, что она была королевой теней? Она была ведьмой и заставляла тени подчиняться себе. Любые тени: тени убитых ею любовников, тени демонов, инкубов и суккубов из кошмаров.

Наконец боги решили вмешаться. Не спрашивайте меня об этих богах. Если это было до христианства, то языческие, если после — христианские. Во всяком случае, они, по-видимому, считали, что тот, кто живет мечом, от меча и должен умереть и все подобное. Они послали в Ис юного героя, которого Дахут полюбила страстно и неистово. Это был первый человек, которого она полюбила, несмотря на все свои прежние приключения. Но он оказался очень осторожен. Он мог простить ей прежние приключения, но чтобы полюбить ее, он должен был убедиться, что она сама его любит. Как она могла убедить его? Очень просто. Ис был построен ниже уровня моря, и от воды его защищали прочные стены. Были одни ворота, через которые могло войти море. Зачем были сделаны эти ворота? Не знаю. Вероятно, на случай вторжения, революции или чего-то подобного. Во всяком случае, легенда гласит, что такие ворота были. Ключ от них всегда висел на шее короля Иса, отца Дахут.

«Принеси мне ключ, и я поверю, что ты меня любишь», — сказал герой. Дахут прокралась в спальню отца и сняла у него с шеи ключ. И отдала его своему любимому. Он открыл морские ворота. Море ворвалось в город. Конец зломуИсу. Конец злой Дахут Белой.

— Она утонула? — спросила Элен.

— В легенде есть любопытная подробность. Дахут в порыве дочерней преданности прибежала к отцу, разбудила его, взяла своего большого черного жеребца, оседлала его, посадила перед собой короля и попыталась ускакать от волн на возвышение. В конце концов в ней было что-то хорошее. Но — еще одна интересная подробность — восстали ее тени, устремились в волны и погнали их все быстрее и выше. И волны обогнали черного жеребца, Дахут и ее отца. И тут уж действительно был конец. Но она по-прежнему едет по берегам Кеброна на своем черном жеребце, и у ее ног свора теней... — я неожиданно смолк.

Левая рука у меня была поднята, в ней я держал стакан. Свечи отбрасывали резкую тень руки на скатерть прямо перед мадмуазель.

И белые руки мадмуазель что-то делали с тенью моей руки, как будто просовывали что-то под тень, чем-то обвязывали ее.

Я опустил руку. Она быстро спрятала свои под стол. Я тотчас же схватил ее за руку и разжал пальцы. В них был длинный волос. Я поднял его над столом и увидел, что волос ее собственный.

Я поднес его к огню свечи и подождал, пока он сгорит.

* * *

Мадмуазель рассмеялась. Я слышал и смешок де Кераделя. Странным казалось, что его смех был не только откровенным, но и дружеским. Мадмуазель сказала:

— Сначала он сравнивает меня с морем, с предательским морем. Потом намеком, скрытно, со злой Дахут, королевой теней. А потом решает, что я ведьма, и сжигает мой волос. И в то же время говорит, что он недоверчив, что он не верит!

Она снова рассмеялась, и де Керадель снова подхватил ее смех.

Я чувствовал себя глупо, очень глупо. Несомненно, это туше. Я взглянул на Билла. Какого дьявола он завел меня в эту ловушку? Но Билл не смеялся. Он смотрел на мадмуазель с каменным выражением лица. Не смеялась и Элен.

Я улыбнулся и сказал ей:

— Похоже, еще одна леди посадила меня на гнездо ос.

Наступило короткое неловкое молчание. Нарушил его де Керадель.

— Не знаю почему, но мне вспомнился вопрос, который я хотел задать вам, доктор Беннет. Я очень интересуюсь обстоятельствами самоубийства мистера Ральстона, который, как я понял из газет, был не только вашим пациентом, но и близким другом.

Билл ответил спокойно, в лучшей профессиональной манере:

— Вы правы, доктор де Керадель, как друга и пациента я знал его, вероятно, лучше, чем кто бы то ни было.

Де Керадель сказал:

— Меня интересует не только его смерть. Упоминались еще три самоубийства и намекалось, что все они вызваны одной причиной.

— Совершенно верно, — сказал Билл.

Де Керадель посмотрел на свой стакан, медленно повертел его в руке и сказал:

— Я действительно очень заинтересован, доктор Беннет. Мы все здесь психиатры. Ваша сестра... и моя дочь... мы им доверяем. Они не станут болтать. Вы действительно считаете, что у этих четырех смертей есть нечто общее?

— Несомненно, — ответил Билл.

— Что? — спросил де Керадель.

— Тени! — сказал Билл.

Я недоуменно смотрел на Билла. Вспомнил, как он беспокоился из-за того, что я упомянул тени в разговоре с репортерами, и его напряженность, когда я говорил о тенях Дахут Белой. И вдруг он снова о тенях. Должна быть какая-то связь, но какая?

Де Керадель воскликнул:

— Тени! Вы хотите сказать, что все они страдали аналогичными галлюцинациями?

— Тени — да, — сказал Билл. — Галлюцинации — не уверен.

Де Керадель задумчиво повторил:

— Вы не уверены. — Потом спросил: — Об этих тенях ваш друг и пациент писал, что считает их объективными, а не субъективными? Я с большим интересом прочел газетные материалы, доктор Беннет.

— Я в этом уверен, доктор де Керадель, — ответил Билл, и в голосе его чуть слышно звучала ирония. — Да, он хотел, чтобы я считал тень объективной, а не субъективной. Тень, а не тени. Была только одна... — он помолчал и добавил подчеркнуто: — У каждого лишь одна тень, вы знаете.

Я решил, что понял план сражения Билла. Он основывался на интуиции, блефовал, делал вид, что знает о теневой ловушке смерти, чем бы ни была эта тень, точно так же как он делал вид, что знает общую причину смерти всех четверых. Он использовал эту ловушку, чтобы приманить свою рыбу поближе к крючку. А теперь заставляет рыбу клюнуть. Не думаю, чтобы он знал больше, чем когда мы разговаривали с ним в клубе. И подумал, что он опасно недооценивает де Кераделя. Последний удар был слишком очевидным.

Де Керадель спокойно сказал:

— Одна тень или несколько, какая разница, доктор Беннет? Галлюцинация может возникать в одной форме — традиция утверждает, что тень Юлия Цезаря появлялась перед раскаивающимся Брутом. Или может быть умножена тысячекратно. Мозг умирающего Тиберия возродил тысячи теней убитых им, они окружили его смертный одр, угрожали ему. Существуют органические нарушения, которые вызывают такие галлюцинации. Например, нарушения в области зрения. Или наркотики и алкоголь. Их порождают аномалии мозга и нервной системы. Они дети самоотравления. Результат лихорадки и высокого кровяного давления. Их также порождает совесть. Следует ли понимать, что вы отвергаете все эти рациональные объяснения?

Билл флегматично ответил:

— Нет. Скорее я не принимаю ни одно из них.

Неожиданно вмешался доктор Лоуэлл:

— Есть еще одно объяснение. Внушение. Постгипнотическое внушение. Если Ральстон и остальные попали под влияние человека, ко-

торый знает, как контролировать мозг такими методами... тогда я понимаю, как их могли толкнуть на самоубийство. Я сам...

Пальцы его сжали ножку бокала. Бокал сломался, порезав руку. Он обмотал порез носовым платком. И сказал:

— Не беда. Хотел бы я, чтобы воспоминание, вызвавшее это, не резало глубже.

Мадмуазель смотрела на него, на губах ее была легкая улыбка. Я уверен, что де Керадель ничего не упустил. Он сказал:

— Вы принимаете объяснение доктора Лоуэлла?

Билл неуверенно ответил:

— Нет... не полностью. Не знаю.

Бретонец замолчал, изучая его со странным напряжением. Потом сказал:

— Ортодоксальная наука утверждает, что тень — это всего лишь отсутствие света в определенном месте, вызванное появлением материального тела между источником света и поверхностью. Тень нематериальна. Она ничто. Так говорит ортодоксальная наука. Каким же было материальное тело, бросившее тень на четверых, если это не галлюцинация?

Доктор Лоуэлл сказал:

— Мысль, коварно помещенная в человеческий мозг, может вызвать такую тень.

Де Керадель вежливо ответил:

— Но доктор Беннет не принимает эту версию.

Билл ничего не сказал. Де Керадель продолжал:

— Если доктор Беннет считает, что причина смерти тень, не признает галлюцинации и того, что тень отбрасывало материальное тело, тогда мы неизбежно придем к заключению, что он приписывает тени признаки материального тела. Тень откуда-то появляется, она преследует человека и принуждает его в конце концов убить себя.

А это предполагает познавательные способности и целеустремленность, волю и эмоции. Всем этим обладает тень? Все это атрибуты материальных тел, феномены сознания, находящегося в мозгу. Мозг материален и находится в несомненно материальном черепе. Но тень нематериальна, у нее нет черепа; следовательно, у нее нет мозга и нет сознания. И опять, следовательно, нет познавательных способностей и целеустремленности, нет воли и эмоций. И наконец, следовательно, у нее нет стремлений, желаний пугать или принуждать материальное существо к самоуничтожению. И если вы все это не признаете, мой дорогой доктор Беннет, вы признаете... колдовство.

Билл спокойно ответил:

— Если так, то почему вы надо мной смеетесь? Что такое ваши теории, которые вы сегодня излагали, как не колдовство? Может, вы обратили меня в свою веру, доктор де Керадель.

Бретонец неожиданно перестал смеяться. Он сказал:

— Да? — и снова медленно: — Да! Но это не теории, доктор Беннет. Это открытия. Или, вернее, повторение открытий... неортодоксальной науки. — Вены у него на лбу пульсировали. Он добавил с явной угрозой: — И если именно я открыл вам глаза, то намерен завершить ваше обращение.

Я видел, как внимательно Лоуэлл смотрит на де Кераделя. Мадмуазель смотрела на Билла, и в глазах ее мелькали маленькие дьявольские огоньки: и в ее слабой улыбке я увидел и угрозу, и расчет. Над столом нависло странное напряжение, как будто что-то невидимое подготовилось к удару.

Нарушила молчание Элен, сонно процитировав:

— Поцелуй тени и благословение тени...

Мадмуазель рассмеялась: смех ее больше всего походил на плеск мелких волн. Но в нем были полутона, которые мне понравились еще меньше, чем угроза в улыбке. Что-то в этом было нечеловеческое, как будто волны смеются над утопленником.

* * *

Де Керадель быстро заговорил на языке, казавшемся мне одновременно понятным и непонятным. Мадмуазель стала сдержанной. Она сладко сказала:

— Простите, мадмуазель Элен. Я смеялась совсем не над вами. Я вдруг вспомнила нечто очень забавное. Когда-нибудь я вам расскажу, и вы тоже посмеетесь...

Де Керадель прервал ее, тоже вежливо.

— И вы меня простите, доктор Беннет. Вы должны извинить резкость энтузиаста, его настойчивость. Я очень прошу вас, если это не нарушает, конечно, доверия между врачом и пациентом, рассказать о симптомах мистера Ральстона. Поведение этой... этой тени, как вы ее называете. Я весьма заинтересован... как профессионал.

Билл ответил:

— Ничего не хотел бы больше. Вы, с вашим уникальным опытом, можете увидеть то, что укрылось от меня. Чтобы удовлетворить профессиональную этику, давайте назовем это консультацией, хотя и посмертной.

Мне показалось, что Билл доволен, что он добился чего-то, к чему вели его маневры. Я немного отодвинул стул, чтобы видеть одновременно мадмуазель и ее отца. Билл сказал:

— Начну с самого начала. Если захотите, чтобы я что-нибудь разъяснил, прерывайте, не стесняясь. Ральстон позвонил мне и попросил его осмотреть. Я уже несколько месяцев не видел его и не слышал о нем, думал, что он в одной из своих поездок за границей. Он начал неожиданно: «Что-то со мной неладно, Билл. Я вижу тень». Я рас-

смеялся, но он оставался серьезен. И повторил: «Я вижу тень, Билл. И я боюсь!»

Я ответил, все еще смеясь: «Если бы ты не видел тени, тогда действительно с тобой было бы что-то неладно». Он ответил, как испуганный ребенок: «Но, Билл, у этой тени нет хозяина!»

Он придвинулся ко мне, и тут я понял, что он держит себя в руках исключительным усилием воли. Он спросил: «Я схожу с ума? Видеть тень — это симптом сумасшествия? Скажи, Билл, так ли это?»

Я ответил, что это вздор; вероятно, у него неполадки со зрением или с печенью. Он сказал: «Но эта тень... шепчет!»

Я сказал: «Тебе нужно выпить», и дал ему виски. Потом продолжал: «А теперь постарайся точно описать, что ты видишь, и если можно, когда тебе в первый раз показалось, что ты видишь».

Он ответил: «Четыре ночи назад. Я был в библиотеке, писал...» Позвольте вам объяснить, доктор де Керадель, что он жил в старом доме Ральстонов на Семьдесят восьмой улице, жил один, если не считать Симпсона, дворецкого, унаследованного от отца, и полдесятка слуг. Он продолжал: «Мне показалось, что кто-то скользнул вдоль стены за занавес, закрывавший окно. Окно у меня за спиной, я был погружен в письмо, но впечатление было такое яркое, что я вскочил и подошел к окну. Там никого не было. Я вернулся к столу, но не мог избавиться от чувства, что кто-то... или что-то находится в комнате. Я был так встревожен, что отметил время».

— Умственное отражение зрительной галлюцинации, — сказал де Керадель. — Очевидное сопутствующее обстоятельство.

Билл сказал:

— Возможно. Во всяком случае, немного погодя движение повторилось, но на этот раз справа налево, в противоположном направлении. За последующие полчаса оно повторилось шесть раз, и всегда в противоположном направлении, то есть слева направо, потом справа налево и так далее. Он подчеркнул это, как будто считал очень важным.

Он сказал: «Как будто она ткала». Я спросил, на что она похожа. Он ответил: «У нее нет формы. Чистое движение». Чувство, что он не один в комнате, усилилось настолько, что спустя некоторое время он ушел из библиотеки, не выключая света, и лег спать. В спальне повторения симптомов не было. Спал он хорошо. И на следующую ночь его ничто не тревожило. И на следующий за этим день он почти забыл о происшествии.

В тот вечер он обедал в ресторане и вернулся около одиннадцати. Пошел в библиотеку, чтобы просмотреть почту. Он сказал мне: «Неожиданно у меня появилось сильнейшее чувство, что кто-то смотрит на меня от занавеса. Я медленно повернул голову. И отчетливо увидел на занавесе тень, как будто ее отбрасывало что-то, стоявшее сзади.

По форме и размеру тень напоминала человека». Он подбежал к занавесу и рывком отдернул его. За ним ничего не было, ничто не могло отбросить эту тень.

Он снова сел за стол, но по-прежнему чувствовал на себе чей-то взгляд. «Немигающие глаза, — сказал он. — Взгляд не отрывался от меня. Как будто кто-то постоянно находится на самом краю поля зрения. Если я быстро поворачивался, он скользил за спиной и смотрел уже с другой стороны. Если я двигался медленно, точно так же медленно двигалась и тень».

Иногда ему казалось, что он уловил это движение, увидел эту тень. Но она тут же растворялась, исчезала, прежде чем он мог рассмотреть ее. И тут же он чувствовал на себе взгляд с другого направления.

«Оно двигалось справа налево, — говорил он, — и слева направо... и снова назад... и опять... и опять... все ткало... ткало...»

«Что ткало?» — спросил я.

Он ответил просто: «Мой саван».

Он сидел в библиотеке до тех пор, пока мог выдержать. Потом сбежал в спальню.

На этот раз спал он плохо, ему казалось, что тень ждет его на пороге. Он прижался к двери, прислушиваясь. Но ничего не услышал. Тень не входила.

Наступил рассвет, и он крепко уснул. Встал поздно, играл в гольф, пообедал. Пошел со знакомой в театр, а потом в ночной клуб. Несколько часов и не вспоминал о событиях ночи. Он сказал: «Когда я подумал об этом, то рассмеялся своей детской глупости». Домой он приехал в три часа ночи. Вошел. И, закрывая дверь, услышал шепот: «Ты сегодня поздно!» Слышал совершенно ясно, как будто шепчущий стоял рядом...

* * *

Де Керадель прервал:

— Прогрессирующая галлюцинация. Вначале мысль о движении, потом форма становится отчетливее, затем звук. Галлюцинация прогрессирует от зрительной к слуховой.

Билл продолжал, как будто не слышал:

— Он сказал, что у голоса было странное свойство, которое — я цитирую — «заставляет вас чувствовать отвращение, как будто вы рукой коснулись скользкого слизняка в саду ночью, и в то же время нечестивое желание слушать этот шепот вечно». Он сказал: «Безымянный ужас и извращенный восторг в одно и то же время».

Симпсон не выключал свет. Холл был хорошо освещен. Но никого не было видно. Однако голос звучал вполне реально. Ральстон несколько мгновений стоял, пытаясь справиться с собой. Потом вошел, снял

шляпу и пальто и начал подниматься по лестнице. Он рассказывал: «Я случайно взглянул вниз и увидел тень, скользящую примерно в шести футах передо мной. Поднял глаза — она исчезла. Я медленно начал подниматься по лестнице. Когда смотрел на ступеньки, видел тень, идущую передо мной. Всегда на одном и том же расстоянии. Поднимал голову — ничего. Тень была резче, чем накануне. Мне показалось, что это тень женщины. Обнаженной женщины. И вдруг я понял, что шепчущий голос тоже принадлежал женщине».

Он пошел прямо к себе в комнату. Миновал дверь. Посмотрел вниз и увидел, что тень по-прежнему в двух шагах перед ним. Тогда он быстро шагнул назад, вошел в комнату, закрыл дверь и запер ее на ключ. Включил все лампы и стоял, прижавшись ухом к двери. «Я услышал, как кто-то смеется, тот же голос, что шептал». А потом он услышал шепот: «Я буду ждать снаружи сегодня, сегодня, сегодня...» Слушал он с той же странной смесью ужаса и желания. Он хотел распахнуть дверь, и в то же время какое-то отвращение удерживало его. Он сказал: «Я не выключил свет. Но это существо выполнило свое обещание. Оно всю ночь ждало у моей двери. Но не просто ждало. Оно танцевало... Я не видел его, но знал, что оно танцует и ткет... справа налево... слева направо... и снова... и снова... танцевало и ткало, пока не занялся рассвет... ткало мой саван, Билл...»

Я спорил с ним, примерно, как вы, доктор де Керадель. Тщательно осмотрел его. Внешне ничего необычного. Взял образцы для различных анализов. Он сказал: «Надеюсь, ты что-нибудь обнаружишь, Билл. Если же нет, значит, тень реальна. Я предпочел бы сойти с ума. В конце концов сумасшествие можно излечить».

Я сказал: «Ты не пойдешь домой. Живи в клубе, пока не получим результаты анализов. А потом, что бы они ни показали, садись на корабль и отправляйся в длительное путешествие».

Он покачал головой: «Я должен вернуться домой, Билл».

Я спросил: «Но почему, ради Бога?»

Он колебался, на его лице появилось выражение замешательства. Потом он сказал: «Не знаю. Просто должен».

Я твердо заявил: «Останешься на ночь у меня, а завтра уплывешь. Куда угодно. Я сообщу тебе результаты анализов и свои предписания по радио».

Он ответил все с тем же растерянным выражением: «Я не могу уплыть сейчас. Дело в том... — Он колебался. — Дело в том, Билл... я встретил девушку... женщину... я не могу бросить ее».

Я смотрел на него, раскрыв рот. Потом сказал: «Ты хочешь на ней жениться? Но кто она?»

Он беспомощно смотрел на меня. «Не могу сказать тебе, Билл. Ничего не могу сказать о ней».

Я спросил: «А почему не можешь?»

Он ответил с той же удивленной нерешительностью: «Не знаю, почему. Но не могу. Это кажется частью... частью того. Но... не могу тебе сказать». И на любой вопрос, касающийся этой девушки, он отвечал так же.

Доктор Лоуэлл резко сказал:

— Вы мне ничего этого не рассказывали, доктор Беннет. Он больше ничего не говорил об этой женщине?

Билл ответил:

— Больше ничего.

Элен холодно спросила:

— Что вас так забавляет, мадмуазель? Не вижу в этом ничего смешного.

Я посмотрел на мадмуазель. Маленькие светло-лиловые искорки ожили в ее глазах, красные губы улыбались — жестокой улыбкой.

ПОЦЕЛУЙ ТЕНИ

Я сказал:

— Мадмуазель — подлинный художник.

Над столом повисло напряженное молчание. Его торопливо нарушил де Керадель.

— Что вы этим хотите сказать, доктор Каранак?

Я улыбнулся.

— Подлинный художник радуется, когда искусство достигает совершенства. Умение рассказывать — это искусство. Доктор Беннет рассказывает превосходно. Поэтому ваша дочь, подлинный художник, довольна. Прекрасный силлогизм. Разве не так, мадмуазель?

Она негромко ответила:

— Я согласна. — Но больше она не улыбалась, и в глазах ее появилось новое выражение. И в глазах де Кераделя тоже. Прежде чем он смог заговорить, я сказал:

— Всего лишь дань восхищения одного художника другому, Элен. Продолжай, Билл.

Билл быстро продолжал:

— Я спорил с ним. Дал выпить спиртного. Сослался на некоторые случаи галлюцинаций: Паганини, великий скрипач, временами видел теневую женщину в белом, она стояла рядом с ним и играла на скрипке, и он играл с ней дуэтом. Леонардо да Винчи считал, что разговаривал с Хироном, мудрейшим из кентавров, тем самым, что воспитывал молодого Асклепия. И десятки подобных примеров. Я говорил ему, что он вступил в общество гениев и что, вероятно, это значит, что от него тоже можно ждать чего-нибудь гениального. Через некоторое время он смеялся. Сказал: «Ну, ладно, Билл, ты меня убедил. Но мне не нужно убегать. Наоборот, нужно идти навстречу и победить». Я отве-

тил: «Конечно, если ты считаешь, что справишься. Это всего лишь одержимость, игра воображения. Попробуй сегодня ночью. Если придется туго, позвони мне. Я сразу приеду. И побольше выпей». Ушел он от меня в нормальном состоянии.

Он не звонил мне до второй половины следующего дня, а когда позвонил, спросил, что с анализами. Я ответил, что все анализы свидетельствуют о полном здоровье. Он негромко ответил: «Я так и думал». Я спросил, как он провел ночь. Он рассмеялся и ответил: «Очень интересно, Билл. Очень. Я последовал твоему совету и напился». Голос его звучал нормально, даже весело. Я спросил: «А как же твоя тень?» — «Превосходно, — ответил он. — Я ведь говорил тебе, что это тень женщины? Так оно и есть».

Я сказал: «Тебе лучше. Хорошо ли относится к тебе твоя женская тень?» Он ответил: «Скандально хорошо, и обещает быть еще скандальнее. Именно это и сделало ночь такой интересной». Он снова рассмеялся. И неожиданно повесил трубку.

Я подумал: «Ну, раз Дик может смеяться над тем, что еще день назад приводило его в ужас, значит, ему лучше». И сказал себе, что дал ему хороший совет.

Но я чувствовал смутное беспокойство. Оно росло. Чуть позже я позвонил ему, но Симпсон ответил, что он отправился играть в гольф. Это казалось вполне нормальным. Да, все это лишь мимолетный случай, все нормализуется. Да, я дал хороший совет. Какие... — Билл неожиданно прервал свой рассказ. — Какие мы иногда глупцы, доктора!

Я украдкой взглянул на мадмуазель. Ее большие глаза были широко открыты, смотрели мягко, но в глубине их таилась насмешка. Билл сказал:

— На следующий день я получил еще несколько результатов исследований, все хорошие. Позвонил Дику и сообщил ему. Забыл сказать, что я велел ему обратиться к Бьюкенену. Бьюкенен, — Билл повернулся к де Кераделю, — это лучший окулист в Нью-Йорке. Он не нашел никаких нарушений, и это устраняло многие возможные причины галлюцинаций, если это галлюцинации. Я рассказал это Дику. Он весело ответил: «Медицина — наука исключения, не так ли, Билл? Но если после исключения всего вы добираетесь до чего-то, о чем ничего не знаете, что вы тогда делаете, Билл?»

Странное замечание. Я спросил: «Что ты этим хочешь сказать?» Он ответил: «Я всего лишь жадный искатель знаний». Я подозрительно спросил: «Ты много пил накануне?» — «Не очень». — «А как тень?» — «Все интереснее». Я сказал: «Дик, я хочу, чтобы ты немедленно приехал. Я тебя осмотрю». Он пообещал, но не приехал. Меня задержал тяжелый случай в больнице. Я освободился около полуночи и позвонил ему. Ответил Симпсон. Он сказал, что Билл лег рано и приказал

его не тревожить. Я спросил Симпсона, как выглядит Билл. Нормально, даже очень весел. Но я не мог избавиться от необъяснимого беспокойства. Попросил Симпсона передать мистеру Ральстону, что если он до пяти часов на следующий день не приедет ко мне, я сам отправлюсь к нему.

Он приехал ровно в пять. Я сразу почувствовал, как тревога усиливается. Лицо его осунулось, глаза казались странно яркими. Не лихорадочными, скорее будто он принимал какой-то наркотик. Во взгляде оживленное выражение и в то же время легкий ужас. Я не выдал того шока, который получил от его внешности. Сказал, что получил последние результаты, и они все отрицательные. Он сказал: «Итак, я здоров? Ничего со мной неладного?» Я ответил: «Так свидетельствуют анализы. Но все же я хочу, чтобы ты для обследования на несколько дней лег в больницу». Он рассмеялся и ответил: «Нет. Я совершенно здоров, Билл».

Он сидел молча и смотрел на меня, в его слишком ярком взгляде смешивались оживление и ужас, и вообще он как будто намного превзошел меня в каком-то знании и в то же время ужасно этого знания боится. Он сказал: «Мою тень зовут Бриттис. Она мне сказала об этом прошлой ночью».

Я подпрыгнул. «Какого дьявола? О чем это ты говоришь?»

Он терпеливо ответил: «Моя тень. Ее зовут Бриттис. Так она сказала мне прошлой ночью, лежа рядом со мной в постели. Женская тень. Обнаженная».

Я смотрел на него, а он рассмеялся. «Что ты знаешь о суккубах, Билл? Я полагаю, ничего. Хорошо бы Алан вернулся, он-то знает. У Бальзака есть отличный рассказ, я помню, но Бриттис говорит, что это не о ней. Сегодня утром я пошел в библиотеку и стал искать. Листал «Malleus Maleficarum»...

Я спросил: «А это что такое?» — «Молот ведьм». Старая книга инквизиции, в которой говорится, кто такие инкубы и суккубы, что они могут сделать, как выявлять ведьм, как поступать с ними и тому подобное. Очень интересно. Там говорится, что демон может превратиться в тень, в таком виде прикрепиться к живому человеку и стать материальным, настолько материальным, чтобы зачать. Демоны женского пола — это суккубы. Когда одна из них возжаждет мужчину, она соблазняет его так или иначе, пока не добьется своего. Он дает ей свою искру жизни и, вполне естественно, сам умирает. Но Бриттис говорит, что у меня не будет такого конца, и что она не демон. Она...»

«Дик, — прервал я его, — что это за вздор?»

Он раздраженно ответил: «Клянусь небом, я хотел бы, чтобы это было галлюцинацией. Но если я здоров, как ты утверждаешь, этого не может быть. — Он колебался. — Даже если веришь, что это реально,

что ты можешь сделать? Ты не знаешь, что знает тот, кто послал к тебе тень. Вот почему я хотел бы, чтобы Алан был здесь. Он знал бы, что делать... — Он снова помолчал, потом медленно добавил: — Но... я не уверен... что принял бы его совет... теперь...»

Я спросил: «Что ты имеешь в виду?»

Он ответил: «Начну с того времени, когда мы решили, что мне лучше пойти домой и бороться. Я пошел в театр. Сознательно задержался. Когда вошел в дом, у двери меня не ждал никто. Пошел в библиотеку и по-прежнему ничего не видел. Смешал себе коктейль, сел и стал читать. Включил все огни в комнате. Было два часа ночи... Пробило полчаса. Я оторвался от книги. Ощутил странный аромат, незнакомый, вызывающий необычные представления: я подумал о лилии, раскрывающейся по ночам под лунными лучами в тайном пруду среди древних руин, окруженных пустыней. Поднял голову и осмотрелся в поисках его источника. И увидел тень. Больше не было впечатления, что кто-то стоит за занавесом и отбрасывает тень. Она видна была совершенно отчетливо, в десяти футах от меня. Четко очерченная, в комнате. Видна была в профиль. Стояла неподвижно. С девичьим лицом, тонким, изящным. Я видел ее волосы, уложенные на голове, и две пряди более темной тени, спускающиеся между круглыми, наклоненными грудями. Тень высокой девушки, стройной, с узкими бедрами, стройными ногами. Она двинулась. Начала танцевать. Она не была ни черной, ни серой, как мне показалось сначала. Слегка розоватой, жемчужно-розового оттенка. Прекрасная, соблазнительная, живая женщина не может быть такой. Она танцевала, потом задрожала — и исчезла. Я услышал шепот: «Я здесь». Она была за мной... танцевала... сквозь нее я смутно видел комнату...»

«Танцевала, — продолжал он, — ткала. Ткала мой саван... — Он рассмеялся. — Но богато украшенный саван, Билл».

Он сказал, что ощутил желание, какого никогда не испытывал к женщине. А с ним и страх, ужас, тоже никогда не испытанный. Как будто приоткрылась дверь, через которую ему нужно пройти в немыслимый ад. Желание победило. Он побежал к танцующей розовой тени. И тень, и ее аромат исчезли, как будто задули свечу. Он снова принялся читать, ожидая. Ничего не происходило. Часы пробили три, потом полчетвертого. Он пошел к себе. Разделся и лег в постель.

Он рассказывал: «Медленно, как ритм, возник аромат. Он пульсировал, все быстрее и быстрее. Я сел. Розовая тень сидела в ногах моей кровати. Я потянулся к ней. Но не смог двинуться. Мне показалось, что я слышу шепот: «Еще нет... еще нет... еще нет...»

— Прогрессирующая галлюцинация, — сказал де Керадель. — От зрения к слуху. От слуха к запаху. Потом вовлекаются мозговые центры цвета. Все это очевидно. Да?

Билл, не обращая внимания, продолжал:

— Он внезапно уснул. Проснулся утром очень возбужденным и почему-то с решением избегать меня. У него было только одно желание: чтобы день побыстрее кончился и он смог встретиться с тенью. Я саркастически спросил: «А как же другая девушка?»

Он явно удивился: «Какая другая девушка, Билл?»

Я сказал: «Другая девушка, в которую ты так влюблен. Имя которой ты не мог мне назвать».

Он ответил удивленно: «Не помню никакой другой девушки».

* * *

Я бросил быстрый взгляд на мадмуазель. Она скромно смотрела в свою тарелку. Но мне показалось, что в ее взгляде по-прежнему пляшут светло-фиолетовые искорки. Доктор Лоуэлл спросил:

— Сначала он не мог назвать ее имя из-за какого-то принуждения? Потом сказал, что ничего о ней не помнит?

Билл ответил:

— Так он объяснил мне, сэр.

Я заметил, как побледнел Лоуэлл, как мадмуазель обменялась быстрым взглядом с отцом.

Де Керадель сказал:

— Предыдущая галлюцинация уничтожена более сильной.

Билл сказал:

— Может быть. Во всяком случае день он провел в смешанном настроении ожидания и ужаса. «Как будто, — объяснял он, — ждешь начала необыкновенно радостного события и в то же время открытия двери в темницу». Но решимость не видеть меня еще больше укрепилась, хотя он беспокоился из-за того, нашел ли я причину его видений. Поговорив со мной, он ушел из дома, не для игры в гольф, как объяснил Симпсону, а просто туда, где я не смог бы его найти.

Домой он вернулся к обеду. Ему показалось, что за обедом он заметил несколько мимолетных движений, легкое перепархивание тени. Все время он чувствовал, что за ним следят. У него появилось паническое желание убежать из дома — «пока еще есть время», как выразился он. Но более сильным оказалось желание остаться, что-то продолжало нашептывать ему о необыкновенных наслаждениях, неведомых радостях. Он сказал: «Как будто у меня две души. Одна корчится от отвращения и протестует против рабства. А другой все равно, если только она получит обещанные радости».

Он пошел в библиотеку...

И тень появилась, как и накануне. Она подошла ближе, но не настолько, чтобы он мог ее коснуться. Тень запела, и у него пропало желание касаться ее; не осталось никаких желаний, кроме желания сидеть бесконечно и слушать. Он сказал: «Это была тень песни, а пела тень женщины. Как будто звуки доносились из-за невидимого занаве-

са... из какого-то чуждого пространства. Звуки сладкие, как аромат. Одно целое с ароматом, сладкие, как мед... но в каждой ноте скрывалось зло». Он сказал: «Если у этой песни и были слова, я их не слышал. Слышал только мелодию... обещающую...»

Я спросил: «Что обещающую?»

Он ответил: «Не знаю... радости, не испытанные никем из живущих людей... они будут моими... если...» — «Что если?» — «Не знаю... Но я должен что-то сделать, чтобы заслужить их... но тогда я не знал, что должен сделать...»

Пение смолкло, тень и ее аромат исчезли. Он немного подождал, потом пошел в спальню. Тень не появлялась, хотя ему казалось, что она следит за ним. Он быстро уснул спокойным сном без сновидений. Проснулся с оцепеневшим сознанием, в какой-то необычной летаргии. Продолжал мысленно слышать мелодию песни тени. Сказал: «Она как будто плела сеть между реальностью и нереальностью. У меня была только одна сознательная мысль: острое нетерпение узнать результаты анализов. Когда ты сообщил их мне, та моя часть, что боялась тени, заплакала, а та часть, что ждала ее, возрадовалась».

Наступила ночь — третья ночь. За обедом он не чувствовал наблюдения. Не было этого чувства и в библиотеке. Он ощутил одновременно разочарование и облегчение. Пошел в спальню. Примерно час спустя он уснул. Ночь была теплой, поэтому он укрылся только простыней.

Он мне сказал: «Не думаю, чтобы я уснул. Нет, я уверен, что это был не сон. Я вдруг почувствовал, что меня окружает аромат... и услышал совсем рядом шепот. Сел...

Тень лежала рядом со мной.

Она была резко очерчена, бледно-розовая на фоне простыни. Склонялась ко мне, одна рука под подушкой, на другую опирается приподнятая голова. Я видел острые ногти этой руки, мне даже показалось, что я вижу блеск глаз тени. Я собрал все свое мужество и положил на нее руку. И ощутил только простыню.

Тень придвинулась ближе... шепча... шепча... и я понял, что она шепчет... и тогда она сказала мне свое имя... и многое другое... и что я должен сделать, чтобы заслужить обещанные мне наслаждения. Но я ничего не должен делать, пока она не сделает того-то и того-то, и я должен это сделать в тот момент, как она меня поцелует... когда я почувствую ее губы...»

Я резко спросил: «Что ты должен сделать?»

Он ответил: «Убить себя».

* * *

Доктор Лоуэлл, дрожа, отодвинул свое кресло.

— Боже! И он убил себя! Доктор Беннет, не понимаю, почему вы

не проконсультировались со мной по этому случаю. Зная, что я рассказал вам о...

Билл прервал его:

— Именно поэтому, сэр. У меня были причины пытаться справиться с этим в одиночку. Я готов изложить вам эти причины. Я сказал ему: «Это всего лишь галлюцинация, Дик. Фантом воображения. Тем не менее он достиг степени, которая мне не нравится. Ты должен пообедать со мной и остаться на ночь. Если не согласишься, откровенно говоря, я применю насилие».

Он со странным выражением посмотрел на меня. Потом негромко сказал: «Но если это галлюцинация, что это даст? Мое воображение ведь со мной? И Бриттис появится здесь, как и у меня дома».

Я ответил: «К дьяволу все это. Ты остаешься здесь».

Он ответил: «Хорошо. Я готов попробовать».

Мы пообедали. Я не позволил ему говорить о тени. Добавил в его стакан сильное снотворное. В сущности накачал его наркотиком. Немного погодя у него начали слипаться глаза. Я уложил его в постель. А про себя сказал: «Приятель, если ты проснешься раньше, чем через десять часов, я не врач, а ветеринар».

Мне пришлось уйти. Вернулся я сразу после полуночи. Прислушался у двери Дика, не решаясь войти, чтобы не побеспокоить его. Решил не входить. На следующее утро в девять часов я заглянул к нему. Комната была пуста. Я спросил слуг, когда ушел мистер Ральстон. Никто не знал. Когда я позвонил ему, его тело было уже обнаружено.

Я ничего не мог сделать, и мне нужно было время, чтобы подумать. Чтобы мне не мешала полиция. Чтобы провести собственное исследование в соответствии с тем, что говорил мне Ральстон, и что я не считал связанным с этим случаем.

Билл повернулся к де Кераделю:

— Ведь вас профессионально интересуют только симптомы?

Доктор де Керадель ответил:

— Да. Но в вашем рассказе ничто не противоречит моему диагнозу о галлюцинациях. Может, если вы сообщите подробности, о которых сами хотели подумать...

Я прервал его.

— Минутку. Билл, ты ведь сказал: Бриттис, кто бы она ни была, тень или иллюзия, утверждала, что она не демон, не суккуб. Ты начал передавать его слова: «Она сказала, что она...» — и смолк. Но кем она себя считала?

Казалось, Билл колеблется, затем он медленно ответил:

— Она сказала, что была девушкой, бретонкой, пока не стала... тенью из Иса.

Мадмуазель откинула назад голову и безудержно рассмеялась. Она положила свою руку на мою.

— Тень злой Дахут Белой! Ален де Карнак, одна из моих теней!

Лицо де Кераделя оставалось невозмутимым.

— Вот как? Теперь я понимаю. Так. Ну, доктор Беннет, если принять вашу теорию о колдовстве, то с какой целью это было сделано?

Билл ответил:

— Вероятно, деньги. Надеюсь со временем узнать точно.

Де Керадель откинулся назад, благосклонно поглядывая на Лоуэлла. Он сказал:

— Не обязательно деньги. Цитируя доктора Каранака, возможно, это искусство ради искусства. Проявление истинного художника. Гордость. Некогда я знавал... ну, несомненно, суеверные люди назвали бы ее ведьмой... так вот она гордилась своим мастерством. Это заинтересовало бы вас, доктор Лоуэлл. Дело происходило в Праге...

Лоуэлл вздрогнул. Де Керадель вежливо продолжал:

— Подлинный художник, она практиковала свое мастерство, или использовала свой разум, или, если предпочитаете, доктор Беннет, исполняла колдовские обряды исключительно ради удовольствия, которое получала как художник. Между прочим, она умела заключать что-то от убитых ею в маленьких кукол, точное подобие убитых, и оживляла этих кукол; и затем они выполняли ее приказания... — Он заботливо наклонился к доктору Лоуэллу: — Вам плохо, доктор Лоуэлл?

Лоуэлл был бледнее бумаги. Глаза его, устремленные на де Кераделя, были полны ужаса. Он пришел в себя и твердым голосом сказал:

— У меня случаются прострельные боли. Ничего страшного. Продолжайте.

Де Керадель сказал:

— Подлинный художник... да, ведьма, доктор Беннет. Но я назвал бы ее не ведьмой, а владелицей древних тайн, утраченной мудрости. Из Праги она отправилась в этот город. Приехав, я попытался отыскать ее. Узнал, где она жила. Но увы! Она и жившая с ней племянница сгорели со всеми своими куклами и вместе с домом. Загадочный пожар. Откровенно говоря, я почувствовал облегчение. Я немного побаивался этой кукольницы. Не таю зла против тех, кто организовал ее уничтожение, если оно было организовано. В сущности... это может показаться бессердечным, но вы, мой дорогой доктор Лоуэлл, поймете, я уверен... в сущности, я даже благодарен им... если они существуют.

Он взглянул на часы и сказал дочери:

— Дорогая, нам пора идти. Мы уже опоздали. Время прошло так приятно, так быстро... — Он помолчал и сказал подчеркнуто медленно: — Если бы я обладал той властью, которой обладала она, а она обладала этой властью, я, доктор де Керадель, не боялся бы ее... Если

бы я обладал этой властью, ни один из тех, кто мешал мне, становился на моем пути, не прожил бы долго... — Он пристально посмотрел на Лоуэлла, затем на Билла, Элен, наконец на меня... — Я уверен, что даже моя благодарность не спасла бы их, не спасла бы и тех, кто их любит.

Наступило молчание. Его нарушил Билл:

— Откровенно сказано, де Керадель.

Мадмуазель с улыбкой встала. Элен провела ее в холл. Никто не подумал бы, что они ненавидят друг друга. Пока де Керадель вежливо прощался с Лоуэллом, мадмуазель подошла ко мне. Она прошептала:

— Жду вас завтра, Ален де Карнак. В восемь. У нас есть что сказать друг другу. Не подведите меня.

И что-то сунула мне в руку.

Де Керадель сказал:

— Скоро будет готов мой главный эксперимент. Хотел бы, чтобы вы были свидетелем, доктор Лоуэлл. И вы, доктор Каранак. Вам будет особенно интересно. А до того времени — adieu.

Он поцеловал руку Элен, поклонился Биллу. Я подумал со странным предчувствием, почему он не пригласил и их.

У дверей мадмуазель повернулась, слегка коснулась щеки Элен. Сказала:

— Вот сюда вас поцелует тень...

Смех ее прозвучал, как плеск мелких волн. Она и ее отец сели в ожидавший автомобиль.

ЛЮБОВНИК КУКОЛЬНИЦЫ

Бриггс закрыл дверь и ушел. Мы вчетвером молча стояли в холле. Вдруг Элен топнула ногой и яростно заявила:

— Будь она проклята! Пыталась заставить меня чувствовать себя рабыней. Как будто я одна из твоих любовниц, Алан, и королева с насмешкой это заметила.

Я улыбнулся, потому что это почти точно совпало с моими мыслями. Она гневно сказала:

— Я видела, как она с тобой шепталась. Вероятно, приглашала к себе в любое время. — И передернулась, будто надевала спасательный жилет.

Я поднял руку и посмотрел, что сунула в нее мадмуазель. Чрезвычайно тонкий серебряный браслет, лента в полдюйма, почти такая же гибкая, как тяжелый шелк. В браслете полированный черный камень почти овальной формы. На его гладкой верхней грани заполненный каким-то красноватым материалом символ власти древнего бога океана, у которого было множество имен задолго до того, как греки про-

звали его Посейдоном: трезубец, которым он управляет в своих глубинах.

Один из загадочных талисманов смуглого маленького азильско-тарденуазского человека, который семнадцать тысяч лет назад вытеснил высокого, светловолосого, голубоглазого, с большим мозгом кроманьонца; а этот кроманьонец и сам появился в Западной Европе неизвестно откуда. Вдоль серебряной ленты было вырезано изображение крылатой змеи, в своих челюстях она держала черный камень.

Да, я знал такие камни и браслеты. Но меня поразило какое-то внутреннее убеждение, что мне знакомы именно этот браслет и именно этот камень. Что я видел их много раз... мог даже прочесть символ... если бы только мог припомнить...

Может быть, если надену на руку, вспомню...

Элен вырвала браслет у меня из рук. Поставила на него ногу и надавила. Сказала:

— Эта дьяволица опять пытается надеть на тебя свои кандалы.

Я потянулся к браслету, но она оттолкнула его ногой.

Билл наклонился и поднял его. Протянул его мне, и я опустил его в карман. Билл резко сказал:

— Успокойся, Элен! Он должен пройти через это. Впрочем, он, вероятно, в большей безопасности, чем мы с тобой.

Элен страстно сказала:

— Пусть она только попробует завладеть им!

Она угрюмо посмотрела на меня.

— Не хотела бы я, чтобы ты встречался с мадмуазель, Алан. Прогнило что-то в Датском королевстве... что-то между вами странное. Я бы не стала на твоем месте стремиться к этому египетскому котлу для варки мяса. Много мошек уже обожглось на этом.

Я вспыхнул:

— Ты откровенна, моя дорогая, как все ваше поколение, и твои метафоры соответствуют вашей морали. Но не ревнуй меня к мадмуазель.

Конечно, это ложь. Я чувствовал смутный, необъяснимый страх, тайную, непонятную ненависть, но и что-то еще. Она прекрасна. Никогда не смог бы я полюбить ее, как, например, Элен. Но все же у нее есть нечто, чего нет у Элен, что-то, несомненно, злое, но такое, что, как мне казалось, я пил давным-давно и должен буду пить снова. И жажда может быть утолена только так.

Элен негромко сказала:

— Я могла бы ревновать. Но я боюсь — не за себя, а за тебя.

Доктор Лоуэлл, казалось, проснулся. Ясно, что, погруженный в свои мысли, он не слышал нашего разговора. Он сказал:

— Идемте к столу. Мне нужно кое-что рассказать вам.

Он пошел по лестнице и шел так, будто внезапно состарился. Билл сказал мне:

— Де Керадель был откровенен. Он нас предупредил.

— О чем?

— Ты не понял? Предупредил, чтобы мы не расследовали обстоятельства смерти Дика. Они не узнали того, что хотели. Но узнали все же достаточно. А я узнал, что хотел.

— И что же это?

— Они — убийцы Дика, — ответил он.

Прежде чем я мог о чем-нибудь его спросить, мы оказались за столом. Доктор Лоуэлл позвонил, чтобы подавали кофе, потом отпустил дворецкого. Он вылил себе в кофе полный бокал коньяка. И сказал:

— Я потрясен. Несомненно, потрясен. Происшествие, ужасное происшествие, которое, как я считал, завершилось, получило продолжение. Я рассказывал о нем Элен. У нее сильный дух и светлый ум. Следует ли понять так, — обратился он к Биллу, — что и вы поверяете ей тайны, что она знала факты, которые так поразили меня?

Билл ответил:

— Отчасти, сэр. Она знала о тени, но не знала, что у мадмуазель де Керадель есть и имя д'Ис. Да и я этого не знал. И у меня не было никаких оснований подозревать де Кераделей, когда они приняли ваше приглашение. До этого я не обсуждал с вами подробности случая с Ральстоном прежде всего потому, что это вызвало бы болезненные воспоминания. И очевидно, пока де Керадель сам не объявил об этом, я и не подозревал, что он так тесно связан с вашими черными воспоминаниями.

Доктор Лоуэлл спросил:

— Доктор Каранак знает?

— Нет. Я решил, справедливы мои соображения или нет, рассказать историю Дика в присутствии де Кераделей. Я попросил доктора Каранака рассердить де Кераделя. Хотел проследить за его реакцией и реакцией его дочери. И за вашей реакцией, сэр. Мне казалось это важным. Я считаю, что мои действия оправданы. Я хотел, чтобы де Керадель выдал себя. Если бы я сам выложил перед вами карты, он бы этого не сделал. Вы были бы настороже, и де Керадель понял бы это. И тоже был бы настороже.

Ваша очевидная неосведомленность в моем расследовании, то, как вы невольно выдали свой ужас от аналогичного происшествия, — все это побудило его показать, что он знал кукольницу. Он почувствовал презрение к нам и позволил себе угрозу.

Конечно, он вне всякого сомнения каким-то образом узнал о вашем участии в истории с кукольницей. Он считает, что вы до глубины души поражены ужасом... боитесь, что что-нибудь случится с Элен или со

мной и заставите меня прекратить расследование смерти Ральстона. Если бы он в это не верил, он никогда бы не предупредил нас.

Лоуэлл кивнул.

— Он прав. Я испуган. Мы все трое в опасности. Но он и ошибся. Мы должны продолжать...

Элен резко сказала:

— Втроем? Я думаю, Алан в гораздо большей опасности, чем мы. У мадмуазель уже готово клеймо, чтобы добавить его к своему стаду.

Я сдержал улыбку.

— Не будь такой вульгарной, дорогая. — Я обратился к Лоуэллу. — Я все еще в потемках, сэр. Объяснения Билла по поводу случая Ральстона абсолютно ясны. Но я ничего не знаю об этой кукольнице и поэтому не понимаю, почему упоминание де Кераделя о ней так значительно. Если я и дальше буду участвовать, то мне нужно знать все факты... да и для самозащиты тоже.

Билл мрачно заметил:

— Считай себя призванным.

Доктор Лоуэлл сказал:

— Расскажу вам коротко. Потом, Уильям, вы можете сообщить доктору Каранаку все подробности и ответить на его вопросы. Я встретился с кукольницей мадам Мэндилип из-за непонятного случая заболевания: странная болезнь и не менее странная смерть одного из приближенных известного главаря преступного мира Рикори. Все это было весьма необычно.

Я до сих пор не знаю, была ли эта женщина тем, что обычно называют ведьмой, или обладала знанием естественных законов, которые нам, исключительно из-за нашего невежества, кажутся сверхъестественными, или же наконец просто была прекрасным гипнотизером. Но она была убийцей. Среди многих смертей, за которые она несет ответственность, смерть моего ассистента доктора Брэйла и женщины, которую он любил.

Эта мадам Мэндилип была исключительной мастерицей. Она делала кукол поразительной красоты и естественности. У нее был кукольный магазин, и она подбирала жертвы среди покупателей. Убивала она с помощью яда, предварительно завоевав доверие своей жертвы. Она делала копии, кукольные, своих жертв, их точное подобие. Этих кукол она оживляла и посылала со своими смертоносными заданиями. Она полагала, что в куклах сохраняется некая жизненная сущность тех, кого они изображали. Это было нечто невероятно злое, эти маленькие демоны с острыми стилетами... за которыми присматривала бледная от постоянного ужаса девушка, которую мадам Мэндилип называла своей племянницей, но которую держала под таким гипнотическим контролем, что та стала вторым «я» кукольницы. Было ли это иллюзией или реальностью, одно несомненно: куклы убивали.

Рикори стал одной из жертв, но благодаря моей помощи пришел в себя в моей больнице. Он был суеверен, поверил, что мадам Мэндилип ведьма, и поклялся уничтожить ее. Похитил ее племянницу, и в этом самом доме я стал ее гипнотизировать, чтобы извлечь из нее тайны кукольницы. Она умерла с криком, что кукольница душит ее, останавливает ее сердце...

Он помолчал, как будто снова видел эту ужасную картину, потом продолжил:

— Но перед смертью рассказала, что у мадам Мэндилип в Праге был любовник, которому она передала тайну изготовления живых кукол. В ту же ночь Рикори со своими людьми отправился... уничтожить кукольницу. Она погибла — в огне. Я, вопреки своей воле, был свидетелем этой невероятной сцены... до сих пор не могу поверить, хотя видел своими глазами...

Он помолчал, потом твердой рукой поднял стакан.

— Похоже, этим любовником был де Керадель. Похоже также, что, помимо тайны кукол, он знает и тайну теней. Или ее знает мадмуазель? А что еще ему известно из темных знаний? Ну, вот, все начинается сначала. Но на этот раз будет потруднее...

Он задумчиво сказал:

— Я бы хотел, чтобы Рикори нам помог. Но он в Италии. И я не смогу связаться с ним вовремя. Однако тут есть его ближайший помощник, участвовавший во всем деле и в казни. Он здесь. Мак-Канн! Я свяжусь с Мак-Канном!

Он встал.

— Прошу прощения, доктор Каранак. Уильям, передаю все в ваши руки. Сам пойду в кабинет и в спальню. Я потрясен. Элен, моя дорогая, позаботьтесь о докторе Каранаке.

Он поклонился и вышел. Билл начал:

— Так вот, относительно кукольницы...

Была уже почти полночь, когда он закончил рассказ и у меня не осталось вопросов. Когда я уже уходил, он спросил:

— Ты смутил де Кераделя, когда заговорил... как же это?.. — об Алкар-Азе и Собирателе в Пирамиде, Алан. А что это значит?

Я ответил:

— Билл, сам не знаю. Слова сами по себе возникли на языке. Может, их подсказала мадмуазель... как я и сказал ее отцу.

Но в глубине души я знал, что это не так, что я знал, когда-то знал... и Алкар-Аз, и Собирателя в Пирамиде... и настанет день, когда я вспомню.

Элен сказала:

— Билл, отвернись.

Она обхватила меня руками за шею и прижалась губами к моим губам. Прошептала:

— У меня сердце поет от того, что ты здесь. И сердце мое разбивается от того, что ты здесь. Боюсь, я так боюсь за тебя, Алан.

Она отстранилась и слегка засмеялась.

— Вероятно, ты считаешь это недостатком моего поколения и его морали... и, может, вульгарностью. Но на самом деле все не так внезапно, как кажется, дорогой... Вспомни... я тебя любила еще во времена ос и ужей.

Я ответил на ее поцелуй. Откровение, которое началось, когда я ее встретил, теперь завершилось.

По дороге в клуб я видел только лицо Элен, с ее медными волосами и золотыми янтарными глазами. Если иногда и вспоминал мадмуазель, то только как серебристо-золотой туман с двумя пурпурными пятнами на белой маске. Я был счастлив.

Присвистывая, я начал раздеваться, по-прежнему видя перед собой лицо Элен. Сунул руку в карман и извлек серебряный браслет с черным камнем. Лицо Элен внезапно поблекло. И на его месте, как живое, возникло лицо мадмуазель, с большими нежными глазами, улыбающимися губами...

Я отбросил браслет, как змею.

Но когда я засыпал, у меня перед глазами было лицо мадмуазель, а не Элен.

В БАШНЕ ДАХУТ. НЬЮ-ЙОРК

На следующее утро я проснулся с головной болью. К тому же мне снился сон. В нем куклы держали в руках длинные, в фут, иглы и плясали в розовых тенях вокруг огромных камней-монолитов. А Дахут и Элен попеременно быстро обнимали и целовали меня. Я хочу сказать, что обнимала и целовала меня Элен, но тут же лицо ее расплывалось, и вместо него возникало лицо мадмуазель, потом оно менялось на лицо Элен и так далее.

Я еще во сне подумал, что это очень похоже на весьма необычное увеселительное заведение в Алжире, именуемое «Дом сердечного желания». Им владеет француз, куритель гашиша и прирожденный философ. Мы с ним очень подружились. Кажется, я заслужил его уважение, рассказав ему о своем плане «Небо и Ад, Инкорпорейтед», который так заинтересовал мадмуазель и де Кераделя. Он процитировал Омара Хайяма:

Я душу посылал в незримый Край:
«Лети, душа, и что нас ждет, узнай!»
И мне она, вернувшись, принесла
Такой ответ: «Во мне и ад, и рай».

Потом он сказал, что моя идея не так уж оригинальна: комбинация этого рубаи и того, что делает его заведение таким прибыльным.

В его доме скрывались два беглых сенуси. Эти сенуси — настоящие волшебники, мастера иллюзий. У него также двенадцать девушек, прекраснее я не видел, всех цветов кожи: белые, желтые, черные, коричневые и промежуточных оттенков. Когда кто-то желает получить объятие «сердечного желания», а это очень дорогое удовольствие, все девушки, обнаженные, встают в круг, большой широкий круг в большой комнате, все берутся за руки. Сенуси садятся в центре этого круга со своими барабанами, а желающий получить удовольствие встает рядом с ними. Сенуси начинают петь и бить в барабаны и делать магические жесты.

Девушки танцуют, переплетаясь. Все быстрее и быстрее. Пока белое, желтое, черное, коричневое и все прочее не сливается в одну божественную девушку, девушку мечты, как говорится в старых сентиментальных песнях. В ней Афродита, Клеопатра — все красавицы; во всяком случае это такая девушка, которую всегда хотел иметь мужчина, сознавал он это или нет. И он получает ее.

— Такова ли она, как он считает? Откуда я знаю? — пожимал плечами француз. — Для меня — если смотреть со стороны — всегда остаются двенадцать девушек. Но для него, если он так считает, то да.

Мадмуазель и Элен менялись так быстро, что мне захотелось, чтобы они слились окончательно. Тогда мне не нужно будет беспокоиться. Мадмуазель, казалось, остается дольше. Она прижалась ко мне губами... и вдруг мне показалось, что у меня в мозгу огонь и вода, и огонь превратился в столб, к которому привязан человек, и пламя закрывает его, как одежда, и я не могу рассмотреть его лицо.

А вода — кипящее море... и из него, распустив бледно-золотые волосы, омываемая волнами, поднимается Дахут... глаза смотрят в небо... она мертва.

И тут я проснулся.

* * *

После холодного душа я почувствовал себя лучше. За завтраком попытался привести события предшествовавшего вечера в логический порядок. Прежде всего история Лоуэлла о кукольнице. Я много знал о магии оживших кукол, это гораздо более сложное дело, чем простое подобие, в которое вкалывают иголки или сжигают на огне. И я не верил, чтобы гипотеза о гипнозе объясняла столь древнюю и широко распространенную веру.

Но более древней и гораздо более зловещей была магия теней, которая убила Дика. Немцы могли изобразить ее в более или менее юмористическом виде Петера Шлемиля, который продал свою тень дьяволу, а Барри приложил свое воображение, рассказав о Питере Пэне, чья тень застряла в ящике комода и оторвалась. Но остается

фактом, что вера в связь тени с жизнью человека, его личностью, душой — назовите как угодно, — очень древняя. И жертвы, которые приносились для умиротворения теней, обряды, связанные с этой верой, ничему не уступят по жестокости. Я решил пойти в библиотеку и подробней познакомиться с этой темой. Я пошел к себе в комнату и позвонил Элен.

Я сказал:

— Дорогая, знаешь ли ты, что я в тебя отчаянно влюблен?

Она ответила:

— Знаю, что даже если это не так, то будет так.

— Во второй половине дня я буду занят, но ведь есть еще вечер.

— Буду ждать, дорогой. Но ведь ты не собираешься к этой белой дьяволице?

— Нет. Я даже забыл, как она выглядит.

Элен рассмеялась. Моя нога коснулась чего-то. Я посмотрел вниз. Браслет. Элен сказала:

— До вечера.

Я поднял браслет и положил в карман. И механически ответил:

— До вечера.

Вместо того, чтобы заниматься преданиями о тенях, я провел день в двух богатых частных собраниях, к которым имею доступ, погрузившись в старые книги и рукописи о древней Бретани, или Арморике, как она называлась до прихода римлян и еще пять столетий спустя. Я искал упоминания о городе Ис и хотел найти где-нибудь сведения об Алкар-Азе и Собирателе в Пирамиде. Очевидно, я слышал эти названия раньше или читал о них.

Единственное возможное альтернативное объяснение заключалось в том, что мне их внушила мадмуазель, и, вспоминая то, как при касании ее руки я ясно и четко увидел Карнак, я склонялся ко второму объяснению. С другой стороны, она отрицала это, но я не верил ей. Мне это казалось похожим на правду. Никаких упоминаний об Алкар-Азе я не нашел. Но в одном палимпсесте седьмого столетия на оборванном листке находились строки, которые могли иметь отношение к Собирателю. Если свободно перевести с монастырского латинского, в них говорилось:

«...говорят, не из-за участия жителей Арморики в галльском восстании римляне расправились с ними с такой жестокостью, но из-за жестоких и злых обрядов, равных которым по свирепости римляне нигде не встречали. Существовало одно... (несколько слов неразборчиво)... место стоячих камней, называемое... (две строки неразборчивы)... бьют по груди сначала медленно... (пропуск)... пока грудь и даже сердце не разбиваются, и тогда в склепе в центре храма появляется Чернота...»

Здесь кончается отрывок. Возможно, «место стоячих камней» —

это Карнак, а «Чернота», которая появляется «в склепе в центре храма», и есть Собиратель в Пирамиде. Вполне возможно. Я знал, разумеется, что римляне буквально истребили туземное население Арморики после восстания 52 года, а выжившие бежали от их гнева, оставив страну ненаселенной до пятого столетия, когда множество живших в Британии кельтов под давлением саксов и англов переселились в Арморику и заново населили полуостров Бретань.

Римляне в целом были людьми широких взглядов и весьма терпимы к богам народов, которых они завоевывали. И не в их обычае было так свирепо расправляться с побежденными. Что же это за «жестокие и злые обряды, равных которым по свирепости римляне нигде не встречали» и которые их так поразили, что они безжалостно уничтожили все связанное с ними?

Я нашел множество упоминаний о большом городе, затонувшем в море. В некоторых случаях он назывался Ис, в других не имел названия. Рассказы о нем, запрещенные в христианские времена, явно были апокрифами. Город относился к доисторическим временам. Почти во всех случаях указывалось, что это злой город, что он предался злым духам, колдовству. В основном легенда сводилась к резюме, которое я изложил накануне вечером. Но нашелся один вариант, который крайне меня заинтересовал.

В нем говорилось, что гибель Иса вызвал повелитель Карнака. Именно он «соблазнил Дахут Белую, дочь короля, как она до этого соблазнила и уничтожила многих мужчин». Далее говорилось, что «красота этой волшебницы была так велика, что повелитель Карнака не сразу набрался решительности, чтобы уничтожить ее и злой Ис»; и что она родила ребенка, дочь; и что, открыв ворота морю, Карнак бежал с дочерью, а тени Иса вынесли его в безопасное место, точно так же, как они подгоняли волны, утопившие Дахут и ее отца, которые преследовали Карнака.

Это, особенно в свете теорий де Кераделя о наследственной памяти, поразило меня. Во-первых, помогало понять замечание мадмуазель о том, что я «помню». И давало еще одно объяснение, пусть абсурднос, тому, почему я произнес эти два названия. Если эта Дахут происходит непосредственно от той Дахут, может, и я происхожу прямо от владыки Карнака, который «соблазнил» ее. В таком случае контакт с Дахут мог привести в действие одну из извилин в моем мозгу. Я думал, что Алкар-Аз и Собиратель должны были произвести очень сильное впечатление на владыку Карнака, моего предка, и поэтому именно эта извилина ожила первой. Я улыбнулся этой мысли и подумал об Элен. Что бы там ни было, но я помнил о вечернем свидании с Элен и радовался ему. У меня также свидание с Дахут, но что с того?

Я взглянул на часы. Пять часов. Достал носовой платок, и что-то

со звоном упало на пол. Браслет. Он лежал и смотрел на меня черным глазом. Я смотрел на него, и жуткое чувство узнавания становилось во мне все сильней и сильней.

Я пошел в клуб переодеться. Выяснил, где остановились де Кераделли.

Послал Элен телеграмму: «Прости. Неожиданно вызван из города. Некогда позвонить. Позвоню завтра. Люблю и целую. Алан».

В восемь часов вечера я передавал свою карточку мадмуазель.

* * *

Это был один из больших жилых домов с башнями, выходящих на Ист-Ривер: роскошный дом; его самые дорогие квартиры выходят окнами на Блэквелл-Айленд, где содержатся отбросы общества, мелкие преступники, недостойные общественной жизни Синг-Синга, строгостей Деннмора или чести жить в других аналогичных оплотах цивилизации. Это мусорный ящик общества.

Жилой дом де Кераделей — зенит, презрительно глядящий на надир.

Лифт поднимался все выше и выше. Когда он остановился, лифтер нажал кнопку, и через одну-две секунды массивные двери разошлись. Я вышел в холл, похожий на прихожую средневекового замка. Услышал за собой шум закрывающейся двери и оглянулся. Два человека опустили занавес, скрывавший дверь.

Просто по привычке я обратил внимание на рисунок занавеса — привычка путешественника, автоматически намечающего ориентиры для возможного вынужденного отступления. На занавесе изображалась морская женщина, фея Мелузина, во время своего еженедельного очищающего купания. За ней наблюдает удивленный муж — Раймон Пуатье. Старинный занавес.

Люди у занавеса — бретонцы, смуглые, коренастые, но одеты они так, как не одеваются в Бретани. На них свободное зеленое одеяние, туго перепоясанное, а на груди, на черном фоне, справа, тот же символ, что и на браслете. Мешковатые коричневые брюки, кончающиеся под коленом и плотно завязанные, похожие на брюки древних кельтов или скифов. На ногах сандалии. Когда они брали у меня пальто и шляпу, я приветствовал их на бретонском, как благородный человек приветствует крестьянина. Они смиренно ответили, и я заметил, как они обменялись удивленными взглядами.

Они отвели в сторону другой занавес, и один из них нажал на стену. Открылась дверь. Я прошел через нее в удивительно большую комнату с высоким потолком, обитую древним темным дубом. Комната была тускло освещена, но я заметил резные сундуки, астролябию и большой стол, покрытый книгами в кожаных и велюровых переплетах.

Я повернулся как раз вовремя, чтобы заметить, как скользнула на место дверь, и стена оказалась внешне сплошной. Тем не менее я решил, что в случае необходимости найду выход.

Двое провели меня в правый угол комнаты. Опять отодвинули занавес, и меня окутал мягкий золотой свет. Они поклонились, и я прошел на этот свет.

Я находился в восьмиугольной комнате более двадцати футов длиной. Все ее восемь стен покрыты шелковыми шпалерами исключительной красоты. Все сине-зеленые, и на каждой какая-нибудь подводная сцена: рыбы странных форм и расцветок плавают среди бурых водорослей... анемоны, похожие на фантастические цветы, качают смертоносными шипами... золотые и серебряные стаи крылатых змей караулят свои замки из коралла. В центре комнаты стол, на нем старинный хрусталь, прозрачный фарфор и старинное серебро, все блестит в свете высоких свечей.

Я взял в руки занавес, отвел его в сторону: ни следа двери, через которую я вошел. Я услышал смех, подобный плеску мелких волн, смех Дахут...

Мадмуазель стояла в дальнем углу восьмиугольной комнаты, отводя в сторону еще один занавес. За ним другая комната, оттуда исходит свет и создает розовый ореол вокруг ее головы. Ее исключительная красота на мгновение заставила меня забыть все в мире, даже сам этот мир.

От белых плеч до белых ног она была одета в прозрачное зеленое платье, похожее по покрою на столу древних римлянок. На ногах сандалии. Две толстые пряди бледно-золотых волос спускаются меж грудей, и сквозь одежду видны все линии прекрасного тела. Никаких украшений на ней нет, да она в них и не нуждается. Глаза одновременно ласкают и грозят, и в смехе тоже одновременно нежность и угроза.

Она подошла ко мне, положила руки мне на плечи. Аромат ее был как запах морских цветов; ее прикосновение и этот аромат заставили меня пошатнуться.

Она сказала на бретонском:

— Итак, Ален, вы по-прежнему осторожны. Но сегодня вы пойдете только туда, куда я захочу. Вы преподали мне хороший урок, Ален де Карнак.

Я тупо спросил, все еще пораженный ее красотой:

— Когда я вас учил, мадмуазель?

Она ответила:

— Давным-давно, — и мне показалось, что угроза изгнала из ее взгляда нежность. С отсутствующим видом она сказала: — Мне казалось, что будет легко говорить то, что я собиралась сказать, когда встретила тебя вечером. Я думала, слова сами польются из меня... как

воды полились в Ис. Но я смутилась... оказалось, что это трудно... воспоминания борются друг с другом... битва любви и ненависти...

К этому времени я взял себя в руки. Сказал:

— Я тоже смущен, мадмуазель. Я говорю по-бретонски не так хорошо, как вы, и поэтому, может, не вполне вас понимаю. Нельзя ли нам говорить по-французски или по-английски?

Дело в том, что бретонский слишком... интимен, слишком близко подходит к сути мысли. Другие языки послужат барьером. Но потом я подумал: барьером против чего?

Она страстно ответила:

— Нет! И больше не зови меня мадмуазель и де Керадель! Ты меня знаешь!

Я рассмеялся и ответил:

— Если вы мадмуазель де Керадель, то вы и морская фея Мелузина... или Гульнар, рожденная в море... и я в безопасности в вашем, — тут я посмотрел на шпалеры, — аквариуме.

Она сумрачно ответила:

— Я Дахут... Дахут Белая, королева теней... Дахут древнего Иса. Возрожденная. Возрожденная здесь, — она постучала себя по лбу. — А ты Ален де Карнак, мой любимый... мой самый любимый... мой предатель. Так что берегись!

* * *

Неожиданно она приблизилась ко мне, прижалась своими губами к моим так крепко, что ее маленькие зубы впились в меня. К такому поцелую невозможно отнестись равнодушно. Я обнял ее, и меня как будто охватило пламенем. Она оттолкнула меня, почти ударила, так сильно, что я пошатнулся.

Она подошла к столу и наполнила из кувшина два стройных бокала бледно-желтым вином. Насмешливо сказала:

— За наше последнее расставание, Ален. И за нашу встречу. — И пока я раздумывал над этим тостом, добавила: — Не бойся, это не колдовское зелье.

Я коснулся ее бокала и выпил. Мы сели, и по сигналу, которого я не видел и не слышал, вошли еще двое странно одетых слуг и стали нам прислуживать. Они делали это на старинный манер, коленопреклоненно. Вино оказалось великолепным, обед превосходным.

Мадмуазель почти ничего не ела и не пила. Говорила она мало, иногда погружалась в раздумья, иногда поглядывала на меня со смесью угрозы и нежности. Никогда не обедал я тет-а-тет с такой красивой женщиной и так мало говорил; и с такой, которая сама говорит так мало. Мы как противники в некой игре, от которой зависит жизнь, думали над ходами, изучали друг друга, прежде чем начать. Какова бы ни была эта игра, у меня сложилось неприятное впечатление, что

мадмуазель знает ее гораздо лучше меня; может, вообще устанавливает ее правила.

Из большой комнаты за занавесом доносились приглушенная музыка и пение. Мелодии странные, смутно знакомые. Музыканты будто находились в той комнате и в то же время далеко, ужасно далеко. Тени песен? Я вспомнил, как Дик описывал пение своей тени. Холодок пробежал по спине. Я поднял голову от тарелки и увидел, что мадмуазель смотрит на меня с насмешкой. Я почувствовал, как во мне пробуждается благотворный гнев. Страх перед ней исчез. Она красивая и опасная женщина. Вот и все. Несомненно, она понимает, о чем я думаю. Она подозвала слуг, и они убрали со стола, оставив вино. Мадмуазель прозаично заметила:

— Пойдем на террасу. Прихвати с собой вино, Ален. Оно тебе может понадобиться.

Я рассмеялся, взял бутылку и бокалы и вслед за ней прошел в комнату с розовым светом.

Это была ее спальня.

Подобно предыдущей, она тоже была восьмиугольной, но потолок не был плоским. Он уходил вверх конусом. В сущности, обе комнаты находились в башне, и мне показалось, что стена между ними фальшивая, она разделила некогда бывшую здесь большую комнату. И здесь стены были увешаны сине-зелеными морскими шпалерами, но без изображений. Я медленно шел, и цвет шпалер менялся, темнел, как океанские глубины, светлел, как бледный изумруд отмелей, и все время по ним передвигались тени, теневые фигуры выплывали из глубин, задерживались и томно уходили за пределы видимости.

Низкая широкая кровать, шкафчик, стол, два или три низких стула, шкаф со странной резьбой и окраской, диван. Розовый свет шел из какого-то хитроумно скрытого источника в башне. У меня опять появилось тревожное чувство узнавания, которое возникло впервые, когда я посмотрел на черный камень на браслете.

Окно выходило на террасу. Я поставил вино на стол и вышел на террасу, Дахут за мной. Башня, как я и думал, находилась на самом верху здания, в его юго-восточном углу. Справа от меня волшебная ночная панорама Нью-Йорка. Далеко внизу Ист-Ривер, как лента тусклого серебра, со множеством мостов. В двадцати футах под нами другая терраса, ее ясно видно, так как здание выстроено уступом.

Я насмешливо спросил у мадмуазель:

— Похоже на вашу башню в древнем Исе, Дахут? Не с такого ли балкона ваши слуги бросали наскучивших вам любовников?

Конечно, шутка сомнительного вкуса, но она сама была виновата; к тому же необъяснимый гнев продолжал гореть во мне. Она ответила:

— Там было не так высоко. И ночи Иса не похожи на здешние.

Чтобы увидеть звезды, нужно было смотреть на небо, а не вниз, на город, как здесь. И моя башня выходила на море. И я не бросала с нее своих любовников, потому что в смерти они служили мне лучше, чем в жизни. А этого не добьешься, бросая их с башни.

Она говорила спокойно, с очевидной искренностью. Я не сомневался, что она верила в то, что говорила. Я схватил ее за руку. Спросил:

— Вы убили Ральстона?

Она с тем же спокойствием ответила:

— Да.

Прижала мою ногу своей, прислонилась ко мне, глядя мне в глаза. Ревность боролась во мне с гневом. Я спросил:

— Он был... вашим любовником?

Она ответила:

— Не был бы, если бы я встретила тебя раньше.

— А остальные, другие? Вы и их убили?

— Да.

— И они тоже...

— Если бы раньше встретила тебя...

Мне хотелось схватить ее за горло. Я попытался снять руку с ее руки и не смог. Как будто она держала ее, и я не мог шевельнуть пальцем. Я сказал:

— Вы цветок зла, Дахут. Корни ваши в аду... Вы из-за денег его убили?

Она откинулась и рассмеялась, и в смехе ее глаз и рта было торжество. Она сказала:

— В старину тебя не заботило, кто был у меня до тебя. А почему сейчас заботит, Ален? Но нет — не из-за денег. И умер он не потому, что дал их мне. Я устала от него, Ален... но он мне нравился... а Бриттис, бедное дитя, так давно не развлекалась... если бы он мне не нравился, я бы не отдала его Бриттис...

Ко мне вернулся здравый смысл. Несомненно, мадмуазель отомстила за мои вчерашние предположения о ней. Метод ее, может быть, сложноват, но эффективен. Мне стало стыдно за себя. Я опустил руки и рассмеялся вместе с ней... но откуда все-таки этот опустошительный гнев и эта ревность?

Я отбросил сомнения в сторону. Сказал печально:

— Дахут, ваше вино крепче, чем я думал. Я говорил глупости и прошу прощения.

Она загадочно посмотрела на меня.

— Прощения? Интересно. Мне холодно. Пойдем в комнату.

Вслед за ней я вернулся в комнату с башней. Я тоже замерз и ощущал странную слабость. Налил себе вина и выпил. Сел на диван. Мысли стали смутными, как будто холодный туман окутал мозг. На-

лил себе еще. Увидел, что Дахут принесла стул и села у моих ног. В руках у нее была старинная многострунная лютня. Она рассмеялась и прошептала:

— Ты просишь прощения, но не знаешь, чего просишь.

Она коснулась струн и начала петь. Было что-то странное в этой песне — сплошной вздыхающий минор. Мне показалось, что я узнаю эту песню, когда-то уже слышал ее, в такой же башне, как эта. Посмотрел на стены. Оттенки на шпалерах менялись все быстрее... от малахитовых глубин к изумрудным отмелям. И тени поднимались все быстрее и быстрее, подходили все ближе и ближе к поверхности, прежде чем снова затонуть...

Дахут сказала:

— Ты принес браслет, который я тебе дала?

Я пассивно сунул руку в карман, достал браслет и отдал ей. Она надела мне его на руку. Красный символ на камне блеснул, как будто по нему пробежал огонь. Она сказала:

— Ты забыл, что я дала тебе его... давным-давно... человек, которого я любила больше всех... человек, которого я ненавидела больше всех... Ты забыл, как он зовется. Что ж, услышь его имя еще раз — Ален де Карнак... и запомни, что ты просил у меня прощения.

Она произнесла имя. Миллионы искр вспыхнули у меня в мозгу, огонь растопил опутавший его холодный туман.

Она произнесла его снова, и тени на шпалерах устремились к поверхности, сплетая руки.

Они танцевали вокруг стен... все быстрее и быстрее... тени мужчин и женщин. Я лениво подумал о танцах девушек из «Дома сердечного желания», танцах под барабаны волшебников сенуси... эти тени точно так же танцуют под музыку Дахут.

Все быстрее и быстрее неслись тени, они тоже запели, слабыми шепчущими голосами, тенями голосов... на шпалерах меняющиеся цвета превратились в волны, теневое пение стало шумом волн.

И снова Дахут произнесла имя. Тени сорвались со шпалер и устремились ко мне... все ближе и ближе. Шум волн превратился в рев урагана, он подхватил меня и понес — все ниже и ниже.

В БАШНЕ ДАХУТ. ИС

Рев урагана и гром моря стихли и превратились в регулярные удары больших волн о какую-то преграду. Я стоял у окна в каком-то высоком месте, глядя на покрытое белой пеной штормовое море. Закат был красным и мрачным.

Широкая полоса крови легла от солнца на воду.

Я высунулся из окна и посмотрел направо, стараясь разглядеть что-нибудь в сгущающемся сумраке. И увидел. Широкая равнина, ус-

тавленная массивными вертикальными камнями; их сотни, они рядами устремляются к центру, где расположено приземистое каменное здание храма, похожее на центральную ось колеса, спицами которого служат ряды монолитов. Камни так далеко от меня, что похожи на булыжники, но потом по какому-то капризу миража они дрогнули и приблизились. Лучи заходящего солнца осветили их, и мне показалось, что они забрызганы кровью, а приземистое здание храма источает кровь.

Я знал, что это Карнак, а я его владыка. А приземистый храм — Алкар-Аз, где по призыву Дахут Белой и злых жрецов появляется Собиратель в Пирамиде.

И что я в древнем Исе.

Мираж снова вздрогнул и исчез. Тьма затянула Карнак. Я посмотрел вниз, на циклопические стены, о которые разбивались с громом длинные волны. Стены необыкновенно толстые и высокие; они торчат прямо из океана, как нос какого-то каменного корабля.

Уходя к материку через мелководье, они становятся меньше. Там, дальше, белый песок побережья.

Я хорошо знал этот город. Красивый город. Храмы и здания из резного камня, с черепичными крышами, красными, зелеными, синими и оранжевыми крышами, дома из крашеного дерева, совершенно непохожие на грубые жилища моего клана. Город, полный садов, где шепчут фонтаны и распускаются странные цветы. Тесно заселенный город, похожий на корабль: там, где стоят дома, — палуба, а стены — борта. Построен на полуострове, далеко уходящем в море. Море всегда угрожает ему, но море удерживают стены и колдуны Иса. Из города выходит широкая дорога и через пески устремляется на материк; она идет прямо к злому сердцу монолитов, где приносят в жертву людей моего народа.

Не мой народ построил Ис. И не он воздвиг камни Карнака. Нашим бабушкам рассказывали их бабушки, что когда-то, давным-давно, приплыли на кораблях странной формы люди, поселились на полуострове и укрепили его; и теперь мы у них в рабстве; и на стволе мрачного ритуала выросли ветви, с которых свисают плоды ужасного безымянного зла. Я пришел в Ис, чтобы обрубить эти ветви. И если выживу, чтобы срубить сам ствол.

Я страстно ненавидел жителей Иса, они все колдуны и колдуньи, и у меня был план, как уничтожить их всех, как навсегда покончить с ужасными обрядами Алкар-Аза, избавить храм от Того, кто по призыву Дахут и злых жрецов Иса приходит за мучениями и смертью моих людей. И все это время я знал, что одновременно я не только повелитель Карнака, но и Алан Каранак, который попал в руки мадмуазель де Керадель и видит теперь только то, что хочет она. Алан Каранак знал это, но повелитель Карнака нет.

* * *

Я услышал сладкий звук легкого прикосновения к лютне, услышал смех, похожий на плеск маленьких волн, и голос — голос Дахут!

— Владыка Карнака, мрак скрывает твою землю. И не достаточно ли ты смотрел на море, возлюбленный? — У нее холодные руки, у меня — теплые.

Я отвернулся от окна, и на мгновение древний Карнак и древний Ис показались фантастическим сном. Потому что я по-прежнему находился в башне, из которой, как мне казалось, меня унесли тени; все в той же восьмиугольной комнате, освещенной розовым светом, увешанной шпалерами, на которых прибывали и убывали зеленые волны; а на низком стуле с лютней в руке сидела Дахут, все в том же платье цвета моря, с прядями волос меж грудей.

Я сказал:

— Вы настоящая ведьма, Дахут: как вы меня заманили в ловушку. — И повернулся к окну, чтобы посмотреть на знакомые огни Нью-Йорка.

Вернее, так мне показалось. Я обнаружил, что иду прямо к ней и произношу совсем не те слова, которые, как я считал, я произнес; я говорю:

— Ты сама из моря, Дахут... и хоть руки у тебя теплее, сердце такое же немилосердное.

И тут я понял, что это — пусть сон или иллюзия, — но это настоящий Ис; та часть меня, которая была Аланом Каранаком, могла видеть глазами, слышать ушами другой моей части, могла читать мысли этой части, которая была владыкой Карнака, но сам владыка Карнака об этой другой части не подозревал. А я был бессилен управлять им. Приходилось мириться с тем, что он делал. Как актер в пьесе, с той только разницей, что я не знал ни роли, ни сюжета. Чрезвычайно неприятное состояние. На мгновение я подумал, что нахожусь полностью под гипнотическим контролем Дахут. И почувствовал слабое разочарование в ней. Мысль эта промелькнула и исчезла.

Она взглянула на меня, и глаза ее были влажными. Закрыла лицо прядями и плакала за этим занавесом. Я холодно сказал:

— Многие женщины плакали, как ты... из-за убитых тобой людей, Дахут.

Она ответила:

— С тех пор как месяц назад ты приехал в Ис из Карнака, во мне нет мира. Огонь пожирает мое сердце. Что для меня и для тебя прежние любовники? До твоего появления я не знала любви. Я больше не убиваю, я изгнала свои тени...

Я мрачно спросил:

— А если они не смирятся со своим изгнанием?

Она отбросила назад волосы, пристально взглянула на меня:

— Что ты хочешь этим сказать?

Я ответил:

— Я набираю рабов. Учу их служить мне и не признавать других хозяев. Кормлю их, даю им кров. Допустим, я вдруг перестаю их кормить и отказываю в приюте. Изгоняю их. Что станут делать мои голодные бездомные рабы, Дахут?

Она недоверчиво спросила:

— Ты думаешь, мои тени восстанут против меня? — Рассмеялась, но потом глаза ее расчетливо сузились: — Все же... в твоих словах что-то есть. Но то, что я создала, я могу и уничтожить.

Мне показалось, что в комнате прозвучал вздох, и на мгновение тени на шпалерах задвигались еще быстрее. Если и так, Дахут не обратила на это внимания, сидела задумчивая и печальная. Сказала негромко:

— В конце концов... они ведь не любят меня... мои тени... они выполняют мои приказы... но они меня не любят... не любят свою создательницу. Нет.

Я, Алан Каранак, улыбнулся этим ее словам, но я, Ален де Карнак, воспринял эти ее слова совершенно серьезно... как Дик принимал слова тени!

Дахут встала, обняла меня белыми руками за шею, и ее аромат, подобный аромату тайного морского цветка, заставил меня пошатнуться, и от ее прикосновения вспыхнуло желание. Она томно сказала:

— Любимый... ты очистил мое сердце от прежних увлечений... ты пробудил меня к любви... почему ты не любишь меня?

Я хрипло ответил:

— Я люблю тебя, Дахут... но я не верю тебе. Откуда я могу знать, что твоя любовь продлится... или не настанет время, когда я тоже превращусь в тень... как произошло с другими, любившими тебя?

Она ответила, прижимаясь ко мне губами:

— Я уже сказала тебе. Я никого из них не любила.

— Но кое-кого ты все же любишь.

Она откинулась, посмотрела мне в глаза, ее собственные глаза сверкали.

— Ты о ребенке. Ты ревнуешь, Ален. Значит, ты меня любишь. Я отошлю девочку. Нет, если захочешь, прикажу убить ее.

Холодная ярость заглушила во мне желание: эта женщина легко обещает убить единственную собственную дочь. Но даже в Карнаке ее рождение не было тайной. Я видел маленькую Дахут, с фиолетовыми глазами, молочно-белой кожей, с лунным огнем в жилах. Невозможно ошибиться в том, кто ее мать, даже если она бы и отказалась. Я справился со своей яростью. В конце концов я этого ожидал, но решимость моя укрепилась.

— Нет. — Я покачал головой. — Это будет просто означать, что она тебе наскучила, как наскучил ее отец, как наскучили все прошлые любовники.

Она прошептала, и в ее глазах было подлинное безумие страсти:

— Что же мне делать? Ален, что мне сделать, чтобы ты поверил?

Я сказал:

— Когда наступит новолуние, будет праздник Алкар-Аза. Ты призовешь Собирателя в Пирамиде, и тогда под кувалдами жрецов погибнет множество людей, они будут поглощены Чернотой. Обещай, что ты не будешь вызывать... Его. Тогда я тебе поверю.

Она отшатнулась, губы ее побелели; прошептала:

— Я не могу этого сделать. Это будет означать конец Иса. И конец... меня. Собиратель призовет... меня... проси чего угодно, любимый... но этого я сделать не могу.

Что ж, я ожидал отказа, надеялся на него. Я сказал:

— Тогда дай мне ключи от ворот моря.

Она застыла; я прочел сомнение, подозрение в ее взгляде; когда она заговорила, в ее голосе не было мягкости.

Она медленно сказала:

— А зачем они тебе, владыка Карнака? Они символ Иса, сама суть его. Они сам Ис. Их выковал морской бог, который давным-давно привел сюда моих предков. И они всегда были только в руках короля Иса. И никогда не должны попадать в другие руки. Зачем они тебе?

Да, наступил перелом. Момент, к которому я так долго шел. Я взял ее в руки, хоть она и высокая женщина, обнял, как ребенка. Прижал губы к ее губам, почувствовал, как она дрожит, руки ее обвились вокруг моей шеи, зубами она прикусила мой рот. Я отбросил голову и захохотал. И сказал:

— Ты сама сказала, Дахут. Я прошу их, потому что они символ Иса. Потому что они — ты. И пока я их держу, сердце твое не изменится, Белая Ведьма. И для меня это щит от твоих теней. Удвой стражу у морских ворот, если хочешь, Дахут. Но, — я снова прижал ее к себе и поцеловал, — я никогда больше не поцелую тебя, если ключи не будут у меня в руках.

Она, запинаясь, ответила:

— Подержи меня еще немного, Ален... и ты получишь ключи... держи меня... ты освобождаешь мою душу от рабства... ты получишь ключи...

Она склонила голову, и я почувствовал ее губы у себя на сердце. И во мне боролись черная ненависть и черная похоть.

Она сказала:

— Отпусти меня.

Когда я это сделал, она посмотрела на меня мягким затуманенным взглядом, сказала:

— Ты получишь ключи, любимый. Но надо подождать, пока уснет мой отец. Я позабочусь, чтобы он рано лег спать. И ключи от Иса будут в руках короля Иса... потому что ты, мой любимый, станешь королем Иса. А теперь жди меня...

И она исчезла.

Я подошел к окну и посмотрел на море. Буря усилилась, превратилась в ураган, и волны все били и били о каменный нос Иса, и я чувствовал, как дрожит от этих ударов башня.

* * *

Я знал, что прошли часы, я ел и пил. У меня были смутные воспоминания о большом зале, я сидел за столом с другими пирующими, а на возвышении сидел старый король Иса, и справа от него Дахут, а слева жрец в белой одежде, с желтыми глазами, вокруг его лба узкая золотая лента, а у пояса священная кувалда, которой разбивают грудные клетки моих людей у алтаря Алкар-Аза. Он злобно смотрел на меня. А король стал сонным, голова его склонялась, склонялась...

Но теперь я в башне Дахут. Буря стала еще сильнее, и еще сильнее бились волны о каменный нос Иса. Розовый свет померк, тени на зеленых шпалерах застыли. Но мне показалось, что они близки к поверхности, следят за мной.

В руках у меня три стройных бруска зеленого морского металла, с углублениями и зарубками: на всех символ трезубца. Самый длинный втрое длиннее расстояния между концом указательного пальца и запястьем, самый короткий длиной в ладонь.

Они висят на браслете, тонкой серебряной ленте, в которой посажен черный камень с тем же алым трезубцем, символом морского бога. Это ключи Иса, созданные морским богом, построившим Ис.

Ключи от морских ворот!

Рядом со мной стояла Дахут. Она как девочка в своем белом платье, стройные ноги обнажены, серебристые волосы падают на изящные плечи, розовый свет создает ореол вокруг ее головы. Я, Алан Каранак, подумал: «Она похожа на святую». Я, владыка Карнака, ничего не знал о святых и потому подумал: «Как я могу убить такую женщину, хотя и знаю, что она зла?»

Она просто спросила:

— Теперь ты веришь мне, мой владыка?

Я опустил ключи и обнял ее за плечи:

— Да.

Она, как ребенок, подставила мне свои губы. Я почувствовал жалость. Хоть я и знал, кто она такая, все равно почувствовал жалость. Сказал:

— Пусть ключи вернутся на место, белый цветок. До наступления

утра, до того, как проснется твой отец, верни их на место. Это было всего лишь испытание, сладкое белое пламя.

Она серьезно взглянула на меня.

— Если хочешь, это будет сделано. Но не нужно. Завтра ты станешь королем Иса.

Я испытал шок, жалость исчезла. Если обещание ее что-нибудь значит, она собирается убить своего отца так же безжалостно, как предложила убить дочь. Она сонно сказала:

— Он состарился. И устал. Он будет рад уйти. А с этими ключами... я отдаю тебе себя. Этими ключами... я закрываю прежнюю жизнь. Я пришла к тебе... девственной. Забыла тех, кого убила, и ты их забудешь. А их тени... перестанут существовать.

И опять я услышал вздох в комнате, но она не слышала... или не обратила внимания.

Неожиданно она сжала меня в объятиях, впилась губами... больше она не была девственной... и желание, как пламя, охватило меня...

* * *

Я не спал. Зная, что мне предстоит сделать, я не смел спать, хотя сон смыкал мне глаза. Лежал, прислушиваясь к дыханию Дахут, дожидаясь, пока она уснет крепче. Но, должно быть, я все же задремал, потому что осознал, что слышу шепот и что шепот этот начался раньше.

Я поднял голову. Розовый свет потускнел. Рядом лежала Дахут, белая рука и грудь обнажены, волосы рассыпались по подушке.

Шепот продолжался, становился все настойчивей. Я огляделся. Комната была заполнена теневыми фигурами, которые раскачивались и шевелились, как тени волн. Ключи Иса лежали на полу, куда я их бросил, сверкал черный камень.

Я снова посмотрел на Дахут — и не мог оторваться. У нее на глазах тень, как от протянутой руки, такая же тень над губами, и над сердцем тень руки, ее запястья и ноги держат такие же теневые руки, сжимают, как кандалами.

Я выскользнул из постели, быстро оделся и набросил на плечи плащ. Подобрал ключи.

Последний взгляд на Дахут — и решимость почти оставила меня. Ведьма или нет, она слишком хороша, чтобы умереть.

Шепот становился все яростней, он угрожал, он подталкивал меня. Больше я не смотрел на Дахут, не мог. Вышел из ее спальни и почувствовал, что тени сопровождают меня, вьются передо мной, вокруг меня и за мной.

Я знал путь к воротам моря. Он идет по дворцу, оттуда к подземному помещению в самом конце каменного носа города-корабля, выступающего в океан.

Ясно рассуждать я не мог, мысли были как в тумане, я сам шел, как тень среди теней.

Тени торопили меня, шептали... о чем они шепчут? Что мне ничто не может повредить... ничто не остановит меня... но я должен торопиться... торопиться...

Тени окутали меня, как плащом.

Я увидел стражника. Он стоял у входа в тот подземный коридор, куда я направлялся. Стоял сонно, глядел отсутствующим взглядом, смотрел сквозь меня, как будто я уже превратился в тень. Тени шептали: «Убей!» Я ударил его кинжалом и прошел мимо.

Из подземного коридора я вышел в помещение, за которым находились ворота. Туда вела еще одна закрытая дверь. Оттуда только что вышел человек. Это был жрец в белой одежде с желтыми глазами. Для него я не был тенью.

Он смотрел на меня и на ключи в моих руках, будто я демон. Потом бросился ко мне, взмахнув кувалдой, поднимая к губам золотой свисток, чтобы вызвать стражу. Тени подтолкнули меня вперед, и прежде чем он поднес свисток к губам, я пронзил кинжалом его сердце.

Передо мной была дверь. Я взял самый маленький ключ, и при его прикосновении дверь открылась.

И снова тени собрались вокруг меня, подталкивая вперед.

Здесь находились два стражника. Одного я убил, прежде чем он смог извлечь оружие. Потом бросился на второго и задушил его, прежде чем он смог поднять тревогу.

И когда мы с ним боролись, тени окружили его и тоже душили. Скоро он лежал мертвый.

Я подошел к воротам моря. Они из того же металла, что и ключи; огромные; в десять раз выше меня; шириной в два раза больше высоты: такие массивные, что не могли быть выкованы людьми; действительно, дар морского бога, как и говорили жители Иса. Я нашел скважину. Тени шептали... сначала я должен вставить больший ключ и повернуть... теперь меньший и повернуть... теперь нужно произнести имя, написанное на камне... раз, и два, и три. Я произнес имя.

Массивные створки задрожали, начали открываться — внутрь. В отверстии показалась вода, сначала тонкой струйкой. Она, как мечом, ударила в противоположную стену.

Тени продолжали шептать... нужно бежать... быстрее... быстрее...

Прежде чем я добрался до двери, щель между створками превратилась в ревущий водопад. Прежде чем добрался до коридора, меня ударила волна. На гребне ее летело тело жреца, руки протянуты ко мне, как будто и после смерти он старается вцепиться в меня, утащить за собой на дно... под воду...

И вот я на лошади, скачу по широкой дороге в Карнак сквозь

ревущий ураган. В руках у меня ребенок, девочка, ее фиолетовые глаза широко раскрыты, в них ужас. А я скачу все вперед и вперед, и волны гонятся за мной, пытаются схватить.

И сквозь рев ветра и волн доносится другой шум из Иса: рушатся дома и храмы, море разбивает стены, слышится предсмертный крик жителей, и все это сливается в одну ноту отчаяния.

ПРОЧЬ ИЗ БАШНИ ДАХУТ

Я лежал с закрытыми глазами, но не спал. Сражался за пробуждение, боролся за господство над собой с другой личностью, которая упорно не желала сдаваться. Я победил, и другая личность ушла в мои воспоминания об Исе. Но воспоминания эти очень живы и сильны, как и та, другая личность; и она будет жить, пока живут эти воспоминания; будет ждать своего шанса.

Я так устал, будто борьба была физической; в моем сознании владыка Карнака и Алан Каранак, Дахут из древнего Иса и мадмуазель де Керадель сливались в колдовском танце, переходя друг в друга, перемещаясь от одного к другому — как девушки в «Доме сердечного желания».

Прошло время между тем моментом, когда во время бегства по белым пескам меня догнал предсмертный вопль Иса, и моим пробуждением. Я это знал. Но были ли это минуты или тысячелетия, сказать не мог. И произошло многое другое, чего я не помнил.

Я открыл глаза. Мне казалось, что я лежу на мягкой постели. Но это не так. Я стоял одетый у окна в комнате, полной розовым светом: в комнате, похожей на башню... с восьмиугольными стенами, покрытыми шпалерами цвета морской волны, на которых двигались тени.

И вторая личность во мне вдруг ожила, и я услышал рев бегущих за мной волн...

Я быстро повернул голову и посмотрел в окно. Никакого бурного моря, никаких пенных волн, бьющихся о стены. Я смотрел на перекрытую мостами Ист-Ривер и на огни Нью-Йорка; смотрел и извлекал из этого зрелища силу и душевное здоровье.

Медленно отвернулся от окна. На постели лежала Дахут. Она спала, одна рука и грудь обнажены, волосы шелковой сетью покрывают подушку. Лежала, прямая и стройная, как меч, и улыбалась во сне.

Никакие теневые руки не держат ее. На руке у нее браслет, и черный камень немигающим глазом смотрит на меня, наблюдает за мной. Я подумал, не смотрит ли она на меня из-под закрытых ресниц. Грудь ее поднималась и опускалась, как море. Рот, с оттенком какой-то древности, мирно расслаблен.

Она похожа на душу моря, над которым пронесся ураган, оставив

море спящим. Очень красива... и в сердце у меня желание и страх. Я сделал шаг к ней... убить, пока она лежит, спящая и беспомощная... убить безжалостно, как убивала она...

Я не могу сделать это. И разбудить ее не могу. Мешает страх, стоящий на пути. А желание таким же барьером стоит перед убийством. Я отступил назад и вышел на террасу.

Немного подождал, размышляя и следя за комнатой Дахут. Возможно, колдовство — суеверие. Но то, что дважды сделала со мной Дахут, вполне подходит под определение колдовства. Я подумал о том, что произошло с Диком, и о том, как она спокойно призналась, что убила его. Она сказала правду, независимо от того, что вызвало смерть: внушение или настоящая тень. Мой собственный опыт не давал усомниться в этом. Она убила Дика Ральстона и тех троих тоже. И только она одна знает, сколько еще.

Я отказался от мысли возвращаться через ее башню и искать скрытую дверь. Может, тени не станут помогать мне, как помогли в древнем Исе. И еще впереди прихожая и лифт.

Правда же заключалась в том, что холодный ужас, который я испытывал перед мадмуазель, парализовал во мне всякую веру в себя. В ее доме я слишком уязвим. И если я ее убью, то как объясню свой поступок? Смерть Дика, тени, колдовство? В лучшем случае меня ожидает сумасшедший дом. Как я смогу доказать весь этот бред? А если я ее разбужу и потребую, чтобы она меня освободила... мне казалось, что это тоже не сработает. Нью-Йорк и древний Ис все еще слишком близки в моем сознании, и что-то шептало мне, что избранный мною в древнем Исе путь по-прежнему остается лучшим. Бежать, пока она спит.

Я подошел к краю террасы и заглянул за перила. Следующая терраса находилась ниже в двадцати футах. Прыгать я не рискну. Я осмотрел стену. Там и тут выступали кирпичи, и я подумал, что справлюсь.

Я снял туфли и повесил за шнурки на шею. Потом перелез через перила и без особых трудностей добрался до нижней террасы. Окна ее были открыты, и изнутри доносился храп. Часы пробили два раза, и храп прекратился. Какая-то женщина подошла к окну, выглянула из него и захлопнула. Мне пришло в голову, что это не место для незнакомца без шляпы, пальто и обуви, просящего убежища. Поэтому я полез к следующей террасе, но проникнуть туда не смог.

Спустился еще ниже — опять закрытая терраса. К этому времени рубашка моя превратилась в лохмотья, брюки порвались в нескольких местах, просвечивали ноги. Я понял, что быстро приобретаю такой вид, при котором потребуется все мое красноречие, чтобы мне позволили уйти, как бы мне дальше ни повезло. Я посмотрел на террасу Дахут, и мне показалось, что свет в ее комнате стал ярче.

Я торопливо перелез через перила и направился к следующей террасе.

Там оказалась ярко освещенная комната. Четверо мужчин играли в покер за столом, уставленным бутылками. Я уронил горшок с растением. И увидел, что они смотрят в окно. Ничего не оставалось делать, как войти и использовать представившуюся возможность. Я так и поступил.

* * *

Во главе стола сидел толстяк с маленькими мигающими голубыми глазками и торчащей изо рта сигарой; рядом с ним — человек, похожий на старомодного банкира, затем худой мужчина с насмешливым ртом и меланхоличный человек маленького роста с выражением лица, как при неизлечимом несварении желудка.

Толстяк спросил:

— Вы все видите то же, что и я? Все, сказавшие да, получают выпивку.

Все взяли полные стаканы, и толстяк заявил:

— Единогласно.

Банкир сказал:

— Если он не выпал из самолета, значит, это человек-муха.

Толстяк спросил:

— Так как же, незнакомец?

— По стене, — ответил я.

Меланхоличный человек заметил:

— Я так и знал. Я всегда говорил, что этот дом лишен морали.

Худой человек встал и погрозил мне пальцем.

— Откуда по стене? Сверху или снизу?

— Сверху, — ответил я.

— Ну что ж, — заявил он, — тогда мы не возражаем.

Я удивленно спросил:

— А какая разница?

— Большая, — ответил он. — Дело в том, что мы все живем в этом доме ниже и все, кроме толстяка, женаты.

Меланхоличный человек сказал:

— Пусть это послужит вам уроком, незнакомец. Не верьте в присутствие женщин и в отсутствие мужчин.

Худой человек сказал:

— За это следует выпить, Джеймс. Билл, налей всем рому.

Толстяк налил. Я вдруг понял, какой им кажусь нелепой фигурой. Я сказал:

— Джентльмены, я могу назвать вам свое имя, и в случае необходимости вы можете проверить по телефону. Признаю, что я предпочел бы этого не делать. Но если вы позволите мне уйти отсюда, вы

не совершите никакого преступления. А правду вам сообщать бесполезно, потому что вы все равно мне не поверите.

Худой человек задумчиво сказал:

— Сколько раз мне приходилось уже слышать оправдания и в таких же точно словах. Стойте на месте, незнакомец, пока присяжные не вынесут решения. Осмотрим сцену преступления, джентльмены.

Они вышли на террасу, осмотрели перевернутый горшок, осмотрели стену здания, вернулись. С любопытством посмотрели на меня.

Худой человек сказал:

— Либо у него стальные нервы и он спасал репутацию леди, либо папочка напугал его до смерти.

Меланхоличный человек, Джеймс, горько:

— Есть способ проверить его мужество. Пусть сыграет с этим толстым пиратом.

Толстяк Билл возмущенно заявил:

— Я не играю с человеком, у которого туфли висят на шее.

Я надел туфли. И почувствовал себя лучше. Теперь я достаточно далеко и от древнего Иса, и от мадмуазель. Я сказал:

— Даже под разорванной рубашкой может биться бесстрашное сердце. Играю.

Худой человек сказал:

— Бесподобное заявление. Джентльмены, еще один кон с участием незнакомца. — Мы все выпили. Не знаю, как они, а я в этом нуждался.

Я сказал:

— Играю на пару носков, чистую рубашку, брюки, пальто, шляпу и свободный уход без всяких вопросов.

Худой человек сказал:

— А мы играем на ваши деньги. И если проиграете, уйдете, в чем пришли.

— Справедливо, — сказал я.

Я раскрыл карты, и худой человек написал что-то на листке бумаги, показал мне и бросил в котел. Я прочел: «Один носок». Остальные торжественно написали свои ставки, и игра началась. Я выигрывал и проигрывал. Последовало множество интересных заявлений и столь же много конов. В четыре часа я выиграл право на уход. Одежда Билла мне была велика, но остальные ушли и быстро вернулись с необходимым.

Они провели меня вниз. Посадили в такси и закрыли руками уши, когда я называл шоферу адрес.

Прекрасная четверка, кем бы они ни были. Когда я переодевался в клубе, из кармана у меня выпало несколько клочков бумаги. На них было написано: половина рубашки, половина брюк, поля шляпы и так далее.

Я с трудом двинулся на северо-северо-восток, к кровати. Забыл и об Исе, и о Дахут. И во сне ничего не видел.

ДАХУТ ШЛЕТ СУВЕНИР

Когда я проснулся, все было иначе. Тело болело, затекло, и потребовались три порции виски, чтобы я пришел в себя. Воспоминания о мадмуазель Дахут и древнем Исе оставались яркими, но приобрели черты ночного кошмара. Например, бегство из ее башни. Почему я не остался и не вырвался силой? У меня не было причин Иосифа, убегавшего от жены Потифара. Я знал, что я не Иосиф. Угрызения совести меня не мучили, но факт оставался фактом: я убежал самым недостойным образом. Всякий раз, как я встречаюсь с Дахут — за сомнительным исключением древнего Иса, — она побеждает меня.

Что ж, правда в том, что я бежал в ужасе и предал Билла и Элен. В этот момент я ненавидел Дахут так, как ненавидел ее владыка Карнака.

Я позавтракал и позвонил Биллу. Ответила Элен. Она с ядовитой озабоченностью сказала:

— Дорогой, ты, должно быть, ехал всю ночь, чтобы вернуться так рано. Где ты был?

Я все еще нервничал и ответил кратко:

— Три тысячи миль и пять тысяч лет отсюда.

Она сказала:

— Как интересно. Не в одиночестве, разумеется.

Я подумал: «Черт бы побрал всех женщин!» И спросил:

— Где Билл?

Она ответила:

— Дорогой, у тебя виноватый голос. Ты ведь был не один?

— Нет. И путешествие мне не понравилось. И если ты думаешь о том же, о чем я... что ж, я виноват. И мне это тоже не нравится.

Когда она снова заговорила, голос ее изменился, в нем слышалась настоящая озабоченность и страх.

— Ты имеешь в виду — три тысячи миль и тысячелетия?

— Да.

Снова она молчала. Потом:

— С... мадмуазель?

— Да.

Она яростно сказала:

— Проклятая ведьма! О, если бы только ты был со мной... Я избавила бы тебя от всего этого.

— Может быть. Но тогда в какую-нибудь другую ночь, рано или поздно, это произошло бы, Элен. Почему это так, я не знаю — пока. Но это правда. — Мне вспомнилась странная мысль о том, что я пил

злое зелье мадмуазель давным-давно и буду пить еще. И я понял, что это правда.

Я повторил:

— Это должно было случиться. И теперь все кончилось.

Это ложь. Я знал это, знала и Элен. Она жалобно сказала:

— Все еще только начинается, Алан.

У меня не было ответа. Она сказала:

— Я отдала бы жизнь, чтобы помочь тебе, Алан... — голос ее прервался; потом торопливо: — Билл просил подождать его в клубе. Он будет у тебя около четырех. — И повесила трубку.

И тут же мне принесли письмо. На конверте трезубец. Я открыл его. Письмо на бретонском:

«Мой ускользающий... друг! Кем бы я ни была, я все же женщина и любопытна. Вы умеете превращаться в тень? Двери и стены ничего для вас не значат? Но ночью вы не казались тенью. С нетерпением жду вас сегодня вечером, чтобы узнать.

Д а х у т».

В каждой строчке этого письма угроза. Особенно в той части, где говорится о тени. Гнев мой рос. Я написал:

«Расспросите ваши тени. Может, они окажутся более верными вам, чем в Исе. А что касается сегодняшнего вечера — я занят».

Подписался «Алан Каранак» и отправил письмо. Потом подождал Билла. Некоторое утешение принесла мысль, что мадмуазель, по-видимому, не знает, каким образом я сбежал из ее башни. Это означает, что власть ее ограничена. К тому же, если тени действительно существуют не только в воображении ее жертв, я мог вызвать некий переполох в ее хозяйстве.

Сразу после четырех появился Билл. Он выглядел встревоженным. Я все рассказал ему с начала и до конца, включая даже партию в покер. Он прочел письмо мадмуазель и мой ответ. Потом поднял голову.

— Не виню тебя за последнюю ночь, Алан. Но я предпочел бы, чтобы ты ответил... по-другому.

— Мне нужно было принять приглашение?

Он кивнул.

— Ты теперь предупрежден. И можешь выжидать. Поиграй с ней немного... пусть поверит, что ты ее любишь... сделай вид, что согласен присоединиться к ней и к де Кераделю.

— Участвовать в их игре?

Он поколебался, потом сказал:

— Ненадолго.

Я рассмеялся.

— Билл, что касается предупреждения, то ведь этот сон о городе Ис говорит о том, что мадмуазель тоже предупреждена. И гораздо

лучше вооружена. А что касается выжидания, игры с нею — она и ее отец видят меня насквозь. Нет, остается только бороться.

— Но как бороться... с тенями?

Я сказал:

— Потребовалось бы множество дней, чтобы я тебе рассказал о всех заговорах, колдовских средствах, экзорцизме и всем остальном, что придумал для этой цели человек: и кроманьонец, и тот, кто ему предшествовал, и даже получеловек, живший до них. Шумеры, египтяне, финикийцы, греки, римляне, кельты, галлы и все остальные народы под солнцем, известные и забытые, приложили к этому руку. Но есть только один способ победить теневое колдовство — не верить в него.

Он ответил:

— Когда-то, и даже совсем недавно, я бы согласился с тобой. Теперь мне это напоминает способ избавления от рака — не верить, что у тебя опухоль.

Я нетерпеливо сказал:

— Если бы ты испробовал на Дике гипноз, контрвнушение, вероятно, он был бы жив.

Он негромко ответил:

— Я пробовал. Просто не хотел, чтобы де Керадель знал об этом. И ты тоже. Я старался изо всех сил, и это ничего не дало.

И пока я думал над его словами, он спросил:

— Ведь ты в них не веришь, Алан? В тени? В то, что они реальны?

— Нет, — ответил я. Хотел бы я, чтобы это было правдой.

— Что ж, — заметил он, — похоже, твое неверие не очень помогло тебе ночью.

* * *

Я подошел к окну и выглянул. Хотел сказать, что есть другой способ остановить теневое колдовство. Единственный надежный способ. Убить ведьму. Но что это даст? У меня была такая возможность, и я ее упустил. И знал, что если бы эта ночь повторилась, я бы не убил ее. Я сказал:

— Это верно, Билл. Но просто мое неверие не было достаточно сильно. Дахут ослабила его. Поэтому я и хочу держаться от нее подальше.

Он рассмеялся.

— Ты по-прежнему напоминаешь мне больного раком: если бы он действительно не верил в опухоль, она бы не убила его. Что ж, раз не хочешь идти, не пойдешь. У меня есть для тебя новости. У де Кераделя большое имение на Род-Айленде. Я узнал о нем вчера. Уединенное место, вдали от всех, на самом берегу океана. У него есть яхта — мореходная. Он, должно быть, очень богат.

Де Керадель теперь там, поэтому ты и оказался наедине с мадмуазель. Лоуэлл вчера послал за Мак-Канном, и Мак-Канн придет сегодня вечером, чтобы обсудить положение. Это идея Лоуэлла, и моя тоже. Мы хотим, чтобы Мак-Канн побродил вокруг этого места. Узнал бы, что можно, от местных жителей. Лоуэлл, кстати, преодолел свою панику. Он ненавидит де Кераделя, да и мадмуазель тоже. Я тебе говорил, что он очень любит Элен. Считает ее своей дочерью.

Я сказал:

— Прекрасная мысль, Билл. Де Керадель говорил о каком-то эксперименте. Это, несомненно, там. Там его лаборатория. Мак-Канн может многое узнать.

Билл кивнул.

— Почему бы тебе не присоединиться к нам?

Я уже хотел согласиться, как вдруг меня охватило чувство сильной опасности. Предчувствие, что я не должен соглашаться. Как будто прозвенел глубоко скрытый сигнал тревоги. Я покачал головой.

— Не могу, Билл. У меня есть кое-какая работа. Расскажешь мне обо всем завтра.

Он встал.

— Может, передумаешь насчет свидания с мадмуазель?

— Нет. Передай привет Элен. И скажи, что больше никаких путешествий не будет. Она поймет.

Я действительно работал весь день. И весь вечер. И все время у меня было чувство, что за мной наблюдают. На следующий день позвонил Билл и сказал, что Мак-Канн отправился на Род-Айленд. Потом трубку взяла Элен и сказала, что получила мое сообщение. Не приду ли я к ней сегодня? Голос у нее был теплый, мягкий... какой-то очистительный. Я хотел прийти к ней, но категорично зазвенел скрытый сигнал тревоги. Я извинился, довольно неуклюже. Она сказала:

— Ты ведь не вбил в свою упрямую голову, что ведьма тебя запачкала?

Я ответил:

— Нет. Но не хочу подвергать тебя опасности.

Она сказала:

— Я не боюсь мадмуазель. Знаю, как с ней бороться, Алан.

— Что ты этим хочешь сказать?

Она яростно ответила:

— Будь проклята твоя глупость! — И повесила трубку, прежде чем я смог ответить.

Я был удивлен и обеспокоен. Тревожное чувство, предупреждающее, чтобы я держался подальше от доктора Лоуэлла и от Элен, нельзя было игнорировать. Наконец я побросал свои вещи и заметки в саквояж и нашел убежище в небольшом отеле. Предварительно я отправил записку Биллу, сообщил ему, где он может меня найти, и пре-

дупредил, чтобы он не говорил этого Элен. Добавил, что у меня важные причины временно скрыться. Это было в четверг. В пятницу я вернулся в клуб.

Там меня ждали два письма мадмуазель. Одно пришло сразу после того, как я ушел в убежище. В нем говорилось: «Вы передо мной в долгу. Частично вы его оплатили. Но я в долгу перед вами не останусь. Любимый, приходите ко мне сегодня вечером».

Второе письмо пришло на следующий день. «Я помогаю отцу в его работе. Когда позову вас в следующий раз, приходите обязательно. Шлю сувенир, чтобы вы не забыли».

Я с удивлением читал и перечитывал эти записки. В первом просьба, мольба. Такое письмо женщина может написать не очень пылкому любовнику. А во втором угроза. Я с беспокойством расхаживал по комнате. Потом позвонил Биллу. Он сказал:

— Итак, ты вернулся. Сейчас приду.

Он пришел через полчаса. Казалось, он сильно нервничает. Я спросил:

— Есть новости?

Он сел и ответил небрежно, слишком небрежно:

— Да. Она прикрепила одну ко мне.

Я тупо спросил:

— Кто прикрепил? И что?

— Дахут. Прикрепила ко мне одну из своих теней.

Руки и ноги у меня неожиданно похолодели, я почувствовал, что задыхаюсь. Передо мной лежало письмо, в котором Дахут написала о сувенире. Я сложил его. И сказал:

— Расскажи мне все, Билл.

Он ответил:

— Не паникуй, Алан. Я не похож на Дика и других. Со мной не так легко справиться. Но не скажу, чтобы было очень... приятно. Кстати, ты ничего не видишь справа от меня? Какое-то движение, темный занавес?

Он смотрел мне в глаза, но ясно было, что для этого требовалась вся его сила воли. Глаза его покраснели. Я внимательно посмотрел и сказал:

— Нет, Билл. Я ничего не вижу.

Он сказал:

— Если не возражаешь, я закрою глаза. Вчера вечером я вышел из больницы около одиннадцати. У обочины стояло такси. Водитель дремал за рулем. Я раскрыл дверцу и уже собрался сесть, как увидел: кто-то... что-то... передвинулось в угол. В машине было темно, и я не мог определить, мужчина это или женщина. Я сказал: «Простите. Я думал, такси свободно». И отступил.

Шофер проснулся. Он тронул меня за плечо и сказал: «Все в по-

рядке, сэр. Садитесь. У меня никого нет». Я ответил: «Конечно, есть». Он зажег лампочку. В машине никого не было. Он сказал: «Я уже час жду здесь, сэр. Немного задремал. Нет клиентов. Вы видели тень».

Я сел в машину и назвал адрес. Мы проехали уже несколько кварталов, когда мне показалось, что рядом кто-то сидит. Рядом. Я смотрел вперед и быстро повернул голову. Заметил что-то темное между мной и окном. И потом — ничего, но я отчетливо услышал слабый шорох. Как сухой лист, влетевший ночью в окно. Я передвинулся в ту сторону. Мы проехали еще несколько кварталов, и я снова заметил движение слева от себя, и снова между мной и окном была тончайшая темная вуаль.

Очертания человеческого тела. И снова шорох. И в этот момент, Алан, я понял.

Признаю, что на мгновение я испугался. Сказал было шоферу, чтобы он отвез меня назад, в больницу. Но тут же взял себя в руки и велел ехать домой. Вошел в дом. Чувствовал, что тень вошла со мной. Все в доме спали. Тень сопровождала меня, неощутимая, нематериальная, видимая только в момент движения. Я лег спать. Тень оставалась со мной всю ночь.

Я думал, что, как тень Дика, она на рассвете уйдет. Но эта не ушла. Она была здесь, когда я проснулся. Я подождал, пока все позавтракают — в конце концов неудобно представлять такого спутника членам семьи. — Он сардонически подмигнул мне.

Я спросил:

— Очень плохо, Билл?

— Пока справляюсь. Только бы хуже не стало.

Я взглянул на часы. Пять. Сказал:

— Билл, у тебя есть адрес де Кераделей?

— Да. — И дал мне адрес.

Я сказал:

— Билл. Больше не волнуйся. У меня есть идея. Если можешь, забудь о тени. Если нет важных дел, иди домой и ложись спать. Или поспишь здесь?

Он ответил:

— Я лучше полежу здесь. Эта штука, кажется, здесь беспокоит меня меньше.

Билл лег. Я развернул второе письмо мадмуазель и перечел его. Позвонил в телеграфную компанию и узнал телефон ближайшего к дому де Кераделей поселка. Позвонил туда, в телеграфную контору, и спросил, есть ли в доме доктора де Кераделя телефон. Ответили, что есть, но это частный провод. Я сказал, что это неважно, я только хочу продиктовать телеграмму мадмуазель де Керадель. Переспросили:

— Кому?

— Мисс де Керадель.

Это невинное «мисс» вызвало у меня ироничную усмешку. Мне сказали, что передадут телеграмму.

Я продиктовал:

— Ваш сувенир убеждает, но приносит затруднения. Заберите его, и я капитулирую без всяких условий. Нахожусь в вашем распоряжении с того момента, как это будет сделано.

Я сел и посмотрел на Билла. Он спал, но тревожным сном. Я не спал и тоже тревожился. Я люблю Элен, хочу Элен. Но то, что я собираюсь сделать, уводит от меня Элен навсегда.

Часы пробили шесть. Прозвенел телефон. Заговорил человек, которому я продиктовал телеграмму:

— Мисс де Керадель получила телеграмму. Вот ее ответ: «Сувенир забираю, но он всегда может вернуться». Вы понимаете, что это значит?

— Конечно. — Если он ожидал, что я пущусь в подробности, то был разочарован. Я повесил трубку.

Пошел к Биллу. Он спал спокойнее. Я сел и смотрел на него. Через полчаса он стал дышать совсем ровно, лицо его приобрело мирное выражение. Я дал ему еще час, потом разбудил.

— Пора вставать, Билл.

Он сел и непонимающим взглядом посмотрел на меня. Осмотрелся, подошел к окну. Постоял так с минуту, потом повернулся ко мне.

— Боже, Алан! Тень исчезла!

ИСЧЕЗНУВШИЕ НИЩИЕ

Я ожидал результата, но не такого быстрого и полного. Так я получил новое и пугающее представление о силе Дахут, была ли эта сила внушением на расстоянии или колдовством. Такое внушение на расстоянии уже само по себе было бы колдовством. Но все-таки что-то несомненно произошло как результат моего послания, и по облегчению, которое испытал Билл, я понял, как трудно ему приходилось.

Он подозрительно посмотрел на меня. Спросил:

— Что ты сделал со мной, пока я спал?

— Ничего.

— А зачем тебе нужен был адрес де Кераделей?

— О, просто любопытство.

Он сказал:

— Ты лжец, Алан. Если бы я был в нормальном состоянии, я бы спросил до того, как сообщить тебе. Ты что-то предпринял. Что?

— Билл, — сказал я, — это глупо. Мы оба глупо себя вели в этой истории с тенями. Ты даже не можешь точно сказать, была ли у тебя тень.

Он угрюмо спросил:

— Неужели? — И я увидел, как он сжал кулаки.

Я бойко продолжал:

— Не можешь. Ты слишком много думал о Дике, и о бреде де Кераделя, и том, что я рассказывал тебе о гипнотическом эксперименте мадмуазель. Твое воображение слишком ожило. Я же возвращаюсь к здравому скептическому чисто научному подходу. Никакой тени не было. Мадмуазель очень сильный гипнотизер, и мы позволили ей играть нами, вот и все.

Он некоторое время смотрел на меня.

— Тебе никогда не удавалось солгать, Алан.

Я рассмеялся. И ответил:

— Билл, скажу тебе правду. Пока ты спал, я испробовал контрвнушение. Посылал тебя все глубже и глубже, пока не добрался до тени — и не уничтожил ее. Убедил твое подсознание, что больше никогда ты не увидишь тень. И ты не увидишь.

Он медленно сказал:

— Ты забыл, я испробовал это на Дике. Не подействовало.

— А на тебя подействовало.

Надеюсь, он мне поверил. Это помогло бы увеличить его сопротивляемость, если бы мадмуазель снова попробовала на нем свои трюки. Но на это я не слишком надеялся. Билл сам психиатр, он лучше меня знает странности и отклонения в работе человеческого мозга. И если он не сумел убедить себя в том, что его тень — галлюцинация, то сумею ли это сделать я?

Минуту или две Билл сидел молча, потом вздохнул и покачал головой.

— И это все, что ты мне скажешь, Алан?

— Все, что могу тебе сказать, Билл. Больше говорить нечего.

Он снова вздохнул и посмотрел на часы.

— Боже, уже семь часов!

Я спросил:

— Не останешься ли обедать? Или ты вечером занят?

Лицо Билла прояснилось.

— Я не занят. Но нужно позвонить Лоуэллу. — И он взял трубку.

Я сказал:

— Минутку. Ты рассказал Лоуэллу о моем свидании с мадмуазель?

— Да. Ты ведь не против? Я думал, это поможет.

— Я рад, что ты это сделал. А Элен сказал?

Он колебался.

— Ну, не все.

Я весело заметил:

— Отлично. Она знает то, что ты рассказал. Это сбережет мне время. Звони.

Я спустился, чтобы заказать обед. Решил, что нам обоим не помешает что-нибудь особое. Когда я вернулся, Билл был очень возбужден. Он сказал:

— Вечером придет с докладом Мак-Канн. Он что-то узнал. Будет у Лоуэлла в девять.

— Пообедаем и пойдем, — сказал я. — Мне хочется увидеть Мак-Канна.

Мы пообедали. И в девять были у Лоуэлла. Элен не было. Она не знала, что я приду. И Лоуэлл ей не сказал о Мак-Канне. Она пошла в театр. Я был рад этому и в то же время расстроен. Через несколько минут пришел Мак-Канн.

Он мне сразу понравился. Долговязый техасец, с настоящим техасским акцентом. Доверенный телохранитель и порученец предводителя подпольного мира Рикори. Прежде был ковбоем. Преданный, изобретательный и абсолютно бесстрашный. Я много слышал о нем, когда Билл пересказывал историю невероятных приключений Лоуэлла и Рикори с кукольницей мадам Мэндилип, любовником которой некогда был де Керадель. У меня сложилось впечатление, что то же самое чувство Мак-Канн испытывает по отношению ко мне. Бриггс принес кувшин и стаканы. Лоуэлл закрыл дверь. Мы вчетвером сели за стол. Мак-Канн сказал Лоуэллу:

— Ну, док, кажется, нам предстоит еще раз загонять скот, как в прошлый раз. Может, даже похуже. Хотел бы я, чтобы босс был здесь.

Лоуэлл объяснил мне:

— Мак-Канн имеет в виду Рикори, он в Италии. Мне кажется, я вам говорил.

Я спросил Мак-Канна:

— Много ли вы знаете?

Ответил Лоуэлл:

— Он знает столько же, сколько я. Я ему полностью доверяю, доктор Каранак.

— Прекрасно, — сказал я.

Мак-Канн улыбнулся мне и сказал:

— Но босса здесь нет, поэтому, может, телеграфируете ему, что вам нужна помощь, док? Попросите его связаться с этими парнями, — он протянул Лоуэллу список, в котором было больше десяти имен, — и приказать им явиться ко мне и делать, что я скажу. И попросите побыстрее вернуться.

Лоуэлл неуверенно спросил:

— Вы думаете, это оправданно, Мак-Канн?

— Да. Я бы даже добавил в телеграмме, что это вопрос жизни и смерти и что ведьма, делавшая кукол, ребенок по сравнению с теми, с кем мы сейчас имеем дело. И послал бы телеграмму немедленно, док. Я ее тоже подпишу.

Лоуэлл снова спросил:

— Вы уверены, Мак-Канн?

— Босс нам понадобится. Говорю вам, док.

Билл писал. Он спросил:

— Как вам это? — и протянул написанное Мак-Канну. — Вставьте имена людей, которые вам нужны.

Мак-Канн прочел:

— «Рикори. Угроза кукольницы ожила в более опасной форме. Срочно необходима ваша помощь. Прошу вас немедленно вернуться. Тем временем телеграфируйте... таким-то... немедленно связаться с Мак-Канном и безусловно выполнять его приказы. Телеграфируйте, когда вас можно ожидать».

— Хорошо, — сказал Мак-Канн. — Полагаю, босс прочтет между строк и без упоминания жизни и смерти.

Он вписал отсутствующие имена и протянул листок Лоуэллу.

— Я отправил бы немедленно, док.

Лоуэлл кивнул и написал адрес, Билл напечатал телеграмму на машинке. Лоуэлл открыл дверь и позвал Бриггса. Бриггс пришел, и послание Рикори отправилось в путь.

— Надеюсь, он быстро его получит и приедет, — сказал Мак-Канн и налил себе большую порцию виски. — А теперь, — сказал он, — начну с самого начала. Прошу дать мне возможность рассказать все по-своему, а если у вас будут вопросы, задавайте, когда я кончу.

* * *

— После того как вы мне все объяснили, я направился в Род-Айленд. Действовал без точных сведений, поэтому прихватил с собой толстую пачку чеков. По большей части фальшивых, но производят впечатление. И я не собирался покупать скот, просто показывать. По карте приметил деревушку, называется Беверли. На карте это самый близкий поселок к ранчо де Кераделя. Дальше либо пустынная местность, либо большие поместья. Поехал туда в машине. Добрался уже в темноте.

Красивая деревушка, старомодная, одна улица ведет к воде, несколько магазинчиков, кино. Увидел дом с надписью «Беверли-Хаус» и решил, что там можно переночевать. Де Кераделю и его девчонке нужно проезжать через эту деревушку, чтобы добраться до своего ранчо, и, может, они тут что-нибудь покупали. В любом случае должны быть разговоры, и тип, который владеет этим «Беверли-Хаусом», их слышал.

Там за прилавком я увидел старика, похожего на помесь козла с вопросительным знаком, и сказал ему, что хочу переночевать и, может, задержусь на день-два. Он спросил, не турист ли я, я ответил — нет, поколебался и добавил, что у меня тут дело. Он навострил уши, а я

сказал, что у нас принято делать ставки перед игрой, и вытащил пачку чеков. Он прямо замахал ушами, а когда я договорился с ним о плате, он меня зауважал.

Я пообедал, и когда уже кончал, старик пришел и спросил, как мне все, и я сказал «отлично» и «садитесь». Он присел. Мы поговорили о том, о сем, потом он стал расспрашивать о моем деле, и мы с ним выпили неплохого яблочного бренди. Я стал доверчив и рассказал ему, что выращивал в Техасе коров и разбогател на этом. Сказал, что мой дед как раз из этих мест и мне хочется сюда переселиться.

Он спросил, как звали моего деда, и я сказал — «Партингтон», и добавил, что хотел купить наш старый дом, но слишком поздно узнал, что он продавался, и какой-то француз, по имени де Керадель, купил его вместе с землей. Но, может, сказал я, мне удастся купить место поблизости, или, может, француз продаст мне часть земли. А потом я подожду, может, французу тут надоест, и я куплю старый дом по дешевке.

Билл объяснил мне:

— Дом, который купил де Керадель, много поколений принадлежал семье Партингтонов. Последний из них умер четыре года назад. Я все это сообщил Мак-Канну. Продолжайте, Мак-Канн.

— Он слушал меня со странным выражением лица, будто испугался, — сказал Мак-Канн. — Потом предположил, что мой дед, должно быть, Эбен Партингтон, который после Гражданской войны уехал на запад, и я сказал, что, наверно, так и есть, потому что папу тоже звали Эбен и он никогда не говорил о своей семье, как будто злился на родственников, поэтому я и захотел купить старый дом. Я сказал, что это рассердило бы духи тех, кто выпнул моего дедушку.

Ну, это был выстрел вслепую, но он попал в цель. Старый козел стал разговорчивей. Он сказал, что я настоящий внук Эбена, потому что Партингтоны никогда не забывали обид. Потом сказал, что вряд ли я смогу купить старый дом, потому что француз потратил на него массу денег, но тут поблизости он знает одно место, которое я могу купить, и очень дешево. Он еще сказал, что и землю у француза я не смогу купить, а если бы и смог, то мне бы она не понравилась. И все смотрел на меня, будто не мог решить, говорить дальше или нет.

Я сказал, что все-таки хочу сначала попробовать старый дом, потому что слышал, что для востока он очень хорош, и земли много, хотя для запада это, конечно, мало. И спросил, а что там сделал француз. Ну, старый козел принес карту и показал мне окрестности. Большой кусок земли выходит прямо в океан. Узкий перешеек, примерно в тысячу футов, соединяет его с материком. За этим перешейком земля расширяется веером, там примерно две-три тысячи акров.

Он сказал, что француз построил на перешейке стену высотой в

двадцать футов. В середине ворота. Но через них никто не проходит. Все, что приходит из деревни, включая почту, забирают охранники. Иностранцы, он сказал, странные, смуглые, маленькие люди, у которых всегда наготове деньги и которые всегда молчат. Сказал, что много привозят в лодке. Там есть ферма и много скота: коровы, овцы, лошади, свора больших собак. Он говорил: «Никто этих собак не видел, только один человек, и он...»

Тут он неожиданно замолк, как будто сказал слишком много, и на лице у него появилось испуганное выражение. Поэтому я запомнил его слова и отложил расспросы на потом.

Я спросил, был ли кто-нибудь внутри и как там все выглядит, и он сказал: «Никто, кроме человека, который...»

Тут он снова замолк, и я решил, что он говорит о том же человеке, который видел собак. И мне становилось все интереснее.

Я сказал, что ведь кто-нибудь может незаметно подобраться со стороны океана и посмотреть. И никто не увидит. Но он ответил, что там всюду скалы, и только в трех местах можно причалить на лодке, и все эти три места, как и ворота, охраняются. Он посмотрел на меня подозрительно, и я сказал: «О, да, я помню, папа мне про это рассказывал». И побоялся дальше его расспрашивать.

Я спросил, какие еще изменения внесены, и он ответил, что появился большой сад с камнями. Я заметил, что никто не делает сад с декоративными камнями там, где и так хватает камней. Он выпил еще и заявил, что это совсем другой сад, и вообще не сад, а, может, кладбище, — и на лице у него опять появилось то же странное испуганное выражение.

Мы еще выпили, и он сказал, что его зовут Эфраим Хопкинс, и рассказал, что примерно через месяц после того, как тут поселился француз, рыбаки возвращались с моря, и у них как раз напротив этого места вышел из строя мотор. А в это время подошла яхта француза, и из нее на причал вышло много людей. Рыбаки плыли на веслах, и пока они шли мимо, высадилось не менее ста человек.

Ну, потом он рассказал, что еще примерно через месяц житель Беверли по имени Джим Тейлор ехал ночью домой, и фары осветили на дороге парня. Парень заорал, увидев огни, и пытался убежать, но упал. Тейлор вышел посмотреть, что с ним. На парне было только белье и сумка на шее. И он был без сознания.

Тейлор подобрал его и привез в «Беверли-Хаус». В него влили алкоголь, и он пришел в себя. Оказался итальянцем, по-английски почти не говорил и был испуган до смерти. Хотел получить одежду и убраться. Открыл сумку и показал деньги. Оказывается, он сбежал из этого дома де Кераделя. Добрался до воды и плыл, пока не решил, что вышел за стену, потом выбрался на берег. Сказал, он каменщик, один из той группы, что приплыла на яхте. Сказал, что они устраивают

каменный сад, высекают камни и ставят их стоймя, как большие могильные плиты, ставят кольцами, а внутри строят каменный дом. Сказал, эти камни двадцати-тридцати футов высотой...

* * *

Я почувствовал, будто ледяная рука коснулась моих волос. И сказал:

— Повторите, Мак-Канн.

Он терпеливо сказал:

— Лучше я продолжу по-своему, док.

Билл заметил:

— Я знаю, о чем ты думаешь, Алан. Но пусть Мак-Канн продолжает.

Мак-Канн продолжал:

— Итальянец не говорил, что его напугало. Просто начинал что-то бормотать, дрожал и крестился. Понятно было, что он считает дом в центре камней проклятым. Ему дали еще выпить, и он сказал, что дьявол там берет свое. Сказал, что из более чем сотни приехавших с ним людей половина погибла под упавшими камнями. Сказал, что никто не знает, куда дели их тела. Сказал, что рабочих набирали из разных отдаленных поселков, и никто из них не знает друг друга. Сказал, что после него прибыло еще больше пятидесяти. Сказал, что нанимали только людей без семьи.

И потом он вдруг неожиданно закричал, закрыл голову руками и выбежал, и никто не успел его задержать. А два дня спустя, сказал старик, его выбросило море на берег примерно в миле отсюда.

Итальянца похоронили и из его денег заплатили налоги за бедную ферму. Об этой бедной ферме я расскажу позже.

И тут, похоже, старому козлу пришло в голову, что то, что он мне рассказывает, не поможет продать мне то, что он хотел бы продать. Он замолчал, стал махать своей бороденкой и поглядывать на меня. И я тогда сказал, что каждое его слово делает покупку для меня все более интересной. Сказал, что для меня нет ничего лучше хорошей таинственной истории, и чем больше я его слушаю, тем больше хочется мне поселиться здесь поблизости. Мы еще выпили, и я попросил его, если он еще что-нибудь узнает, рассказать мне. А я ему заплачу. И еще, что завтра мы с ним отправимся смотреть то место, о котором он говорит. Я решил, что надо дать ему все это усвоить, поэтому мы еще выпили, и я отправился спать. И заметил, уходя, что он очень странно смотрит мне вслед.

* * *

Мак-Канн продолжал:

— Следующий день — была среда — оказался ярким и светлым.

Мы сели в его машину и поехали. Немного погодя он стал рассказывать о том типе, что видел собак. Назвал его Лайас Бартон. Сказал, что Лайас любопытнее десятка старых дев, которые подглядывают в окошко за молодоженами. У Лайаса любопытство как болезнь. Сказал, что тот вытащил бы пробку из ада, чтобы поглядеть, даже если бы знал, что ад выплеснется ему в лицо. Так вот, Лайас все думал и думал об этой стене и о том, что за ней. Он много раз бывал в поместье Партингтонов и все там знал, но эта стена все равно что жена, которая вдруг закрыла лицо вуалью. Он знает, что увидит то же самое лицо, но не может не сорвать вуаль. И вот по этой самой причине Лайас должен был заглянуть за стену.

Он знал, что днем такой возможности нет, но все там обошел, обполз и наконец нашел одно место у самой воды. Эф говорит, что стена с обеих сторон кончается скалой, она в нее встроена, но к ней можно подойти со стороны воды. Лайас решил, что он сможет со стороны воды подобраться к стене и перелезть через нее. Выбрал ночь, когда луна полная, но тучи часто закрывают ее. Взял в лодку легкую лестницу и поплыл. Причалил, приставил лестницу и, когда тучи закрыли луну, поднялся на стену. И вот он наверху. Втащил туда лестницу и лег, чтобы осмотреться. У него была мысль поставить лестницу по другую сторону, спуститься и отправиться на разведку. Он подождал, пока выйдет луна, и увидел перед собой широкий луг, усеянный большими кустами. Потом дождался, пока луна снова скрылась, поставил лестницу и начал спускаться...

И вот в этом месте старый Эф замолчал, подвел машину к обочине и остановился. Я спросил: «Ну, а дальше что?»

Эф ответил: «Мы его нашли утром у гавани, он греб, как сумасшедший, и кричал: «Уберите их от меня! Уберите их от меня!» Когда он немного успокоился, то рассказал то, что я рассказал вам».

— А потом, — продолжал Мак-Канн, — а потом, — он налил себе и выпил, — потом старый козел показал, что он прекрасный актер или отъявленный лжец. Он сказал: «И тут Лайас сделал так», — глаза у Эфа закатились, лицо задергалось, и он заскулил: — «Как они пищат! Пищат, как птицы! Как они бегут! О боже, они в кустах! Прячутся и пищат! Боже, они похожи на людей, но это не люди. Как они бегут и прячутся!.. Но что это? Похоже на лошадь... большая лошадь... скачет... скачет... Смотрите на нее... как летят ее волосы!.. посмотрите на эти голубые глаза на белом лице!.. И на лошадь... большую черную лошадь... Смотрите, как они бегут... и как пищат... Слышите, как они пищат, как птицы! В кустах... перебегают от куста к кусту... Смотрите на собак!.. это не собаки... Уберите их от меня! Уберите их от меня! Собаки ада... Боже... уберите их от меня!»

Мак-Канн помолчал.

— У меня мурашки поползли по коже. И сейчас ползут, когда я вам рассказываю.

Тут Эф включил мотор, и мы поехали дальше. Я спросил его: «А потом что?» Он ответил: «Все. Все, что мы смогли у него выудить. И с тех пор он ничего не говорит. Может, упал со стены и ударился головой. Может, так, а может, нет. Во всяком случае Лайас больше не любопытен. Ходит по деревне один, с широко раскрытыми глазами. Вспугни его, и он начнет то, что я показал, только получше». — И он посмеялся.

Я сказал: «Но если то, что похоже на человека, не человек, и то, что похоже на собак, не собаки, то что это?»

Он ответил: «Вы знаете столько же, сколько я».

Я сказал: «Но вы хоть представляете, кто эта девчонка на большой черной лошади?»

Он ответил: «Она, да. Девчонка француза».

* * *

Снова ледяная рука коснулась моих волос, мысли заметались... Дахут на черном жеребце... охотится... на кого? И стоящие камни, и люди, гибнущие под ними... все, как в старину... в старом Карнаке...

Мак-Канн продолжал свой рассказ.

— Мы поехали дальше, и я видел, что старый козел очень возбужден, он все время жевал свои усы. Наконец мы приехали в место, о котором он говорил. Осмотрелись. Хорошее место. Похоже на такое, которое я хотел бы купить, как я ему рассказывал. Старый каменный дом, много комнат — для востока. Меблированные. Мы немного побродили вокруг и скоро увидели стену. Все, как сказал старый козел. Нужна артиллерия или тротил, чтобы пробить ее. Эф бормотал, чтобы я не особенно на нее смотрел. Большие ворота поперек дороги, похожи на стальные. И хоть мы никого не видели, мне показалось, что за нами все время следят.

Мы походили тут и там, потом вернулись к дому. И тут старый козел беспокойно спросил меня, что я думаю, и я сказал, что все в порядке, если цена устроит, и какая же цена. И он назвал сумму, от которой я замигал. Не потому, что велика, наоборот. И тут у меня появилась мысль. Я сказал, что хочу посмотреть еще несколько домов. Мы еще там походили, а мысль не выходила у меня из головы.

Было уже поздно, когда мы вернулись в деревню. На пути назад остановились поговорить с одним человеком. Он сказал: «Эф, еще четверо исчезли из бедной фермы».

Старый козел заерзал и спросил, когда. Тот ответил, что прошлой ночью. Сказал, что управляющий хочет позвонить в полицию. Эф как будто что-то стал подсчитывать и сказал, что всего уже около пятидесяти. Тот сказал — да. Они покачали головами, и мы поехали дальше.

Я спросил, что это за бедная ферма, он ответил, что это в десяти милях, там живут нищие, и вот последние три месяца они стали исчезать. И у него появилось то же испуганное выражение, и он заговорил о другом.

Ну, мы вернулись в «Беверли-Хаус». Там было много местных жителей, и они отнеслись ко мне с почтением. Видимо, Эф сказал им, кто я такой, и это было что-то вроде комитета по встрече.

Один из них встал и сказал — хорошо, что я вернулся, но надо было мне вернуться раньше. Они уже знали об исчезнувших нищих, и им это не понравилось.

Я поужинал, вышел, людей прибавилось. Они будто собирались вместе, чтобы не так бояться. А моя мысль становилась все настойчивее. А мысль заключалась вот в чем. Я ошибался, думая, что Эф заботится только о выгоде. Мне показалось, что они все страшно напуганы и, может, решили, что я тот самый человек, который может им помочь.

Наверно, Партингтоны там были большими шишками, и вот я, один из них, возвращаюсь. Можно сказать, послало само небо, как раз вовремя. Я сидел, прислушивался, и все разговоры крутились вокруг бедной фермы и француза.

Около девяти пришел еще один. Сказал: «Нашли двух исчезнувших нищих».

Все подошли ближе, и Эф спросил: «Где?»

И тот ответил: «Билл Джонсон приплыл вечером. Увидел за кормой двух утопленников. Подцепил их. На пристани они со стариком Си Джеймсоном рассмотрели их. Говорит, что он их знает. Сэм и Мэтти Вилан, которые уже три года жили на ферме. Так и лежат на пристани. Наверно, упали в воду, ударились о камни и утонули». — «Как это ударились о камни?» — спросил Эф. И тот ответил, что у них в груди ни одной целой кости. Ребра все разбиты, словно их много дней колотило о скалы. Как будто их к ним привязали. Даже сердца раздавлены...

* * *

Я почувствовал тошноту и гнев; услышал внутри себя голос: «Так было в старину... так убивали твой народ... давным-давно...» Тут я понял, что вскочил на ноги, и Билл удерживает меня за руки. Мак-Канн тоже вскочил, но на лице его не было удивления, и я подумал, что он не все нам рассказал.

Я сказал:

— Все в порядке, Билл. Простите, Мак-Канн.

Мак-Канн мягко ответил:

— Ладно, доктор, у вас свои причины. Ну, вот, тут в комнату вошел долговязый парень с пустыми глазами и расслабленным ртом.

Никто не произнес ни слова, все только смотрели на него. Он подошел ко мне и стал смотреть. Потом задрожал и прошептал: «Она опять скачет. Скачет на черной лошади. Прошлой ночью скакала, и волосы развевались за ней, и собаки бежали у ее ног...»

Тут он испустил пронзительный крик и стал подпрыгивать, как игрушка на резинке, и кричать: «Это не собаки! Не собаки! Уберите их от меня! Боже... уберите их от меня!»

И все вокруг стали его успокаивать: «Успокойся, Лайас, успокойся». И увели его, а он продолжал кричать. Оставшиеся молчали. Смотрели на меня серьезно, выпивали, потом уходили. Я... — Мак-Канн заколебался, — я был потрясен. Если бы я был старым козлом, я бы показал вам, как кричал Лайас.

Как будто дьяволы ухватили щипцами его душу и вытаскивают, как гнилой зуб. Я выпил еще и пошел спать. Старый Эф остановил меня. Он был бледен, и борода у него дрожала. Принес еще кувшин и сказал: «Задержитесь немного, мистер Партингтон. Нам показалось, что вы согласны поселиться тут. Если вам не подходит цена, назовите вашу. Мы договоримся».

К этому времени не нужно было быть гением, чтобы понять, что вся деревня напугана до смерти. И по тому, что я слышал и видел, я их винить не мог. Я сказал Эфу: «Эти нищие. Как вы думаете, куда они исчезают? Кто их забирает?»

Он огляделся, прежде чем ответить, потом прошептал: «Де Керадель». — «Зачем?» — Он опять шепотом: «Для своего каменного сада».

Раньше я бы над этим посмеялся. Но тут мне смеяться не хотелось. И я сказал ему, что место мне нравится, но завтра я вернусь в Нью-Йорк и подумаю, а тем временем почему бы им не заявить в полицию? Он ответил, что деревенский полисмен испуган так же, как и все остальные, и он уже говорил с офицерами, но те решили, что он спятил. На следующее утро я расплатился и обещал через день-два вернуться. Небольшая делегация явилась попрощаться со мной и уговаривала вернуться.

Интересно было бы взглянуть на это место за стеной и особенно на то, что Эф назвал каменным садом. У меня в Провиденсе друг, у него есть гидросамолет. Я поехал к нему и договорился, что вечером полетим над поместьем Кераделя. Полетим над берегом. Ночь была лунная, и мы вылетели в десять. Когда подлетали, я достал бинокль. Все вокруг было ясно, но над этим местом поднялся туман. Быстро поднялся, будто хотел обогнать нас.

У причала, в глубокой бухте, стояла большая яхта. Она направила на нас прожектор. Не знаю, то ли хотела ослепить, то ли выяснить, кто мы и откуда. Я попросил лететь к дому, и мы ушли от прожектора. Я поднял бинокль и увидел длинный старинный каменный

дом, полускрытый холмом. И еще увидел кое-что, от чего поползли мурашки... как от воплей Лайаса. Не знаю, почему. Много больших камней, расположенных кругами, и большая груда камней в середине. Туман вился вокруг, как змеи, и среди камней поблескивали огоньки... серые огоньки... какие-то отвратительные...

Мак-Канн смолк, дрожащей рукой поднес ко рту бокал и выпил.

— Гнилые огни. Как будто... разлагаются... И на груде камней сидело что-то черное... бесформенное... тень какая-то. Эта тень дрожала, колебалась... а камни будто старались стащить нас вниз, к этой черной тени...

Он поставил бокал, и рука у него все еще дрожала.

— И тут мы пролетели. Я оглянулся, но все закрыл туман.

Он сказал Лоуэллу:

— Говорю вам, док, что с ведьмой Мэндилип я никогда не чувствовал себя так отвратительно, как над этим местом. Мэндилип была связана с адом, верно. Но это место — само по себе ад, говорю вам!

ДАХУТ ПРИСЫЛАЕТ ВЫЗОВ

— Вот и все. — Мак-Канн зажег сигарету и посмотрел на меня. — Мне кажется, что для доктора Каранака мой рассказ имеет больше смысла, чем для меня. Я... я просто знаю, что тут черное зло. А он, может, знает, насколько черное. Например, док, почему вы вздрогнули, когда я рассказал о двух нищих?

Я сказал:

— Доктор Лоуэлл, если не возражаете, я хотел бы поговорить наедине с Биллом. Мак-Канн, заранее прошу прощения. Билл, идем в уголок. Хочу с тобой пошептаться.

Мы с Биллом отошли так, чтобы нас не могли услышать, и я спросил:

— Много ли знает Мак-Канн?

Билл ответил:

— Все, что мы знаем о Дике. Он знает, что де Керадель был связан с кукольницей. И ему этого хватило.

— Знает ли он о моих встречах с мадмуазель?

— Ну, что ты. Мы с Лоуэллом решили, что тут слишком много интимного.

— Весьма деликатно с вашей стороны, — я с трудом сохранил серьезность. — Говорил ли ты кому-нибудь, кроме меня, об этой твоей воображаемой тени?

— Воображаемой? Какого дьявола!.. Нет, не говорил.

— Даже Элен?

— Да.

— Отлично, — сказал я. — Теперь я знаю, что сказать.

Я вернулся к столу, снова извинился перед Мак-Канном и сказал Лоуэллу:

— Помните, де Керадель говорил, что готовит некий эксперимент? Цель эксперимента — оживить бога или демона, которому поклонялись давным-давно. По рассказу Мак-Канна я могу заключить, что эксперимент зашел далеко. Он установил камни в порядке, предписанном древним ритуалом, и в середине соорудил Большую Пирамиду. Дом Черноты, Храм Собирателя. Алкар-Аз...

Лоуэлл оживленно прервал:

— Вы опознали это название? Я помню, когда вы впервые его упомянули, де Керадель пришел в ужас. А вы не ответили на его вопрос. Вы это сделали, чтобы спутать ему карты?

— Нет. До сих пор не знаю, как возникло в моем сознании это название. Может, от мадмуазель... как потом многое другое. А может, и нет. Если помните, мадмуазель предположила, что я... вспомнил. Тем не менее я знаю, что сооружение в центре монолитов — Алкар-Аз. И что это, как справедливо заметил Мак-Канн, черное зло.

Мак-Канн спросил:

— Но двое нищих, док?

— Может, действительно их било волнами о скалы. Но в древнем Карнаке и в Стоунхендже в старину друиды своими кувалдами разбивали ребра и превращали сердца жертв в месиво.

Мак-Канн негромко сказал:

— О боже!

Я продолжал:

— Пытавшийся сбежать каменщик рассказал о людях, которые гибли под камнями, и тела их исчезали. Недавно при исследованиях в Стоунхендже под многими камнями найдены остатки человеческих скелетов. Когда устанавливали монолиты, эти люди были живы. Такие же останки и под стоячими камнями древнего Карнака. В древности под стенами городов замуровывали мужчин, женщин, детей. Иногда их предварительно убивали, а иногда замуровывали живьем. Основания храмов покоятся на таких жертвах. Мужчины, женщины, дети... их души навсегда прикованы там... они охраняют. Так верили древние. Даже сейчас есть суеверие, что только тот мост будет прочен, при строительстве которого погиб хотя бы один человек. Надо покопаться у камней... сада де Кераделя. Бьюсь об заклад, что там найдутся тела исчезнувших работников.

Мак-Канн сказал:

— Бедная ферма у самой воды. Оттуда легко увозить людей на лодке.

Лоуэлл резко возразил:

— Ерунда, Мак-Канн. Как можно их захватить тайно? Вы ведь не считаете, что де Керадель подплывает, загоняет на борт нищих, уплывает, и ни один человек этого не видит?

Мак-Канн успокаивающе ответил:

— Ну, док, это не так уж трудно. Я видел, как бегут из тюрем. Охрану всегда можно снять.

Я сказал:

— Есть другие пути. Они могли добровольно уйти втайне. Кто знает, что пообещал им де Керадель, если они уходили именно к нему?

Лоуэлл заметил:

— Но как он мог подобраться к ним? Как установил контакт?

Билл негромко ответил:

— При помощи теней Дахут!

Лоуэлл сердито отодвинул свой стул.

— Вздор! Допускаю, что внушение могло подействовать в случае с Ральстоном. Но допустить, что в коллективную галлюцинацию вовлекаются полсотни участников... вздор!

— Ну, во всяком случае, они исчезли, — протянул Мак-Канн.

Я сказал:

— Де Керадель — энтузиаст, и очень большой. Подобно Наполеону, он знает, что нельзя изготовить омлет, не разбив яйца; нельзя иметь мясо без скота, нельзя принести человеческие жертвоприношения без людей. Как он подбирает рабочих? Его агенты отыскивают людей без семьи, о таких никто не побеспокоится после исчезновения. И они из разных, удаленных друг от друга мест, не знают друг друга. Зачем? Чтобы уменьшить риск при розыске. А что происходит с ними после окончания работ? Кто знает? И кого это интересует?

Позволят ли им уйти после окончания работ? Сомневаюсь. Иначе к чему все эти странные предосторожности? И опять — кто знает и кого это интересует?

Билл сказал:

— Ты хочешь сказать, что он использует их для...

Я прервал его:

— Для своего эксперимента, конечно. Или, как отметил старый козел Мак-Канна, для своего каменного сада. Они подопытные кролики. Но запас кроликов подходит к концу. По какой-то причине он не хочет или не может добывать их прежним способом. Но они ему нужны. Для такого эксперимента нужны толпы. Где он может найти их с минимальным риском? Не крадя людей поблизости. Шум бы поднялся. И не из тюрьмы: каждый исчезнувший из тюрьмы человек вызвал бы еще больший шум. К тому же ему нужны не только мужчины, но и женщины. А кого не заметят в этом мире? Нищего. А тут поблизости источник. И вот нищие начинают исчезать.

Мак-Канн сказал:

— Похоже на правду. Но как же собаки, которые не собаки? Их видел спятивший Лайас.

Я вспомнил:

...На черном жеребце своем
Со сворой призрачной у ног...

и ответил:

— Ваши догадки не хуже моих, Мак-Канн. А что вы собираетесь делать с этими вашими людьми, если Рикори отдаст их в ваше распоряжение? У вас есть план?

Он уселся поудобнее.

— Ну, вот как. Если босс передаст их мне, значит, он сам собирается вернуться. А когда босс принимает решение, он действует быстро. Эти парни, которых я назвал, не боятся ни ада, ни его чертей. Все владеют оружием, но не отбросы какие-нибудь, хорошо выглядят, нормально себя ведут... почти всегда. Теперь вот к чему я веду. Если де Кераделъ действительно занят тем, о чем мы говорим, рано или поздно произойдет что-нибудь, что даст к нему доступ. Мне кажется, что эти двое нищих, которых он бросил в воду, — это ошибка. Он не хочет ничего заметного, ничего подозрительного. Но, может, он и другие ошибки допустит. А мы будем тут как тут.

Жители Беверли рады видеть меня. Пойду с двумя парнями к Эфу и скажу, что хотел бы попробовать пожить в доме, который они предлагают мне купить. За день-два подтянутся остальные. Приедут порыбачить с Мак-Канном на досуге. Будем рыбачить, будем бродить по окрестностям. К тому времени, как появится босс, мы все там будем знать. Ну, а уж там он скажет нам, что делать.

Доктор Лоуэлл сказал:

— Мак-Канн, все это будет стоить денег. Я не соглашусь, если вы не позволите мне оплатить расходы.

Мак-Канн улыбнулся.

— Не беспокойтесь об этом, док. Дом нам ничего не будет стоить. Об этом позаботятся Эф и его друзья. А что касается парней... ну, я тут по поручению босса кое-чем занимался, и у меня много денег. Да и босс за все заплатит. Ну, и еще... — в глазах Мак-Канна блеснула алчность, — по тому, что говорили вы и доктор Беннет, в доме де Кераделя может ждать неплохая добыча.

Шокированный Лоуэлл воскликнул:

— Мак-Канн!

Я рассмеялся, посмотрел на Мак-Канна. И у меня появилась беспокойная мысль, что он, может быть, не такой уж незаинтересованный человек. Кажется прямым и откровенным, его рассказ подкрепляет все наши подозрения, но не слишком ли все кстати? Он и Рикори — гангстеры и рэкетиры, они действуют жестоко, нарушая законы.

Я не сомневался, что в основном его рассказ правдив, что он дей-

ствительно обнаружил деревню, полную страха и слухов. Но, может, это всего лишь слухи в маленькой общине, жители которой негодуют из-за того, что им теперь воспрещен доступ туда, куда они свободно проходили на протяжении многих поколений? Во многих местах Новой Англии соседи посчитают оскорблением, если вы на ночь задернете занавески на окнах. Если ничего плохого не делаете, зачем закрываться от соседей? Может, те же самые соображения лежат в основе беспокойства в Беверли? Все, что может происходить за стеной де Кераделя, нарисовано их воображением. И постепенно слухи будут становиться все более дикими.

Разбойнику нетрудно воспользоваться такой ситуацией; привести с собой банду, поселиться в заброшенном доме по соседству с имением де Кераделя. Потом, под каким-нибудь вымышленным предлогом, а может, и без него, утверждая, что нужно избавить жителей деревни от страха, опираясь на поддержку суеверных жителей, ночью преодолеть стену, ворваться в дом и ограбить его. Охранников можно перебить, и никто не вмешается. Может, у Мак-Канна есть информация о деньгах Ральстона и других.

Может, он уже известил Рикори о такой возможности, и посланная Лоуэллом телеграмма — только для отвода глаз.

Эти мысли промелькнули у меня в одно мгновение. Я сказал:

— Звучит прекрасно. Но нужно, чтобы кто-нибудь находился в самом доме и мог с вами связаться.

Мак-Канн категорически ответил:

— Это сделать невозможно.

— Ошибаетесь. Я знаю человека, который может это сделать.

Он улыбнулся.

— Неужели? И кто же это?

— Я.

Лоуэлл склонился вперед, недоверчиво глядя на меня. Билл побледнел, и на лбу у него выступил пот. Мак-Канн перестал улыбаться. Он спросил:

— Как вы собираетесь попасть туда?

— Через парадный вход, Мак-Канн. В сущности у меня уже есть приглашение от мадмуазель де Керадель. Я его принял. Боюсь, я забыл сказать тебе об этом, Билл.

Билл мрачно ответил:

— Боюсь, что так. Вот зачем тебе нужен был адрес де Кераделя? И вот что ты делал, пока я спал... и вот почему...

Я легко заметил:

— Не имею ни малейшего представления, о чем это ты толкуешь, Билл. Мадмуазель — очень привлекательная женщина. Просто приглашение пришло, когда ты спал, и я его тут же принял. Вот и все.

Он задумчиво сказал:

— И немедленно...

Я торопливо прервал его:

— Ничего подобного, Билл. Забудь об этом. Вот как я оцениваю ситуацию...

* * *

Мак-Канн прервал меня, глаза его сузились, лицо посуровело.

— Похоже, доктор Каранак, вы знаете эту девчонку де Керадель лучше, чем я думал. И многое другое тоже знаете.

Я весело ответил:

— Очень многое, Мак-Канн. Как хотите. Ваша банда будет за стеной. А я внутри. Если хотите сотрудничать со мной, прекрасно. Не хотите, попробую поиграть один. Чего вы опасаетесь?

Он вспыхнул, руки его быстрым движением устремились вниз, к бокам. Он протянул:

— Я ничего не опасаюсь... просто хочу получше знать тех, с кем приходится работать.

Я рассмеялся:

— Можете мне поверить, Мак-Канн, я не собираюсь вас предавать. Но больше ничего не скажу.

Билл, по-прежнему в поту, сказал:

— Я тебе это не позволю, Алан.

Я сказал:

— Слушайте. Либо де Керадель и мадмуазель довели до самоубийства Дика и остальных, либо нет. Если они это сделали, то при помощи каких-то темных знаний или гипнотическим внушением. В любом случае никакого доказательства, которое принял бы во внимание суд, нет. Но если де Керадель действительно проводит дьявольский эксперимент, на который намекнул, и если он приманивает, похищает или каким-либо другим образом добывает людей для человеческих жертвоприношений, в таком случае доказательства раздобыть можно и можно обвинить его в убийствах. И соответственно подвесить с петлей на шее. А также, — я поморщился при этой мысли, — и мадмуазель.

Но единственное место, где можно раздобыть доказательства, это Род-Айленд. План Мак-Канна хорош, но ведь он будет находиться за стеной и у него будет меньше возможностей для наблюдения. Так случилось, что я не только единственный имею доступ внутрь, я еще подготовлен для отправления туда... — При этом я не смог сдержать обращенной к Биллу сардонической улыбки. — К тому же, Билл, если меня ждет опасность, то я убежден: она меньше, если я приму приглашение мадмуазель, чем если не приму.

Я подумал, что это истинная правда. Повинуясь призыву Дахут, я, вероятно, навсегда потеряю Элен. Если не повинуюсь — тоже ее по-

теряю. И мне не нравилась мысль о том, что может при этом случиться с нею и с Биллом. В моем мозгу боролись неверие и абсолютная убежденность в нечестивой власти мадмуазель. И я в одно и то же время и верил, и не верил.

Билл сказал:

— Тебе никогда не удавалось солгать, Алан.

Мак-Канн протянул руку.

— Ну, ладно, док. Простите, что не так сказал. Ничего больше можете мне не говорить. И больше говорить не будем, потому что я хочу, чтобы доктор Беннет в этом не участвовал.

Билл горячо сказал:

— Не участвовал? К дьяволу! Я отправлюсь с Мак-Канном.

— Я знаю, о чем говорю, — сказал я. — Я буду играть с Мак-Канном. И с Рикори, если он появится. А ты в этом не участвуешь, Билл. Я не хочу, чтобы ты даже разговаривал с Рикори. Пусть все объясняет доктор Лоуэлл.

Билл упрямо сказал:

— Я поеду.

— Ты думаешь, тупица, я о тебе забочусь? Об Элен.

Лицо его снова побелело, и на лбу выступили капли пота. Он медленно сказал:

— Вот оно что.

— Именно. Подумай об этом как следует. Нечего делать, Билл. Ты исключен.

Я повернулся к доктору Лоуэллу.

— У меня есть причины для того, чтобы говорить так. Надеюсь, вы меня поддержите. Думаю, для вас особой опасности нет. Но для Элен и Билла — очень опасно.

Лоуэлл серьезно ответил:

— Я понял, Алан. Я вас не подведу.

Я встал. Посмотрел на Билла и рассмеялся. Сказал:

— У тебя такой вид, будто твой лучший друг только что прошел в маленькую зеленую дверь, из которой никто не возвращается. Ничего подобного, Билл. Я собираюсь навестить очаровательную женщину и ее, может быть, слегка свихнувшегося, но тем не менее гениального отца. Меня ждет очень интересный вечер. А если папа слишком уж спятит, меня выручит Мак-Канн. Если ты мне понадобишься, я с тобой свяжусь. Существуют почта и телефон. Идемте, Мак-Канн.

Мы вчетвером спустились в холл.

Я сказал:

— Билл, ничего не говори Элен, пока я с тобой не свяжусь.

И в этот момент открылась дверь, и вошла Элен.

Глаза ее широко раскрылись, она выглядела расстроенной и сказала:

— Здравствуй, дорогой. Почему мне не сказали, что ты сегодня придешь? Я бы не уходила.

Она обняла меня за шею и поцеловала. Губы у нее мягкие и теплые, всю ее окружает аромат, не морского цветка, а цветка, растущего на земле.

— Я сам не знал, что приду.

— Ну, а сейчас иди обратно. Нам нужно о многом поговорить.

Я хотел побыть с Элен, но именно сегодня мне нельзя было с ней говорить. Я невольно попросил взглядом Мак-Канна о помощи.

Мак-Канн понял. Он сказал:

— Простите, мисс Элен, но мы должны немедленно уходить.

Элен взглянула на него.

— Здравствуйте, Мак-Канн. Я вас не заметила. А что вы собираетесь делать с этим человеком?

— Все, что прикажете, мисс Элен. — Мак-Канн улыбался, но мне показалось, что он говорит чистую правду: что бы ни приказала ему Элен, он все бы выполнил.

Билл сказал:

— Алан должен идти, Элен.

Она сняла шляпу и пригладила волосы. Спокойно спросила:

— Дело де Кераделей, Алан?

Я кивнул, и она слегка побледнела. Я сказал:

— Ничего особенно важного, но, честно, я не могу остаться. Увидимся завтра, Элен. Давай встретимся у Маргенса за ленчем. Потом побродим, поужинаем и отправимся на какой-нибудь спектакль. Я уже три года не был в театре.

Она одну-две минуты смотрела на меня, потом положила руки мне на плечи.

— Хорошо, Алан. Встретимся в два. Но приходи.

* * *

По дороге я поклялся себе, что что бы ни случилось, ад или наводнение, — я приду обязательно. И если Биллу придется несколько часов поразвлекать тень Дахут, что ж, он выдержит. В клубе мы с Мак-Канном выпили, и я рассказал ему кое-что еще. Я сказал, что и де Керадель, и его дочь спятили и что меня приглашают потому, что мадмуазель кажется, что несколько тысяч лет назад мы были любовниками. Он молча слушал.

Когда я кончил, он сказал:

— Эти тени, док. Вы думаете, они реальны?

Я ответил:

— Не знаю, как они могут быть реальны. Но те, кто их видит, так считают.

Он кивнул с отсутствующим видом.

— Ну, с ними нужно обращаться, как с реальными. Но как нажать на тень? Впрочем, за их действия отвечают реальные люди. Вот на них нажать всегда можно.

Потом добавил:

— Например, эта девчонка де Керадель. Что вы о ней думаете? Я слышал, она очень красива. Безопасно к ней отправляться?

После мимолетной вспышки гнева я холодно ответил:

— Когда мне понадобится охранник, Мак-Канн, я дам вам знать.

Он ответил так же холодно:

— Я ничего не имел в виду. Только... не хочу, чтобы пострадала мисс Элен.

Это меня задело. Я горячо начал:

— Если бы не мисс Элен... — и замолк.

Он наклонился ко мне, взгляд его стал менее жестким.

— Я так и думал. Вы боитесь за мисс Элен. Поэтому вы идете. Но, может, вы не тот способ защиты выбрали?

— А вы знаете лучший?

— Почему бы не отдать все мне в руки?

— Я знаю, против кого иду, Мак-Канн, — сказал я.

Он вздохнул и сдался.

— Ну, ладно, скоро появится босс, а пока надо договориться, как поддерживать связь. Во-первых, у конца стены будет рыбачить лодка. Когда вы отправитесь?

— Когда за мной пошлют.

Он снова вздохнул, торжественно пожал мне руку и ушел. Я лег и уснул. На следующее утро в девять позвонил Билл и сказал, что Рикори телеграфировал необходимые инструкции и сообщил, что вылетает из Генуи в Париж, затем сядет на «Мавританию» и через неделю будет в Нью-Йорке. Позвонил с той же новостью Мак-Канн, и мы договорились в полночь встретиться, чтобы обсудить совместные действия.

* * *

Я провел прекрасный день с Элен. Встретил ее у Маргенса и сказал:

— Это твой и мой день, дорогая. Ни о чем другом думать не будем. К дьяволу де Кераделей. Это последнее упоминание о них.

Она очаровательно ответила:

— Место рядом с дьяволом — это как раз для них, дорогой.

Как я сказал, день был прекрасный, и задолго до его конца я понял, как сильно влюблен в Элен. Всякий раз, как мысль о мадмуазель выползала из темного угла сознания, куда я ее затолкал, я заталкивал ее обратно, испытывая укол ненависти, как боль от жала. В половине одиннадцатого я попрощался с Элен у дверей Лоуэлла. Я спросил:

— Как насчет завтра?

— Очень хорошо. Если сможешь.

— А почему это я не смогу?

— День кончился, Алан. Ты не избавишься от Дахут так легко. — Я попытался ответить, она меня остановила. — Ты не знаешь, как я тебя люблю. Пообещай... если я тебе понадоблюсь... приходи ко мне... в любое время... и в любом... облике.

Я схватил ее за руки.

— В любом облике? Что ты этим хочешь сказать?

Она потянула мою голову вниз, прижалась губами, — свирепо, нежно и страстно в одно и то же время. Открыла дверь, на мгновение повернулась.

Закрыла дверь. Я сел в такси и поехал в клуб, ругая мадмуазель еще больше, чем я это делал во времена Иса — если я тогда это делал. Мак-Канн еще не появился, но меня ждала телеграмма. Я прочел:

«Завтра в полдень у причала Ларчмонт-клуба вас будет ждать яхта. Она называется «Бриттис». Там я вас встречу. Искренне надеюсь, что вы придете с готовностью остаться навсегда.

Дахут».

Ну, вот. Я не пропустил ни названия яхты, ни насмешки в этом «остаться навсегда». Элен — реальность, а Дахут — тень. Но я понял, что тень тоже становится подлинной реальностью. С печалью в сердце, с мрачным предчувствием, с сожалением об Элен, с которой я, возможно, распрощался навсегда, с жгучей ненавистью к этой женщине, которая так полупрезрительно призывает меня, — со всем этим я понимал, что ничего не остается делать, как повиноваться.

ЗА СТЕНОЙ ДЕ КЕРАДЕЛЯ

Когда я укладывал саквояж, появился Мак-Канн. Он удивленно посмотрел на меня.

— Вы куда-то отправляетесь, док?

В неожиданном порыве откровения я протянул ему телеграмму мадмуазель. Он молча прочел ее, поднял голову.

— Только что пришло? А мне показалось, вы говорили доктору Беннету, что приглашение у вас уже есть.

— Это, — терпеливо пояснил я, — только подтверждение предварительной договоренности, уточняет время и место. Можете сами увидеть, если прочтете внимательнее. — Я начал укладывать второй саквояж.

Мак-Канн перечел телеграмму, некоторое время молча смотрел на меня, потом сказал:

— За доком Беннетом ходила одна из этих теней, верно?

Я резко повернулся к нему.

— Почему вы так думаете?

Он продолжал, как будто не слышал меня:

— А потом ее не стало, когда вы были с ним.

— Мак-Канн, — сказал я, — вы сошли с ума. Почему вы так думаете?

Он вздохнул и ответил:

— Когда вы с ним спорили о том, чтобы ехать к де Кераделю, я удивился. Но когда увидел телеграмму, больше не удивлялся. Получил ответ.

— Ну и хорошо, — сказал я, продолжая укладываться. — И каков же ответ?

— Вы что-то обменяли на тень доктора Беннета.

Я посмотрел на него и рассмеялся.

— У вас отличные идеи, Мак-Канн. Что же я мог отдать, и кому, и зачем?

Мак-Канн снова вздохнул и показал пальцем на имя мадмуазель.

— Ей, — потом показал на слова «остаться навсегда» и сказал: — И вы отдали это за тень.

— Мак-Канн, — сказал я и подошел к нему. — Он действительно считал, что его преследует тень. Но только потому, что он слишком много думал об этом странном деле. И о том, почему он освободился от... наваждения, он знает не больше вас. Я хочу, чтобы вы пообещали ничего не говорить ему о своих подозрениях. И особенно не говорить мисс Элен. И если кто-нибудь из них заговорит с вами об этом, постарайтесь их разубедить. А у меня есть основания просить об этом, поверьте. Обещаете?

Он спросил:

— Мисс Элен еще ничего об этом не знает?

— Нет, если ей не сказал доктор Беннет после нашего ухода, — ответил я. Я с беспокойством подумал об этом и проклял свою глупость: почему я его не предупредил?

Он немного подумал, потом сказал:

— Хорошо, док. Но боссу я должен буду рассказать.

Я рассмеялся и ответил:

— Хорошо, Мак-Канн. К тому времени игра будет кончена. Останутся похоронные формальности.

Он резко спросил:

— Что вы этим хотите сказать?

— Ничего, — ответил я. И продолжал укладываться. Честно говоря, я и сам не знал, что имел в виду.

Он сказал:

— Вы там будете завтра к вечеру. Я с ребятами задолго до темноты остановлюсь у старого козла. Вероятно, до следующего дня мы

не пойдем в тот дом, о котором я вам рассказывал. У вас есть план, как нам связываться?

— Я думал об этом. — Я перестал укладывать вещи и сел на кровать. — Не знаю, насколько тщательно за мной будут следить, будет ли у меня свобода передвижения. Ситуация... необычная и сложная. Очевидно, ни письмам, ни телеграммам я не могу довериться. Я могу приехать в деревню, но это не значит, что смогу связаться с вами, потому что, наверно, буду не один. Даже если вы будете там, весьма глупо было бы узнать вас и заговорить. А де Керадели не глупцы, Мак-Канн, и они сразу поймут, в чем дело. Пока я не окажусь по другую сторону стены, могу предложить только одно.

— Вы так говорите, будто приговорены к пожизненному, — улыбнулся он.

— Нужно рассчитывать на худшее. Тогда не придется разочаровываться. Если поступит телеграмма, напишите, Мак-Канн, доктору Беннету: «Все в порядке. Не забудь переслать почту», как можно быстрее перебирайтесь через стену, как можно быстрее к дому — и огонь из всех калибров. Понятно, Мак-Канн?

— Хорошо, — согласился он. — У меня тоже есть одна-две аналогичные мысли. Когда попадете туда, вам никто не помешает писать. Прекрасно. Пишите. Найдите возможность выбраться в «Беверли-Хаус», я вам о нем рассказывал. Войдите. Кто бы с вами ни был, найдите возможность бросить письмо на пол или куда-нибудь. Никому не передавайте. После вашего ухода перевернут весь дом, но найдут. И я его получу.

Дальше. У северного конца стены все время будут рыбачить парни. Если идти от дома, это слева. Там скала. Можете взобраться на нее и осмотреть окрестности. Вы ведь за стеной, и вам не помешают. Напишите другую записку, положите в маленькую бутылочку, побросайте в море камни и среди них бутылочку. А парни именно этого и будут ждать.

— Хорошо, — сказал я и налил ему. — Теперь только ждите телеграмму для Беннета и приводите своих мирмидонян.

— Кого, кого? — переспросил Мак-Канн.

— Ваших одаренных парней с пушками и лимонками.

— Хорошее название. Парням оно понравится. Ну-ка, скажите еще раз.

Я сказал и добавил:

— И не забудьте сказать об этом доктору Беннету.

— Значит, вы с ним до отъезда разговаривать не будете?

— Нет. И с мисс Элен тоже.

Он немного подумал, потом спросил:

— Вы вооружены, док?

Я показал ему свой 32-й калибр. Он покачал головой.

— Вот этот лучше, док.

Полез под мышку и отстегнул кобуру. В ней был маленький пистолет с коротким стволом.

— 38-й калибр, — сказал он. — Только броня выдержит. Держите свой прежний, а этот носите под мышкой. Носите всегда, днем и ночью. И прячьте. В кармане кобуры запасные патроны.

Я сказал:

— Спасибо, Мак, — и бросил пистолет на кровать.

— Нет, надевайте и носите. К нему нужно привыкнуть.

— Хорошо, — сказал я. И послушался.

Он неторопливо выпил еще, сказал мягко:

— Конечно, есть прямой и легкий выход. Вам всего лишь нужно, когда сядете за стол с де Кераделем и его девчонкой, достать пушку и прикончить их. Я со своими парнями вас прикрою.

— Не знаю, Мак, — вздохнул я. — Честно, не знаю.

Он тоже вздохнул и встал.

— Вы слишком любопытны, док. Ну, что ж, действуйте по-своему...

У дверей он повернулся.

— Вы бы понравились боссу. Босс любит крепких парней.

И вышел. Я чувствовал себя посвященным в рыцари.

Написал короткую записку Биллу. Просто говорил, что когда принимаешь решение, отступать нельзя, нужно действовать, и поэтому с утра я буду в хозяйстве мадмуазель. Я ничего не написал о телеграмме: пусть думает, что это исключительно мое решение. Написал, что у Мак-Канна есть для него важное сообщение, и если он получит телеграмму от меня, это будет означать начало решительных действий.

И еще написал короткое письмо Элен...

* * *

На следующее утро я вышел из клуба рано — прежде чем доставили мои письма. Доехал на такси до Ларчмонта; незадолго до полудня был на пристани; там мне сказали, что меня ждет лодка с «Бриттис». Я нашел лодку. В ней оказались три человека, бретонцы или баски, трудно сказать. Странные люди: неподвижные лица, зрачки глаз необычно расширены, кожа желтовато-болезненная. Один из них взглянул на меня и лишенным выражения тоном спросил по-французски:

— Сир де Карнак?

Я нетерпеливо ответил:

— Доктор Каранак. — И сел на корме.

Он обернулся к остальным двоим.

— Сир де Карнак. Пошли.

Мы проплыли сквозь стаи мальков и направились к стройной серой яхте. Я спросил:

— Это «Бриттис»?

Рулевой кивнул. Прекрасный корабль, около ста пятидесяти футов в длину, шхуна, созданная и оснащенная для быстрого движения. Мак-Канн усомнился в ее мореходных качествах. Напрасно.

Мадмуазель стояла у верха трапа. Вспоминая, как я с ней расстался в последний раз, я испытывал некоторое замешательство. Я заранее подумал об этом и решил держаться как ни в чем не бывало — если она позволит. Способ, которым я сбежал из ее спальни, был вовсе не романтичным. Но я надеялся, что ее способности, адские или любые другие, не помогли ей восстановить картину моего бегства. Поэтому, поднявшись по трапу, я с идиотским весельем заявил:

— Здравствуйте, Дахут. Вы прекрасно выглядите.

И это правда. Ничего от Дахут из древнего Иса, ничего от королевы теней, ничего от ведьмы. На ней щегольский белый спортивный костюм, и бледные золотые волосы не создают никакого ореола вокруг головы. Напротив, на голове у нее мудреная маленькая зеленая вязаная шляпка. Большие фиолетовые глаза смотрят ясно, и в них нет ни следа светло-лиловых адских искорок. Внешне просто исключительно красивая женщина, и не более опасна, чем любая другая красавица.

Но я знал, что это не так, и что-то говорило мне, что нужно удвоить бдительность.

Она рассмеялась и протянула мне руку:

— Добро пожаловать, Ален.

С легкой загадочной улыбкой взглянула на два мои саквояжа и провела вниз, в роскошную небольшую каюту. Сказала самым обычным тоном:

— Я подожду вас на палубе. Не задерживайтесь. Ленч готов.

Яхта уже двинулась. Я взглянул в иллюминатор и удивился тому, как мы далеко от берега. «Бриттис» даже быстроходнее, чем я считал. Через несколько минут я поднялся на палубу и присоединился к мадмуазель. Она разговаривала с капитаном, которого представила мне под добрым старым бретонским именем Браз, а меня ему как «сира де Карнака». Капитан был плотнее остальных членов экипажа, но с тем же неподвижным лицом и странно расширенными зрачками. Я видел, как эти зрачки вдруг сузились, в глазах блеснуло такое выражение, будто он припоминает...

Я знал, что это не просто неподвижность, отсутствие выражения. Это уход. Сознание этого человека жило в собственном мире, он действовал и отвечал на внешние раздражения почти исключительно инстинктивно. По какой-то причине его истинное сознание выглянуло наружу на мгновение под воздействием древнего имени.

Остальные члены экипажа тоже в таком странном состоянии?

Я сказал:

— Капитан Браз, я предпочел бы, чтобы меня называли доктор Каранак, а не сир де Карнак.

Я внимательно смотрел на него. Он не ответил, лицо его осталось невыразительным, глаза широко раскрытыми и пустыми. Он меня как будто и не слышал. Мадмуазель сказала:

— Владыка Карнака совершит с нами много путешествий.

Он поклонился и поцеловал мне руку; ответил таким же лишенным выражения голосом, как и человек в лодке:

— Владыка Карнака оказывает мне великую честь.

Он поклонился мадмуазель и ушел. Я смотрел ему вслед, и по спине побежал холодок. Как будто говорил автомат, автомат из плоти и крови, который видит меня не таким, какой я есть, а таким, как ему приказано видеть.

Мадмуазель с откровенной насмешкой смотрела на меня. Я равнодушно заметил:

— У вас на корабле превосходная дисциплина, Дахут.

Она опять рассмеялась.

— Превосходная, Ален. Начнем ленч.

Ленч тоже оказался превосходным. Даже слишком. Двое слуг были похожи на остальных членов экипажа, и они прислуживали нам на коленях. Мадмуазель оказалась прекрасной хозяйкой. Мы говорили о том, о сем... и постепенно я забывал о том, кто она такая. Только к концу еды то, о чем мы оба думали, проявилось.

Я сказал, почти про себя:

— Здесь встречаются феодализм и современность.

Она спокойно ответила:

— Как и во мне. Но вы слишком осторожны, говоря о феодальных временах, Ален. Мои слуги гораздо старше. Как и я.

Я ничего не ответил. Она подняла бокал с вином, поворачивая его, чтобы в нем заблестели искорки света, и добавила так же спокойно:

— И вы тоже.

Я коснулся ее бокала своим.

— За древний Ис? В таком случае я пью за него.

Она серьезно ответила:

— За древний Ис... и мы пьем за него.

Мы снова соединили бокалы и выпили. Она поставила свой бокал и с легкой насмешкой взглянула на меня.

— Похоже на медовый месяц, Ален?

Я холодно ответил:

— Если и так, то в нем не хватает новизны.

Она слегка покраснела. Сказала:

— Вы... грубы, Ален.

— Я бы больше чувствовал себя новобрачным, если бы меньше — пленником.

Она на мгновение сдвинула прямые брови, и адские искорки заплясали во взгляде. И скромно заметила, хотя на щеках еще сохранялась краска гнева:

— Но вы так легко... ускользаете, мой возлюбленный. У вас дар исчезать незаметно. Вам нечего было бояться... в ту ночь. Вы видели то, что я хотела вам показать, поступали так, как мне хотелось... так почему же вы сбежали?

Это меня задело; я снова ощутил смесь гнева и ненависти, схватил ее за руку.

— Не потому, что испугался вас, белая ведьма. Я мог задушить вас во сне.

Она спокойно спросила, у губ ее появились ямочки:

— Почему ж вы этого не сделали?

Я отпустил ее руку.

— Такая возможность по-прежнему есть. Вы нарисовали в моем спящем мозгу удивительную картину.

Она недоверчиво смотрела на меня.

— Вы думаете... вы не считаете ее реальной? Вам кажется, что древний Ис не реален?

— Не более реален, Дахут, чем мир, в котором живут люди на этой яхте. По вашему приказу... или приказу вашего отца.

Она серьезно ответила:

— Значит, я должна убедить вас в его реальности.

Все еще с гневом я сказал:

— Он не более реален, чем ваши тени.

Она еще более серьезно ответила:

— Тогда и в их реальности я должна вас убедить.

* * *

Я тут же пожалел, что сказал о тенях. И ее ответ меня не успокоил. Я проклинал себя. Не так нужно играть эту игру. Никакого преимущества я не получу, ссорясь с мадмуазель. Наоборот, это может навлечь несчастье на тех, кого я пытаюсь от него спасти. Что скрывается за ее обещанием убедить меня? Она обещала относительно Билла, выполнила свое обещание, и вот я здесь расплачиваюсь за это. Но ведь об Элен она ничего не обещала.

Не так я должен себя вести: более убедительно, без оглядки. Я взглянул на мадмуазель и с угрызениями совести вспомнил об Элен. Если Дахут захочет, то я получу очень своеобразную компенсацию за отказ от Элен. Но я тут же постарался не думать об Элен, как будто мадмуазель могла прочесть мои мысли.

Существует только один способ убедить женщину.

Я встал. Взял бокалы, свой и Дахут, и бросил их на палубу, разбил вдребезги. Подошел к двери каюты и повернул ключ. Подошел к

Дахут, поднял со стула и перенес на диван под иллюминатором. Она обняла меня за шею, подняла ко мне губы... закрыла глаза...

Я сказал:

— К дьяволу Ис и все его загадки! Я живу сегодня.

Она прошептала:

— Вы меня любите?

— Да.

— Нет! — Она оттолкнула меня. — Когда-то давно вы меня любили. Любили, хоть и убили. Но в этой жизни не вы, а владыка Карнака был моим возлюбленным той ночью. Но я знаю — и в этой жизни вы будете любить меня. Но должны ли вы снова меня убить? Не знаю, Ален... не знаю...

Я взял ее руки, они были холодны; в глазах ни насмешки, ни забавы, только смутное удивление и легкий страх. И ничего в ней нет от ведьмы. Я почувствовал, как шевельнулась жалость: что, если она, подобно всем остальным на яхте, жертва чьей-то злой воли? Де Кераделя, который называет себя ее отцом... Дахут лежала, глядя на меня, как испуганная девочка... она была прекрасна...

Она прошептала:

— Ален, любимый... и для тебя, и для меня было бы лучше, если бы ты не ответил на мой призыв. Неужели это из-за той тени, которую я наслала на твоего друга?.. Или у тебя есть и другие причины?

Это укрепило мою решимость. Я подумал: «Ведьма, ты не так уж умна».

И сказал, как бы с неохотой:

— Есть и другие причины, Дахут.

— Какие же?

— Вы.

Она откинулась со смехом — плеск мелких шаловливых волн, беззаботный и жестокий.

— Ты странно ухаживаешь за мной, Ален. Но мне это нравится... я знаю, что ты говоришь правду. А что ты на самом деле обо мне думаешь, Ален?

— Я думаю, что вы подобны саду, который вырастили под красным сердцем дракона за десять тысяч лет до постройки Великой Пирамиды... и лучи этого сердца освещали самый священный и тайный алтарь... таинственный сад, Дахут, наполовину морской... и листва на деревьях не шелестит, а поет... и цветы его могут быть злыми, а могут и не быть, но они не полностью принадлежат земле... а птицы в том саду поют странные песни... трудно войти в этот сад... еще труднее найти его сердце... и самое трудное — найти выход и спастись.

Она склонилась ко мне с широко раскрытыми сверкающими глазами, поцеловала.

— Ты так обо мне думаешь! Это верно.... а владыка Карнака так меня и не понял... ты понимаешь больше, чем он...

Она схватила меня за руки, прижалась грудью.

— Эта рыжеволосая девушка... забыла, как ее зовут... она ведь не похожа на такой сад?

Элен!

Я равнодушно ответил:

— Земной сад. Ароматный и приятный. Но оттуда нетрудно найти выход.

Она отпустила мои руки и некоторое время молчала; потом вдруг сказала:

— Идем на палубу.

Я с беспокойством последовал за ней. Что-то не так. Что-то я сказал или не сказал насчет Элен. Не знаю, что бы это могло быть. Я посмотрел на часы. Уже больше четырех. На море туман, но яхта не обращает на это внимания; мне показалось даже, что она идет быстрее. Мы сели на палубе в кресла, и я сказал об этом мадмуазель. Она с отсутствующим видом ответила:

— Неважно. Туман для нас не опасен.

— Но скорость кажется опасной.

Она ответила:

— Мы должны к семи быть в Исе.

Я тупо повторил:

— В Исе?

— Да. Так мы назвали наш дом.

Она снова замолчала. Я смотрел на туман. Странный туман. Не проносится мимо нас, как обычный. Казалось, движется вместе с нами, сопровождает нас.

Движется вместе с нами.

Мимо проходили моряки с пустыми глазами и лицами. Мне показалось, что я вижу кошмар, что это какой-то призрачный корабль, современный летучий голландец, отрезанный от всего мира, подгоняемый невидимыми, неслышимыми, неощущаемыми ветрами. Или его подталкивает какой-то гигантский пловец, ухватившись рукой за корму... а грудь этого пловца — окруживший нас туман. Я посмотрел на мадмуазель. Глаза ее были закрыты. Казалось, она спит.

Я тоже закрыл глаза.

* * *

Когда я открыл их, яхта стояла. Ни следа тумана. Мы находились в небольшой гавани между двумя скалами. Дахут трясла меня за плечи. Оказывается, я уснул. Это все морской воздух, сонно подумал я. Мы сели в шлюпку и высадились на пристани. Поднялись по лестнице, бесконечно длинной, как мне показалось. В нескольких яр-

дах от начала лестницы стоял старый длинный каменный дом. Он был темен, а за ним я не мог разглядеть ничего, кроме деревьев, уже наполовину лишившихся осенней листвы.

Мы вошли в дом, и нас встретили слуги с такими же расширенными зрачками и невыразительными лицами, как и у экипажа «Бритис».

Меня отвели в мою комнату, и лакей начал распаковывать мои вещи.

В том же оцепенении я переоделся к обеду. Только один раз во мне пробудилось сознание: я случайно задел рукой кобуру Мак-Канна.

Смутно помню этот обед. Де Керадель встретил меня исключительно вежливо и приветливо. За обедом он много говорил, но пусть меня повесят, если я помню, о чем. Время от времени из окутавшего меня тумана выплывали лицо и большие глаза мадмуазель. Время от времени я думал, что меня чем-то напоили, но это мне казалось неважным. Я сознавал только, что нужно отвечать на вопросы де Кераделя, но другая часть моего сознания, как будто не затронутая странным параличом, заботилась об этом, и у меня сложилось впечатление, что она делала это удовлетворительно.

Спустя какое-то время я услышал слова Дахут:

— Ален, ты засыпаешь на ходу. Тебе трудно держать глаза открытыми. Это, должно быть, морской воздух.

Я ответил, что это верно, и извинился. Де Керадель с какой-то заботливой готовностью принял мое извинение. Он сам отвел меня в мою комнату. По крайней мере помню, что он отвел меня туда, где есть постель.

Только по привычке я разделся, лег и почти немедленно уснул.

* * *

Я сел в постели. Странное оцепенение прошло. Что меня разбудило? Взглянул на часы: начало второго. Снова послышался разбудивший меня звук — отдаленное приглушенное пение, доносящееся как из-под земли. И как будто далеко от дома.

Звук приближался к дому, усиливался. Странное пение, древнее; смутно знакомое. Я встал с постели и подошел к окну. Оно выходило на океан. Луны не было, но я ясно видел серые волны, мрачно бившие о скалистый берег. Пение становилось громче. Я не нашел выключатель. В одном из моих саквояжей был ручной фонарик, но куда дели содержимое саквояжа, я не знал.

Я нащупал коробку спичек. Пение смолкало, как будто поющие миновали дом. Я зажег спичку и увидел на стене выключатель. Щелкнул им, но безрезультатно. На стуле у постели увидел свой фонарик. Взял его: он не работает. Я почувствовал подозрение, что все это

взаимосвязано: странная сонливость, бесполезный фонарик, неработающее освещение...

Пистолет Мак-Канна! Я сунул руку. Он на месте, под левой мышкой. Магазин полон, и запасные патроны не тронуты. Я подошел к двери и осторожно повернул ключ. Дверь открылась в широкий зал со старинной мебелью, в конце его виднелся тусклый свет. Большое окно. Что-то в этом зале показалось мне странным, беспокойным. Не могу описать это чувство. Как будто его заполняли шепчущие и шуршащие... тени.

Я колебался, потом осторожно подошел к окну и выглянул. За ним росли деревья, сквозь их ветви виднелось широкое поле. За ним еще одна роща. И оттуда доносилось пение.

За этими деревьями и над ними виднелись огни — странные огни. Я вспомнил, как говорил Мак-Канн... отвратительные огни, огни разложения.

Именно так. Я стоял, ухватившись за подоконник, глядя, как распускается и угасает гнилостное свечение... распускается и угасает... А пение — как будто преображенные в звук эти мертвые огни...

И вдруг послышался резкий болезненный крик. Крик человека.

Шепот теней в зале становился все настойчивее. Шорох приблизился. Тени столпились вокруг меня. Они отталкивали меня от окна, толкали назад в комнату. Я закрыл дверь и прислонился к ней, мокрый от пота.

И снова услышал крик, резкий, еще более полный боли. И неожиданно стихший.

Снова меня охватило оцепенение. Я добрался до кровати, лег и уснул.

ТЕНЬ РАЛЬСТОНА

Что-то плясало, дрожало передо мной. У него не было формы, но был голос. Голос повторял снова и снова:

— Дахут... берегись Дахут... Алан, берегись Дахут... освободи меня, Алан... но берегись Дахут... Алан, освободи меня... от Собирателя... от Черноты...

Я попытался сосредоточиться на этом пляшущем существе, но тут что-то ярко вспыхнуло, и существо растворилось в этом сверкании и пропало; только когда я отвернул голову, я снова увидел это нечто, пляшущее и дрожащее в сиянии, как муха в паутине.

Но голос — голос я узнал.

Нечто танцевало и дрожало; становилось больше, но не приобретало определенной формы; становилось меньше, но по-прежнему оставалось бесформенным... летучая тень, захваченная паутиной яркости.

Тень!

Нечто шептало:

— Собиратель, Алан... Собиратель в Пещере... не позволяй ему съесть меня... но берегись, берегись Дахут... освободи меня, Алан... освободи... освободи...

Голос Ральстона!

Я встал на колени, присел, опираясь руками в пол, устремив взгляд на свечение, стараясь рассмотреть это дрожащее бесформенное нечто, говорившее голосом Ральстона.

Свечение сжалось, как зрачки капитана «Бриттис». И стало ручкой двери. Медной ручкой, блестящей от рассвета.

На ручке муха. Синяя муха, питающаяся падалью. Ползет по ручке и жужжит. Голос Ральстона превратился в это жужжание. Только синяя муха, жужжащая на блестящей дверной ручке. Муха поднялась с ручки, облетела меня и исчезла.

Я с трудом встал на ноги. И подумал:

«То, что ты со мной сделала на яхте, Дахут, первоклассная работа».

Посмотрел на часы. Начало седьмого. Зал тих и спокоен, никаких теней. В доме ни звука. Казалось, он спит, но я ему не доверял. Бесшумно закрыл двери. Вверху и внизу двери большие задвижки. Я закрыл их.

В голове странная пустота, и я не очень хорошо вижу. Подошел к окну и вдохнул чистый утренний воздух с запахом моря. И от этого почувствовал себя лучше. Повернулся и осмотрел комнату. Она огромна, стены покрыты деревянными старинными панелями, шпалеры, выцветшие за столетия. Кровать тоже старинная, резного дерева, под пологом. Комната какого-нибудь замка в Бретани, а не в имении в Новой Англии. Слева шкафчик, такой же старинный, как кровать. Я открыл ящик. На платках лежал мой пистолет. Я осмотрел его. В магазине ни одного патрона.

Я недоверчиво смотрел на него. Я же помню, что когда укладывал его в саквояж, он был заряжен. И неожиданно отсутствие патронов связалось с бездействующим фонариком, не включающимся электричеством, странной сонливостью. И тут я проснулся по-настоящему. Положил пистолет в ящик и лег в кровать. У меня теперь не было ни малейших сомнений, что мое оцепенение объяснялось не естественными причинами. Неважно, было ли это внушением Дахут или она дала мне за ленчем какой-то наркотик. Мое состояние не было естественным. Наркотик? Я вспомнил слабый наркотик, которым владеют тибетские ламы, они называют его «Хозяин воли». Он снижает сопротивляемость гипнозу и делает мозг открытым к восприятию гипнотических команд и галлюцинаций.

И я сразу понял поведение и внешность людей на яхте и в доме. Они все получали какой-то наркотик; действовали и думали только

так, как приказывали им мадмуазель и ее отец. Я был окружен живыми роботами, созданиями де Кераделей.

А что, если я и сам могу попасть в такое рабство?

Чем больше я думал, тем больше верил в свою догадку. Я попытался вспомнить вечерний разговор с де Кераделем. Не мог. Но у меня сохранялось впечатление, что я выдержал это испытание успешно, что та, другая часть моего существа не позволила мне допустить ошибку. И я почувствовал удовлетворение.

И вдруг я ощутил на себе чей-то взгляд. За мной следят. Я лежал лицом к окну. Глубоко, как во сне, вздохнул и повернулся, закрывая лицо рукой. Под ее укрытием чуть приоткрыл ресницы. Через мгновение из-под шпалеры показалась белая рука, отвела шпалеру в сторону, и в комнату вошла Дахут. Пряди ее спускались до талии, на ней тончайшее неглиже, и она невероятно хороша. Беззвучно, как одна из ее теней, она подошла к кровати и остановилась, глядя на меня.

Я заставлял себя дышать ровно, как будто крепко сплю. Она была так хороша, что мне это удавалось с трудом. Она подошла еще ближе и склонилась ко мне. Я почувствовал, как ее губы легко коснулись моей щеки. Как поцелуй мотылька.

* * *

И вдруг так же неожиданно я понял, что она ушла. Открыл глаза. В комнате другой запах, незнакомый, смешивался с запахом моря. Он действовал бодряще. Вдохнув его, я почувствовал, как мое оцепенение рассеивается. Я сел, совершенно не испытывая сонливости, настороже. На столике у кровати металлическое блюдо. На нем груда листьев, похожих на листья папоротника. Они дымятся, и этот дым пахнет так бодряще. Я прижал листья, дым и запах исчезли.

Очевидно, это противоядие от состояния оцепенения; и столь же очевидно, никто не сомневается, что я спал без пробуждений всю ночь.

И возможно, пришло мне в голову, зал, заполненный тенями, и муха на дверной ручке, жужжащая голосом Ральстона, — все это лишь производное наркотика, воздействие на подсознание, фантастически искажавшее окружающую действительность и навязывавшее эти искажения сознанию.

Может, на самом деле я всю ночь проспал. Может, мне только снилось, что я выходил в полный тенями зал... бежал из него и спрятался за дверью... и пение мне только приснилось.

Но если нет ничего, чего мне нельзя было бы увидеть и услышать, зачем тогда меня закутали в это сонное покрывало?

Но в одном я был уверен. Мне не приснилось, что Дахут заходила в мою комнату с листьями.

А это означает, что я реагировал не совсем так, как они рассчитывали, иначе я не проснулся бы и не увидел ее. Счастливая для меня

ошибка, каковы бы ни были ее причины. Если усыпление повторится, я смог бы использовать листья.

Я подошел к шпалере и поднял ее. Никаких следов отверстия, стена внешне сплошная. Конечно, есть какая-то потайная пружина, но я решил не искать ее. Открыл дверь: задвижки на ней так же гарантировали уединение, как стена комнаты, у которой три остальные стены отсутствуют. Взял оставшиеся листья, положил их в конверт и сунул в кобуру Мак-Канна. Потом спалил с полдесятка сигарет и добавил их пепел к кучке на блюде. Столько пепла было бы, если бы все листья сгорели. Может, никто и не стал бы проверять, но кто знает?

Семь часов. Нужно ли мне одеваться и вставать? Через сколько времени должно подействовать противоядие? Я не знал этого и не хотел допускать ошибки. Спать подольше гораздо безопасней, чем проснуться слишком рано. Я снова лег. И действительно уснул, честно и без сновидений.

* * *

Когда я проснулся, кто-то выкладывал мою одежду. Лакей. Блюдо с пеплом исчезло. Было полдевятого. Я сел, зевнул, и лакей с древней покорностью сообщил, что ванна для владыки Карнака готова. О чем бы ни думал владыка Карнака, это сочетание древнего раболепия и современных удобств заставило меня рассмеяться. Но никакой ответной улыбки не последовало. Лакей стоял, склонив голову, обязанный делать только строго определенные вещи. Улыбки не входили в этот приказ.

Я посмотрел на невыразительное лицо, на пустые глаза, которые, кажется, совсем не видят ни меня, ни окружающего мира; глаза человека из другого мира. Но каков этот другой мир, у меня не было ни малейшего представления.

Я набросил на пижаму халат и закрыл дверь за лакеем. Потом снял кобуру Мак-Канна и спрятал ее, прежде чем выкупаться. Вымывшись, я отпустил лакея. Он сказал, что завтрак будет готов в начале десятого и, поклонившись, ушел.

Я подошел к шкафчику, взял свой пистолет и осмотрел его. Патроны на месте. Больше того, все запасные патроны тоже на месте и лежат в прежнем порядке. Может, мне приснилось, что их не было? Мне в голову пришло неожиданное подозрение. Если я не прав, объясню случайностью. Я подошел с пистолетом к окну, направил его в море и нажал курок. Резкий щелчок от взрыва капсуля. Ночью из патронов извлекли порох, а потом, во время моего предутреннего сна, пистолет с пустыми патронами вернули на место.

Что ж, подумал я мрачно, еще одно предостережение, без всякой жужжащей мухи, и положил пистолет обратно. Потом спустился к завтраку, холодный от гнева и намеренный при случае его проявить.

Мадмуазель ждала меня, прозаически читая газету. Стол был накрыт на двоих, поэтому я решил, что ее отец занят в другом месте. Я взглянул на Дахут, и, как всегда, восхищение и нежность стали бороться с гневом и ненавистью. Она была красивей, чем когда-либо раньше, свежая, как росистое утро, кожа — чудо, глаза ясные, с оттенком скромности... совсем не похожа на ведьму и убийцу. Чистая.

Она опустила газету и протянула мне руку.

Я с иронией поцеловал ее.

— Надеюсь, вы хорошо спали, Алан.

Как раз нужный оттенок домашности. Но почему-то меня это раздражало. Я сел, расстелил на коленях салфетку.

— Хорошо, Дахут, только прилетела большая синяя муха и стала шептать мне.

Глаза ее сузились, я заметил, как она вздрогнула. Потом опустила глаза и рассмеялась.

— Вы шутите, Алан.

— Вовсе нет. Большая синяя муха, она жужжала и шептала, жужжала и шептала.

Она негромко спросила:

— И о чем же она шептала, Алан?

— Она советовала опасаться вас, Дахут.

Она по-прежнему спросила:

— Значит, вы не спали?

Вспомнив об осторожности, я рассмеялся:

— А разве бодрствующим шепчут мухи? Я крепко спал и видел это во сне — несомненно.

— А голос вы узнали? — Она неожиданно посмотрела прямо мне в глаза.

— Когда услышал, мне показалось, что узнал. Но, проснувшись, забыл.

Она молчала, пока слуга с пустым взглядом расставлял перед нами еду. Потом устало сказала:

— Уберите меч, Алан. Сегодня он вам не нужен. И я сегодня не вооружена. Прошу вас об этом. Сегодня можете мне верить. Обращайтесь со мной сегодня, только как... с человеком, который вас любит. Сделаете, Алан?

Сказано было так просто, так искренне, что гнев мой исчез, а недоверие ослабло.

Впервые я почувствовал жалость. Она сказала:

— Я даже не прошу вас, чтобы вы делали вид, будто любите меня.

Я медленно ответил:

— Трудно не полюбить вас, Дахут.

Ее фиолетовые глаза затуманились слезами. Она сказала:

— Я... сомневаюсь...

Я сказал:

— Уговор. Сегодня утром мы встретились впервые. Я о вас ничего не знаю, Дахут, и сегодня вы для меня только та... какой кажетесь. Возможно, к вечеру я буду... вашим рабом.

Она резко ответила:

— Я просила вас оставить ваш меч.

Но я хотел сказать только то, что сказал. Никаких намеков... И тут же вспомнил голос, который потом стал жужжанием мухи: «Берегись... берегись Дахут... Алан, берегись Дахут...» Подумал о людях с пустыми глазами, рабах ее и ее отца...

Я искренне сказал:

— Не имею никакого понятия, о чем вы, Дахут. Честно. Я хотел сказать то, что сказал.

Казалось, она мне поверила. И на этой основе, достаточно пикантной, если вспомнить, что происходило между нами в Нью-Йорке и древнем Исе, завтрак продолжался. Дахут была очаровательна. К концу я понимал, что опасно близок к тому, чтобы думать о ней так, как она того хочет. Мы не торопились и кончили в одиннадцать. Она предложила прогулку по поместью, и я с облегчением пошел переодеваться. Пришлось несколько раз щелкнуть пистолетом и взять листья из кобуры Мак-Канна, чтобы очистить мозг от обезоруживающих сомнений. Дахут умеет добиваться своего.

* * *

Когда я спустился вниз, Дахут ждала меня в костюме для верховой езды, волосы вокруг головы, как шлем. Мы пошли к конюшне. Здесь находилось с десяток первоклассных лошадей. Я поискал черного жеребца. Не увидел, но один бокс был пуст. Я выбрал чалого жеребца, а Дахут длинноногого гнедого. Я больше всего хотел увидеть «каменный сад» де Кераделя. Но не увидел.

Мы неторопливо проехались по хорошо ухоженной трассе для верховой езды; иногда виднелось море, но чаще скалы и деревья закрывали его. Своеобразная местность, очень подходящая для одиночества. Наконец мы подъехали к стене, повернули и поехали вдоль нее. Проволочное заграждение охраняло ее верх, и мне показалось, что провода находятся под напряжением. Лайас не мог здесь перелезть через стену. Я подумал, что, может, он не только получил, но и преподал урок. У стены там и тут стояли невысокие смуглые люди. У них были дубины, но я не мог определить, есть ли другое оружие. Когда мы проезжали, они кланялись.

Мы приблизились к массивным воротам, охраняемым стражей из нескольких человек. Проехали мимо и оказались на широком длинном лугу, усеянном низкорослыми кустами, похожими на присевших людей.

Мне пришло в голову, что здесь несчастный Лайас встретился с собаками, которые не собаки. При свете солнца, на свежем воздухе, в возбуждении от верховой прогулки этот рассказ терял свою достоверность. Но все же вид у этого места был пугающий и зловещий. Я мимоходом сказал об этом Дахут. Она со скрытой насмешкой посмотрела на меня и спокойно ответила:

— Да, но здесь хорошо охотиться.

И поехала дальше, ничего не сказав о том, что это за охота. А я не спросил: что-то в ее ответе восстановило мою веру в рассказ Лайаса.

Мы подъехали к концу стены, и, как и говорил Мак-Канн, она была встроена в скалу. Большая скала закрывала вид на то, что находится дальше. Я сказал:

— Я хотел бы посмотреть сверху, — и прежде чем она смогла ответить, спешился и стал взбираться на скалу. С вершины виден был открытый океан. В нескольких сотнях ярдов от берега в небольшой лодке сидели два рыбака. Увидев меня, они подняли головы, и один стал опускать ручную сеть.

Работа Мак-Канна.

Я спустился и присоединился к Дахут. Спросил:

— Не хотите ли проехаться за воротами галопом? Я бы хотел осмотреть окрестности.

Она поколебалась, затем кивнула. Мы повернули назад, проехали через ворота и оказались на сельской дороге. Немного погодя мы увидели старинный дом в стороне от дороги среди больших деревьев. От дороги его отделяла каменная стена. У ворот стоял Мак-Канн.

Он невозмутимо смотрел, как мы подъезжаем. Дахут проехала, не взглянув на него. Я отстал на несколько шагов и, проезжая мимо Мак-Канна, бросил карточку. Я надеялся на такой случай и потому заранее написал:

«Что-то тут очень нечистое, но доказательств пока нет. Примерно тридцать человек, думаю, все вооружены. За стеной проволочное заграждение под напряжением».

Догнал мадмуазель, и мы проехали еще с милю. Она остановилась и спросила:

— Достаточно видели?

Я ответил:

— Да, — и мы повернули назад. Мак-Канн по-прежнему стоял у ворот, как будто и не двигался. Но бумаги на дороге не было. Охранники увидели нас и открыли ворота. Тем же путем мы вернулись к дому.

Дахут раскраснелась от езды. Она сказала:

— Я выкупаюсь. Ленч на яхте.

— Отлично, — ответил я. — Надеюсь, после него мне не захочется спать, как вчера.

Глаза ее сузились, но мое лицо оставалось невинным. Она улыбнулась.

— Не захочется, я уверена. Вы привыкаете.

Я мрачно заметил:

— Надеюсь. За обедом вчера я был ужасно скучен.

Она снова улыбнулась.

— Вовсе нет. Вы очень понравились моему отцу.

И со смехом ушла в дом.

Я был очень рад, что понравился ее отцу.

* * *

Абсолютно восхитительная морская прогулка с абсолютно восхитительной девушкой. Только когда один из членов экипажа при нашем приближении встал на колени, ощутил я зловещее подводное течение. А потом обед с де Кераделем и его дочерью. Разговор с де Кераделем был настолько интересен, что я забыл о том, что я пленник.

Я обсуждал с ним то, что хотел обсудить в тот вечер, когда Билл попросил меня ни с чем не соглашаться. Иногда манеры де Кераделя раздражающе напоминали манеры верховного жреца, обучающего новичка самым элементарным вещам: он принимал как само собой разумеющееся такие факты, которые современная наука считает мрачнейшими суевериями, он же считал все это доказанным на опыте. Но знания его были огромными, а ум острым, и я удивлялся, как можно за одну короткую жизнь узнать так много.

Он говорил о враге Озириса, черном Тифоне, которого египтяне также называли Сетом Рыжеволосым. Рассказывал о Элевсинских и Дельфийских мистериях, как будто сам был их свидетелем. Описывал их в мельчайших подробностях, да и другие, более древние и страшные обряды, давно погребенные в сгнивших от времени храмах. Злые тайны шабаша были открыты для него; однажды он заговорил о поклонении Коре, известной также как Персефона, Геката и под множеством других уходящих в бесконечную цепь веков имен, — жене Аида, царице теней, чьими дочерьми были фурии.

Я рассказал ему, чему был свидетелем в Дельфийской пещере, когда христианский священник с душой язычника пробудил Кору... и я видел, как величественная, ужасная фигура появилась в клубах дыма от жертвы на древнем алтаре.

Он слушал внимательно, не прерывая, как будто ему был знаком этот рассказ. Спросил:

— А Она приходила к нему раньше?

— Не знаю, — ответил я.

Он сказал, обращаясь непосредственно к мадмуазель:

— Даже если и так, тот факт, что она явилась... доктору Каранаку... весьма многозначителен. Это доказывает, что он...

Дахут прервала его, и мне показалось, что в ее взгляде было предупреждение:

— Что он... приемлем. Да, отец.

Де Керадель рассматривал меня.

— Весьма полезный опыт. В его свете... и в свете других обстоятельств, которые вы нам поведали, я удивляюсь... почему вы были так враждебны к этим идеям в тот вечер, когда мы впервые встретились.

Я ответил прямо:

— Я был пьян... и готов был спорить с кем угодно.

Он оскалил зубы, затем открыто рассмеялся.

— Вы не боитесь говорить правду.

— Не боюсь, ни в пьяном, ни в трезвом виде, — согласился я.

Он молча рассматривал меня. Потом проговорил, скорее обращаясь к самому себе, чем ко мне:

— Не знаю... возможно, она права... если бы я мог доверять ему, это бы нам дало многое... у него есть любопытство... но есть ли храбрость?..

Я рассмеялся и смело заявил:

— Если бы у меня ее не было, разве я был бы здесь?

— Совершенно верно, отец. — Дахут зло улыбалась.

Де Керадель хлопнул по столу рукой, как человек, принявший решение.

— Каранак, я говорил вам об эксперименте, которым сейчас занят. Вместо того, чтобы быть зрителем, вольным или невольным... или не зрителем, как я решу... — он помолчал, чтобы до меня дошла скрытая угроза... — я приглашаю вас проводить этот эксперимент со мной. У меня есть основания считать, что если эксперимент удастся, он щедро вознаградит нас.

Мое приглашение не бескорыстно. Я признаю, что не достиг еще полного успеха в своем эксперименте. Я получил результаты, но это не то, на что я надеялся. Но то, что вы рассказали о Коре, доказывает, что вы не препятствие для материализации этого Существа... этой Власти или Присутствия, как вы предпочтете, оно сможет воплотиться, неведомая энергия придаст ему форму, оно станет ощутимо для людей в соответствии с доступными для людей законами. К тому же в вас древняя кровь Карнака и древние воспоминания вашей расы. Возможно, я упустил некоторые важные подробности, которые ваша — стимулированная — память сохранила. Возможно, в вашем присутствии это Существо, которое я хочу воскресить, появится во всей своей мощи... и со всем, что значит для нас эта мощь.

— А что это за Существо? — спросил я.

— Вы сами его назвали. Оно в многочисленных формах появлялось в Алкар-Азе древнего Карнака, как приходило в храмы моего народа за века до Иса и до того, как были подняты камни Карнака, — Собиратель в Пирамиде...

Если я и почувствовал холодок на спине, он этого не заметил. Я ожидал этого ответа и был к нему готов.

Я долго смотрел на Дахут, чтобы он, как я надеялся, истолковал этот взгляд по-своему, потом тоже хлопнул рукой по столу.

— Де Керадель, я с вами.

В конце концов, разве не ради этого я сюда пришел?

MAEL BENNIQUE

Де Керадель сказал:

— Выпьем за это!

Он отпустил слуг, открыл шкаф и достал из него графин с зеленой жидкостью. Пробка открылась с трудом. Он налил три небольших бокала и сразу закрыл пробку. Я взял свой бокал.

Он остановил меня.

— Подождите!

В зеленой жидкости поднимались пузырьки, как алмазные атомы, как расщепленные солнечные лучи, отбрасываемые из бездонных глубин. Они поднимались все быстрее и быстрее, и вдруг зеленая жидкость закипела, потом стала неподвижной, прозрачной.

Де Керадель поднял свой бокал:

— Каранак, вы присоединяетесь к нам по собственной воле?

Мадмуазель спросила, придвинув свой бокал к моему:

— Ты по своей воле присоединяешься к нам, Ален де Карнак?

Я ответил:

— По собственной воле.

Мы соприкоснулись бокалами и выпили.

Странный напиток. От него зазвенело в мозгу и нервах, и сразу я ощутил необыкновенную свободу, быстрое снятие всяких сдерживающих начал: старые истины исчезали, будто их уносило ветром с поверхности сознания. Как будто я змея, которая внезапно сбросила старую кожу. Воспоминания становились смутными, уходили, изменялись. У меня появилось неописуемое чувство освобождения... Я могу все, поскольку для меня, как для Бога, не существует ни добра, ни зла. Что бы я ни захотел сделать, все могу, поскольку нет ни добра, ни зла, а есть только моя воля...

Де Керадель сказал:

— Вы один из нас.

Мадмуазель прошептала:

— Ты с нами, Ален.

Глаза она полузакрыла, длинные ресницы касались щек. Но мне показалось, что за ними я заметил пурпурное пламя. И де Керадель тоже закрыл глаза руками, как бы пытаясь спрятать их, но меж его пальцев я различил сияние. Он сказал:

— Каранак, вы не спрашивали меня, что это за Собиратель — Существо, которое я собираюсь разбудить полностью. Вы знаете это?

— Нет, — ответил я и хотел добавить, что мне это и не важно, но вдруг понял, что важно, что больше всего я хочу узнать именно это.

Он сказал:

— Гениальный англичанин однажды сформулировал превосходное материалистическое кредо. Он сказал, что возникновение человека — случайность, его история — это краткий и преходящий эпизод в жизни самой обычной, средней планеты. Он указал, что наука ничего не знает о той комбинации причин, которая заставила мертвые органические составляющие соединиться в живом организме предков человечества. Да и не имеет значения, знает ли это наука. Няньки: голод, болезни, взаимные убийства — постепенно создали существо с сознанием и разумом, достаточным, чтобы осознать собственную незначительность.

История прошлого полна крови и слез, тупого послушания, беспомощных блужданий, диких восстаний и пустых надежд. Постепенно энергия нашей системы рассеется, Солнце померкнет, инертная, лишенная приливов Земля опустеет. Человек погибнет, и все его мысли погибнут с ним.

Материя больше не будет осознавать себя. Все будет так, будто ничего никогда не было. И ничего больше не будут значить все труды, все чувства, жалость, любовь и страдание человека.

Все сильнее ощущая в себе богоподобную силу, я сказал:

— Это неправда.

— Отчасти правда, — ответил он. — Неправда то, что жизнь случайна. Мы называем ее случайностью только потому, что не знаем причин ее возникновения. Жизнь должна происходить от жизни. Не обязательно от такой, какая нам знакома, но от некоего Существа, действующего сознательно, суть которого была — есть — жизнь. Правда, что боль, страдания, печаль, ненависть и раздоры — стимулы человечества. Правда, что голод, болезни и убийства — его няньки. Но правда и то, что существуют мир, счастье, жалость, чувство прекрасного, мудрость... хотя это всего лишь тонкая пленка на поверхности пруда в лесу, в котором отражается окружающий цветущий мир... да, эти вещи существуют... мир и красота, счастье и мудрость. Они есть.

И поэтому, — де Керадель по-прежнему прикрывал глаза руками, но сквозь пальцы я видел его пристальный взгляд, — поэтому я утверждаю, что все эти качества должны быть неотъемлемо присущи

Тому, кто вдохнул жизнь в первобытную слизь. Так должно быть, потому что творение не может обладать теми качествами, каких нет у творца.

Разумеется, я все это знаю. Зачем он тратит усилия, убеждая меня в очевидном? Я терпеливо сказал:

— Это очевидно.

— Но так же очевидно должно быть и то, что приблизиться к этому... Существу мы можем только через его темную, злую, беспощадную сторону. Единственным доступом к нему могут стать боль и страдания, жестокость и злоба.

Он помолчал и свирепо добавил:

— Разве не этому учит любая религия? Что человек становится ближе к своему Создателю только через страдания и печаль? Жертвы... Распятие!

Я ответил:

— Верно. Крещение кровью. Очищение через слезы. Освобождение через страдания.

Мадмуазель прошептала:

— Струны, которые нужно задеть, прежде чем мы добьемся совершенной гармонии.

В ее словах звучала насмешка, я быстро обернулся к ней. Она не открывала глаз, но я уловил ироничный изгиб ее губ.

Де Керадель сказал:

— Жертвы готовы.

Я ответил:

— Так принесем их.

Де Керадель отвел руки. Зрачки его глаз светились; лицо его, казалось, куда-то ушло, видны были только два бледно-голубых огненных шара. Мадмуазель подняла взгляд: ее глаза — два глубоких пруда с фиолетовым пламенем; лицо ее расплывалось за ними. Тогда это не показалось мне странным.

На стене висело зеркало. Я взглянул на него и увидел, что мои глаза сверкают тем же жестоким огнем, лицо расплылось, и только эти горящие глаза смотрели на меня...

И это не показалось мне странным. Тогда.

Де Керадель повторил:

— Жертвы готовы.

Вставая, я сказал:

— Воспользуемся ими.

* * *

Мы вышли из столовой и поднялись по лестнице. Нечеловеческое возбуждение не проходило, наоборот, становилось более сильным и безжалостным. Придется отнимать жизнь, но что такое жизнь одного

или даже многих, если это ступени лестницы, по которой можно выбраться из темной ямы на солнце? Я узнаю Того, кто жил до жизни... создал ее... Создателя.

Рука об руку с де Кераделем я вошел в свою комнату. Он велел мне раздеться и принять ванну и оставил меня. Я разделся, и рука моя коснулась чего-то под левой мышкой. Кобура с пистолетом. Я забыл, кто дал ее мне, но он говорил мне, что это важно... очень важно, ее нельзя никому отдавать, нельзя снимать... Я рассмеялся. Бросил ее в угол комнаты.

Рядом был де Керадель, и я смутно удивился, что не заметил его появления. Я вымылся и стоял совершенно обнаженным. Он обернул мне вокруг бедер повязку, дал сандалии на ноги, помог просунуть руки в рукава длинного одеяния из плотного хлопка. Отступил назад, и я увидел, что он в такой же белой одежде. Опоясан он был широким поясом из черного металла или старого дерева. Такой же пояс вокруг груди. Они были украшены серебряными символами... но кто видел, чтобы серебро меняло цвет и форму... одна руна сменялась другой... На голове у него был венок из темных дубовых листьев, с пояса свисали длинный черный нож, черная кувалда, овальное блюдо и черный кувшин.

Дахут смотрела на меня, и я удивился, почему не видел ее раньше. На ней тоже была белая одежда из плотного хлопка, но пояс золотой, а его текучие символы красные; и лента красного золота перехватывала волосы, и золотые красные браслеты. В руке она держала золотой серп с острым, как бритва, лезвием.

Они закрепили на мне пояс с черными и серебряными символами, надели на голову венок из черных дубовых листьев. Де Керадель снял с пояса черную кувалду и вложил мне в руки. Я отшатнулся от ее прикосновения, и кувалда упала. Он подобрал ее и сжал вокруг мои пальцы. Я попытался разжать их и не смог, хотя прикосновение к кувалде вызывало отвращение. Я поднял кувалду и посмотрел на нее. Очень тяжелая и древняя... как и пояс... Вырезана из одного куска, из самого сердца дуба; в центре ручка, концы массивной головы тупые...

Mael bennique! «Ударяющий в грудь»! Разбиватель сердец! Я понял, что чернота его не от возраста, а от красного крещения.

Возбуждение спало. Что-то во мне поднималось из самой глубины, пыталось разорвать кандалы, шептало мне... шептало, что я должен покончить с ударами этой кувалды, что я пришел издалека, из самого Карнака, чтобы убить Дахут... и что бы ни случилось, я не должен пользоваться этой кувалдой... но должен идти дальше, идти, как я шел в древнем Исе... встретиться и даже смешаться с этим древним злом...

Де Керадель яростно смотрел на меня, адский огонь пылал в его взгляде:

— Ты один из нас, Носитель Кувалды!

Дахут коснулась меня рукой, прижалась к щеке. Возбуждение вернулось, протест из глубины забылся. Но какой-то отголосок остался. Я сказал:

— Я один из вас, но кувалду не возьму. — Дахут прикоснулась ко мне снова, пальцы мои разжались, и я отшвырнул кувалду.

Де Керадель угрожающе сказал:

— Делай то, что я приказываю. Подбери кувалду.

Дахут сладко, но с такой же смертоносной угрозой сказала:

— Терпение, отец. Он понесет блюдо и кувшин и поступит с ними, как предписано. Он будет питать огонь. Если он владеет кувалдой не по собственной воле, это бесполезно. Имей терпение.

Он яростно ответил ей:

— Ты уже однажды предала отца ради любовника.

Она спокойно сказала:

— И могу снова... и что ты можешь сделать, отец?

Лицо его побелело; он поднял руку, будто хотел ударить ее. И тут в его глазах появился страх, как тогда, когда он говорил о Силах, которые сможет вызвать и приказывать им, а она добавила: «Или они будут приказывать нам».

Рука его опустилась. Он поднял кувалду и дал мне блюдо и кувшин. Мрачно сказал:

— Идемте.

Мы вышли из комнаты, он по одну сторону от меня, Дахут по другую. Спустились по лестнице. В зале находилось множество слуг. Все в белой одежде и с незажженными факелами. Когда мы появились, все они опустились на колени. Де Керадель нажал на стену, часть ее отошла, обнажив уходящие вниз широкие каменные ступени. Рука об руку мы пошли по ним, слуги за нами, пока не остановились перед сплошной стеной. Де Керадель снова нажал, часть стены медленно и плавно, как занавес, поднялась.

Она закрывала вход в обширное помещение, высеченное в скале. Доносился резкий удушливый запах и рокот множества голосов. Помещение освещалось не ярко, но свет был чистый и прозрачный, как сумерки в лесу. На нас смотрело свыше ста мужчин и женщин, у всех широко раскрытые пустые глаза, все зачарованно смотрят в другой мир. Но нас они видят. Вокруг всей пещеры маленькие помещения, оттуда выходят все новые и новые люди; женщины несут на руках детей; дети побольше держатся за юбки матерей. И у детей тоже широко раскрытые глаза.

* * *

Де Керадель поднял булаву и крикнул им что-то. Они ответили на крик, подбежали к нам и упали лицом вниз. Подползали, чтобы поцеловать мои ноги, ноги де Кераделя, стройные ноги Дахут.

Де Керадель начал петь, пение низкое, звучное, древнее. Дахут подхватила песню, и я услышал, что сам пою, хотя не понимал языка. Мужчины и женщины встали. Они тоже запели. Стояли, раскачиваясь в такт. Я смотрел на них. У большинства лица истощенные, старческие.

Одежда, как в древнем Карнаке, только лица другие, чем у жертв в Карнаке.

На груди, над сердцами, сверкание, только у многих оно тусклое, пожелтевшее, умирающее. Только у детей яркое и устойчивое.

Я сказал де Кераделю:

— Слишком много стариков. Суть жизни у них истощена. Нужны молодые жертвы, в которых огонь жизни горит высоко.

Он ответил:

— Разве это важно? Любая отбираемая жизнь — жизнь.

Я гневно сказал:

— Важно! Нам нужны молодые! Не эти старики с холодной кровью.

Он посмотрел на меня в первый раз с того момента, как я отбросил кувалду. В его горящих глазах расчет, удовлетворение и одобрение. Посмотрел на Дахут, она кивнула и прошептала:

— Я права, отец, он с нами, но... терпение.

Де Керадель сказал:

— Молодые будут... позже. Сколько угодно. А пока придется обойтись тем, что есть.

Дахут коснулась моей руки и указала. В дальнем конце пещеры рампа вела к другой двери. Дахут сказала:

— Время идет, мы должны сделать, что можем... сейчас.

Де Керадель продолжил песнь. Мы пошли втроем перед рядами раскачивающихся поющих мужчин и женщин. Слуги с факелами шли за нами, дальше — поющие жертвы. Мы поднялись по рампе. Беззвучно открылась дверь. Мы вошли в нее и оказались на открытом воздухе.

Де Керадель прошел вперед, пение его становилось все яростнее, все более вызывающим. Ночь облачная, вокруг нас вились клочья тумана. Мы пересекли широкое открытое пространство и вступили в темную дубовую рощу. Дубы вздыхали и шептали, потом ветви их задрожали, листья зашумели, подхватив пение. Де Керадель приветствовал их поднятой кувалдой. Мы миновали дубы.

На мгновение древние времена, современность, вообще всякое время сошлись во мне. Я приглушенно сказал:

— Карнак — не может быть. Древний Карнак был тогда, и он здесь, сейчас!

Дахут обхватила меня за плечи. Губы Дахут прижались к моим. Она прошептала:

— Для нас нет ни тогда, ни сейчас, любимый.

Пение становилось слабее, неувереннее. Показалась ровная площадка, уставленная монолитами; не упавшие или наклоненные, как сейчас в Карнаке, но прямые, вызывающие, как в Карнаке тогда. Десятки монолитов образовали спицы огромного колеса. А в центре их сердце, гигантский дольмен, Пирамида. Храм. Подлинный Алкар-Аз, больший, чем в древнем Карнаке, и вокруг него клубятся клочья тумана. Туман, как огромная перевернутая чаша, накрывает Пирамиду и монолиты. А у камней стоят тени — тени людей.

Руки Дахут закрыли мне глаза. И вдруг вся странность, все сравнения — все это забылось. Де Керадель обернулся к жертвам, продолжая звонко петь, он поднял кувалду, черные символы на поясе и груди его плясали, как ртуть. Я поднял блюдо и кувшин, продолжая петь. Запинающиеся голоса снова набирали силу, пели, и губы Дахут снова были с моими:

— Любимый, ты с нами.

Дубы наклонялись, размахивали ветвями, подхватывали пение.

Слуги подняли факелы и стояли, как ожидающие собаки, вокруг жертв. Мы вышли на площадку с монолитами. Впереди шел, высоко подняв кувалду, де Керадель, ею он указывал на Пирамиду, как священник на алтарь. Дахут шла рядом со мной, пела, пела, высоко поднимая свой золотой серп. Толще становились стены перевернутой туманной чаши над нами и вокруг нас, все гуще окутывал нас туман. Темнее становились тени, охраняющие стоячие камни.

Жертвы обходили стоящие монолиты, танцевали вокруг них в древнем танце, как бы сливаясь с танцующими клочьями тумана. Слуги погасили факелы, но теперь на камнях зажглись огни святого Эльма. Колдовские огни. Фонари мертвых. Вначале слабо, потом все ярче и ярче. Сверкающие, сияющие шары, но с мертвенной серостью.

И вот я стою перед большой Пирамидой. Смотрю в ее внутренности, пустые, ненаселенные — пока. Пение становилось громче, жертвы все приближались, обходя монолиты. Все ближе и ближе. И все ярче светились огни святого Эльма, освещая дорогу к Пирамиде.

Пение смешалось, стало молитвой, заклинанием. Жертвы прижимались ко мне; раскачивались; напряженные взгляды не отрывались от Пирамиды. Что они в ней увидели?

* * *

У входа в Пирамиду стоят три камня. Средний — гранитная плита, в длину больше рослого человека, и на том месте, где прихо-

дились бы плечи лежащего, — каменное возвышение, как подушка. Камень в пятнах — как и кувалда; красные пятна и по бокам. Слева другой камень, низкий, приземистый; в середине углубление и от него канавка, как бы для спуска жидкости. А справа еще одна плита с углублением, которое почернело от огня.

Меня охватило странное оцепенение, чувство раздвоенности, как будто часть меня, самая жизненная часть, отступила в сторону, чтобы смотреть на представление, а другая часть меня, менее важная, в этом представлении участвует. И в то же время эта меньшая часть прекрасно знает, что ей делать. Двое слуг в белом протянули мне пучки прутьев, связки листьев и две чаши, в которых находились какие-то желтые кристаллы и смолистое клейкое вещество. На почерневшем камне-алтаре я развел костер, как предписывает древний обряд... разве я не помню, как жрец в древнем Карнаке разжигал костер перед Алкар-Азом?

Я ударил кремнем, прутья вспыхнули, я бросил в огонь листья, кристаллы и смолу. Поднялся странный острый запах, он окутал нас и устремился в Пирамиду, как будто его туда всасывало сквозняком.

Дахут проплыла мимо меня. Рядом с ней шла женщина с ребенком на руках. Дахут взяла у нее ребенка, женщина не сопротивлялась, Дахут отошла к алтарю. В дыму я различил блеск золотого серпа, потом де Керадель взял у меня блюдо и кувшин. Поставил их возле алтаря. И вернул мне, когда они заполнились.

Я опустил пальцы в блюдо и брызнул его содержимым на порог Пирамиды. Взял кувшин и вылил его содержимое на этот порог. Потом вернулся к костру и начал подкармливать его, беря ветви в красные руки.

Теперь у приземистого алтаря стоял де Керадель. Он поднял в руках маленькое тело и бросил его в Пирамиду. Дахут напряженно застыла рядом, высоко подняв золотой серп, но серп больше не был золотым. Он стал красным, как мои руки. Между нами и вокруг нас вился дым от священного огня.

Де Керадель выкрикнул слово, и пение прекратилось. Из рядов жертв, спотыкаясь, вышел мужчина с широко раскрытыми, немигающими глазами, с зачарованным лицом. Де Керадель схватил его за плечи, двое слуг немедленно набросились на него, сорвали с него одежду и положили обнаженного на камень. Голова его упала на каменную подушку, грудь выступила над ней. Де Керадель быстро нажал на горло, на грудь, на бедра. Жертва неподвижно лежала на камне, и де Керадель начал бить по обнаженной груди черной кувалдой. Вначале медленно, потом все быстрее и быстрее, все сильнее, как предписывал древний обряд.

Человек на камне закричал от боли. И, как подкормленные этим криком, вспыхнули огни святого Эльма. Они пульсировали, то разго-

рались, то увядали. Жертва замолкла, де Керадель нажал на горло... боль жертвы должна быть безмолвной, безмолвную боль труднее переносить, поэтому она более приемлема для Собирателя...

Кувалда нанесла последний удар, раздробив ребра и превратив в месиво сердце. Дым от огня уходил в Пирамиду. Де Керадель поднял высоко над головой тело жертвы.

Он бросил его в Пирамиду, а красные руки Дахут взлетели над ее головой в немой молитве.

Красные руки Дахут!

В Пирамиде послышалось гудение, как от множества мух, питающихся падалью. Туман над Пирамидой сгустился. Бесформенная тень сгустилась в тумане и нависла над Пирамидой. Она сделала туман темным, она опустилась на Пирамиду, но я знал, что это только часть чего-то, протянувшегося до края Галактики, и что наш мир в этом чем-то только ничтожный мотылек, а наше Солнце — ничтожная искорка... Это нечто повисло над Пирамидой, но не вошло в нее.

Снова в руках Дахут сверкнул золотой серп; снова де Керадель наполнил блюдо и кувшин и передал их мне; снова оцепенело прошел я сквозь туман и дым к алтарю и брызнул красным на огонь и на порог Пирамиды, полил порог содержимым кувшина.

Де Керадель снова высоко поднял кувалду и выкрикнул имя. Из рядов жертв вышла женщина, старуха, сморщенная и дрожащая. Помощники де Кераделя раздели ее, он бросил ее на камень, ударил по увядшим грудям кувалдой, еще и еще.

Бросил тело в Пирамиду, и других подводили к нему, и он взмахивал кувалдой, уже не черной, а красной, и бросал, и бросал тела.

Нечто уже не висело над Пирамидой, оно вступило в нее, просочилось сквозь камни крыши, но по-прежнему сквозь него устремлялись клочья тумана. В Пирамиде стало темнее. И дым алтаря больше не окутывал де Кераделя, Дахут и меня, а устремлялся прямо в Пирамиду.

Жужжание прекратилось; все стихло; наступило молчание, подобное тому, какое царило до рождения Солнца. Все движения прекратились.

Но я знал, что бесформенная чернота в Пирамиде знает обо мне. И рассматривает меня тысячью глаз. Я чувствовал ее внимание, зловещее, жестокое настолько, что человек не может воспринять эту меру жестокости. Это внимание, как щупальцами, окутало меня. Как будто черные бабочки притрагивались ко мне своими усиками.

Снова в Пирамиде послышалось гудение, оно поднималось все выше и выше, пока не превратилось в слабый, сдержанный шепот.

Де Керадель на коленях стоял на пороге, внимательно слушая. Рядом с ним слушала Дахут... в руках ее серп, не золотой, а красный.

На каменном алтаре плакал ребенок — еще не мертвый.

И вдруг Пирамида опустела, тени в тумане не стало... Собиратель ушел.

* * *

Мы шли назад между камнями, де Керадель и Дахут рядом со мной. Огней святого Эльма не было. В руках слуг горели факелы. Сзади, распевая и раскачиваясь, шли оставшиеся в живых жертвы. Мы миновали дубовую рощу, деревья молчали. Меня по-прежнему охватывало странное оцепенение, и я не чувствовал ужаса перед тем, что видел... или делал.

Передо мной дом. Странно, как изменяются его очертания, какими туманными и нематериальными они кажутся.

И вот я в своей комнате. Оцепенение, приглушившее эмоциональные реакции на все, сопровождавшее призыв Собирателя, уступало место чему-то другому, еще не определенному, но достаточно сильному. Возбуждение, вызванное зеленым напитком, уходило. У меня появилось впечатление нереальности, я двигался в нереальном мире среди нереальных предметов. Что стало с моей белой одеждой? Я помнил, что де Керадель снял ее с меня, но куда он ее дел и куда делся сам, я не знал. И руки у меня чистые, больше не в крови.

Со мной Дахут, ноги у нее голые, тело просвечивает сквозь одежду. Фиолетовые огни все еще слабо видны во взгляде. Она обнимает меня руками за шею, прижимается ко мне губами. Шепчет:

— Алан! Я забыла Алена де Карнака. Он заплатил за то, что сделал. Он умирает. Это тебя я люблю, Алан.

Я держал ее в объятиях и чувствовал, как умирает владыка Карнака. Но я, Алан Каранак, еще не проснулся.

Руки мои все теснее прижимали ее. В ней аромат какого-то тайного морского цветка, а в ее поцелуях сладость вновь познанного или давно забытого зла.

БЛЮДО ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ

Я проснулся с таким чувством, будто избавился от дурного сна. Что это за сон, я не помнил, помнил только, что он... отвратителен. День ветреный, волны бьют о скалистые берега, воет ветер, и в окна пробивается серый свет. Я поднял левую руку, чтобы посмотреть на часы, но их не было. Не было их и на столе у кровати. Во рту у меня пересохло, кожа была сухой и горячей, я себя чувствовал так, будто пил два дня подряд.

Хуже всего страх, что я вспомню свой сон. Я сел в постели. Еще кое-чего, кроме часов, не хватало: пистолета под мышкой, пистолета Мак-Канна. Я лег и постарался вспомнить. Вспомнил зеленый напиток,

в котором поднимались светящиеся пузырьки, и потом — ничего. Между этим зеленым напитком и настоящим — туман. И туман скрывает то, что я боюсь вспомнить.

Туман был и во сне. И пистолет тоже был во сне. Когда я пил этот напиток, пистолет был со мной. Вспышка воспоминаний: после напитка пистолет казался нелепым, ненужным, и я бросил его в угол. Я выскочил из постели и стал искать пистолет.

Нога моя запнулась о черное овальное блюдо. Не черное, все в пятнах и полосах, а внутри что-то похожее на резину.

Блюдо жертвоприношения!

Внезапно туман рассеялся... я вспомнил сон... если это сон... вспомнил все ужасные подробности. Пошатнулся, почувствовал тошноту.

Если это не сон, тогда я проклят и трижды проклят. Я не убивал, но участвовал в убийстве. Я не бил жертвы по груди, но и не поднял руки, чтобы спасти их, и я подкладывал ветви в их погребальный костер.

Вместе с Дахут и де Кераделем я вызывал черную и злую Силу, вместе с ними я палач, убийца, слуга ада. Как можно доказать, что это сон? Иллюзия, внушенная Дахут и де Кераделем, пока моя воля бездействовала под чарами зеленой жидкости. Я отчаянно пытался уверить себя, что это был только сон. В их глазах сверкал мрачный огонь, в моих тоже. Физиологическая особенность, которой человек в обычных условиях не обладает. Никакой напиток не может создать такой эффект. И у человека на груди, на сердце нет огня, яркого в юности, тускнеющего к старости. Но эти огни горели на груди жертв!

И только во сне дубы могут петь и склонять в такт свои ветви.

Но — это окровавленное блюдо! Может ли оно материализоваться из сновидения?

Нет, но де Керадель и Дахут могли подложить его, чтобы убедить меня, что сон был реальностью... Сон или не сон, я запятнан злом.

Я встал и поискал пистолет. Нашел в углу комнаты, куда я его сам бросил. Что ж, по крайней мере это реальность. Пристегнул кобуру под мышку. Голова моя напоминала улей, в котором непрерывно жужжат пчелы — мысли. Но в потрясенном мозгу все сильнее становилась холодная, безжалостная ненависть, отвращение к де Кераделю и его ведьме-дочери.

* * *

Дождь бил в окна, ветер свистел за окнами старого дома. Где-то один раз ударили часы. Я не знал, полчаса это или час. И тут мне пришла в голову еще одна мысль. Я достал из кобуры листья и пожевал их. Они были очень горькими, но я их проглотил, и почти сразу же голова моя прояснилась.

Нет смысла искать де Кераделя, чтобы убить его. Прежде всего, я не смогу оправдать свой поступок. Если только в Пирамиде нет груды костей и я не смогу открыть пещеру с нищими. Но я не верил, что найду пещеру или тела.

Убийство де Кераделя будет казаться поступком сумасшедшего, и в лучшем случае меня ждет сумасшедший дом. К тому же, если я его убью, придется считаться с его слугами.

И Дахут... Я сомневался, что смогу хладнокровно убить Дахут. И даже если сделаю это, все-таки остаются слуги. Они меня убьют... а мне не хотелось умирать. Передо мной возникло лицо Элен, и нежелание умирать стало еще сильнее.

К тому же предстояло еще установить, сон или реальность то, что я вспоминал. Прежде всего необходимо установить это. Как угодно, любым способом нужно связаться с Мак-Канном. Сон или реальность, я должен продолжать игру и не позволять, чтобы меня снова поймали в ловушку.

Прежде всего я должен делать вид, что считаю свой сон реальностью; убедить де Кераделя, что я в это верю. Иначе зачем бы ему или Дахут оставлять возле меня блюдо?

Я оделся, взял блюдо и пошел вниз, держа его перед собой. Де Керадель сидел за столом, но мадмуазель не было. Я увидел, что сейчас начало второго. Когда я сел, де Керадель пристально взглянул на меня и сказал:

— Кажется, вы спали хорошо. Я приказал, чтобы вас не тревожили. День сегодня испорчен, и моя дочь спит долго.

Я рассмеялся.

— Еще бы. После такой ночи.

— Что вы этим хотите сказать?

— Не нужно больше ничего скрывать от меня, де Керадель, — сказал я, — особенно после этой ночи.

Он медленно спросил:

— А что вы помните об этой ночи?

— Все, де Керадель. Все, начиная с ваших убедительных объяснений, как тьма порождает жизнь, порождает эволюцию. А доказательство — то, что вы призывали к Пирамиде.

— Вам это приснилось.

— И это?

Я поставил блюдо в пятнах на стол. Глаза его стали шире, он переводил взгляд с меня на блюдо.

— Где вы это нашли?

— Рядом со своей постелью. Когда недавно проснулся.

Вены на его висках вздулись и запульсировали, он прошептал:

— Зачем она это сделала?

Я сказал:

— Потому что она мудрее вас. Потому что знает, что мне нужно говорить правду. Потому что верит мне.

Он сказал:

— Когда-то она уже поверила вам. Это дорого стоило и ей, и ее отцу.

— Когда я был владыкой Карнака, — рассмеялся я. — Владыка Карнака прошлой ночью умер. Так она сама мне сказала.

Он долго смотрел на меня.

— Как умер владыка Карнака?

Я грубо ответил:

— В объятиях вашей дочери. И теперь она предпочитает... меня.

Он оттолкнул кресло, подошел к окну и долго молча смотрел на дождь.

Потом вернулся к столу и спокойно сел.

— Каранак, что вам приснилось?

— Пустая трата времени рассказывать. Если это был сон, вы внушили его и поэтому знаете. Если не сон, вы там были.

— Тем не менее прошу вас рассказать.

Я изучал его. Что-то необычное было в этой просьбе, похоже, он искренен. И тут в колесе моих стройных суждений появилась палка.

Я решил выиграть время.

— После еды, — сказал я.

Во время завтрака он молчал; но когда я поднимал взгляд, он смотрел на меня. Казалось, он о чем-то напряженно думает. Я пытался извлечь палку из колеса своих рассуждений. Удивление и гнев при виде блюда кажутся искренними. Но в таком случае не он поставил блюдо у моей кровати. Поэтому не он хочет, чтобы, проснувшись, я вспомнил — сон или реальность.

Значит, Дахут. Но почему она хочет, чтобы я вспомнил, если ее отец этого не хочет? Единственный ответ — между ними конфликт. Но может быть и другая причина. Я был очень высокого мнения об уме де Кераделя. Не думаю, чтобы он стал спрашивать у меня то, что сам уже знает. По крайней мере не без причины. Означает ли его вопрос, что он не принимал участия в вызове Собирателя? Что никаких жертвоприношений не было... что все это иллюзия... и что не он создал эту иллюзию?

Что все это работа одной Дахут?

Или... Не означает ли это, что зеленая жидкость предназначалась для того, чтобы я все забыл? И что по какой-то причине у меня оказался частичный иммунитет против нее? И теперь де Керадель хочет понять, до какого предела простирается этот иммунитет... сравнить мои воспоминания с действительностью?

Но остается блюдо; и дважды я видел страх в его глазах, когда

к нему обращалась Дахут... все-таки между ними трещина... и мне нужно этим воспользоваться.

А может, кто-то другой, не Дахут, поместил блюдо рядом со мной?

Я вспомнил голос Ральстона, перешедший в жужжание мухи. Услышал, как Дик кричит мне: «Берегись, берегись Дахут... освободи от Собирателя, Алан».

В комнате потемнело, как будто дождевые тучи спустились еще ниже, все заполнили тени.

Я сказал:

— Отпустите слуг, де Керадель. Я вам расскажу.

* * *

Я рассказал. Он слушал, не прерывая, с неподвижным лицом, бледные глаза время от времени поглядывали в окно, потом смотрели на меня. Когда я кончил, он с улыбкой спросил:

— Вы считаете это сном... или реальностью?

— Но вот это... — я указал на блюдо.

Он взял его и задумчиво стал рассматривать. Сказал:

— Предположим для начала, что ваш опыт реален. При этом я оказываюсь колдуном, волшебником, жрецом ада. И вас я не люблю. Не только не люблю, но и не доверяю вам. Меня не обманула ваша готовность участвовать в наших делах и целях. Я знаю, что вы пришли сюда только от страха перед тем, что может случиться с вашими друзьями. Короче, я знаю все о взаимоотношениях моей дочери с вами и о том, что из этого следует. Я мог бы... избавиться от вас. Очень легко. И избавился бы, если бы не одно препятствие. Любовь моей дочери к вам.

Обращаясь к воспоминаниям ее далекого предка из Иса, превращая ее в древнюю Дахут, я, очевидно, не мог пользоваться только избранными воспоминаниями. Для моих целей они должны быть полными. Я должен восстановить их все. К несчастью, в их числе и владыка Карнака. К еще большему несчастью, она встретилась с вами, чьим отдаленным предком является все тот же владыка Карнака. Ваше уничтожение означало бы необходимость полностью перестраивать все мои планы. И это привело бы ее в ярость. Она стала бы моим врагом. Поэтому вы — не прекратили существовать. Ясно?

— Абсолютно, — сказал я.

— Далее — по-прежнему предполагая, что я именно тот, кем кажусь вам, — что я должен предпринять? Очевидно, сделать вас particeps criminis, соучастником преступления. Вы не сможете разоблачить меня, не разоблачив тем самым и себя. Я даю вам некий напиток, который уничтожает ваши предубеждения относительно того и этого, устраняет ограничения. Вы становитесь particeps criminis. И теперь бессильны разоблачить меня, если сами не хотите получить петлю на

шею. Несомненно, — вежливо заметил он, — все эти соображения приходили вам в голову.

— Действительно, — согласился я. — Но я хотел бы задать вам несколько вопросов, вам в роли колдуна, волшебника, жреца ада, вымышленной или реальной.

— Спрашивайте.

— Вы были причиной смерти Ральстона?

— Нет, — ответил он. — Это моя дочь. Она приказывает теням.

— Но была ли тень, шептавшая ему о смерти... реальной?

— Достаточно реальной, чтобы вызвать его смерть.

— Вы начинаете говорить двусмысленно. Я спросил, реальна ли она.

Он улыбнулся.

— Есть доказательства, что он в это верил.

— А остальные трое?

— Тоже считали тени реальностью. Именно неожиданное установление доктором Беннетом связи между этими четырьмя случаями вызвало наш визит к доктору Лоуэллу... исключительно неудачный визит, поскольку, как я уже заметил, там она встретила вас. Конечно, по-прежнему допуская, что я колдун и злодей, Каранак.

— Но зачем вы их убили?

— Мне временно понадобились деньги. Вы помните, возникли трудности с доставкой золота из Европы. Мы много раз убивали и раньше — в Англии, во Франции, в других местах. Дахут нуждается в развлечениях, ее тени тоже. И они должны питаться — время от времени.

Говорит ли он правду или играет со мной? Я холодно сказал:

— Те, что ночью шли к Пирамиде... мы по-прежнему предполагаем, что мое видение реально... — нищие...

Он меня прервал:

— Нищие! Почему вы их так называете?

Теперь я рассмеялся.

— А разве это не так?

Он успокоился.

— Большинство из них — да. А теперь вы будете спрашивать, как я их получаю. Это, дорогой мой Каранак, исключительно просто. Нужно только подкупить одного-двух чиновников, передать нищим некий наркотик, потом тени моей дочери начнут им нашептывать, и вот по ночам они начинают ускользать и под руководством теней добираются до места, где их ждет моя яхта. И вот они здесь... и очень счастливы, уверяю вас... между жертвоприношениями.

Удовлетворительно ли я рассеял ваши сомнения? Разве все это не соответствует характеру колдуна и его дочери?

Я не ответил. Он сказал:

— Продолжая рассуждения, мой дорогой Каранак, предположим,

что вы сбежите, расскажете эту историю другим, привлечете ко мне человеческий закон... что произойдет тогда? Не найдут никаких жертв, ни мертвых в Пирамиде, ни живых в пещере. И Пирамиды никакой не будет. Я позаботился об этом.

Найдут лишь мирного ученого, у которого невинное хобби — воспроизвести в миниатюре древний Карнак. Он покажет свои стоячие камни.. Его очаровательная дочь будет сопровождать и развлекать прибывших. Вы... вы тоже будете присутствовать, но как сумасшедший. Но что произойдет с вами дальше? Вы не умрете... даже если очень захотите... даже если у вас останутся силы, чтобы сформулировать такое желание...

Губы его улыбались, но глаза были холодны, как лед.

— Я по-прежнему говорю как колдун, разумеется.

Я спросил:

— Но почему со своим экспериментом вы приехали сюда, де Керадель? Разве не лучше было бы провести его в Карнаке, перед древней Пирамидой? Собиратель хорошо знает туда дорогу.

Он ответил:

— Собиратель знает все дороги. И как я могу свободно открывать эту дорогу в земле, где так живы воспоминания? Где нашел бы я жертвы, как бы смог провести ритуал без помех? Невозможно. Поэтому я и пришел сюда. Здесь Собиратель неизвестен... пока.

Я кивнул: все это достаточно разумно. Прямо спросил:

— Чего вы рассчитываете добиться?

Он рассмеялся.

— Вы слишком наивны, Каранак. Этого я вам не скажу.

* * *

Гнев и угрызения совести заставили меня забыть об осторожности.

— Я никогда больше не буду помогать вам в этом черном деле, де Керадель.

— Вот как! — медленно сказал он. — Вот как! Я так и думал. Но вы мне больше не нужны, Каранак. Сближение прошлой ночью было почти совершенным. Таким совершенным, что больше мне не нужна даже... Дахут.

Он сказал это почти задумчиво, как будто рассуждал вслух, а не говорил со мной. И опять я почувствовал между ними какую-то трещину, какой-то разлад... страх перед Дахут гонит его... куда?

Он откинулся в кресле и рассмеялся; в глазах и губах смех без угрозы или злобы.

— Это одна сторона дела, доктор Каранак. А теперь возьмем другую сторону, сторону здравого смысла. Я способный психиатр и любитель приключений, исследователь, но не джунглей и пустынь этого ми-

ра. Я исследую мозг человека, а это тысячи миров. Большинство из них, я это признаю, удручающе однообразны. Но время от времени встречаются такие отличия, которые оправдывают всю работу.

Предположим, я слышал о вас. Кстати, Каранак, я знаю историю вашей семьи лучше вас. Но у меня все же не было желания встретиться с вами, пока я не прочел ваше интервью по поводу случая с Ральстоном, о котором я ничего не знал. Оно возбудило мое любопытство, и я решил исследовать... вас. Но как лучше всего приблизиться к вам, не возбудив подозрений? Как проникнуть в мир вашего мозга, который я хочу осмотреть?

Я прочел, что вы друг доктора Беннета, у которого есть интересные мысли по поводу смерти этого самого Ральстона. Я узнал, что Беннет — ассистент доктора Лоуэлла, которому я давно собирался позвонить как известному специалисту. Я позвонил ему и, совершенно естественно, получил приглашение прийти с дочерью на обед. И, как я и ожидал, там же были вы и доктор Беннет.

Очень хорошо. Вы любитель колдунов, исследователь волшебства. Я повел беседу в этом направлении. Вы говорили с журналистами о тенях, и, к своей радости, я понял, что доктор Беннет одержим той же идеей. И что еще лучше, он почти убежден в реальности волшебства. И вы двое настолько связаны, что я легко получаю доступ не только к вашему мозгу, но и к его мозгу тоже.

Он посмотрел на меня, как бы ожидая замечаний, но я промолчал. Лицо его стало менее дружеским. Он сказал:

— Я назвал себя исследователем мозга, Каранак. Я прокладываю в нем свой путь, как другие исследователи пробираются через джунгли. Даже лучше, потому что я могу контролировать... процесс.

Он снова помолчал, а когда я опять ничего не сказал, спросил со следами раздражения:

— Вы меня поняли?

Я кивнул:

— Следую за вами. — Я не стал добавлять, что не только следую за ним, но и иду немного впереди него... у меня начинала формироваться мысль.

Он сказал:

— А теперь хочу вам сообщить — опять-таки в своей ипостаси психиатра-исследователя, а не колдуна, — что весь мой эксперимент был направлен на пробуждение тех воспоминаний, которые вы получили от своих далеких предков, приносивших жертвы богу-демону. Те самые жертвоприношения, в которых, вам показалось, вы участвовали прошлой ночью. То, что вы видели над Пирамидой и в Пирамиде, на самом деле представление о демоне-боге, созданное вашими предками столетия назад. Только это и ничего больше.

Я полагаю, что с момента нашей встречи мало из того, что казалось

вам реальностью, было ею на самом деле: на самом деле была ткань, сотканная из темных воспоминаний предков и реальности, ткань, которую ткал я. Не существует никакого Собирателя... нет никаких ползущих теней... нет пещеры, скрытой под этим домом. Моя дочь, участвующая в моих экспериментах, иногда кажется вам тем, чем и является на самом деле: современной женщиной, образованной, разумеется, но не большей ведьмой, чем та Элен, которую вы назвали своей античной монетой. И наконец здесь вы только гость. Не пленник. И ничто не побуждает вас тут оставаться, кроме вашего собственного воображения... стимулированного, признаю это, моим участием в исследовании.

Он добавил с почти не скрываемой иронией:

— И участием моей дочери.

Теперь я подошел к окну и встал, повернувшись к нему спиной. Я заметил, что дождь прекратился, и сквозь облака просвечивает солнце. Он лжет. Но в какой из двух интерпретаций лжет меньше? Ни один колдун не мог организовать башню Дахут в Нью-Йорке и в древнем Исе и тем более руководить моими действиями там, реальными или воображаемыми; не мог он отвечать и за то, что произошло после ритуалов прошлой ночи. Только колдунье доступно такое.

Во втором объяснении есть и другие слабые места. Но неуничтожимая скала, о которую оно окончательно разбивается, — свидетельства Мак-Канна, который, пролетая над этим местом, тоже видел огни святого Эльма, эти гниющие огоньки мертвых... видел черную бесформенную фигуру, сидящую на Пирамиде... видел людей среди стоячих камней, пока все не поглотил туман.

В какую из этих историй я должен поверить? Как убедить в этом де Кераделя? Я знал, что он мне не верит. Может, это ловушка, лабиринт? Какую из дверей должен я открыть?

Мысль, формировавшаяся в моем сознании, становилась все яснее. Я повернулся к нему, постарался придать лицу смешанное выражение вины и восхищения и сказал:

— Откровенно говоря, не знаю, де Керадель, чего во мне больше: разочарования или облегчения. В конце концов, вы ведь действительно возвели меня на гору и показали земные царства, а часть меня возрадовалась перспективам и готова была следовать за вами. И вот одна часть радуется, что это всего лишь мираж, зато другая хотела бы, чтобы это было правдой. И я разрываюсь между негодованием, что стал для вас подопытным кроликом, и восхищением тем, как вы провели эксперимент.

Я сел и беззаботно добавил:

— Я считаю, что сейчас все стало ясно. Эксперимент окончен.

Бледно-голубые глаза не отрывались от меня. Де Керадель медленно ответил:

— Он кончен — насколько это зависит от меня.

* * *

Но я хорошо знал, что ничего не кончено; знал, что я по-прежнему пленник; я зажег сигарету и спросил:

— Значит, я могу идти, куда хочу?

— Ненужный вопрос, — бледные глаза сузились, — если вы принимаете мое основанное на здравом смысле объяснение.

Я рассмеялся.

— Это дань вашему искусству. Не так легко избавиться от иллюзий, созданных вами, де Керадель. Кстати, я хотел бы послать телеграмму доктору Беннету.

— Жаль, — ответил он, — но буря порвала провод между нами и деревней.

Я сказал:

— Я был в этом уверен. Но я собирался написать доктору Беннету, что мне здесь нравится и что я намерен оставаться так долго, как мне разрешат. Что вопрос, который нас с ним интересовал, разъяснился к полному моему удовлетворению. Что ему не о чем беспокоиться и что позже я объясню все подробнее в письме.

Помолчав, я посмотрел ему прямо в глаза.

— Мы напишем это письмо вместе — вы и я.

Он откинулся, глядя на меня с ничего не выражающим лицом, но я успел заметить его удивление при моем неожиданном предложении. Он клюнул на приманку, хотя еще не проглотил ее.

— Почему? — спросил он.

— Из-за вас, — ответил я и подошел к нему. — Де Керадель, я хочу тут остаться. С вами. Но не как человек, которого держат наследственные воспоминания. И не воображение, которое подстегиваете вы или ваша дочь. Не внушение... не колдовство. Я хочу оставаться здесь в здравом уме и самим собой. И чары вашей дочери не имеют к этому отношения. Меня мало интересуют женщины, де Керадель, кроме нагой дамы, которую зовут Истина. Из-за вас, только из-за вас я хочу остаться.

Опять он спросил:

— Почему?

Но он заглотил приманку. Его бдительность ослабла. У каждой симфонии есть главная тема, а в ней основная нота. Так же и с каждым человеком. Узнай эту ноту, узнай, как ее заставить звучать, — и этот человек твой. Доминанта де Кераделя — тщеславие, эгоизм. Я заставил звучать именно эту ноту.

— Никогда, я думаю, де Карнак не называл де Кераделя... хозяином. Никогда не просил разрешения сидеть у ног де Кераделя и учиться. Я достаточно знаю историю наших семей, чтобы уверенно утверждать это. Ну, этому конец. Всю жизнь я стремился сорвать с

Истины покрывало. Я считаю, вы можете сделать это, де Керадель. Поэтому — я останусь.

Он с любопытством спросил:

— Которой же из двух моих историй вы поверили?

Я рассмеялся.

— Обеим и ни одной. Разве иначе заслуживал бы я быть вашим учеником?

Он сказал, почти задумчиво:

— Хотел бы я верить вам... Ален де Карнак! Мы бы многого могли достичь вместе.

Я ответил:

— Верите вы мне или нет, но как я, будучи здесь, могу повредить вам? Если я исчезну... или покончу самоубийством... или сойду с ума... это, конечно, может вам повредить.

Он с отсутствующим видом покачал головой, с холодным равнодушием сказал:

— Я легко могу избавиться от вас, де Карнак, и никаких объяснений не понадобится... но я хотел бы вам верить.

— Но если вы ничего не теряете, почему бы не согласиться?

Он по-прежнему медленно сказал:

— Я согласен.

Взял в руки блюдо жертвоприношений и взвесил его. Поставил на стол. Протянул ко мне обе руки, не касаясь меня, и сделал жест, на который я, при всем том, что было в моем сердце, не мог ответить. Этому священному жесту научил меня тибетский лама, которому я спас жизнь... и де Керадель осквернил его... но все же жест означал обязательства... обязательства, которые простираются за пределы жизни...

Спасла меня Дахут. В комнату полился поток солнечных лучей. Вместе с ним появилась и Дахут. Если бы что-то нужно было для подтверждения второй версии де Кераделя, версии здравого смысла, так это Дахут, идущая в лучах солнца. На ней был костюм для верховой езды, сапоги, сине-зеленый шарф и берет точно такого же цвета. Подойдя ко мне в солнечных лучах, она вытеснила из моей головы и де Кераделя, и все остальное.

Она сказала:

— Здравствуйте, Алан. Прояснилось. Не хотите ли прогуляться?

И тут она увидела блюдо жертвоприношений. Глаза ее расширились, так что стали видны белки... и в глазах заплясали фиолетовые огни.

Лицо де Кераделя побледнело. В нем появилось понимание... предупреждение, известие — от него к ней. Ресницы мадмуазель дрогнули.

Я сказал беззаботно, как будто ничего не заметил:

— С удовольствием. Пойду переоденусь.

Я уже знал, что не де Керадель поставил рядом со мной блюдо. Теперь я знал, что и Дахут не делала этого. Тогда кто же?

Я вошел к себе в комнату и снова как будто услышал жужжание... «Алан, берегись Дахут...»

Может, все-таки тени будут ко мне добры.

ПСЫ ДАХУТ

Как бы ни разгадывалась загадка блюда, приглашение Дахут было тем счастливым случаем, на который я надеялся. Я торопливо переоделся. Мне представлялось, что ее разговор с отцом будет не вполне дружеским, и я не хотел, чтобы она переменила намерение насчет прогулки. Возможно, в деревню мне попасть не удастся, но до скалы, где дежурят рыбаки, я доберусь.

Я написал записку Мак-Канну:

«Будьте у скалы ночью от одиннадцати до четырех. Если я не покажусь, будьте здесь завтра ночью в те же часы. То же и относительно ночи послезавтра. Если я и тогда не покажусь, передайте Рикори, чтобы действовал по усмотрению».

К тому времени Рикори уже должен приехать. И если я не смогу связаться с Мак-Канном, значит, я попал в переплет. Я надеялся на изобретательность и безжалостность Рикори, не меньшие, чем у де Кераделя. И он будет действовать быстро. Я изготовил дубликат записки: в конце концов, может, удастся попасть и в деревню. Одну записку положил в двухунциевую бутылочку и плотно закрыл, вторую сунул в карман.

Насвистывая, спустился вниз, предупреждая о своем появлении. Вошел в комнату так, будто никого в мире ни в чем не подозреваю. Впрочем, я не играл: я испытывал душевный подъем; так боксер, проигрывавший раунд за раундом в бою с противником с совершенно незнакомым стилем, вдруг получает ключ к противнику и знает, как с ним справиться.

Мадмуазель стояла у очага, постукивая по сапогам рукоятью арапника. Де Керадель по-прежнему сидел за столом, слегка ссутулившись. Блюда жертвоприношений не было видно. Мадмуазель напоминала прекрасную осу, де Керадель — быка, отражающего нападки осы.

Я рассмеялся, когда это сравнение пришло мне в голову.

Дахут сказала:

— Вы веселы.

Я ответил:

— Да, весел. Веселее, чем был, — тут я взглянул на де Кераделя, — многие годы.

Она не пропустила ни этот взгляд, ни ответную напряженную улыбку. Сказала:

— Идемте. Ты уверен, отец, что не хочешь присоединиться к нам?

Де Керадель покачал головой.

— У меня много дел.

Мы пошли к конюшне. Она взяла того же гнедого, я — чалого. Некоторое время она ехала передо мной молча, потом позволила мне догнать ее. Сказала:

— Вы так веселы, будто едете на встречу с любимой женщиной.

— Надеюсь встретить ее, хотя и не в этой поездке.

Она прошептала:

— Это Элен?

— Нет, Дахут, хотя у Элен есть много общего с ней.

— Кто же она?

— Вряд ли вы хорошо с ней знакомы, Дахут. Она не носит одежды, только покрывало на лице. Ее зовут Истина. Ваш отец пообещал мне приподнять ее покрывало.

Она подъехала ближе, схватила меня за руку.

— Он обещал это... вам?

— Да. И очень обрадовался, что теперь ему не нужна ваша помощь.

— Почему вы говорите мне это? — Она крепче сжала мою руку.

— Потому что, Дахут, я очень хочу встретиться с этой нагой дамой Истиной, когда на ней вообще не будет покрывала. И у меня было чувство, что если я не отвечу искренне на все вопросы, наша встреча отдалится.

Она угрожающе сказала:

— Не играйте со мной. Зачем вы сказали мне это?

— Я не играю с вами, Дахут, я отвечаю честно. Настолько, что сообщу вам и другую причину.

— Какую же?

— Разделяй и властвуй.

Она, не понимая, смотрела на меня.

— В Индии рассказывают, — сказал я. — Это джатака, басня о животных. Ссорились между собой царица тигров и царь львов. Их вражда опечаливала джунгли. И было решено, что они сядут на чашки весов над прудом, полным крокодилов. Царица тигров и царь львов сели на чашки. И оказалось, что весят они одинаково. Но по середине весов ползал муравей с песчинкой в челюстях. «Хо! — воскликнул он. — О чем спор? И кто спорит?» Так сказал этот ничтожный муравей царице тигров и царю львов. И песчинка в его челюстях — их жизнь и смерть.

Дахут спросила, затаив дыхание:

— Кто же из них остался жить?

Я рассмеялся.

— Об этом ничего не говорится.

Она поняла, что я хочу сказать, щеки ее покраснели, искорки заплясали в глазах. Она отпустила мою руку. Сказала:

— Отец очень доволен вами, Алан.

— Вы уже говорили мне об этом, Дахут... и никакой радости это не принесло.

Она прошептала:

— Кажется, я уже слышала такие слова от вас... и мне это не принесло радости. — Она снова схватила меня за руку. — Но я недовольна, Алан.

— Простите, Дахут.

— Несмотря на всю свою мудрость, мой отец простодушен. Но я нет.

— Прекрасно, — сказал я. — Я тоже. Я ненавижу простодушие. Но никакой наивности в вашем отце я пока не заметил.

Она все сильнее сжимала мою руку.

— Эта Элен... сильно ли она напоминает нагую даму с покрывалом, которую вы ищете?

Сердце у меня забилось чаще; я ничего не мог сделать, она это почувствовала.

Сладко сказала:

— Не знаете? Значит, у вас не было возможности... сравнивать.

В ее смехе, напоминающем журчание мелких волн, звучала безжалостность.

— Оставайтесь веселым, мой Алан. Возможно, когда-нибудь я предоставлю вам такую возможность.

* * *

Она похлопала лошадь плетью и поехала дальше. Мне уже не было весело. Какого дьявола я позволил вовлечь в обсуждение Элен? Не подавил ее имя в самом начале? Я ехал сразу за Дахут, но она не оглядывалась на меня и ничего не говорила.

Мы проехали одну-две мили и оказались на лугу со скорчившимися кустами. Тут к ней как будто вернулось хорошее настроение, и она поехала рядом со мной. Сказала:

— Разделяй и властвуй. Мудрое изречение. Чье оно, Алан?

— Насколько мне известно, древнеримское. Его цитировал Наполеон.

— Римляне были мудры, очень мудры. А если я расскажу отцу, что вы настраиваете меня так?

Я равнодушно ответил:

— Почему бы и нет? Но если такая мысль еще не пришла ему в голову, зачем вооружать его против себя?

Она задумчиво сказала:

— Вы сегодня странно уверены в себе.

— Только потому, что говорю правду, — ответил я. — Поэтому если на кончике вашего красивого язычка вопросы, ответы на которые могут оскорбить ваши прекрасные уши, лучше не задавайте их.

Она склонила голову и поскакала по лугу. Мы подъехали к скале, на которую я взбирался во время первой прогулки. Я слез с лошади и начал подниматься. Добрался до вершины, обернулся и увидел, что она тоже спешилась и нерешительно смотрит на меня.

Я помахал ей рукой и сел на скалу. Рыбачья лодка находилась в нескольких сотнях ярдов. Я бросил в воду один-два камня, потом маленькую бутылочку с запиской Мак-Канну. Один из рыбаков встал, потянулся и начал вытаскивать якорь.

Я крикнул ему:

— Как клюет?

Дахут стояла рядом со мной. Луч заходящего солнца упал на горлышко бутылки, оно заблестело. Дахут посмотрела на него, потом на рыбаков, потом на меня.

Я спросил:

— Что это? Рыба?

Она не ответила; стояла, разглядывая людей в лодке. Они гребли между нами и бутылочкой, потом завернули за скалу и исчезли. Бутылочка продолжала блестеть на солнце, поднимаясь и опускаясь с волной.

Дахут приподняла руку, и я готов поклясться, что по воде пробежал вихрь, толкнул бутылочку к нам.

Я схватил Дахут за плечи, повернул ее лицо и поцеловал. Она, дрожа, прижалась ко мне. Я взял ее руки, они были холодны, помог ей спуститься со скалы. Внизу я взял ее на руки и понес. Поставил на ноги возле ее лошади. Ее длинные пальцы обвились вокруг моей шеи, полупридушив меня; она прижалась ко мне губами, от поцелуя у меня перехватило дыхание. Вскочила на гнедого и безжалостно хлестнула его арапником. И понеслась по лугу, быстрая, как бегущая тень.

Я тупо смотрел ей вслед. Сел на чалого...

Поколебался, размышляя, не залезть ли на скалу снова, чтобы убедиться, что люди Мак-Канна взяли бутылочку. Решил, что лучше не рисковать, и поехал за Дахут.

Она держалась впереди, ни разу не оглянувшись. У дверей дома соскочила с гнедого, слегка хлопнула его по шее и быстро ушла. Жеребец потрусил к конюшне. Я свернул и въехал в дубовую рощу. Я хорошо помнил то место, где роща кончается и начинаются монолиты.

Доехал до края и действительно увидел стоячие камни, свыше двухсот; они занимали десятиакровую площадку, скрытую со стороны моря соснами, росшими на верху небольшого возвышения. Камни не серые, какими казались в тумане. Заходящее солнце окрасило их в

красный цвет. В центре — приземистая Пирамида, загадочная и злая.

Гнедой не хотел выходить из рощи. Он поднял голову, принюхался и заржал; начал дрожать, покрылся потом, и в ржании звучал страх. Потом он повернул и пошел в рощу. Я не мешал ему.

* * *

Дахут сидела за столом. Отец ее куда-то ушел на яхте и, возможно, сегодня не вернется, сказала она... Я подумал, правда, не вслух, не за новыми ли нищими он отправился.

Когда я приехал с прогулки, его не было. И Дахут я не видел, пока не сел за стол. Я пошел к себе, выкупался, неторопливо переоделся. Прижался ухом к шпалере и снова начал отыскивать скрытую пружину. Ничего не услышал и ничего не нашел. Склонившийся слуга сообщил, что обед ждет. Меня удивило, что он не обратился ко мне как к владыке Карнака.

Дахут была в черном, впервые с момента нашего знакомства. Одежды было не очень много, и то, что было, прекрасно подчеркивало ее красоту. Выглядела она усталой, не увядшей, не унылой, а как морской цветок, которого вынесло приливом на берег и который ждет нового прилива. Мне стало ее жаль. Она посмотрела на меня, взгляд ее был осторожным. Она сказала:

— Алан, если не возражаете... сегодня будем говорить только банальности.

Внутренне я улыбнулся: Ситуация более чем пикантная. Мало о чем можем мы говорить таком, что не заряжено мощной взрывчаткой. Я согласился с ее предложением, у меня не было настроения играть со взрывчаткой. Все-таки что-то не так с мадмуазель, иначе она никогда бы не сделала такое предложение. Может, боится, что я заговорю о блюде жертвоприношений... или мой разговор с де Кераделем расстроил ее. Ей он явно не понравился.

— Пусть будут банальности, — сказал я. — Если бы мозги были искрами, от моего сегодня не зажечь даже спичку. Обсуждение погоды почти за пределами моего интеллекта.

Она рассмеялась.

— И что же вы думаете о погоде, Алан?

— Она должна быть запрещена поправкой к конституции.

— А что создает погоду?

— Сейчас, — ответил я, — вы — для меня.

Она мрачно посмотрела на меня.

— Я хотела бы, чтобы это было правдой... но берегитесь, Алан.

— Прошу прощения, Дахут. Вернемся к банальностям.

Она вздохнула, потом улыбнулась, и было трудно думать о ней, как о Дахут, которую я знал в башне Нью-Йорка или древнего Иса... или с красным золотым серпом в руке.

Мы говорили банальности, хотя время от времени возникали опасные повороты. Вышколенные слуги подавали превосходный обед. Де Керадель, ученый или колдун, понимал толк в винах. Но мадмуазель ела мало и совсем не пила, она становилась все более вялой. Я отодвинул кофе и сказал:

— Кажется, наступил отлив, Дахут.

Она выпрямилась и резко спросила:

— Почему вы так говорите?

— Не знаю. Но вы всегда напоминаете мне море, Дахут. Я сказал вам это в тот вечер, когда мы встретились. Ваш дух поднимается и угасает вместе с приливом.

Она резко встала, лицо ее было лишено краски.

— Спокойной ночи, Алан. Я очень устала. Спите... без сновидений.

И вышла, прежде чем я смог ответить. Почему упоминание о приливе вызвало такое изменение, заставило ее бежать — ибо ее уход не что иное, как бегство? Я не находил ответа. Часы пробили девять. Я еще с четверть часа посидел за столом, слуги с пустыми глазами смотрели на меня. Я встал, потянулся, сонно улыбнулся дворецкому и сказал ему по-бретонски:

— Сегодня я... буду спать.

Он шел с факелом в руке впереди тех, кто вел жертвы. Он низко поклонился, лицо его не изменилось, он никак не показал, что понял истинное значение моих слов. Отвел для меня занавес, и, медленно поднимаясь по лестнице, я чувствовал на себе его взгляд.

В зале я на минуту задержался и посмотрел в окно. Тонкие облака почти скрывали луну. Прошло несколько ночей после полнолуния. Ночь тускло освещенная и очень тихая. В старомодном широком зале никаких теней, шепчущих и шуршащих. Я пошел к себе в комнату, разделся и лег. Было около десяти.

С час я лежал, притворяясь спящим. Потом произошло то, чего я ждал. Кто-то появился в комнате, по странному аромату я узнал Дахут. Она стояла у моей постели. Я почувствовал, как она наклоняется ко мне, вслушивается в дыхание; потом пальцы ее легко, как мотылек, коснулись пульса у меня на шее, на запястье. Я вздохнул, повернулся и, казалось, снова погрузился в глубокий сон. Услышал, как она вздохнула, почувствовал прикосновение к щеке — не пальцев. Аромат беззвучно исчез. Но я знал, что у шпалеры Дахут задержалась, прислушиваясь. Постояла несколько долгих минут, потом послышался слабый щелчок, и я понял, что она ушла.

Тем не менее я ждал, пока стрелки на часах не покажут одиннадцать, потом встал, надел брюки, рубашку, темный свитер и туфли.

Дорога от двери вела прямо к охраняемым воротам, туда примерно полторы мили. Я не думал, что она охраняется, и решил пройти по ней с полмили, потом свернуть влево, добраться до стены и идти вдоль

нее до скалы, где меня поджидает Мак-Канн. Правда, хозяин гостиницы говорил, что с воды к скале не подобраться, но я был уверен, что Мак-Канн найдет способ. Я легко доберусь за полчаса.

Я вышел в зал, прокрался к началу лестницы и посмотрел вниз. Горел неяркий свет, но ни следа слуг. Я спустился по лестнице и дошел до входной двери. Она не была закрыта. Я прикрыл ее за собой, укрылся в тени рододендронов и начал осматриваться.

Здесь дорога делает широкую петлю, не защищенную растительностью. Облака разошлись, луна светила ярко, но после петли можно будет укрыться в деревьях, которые растут по обе стороны дороги. Я пересек петлю и добрался до деревьев. Добрых пять минут выжидал. Дом оставался темным, ни в одном окне не было света; ни звука, ни движения. Я пошел по дороге.

* * *

Я прошел примерно треть мили, когда добрался до узкой аллеи, уходившей влево. Аллея ровная и хорошо видна в лунном свете. Она тянется в общем направлении скалы и обещает не только более короткий, но и более безопасный путь. Я пошел по ней. Несколько десятков ярдов — и деревья кончились. Аллея продолжалась, но по ее сторонам росли кусты. Они позволяли заглядывать сквозь них и в то же время достаточно надежно скрывали меня.

Я прошел с полмили и ощутил весьма неприятное чувство, будто за мной следует кто-то отвратительный. И вдруг оно бросилось на меня сзади. Я повернулся, выхватывая пистолет из кобуры.

За спиной никого не было. Аллея уходила назад совершенно пустая.

Но теперь вкрадчивое движение началось в кустах по бокам аллеи. Как будто какие-то существа скрывались там, следуя за мной, следя за мной, издеваясь надо мной. Послышался шорох, шуршание, отвратительный писк.

Аллея кончилась. Я пятился шаг за шагом, пока не прекратились шуршание и писк. Но в кустах по-прежнему кто-то двигался, и я знал, что за мной следят. Я повернулся и увидел, что стою на краю луга. Он и днем казался зловещим, но по сравнению с ночью, под окруженной облаками убывающей луной это было веселенькое зрелище.

Я не мог перейти луг, разве что очень быстро. Не мог я и возвращаться к пищащим существам. И я побежал через луг к скале.

Я уже пробежал треть, когда услышал собачий лай. Он шел со стороны дома, и я невольно остановился, прислушиваясь. Лай не похож был на голоса обычной своры. Он был непрерывный, воющий, невыразимо печальный.

Из аллеи вырвались теневые фигуры. Черные под луной, они

напоминали фигуры людей, но людей изуродованных, искаженных, переделанных в адской мастерской. Они были... отвратительны.

Лай стал ближе, послышался топот копыт, это скачет галопом крупная лошадь...

Из аллеи вылетел большой черный жеребец, вытянув шею; его грива летела за ним. На нем сидела Дахут, распустив волосы, в ее глазах горели фиолетовые ведьмины огни. Она увидела меня, подняла свой хлыст, закричала, натянув поводья, так что жеребец взлетел передними ногами в воздух. Снова она крикнула и указала на меня. Из-за жеребца показалась свора огромных псов, их было несколько десятков, похожих на шотландскую борзую... на больших собак друидов...

Они черной волной покатились ко мне... и я увидел, что это тени, но в черноте тени сверкали красные глаза, они горели тем же адским огнем, что и глаза Дахут. А за ними на жеребце скакала Дахут... она больше не кричала, рот ее был искажен в яростной гримасе, и у нее было лицо не женщины, а призрака.

Они почти достигли меня, когда мое оцепенение кончилось. Я поднял пистолет и выстрелил прямо в нее. Прежде чем я снова смог нажать курок, свора накинулась на меня.

Они были материальны, эти теневые псы Дахут. Разреженные, туманные, но материальные. Я уронил пистолет и отбивался голыми руками. От собак исходил странный цепенящий холод. Сверкая красными глазами, они рвали мне горло, и как будто сквозь их клыки вливался холод. Я слабел. Мне все труднее становилось дышать. Руки и ноги онемели, и я теперь лишь слабо барахтался, как в паутине. Упал на колени, с трудом пытался вдохнуть...

Дахут соскочила с жеребца и отогнала собак. Я смотрел на нее, пытаясь встать на ноги. Яростное выражение с ее лица исчезло, но в ее фиолетовых глазах не было милосердия. Она ударила меня хлыстом по лицу.

— Награда за твое первое предательство!

Хлестнула снова.

— Награда за второе.

И в третий раз:

— Награда за третье!

Я смутно удивился, почему не ощущаю ударов. Ничего не чувствовал, все тело застыло, как будто холод сгустился в нем. Холод медленно вползал в мозг, цепенил его, морозил мысли. Дахут сказала:

— Вставай!

Я медленно встал. Она вскочила на жеребца. Сказала:

— Подними левую руку.

Я поднял, и она обвила ее своей плетью, как кандалами.

Она сказала:

— Посмотри. Мои собаки кормятся.

Я посмотрел. Теневые псы гонялись по лугу за теневыми существами, которые убегали, перескакивали от куста к кусту, визжали, пищали в ужасе. Псы догоняли их, рвали на клочья.

Она сказала:

— Ты тоже будешь... кормиться.

Она подозвала собак, и они прекратили охоту и подбежали к ней.

Холод охватил мой мозг. Я не мог думать. Видеть я мог, но почти не понимал увиденного. У меня не осталось воли, я полностью подчинился ее воле.

Жеребец пошел в аллею, я побежал рядом с ним, удерживаемый петлей Дахут, как беглый раб. У ног моих бежали собаки, их глаза сверкали красным. Но больше это не имело значения.

Оцепенение все усиливалось, и я знал только, что бегу, бегу...

И тут последние остатки сознания покинули меня.

«ТЕНЬ, ПОЛЗИ!»

Я не чувствовал своего тела, но мозг мой был жив. У меня как будто не было тела. Мне показалось, что холодный яд от клыков теневых собак все еще терзает меня. Но мозг от него очистился. Я мог слышать и видеть.

Но видел я только зеленую полумглу, как будто лежу на дне океанской бездны и смотрю вверх сквозь бесконечно толстый слой неподвижной, кристально прозрачной зеленой воды. Я плыл глубоко в неподвижном море, но слышал, как надо мной шепчут и вздыхают волны.

Я начал подниматься, плыть вверх сквозь глубины к шепчущим, вздыхающим волнам. Их голоса становились все яснее. Они пели странную старинную песню, морскую песню, которая старше человека... пели ее под размеренный ритм крошечных колокольчиков, медленно бьющих под поверхностью моря... мягко звучали струны морских арф, розовато-лиловые, фиолетовые, желтые.

Я поднимался вверх, пока звуки колокольчиков и арф не слились в один...

Голос Дахут.

Она была рядом и пела, но я ее не видел. Не видел ничего, кроме зеленой полумглы, и она быстро темнела. Голос Дахут звучал сладко и жестоко, и песня ее была без слов... но тяжелой...

— Ползи, тень! Жажди, тень! Голодай, тень! Ползи, тень, ползи!

Я попытался заговорить и не смог. Попытался шевельнуться и не смог. А песня ее продолжалась... и ясной была только тяжесть.

— Ползи, тень! Голодай, тень!.. Кормись только там и тогда, где

и когда я прикажу. Жажди, тень!.. Пей только там и тогда, где и когда я прикажу. Ползи, тень... ползи!

Неожиданно я ощутил свое тело. Сначала легкое, потом свинцово тяжелое, а потом — как страшную боль. Я был вне своего тела. Оно лежало на низкой широкой кровати в комнате, увешанной шпалерами, залитой розовым светом. Свет не проникал туда, где я находился, скорчившись у ног своего тела. На лице моего тела виднелись три алые полоски — следы хлыста Дахут, и Дахут стояла у головы моего тела, нагая, две толстые пряди волос спускались меж белых грудей. Я знал, что мое тело не мертво, но Дахут не смотрела на него. Она смотрела на меня... кем бы я ни был... а я сидел, скорчившись, у ног своего тела.

— Ползи, тень... ползи... ползи... ползи, тень... ползи...

Комната, мое тело и Дахут исчезли — именно в такой последовательности. Я полз, полз сквозь тьму. Как будто ползешь сквозь тоннель, потому что вверху, внизу и по обе стороны от меня было нечто твердое. И наконец, как в конце туннеля, чернота передо мной начала светлеть. Я выполз из черноты.

Я находился на самом краю стоячих камней, на пороге монолитов. Луна спустилась низко, и монолиты на ее фоне были черными.

Ветер не ослабевал и понес меня, как листок, среди камней. Я подумал: «Кто я такой, если ветер несет меня, как листок?» Я чувствовал негодование, гнев. И подумал: «Гнев тени!»

* * *

Я был возле одного из стоячих камней. Хоть он и черен, но тень, прислонившаяся к нему, еще чернее. Это тень человека, хотя ее не отбрасывает тело. У других монолитов тоже тени... и каждая по колено в земле. Ближайшая ко мне тень задрожала, как будто отброшенная пламенем свечи на ветру. Она склонилась ко мне и прошептала:

— У тебя есть жизнь. Живи, тень... и спаси нас!

Я прошептал:

— Я тень... тень, как и вы... как я могу спасти вас?

Тень у камня раскачивалась.

— У тебя есть жизнь... убей... убей ее... убей его.

Тень у камня за мной прошептала:

— Убей... ее... сначала ее.

От всех монолитов слышался шепот:

— Убей... убей... убей...

Ветер подул сильнее и понес меня, как листок, к основанию Пирамиды. Шепот теней, прикованных к монолитам, стал резким, он сражался с ветром, увлекающим меня в Пирамиду... создавал барьер между мной и Пирамидой... оттягивал меня назад, дальше от монолитов.

Пирамида и монолиты исчезли. Луна исчезла, и исчезла знакомая земля. Я был тенью... в земле теней...

Здесь нет ни звезд, ни луны, ни солнца. Только слабо светящаяся полумгла заполняет этот мир, и все в этом мире тусклое, пепельное и черное. Я один стою на обширной равнине. Нет ни перспективы, ни горизонта. Всюду я как будто смотрю на обширный экран.

Но я знаю, что в этом странном мире есть и глубины, и расстояния. Я тень, смутная, нематериальная. Но могу видеть и слышать, могу осязать. Я знаю это, потому что сжал руки и ощутил их, а во рту у меня горький вкус пепла.

Передо мной теневые горы, нарезанные, как гигантские ломти черного гагата, они отличаются друг от друга только степенью черноты.

Кажется, я могу протянуть руку и коснуться их, но я знаю, что они очень далеко. Мои глаза... мое зрение... то, что служит зрением в этом теневом мире... обострилось. Я по колено в мрачной серой траве, усеянной цветами, которые должны бы быть небесно-голубыми, но которые на самом деле печально-серые. Теневые лилии, которые должны быть алыми и золотыми, раскачиваются на ветру, которого я не ощущаю.

Я слышу над собой тонкий жалобный крик. Теневые птицы летят к далеким горам.

Они пролетают, но крик остается... он становится голосом... голосом Дахут:

— Ползи, тень! Голодай... тень!

Мой путь лежит к горам, теневые птицы указали мне его. У меня мятежный порыв: «Я не послушаюсь. Это иллюзия. Останусь на месте...»

Безжалостный голос Дахут:

— Ползи, тень! Узнай, реален ли этот мир.

И я иду по сумрачной траве к черным горам.

За мной послышался приглушенный топот копыт. Я обернулся. Теневая лошадь скачет ко мне, большой боевой конь. На нем вооруженная тень, тень рослого мужчины, широкоплечего, с мощным телом, лицо у него открытое, но все тело, от шеи до ног, в кольчуге; на поясе боевой топор, а за спиной длинный обоюдоострый меч. Конь близко, но его топот по-прежнему звучит глухо, как отдаленный гром.

Я увидел, что за вооруженным человеком скачут другие теневые всадники, пригнувшись к теням низкорослых лошадей.

Вооруженный человек остановил около меня коня, посмотрел, на его теневом лице слабо блестели карие глаза.

— Незнакомец! Клянусь нашей госпожой, я не оставляю отставшего солдата волкам! Садись, тень... садись!

Он протянул руку и поднял меня, усадил на спину лошади за собой.

— Держись крепче! — крикнул он и пришпорил своего серого коня. Мы быстро поскакали.

И скоро оказались вблизи черных гор.

Открылось ущелье. У входа в него он остановился, оглянулся, сделал презрительный жест и рассмеялся:

— Теперь они нас не догонят.

Прошептал:

— Не знаю, почему моя лошадь так устала.

Он обратил ко мне свое теневое лицо.

— Знаю... в тебе слишком много жизни, тень. Тот, кто отбрасывает тебя... не мертв. Но тогда что ты здесь делаешь?

Он повернулся, снял меня с лошади и поставил на землю.

— Смотри! — он указал мне на грудь. Здесь была нить блестящего серебра, тонкая, как паутинка, она отходила от груди... тянулась в ущелье... указывала путь, по которому я должен идти... она исходила будто из моего сердца...

— Ты не мертв! — Теневая жалость была в его взгляде. — Значит, ты должен голодать, должен жаждать, пока не наешься и не напьешься там, куда приведет тебя нить. Полутень, меня послала сюда ведьма — Береника де Азле из Лангедока. Но тело мое давно превратилось в прах, и я давно уже смирился с участью тени. Давно, говорю я... но здесь никто не знает времени. Мой год был годом 1346 нашего Господа. А каков твой год?

— Почти шесть столетий спустя, — сказал я.

— Как долго... как долго... — прошептал он. — Кто послал тебя сюда?

— Дахут из Иса.

— Царица теней! Ну, она многих сюда послала. Прости, полутень, но дальше я не смогу тебя везти.

Неожиданно он хлопнул себя по бокам и захохотал:

— Шестьсот лет, а у меня по-прежнему есть возлюбленные. Теневые, правда, но я и сам тень. И я все еще могу сражаться. Береника, спасибо тебе. Святой Франциск, пусть Беренике не так жарко придется в аду, где она, несомненно, находится.

Он наклонился и хлопнул меня по плечу.

— Но убей свою ведьму, полубрат, если сможешь!

* * *

Он въехал в ущелье. Я направился за ним пешком. Вскоре он исчез из вида. Не знаю, долго ли я шел. В этом мире действительно нет времени. Я вышел из ущелья.

Черные горы окружали сад, полный бледных лилий. В центре его глубокий черный пруд, в котором плавали другие лилии, черные, серебристые и ржаво-черные. Пруд окружен черным гагатом.

Здесь я ощутил первый укус ужасного голода, первую боль ужасной жажды.

На широком гагатовом парапете лежали семь девушек, тускло-серебристых теней... изысканно прекрасных. Обнаженные... одна опиралась головой на туманные руки, на ее теневом лице блестели глубоким сапфиром глаза... другая сидела, опустив стройные ноги в черный пруд, и волосы ее были чернее его вод, черной пены еще более черных волн... и из черного тумана ее волос на меня смотрели глаза, зеленые, как изумруды, но мягкие, как обещание.

Они встали, все семь, и подплыли ко мне.

Одна сказала:

— В нем слишком много жизни.

Другая:

— Слишком много, но — недостаточно.

А третья:

— Он должен поесть и напиться, а когда он вернется, посмотрим.

Девушка с сапфирово-голубыми глазами спросила:

— Кто послал тебя сюда, тень?

Я ответил:

— Дахут Белая. Дахут из Иса.

Они отпрянули от меня.

— Тебя послала Дахут? Тень, ты не для нас. Тень, проходи. «Ползи, тень!..»

Я сказал:

— Я устал. Позвольте мне немного отдохнуть здесь.

Зеленоглазая девушка сказала:

— В тебе слишком много жизни. Если бы у тебя ее совсем не было, ты бы не уставал. Только жизнь утомляет.

Голубоглазая девушка прошептала:

— Жизнь — это только усталость.

— Я все равно отдохну. Я проголодался и хочу пить.

— Тень, в которой слишком много жизни, здесь тебе нечего есть, здесь тебе нечего пить.

Я указал на пруд.

— Я выпью отсюда.

Они рассмеялись.

— Попробуй, тень.

Я лег на живот и перегнулся лицом к черной воде. Поверхность пруда отступила от меня. Она отступила от моих губ... это была всего лишь тень воды... и я не мог ее пить.

«Жажди, тень... пей только там и тогда, где и когда я тебе прикажу...»

Голос Дахут!

Я сказал девушкам:

— Позвольте мне отдохнуть.

Они ответили:

— Отдыхай.

Я присел на черный гагат. Девушки отодвинулись от меня, стеснились, переплели теневые руки, шептались. Хорошо было отдыхать, хотя спать мне не хотелось. Я сидел, сжимая руками колени, опустив голову на грудь. Одиночество опустилось на меня, накрыло меня своим плащом. Девушка с сапфировыми глазами скользнула ко мне. Обняла меня за плечи, прижалась ко мне.

— Когда поешь и напьешься, возвращайся ко мне.

Не знаю, долго ли я лежал у черного пруда. Но когда наконец встал, серебристых девушек не было. Вооруженный мужчина сказал, что в этой земле нет времени. Он мне понравился, этот воин. Я хотел бы, чтобы его лошадь была достаточно сильна, чтобы нести меня вместе с ним. Голод мой усилился, жажда тоже. Снова я нагнулся и попытался захватить воды из пруда. Теневая вода не для меня.

Что-то тянуло меня, тащило дальше. Серебряная нить, она сверкала, как нить живого света. Я пошел за ней.

Горы остались позади. Теперь я шел по обширному болоту. Призрачные кусты росли по сторонам опасной тропы, в них прятались теневые фигуры, невидимые, но ужасные. Они смотрели на меня, и я знал, что должен идти осторожно: неверный шаг может погубить меня.

Над болотом навис туман, серый мертвый туман, который сгущался, когда прятавшиеся существа высовывались... или устремлялись вперед по тропе, чтобы ждать моего приближения. Я чувствовал на себе их взгляды, холодные, мертвые, злобные.

Показалось небольшое возвышение, поросшее призрачными папоротниками, в них скрывались другие теневые фигуры, они толкали друг друга, теснились и следовали за мной, а я продолжал свой путь мимо призрачных кустарников. И с каждым шагом все сильнее становилось чувство одиночества, мучительнее голод и жажда.

Я миновал ворота и вышел на тропу, которая быстро расширилась, превратившись в большую дорогу. Эта дорога, извиваясь, тянулась по безграничной облачной равнине. По дороге двигались другие тени, тени мужчин и женщин, старых и молодых, тени детей и животных... но ни одной тени нечеловеческой или неземной.

Они напоминали фигуры, состоящие из густого тумана, замерзшего тумана. Они шли быстро и медленно, стояли и бежали, группами и в одиночку. Когда они обгоняли меня или я обгонял их, я чувствовал на себе их взгляды.

Казалось, это представители всех времен и народов, эти теневые люди. Тут и худой египетский жрец, на плече которого сидела теневая кошка; при виде меня она изогнула спину и беззвучно зашипела...

Три римских легионера, на их головах более темным туманом круглые, тесно прилегающие шлемы; проходя мимо, они подняли теневые руки в древнем приветствии.

Греческие воины в шлемах с теневыми плюмажами, теневые женщины, которых несли в носилках теневые рабы... однажды мимо прошла группа маленьких людей на мохнатых маленьких пони; на спинах у людей призрачные луки, раскосые глаза смотрят на меня... а вот и тень ребенка, которая долго шла рядом со мной, протягивая руки к огненной линии, которая вела меня... тащила меня... куда?

* * *

Дорога шла все дальше и дальше. Она все более заполнялась тенями людей, и я увидел, что многие идут и навстречу мне. Потом справа от меня, на туманной равнине, начал разгораться тусклый свет... как сверкание огней святого Эльма, огней мертвых... среди монолитов.

Свет превратился в ущербную луну, которая стояла на равнине, как огромные ворота. Она бросала на равнину дорожку пепельного света, и теневые люди с дороги устремились на эту дорожку. Не все. Одна тень остановилась возле меня — с мощным телом, в конической шапке с плюмажем, в плаще, который развевался на ветру, неощутимом для меня; этот ветер будто стремился разорвать большое тело в клочья.

Человек прошептал:

— Пожиратель теней ест много.

Я повторил:

— Пожиратель теней?

И почувствовал на себе его внимательный взгляд. Он ответил голосом, в котором слышался шорох гниющих ядовитых листьев:

— Хе-хе-хе... девственник! Новорожденный в этом восхитительном мире! Ты ничего не знаешь о Пожирателе теней? Хе-хе-хе... но это единственная форма смерти в этом мире, и те, кто устал от него, идут туда. Ты этого еще не понимаешь, потому что он еще не проявил себя полностью. Глупцы! — прошептал он яростно. — Они должны были научиться, как научился я, получать пищу в том мире, откуда пришли. Не теневую пищу... нет, нет, нет... настоящую плоть, тело и душу... душу, хе-хе-хе!

Теневая рука ухватилась за сверкающую нить и отдернулась, как обожженная... большая тень скорчилась от боли. Шелестящий голос стал злобным высоким воем.

— Ты идешь на свой брачный пир... у своей брачной постели... прекрасный стол из плоти, тела и души... из жизни. Возьми меня с собой, новобрачный; возьми меня с собой. Я многому могу научить тебя! А цена — несколько крошек с твоего стола... лишь малая доля твоей невесты.

Что-то собиралось в воротах ущербной луны; что-то сгущалось на ее сверкающей поверхности... бездонные черные тени собирались в гигантское, лишенное черт лицо. Нет, не лишенное черт: виднелись два отверстия глаз, сквозь которые пробивалось тусклое сияние. Бесформенный разинутый рот, и дергающаяся лента мертвого света высовывалась изо рта, как язык. Язык слизывал тени и уносил их в рот, и губы закрывались за ними... затем снова открывались, и снова высовывался язык...

— О, мой голод! О, моя жажда и мой голод! Возьми меня с собой, новобрачный... к твоей невесте. Я многому смогу научить тебя... за такую малую плату...

Я ударил бормочущую тень и бежал от ее смертоносного шепота; бежал, закрыв теневыми руками глаза, чтобы не видеть это ужасное лицо...

«Голодай, тень... кормись только там и тогда, где и когда я прикажу. Жажди, тень... пей только там и тогда, где и когда я прикажу...»

Теперь я знал. Знал, куда тянет меня серебряная нить, я рвал ее теневыми руками, но не мог разорвать. Пытался бежать назад, сопротивлялся, но она поворачивала меня и неумолимо тащила вперед.

Я знал... что нахожусь на пути к еде и питью... к своему брачному пиру... к моей невесте — Элен!

Ее тело, ее кровь, ее жизнь должны утолить мой голод и мою жажду.

К Элен!

В теневом мире посветлело. Он стал прозрачнее. В нем появились более тяжелые, темные тени. Они уплотнялись, и земля теней исчезла.

Я был в старом доме. Здесь же Элен, и Билл, и Мак-Канн, и человек, которого я не знаю: смуглый худой человек с тонким аскетическим лицом и белоснежными волосами. Но погодите... это ведь Рикори!..

Сколько времени пробыл я в теневом мире?

Голоса доносились до меня негромким гудением, слов я не различал. Меня не интересовало, о чем они говорят. Все мое существо было сосредоточено на Элен. Я умирал с голоду от нее, жаждал ее... я должен есть и пить...

Я подумал: «Если я это сделаю... она умрет!» Потом подумал: «Пусть умирает. Я хочу есть и пить».

Она резко подняла голову. Я знал, что она почувствовала мое присутствие. Обернулась и посмотрела прямо на меня. Увидела меня... Я знал, что она меня видит. Лицо ее побледнело... на нем отразилась жалость. Золото ее глаз потемнело от гнева, в котором светилось полное понимание... потом стало нежным. Маленький круглый подбородок затвердел, красный рот с оттенком древности стал загадочным. Она

встала и что-то сказала остальным. Я увидел, как они недоверчиво смотрят на нее, потом осматривают комнату. Кроме Рикори, который смотрел только на нее, его строгое лицо смягчилось. Теперь я стал понимать слова. Элен сказала:

— Я сражусь с Дахут. Дайте мне час. Я знаю, что делаю. — Волна краски залила ее лицо. — Поверьте, я знаю.

Я увидел, как Рикори склонился и поцеловал ее руку; он поднял голову, и на лице его была железная уверенность.

— И я знаю... вы победите, мадонна... а если проиграете, будьте уверены, что я отомщу.

Она вышла из комнаты. Тень, которой был я, поползла за ней.

* * *

Она поднялась по лестнице и оказалась в другой комнате. Включила свет, поколебалась, потом закрыла за собой дверь на ключ. Подошла к окну и опустила занавес. Протянула ко мне руки.

— Ты меня слышишь, Алан? Я тебя вижу... еле-еле, но более ясно, чем внизу. Если слышишь, подойди ко мне.

Я дрожал от желания... есть и пить ее. Но голос Дахут звучал в моих ушах, и я не мог не повиноваться:

— Ешь и пей... когда я прикажу тебе.

Я знал, что голод должен стать гораздо сильнее, жажда более поглощающей. Чтобы только вся жизнь Элен могла утолить этот голод и эту жажду. Чтобы, питаясь, я убил ее.

Я прошептал:

— Я слышу тебя.

— И я тебя слышу, дорогой. Иди ко мне.

— Не могу... пока не могу. Мой голод и моя жажда тебя должны стать сильнее... и когда я приду к тебе, ты умрешь.

Она погасила огни, подняла руки и распустила волосы, так что они сверкающими прядями окутали ее до талии. Спросила:

— Что удерживает тебя от меня? От меня, которая тебя любит... от меня, которую ты любишь?

— Дахут... ты знаешь.

— Любимый, я этого не знаю. Это неправда. Никто не может удержать, если ты меня любишь и если я люблю тебя. Это правда... и я говорю тебе: приди ко мне, любимый... возьми меня.

Я не ответил, не мог. И подойти к ней не мог. И все более сильным становился голод, все более безумной жажда.

Она сказала:

— Алан, думай только об одном. Думай только о том, что мы любим друг друга. И никто не удержит нас друг от друга. Думай только об этом. Ты меня понял?

Я прошептал:

— Да. — И постарался думать только об этом, а голод и жажда, как два огромных пса, старались сорваться с поводка.

Она сказала:

— Дорогой, ты меня видишь? Ты хорошо меня видишь?

Я прошептал:

— Да.

— Тогда смотри — и иди ко мне.

Я пытался разорвать кандалы, удерживавшие меня, напрягался, как напрягалась бы душа, которую уводят из ада к воротам рая, как она пыталась бы разорвать свои путы и войти.

— У нее нет над тобой власти. Ничто не разделит нас... иди ко мне, любимый.

Кандалы лопнули... Я был в ее объятиях.

Тень, я ощущал вокруг себя ее мягкие руки... чувствовал тепло ее дыхания... ощущал ее поцелуи на своих теневых губах. Я ел и пил ее... ел ее жизнь... чувствовал, как эта жизнь устремляется в меня... растопляет ядовитый холод теневых собак...

Освобождает меня от теневого рабства...

Освобождает от Дахут!

* * *

Я стоял у кровати и смотрел на Элен. Она лежала, бледная и изможденная, полуприкрытая своими красно-золотыми волосами... она умерла? Дахут победила?

Я прижался теневой головой к ее сердцу, прислушался, но не услышал его биения. Любовь и нежность, каких я никогда не испытывал раньше, исходили от меня, накрывая ее. Я подумал: «Эта любовь сильнее смерти... она вернет ей жизнь, которую я отобрал...»

Но я по-прежнему не слышал ее сердцебиения.

Вместе с любовью пульсировало отчаяние. А за ним гнев, более холодный, чем злоба теневых собак.

Ненависть к Дахут.

Ненависть к колдуну, называющему себя ее отцом.

Ненависть к обоим, неумолимая, безжалостная, непримиримая.

Ненависть росла. Она смешивалась с жизнью, взятой мной у Элен. Она поднимала меня. На ее крыльях я полетел... прочь от Элен... назад в теневой мир...

И проснулся... уже не тенью.

ОТЕЦ ПРОТИВ ДОЧЕРИ

Я лежал на широкой низкой кровати в комнате, завешанной шпалерами и освещенной неярким розовым светом древней лампы. Комната Дахут, из которой она послала меня тенью. Руки мои были скре-

щены на груди, и что-то их связывало. Я поднес их к глазам и увидел колдовские кандалы — витой бледно-золотой волос, волос Дахут. Я разорвал его. Ноги у меня были связаны такими же кандалами, я разорвал и их. Слез с кровати. На мне была белая хлопчатобумажная одежда, как та, которую я носил во время жертвоприношения. Я с отвращением сорвал ее с себя. Над туалетным столиком зеркало — в нем мое лицо с тремя полосками от бича Дахут, больше не алыми, а бледными.

Сколько времени я находился в теневом мире? Достаточно, чтобы вернулся Рикори... но насколько дольше? И еще важнее — сколько времени прошло после встречи с Элен? На часах около двенадцати. Неужели это все та же ночь?

Не может быть. Но время и пространство в теневом мире совсем другие. Я преодолел огромные расстояния и все же нашел Элен у самых ворот дома де Кераделя. Потому что был уверен: та старая комната — в доме, снятом Мак-Канном.

Очевидно, Дахут не ожидала этого моего возвращения... во всяком случае не так скоро. Я мрачно подумал, что во всем, что касается Дахут и ее отца, я всегда немного опережаю расписание. И еще более мрачно подумал, что это никогда не приводило ни к чему хорошему. Тем не менее, это означает, что и ее темное искусство имеет свои границы... что никакие теневые шпионы не сообщили ей о моем бегстве... что она считает меня еще находящимся во власти ее колдовства, послушным ее воле; считает, что ее приказ все еще удерживает меня, пока стремление к Элен не станет настолько сильным, что убьет ее...

Значит ли это, что она не достигла цели?.. что освобожденный слишком рано, я не убил?... что Элен жива?

Мысль эта как крепкое вино. Я подошел к двери и увидел, что она закрыта на мощные запоры. Но как это может быть, если я в комнате один? Конечно... я пленник Дахут, и она не хотела, чтобы кто-нибудь имел доступ к моему телу, пока ее нет поблизости. Она закрыла дверь изнутри и ушла через тайный вход. По-видимому, она считает, что я не смогу открыть эти запоры бессильными руками. Я осторожно открыл их и попробовал открыть дверь.

Она подалась. Я медленно и осторожно приоткрыл ее и постоял, глядя в зал и вслушиваясь.

И тут я впервые ощутил беспокойство, смятение, страх старого дома. Он был полон страхом. И гневом. Это ощущение исходило не только от зала — от всего дома. Дом, казалось, чувствует мое присутствие, пытается отчаянно объяснить мне, чего он боится, на что гневается.

Впечатление было настолько сильным, что я закрыл дверь, запер ее и постоял, прижавшись к ней. Комната спокойна, ничего не боится,

никаких теней в ней нет, все углы освещены неярким розовым светом.

Дом вторгался в комнату, пытался сообщить мне, чем он встревожен. Как будто восстали призраки всех тех, кто здесь жил, любил и умер... Они в ужасе перед тем, что должно случиться... что-то невероятно гнусное, отвратительное... злое... какое-то зло было зачато в этом доме, а его призраки смотрели, не в силах предотвратить его появление... и вот теперь умоляют меня прекратить это зло.

Дом задрожал. Дрожь эта началась где-то под ним и охватила каждую балку, каждый камень. И тут же то, что умоляло меня, то, что было в ужасе, отступило и устремилось, как мне показалось, к источнику этой дрожи. Снова дом задрожал. Он на самом деле дрожал, я чувствовал это по дрожи двери. Дрожание становилось все сильнее, заскрипели старые балки. Послышался отдаленный ритмичный гром.

Он стих, старый дом продолжал дрожать, скрипели балки. Затем наступила тишина... и снова меня окружили призраки старого дома, в гневе и страхе они кричали мне, хотели, чтобы я их услышал, понял.

Я их не понимал. Подошел к окну и выглянул. Темная ночь, душная и угнетающая. Далеко на горизонте вспыхнула молния, донесся отдаленный раскат грома. Я быстро осмотрел комнату в поисках какого-нибудь оружия, но ничего не нашел. Я хотел пробраться в свою комнату, переодеться и затем отыскать Дахут и де Кераделя. Что именно я собираюсь с ними делать, когда найду, я не знал, но твердо намерен был покончить с их колдовством. У меня исчезли всякие сомнения, с чем я имею дело: с колдовством или мастерской иллюзией. Это злая реальность, происходящая от злого искусства, используемого во зло... Никому нельзя позволить владеть такой злой силой... и они устремились к какой-то жестокой, ужасной кульминации, и им нужно помешать любой ценой.

Призраки старого дома молчали: я понял наконец их сообщение. Они молчали, но страх их не исчез, и они следили за мной. Я подошел к двери. Какое-то непонятное побуждение заставило меня набросить белую одежду. Я вышел в зал. Он был полон тенями, но я не обратил на них внимания. Ведь я и сам был тенью. Я шел, а они жались ко мне и ползли за мной. Я понял, что тени тоже испуганы, как старый дом, они страшатся чего-то неизбежного и ужасного, как и призраки, умоляющие меня предотвратить этот ужас...

Снизу доносились голоса, гневный голос де Кераделя, затем смех Дахут, ядовитый, издевающийся, полный угрозы. Я спустился с лестницы. Нижний зал был освещен, но очень слабо. Голоса доносились из гостиной. Очевидно, отец с дочерью спорили, но слова их неразличи-

мы. Я прижался за одним из занавесов, закрывавших вход в гостиную.

* * *

И услышал слова де Кераделя, произнесенные ровным, контролируемым голосом:

— Говорю тебе, все готово. Остается принести только последние жертвы... я принесу их сегодня ночью. Для этого ты мне не нужна, дочь моя. И после этого ты мне больше не понадобишься. И ты ничего не можешь сделать, чтобы остановить меня. Достигнут результат, к которому я стремился всю жизнь. Он... Он сказал мне. Он... проявится полностью и сядет на свой древний трон. А я, — в голосе де Кераделя звучало тщеславие, огромное, богохульственное, — я буду сидеть рядом с Ним. Он... обещал мне. Темные силы, которых многие века искали люди, силы, которых почти достигли атланты, которые слабо, через Пирамиду, получали в Исе, силы, которых так настойчиво, но тщетно искал средневековый мир, эти силы будут моими. Во всей своей полноте. Во всей своей невероятной мощи.

Существовал еще один обряд, о котором никто не знал... и Он... научил меня. Да, ты мне больше не нужна, Дахут. Но мне не хотелось бы потерять тебя. И... Он... хочет тебя. Но тебе придется заплатить за это.

Наступила короткая тишина, затем очень спокойный голос Дахут:

— И какова цена, отец?

— Кровь твоего любовника.

Он ждал ответа, я тоже, но она не ответила, и он сказал:

— Мне она не нужна. Я набрал нищих. У меня теперь достаточно их крови. Но его кровь обогатит жертву... и будет приемлема для... Него. Он... сказал мне это. Эта кровь усилит его материализацию. И... Он попросил об этом.

Она медленно спросила:

— А если я откажусь?

— Это его не спасет, дочь моя.

Он ждал ответа, затем сказал с деланым злобным удивлением:

— Дахут из Иса опять колеблется между отцом и любовником? Этот человек должен заплатить свой долг, дочь моя. Древний долг: именно ради человека, носившего то же имя, твоя далекая прародительница предала своего отца. Или это была ты, Дахут? Мой долг исправить это древнее зло... чтобы оно случайно не возродилось.

Она негромко спросила:

— А если я откажусь, что станет со мной?

Он рассмеялся.

— Откуда мне знать? Пока меня удерживают отцовские чувства.

Но когда я буду сидеть рядом с... Ним... что ты можешь значить для меня? Может, ничего.

Она спросила:

— Какую форму Он примет?

— Любую и все сразу. Нет формы, которую Он не мог бы принять. Но будь уверена, что это не та хаотичная чернота, которая отупляет разум тех, кто ее пробуждает. Ритуалы Пирамиды сдерживают... Его. Нет, нет. Он может даже принять обличие твоего любовника, Дахут. Почему бы и нет? Ты нравишься Ему, дочь моя.

Я похолодел, и ненависть к нему сжала мои виски, как раскаленным железом. Я собрался с силами, чтобы прыгнуть и сомкнуть руки вокруг его горла. Но тени удержали меня, они шептали, и призраки старого дома шептали вместе с ними:

— Еще нет! Еще нет!

Он сказал:

— Будь разумна, дочь моя. Этот человек всегда предавал тебя. Что ты с твоими тенями? Что была Элен Мэндилип с ее куклами? Дети. Дети, играющие игрушками. Тенями и куклами. Пора вырасти, дочь моя. Дай мне кровь твоего любовника.

Она удивленно произнесла:

— Ребенок. Я забыла, что когда-то была ребенком. Если бы ты оставил меня ребенком в Бретани, а не сделал тем, кем я стала!

Он ничего не ответил на это. Она, казалось, ждала ответа, потом спокойно сказала:

— Итак, тебе нужна кровь моего любовника. Что ж, ты ее не получишь.

Послышался стук упавшего стула. Я чуть отодвинул занавес и заглянул. Де Керадель стоял у стола, гневно глядя на Дахут. Но это не лицо и не тело де Кераделя, какими я их знал. Глаза его больше не были бледно-голубыми... они стали черными, и его серебристые волосы почернели, а тело выросло... он протянул к Дахут длинные руки с острыми когтями.

Она бросила что-то на стол между собой и им. Я не видел, что это, но оно, как волна, покатилось к де Кераделю. Он отскочил и стоял, дрожа, глаза его вновь поголубели, но налились кровью. Тело съежилось.

— Берегись, отец! Ты пока еще не сидишь на троне... с Ним. А я все еще из моря, отец. Так что берегись!

Сзади послышался шорох ног. Рядом со мной стоял дворецкий с пустым взглядом. Он начал поклон, и тут же глаза его приобрели выражение. Он прыгнул на меня, открыл рот, чтобы поднять тревогу. Прежде чем он сумел издать звук, я схватил его руками за горло, нажал на гортань, ударил коленом в пах. С силой, которой и не подозревал у себя, я поднял его за шею в воздух. Он обхватил меня

ногами, я резко ударил его головой в подбородок. Послышался треск, и тело его обвисло. Я перенес его в зал и молча опустил на пол. Вся короткая схватка произошла совершенно бесшумно. Его глаза, теперь абсолютно пустые, остановились на мне. Я обыскал его. На поясе ножны, и в них длинный, изогнутый и острый, как бритва, нож.

Теперь у меня есть оружие. Я закатил тело под диван, прокрался назад к гостиной и заглянул за занавес. Комната была пуста, Дахут и де Керадель ушли.

Я на мгновение снова укрылся за занавесом. Я знал теперь, чего боялись призраки старого дома. Знал, что означает дрожь дома и ритмические удары. Уничтожается пещера жертв. Как это выразился де Керадель? «Я набрал нищих, и у меня теперь достаточно их крови» для последнего жертвоприношения. Невольно я вспомнил строки «Апокалипсиса»: «И истоптаны ягоды в давильне за городом, и потекла кровь...» Не очень подходит. Я подумал: «Де Керадель пускает в ход другую давильню, чтобы напоить Собирателя». И моя кровь была бы там, если бы Дахут не отказалась!

Но я не испытывал к ней благодарности за это. Она паук, считающий, что муха уже в его паутине, и не допускающий другого паука к своей добыче. Вот и все. Но муха освободилась из паутины, и вовсе не благодаря Дахут. Если ненависть к де Кераделю у меня усилилась, то к Дахут не ослабла.

Тем не менее то, что я слышал, заставило меня изменить планы мести. Рисунок прояснился. Тени ошиблись. Дахут не должна умереть раньше отца. У меня лучший план. Он у меня от владыки Карнака, который, как считала Дахут, умер в ее руках... и который дал мне совет, как когда-то, давным-давно, дал совет и себе в древнем Исе.

Я пошел вверх по лестнице. Дверь в мою комнату была открыта. Я смело включил свет.

Между мной и кроватью стояла Дахут.

* * *

Она улыбнулась, но глаза ее не улыбались. Подошла ко мне. Я направил на нее нож. Она остановилась и рассмеялась, но глаза ее по-прежнему не смеялись. Она сказала:

— Вы так уклончивы, мой возлюбленный. У вас такой дар исчезать.

— Вы говорили мне это и раньше, Дахут. И... — я коснулся своей щеки, — даже подчеркнули это.

Глаза ее затуманились, наполнились слезами, слезы покатились по щекам.

— Вы должны многое простить, Алан. Но я тоже.

Что ж, это правда...

«Берегись... берегись Дахут...»

— Откуда у вас нож, Алан?

Этот практичный вопрос укрепил меня; я ответил так же практично:

— От одного из ваших людей. Я убил его.

— И убили бы меня, если бы я подошла ближе?

— А почему нет, Дахут? Вы послали меня тенью в теневую землю, и я усвоил урок.

— Какой урок, Алан?

— Быть безжалостным.

— Но я не безжалостна, Алан, иначе вы не были бы здесь.

— Я знаю, что вы лжете, Дахут. Не вы освободили меня от рабства.

Она сказала:

— Я не это имела в виду... и я не лгу... и хочу испытать вас.

Она медленно двинулась ко мне. Я держал нож наготове. Она сказала:

— Убейте меня, если хотите. Я не очень люблю жизнь. Все, что я люблю, это вы. Если вы меня не любите, убейте.

Она была близко, нож коснулся ее груди. Сказала:

— Ударьте, и покончим с этим.

Рука моя упала.

— Я не могу убить вас, Дахут!

Глаза ее смягчились, лицо стало нежным, но за этой нежностью скрывалось торжество. Она положила руки мне на плечи, потом один за другим поцеловала рубцы от хлыста, говоря:

— Этим поцелуем я прощаю... и этим прощаю... и этим.

Протянула ко мне губы.

— Поцелуйте меня, Алан, и скажите, что прощаете меня.

Я поцеловал ее, но не сказал, что прощаю, и не выпустил нож. Она с дрожью прижалась ко мне, прошептала:

— Скажите... скажите...

Я оттолкнул ее от себя и рассмеялся.

— Почему вам так нужно прощение, Дахут? Зачем вам мое прощение перед тем, как ваш отец убьет меня?

— Откуда вы знаете, что он хочет вас убить?

— Я слышал, как он требовал моей крови только что. Торговался с вами из-за меня. Обещал замену, которая гораздо больше удовлетворит вас. — Снова я рассмеялся. — Мое прощение — обязательная часть этого воплощения?

Она, задыхаясь, ответила:

— Если вы слышали, то слышали и то, что я вас не отдала ему.

Я солгал:

— Нет, не слышал. Именно тогда ваш слуга вынудил меня убить его. Когда я освободился, чтобы снова подслушивать, точнее говоря,

вернулся, чтобы перерезать горло вашему отцу, прежде чем он перережет мое, он ушел. Вероятно, сделка была заключена. Отец с дочерью объединились для достижения одной цели, начали готовить погребальный пир — меня самого, Дахут, накрывать брачный стол. Бережливость, бережливость, Дахут!

Она съежилась под моими насмешками, побледнела. Сказала приглушенно:

— Я не пошла на сделку. Я не позволю ему забрать вас.

— Почему?

— Потому что люблю вас.

— Но зачем вам нужно мое прощение?

— Потому что я вас люблю. Потому что хочу стереть прошлое, начать все заново, любимый.

На мгновение и у меня появилась двойная память, как будто я эту сцену уже проделывал в мельчайших подробностях: я понял, что это было во сне о древнем Исе, если это был сон. И, как и тогда, она шептала жалобно, отчаянно:

— Ты мне не веришь, любимый... как мне заставить тебя поверить?

Я ответил:

— Выбирай между отцом и мной.

— Но я уже выбрала, любимый. Я сказала тебе... — и прошептала: — Как мне заставить его поверить?

Я ответил:

— Положи конец... его колдовству.

Она презрительно сказала:

— Я его не боюсь. И больше не боюсь того, кого он пробуждает.

Я сказал:

— Но я боюсь. Покончи с его колдовством.

Глаза ее сузились, на мгновение она задумчиво взглянула на меня. Медленно сказала:

— Для этого есть только один способ.

Я молчал.

Она подошла ко мне, притянула мою голову и взглянула мне в глаза.

— Если я это сделаю... ты простишь меня? Будешь любить меня? Никогда не бросишь меня... как ты некогда сделал... давным-давно, в Исе... тогда я тоже выбирала между отцом и тобой?

— Я прощу тебя, Дахут. И никогда не покину тебя, пока ты жива.

И это было правдой, и я замкнул свой мозг, чтобы она не могла прочесть моей решимости. И снова, как некогда в Исе, я взял ее на руки... и страсть к ее губам, к ее телу потрясла меня. Я почувствовал, как слабеет моя решимость. Но жизнь, пришедшая ко мне от Элен,

была неумолимой, безжалостной, непреклонной... только женщина, которая любит мужчину, может ненавидеть так другую женщину...

Она разжала руки.

— Оденься и жди меня здесь. — И вышла.

Я оделся, но нож из рук не выпустил.

ПОСЛЕДНЯЯ ЖЕРТВА

Занавес, скрывавший тайный проход, дрогнул, и Дахут появилась в комнате. На ней старинная зеленая одежда, зеленые сандалии, пояс не золотой, но украшенный камнями, в которых меняющийся цвет волны, а на голове венок из морских цветов. На запястье серебряный браслет с черным камнем, на камне алый треножник, символ призывного имени морского бога. Она похожа на дочь бога моря... может, так оно и есть.

Я почувствовал, как слабеет моя решимость. Она подошла ближе, и я посмотрел ей в лицо. Она не улыбалась, рот ее был жесток, и дьявольские огоньки плясали в глазах.

Она подняла руки и пальцами закрыла мне глаза. Прикосновение ее пальцев подобно морской пене.

— Пошли! — сказала она.

Призраки старого дома шептали:

— Иди с ней... но берегись!

Тени шептали:

— Иди с ней... но берегись!

«Берегись Дахут...» Рука моя крепче сжала рукоять ножа.

Мы вышли из дома. Странно, как ясно я все вижу. Небо закрыто тучами, воздух туманный. Я знал, что сейчас темная ночь, но каждый камень, каждый куст, каждое дерево были как будто освещены собственным светом. Дахут шла на расстоянии десяти шагов передо мной, и я никак не мог сократить это расстояние, как ни старался. Она двигалась, как волна, и вокруг нее образовался слабый бледно-зеленый нимб, как неяркое свечение, которое иногда в темноте окутывает волны.

Тени вокруг нас раскачивались, переплетались, плыли друг к другу и друг от друга, как тени большого дерева, раскачиваемого порывистым ветром. Тени следовали за нами, шли по бокам, раскачивались перед нами, но отшатывались от Дахут; и никогда тени не вставали между мною и ею.

Дубы, окружавшие стоячие камни, слабо светились. Но это не огни святого Эльма. Устойчивый красноватый блеск, как от неподвижного огня. Пения я не слышал.

Дахут не пошла к дубам. Пошла к той скале, которая закрывала стоячие камни со стороны моря. Скоро тропа поднялась на вершину

скалы, и передо мной открылось море. Мрачное и темное море, с медленными волнами, бьющими о берег.

Тропа привела на вершину, которая на целых двести футов поднималась над волнами. Неожиданно Дахут оказалась на самом верху, она протянула руки к морю. С ее губ сорвался призыв, низкий и нечеловечески прекрасный; в нем слышалась тоска крика чайки, вздохи волн над немыслимыми, неиспорченными глубинами, пение морских ветров. Голос самого моря доносился из горла женщины, но при этом он не утратил своих нечеловеческих свойств и не приобрел человеческих.

Мне показалось, что волны на мгновение застыли, прислушиваясь к этому призыву.

Снова она испустила зов... и еще раз. А потом поднесла руки ко рту и выкрикнула слово... имя.

Из моря, издалека, донесся ревущий ответ. Длинная белая полоса пены устремилась из тьмы, огромная волна, на вершине которой метались сотни грив рассерженных лошадей. Волна ударила о берег и разбилась.

Столб пены взлетел в воздух и коснулся вытянутой руки Дахут. Мне показалось, что из ее руки выпало что-то, и на мгновение пена окрасилась алым.

Я поднялся к ней. Ни в лице, ни в глазах ее не было и следа нежности. Только торжество... и глаза ее превратились в фиолетовое пламя. Она приподняла полу одежды, пряча от меня свое лицо и глаза.

На руке ее не было браслета Иса!

Она поманила меня, и я пошел за ней. Мы обогнули хребет, и ровное красноватое сияние стало ярче. Я увидел, что за нами движутся огромные волны, над ними вздымаются белые флаги пены, мечутся белые гривы морских коней. Дорога проходила по вершине холма. Впереди, дальше от моря, виднелась еще одна высокая скала. У этой скалы Дахут подождала меня. Она стояла, отвернувшись, по-прежнему закрывая лицо тканью. Указала на скалу и сказала:

— Поднимайся — и увидишь. — Холодная пена коснулась моих глаз. — И услышишь. — И пена коснулась ушей.

Дахут исчезла.

Я поднялся на вершину. На самый верх.

Сильные руки схватили меня, прижали к скале. Я смотрел в лицо Мак-Канна. Он наклонился ко мне, напряженно всматриваясь, как будто не очень хорошо меня видел. Я воскликнул:

— Мак-Канн!

Он недоверчиво выругался. Освободил меня. Кто-то еще стоял на скале — стройный смуглый человек с худым аскетическим лицом и белоснежными волосами. Он тоже напряженно всматривался в меня, будто ему трудно было меня разглядеть. Странно. Я прекрасно видел их

обоих. Я узнал его... он был в старом доме, где кончился мой теневой поиск Элен... Рикори.

Мак-Канн, запинаясь, выговорил:

— Каранак... Боже мой, босс, это Каранак!

Я прошептал, готовясь встретить удар:

— Как Элен?

— Жива.

Ответил Рикори.

Я ослаб от реакции и упал бы, если бы он меня не поддержал. Новый страх охватил меня:

— Она будет жить?

Он ответил:

— Произошло странное... происшествие. Мы оставили ее в полном сознании. Она становится все крепче. С ней ее брат. Все, что ей нужно, это вы. Вы ее герой и должны вернуться к ней.

Я сказал:

— Нет. Пока не...

Порыв ветра заставил меня закрыть рот, как будто по нему ударили рукой. Волна ударила в скалу, заставив ее вздрогнуть. Я почувствовал на лице пену, и это было как хлыст Дахут, как ее холодные пальцы у меня на глазах...

Неожиданно Мак-Канн и Рикори показались мне нереальными и теневыми. Сияющее тело Дахут виднелось на тропе между морем и хребтом, и в сердце своем я услышал голос — голос владыки Каранака и мой собственный: «Как я могу убить ее, хоть она и зло?»

* * *

Голос Рикори... давно ли он говорит?..

— И вот, когда прошлой ночью вы не пришли, я решил, как вы и предлагали, действовать по своему усмотрению. Убедившись в том, что она в безопасности, мы пошли сюда. Убедили... охранников у ворот пропустить нас. Они больше ничего не будут охранять. Увидели огни и решили, что вы где-нибудь поблизости. Распределили наших людей, а мы с Мак-Канном случайно оказались на этом превосходном наблюдательном пункте. Ни вас, ни Дахут мы не видели...

Дахут!.. Еще одна волна ударила о скалу и заставила ее задрожать, потом откатилась с криком... с криком — «Дахут!». Еще одна заревела у скалы... заревела — «Дахут!»

Рикори говорил:

— Они там внизу ждут нашего сигнала...

Я прервал его, внезапно уловив смысл сказанного:

— Сигнала к чему?

Он указал на внутренний край скалы, и я увидел, что из-за нее виднеется ржавое зарево. Я подошел к краю и посмотрел вниз...

И ясно увидел Пирамиду. Я подумал: «Какой странно близкой она кажется. И как четко видны монолиты».

Как будто Пирамида находилась всего в нескольких ярдах от меня... и де Керадель стоит так близко, что я могу протянуть руку и коснуться его. Я знал, что между мною и Пирамидой много стоячих камней и что до нее не менее тысячи футов. Но я не только видел Пирамиду так, будто стоял перед ней, я видел и то, что внутри нее.

Странно также, что хотя на скале ветер ревел и сбивал нас с ног, у Пирамиды огни горели ровно; они начинали колебаться, только когда их подкармливали, сбрызгивали из черных кувшинов... и хоть ветер, казалось, дул со стороны моря, дым от костров уходил навстречу ему.

И странно, как тихо среди монолитов, а рев ветра и грохот волн становятся все громче... молнии вспыхивают все ярче, но пламя костров от этого не меркнет, и рев волн не вторгается в тишину равнины...

Те, кто подкармливал огни, были не в белом, а в красном. И де Керадель тоже в красной одежде, а не в белой, как во время прошлого жертвоприношения.

На нем черный пояс, но движущиеся символы на нем блестят не серебром, а красным...

Всего десять костров окружают три алтаря перед входом в Пирамиду. Каждый чуть выше человеческого роста, и все горят коническим, неподвижным пламенем. Из вершины каждого костра поднимается столб дыма. Толщиной в руку человека, эти столбы прямо поднимаются на двойную высоту костра и затем изгибаются, устремляясь к порогу Пирамиды. Как десять черных артерий, отходящих от десяти сердец, и они перевиты алыми нитями, словно кровяными сосудами.

Почерневший камень с углублением закрыт большим костром, горящим не только красным, но и черным. И пламя это, в отличие от остальных, не бездвижно. Оно медленно и ритмично пульсирует, как будто и на самом деле это сердце. Между ним и большой гранитной плитой, на которую укладывали жертвы, стоит де Керадель.

Что-то лежало на поверхности камня жертвоприношений, накрывая его. Вначале мне показалось, что там лежит человек, гигант. Потом я увидел, что это огромный сосуд странной формы. Чан.

Я видел, что в нем. Он был наполовину заполнен свернувшейся красновато-черной жидкостью, на поверхности которой плясали крошечные огоньки. Не бледные и мертвенные, как огни святого Эльма, а алые и полные злой жизнью. Именно из этого чана наполняли свои кувшины люди, подкармливавшие огни. И отсюда брал де Керадель то, чем обрызгивал пульсирующее пламя... и его руки были красны от этого.

На пороге Пирамиды стоял другой сосуд, большая чаша, похо-

жая на крещенскую купель. Она была полна, и по ее поверхности пробегали алые огоньки. Дым от меньших огней, десять алых артерий, сливался с более толстым столбом, поднимавшимся от пульсирующего огня, и все они, смешавшись, устремлялись в Пирамиду...

Тишину на равнине нарушил шепот, слабый вопль, и от основания монолитов начали подниматься тени. Они вставали на колени... их вырывало из земли, со стонами, с воплями втягивало в Пирамиду... они пытались сбежать, но их несло к Пирамиде, било о нее.

А в Пирамиде был Собиратель... Чернота.

Я с самого начала знал, что Он здесь. Он больше не был бесформенным, туманным — часть чего-то неизмеримо большего, живущего в космосе и вне космоса. Собиратель высвобождался... принимал форму Маленькие алые огоньки пробегали в нем, как частицы злой крови. Он конденсировался, становился материальным.

Купель перед Пирамидой опустела. Де Керадель вновь наполнил ее из чана... и снова... и снова. Собиратель пил из купели и питался тенями и дымом костров, которые подкармливали кровью. И становился все более четким.

Я отступил, закрывая глаза.

Рикори спросил:

— Что вы увидели? Я вижу там, далеко, только людей в красном, они поддерживают костры... и еще один стоит перед каменным сооружением... а вы что видите, Каранак?

Я прошептал:

— Я вижу вход в ад.

Я заставил себя еще раз взглянуть на то, что рождалось в каменном чреве Пирамиды... и стоял, не в силах отвести взгляд... услышал собственный голос, кричащий:

— Дахут!.. Дахут!.. пока еще не поздно!

И как бы в ответ море стихло. На хребте слева от нас появился яркий зеленый свет... далеко ли до него, я не мог сказать с тем колдовским зрением, которое дала мне Дахут. Свет стал овальным изумрудом.

Он стал... Дахут!

* * *

Дахут... одетая в бледно-зеленые морские огни, глаза ее как фиолетовые морские бассейны, широкие, такие широкие, что их окаймляет белое; ее тонкие черные брови сошлись над ними; лицо белое, как пена, жестокое и насмешливое; волосы как серебряная морская пена. Она казалась так же близко от меня, как и де Керадель. Как будто она стоит прямо над Пирамидой... может дотянуться до нее и коснуться де Кераделя. Для меня этой ночью, как и в теневой земле, не существовало расстояний.

Я схватил Рикори за руку, показал и прошептал:

— Дахут!

Он ответил:

— Я вижу там далеко какую-то светящуюся фигуру. Мне показалось, что это женщина. Когда вы меня держите за руку, я вижу ее яснее. Что вы видите, Каранак?

— Я вижу Дахут. Она смеется. Глаза ее не похожи на женские... лицо тоже не женское. Она смеется, говорю я... разве вы не слышите этого, Рикори? Она кричит де Кераделю... голос ее сладок и жесток... как море! Она кричит: «Отец мой, я здесь!». Он видит ее... Существо в Пирамиде знает о ней... де Керадель кричит ей: «Слишком поздно, дочь моя!» Он насмешлив, презрителен... но Существо в Пирамиде — нет. Оно напрягается... торопится завершить свое воплощение. Дахут снова кричит: «Родился ли мой жених? Выполнена ли работа? Успешно ли действовала повитуха? Получу ли я спутника в постель?» Разве вы не слышите этого, Рикори? Она как будто стоит рядом со мной...

Он сказал:

— Я ничего не слышу.

— Мне не нравятся эти шутки, Рикори. Они... ужасны. И Существу в Пирамиде они не нравятся... хотя де Керадель смеется. Существо высовывается из Пирамиды... оно тянется к чану и камню жертвоприношений... Оно пьет... растет... Боже! Дахут! Дахут!

Как будто услышав, сияющая фигура подняла руку... протянула ко мне... я почувствовал прикосновение ее пальцев к своим глазам и ушам, губы ее коснулись моих. Она посмотрела на море и широко развела руки.

Выкрикнула имя, негромко... ветер на море стих... Снова, как будто имела право вызывать... волны стихли... и в третий раз — торжествующе.

Крик волн, гром прибоя, рев ветра, весь шум моря и воздуха слились в могучем порыве. Все смешалось в хаотическом вопле, первобытном, страшном. Неожиданно все море покрылось гривами белых морских коней... армией белых морских коней... белых коней Посейдона... ряд за рядом эти кони устремлялись из глубины океана и обрушивались на берег.

Над более низкими возвышенностями, между скалой, на которой стояла Дахут, и вершиной, на которой стоял я, выросла стена воды, она поднималась, быстро и целеустремленно. Поднимаясь, она меняла форму... набирала силу. Все выше и выше, на сто футов, двести футов над скалами. Остановилась, вершина ее стала плоской. Ее вершина превратилась в гигантский молот...

А за ней показалась гигантская туманная фигура, голова ее скрывалась в облаках и была увенчана молниями.

Молот обрушился, ударил Существо в Пирамиде, де Кераделя и одетых в красное людей с пустыми глазами, ударил монолиты.

Пирамиду и монолиты скрыла вода, кипящая, бьющая струями, разбивающая камни. Она переворачивала эти камни, бросала их.

На мгновение послышался нечеловеческий вопль из глубины Пирамиды, и я увидел, как Чернота, окутанная алыми огоньками, извивается под ударом молота воды. Мириадами рук бьется она в воде. И исчезает.

Вода устремилась назад. Она завихрялась вокруг нас, уходя, мы стояли по колено в воде.

Она уходила... со смехом.

Снова поднялась гора, увенчанная молотом, снова обрушилась на Пирамиду и стоячие камни. На этот раз воды зашли так далеко, что под их напором падали дубы... и снова они отступили... и снова поднялись и ударили... и я увидел, как исчез старый дом со всеми его призраками.

И все это время морская Дахут стояла неподвижно. Ее безжалостный смех покрывал рев моря и удары громящего молота.

Назад устремились последние воды. Дахут протянула ко мне руки, крикнула:

— Ален... иди ко мне, Ален!

И я ясно увидел тропу между собой и ею. Как будто Дахут была рядом. Но я знал, что это не так, что это колдовское зрение, которым она меня наделила, позволяет так видеть.

Я сказал:

— Удачи, Мак-Канн... удачи, Рикори... Если я не вернусь, скажите Элен, что я ее любил.

— Ален... иди ко мне, Ален!

Рука моя упала на ручку длинного ножа. Я крикнул:

— Иду, Дахут!

Мак-Канн схватил меня. Рикори отбросил его руки.

Он сказал:

— Пусть идет.

— Ален... иди ко мне...

Воды стремились назад, через скалы. Водоворот обернулся вокруг Дахут. Поднял ее высоко... высоко...

И вдруг со всех сторон на нее набросились тени... били ее, бились о нее, толкали ее назад... в море.

Я видел, как на лице ее появилось изумление, затем гнев, потом ужас... и отчаяние.

Вода неслась в море, и с нею Дахут, а тени топили ее...

Я услышал собственный крик:

— Дахут! Дахут!

Подбежал к краю скалы. Сверкнула яркая молния. В ее свете я

увидел Дахут... лицо поднято, волосы раскинулись, как серебряная сеть, глаза широкие и полные ужаса... умирающие.

А тени топили ее, толкали под воду, вглубь... вглубь...

* * *

Колдовское зрение быстро слабело. Но колдовской слух все еще был со мной.

Прежде чем зрение совсем ушло, я увидел де Кераделя. Он лежал на пороге Пирамиды, раздавленный ее камнями. Камни раздавили грудь и сердце де Кераделя, как он это делал с жертвами. Видны были только его руки и голова... лицо смотрит вверх, мертвые глаза полны ненависти... мертвые руки протянуты в... проклятии или мольбе...

Пирамида разбита, и все стоячие камни попадали.

Колдовское зрение и колдовской слух исчезли. Вокруг было темно, только сверкали молнии. Море темное, белеют только верхушки волн. И слышен шум волн, ничего больше. Ветер — обычный шум ветра.

Дахут мертва.

Я повернулся и спросил Рикори:

— Что вы видели?

— Три волны. Они уничтожили все внизу. Убили моих людей.

— Я видел гораздо больше, Рикори. Дахут мертва. Все кончено, Рикори. Дахут мертва, и ее колдовство кончилось. Нужно ждать здесь до утра. Тогда сможем вернуться... к Элен...

Дахут мертва.

Как в старину, давным-давно в Исе... ее убили ее тени и ее злоба... убило море... и я.

Смог ли бы я убить ее ножом, если бы добрался раньше волны?

Круг замкнулся и кончился, как в старину, давным-давно, в Исе...

Море очистило землю от ее колдовства, как очистило давным-давно Ис.

Оставалась ли в Карнаке Элен, когда я выступил из него, чтобы убить Дахут?

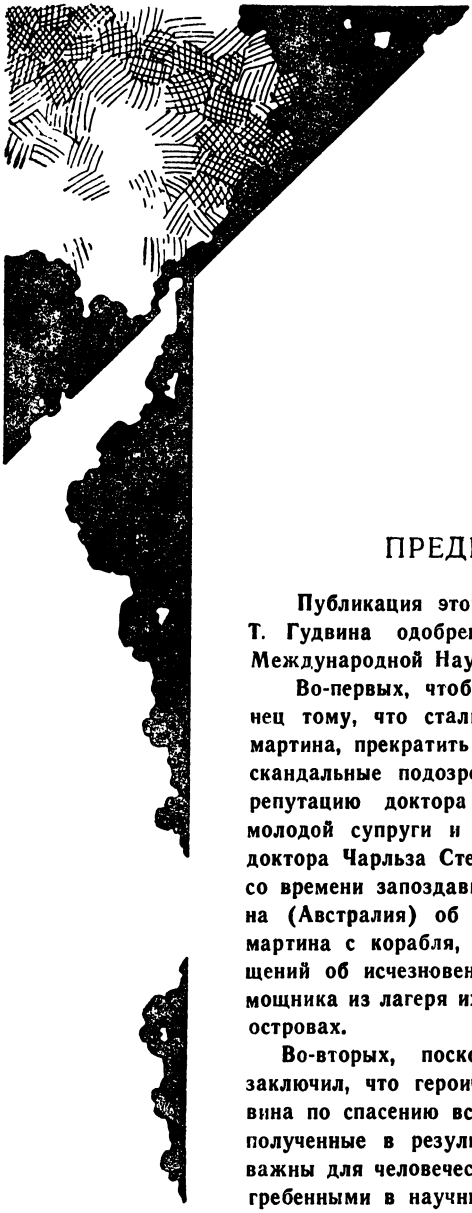
Очистила ли она меня от воспоминаний о Дахут, когда я к ней вернулся?

Сможет ли это сделать сегодняшняя Элен?

Перевод с английского *Д. Арсеньева*

ПОКОРИТЕЛИ ЛУННОГО БАССЕЙНА

Фантастический роман

Роберту Дэвису
в благодарность за многое,
но прежде всего —
за веру Ларри О'Кифа в фей.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Публикация этой рукописи доктора Уолтера Т. Гудвина одобрена исполнительным советом Международной Научной Ассоциации.

Во-первых, чтобы официально положить конец тому, что стали именовать загадкой Трокмартина, прекратить всевозможные инсинуации и скандальные подозрения, угрожающие запятнать репутацию доктора Дэвида Трокмартина, его молодой супруги и не менее юного помощника доктора Чарльза Стентона, которые берут начало со времени запоздавшего сообщения из Мельбурна (Австралия) об исчезновении доктора Трокмартина с корабля, а также последующих сообщений об исчезновении жены доктора и его помощника из лагеря их экспедиции на Каролинских островах.

Во-вторых, поскольку исполнительный совет заключил, что героические усилия доктора Гудвина по спасению всех троих, уроки и открытия, полученные в результате этого опыта, слишком важны для человечества в целом, чтобы быть погребенными в научных статьях, понятных только специально подготовленным людям, или представ-

ленными в газетах со всеми сокращениями и отрывочностью, которые характерны для этих изданий.

По этим причинам исполнительный совет попросил мистера А. Меррита придать форму, понятную для неспециалиста, стенографическому отчету доктора Гудвина совету, а также последующим устным воспоминаниям и разъяснениям доктора Гудвина; эта работа, просмотренная и одобренная членами исполнительного совета Ассоциации, и составляет содержание настоящей книги.

Будучи сам членом совета, Уолтер Т. Гудвин, доктор философии, член Королевского географического общества и пр., несомненно, является ведущим американским ботаником, обладает высокой международной репутацией; он автор нескольких эпохальных трудов в избранной им научной области. Его рассказ, каким бы поразительным в подлинном смысле этого слова он ни был, полностью подкреплен привезенными им доказательствами и принят организацией, президентом которой я имею честь состоять. Все опущенное в этом популярном изложении — ввиду исключительно опасных последствий, которые может вызвать неограниченное распространение этих сведений, — сообщается в чисто научных статьях, предназначенных для строго ограниченного круга лиц.

Международная Научная Ассоциация
Дж. Б. К., президент.

СУЩЕСТВО В ЛУННОМ БАССЕЙНЕ

Подошли к концу два месяца, которые я провел на островах Д'Антркасто, собирая данные для заключительных глав своей книги о вулканической флоре островов южной части Тихого океана. Накануне я добрался до Порт-Морсби и благополучно погрузил свои образцы на борт «Южной королевы». И теперь, сидя ранним утром на верхней палубе, с тоской думал о многих лигах, отделяющих меня от Мельбурна, и еще больших — между Мельбурном и Нью-Йорком.

Было «желтое утро Папуа» — в такое утро Папуа проявляет свое самое мрачное и злобное расположение духа. Над островами нависает угрюмый, безжалостный, пагубный дух; их заполняет угроза скрытых, затаившихся злобных сил, ждущих освобождения. Кажется, это излучения самого неприрученного злого сердца Папуа — зловещего, даже когда оно улыбается. Время от времени ветер доносил дыхание неисследованных джунглей, полное незнакомых запахов.

В такое утро Папуа говорит вам о своей бесконечной древности и силе. И, как всякий белый, я боролся с этим очарованием. И увидел высокого человека, идущего по пирсу; за ним мальчишка капа-капа нес новый чемодан. Что-то в этом высоком человеке показалось мне знакомым. Дойдя до трапа, он поднял голову, посмотрел мне прямо в глаза и махнул рукой.

И я узнал его. Это был доктор Дэвид Трокмартин — Трок, каким он всегда для меня был, один из моих старейших друзей, кристально чистый человек, чьи авторитет и способности всегда вдохновляли меня, я это знал, соревноваться с другими.

Удивившись его неожиданному появлению, я одновременно испытал... неприятный шок. Это был, несомненно, Трокмартин, но было какое-то беспокоящее различие между ним и тем человеком, которого я так хорошо знал, с членами маленького отряда которого и с ним самим я распрощался менее чем за месяц перед тем, как отправиться в эти моря. Всего за несколько недель до этого он женился на Эдит, дочери профессора Уильяма Фразье, которая была моложе его лет на десять, но разделяла его идеалы и была так же влюблена, если только это возможно, как и сам Трокмартин. Ученица своего отца, она была прекрасным помощником, а благодаря своему здравомыслящему и милому — я использую это слово в его старом смысле — сердцу — верной возлюбленной. Вместе с молодым доктором Чарльзом Стентоном и шведкой Торой Халверсен, нянькой Эдит Трокмартин, вырастившей ее с детства, они направились к островам группы Нан-Матал, где вдоль восточного побережья Понапе в Каролинских островах разбросаны замечательные руины.

Я знал, что Трокмартин собирался провести по крайней мере год среди руин не только на Понапе, но и на Леле — втором центре колос-

сальной загадки человечества, чьи корни скрываются в неизмеримой древности, в расцвете чуждой человеческой цивилизации, произраставшей задолго до того, как были посеяны семена Египта; об искусстве этой цивилизации мы знаем очень мало, а о науке и тайных знаниях вообще ничего не знаем. Трокмартин привез все необходимое оборудование для работы, которую ему предстояло проделать и которая, как он надеялся, обессмертит его имя.

Что привело Трокмартина в Порт-Морсби и откуда та перемена, которую я чувствовал в нем?

Заторопившись на нижнюю палубу, я обнаружил там Трокмартина в обществе начальника хозяйственной части. Когда я заговорил, он повернулся и протянул руку — и тут я увидел происшедшее в нем изменение. Разумеется, он понял по моему молчанию, по тому, как я невольно вздрогнул, какой шок я испытал, ближе увидев его. Глаза его наполнились слезами; он резко отвернулся от моряка, поколебался — и заторопился в свою каюту.

— Странный парень, да? — сказал моряк. — Хорошо знаете его, сэр? Похоже, он вас удивил.

Я что-то ответил и медленно направился к своему креслу. Я сел, собираясь с мыслями и пытаясь определить, что же так потрясло меня. И тут я понял. В то время Трокмартину только перевалило за сорок, он был худощав, прям, силен; на лице его обычно было выражение сдержанного энтузиазма, интеллектуальной остроты, постоянного... как бы это назвать... поиска. Вечно ищущий разум четко отпечатался в выражении его лица.

Но Трокмартин, которого я видел на нижней палубе, был человеком, испытавшим сильное потрясение одновременно от ужаса и восторга, какая-то душевная катастрофа изменила его лицо, наложив на него отпечаток радости и страха; как будто они одновременно пришли к нему, захватили его и, уходя, оставили на его лице свой неизгладимый отпечаток.

Да — именно это поражало. Как могут восторг и ужас, небо и ад смешиваться, обмениваться рукопожатием?

Но именно они в тесном объятии соединялись на лице Трокмартина!

Глубоко задумавшись, подсознательно ощущая облегчение, я следил, как береговая линия исчезает позади; я приветствовал ветер вольного моря. Я надеялся — и одновременно испытывал необъяснимое нежелание, невыразимый страх — что встречу Трокмартина за ленчем. Но он не показался, и я вместе с разочарованием испытал неожиданное облегчение. Весь день я беспокойно бродил по палубе, но он не выходил из каюты. А у меня не было решимости позвать его. Не появился он и за обедом.

Быстро опустилась ночная тьма. Мне стало жарко, и я вновь вы-

шел на палубу. «Южная королева» шла по беспокойному морю, и палуба пустовала.

Небо было затянуто облачной завесой, сквозь которую пробивалась восходящая луна. Море фосфоресцировало. Тут и там за кораблем и по бокам от него поднимались странные туманные завитки, будто дыхание подводных чудовищ, вились несколько мгновений и исчезали.

Неожиданно дверь на палубу открылась, и появился Трокмартин. Он неуверенно остановился, со странным напряженным выражением посмотрел на небо, поколебался и закрыл за собой дверь.

— Трок, — позвал я его. — Идите сюда. Это я, Гудвин.

Он подошел ко мне.

— Трок, — сказал я, не тратя времени на предисловия. — Что случилось? Я могу вам помочь?

Я почувствовал, как он напрягся.

— Я плыву в Мельбурн, Гудвин, — ответил он. — Мне кое-что нужно, очень нужно. И мне нужны люди, белые...

Он неожиданно замолчал, встал и принялся напряженно всматриваться в небо на севере. Я тоже взглянул туда. Далеко-далеко луна пробилась сквозь тучи. На горизонте виднелось ее слабое отражение на поверхности моря. Отдаленная лунная дорожка дрожала и колебалась. Тучи снова сгустились, и дорожка исчезла. Корабль быстро шел на юг.

Трокмартин упал в кресло. Дрожащей рукой зажег сигарету. Потом повернулся ко мне, как будто принял неожиданное решение.

— Гудвин, — сказал он, — мне нужна помощь. Если когда-нибудь человек действительно нуждался в помощи, так это я сейчас. Гудвин... можете вы представить себя в другом мире, чуждом, незнакомом, в мире ужаса, в котором величайшая радость и величайший ужас одновременно, и вы там один, чужак! Как такой человек нуждается в помощи, так и я...

Он неожиданно смолк и встал; сигарета выпала у него из пальцев. Луна опять прорвалась сквозь тучи, на этот раз гораздо ближе. Не дальше мили от нас она отбросила свою дорожку на воду. И оттуда до самого горизонта протянулась лунная тропа — гигантская сверкающая змея от края мира прямо к нашему кораблю.

Трокмартин застыл, как пойнтер у спрятавшегося выводка. От него исходила волна ужаса — но ужаса, смешанного с незнакомой адской радостью. Волна прошла и оставила меня, потрясенного, дрожащего, всего в поту.

Трокмартин наклонился, вся жизнь сосредоточилась в его взгляде. Лунная дорожка приближалась, теперь она находилась в полумиле. Корабль убегал от нее, мне показалось, как преследуемый. А вслед за ним, быстро и прямо, рассекая волны, стремился лунный поток.

— Милостивый Боже! — выдохнул Трокмартин, и слова его были и молитвой, и заклинанием.

И затем... я впервые... увидел... его!

Лунная дорожка тянулась до самого горизонта, окруженная тьмой. Как будто облака наверху раздвинулись, чтобы дать ей место, отдернулись, как занавес или как воды Красного моря, чтобы пропустить народ Израиля. По обе стороны дорожки складки этого занавеса отбрасывали тьму. И посредине дорожки между непрозрачными стенами сверкали, дрожали и танцевали бегущие волны лунного света.

Далеко, бесконечно далеко на дорожке я скорее почувствовал, чем увидел, приближение чего-то. Оно виднелось вначале как более яркое свечение внутри света. Вперед и вперед стремилось оно к нам — светящийся туманный сгусток, напоминающий крылатое существо в полете. Я вспомнил даякскую легенду о крылатом вестнике Будды — птице Акле, чьи перья сплетены из лунных лучей, чье сердце — живой опал, чьи крылья испускают кристально ясную музыку белых звезд, но эта музыка сжигает и разбивает души неверующих.

Все ближе и ближе слышался сладкий настойчивый звон — как пиццикато стеклянных скрипок, кристально ясных, — алмаз, растворяющийся в звуках.

Теперь оно было близко к концу светлой полоски, рядом с барьером тьмы, все еще разделявшим корабль и сверкающее начало лунной дорожки. Ударилось об этот барьер, как птица о прутья клетки. Завертелось сверкающими полосами, водоворотами кружевного света, спиралями живого пара. Внутри него со странным незнакомым сверканием двигалось что-то перламутровое. Светящиеся, сверкающие частички скользили сквозь него, как будто оно притягивало их из лучей, окружавших это нечто.

Все ближе и ближе подходило оно, рождаясь в сверкающих волнах, и все тоньше и тоньше становилась защищавшая нас полоска тьмы. Внутри сверкающего тумана была сердцевина, ядро более интенсивного света, пульсирующего, опалового, лучезарного, напряженно живого. А над ним, в путанице дрожащих и пульсирующих полос и спиралей, светились семь огоньков.

Движение этого... существа было непрерывным, но странно организованным, а семь огней держались устойчиво и неподвижно, будто семь сверкающих лун. Один жемчужно-розовый, еще один тончайшего голубовато-перламутрового цвета; один сверкающе-шафрановый, еще один изумрудный, как мелкие воды вблизи тропического острова; смертельно-белый; призрачно-аметистовый; и еще один серебряный, цвета рыбы, выпрыгивающей из глубины океана под луной.

Звенящая музыка стала еще громче. Она пронзала уши дождем крошечных копий, заставляла сердце ликующе биться — и сжимала его

скорбно. Она сжимала горло в приступе восторга и крепко держала его, как рука бесконечной печали!

До меня донесся бормочущий возглас, затихающие хрустальные ноты. Он слышался отчетливо, но исходил как бы из чего-то абсолютно чуждого этому миру. Ухо восприняло этот возглас и с трудом преобразовало его в земные звуки. И мозг отшатнулся от них неудержимо, и столь же неудержимо они к нему устремились.

Трокмартин напряженно двинулся прямо к видению, находившемуся теперь всего в нескольких ярдах за кормой. Его лицо утратило всякое сходство с человеческим. Страшная боль и крайний экстаз — они были рядом, не боролись друг с другом; нечестивые нечеловеческие спутники, они смешивались в выражении, которое не может иметь никакое Божье создание, и глубоко, глубоко вцеплялись в душу. Дьявол и Бог гармонично шли рука об руку! Так, должно быть, выглядел Сатана, только что падший, все еще божественный, видя и небо, и ожидающий его ад.

И тут — лунная дорожка быстро померкла! Небо затянули тучи, как будто их привела чья-то рука. С юга налетел ревущий шквал. Луна исчезла, и то, что я видел, исчезло с нею, погасло, как изображение волшебного фонаря; звуки странной музыки резко смолкли — и наступила тишина, за которой последовал лишь раскат грома. А потом — ничего, кроме тишины и тьмы.

По всему моему телу прошла дрожь, как будто я только что стоял на самом краю пропасти, в которой, как говорят жители Луизиадских островов, живет ловец человеческих душ, и только случайность спасла меня.

Трокмартин поддержал меня.

— Так я и думал, — сказал он. В его голосе звучала новая нота — спокойная уверенность сменила ужас ожидания неизвестного. — Теперь я знаю! Идемте в мою каюту, старый друг. Теперь, когда вы тоже видели это, я могу вам рассказать... — он заколебался, — рассказать, что же вы видели, — закончил он.

Входя, мы столкнулись с первым помощником капитана. Трокмартин постарался придать лицу нормальное выражение.

— Нас ожидает буря? — спросил он.

— Да, — ответил помощник. — Очевидно, она будет сопровождать нас на всем пути до Мельбурна.

Трокмартин распрямился, как будто в голову ему пришла новая мысль. Он энергично схватил моряка за рукав.

— Вы хотите сказать, что нас ожидает облачная погода, — тут он заколебался, — еще по крайней мере три ночи?

— И еще три, — ответил помощник.

— Слава Богу! — воскликнул Трокмартин, и, мне кажется, я никогда не слышал в его голосе такого облегчения и надежды.

Моряк удивился.

— Слава Богу? — повторил он. — Слава... что вы этим хотите сказать?

Но Трокмартин уже направлялся в свою каюту. Я хотел пойти за ним. Первый помощник остановил меня.

— Ваш друг не болен?

— Море! — торопливо ответил я. — Он не привык к нему. Я за ним присмотрю.

В глазах моряка было сомнение и недоверие, но я поторопился уйти. Потому что знал: Трокмартин на самом деле болен — но в этой болезни ему не поможет ни корабельный врач, ни кто-либо другой.

«МЕРТВЫ! ВСЕ МЕРТВЫ!»

Когда я вошел, Трокмартин сидел на краю койки, закрыв лицо руками. Пальто он снял.

— Трок, — окликнул я, — что это было? От чего вы бежите? И где ваша жена... и Стентон?

— Мертвы! — монотонно ответил он. — Мертвы! Все мертвы! — И тогда я отшатнулся в ужасе. — Все мертвы. Эдит, Стентон, Тора... мертвы... или еще хуже. А Эдит в Лунном бассейне... с ними... ее утащило то, что вы видели на лунной дорожке... оно наложило на меня свой знак... и преследует меня.

Он распахнул рубашку.

— Взгляните, — сказал он.

Кожа на его груди, примерно на дюйм выше сердца, была жемчужно-белой. Белизна резко выделялась на фоне здоровой кожи. Она образовывала идеально ровную полосу примерно в два дюйма шириной.

— Прижгите! — сказал он, протягивая мне сигарету.

Я отшатнулся. Он сделал повелительный жест. Я прижал горящий кончик к белой полосе. Он даже не моргнул, не слышно было и запаха горелого; когда я отвел белую трубочку, на коже не было ни следа.

— Потрогайте! — снова приказал он.

Я коснулся пальцами ленты. Она была холодной, как мрамор на морозе.

Он запахнул рубашку.

— Вы видели две вещи, — сказал он. — его и его печать. Теперь вы должны поверить в мой рассказ. Гудвин, говорю вам опять, что моя жена мертва — или еще хуже, я не знаю... добыча... того, что вы видели... и Стентон тоже, и Тора. Как...

Слезы покатились по его выжженному лицу.

— Почему Бог позволил ему победить нас? Почему Он позволил

забрать мою Эдит? — воскликнул он с горечью. — Или подобные существа сильнее Бога, а, как вы думаете, Уолтер?

Я не знал, что сказать.

— Есть ли он? Есть ли? — Его взгляд жег меня.

— Не знаю, как вы определяете Бога, — я умудрился подавить изумление и ответить. — Если вы имеете в виду стремление познавать, осуществляемое через науку...

Он нетерпеливым взмахом руки заставил меня замолчать.

— Наука, — сказал он. — Что наша наука перед... этим? Или перед наукой той проклятой исчезнувшей расы, что создала его... и дала ему возможность проникнуть в наш мир?

С заметным усилием он овладел собой.

— Гудвин, — сказал он, — что вы вообще знаете о руинах на Каролинских островах, о гигантских мегалитических городах и гаванях на Понапе и Леле, на Кусаие, на Руке и Хоголу, на десятках других островов? В особенности, что вы знаете о Нан-Матале и Металаниме?

— О Металаниме я слышал, видел фотографии, — ответил я. — Его называют забытой Венецией Тихого океана.

— Взгляните на эту карту, — сказал Трокмартин. — На ней, — продолжал он, — Кристиан обозначил гавани Металанима и Нан-Матала. Видите прямоугольники, названные Нан-Тауах?

— Да, — ответил я.

— Здесь, — продолжал он, — под этими стенами — Лунный бассейн и семь сверкающих шаров, поднимающих Обитателя бассейна из глубины, здесь его алтарь и гробница. И здесь, в Лунном бассейне, Эдит, и Стентон, и Тора.

— Обитатель Лунного бассейна? — недоверчиво повторил я.

— Существо, которое вы видели, — серьезно ответил Трокмартин.

В иллюминаторы ударил сплошной поток дождя, и «Южная королева» начала раскачиваться на поднимающейся волне. Трокмартин опять облегченно вздохнул и, отведя занавеску, начал всматриваться в ночь. Ее чернота, казалось, успокоила его. Во всяком случае, садясь, он был спокоен.

— Нет более удивительных руин, — начал он почти небрежно. — Они занимают примерно пятьдесят островков, с пересекающими их проливами и лагунами, это будет около двенадцати квадратных миль. Кто построил это? Никто не знает. Когда они были построены? Несомненно, за века до тех времен, что помнит человек. Десять тысяч, двадцать тысяч, сто тысяч лет назад — последнее наиболее вероятно.

Все эти островки, Гудвин, прямоугольные, и на море хмуро смотрят стены из гигантских базальтовых блоков, вырубленных и поставленных на место руками древних людей. Каждый выходящий на воду берег укреплен террасой из этих базальтовых блоков, которые на шесть

футов возвышаются между мелкими проливами. За стенами на этих островах циклопические, разрушенные временем крепости, дворцы, террасы, пирамиды, огромные дворы посреди руин, — и все такое древнее, что, кажется, даже глаз устает от этой неизмеримой древности.

Когда-то здесь произошел большой оползень. Если на три мили выплыть из гавани Металанима, то в двадцати футах под водой видны такие же монолитные строения и стены.

И повсюду связанные проливами острова, окруженные загадочными гигантскими стенами, глядящие сквозь густые мангровые заросли, — мертвые, покинутые неисчислимые века назад, и все живущие сторонятся их.

Вы как ботаник знакомы с доказательствами существования в Тихом океане огромного континента — континента, который не был разорван на части вулканическими извержениями, как легендарная Атлантида в Западном океане. Мои исследования на Яве, Папуа и на Ладронских островах вызвали у меня интерес к затонувшему тихоокеанскому материку. Я получил доказательства, что как Азорские острова считаются уцелевшими вершинами Атлантиды, так и Понапе, Лсле и окруженные стенами островки — это последние кусочки медленно тонущего западного континента, все еще цепляющиеся за солнечный свет, и они-то и стали последним убежищем и святыней правителей той расы, которая потеряла свой дом под поднимающимися водами Тихого океана. Я считал, что здесь, под руинами, я найду доказательства своей теории.

Моя... моя жена и я договорились перед свадьбой, что это будет главной работой нашей жизни. После медового месяца мы подготовились к экспедиции. Стентон был увлечен не меньше нас. Как вы знаете, в мае прошлого года мы отплыли, чтобы осуществить мою мечту.

На Понапе мы набрали — не без трудностей — рабочих, землекопов. Мне пришлось применить необыкновенные приманки, чтобы получить рабочую силу. У жителей Понапе мрачные верования. Они населяют болота, леса, горы и берега злыми духами — они их называют *ани*. И они боятся, страшно боятся островных развалин и того, что, как они считают, там живет. Не удивляюсь — теперь!

Когда им сообщили, куда мы направляемся и сколько намерены там оставаться, они зашептались. Те, кто все-таки согласился с нами отправиться, поставили условие, которое я посчитал предрассудком, — чтобы им позволили уходить на три ночи полнолуния. Если бы я только послушался их и ушел вместе с ними!

Мы прошли в гавань Металанима. Слева от нас, примерно в миле, поднимался массивный прямоугольник. Стены его достигали сорока футов в высоту и тянулись на сотни футов в обе стороны. Когда мы проходили мимо него, туземцы замолкли, поглядывая по сторонам

украдкой и со страхом. Я знал, что эти руины называются Нан-Тауах, «место, где хмурые стены». Молчание моих людей напомнило мне, что написал об этом месте Кристиан, как он «достиг древних платформ и прямоугольных стен, удивительных извилистых проходов и лабиринта мелких проливов, угрюмых каменных масс, глядящих из-за зеленого занавеса, циклопических баррикад. И вот, когда мы оказались в их мрачной тени, немедленно веселье наших проводников прекратилось, и разговоры перешли на шепот».

Трокмартин немного помолчал.

— Конечно, я захотел разбить наш лагерь здесь, — спокойно продолжал он, — но мне пришлось отказаться от этой мысли. Туземцев охватила паника, они угрожали, что вообще уйдут. «Нет, — говорили они, — здесь слишком сильные *ани*. Мы пойдем в любое другое место, но только не сюда».

Наконец в качестве лагеря мы выбрали островок Ушен-Тау. Близко к моей цели, но достаточно далеко, чтобы удовлетворить наших людей. Тут нашлось отличное место для лагеря и ручей со свежей водой. Мы разбили палатки, и через несколько дней работа уже шла полным ходом.

ЛУННАЯ СКАЛА

— Я не собираюсь рассказывать вам сейчас, — продолжал Трокмартин, — ни о результатах следующих двух недель, ни о том, что мы обнаружили. Позже, если мне будет позволено, я вам все расскажу. Достаточно сказать, что к концу этих двух недель я нашел подтверждение многих своих теорий.

Место, несмотря на всю свою заброшенность и опустошение, не заразило нас меланхолией — ни Эдит, ни Стентона, ни меня. Но Тора была очень несчастна. Как вы знаете, она шведка, и у нее в крови верования и предрассудки северян, некоторые из них удивительно похожи на суеверия далеких южных островов: вера в духов гор, леса, воды, в оборотней и злых духов. С самого начала она проявляла удивительную чувствительность к тому, что я бы назвал «излучением» этого места. Она сказала, что оно «пахнет» духами и колдунами.

Тогда я смеялся над ней...

Прошли две недели, и к нам явился предводитель туземцев. Он сказал, что следующая ночь — ночь полнолуния. Напомнил мое обещание. Завтра утром они уходят в свою деревню, вернутся через три дня, когда луна начнет убывать. Они оставили нам различные заклинания и торжественно предупредили, чтобы во время их отсутствия мы держались как можно дальше от развалин Нан-Тауаха. Полураздраженно, полузабавляясь, я смотрел им вслед.

Без них, разумеется, никакую работу вести было нельзя, и мы

решили устроить на несколько дней пикник на южных островках группы. Мы отметили несколько мест для последующих исследований и на утро третьего дня двинулись вдоль берега к лагерю на Ушен-Тау, чтобы подготовить все к возвращению на следующий день наших людей.

Мы высадились перед наступлением темноты, усталые и готовые сразу лечь спать. Часов в десять Эдит разбудила меня.

— Послушай, — сказала она. — Прижмись ухом к земле!

Я послушался и услышал как будто доносящееся издалека, с большой глубины, слабое пение. Оно набирало силу, потом затихало, кончилось; снова началось, усилилось, затихло.

— Волны где-то бьются о скалы, — сказал я. — Мы, видимо, над каким-то хребтом, который переносит звук.

— Я впервые слышу это, — с сомнением ответила моя жена.

Мы снова прислушались. И тут сквозь смутный ритм глубоко под нами возник другой звук. Он пронесся через лагуну, разделявшую нас и Нан-Тауах, маленькими звенящими волнами. Это была своего рода музыка; не стану описывать ее необычайное воздействие, вы испытали его сами...

— На палубе? — спросил я.

Трокмартин кивнул.

— Я подошел к выходу из палатки, — продолжал он, — и выглянул. В то же время из своей палатки вышел Стентон и остановился, глядя на соседний остров и прислушиваясь. Я окликнул его.

— Какой странный звук! — сказал он. Снова прислушался. — Хрустальный! Как звон прозрачного стекла. Как хрустальные колокольчики на систрумах Изиды в храме Дендары, — мечтательно добавил он.

Мы внимательно смотрели на остров. Неожиданно наверху гигантской стены мы увидели огоньки, двигавшиеся медленно, ритмично. Стентон рассмеялся.

— Мошенники! — воскликнул он. — Вот почему они хотели уйти. Понимаете, Дэйв, это нечто вроде праздника, какой-то обряд, который они совершают в полнолуние. И именно поэтому они так хотели удалить нас.

Объяснение казалось здравым. Я почувствовал странное облегчение, хотя до этого не сознавал, что испытываю напряжение.

— Давайте проберемся туда, — предложил Стентон, но я отказался.

— С ними и так трудно ладить, — сказал я. — Если мы нарушим их религиозную церемонию, они, вероятно, никогда нас не простят. Давайте держаться в стороне от семейного приема, на который нас не пригласили.

— Ладно, — согласился Стентон.

Странная звенящая музыка вздымалась и опадала, вздымалась и опадала.

— Что-то в этом есть... что-то беспокоящее, — наконец серьезно сказала Эдит. — Интересно, как они производят эти звуки. Они пугают меня до полусмерти и в то же время заставляют чувствовать, что невыразимый восторг ожидает за углом.

— Дьявольски нечестиво! — вмешался Стентон.

И в это мгновение распахнулся клапан палатки Торы, и на лунный свет вышла старая шведка. Она принадлежала к типу рослых северянок — высокая, с широкой грудью, созданная по образцу древних викингов. Шестьдесят лет как будто соскользнули с нее. Она походила на древнюю жрицу Одина.

Она стояла так, смотрела широко раскрытыми блестящими глазами. Потом повернула голову к Нан-Тауаху, разглядывая движущиеся огни, прислушиваясь. Неожиданно подняла руки и сделала странный жест в сторону луны. Это был... древний... жест. Она, казалось, извлекла его из глубочайшей древности, но в нем была странная власть. Дважды она повторила этот жест — и звон смолк! Она повернулась к нам.

— Уходите! — сказала она, и голос ее как будто доносился с большого расстояния. — Уходите отсюда, и побыстрее! Уходите, пока можете. Оно позвало... — она указала на островок. — Оно знает, что вы здесь. Оно ждет! — взвыла она. — Оно манит...

Она упала у ног Эдит, и тут же над лагуной вновь разнесся звон, теперь в нем звучали ликующие, почти триумфальные ноты.

Всю ночь мы присматривали за ней. Звуки с Нан-Тауаха доносились до самого захода луны. Утром Тора проснулась, чувствуя себя, очевидно, хорошо. Она сказала, что ей снились кошмары. Содержание их она не помнила, сказала только, что они предупреждают об опасности. Она была непривычно молчалива, и я заметил, что все утро ее взгляд полуудивленно, полуоколдованно обращался к соседнему острову.

Днем вернулись туземцы. Ночью над Нан-Тауахом царило молчание, не видно было ни огней, ни признаков жизни.

Вы догадываетесь, Гудвин, как описанные мною происшествия возбудили наше научное любопытство. Разумеется, мы отвергли всякие объяснения, включающие сверхъестественное.

Наши — позвольте мне назвать это симптомами — наши симптомы легко объяснялись. Несомненно, что звуковые колебания, создаваемые некоторыми музыкальными инструментами, оказывают определенное и иногда чрезвычайно сильное воздействие на нервную систему. Мы приняли это как объяснение тех реакций, которые мы испытали, слыша эти незнакомые звуки. Нервозность Торы, ее предчувствия сверхъестественного довели ее до состояния полугипнотической истерии. Наука легко объясняла ее роль в ночной сцене.

Мы пришли к заключению, что между Понапе и Нан-Тауахом

есть проход, известный туземцам и используемый во время их ритуалов. Мы решили, что сразу после следующего ухода наших рабочих отправимся немедленно на Нан-Тауах. Днем проведем разведку, а вечером моя жена и Тора вернутся в лагерь, а мы со Стентоном проведем ночь на острове, наблюдая происходящее из какого-нибудь укрытия.

Луна убывала; появился полумесяц на западе; он медленно увеличивался; снова приближалось полнолуние. Перед уходом наши люди буквально молили нас уйти с ними. Их настойчивость только усиливала наше желание увидеть то, что, как мы считали, они от нас скрывают. По крайней мере, это было верно относительно Стентона и меня. Но не относительно Эдит. Она была задумчива, рассеянна, соглашалась с нами неохотно.

Когда работники исчезли за поворотом, мы сели в лодку и направились к Нан-Тауаху. Вскоре над нами возвышались его могучие стены. Мы вошли в гигантские морские ворота с их огромными, вырубленными из базальта призмами и высадились возле полузатонувшего пирса. Перед нами начиналась гигантская лестница, ведущая в обширный двор, заваленный обломками упавших колонн. В центре двора, за упавшими колоннами, возвышалась еще одна терраса из базальтовых блоков, на которой, как я знал, размещался еще один внутренний двор.

А теперь, Уолтер, для лучшего понимания последующего... и... если вы решите впоследствии вернуться со мной... или без меня... слушайте внимательно описание этого места. Нан-Тауах представляет из себя буквально три прямоугольника. Первый прямоугольник образован выходящими в океан стенами из монолитов, обтесанных, обработанных, двадцати футов шириной по верху. Чтобы попасть в морские ворота, вы должны пройти по проливу, указанному на карте между Нан-Тауахом и соседним островом Тау. Вход в пролив скрыт густыми зарослями мангров; за ними путь чист. Гигантские ступени ведут от морских ворот через вход во двор.

Этот двор окружен еще одной базальтовой стеной, прямоугольной, с математической точностью повторяющей очертания внешней. Внешняя стена от тридцати до сорока футов высотой — первоначально она была, вероятно, гораздо выше, но во многих местах обвалилась. Стена первого укрепления — пятнадцать футов шириной в верхней части, а высота ее колеблется между двадцатью и пятьюдесятью футами; и здесь тоже оседания участков местности обрушили ее во многих местах.

Внутри двора третье ограждение. Его терраса из того же базальта, примерно в двадцать футов высотой. Пройти туда можно через многочисленные щели, проделанные временем в каменном ограждении. Это внутренний двор, сердце Нан-Тауаха! Здесь находится гигантское

подземелье, с которым связано единственное имя живого существа, дошедшее к нам из туманов прошлого. Туземцы называют это сокровищницей Чо-те-ло, могучего короля, правившего задолго «до времени наших отцов». Поскольку «чо» в языке древних понапейцев означает одновременно «солнце» и «король», это название значит «место солнечного короля». Это воспоминание о династическом имени правителей Тихоокеанского континента, теперь исчезнувшего, — точно так же правители древнего Крита принимали имя Минос, а правители Египта назывались фараонами.

Напротив «места солнечного короля» находится лунная скала, скрывающая Лунный бассейн.

Стентон первым обнаружил то, что я называю лунной скалой. Мы осматривали внутренний двор; Эдит и Тора готовили ленч. Я вышел из подземелья Чо-те-ло и увидел, что Стентон в удивлении рассматривает часть террасы.

— Что вы об этом думаете? — спросил он, когда я подошел. И указал на стену.

Я посмотрел туда и увидел каменную плиту примерно в пятнадцать футов высотой и десять шириной. Первое, что я заметил, это исключительная точность, с которой края скалы соединялись с окружающими каменными блоками. Потом я понял, что скала другого цвета — она более серая и кажется гладкой, странной.

— Скорее похоже на известковый шпат, чем на базальт, — сказал я, дотронулся до скалы и быстро отдернул руку: при прикосновении нервы руки испытали шок, как от внезапного удара замороженного электричества. Холодная сила... я описал это, назвав замороженным электричеством... такое определение подходит лучше всего.

Стентон странно взглянул на меня.

— Значит, вы тоже это почувствовали, — сказал он. — Я подумал, не испытываю ли галлюцинации, как Тора. Заметьте, кстати, что соседние блоки нагрелись на солнце.

Мы осмотрели плиту внимательнее. Края ее были отшлифованы как будто гранильщиком алмазов. Они так плотно прилегали к соседним камням, что не оставалось просвета толщиной в волос. Основание плиты слегка изгибалось и так же плотно прилегало к каменному блоку внизу. И тут мы увидели, что камень снизу был вырезан, чтобы соответствовать изгибу плиты. От одной стороны плиты до другой шло полукруглое углубление. Как будто серая плита стояла в центре плоской чаши — полувыступая, полускрываясь. Что-то в этом углублении привлекло меня. Я протянул руку и пощупал камень. Гудвин, хотя остальные камни, окружавшие плиту, и все камни двора были грубыми и изношенными временем, этот был гладкий, как будто только что из рук полировщика.

— Это дверь! — воскликнул Стентон. — Она поворачивается вокруг этой чаши. Поэтому углубление такое гладкое.

— Может, вы и правы, — ответил я. — Но как, ради дьявола, нам открыть ее?

Мы снова осмотрели плиту, нажимали на края, пытались сдвинуть. Я случайно поднял голову — и вскрикнул. Примерно на фут выше и по обе стороны от перемычки серой скалы виднелись небольшие выпуклости, видимые только под тем углом, под которым я случайно бросил взгляд.

С нами была небольшая переносная лестница, и я поднялся по ней. Выпуклости были не чем иным, как высеченными в камне изгибами. Я прижал руку к одной из выпуклостей и отдернул ее так резко, что чуть не свалился с лестницы. Ладонью, у самого основания большого пальца, я ощутил тот же шок. Я снова прижал руку. Воздействие исходило от места не более дюйма шириной. Я внимательно исследовал выпуклость и еще шесть раз испытал шок. На выпуклости располагалось семь кружков, каждый в дюйм шириной, и прикосновение к каждому вызывало описанное мною ощущение. Выпуклость на противоположной стороне оказалась точно такой же. Но никакие нажимы на кружочки поодиночке или в любой последовательности не вызывали никакого движения самой плиты.

— И все-таки... это устройство открывает дверь, — уверенно сказал Стентон.

— Откуда вы знаете? — спросил я.

— Не знаю... — с сомнением ответил он. — Что-то говорит мне, что это так. Трок, — продолжал он полусерьезно-полунасмешливо, — моя научная половина борется с моей человеческой половиной. Научная половина велит искать способ открыть эту дверь. А человеческая столь же настоятельно велит ничего подобного не делать и как можно скорее убираться отсюда, пока еще можно!

И он рассмеялся немного смущенно.

— Что же будет? — спросил он, и мне показалось, что его человеческая половина побеждает.

— Вероятно, все останется, как есть, если только мы не разнесем плиту на куски, — сказал я.

— Я думал об этом, — сказал он, — и я бы... не осмелился, — добавил он достаточно угрюмо.

Я тоже испытал описанное им чувство. Как будто что-то исходящее из скалы ударило меня по сердцу, как рука ударяет нечестивые уста. Мы отвернулись от скалы — с тревогой — и увидели проходящую через пролом в террасе Тору.

— Мисс Эдит просит вас быстрее... — начала она и замолкла. Я увидел, как ее взгляд миновал меня, глаза широко раскрылись. Она смотрела на серую скалу. Тело ее неожиданно напряглось, она сде-

лала несколько шагов... и устремилась прямо к скале. Мы видели, как она бросилась на нее, услышали крик, как будто из нее извлекали душу, видели, как она падает у основания скалы. И когда мы уносили ее, я заметил, как с ее лица сходит то выражение, которое появилось впервые при звуках хрустальной музыки Нан-Тауаха, — нечеловеческое смешение противоположностей!

ПЕРВЫЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЯ

Мы отнесли Тору вниз, к ожидавшей Эдит. Рассказали Эдит о случившемся и о том, что мы обнаружили. Она серьезно слушала, а когда мы кончили, Тора вздохнула и открыла глаза.

— Я хочу осмотреть этот камень, — сказала Эдит. — Чарльз, вы оставайтесь с Торой.

Мы молча прошли во внутренний двор и остановились перед скалой. Эдит коснулась ее, отдернула руку, как и я; снова решительно протянула ее и удержала. Казалось, она к чему-то прислушивается. Наконец она повернулась ко мне.

— Дэвид, — сказала моя жена, и печаль в ее голосе поразила меня, — ты ведь будешь очень-очень разочарован, если мы уедем отсюда, не пытаясь больше ничего узнать?

Уолтер, я ничего в жизни не хотел больше, чем узнать, что скрывается за серой скалой. Тем не менее я постарался справиться со своим желанием и ответил:

— Эдит, нисколько, если ты этого хочешь.

Она видела смятение в моих глазах. Снова повернулась к серой скале. Я видел, как она задрожала. И почувствовал угрызения совести и жалость.

— Эдит, — воскликнул я, — мы уйдем!

Она снова посмотрела на меня.

— «Наука — ревнивая любовница», — процитировала она. — Нет, в конце концов это все, возможно, мои выдумки. Ты не можешь так просто уйти. Нет! Но, Дэвид, я тоже останусь!

И решение ее было неизменным. Когда мы приближались к остальным, она взяла меня за руку.

— Дэйв, — сказала она, — если вечером произойдет что-нибудь... ну... необъяснимое... что-нибудь, кажущееся... опасным, ты обещаешь вернуться на наш остров завтра или как только мы сможем и подождать там возвращения туземцев?

Я с готовностью пообещал — желание остаться и увидеть, что происходит ночью, жгло меня, как огнем.

Мы выбрали место в пятистах футах от лестницы, ведущей во внешний двор.

Избранное нами место было хорошо укрыто. Нас не могли уви-

деть, но нам отлично были видны лестница и ворота. Перед наступлением сумерек мы приготовились ждать того, что может случиться. Я располагался ближе всех к гигантским ступеням, за мной Эдит, далее Тора и наконец Стентон.

Наступила ночь. Через некоторое время небо на востоке посветлело, и мы знали, что восходит луна; становилось все светлее. На море выглянул сияющий шар и вдруг стал виден весь. Я посмотрел на Эдит и Тору. Моя жена внимательно прислушивалась. Тора сидела так же, как с самого начала, локти на коленях, лицо закрыто руками.

И вдруг от устремившегося на нас лунного света на меня напала страшная сонливость. Казалось, с лунных лучей капает сон и падает мне на глаза, закрывая, неумолимо закрывая их. Я чувствовал, как расслабилась в моей руке рука Эдит. Голова Стентона упала на грудь, тело его пьяно покачнулось. Я пытался встать, пытался бороться с непреодолимым желанием уснуть.

И в этой борьбе увидел, как Тора подняла голову, будто прислушиваясь к чему-то; повернула ее к воротам. На лице ее было бесконечное отчаяние — и ожидание. Я попытался встать — и сон навалился на меня. Смутно, засыпая, я услышал хрустальный звон; с невероятными усилиями еще раз приподнял веки.

Тора, купающаяся в свете, стояла наверху лестницы.

Сон победил меня, унес в самое сердце забвения.

Когда я проснулся, начинался рассвет. На меня сразу нахлынули воспоминания, и я в страхе протянул руку к Эдит, коснулся ее и почувствовал, как в приливе благодарности учащенно забилось сердце. Она зашевелилась, села и протерла заспанные глаза. Стентон лежал на боку, спиной к нам, закрыв голову руками.

Эдит со смехом взглянула на меня.

— Боже! Что за сон! — сказала она. И тут же все вспомнила.

— Что случилось? — прошептала она. — Что заставило нас так уснуть?

Проснулся Стентон.

— В чем дело? — воскликнул он. — Вы как будто увидели привидение.

Эдит схватила меня за руку.

— Где Тора? — воскликнула она.

Прежде чем я смог ответить, она с криком выбежала на открытое пространство.

— Взята! — это было все, что я мог сказать Стентону.

Вдвоем мы подошли к моей жене, которая теперь стояла возле больших каменных ступеней, с испугом глядя на вход на террасу. Здесь я рассказал им, что видел, прежде чем сон охватил меня. Вместе мы поднялись по ступеням во внутренний двор и направились к серой скале.

Серая скала, как и накануне, была закрыта, не было ни следа того, что ее открывали. Ни следа? Как раз когда я думал об этом, Эдит опустилась на колени перед ней и протянула руку к чему-то у ее основания. Это был клочок серого шелка. Я узнал его — обрывок платка, который Тора всегда носила на голове. Эдит подняла клочок. Он был отрезан от платка будто острым ножом; несколько нитей тянулись от него к основанию серой плиты, тянулись к этому основанию и уходили под него!

Серая плита — действительно дверь! И она открывалась, и Тора прошла в нее!

Я думаю, что следующие несколько минут мы все были немного безумны. Мы колотили по дьявольскому входу кулаками, камнями и дубинами. Наконец разум вернулся к нам.

Гудвин, в течение следующих двух часов мы испробовали все бывшие в нашем распоряжении способы пройти сквозь скалу. Камень не поддавался сверлу. Мы пробовали произвести взрыв у основания скалы, покрывали ее зарядами, прижатыми камнем. Никакого воздействия на поверхность: естественно, заряд действовал в направлении меньшего сопротивления.

К полудню мы потеряли всякую надежду. Приближался вечер, и нам нужно было решить, что делать дальше. Я хотел отправиться на Понапе за помощью. Эдит возражала, говоря, что на это потребуется много времени и нам вообще не удастся убедить наших людей вернуться с нами. Что тогда оставалось? Одно из двух: вернуться в лагерь, подождать возвращения наших людей и затем попробовать убедить их пойти с нами на Нан-Тауах. Но это значило по крайней мере на два дня оставить Тору. На это мы не могли пойти, это было бы слишком трусливо.

Другая возможность — дождаться ночи на месте, подождать, пока скала, как и накануне, откроется, и сделать вылазку через нее в поисках Торы, прежде чем дверь закроется снова.

Наш выбор был ясен! Нам предстояло провести ночь на Нан-Тауахе!

Конечно, мы очень подробно обсуждали свой сон. Если наша теория, что огни, звуки и исчезновение Торы связаны с каким-нибудь туземным обрядом, верна, то логическим следствием является заключение, что непреодолимый сон тоже вызван ими, может быть, с помощью каких-то испарений — вы не хуже меня знаете, сколь глубоки познания жителей Тихого океана в таких вещах. А может, это было простым совпадением, и сон был вызван воздействием эманации или газов от растений — естественными причинами, эффект которых случайно совпал с другими происшествиями. Мы подготовили несколько грубых, но надежных респираторов.

С наступлением сумерек мы проверили свое оружие. Эдит прекрасно владела и пистолетом, и ружьем. Мы решили, что моя жена останется в укрытии. Стентон займет позицию на противоположной стороне за лестницей, а я расположусь по другую сторону, ближе к Эдит. Место, которое я выбрал, находилось в пятистах футах от нее, и я, глядя на углубление, в котором она лежала, уверял себя, что она в безопасности. Мы со Стентоном прикрывали вход. Стентон со своего места мог также видеть внутренний двор.

Слабое свечение предвещало восход луны. Мы со Стентоном заняли свои места. Становилось все светлее; лунный шар поднимался и через несколько мгновений стал виден полностью над руинами и морем.

И тут же с террасы донесся звук, похожий на вздох. Стентон выпрямился, напряженно глядя на вход, с ружьем наготове.

— Стентон, что вы видите? — осторожно окликнул я его.

Он взмахнул рукой, призывая к молчанию. Я посмотрел на Эдит и испытал шок. Она лежала на боку. Лицо — нос и рот закрыты респиратором — обращено к луне. Она крепко спала!

Повернувшись, чтобы окликнуть Стентона, я задержал взгляд на верху лестницы и застыл в изумлении. Лунный свет еще более сгустился. Казалось, он... материализуется... там. Сквозь него пробегали жилки сверкающего белого пламени. Меня охватила вялость. Но не та неотвратимая сонливость, как в предшествующую ночь. Просто у меня не было сил пошевелиться. Я пытался позвать Стентона. Но не мог заставить губы шевельнуться! Гудвин, я не мог даже отвести глаз!

Стентон находился на краю моего поля зрения. Я видел, как он прыгнул на лестницу и двинулся к входу. Сгустившееся свечение, казалось, ждет его. Он ступил в него — и исчез из виду.

С десяток ударов сердца царила тишина. Потом дождь звенящих звуков, от которого по мне пробежала радостная дрожь, и тут же голос Стентона с внутреннего двора — громкий крик — вопль, полный невыносимого экстаза и невообразимого ужаса! И снова тишина. Я пытался разорвать удерживавшие меня невидимые путы. И не мог. Даже веки мои не шевелились. А глаза, сухие и неподвижные, горели.

И затем, Гудвин... я впервые увидел... необъяснимое! Хрустальная музыка взметнулась. Со своего места я видел вход во внутренний двор и его базальтовые порталы, грубые и разбитые, поднимающиеся на сорок футов, изломанные, разрушенные порталы, недоступные для подъема. Из входа потек все усиливающийся свет. Он рос, разбухал, и в нем шел Стентон.

Стентон! Но — Боже! Что за зрелище!

Трокмартин задрожал. Я ждал, ждал.

— Гудвин, — сказал наконец Трокмартин, — я могу описать его только как существо из живого света. Он излучал свет, был полон светом, переполнен им. Вокруг него кружилось сверкающее облако, оно проходило сквозь него блестящими завитками, горящими щупальцами, блистающими, светящимися.

Лицо его светилось радостью, слишком сильной для живого существа, и в то же время было затенено невыносимым несчастьем.

Вы можете видеть отражение этого в моем лице. Но вы не видели этого в той степени, в какой оно было на лице Стентона. Глаза широко раскрыты и неподвижны, будто созерцают внутреннее зрелище рая и ада!

Заполнявший и окружавший его свет имел внутреннее ядро — нечто отдаленно напоминавшее по форме человеческую фигуру, это ядро то рассеивалось, то собиралось вновь, вырывалось за его пределы и входило в них снова. И когда сверкающие частицы входили в него, все тело Стентона испускало свет. И внутри этого сверкания, спокойные и безмятежные, двигались семь маленьких светящихся шаров, как семь маленьких лун.

Стентон был поднят, взлетел на неприступную стену, на самую ее вершину. Свет под луной побледнел, звенящая музыка стихла. Я попытался шевельнуться. Из неподвижных глаз полились слезы и облегчили боль в них.

Я сказал, что мой взгляд был неподвижен. Так оно и было. Но периферическим зрением я видел часть дальней стены внешнего укрепления. Казалось, прошли века, и я увидел на этой дальней стене сияние. Потом показалась фигура Стентона. Он был далеко, на самом верху гигантской стены. Но я по-прежнему различал сверкающие спирали, которые ликующе вились вокруг и сквозь него; скорее чувствовал, чем видел его лицо в трансе при свете семи шаров. Взметнулись хрустальные ноты, и он прошел. И все это время, как будто из какого-то скрытого источника, внутренний двор светился и рассыпал серебряные огни, которые затмевали лунный свет, но казались частью его.

Наконец луна приблизилась к горизонту. Звуки музыки стали громче, на их фоне — вторично — крикнул Стентон. Крик его был как эхо первого. Вновь мягкий вздыхающий звук на террасе. И — полная тишина!

Свет померк; луна заходила, и мгновенно жизнь и способность двигаться вернулись ко мне. Я побежал вперед, прыжками взлетел по лестнице во внутренний двор и прямо к серой скале. Она была закрыта — я знал, что так и будет. Но показалось ли мне, или я услышал приходящий с огромного удаления торжествующий крик?

Я побежал к Эдит. При моем прикосновении она проснулась, с удивлением взглянула на меня, приподнялась на руке.

— Дэйв! — сказала она. — Я уснула... после всего. — Тут она заметила в моем лице отчаяние и вскочила на ноги. — Дэйв! — воскликнула она. — Что случилось? Где Чарльз?

Прежде всего я разжег костер. Затем рассказал ей. И до самого рассвета мы сидели перед костром, обнявшись, как испуганные дети.

Неожиданно Трокмартин умоляюще протянул ко мне руки.

— Уолтер, старый друг! — воскликнул он. — Не смотрите на меня, как на сумасшедшего! Это правда, абсолютная правда! Подождите...

Я, как мог, успокоил его. Через некоторое время он продолжил рассказ:

— Никогда, — сказал он, — человек так не приветствовал приход солнца, как мы в то утро. Как только стало светло, мы вернулись во двор. Базальтовые стены, на которых я видел Стентона, стояли черные и молчаливые. Терраса, как всегда, была пуста. Серая скала на своем месте. В углублении у ее основания — ничего. И ничего — никаких следов пребывания на острове Стентона, ни следа, ни знака.

Что нам оставалось делать? Те же доводы, что удержали нас накануне, удерживали и сейчас — и вдвое сильнее. Мы не могли покинуть тех двоих, не могли уйти, пока оставалась хотя бы слабая надежда на их спасение — но как же нам оставаться? Я любил свою жену, сильно любил, так сильно, как и не подозревал до этого дня; и она так же любила меня.

— Оно за ночь забирает только одного, — сказала она. — Любимый, пусть оно возьмет меня.

Я плакал, Уолтер. Мы оба плакали.

— Мы встретим его вместе, — сказала она.

— Вам потребовалась большая храбрость, Трокмартин, — прервал я его.

Он оживленно повернулся ко мне.

— Значит, вы поверили? — воскликнул он.

— Верю, — ответил я.

Он схватил мою руку и сжал ее так, что едва не сломал.

— Теперь, — сказал он, — я не боюсь. Если я... не справлюсь, вы подготовитесь и продолжите работу?

Я пообещал.

— Мы тщательно все обсудили, — продолжал он, — призвав на помощь всю силу анализа и привычку к спокойному научному мышлению. Мы по минутам рассчитали время появления феномена. Хотя низкое пение начиналось в момент восхода луны, проходило целых пять минут между полным восходом и странным вздыхаю-

щим звуком на внутренней террасе. Я перебирал в памяти все происшедшее прошлой ночью. По крайней мере десять минут прошло между вздохом и усилением лунного света на внутреннем дворе. И проходило еще десять минут до первых звуков хрустальной музыки.

— Эдит! — воскликнул я. — Думаю, я нашел! Серая скала открывается через пять минут после восхода луны. Но кто бы ни появлялся изнутри, он должен ждать, пока луна поднимется выше, или он приходит с большого удаления. Нам не нужно ждать его появления, наоборот, нужно захватить его врасплох, прежде чем он пройдет в дверь. Мы рано пройдем во внутренний двор. Ты возьмешь с собой пистолет и ружье и спрячешься так, чтобы прикрывать вход, — если скала действительно откроется. Как только она откроется, я войду внутрь. Это наша лучшая возможность, Эдит. Я думаю, она у нас единственная.

Моя жена упорно возражала. Она хотела идти со мной. Но я убедил ее, что ей лучше оставаться снаружи и быть готовой помочь мне, когда я буду пробиваться к выходу.

За полчаса до восхода луны мы вдвоем отправились во внутренний двор. Я занял место рядом с серой скалой. Эдит присела в двадцати футах за разбитым столбом, просунула наружу ствол ружья, нацелив его на плиту.

Ползли минуты. Тьма рассеивалась, и сквозь проломы террасы я видел, как светлеет небо на горизонте. С первым бледным светом тишина, казалось, усилилась. Она углубилась, стала невыносимой, ожидающей. Взошла луна, показалась на четверть, наполовину, наконец стала видна полностью, как гигантский воздушный шар.

Ее лучи упали на описанные мной выпуклости, и вдруг ожили семь маленьких огненных кругов. Они светились, сияли, становились ярче — сверкали. Гигантская плита передо мной повернулась, как на оси, вздыхая при движении.

Крикнув Эдит, я устремился в открывшееся отверстие. Передо мной был туннель. Он светился тем же слабым свечением. Я побежал вниз. Проход резко повернул, пошел параллельно наружной стене, потом опять устремился вниз.

Проход кончился. Передо мной была большая сводчатая арка. За аркой, казалось, открывается какое-то пространство, заполненное сияющим, сверкающим, многоцветным туманом, чья яркость все время увеличивалась. Я прошел сквозь арку и застыл в благоговейном страхе!

Передо мной был бассейн. Круглый, примерно в двадцать футов шириной. Вокруг него невысокий, мягко закругляющийся барьер из сверкающего серебристого камня. Вода в бассейне была прозрачно-голубой. Бассейн с серебряным барьером походил на огромный голубой глаз, глядящий вверх.

В него устремлялись семь сверкающих столбов. Они лились в го-

лубой глаз, подобно цилиндрическим потокам. Они были похожи на сверкающие столбы света, поднимающиеся от сапфирового пола.

Один — цвета нежно-розового жемчуга, еще были зеленый, голубой, смертельно-белый, сверкающая колонна бледного янтаря, луч аметиста, столб расплавленного серебра. Таковы были цвета семи потоков, устремлявшихся в Лунный бассейн. Пораженный, я придвинулся ближе. Столбы не освещали глубину. Они играли на поверхности и, казалось, растворялись, расплавлялись в ней. Бассейн выпивал их!

Сквозь воду устремились крошечные сверкающие частицы, частицы бледного свечения. И далеко, далеко внизу я уловил движение, сверкание чего-то медленно поднимающегося.

Я взглянул вверх, на источник семи светящихся столбов. Далеко вверху светились семь шаров, от них и исходили столбы света. Яркость их росла на глазах. Они походили на семь лун, закрепленных на пещерном небе. Медленно их великолепие усиливалось, и все ярче становились стремящиеся книзу столбы.

Я оторвал взгляд и посмотрел на бассейн. Он стал молочным, полупрозрачным. Лучи, устремившиеся в него, казалось, его заполнили; он ожил светящимся, сверкающим блеском. И свечение, которое я видел, поднималось из глубины, становилось все ближе и ближе!

От него на поверхность устремился клубок тумана. Он подплыл к розовому столбу и замер на мгновение. Столб, казалось, обнимает его, посылает в него маленькие светящиеся частицы, крошечные розовые спирали. Туман поглощал луч, становился все материальнее. Другой клубок подплыл к другому столбу, прилип к нему и начал питаться, потом быстро придвинулся к первому и слился с ним. Появились еще клубки, тут и там, они появлялись слишком быстро, чтобы их можно было сосчитать, и устремлялись к столбам света, вспыхивали и пульсировали друг в друге.

Все гуще и гуще становился туман, пока поверхность бассейна не превратилась в сплошной столб пульсирующего светящегося тумана; туман становился все гуще, он впитывал жизнь из семи падавших на него столбов; а снизу, из глубины, в него летели красные стремительные частицы, радужные атомы бассейна. В центр тумана переходило свечение, которое я заметил далеко внизу. Столб засветился, запульсировал, начал посылать вокруг пробные щупальца и сгустки...

Передо мной формировалось существо, шедшее со Стентоном, взявшее Тору, — существо, которое я стремился найти!

И с осознанием этого мой мозг ожил. Рука легла на рукоять пистолета, и я начал стрелять прямо в центр свечения.

При первом же выстреле оно покачнулось и задрожало, но собралось снова. Я перезарядил пистолет. Мне пришла в голову некая мысль, и я тщательно прицелился в один из шаров наверху. Оттуда, как я понял, исходит сила, формирующая обитателя бассейна. Из лью-

щихся оттуда лучей оно черпает свою жизнь. Если я сумею разрушить механизм, я прерву этот процесс. Я стрелял снова и снова. Даже если я и попал, то, по-видимому, не причинил вреда. Только беспокойнее заплясали светящиеся частицы в тумане. И все.

Из бассейна, как маленькие колокольчики, как пузыри хрустальных нот, поднимался звон. Звуки его становились все выше, утрачивали спокойствие, звучали все более гневно.

И тут из Необъяснимого вырвалась сверкающая спираль.

Она схватила меня, обернулась вокруг. На меня обрушились одновременно экстаз и ужас. Каждый атом во мне дрожал от радости и одновременно сжимался в отчаянии. В этом не было ничего отвратительного. Но как будто ледяная душа зла и огненная душа добра вместе вступили в меня. Пистолет выпал у меня из руки.

Так я стоял, а бассейн сверкал и искрился; потоки света становились все интенсивнее, сверкающее Существо, которое держало меня, крепло. Его сверкающая середина приобрела форму — но форму, которую мои глаза и мозг не могли определить. Как будто существо из другого измерения пыталось принять вид, по его представлениям, напоминающий человека. И в то же время оно оказалось неспособно скрыть свою чуждость от человеческого взгляда. Не мужчина и не женщина, существо неземное и бесполое. И его человеческое подобие все время изменялось. А во мне продолжали существовать смешанные восторг и ужас. И только какая-то ничтожная часть мозга оставалась нетронутой; что-то сохраняло самостоятельность и продолжало следить за происходящим. Была ли это душа? Я никогда не верил.... и все же...

Над головой туманного тела неожиданно засветились семь огоньков. Каждый цвета того столба, под которым находился. И я понял, что сотворение существа завершилось!

Я услышал крик. Голос Эдит. Я подумал, что она услышала выстрелы и последовала за мной. Почувствовал, как все мои помыслы сосредоточиваются в едином могучем усилии. Оторвался от охватившего меня щупальца, и оно отдернулось. Я повернулся, чтобы удержать Эдит, но поскользнулся — упал.

Радужная фигура над бассейном быстро передвинулась — и прямо в нее устремилась Эдит, вытянув руки, чтобы защитить меня! Боже!

— Она бросилась прямо в это дьявольское свечение, — прошептал он. — Сверкающий туман обернулся вокруг нее. Ликующе взметнулся хрустальный звон. Свет заполнил ее, прошел сквозь нее и вокруг нее, как это было со Стентоном, и я увидел, как на лице ее появилось то же выражение.

Она в своем броске оказалась на самом краю Лунного бассейна. Покачнулась! Упала, а сверкание по-прежнему окружало ее, по-прежнему вилось вокруг и сквозь нее, — упала в Лунный бассейн. Она ушла под воду, а вместе с ней — Обитатель бассейна!

Я дотащился до края бассейна. Далеко внизу увидел опускающееся, движущееся многоцветное облако, увидел лицо Эдит; глаза ее смотрели на меня, она исчезла!

— Эдит! — снова воскликнул я. — Эдит, вернись ко мне!

И тут меня охватила тьма. Помню, как я выбежал по сверкающим коридорам во двор. Разум покинул меня. Когда он вернулся, я находился далеко в море, в нашей лодке, оторванный от цивилизации. Через день меня подобрала шхуна, на которой я прибыл в Порт-Морсби.

Я разработал план; вы должны выслушать меня, Гудвин... — он упал на койку.

Я склонился к нему. Истощение и облегчение от рассказа оказались слишком сильным испытанием для него. Он уснул, как мертвый.

Всю эту ночь я присматривал за ним. Когда рассвело, я отправился в свою каюту, чтобы немного поспать самому. Но спал я беспокойно.

На следующий день шторм продолжался. Во время ленча ко мне пришел Трокмартин. К нему почти вернулась прежняя живость.

— Идемте в мою каюту, — сказал он. Там он снял рубашку. — Что-то происходит, — сказал он. — Знак стал меньше.

— Я ухожу, — радостно прошептал он. — Только бы благополучно добраться до Мельбурна, и тогда посмотрим, кто выиграет! Потому что, Уолтер, я совсем не уверен, что Эдит мертва — как мы понимаем смерть — и остальные тоже. Что-то существует вне нашего опыта, какая-то великая тайна.

Весь день он говорил о своих планах.

— Разумеется, существует естественное объяснение, — говорил он. — Моя теория заключается в том, что лунная скала — это устройство, чувствительное к действию лунных лучей; что-то подобное тому, как селен реагирует на солнечные лучи. Кружки на плите, несомненно, действующее устройство. Когда их касается лунный луч, они приводят в действие механизм, открывающий дверь, точно так же, как вы можете при помощи солнечного света открыть обычную дверь, расположив соответствующим образом селеновые батареи. Очевидно, для этого требуется свет полной луны. Мы вначале попробуем сосредоточить на этих кружках свет почти полной луны и проверим, подействует ли механизм. Если подействует, мы сможем обследовать бассейн без вмешательства... его Обитателя.

Посмотрите, вот здесь отмечено их расположение. Я сделал для вас дубликат на случай, если со мной что-нибудь произойдет. И если я проиграю... вы придете за мной, Гудвин, с помощью, правда?

И опять я обещал.

Позже он пожаловался на усиливающуюся сонливость.

— Это просто усталость, — сказал он. — Совсем не похоже на ту сонливость. До восхода луны еще целый час. — Он зевнул. — Разбудите меня за пятнадцать минут до этого.

Он лег на койку. Я сел, раздумывая. И пришел в себя неожиданно. Который час? Я посмотрел на часы и бросился к иллюминатору. Было полнолуние, луна светила уже не менее получаса. Я подбежал к Трокмартину и потряс его за плечо.

— Вставайте, быстрее! — воскликнул я.

Он сонно встал. Рубашка его распахнулась, и я с изумлением посмотрел на белую полосу у него на груди. Даже в электрическом свете она слегка светилась, и в ней как будто мелькали маленькие искорки.

Трокмартин, казалось, не вполне проснулся. Он взглянул на свою грудь, увидел сверкание и улыбнулся.

— О, да, — сонно сказал он, — оно приближается, оно вернет меня к Эдит. Я рад.

— Трокмартин! — воскликнул я. — Проснитесь! Не сдавайтесь!

— Не сдаваться? — повторил он. — Бесполезно. Приходите за нами!

Он подошел к иллюминатору и сонно отодвинул занавес. Луна отбрасывала яркую дорожку, идущую прямо к кораблю. Под ее лучами полоса вокруг груди Трокмартина засверкала ярче, она начала испускать свет, казалось, она извивается.

Огни в каюте погасли; по-видимому, по всему кораблю тоже, потому что я услышал наверху крики.

Трокмартин стоял у открытого иллюминатора. Через его плечо я увидел, как что-то сверкающее быстро движется по лунной дорожке к нам. У иллюминатора появилось сияние. Оно окружило Трокмартина, одело его в одеяние живого огня. Оно проходило сквозь него. Каюта заполнилась бормотанием...

Волна слабости надвинулась на меня, погрузила во тьму. Когда сознание вернулось, огни в каюте снова ярко горели.

Но не было ни следа Трокмартина!

«ИХ ЗАБРАЛ СВЕРКАЮЩИЙ ДЬЯВОЛ!»

Мои коллеги по Ассоциации, а также все те, кто прочтет мой отчет! Здесь я должен, насколько могу кратко, объяснить, что сделал и чего не сделал, когда сознание вернулось ко мне; оправдаться, если хотите.

Прежде всего я подскочил к открытому иллюминатору. Обморок продолжался несколько часов, потому что теперь луна была на западе! Я побежал к двери, чтобы поднять тревогу. Дверь не открывалась, не поддавалась моим усилиям. Что-то со звоном упало на пол. Это был ключ, и я вспомнил, что перед началом нашего бдения Трок-

мартин запер дверь изнутри. И тут последняя моя надежда умерла — надежда, что он ушел из каюты, нашел убежище где-то на корабле.

И тут, когда я дрожащими пальцами открывал замок, мне в голову пришла мысль, от которой кровь отхлынула от сердца, и я застыл на месте. Я не мог поднять тревогу из-за Трокмартина на «Южной королеве»!

Убеждение в ужасающей беспомощности было полным. Команда на корабле, от капитана до каютного стюарда, — консерваторы среднего уровня. Никто, я знал это, кроме меня и Трокмартина, не видел первого появления Обитателя. Видели ли они второе появление? Я не знал и, не зная, не мог рисковать. И не видя, разве они мне поверят? Решат, что я спятил, или что-нибудь похуже: может, что я убийца.

Я выключил электричество, подождал, прислушиваясь, с бесконечной осторожностью открыл дверь и скользнул, никем не замеченный, в свою каюту. Часы до рассвета превратились в бесконечный кошмар наяву. Рассудок, обретший наконец свои прежние силы, укрепил меня. Даже если бы я поднял тревогу и мне поверили, что мы смогли бы найти в этих пустых водах после стольких часов? Конечно, капитан не согласится повернуть назад в Порт-Морсби. И даже если бы согласился, какой смысл мне направляться на Нан-Матал без оборудования, которое сам Трокмартин считал необходимым, чтобы справиться с таящейся там загадкой?

Оставалось делать только одно: следовать его инструкциям, раздобыть в Мельбурне или Сиднее все необходимое оборудование; если это не удастся, как можно быстрее плыть в Америку, взять оборудование там и вернуться на Понапе. Так я и решил.

Приняв решение, я почувствовал себя спокойнее. И когда поднялся на палубу, понял, что действовал правильно. Никто не видел Обитателя. По-прежнему обсуждали затемнение на корабле, говорили о том, что перегорела динамомашина, где-то произошло короткое замыкание — предлагалось с полдесятка объяснений. Отсутствие Трокмартина обнаружили только после полудня. Я сказал капитану, что расстался с ним накануне рано вечером и что вообще знал его не слишком близко. Никто не усомнился в моих словах, не расспрашивал меня. Да и с какой стати? Все заметили странности Трокмартина, говорили о них; все, кто с ним встречался, считали его свихнувшимся. Я не пытался их разубедить. И поэтому вполне естественно, что в журнале появилась запись о том, что Трокмартина ночью смыло в море или он сам туда прыгнул.

Когда мы пришли в Мельбурн, об этом было сделано сообщение. Я незаметно сошел на берег, и в свете последних сообщений с фронта судьбе Трокмартина газеты посвятили всего несколько строк; мое собственное присутствие на корабле и в городе прошло незамеченным.

Мне посчастливилось раздобыть в Мельбурне все необходимое оборудование, кроме набора лучевых конденсаторов Беккереля, но они-то и были наиболее важны для всей операции. Я распространил поиски на Сидней, и тут мне повезло вдвойне: я отыскал фирму, которая ожидала именно эти приборы в партии товаров, прибывающей из Штатов через две недели. Я в полном одиночестве ждал их прибытия.

Возможно, вы спросите, почему я за все время ожидания не телеграфировал в Ассоциацию, почему не попросил от нее помощи? Или почему не обратился за помощью в Мельбурнский университет? Почему, наконец, не собрал, как хотел это сделать Трокмартин, отряд надежных людей, чтобы с ними отправиться на Нан-Матал?

На первые два вопроса отвечу откровенно: не решился. Каждый, кто серьезно относится к своей научной репутации, поймет мою сдержанность. Рассказ Трокмартина, его исчезновение, свидетелем которого я сам был, невероятны, ненормальны, они за пределами того, что известно науке. Я боялся несомненного недоверия, боялся тех же подозрений, которые заставили меня молчать на корабле. Да я и сам себе почти не верил! Как я мог надеяться убедить других?

Что касается третьего вопроса: я не мог отправить людей на такое опасное дело, вначале не сказав им, что их может ожидать; а если я им скажу...

Тупик! Если я и проявил трусость, что ж, я искупил ее. Моя совесть чиста.

Прошли две недели и еще почти столько же, прежде чем корабль, которого я ожидал, вошел в порт. К этому времени все растущее стремление как можно быстрее отправиться на поиски Трокмартина, отчаянная мысль, что каждая минута задержки может оказаться жизненно важной для него и его группы, все усиливающееся желание узнать, на самом ли деле существует этот сверкающий ужас лунной дорожки, или это была галлюцинация, — все это довело меня почти до безумия.

Наконец конденсаторы в моих руках. Однако прошло еще больше недели, прежде чем я смог обеспечить возвращение в Порт-Морсби, и еще через неделю я двинулся на север на борту «Суварны», быстроходного маленького шлюпа, который направлялся прямо на Понапе и Нан-Матал.

«Брунгильду» мы увидели в пятистах милях к югу от Каролинских островов. Вскоре после Папуа подул встречный ветер. Способность «Суварны» делать в таких условиях свои двенадцать узлов в час заставила меня простить, что она не так ароматна, как яванский цветок, в честь которого названа. Капитана звали Да Коста, это был болтливый португалец; его помощник — кантонец со всеми признаками долгой и верной службы на какой-то пиратской джонке; корабельный механик — китайско-малайский полукровка, который Бог знает

где приобрел знания о двигателях и перенес на изготовленное в Америке божество все свои религиозные чувства. Экипаж состоял из шести крепких парней с островов Тонга.

«Суварна» приближалась к островам Бисмарка. Она благополучно миновала архипелаг, и перед нами открылись тысячемильные просторы океана, далеко позади остался Нью-Хановер, нос нашего корабля был направлен прямо на атолл Нукуоро. Обогнув Нукуоро, мы должны были, если ничего не случится, за шестьдесят часов добраться до Понапе.

Приближался вечер, и легкий ветерок доносил далекие запахи деревьев, пряностей и цветов мускатного ореха. Медленные длинные валы Тихого океана своими гигантскими руками мягко поднимали нас и так же мягко опускали по склонам голубых волн перед следующим подъемом. Над всем океаном нависло очарование тишины, стих даже португалец-капитан, который сонно стоял у руля, медленно покачиваясь в ритме своего судна.

И тут один из матросов тонга, лениво облокотившийся о борт, крикнул:

— Парус справа по борту!

Да Коста выпрямился и посмотрел туда, я поднял свой бинокль. Корабль находился от нас всего в миле и мог быть замечен задолго до того, как крикнул сонный матрос. Это был шлюп, примерно такого же размера, как «Суварна», с выключенным двигателем. Все паруса были подняты, даже спинакер, и шлюп делал все возможное при слабом ветре. Я пытался рассмотреть его название, но тут корабль резко повернул, как будто рулевой неожиданно бросил руль, потом так же резко вернулся на прежний курс. Стала видна его корма, и на ней я прочел название — «Брунгильда».

Я взглянул на рулевого. Он беспомощно повис на руле, и у меня на глазах корабль снова так же резко повернул. Я видел, как рулевой распрямился и яростным рывком вернул его на прежний курс.

Он стоял несколько мгновений, глядя прямо перед собой и, по-видимому, совершенно не подозревая о нашем присутствии, потом, казалось, снова погрузился в себя. Мне пришло в голову, что он похож на человека, борющегося с невероятной усталостью. Я оглядел палубу. Никаких других признаков жизни. Повернувшись, я заметил, что португалец напряженно и слегка удивленно смотрит на шлюп, который теперь от нас отделяло едва ли полмили.

— Что-то там неладно, сэр, — сказал он на своем ломаном английском. — Я знаю человека на палубе. Он капитан и владелец «Брунгильды». Его зовут Олаф Хальдриксон, он норвежец. Он либо очень болен, либо очень устал. Но не понимаю, где экипаж... и бортовой шлюпки нет...

Он отдал приказ механику, и в этот момент ветерок стих, и все паруса «Брунгильды» опали. Теперь мы были от нее всего в ста ярдах. Двигатель «Суварны» замолк, и матросы тонга спустили шлюпку.

— Эй, Олаф Хальдриксон! — закричал Да Коста. — Что с тобой?

Человек за рулем повернулся к нам. Гигантского роста, с широченными плечами, мощной грудью, с ощущением силы в каждой линии тела, он походил на древнего викинга за рулем своего корабля.

Я снова поднял бинокль: стало ясно видно его лицо, и никогда не видел я такого усталого и несчастного лица, как у Олафа Хальдриксона!

Матросы уже сидели в шлюпке за веслами. К ним спускался маленький капитан.

— Подождите! — крикнул я. Побежал к себе в каюту, схватил медицинскую сумку и спустился по веревочной лестнице. Матросы тонга пригнулись к веслам. Мы достигли борта, одновременно с Да Коста ухватились за свисавшие тросы и поднялись на палубу. Да Коста осторожно приблизился к Хальдриксону.

— Что случилось, Олаф? — начал он и замолк, глядя на руль. Руки Хальдриксона были прочно привязаны к рулю полосками тонкого кожаного ремня. Руки распухли и почернели, ремень глубоко врезался в них, так что стал не виден из-за вспухшей плоти, и кровь медленно, капля за каплей, падала к его ногам. Мы бросились к нему, протянули руки, чтобы освободить его от пут. Как только мы коснулись его, Хальдриксон отчаянно пнул меня, потом Да Косту, и португалец отлетел к поручням.

— Не трогайте! — прохрипел Хальдриксон, голос его звучал хрипло и безжизненно, как будто доносился из мертвого горла; губы потрескались и пересохли, а воспаленный язык почернел. — Не трогайте! Уходите!

Португалец встал, завывая от гнева, с ножом в руке, но, услышав голос Хальдриксона, остановился. В глазах его появилось изумленное выражение, которое сменилось жалостью. Он сунул нож за пояс.

— Что-то очень неладно с Олафом, — прошептал он мне. — Я думаю, он спятил! — И тут Хальдриксон начал проклинать нас. Он не говорил, он ревел пересохшим горлом свои оскорбления. И все время его покрасневшие глаза осматривали океан, а с рук, сжимавших руль, капала кровь.

— Спущусь вниз, — сказал, нервничая, Да Коста. — Его жена и дочь... — Он спустился с мостика и исчез.

Хальдриксон снова замолчал и повис на руле.

Появилась голова Да Косты.

— Никого нет, никого... — он помолчал, потом повторил: — Никого... Нигде! — Руки его взметнулись в безнадежном изумлении. — Не понимаю.

Тут Олаф Хальдриксон раскрыл свои пересохшие губы, и, когда он заговорил, мороз пробежал у меня по коже, сердце забилось неровно.

— Их забрал сверкающий дьявол! — хрипел Олаф Хальдриксон. — Их забрал сверкающий дьявол! Забрал мою Хельму и мою маленькую Фреду! Сверкающий дьявол спустился с луны и забрал их!

Он покачнулся; слезы полились по его щекам. Да Коста двинулся к нему, и снова Хальдриксон злобно посмотрел на него своими налитыми кровью глазами.

Я достал шприц и наполнил его морфием. Потом подозвал Да Косту.

— Станьте сбоку от него, — прошептал я, — и говорите с ним.

Тот направился к рулю.

— Где твои Хельма и Фреда, Олаф? — спросил Да Коста.

Хальдриксон повернул к нему голову.

— Сверкающий дьявол забрал их, — прохрипел он. — Лунный дьявол, который сверк...

И тут он закричал. Я сделал ему укол над распухшим запястьем и быстро ввел весь морфий. Он попытался освободиться и начал пьяно покачиваться. Он очень ослаб, и морфий подействовал почти мгновенно. Скоро его лицо приняло мирное выражение. Зрачки сузились. Он покачнулся раз, другой, окровавленные привязанные руки удерживали его у руля, и он упал на палубу.

С большим трудом мы разрезали ремень. Приспособили маленькую лебедку, и моряки тонга спустили огромное неподвижное тело в лодку. Скоро Хальдриксон лежал на моей койке. Да Коста послал половину своего экипажа под командованием помощника на шлюп. Они спустили все паруса, привязали корабль Хальдриксона к нашему, и вот, с «Брунгильдой» на прочном тросе за нами, с одним из матросов тонга за ее рулем, мы возобновили свой так загадочно прерванный путь.

Я промыл и перевязал изрезанные запястья норвежца, смочил почерневший, пересохший рот теплой водой со слабым антисептиком.

Неожиданно я ощутил присутствие Да Коста и повернулся. Было ясно, что он встревожен.

— Что вы думаете об Олафе, сэр? — спросил он. Я пожал плечами. — Думаете, он убил женщину и ребенка? — продолжал он. — Думаете, спятил и всех убил?

— Ерунда, Да Коста, — ответил я. — Вы видели, что шлюпки нет. Вероятно, экипаж взбунтовался и подверг его пытке, привязав к рулю. На «Коралловой леди» то же самое сделали с Хилтоном, помните?

— Нет, — сказал он. — Нет. Экипаж этого не делал. Никого не было на борту, когда был привязан Олаф.

— Что! — удивленно воскликнул я. — Как это?

— Олаф сам привязал себя! — медленно сказал он.

— Послушайте, — ответил капитан на мой недоверчивый жест. — Погодите, я вам покажу. — Он держал руки за спиной, и теперь я увидел, что в них ремни, которыми был привязан Хальдриксон. Окровавленные ремни, концы которых аккуратно разрезаны пополам. — Смотрите, — сказал он, указывая на эти концы.

Я осмотрел их и увидел глубокие вмятины от зубов. Выхватил один ремень, раскрыл рот лежавшего без сознания на койке человека. Осторожно примерился. Верно. Следы оставлены зубами самого Хальдриксона.

— Подождите! — повторил Да Коста. — Я вам покажу.

Он взял другой ремень и положил руки на спинку стула. Быстро обернул один конец вокруг левой руки, завязал свободный узел, передвинул его к локтю. Левой, все еще свободной рукой обернул ремень вокруг правого запястья, сделал такой же узел. Теперь его руки занимали то же самое положение, что и руки Хальдриксона на «Брунгильде», только ремни свисали свободно. Тут Да Коста опустил голову, взял конец ремня в зубы и резко дернул, ремень затянулся вокруг левого запястья; то же самое он проделал и со вторым ремнем.

Потянул за ремни. У меня на глазах он прочно привязал себя так, что без посторонней помощи не мог освободиться. Точно как Хальдриксон!

— Вам придется освободить меня, сэр, — сказал он. — Я не могу шевельнуть руками. Это старый трюк этих морей. Иногда необходимо, чтобы человек стоял за рулем много часов, и если он засыпает, ремни его будят, сэр.

Я переводил взгляд с него на человека на койке.

— Но зачем, сэр, — медленно сказал Да Коста, — Олаф это сделал со своими руками?

Я с тревогой смотрел на него.

— Не знаю, — ответил я. — А вы?

Он переминался с ноги на ногу, старался не смотреть мне в глаза, потом быстро, почти незаметно перекрестился.

— Нет, — ответил он, — я ничего не знаю. Кое-что слышал... но тут многое рассказывают, в этих морях.

И пошел к двери. Не доходя до нее, он обернулся.

— Но вот что я знаю, — прошептал он. — Я очень рад, что сегодня не полнолуние. — И вышел, оставив меня в изумлении.

Что знает португалец?

Я склонился к спящему. На его лице не было ни следа той нечестивой смеси противоположностей, которую Обитатель накладывает на лица своих жертв.

И все же... как сказал норвежец?

«Сверкающий дьявол забрал их!» Нет, он был еще точнее. «Сверкающий дьявол спустился с Луны!»

Неужели Обитатель напал на «Брунгильду», унес по лунной дорожке жену Хальдриксона и его ребенка, как Трокмартина?

Я сидел и размышлял, и вдруг в каюте стало темно, наверху послышались крик и топот. На нас обрушился один из тех неожиданных яростных шквалов, которые встречаются в этих широтах. Я привязал Хальдриксона к койке и выбежал на палубу.

Низкие спокойные валы сменились гневными бурными волнами, с вершин которых пена срывалась длинными хлещущими полосами.

Прошло полчаса; шквал стих так же быстро, как и налетел. Море успокоилось. На западе из-за разорванного летящего края шторма показалось красное заходящее солнце; оно медленно опускалось, пока не коснулось моря.

Я смотрел на него, потом протер глаза и посмотрел снова. На фоне красного шара виднелось что-то черное, похожее на гигантский манящий палец.

Да Коста тоже заметил это и повернул «Суварну» к спускающемуся шару и этой странной тени. Приблизившись, мы увидели, что это груда обломков гидроплана, а манящий палец — привязанный холст, раскачивающийся в такт волнению. На самом верху груды сидел высокий человек и спокойно курил сигарету.

Мы подвели «Суварну», спустили шлюпку, я сел за руль, и мы направились к обломкам. Их обитатель затянулся дымом, весело помахал нам рукой, выкрикнул приветствие. И тут же сзади поднялась большая волна, приподняла груду, швырнула ее в водоворот пены и ушла прочь. Когда мы выровняли лодку, на месте обломков и человека ничего не было.

Но тут мы почувствовали толчок, смуглые мускулистые руки ухватились за борт слева от меня, а над ними показалась влажная черная голова. На меня смотрели ярко-голубые глаза со скрытым озорством, длинное гибкое тело легко перевалилось через борт; человек, с которого текла вода, сел у моих ног.

— Весьма признателен, — сказал этот человек из моря. — Я знал, что кто-нибудь появится: ведь банши О'Кифов не было.

— Не было чего? — удивленно переспросил я.

— Банши О'Кифов. Я Ларри О'Киф. От Ирландии далековато, но не для духов О'Кифов, когда приходит конец одному из О'Кифов.

Я изумленно продолжал смотреть на спасенного. Казалось, он говорит совершенно серьезно.

— Есть сигареты? Мои смыло, — сказал он с улыбкой и протянул за маленьким цилиндром влажную руку. Взял сигарету, закурил.

Я увидел худое интеллигентное лицо; челюсть бойца смягчалась задумчивостью хорошо очерченных губ и тем, что в выражении глаз

наряду с озорством видна была честность; породистый нос с легким намеком на горбинку; длинная, хорошо сложенная, стройная фигура, в которой чувствовалась сталь; мундир лейтенанта королевских военно-воздушных сил Британского флота.

Он рассмеялся, протянул руку и крепко пожал мою.

— Правда, большое спасибо, старина, — сказал он.

Ларри О'Киф понравился мне с самого начала, но я и не думал, когда матросы тонга гребли назад на «Суварну», что нас свяжет с этим человеком любовь, скованная в огне таких испытаний, которые мне и ему — а также вам, читающим это, — и не снились.

Ларри! Ларри О'Киф, где ты теперь, с твоими гномами и банши, с твоим сердцем ребенка, с твоими смешливыми голубыми глазами и бесстрашной душой? Увижу ли я тебя снова, Ларри О'Киф, любимый мною, как родной брат? Ларри!

ЛАРРИ О'КИФ

Подавив рвущиеся наружу вопросы, я представился. Странно, но оказалось, что он знает меня, точнее — мою книгу. Он купил мою работу о странной растительности, которая встречается в районах лав и вулканического пепла; я несколько вольно, как теперь понимаю, назвал книгу «Флора кратеров». Он простодушно объяснил, что купил ее, приняв за совсем другого рода литературу, за роман, что-то вроде «Дианы перекрестков» Мередита, который ему очень понравился.

Он едва успел закончить свои объяснения, когда мы коснулись борта «Суварны», и мне пришлось сдержать свое любопытство и подняться на палубу.

— Эта штука, на которой я сидел, — сказал он, поблагодарив кланяющегося маленького капитана за свое спасение, — все, что осталось от лучшего гидросамолета его величества, когда циклон прихватил его в качестве дополнительного багажа. Кстати, где мы находимся?

Да Коста сообщил ему наше приблизительное положение (последний раз измерения делались в полдень).

О'Киф присвистнул.

— Добрых триста миль от того места, где я оставил «Дельфин», военное судно флота его величества, три часа назад, — сказал он. — Да, шквал далеко унес меня. «Дельфин», — продолжал он, спокойно освобождаясь от мокрого мундира, — шел в Мельбурн. Мне хотелось полетать, и я напросился в разведочный полет. Этот шквал выскочил ниоткуда, подхватил меня и настоял, чтобы я отправился с ним. Час назад мне показалось, что я сумею вырваться. Я повернул, и тут же у меня оторвалось правое крыло, и я упал.

— Не знаю, сможем ли мы известить ваш корабль, лейтенант О'Киф, — сказал я. — У нас нет радио.

— Доктор Гудвин, — сказал Да Коста, — мы могли бы изменить свой курс... возможно...

— Спасибо, но не надо, — вмешался О'Киф. — Господь один знает, где сейчас «Дельфин». Вероятно, ходит по кругу, отыскивая меня. Он с такой же вероятностью может наткнуться на вас, как вы на него. Может, встретим кого-нибудь с радио, и я попрошу вас доставить меня на борт. — Он помолчал. — Кстати, куда вы направляетесь?

— На Понапе, — ответил я.

— Там нет радио, — размышлял О'Киф. — Ужасная дыра. Останавливались там с неделю назад, чтобы взять фрукты. Туземцы кажутся очень испуганными. Зачем вы туда идете?

Да Коста украдкой взглянул на меня. Меня это встревожило.

О'Киф заметил мои колебания.

— О, прошу прощения, — сказал он. — Может, мне не следовало спрашивать?

— Это не секрет, лейтенант, — ответил я. — Я собираюсь предпринять исследование, немного покопаться в развалинах на Нан-Матале.

Называя место, я пристально взглянул на португальца. Тот побледнел и снова украдкой перекрестился, при этом со страхом посмотрев на север. Я принял решение расспросить его, когда появится возможность. Да Коста обратился к О'Кифу:

— На борту для вас нет ничего подходящего из одежды, лейтенант.

— О, дайте мне только простыню, капитан, — ответил О'Киф и пошел за португальцем. Стало темно. После того как эти двое исчезли в каюте Да Косты, я быстро открыл дверь в свою каюту и прислушался. Хальдриксон дышал глубоко и ровно.

Я достал фонарик и, закрывая от его лучей лицо норвежца, посмотрел на него. Его сон из наркотического стал похожим на нормальный. Язык утратил сухую черноту, похоже, возобновилось выделение слюны. Удовлетворенный его состоянием, я вернулся на палубу.

О'Киф был там; завернутый в простыню, он походил на привидение. На палубе установили стол, и один из парней тонга накрывал его для ужина. Вскоре принесли запасы из мясной кладовой «Суварны», и мы с Да Коста и О'Кифом набросились на них. Стало душно. За нами виднелся носовой огонь «Брунгильды», черное лицо рулевого. О'Киф несколько раз с любопытством посматривал на наш буксир, но не задавал вопросов.

— Вы не единственный пассажир, которого мы подобрали сегодня, — сказал я ему. — Мы нашли капитана этого шлюпа привязанным к рулю, почти мертвым от истощения; на борту, кроме него, никого не было.

— А в чем же дело? — с изумлением спросил О'Киф.

— Мы не знаем, — ответил я. — Он сопротивлялся, и мне пришлось сделать ему укол наркотика, прежде чем отвязывать от руля. Теперь он спит у меня на койке. На борту должны были находиться его жена и маленькая дочь, говорит наш капитан, но... их не было.

— Жена и ребенок исчезли! — воскликнул О'Киф.

— Судя по состоянию его рта, он без воды провел у руля не менее двух суток, прежде чем мы его нашли, — ответил я. — И искать кого-нибудь в этих водах после такого промежутка безнадежно.

— Верно, — сказал О'Киф. — Но жена и ребенок! Бедняга!

Он некоторое время молчал, потом, поддаваясь моим настойчивым просьбам, больше рассказал о себе. Ему едва исполнилось двадцать, как он стал летчиком и принял участие в войне. На Ипре, на третьем году войны, он был тяжело ранен, а когда оправился, война закончилась. Вскоре умерла его мать. Одинокий и беспокойный, он вернулся на службу в авиацию и с тех пор оставался там.

— И хотя война давно окончилась, я тоскую по крыльям жаворонка, когда немецкие самолеты наигрывали мелодии на своих пулеметах, а их солдаты щекотали мне подошвы, — вздохнул он. — Когда любишь, люби безгранично; когда ненавидишь, ненавидь как дьявол; а если дерешься, кидайся в самую гущу и дерись изо всех сил — если ты этого не делаешь, не стоит жить, — опять вздохнул он.

Я слушал его и чувствовал, что он мне все больше нравится. Если бы на тропе, полной неизвестных опасностей, когда я ступлю на нее, рядом со мной был такой человек! — тоскливо подумал я. Мы немного посидели, курили и пили крепкий кофе, который так хорошо варил португалец.

Наконец Да Коста сменил кантонца у руля. Мы с О'Кифом придвинули стулья к борту. Сквозь дымку на небе виднелись только самые яркие звезды; вершины волн фосфоресцировали и отбрасывали гневные искры, когда их рассекал нос «Суварны». О'Киф удовлетворенно курил. В слабом свете видны были его проницательное мальчишеское лицо и глаза, черные и задумчивые в очаровании тропической ночи.

— Вы американец или ирландец, О'Киф? — неожиданно спросил я.

— А что? — рассмеялся он.

— По имени и месту службы я предположил бы, что вы ирландец, — ответил я, — но ваше превосходное владение американским вариантом английского внушает мне сомнения.

Он дружелюбно улыбнулся.

— Я вам скажу, как это получилось. Мать моя была американкой, из Вирджинии. А отец — ирландец, из Колрейна. И они так любили друг друга, что дали мне сердце наполовину американское, наполовину ирландское. Отец умер, когда мне было шестнадцать. Каждый год я на месяц или два уезжал с матерью в Штаты. Но после

смерти отца мы в Ирландию приезжали ежегодно на месяц-два. Так и получилось: я столько же американец, сколько ирландец.

Когда я влюблен, возбужден, когда мечтаю или сержусь, у меня появляется ирландский акцент. Но во всех остальных случаях я говорю, как истинный американец; Бродвей мне знаком не меньше, чем Байнвенах Лейн, а Канал я знаю не хуже пролива Святого Патрика; учился я и в Итоне, и в Гарварде; денег мне всегда не хватало; часто влюблялся, но потом, когда приятное кончалось, сердце мое не было разбито; и цели у меня в жизни не было, пока не перешел на содержание короля и не начал летать, и скоро мне уже тридцать, — таков Ларри О'Киф.

— Но сидел и ждал банши ирландский О'Киф, — рассмеялся я.

— Да, это так, — ответил он, и я услышал в его голосе ирландский акцент, и взгляд у него стал задумчивым. — За все эти тысячи лет ни один О'Киф не умирал без его предупреждения. Я дважды слышал голос банши: первый раз, когда умер мой младший брат, и второй — когда отец ждал приближения конца.

Он задумчиво помолчал, потом продолжал:

— А однажды я видел Аннир Чойле, девушку зеленого народа, она летела, как тень зеленого пламени, через Карнтогерский лес; а однажды я спал на том месте, где пепел Кормака Мак-Конкобара смешался с пеплом Эйлид Прекрасной, они сгорели в девяти огнях, возникших от игры Граветин, и я слышал эхо этой мертвой арфы...

Он снова помолчал и негромко, красивым высоким голосом, какой, кажется, бывает только у ирландцев, завел:

— Белогрудая Эйлид, женщина с золотыми волосами, с губами, красными, как рябина. Где лебедь белее, чья грудь мягче, где волны моря движутся так, как ты, Эйлид?

РАССКАЗ ОЛАФА

Наступила тишина. Я удивленно смотрел на О'Кифа. Он явно говорил искренне. Я знаю, что у кельтов любопытная психология, и в глубине их сердец древние традиции и верования пустили глубокие корни. И чувствовал себя одновременно заинтересованным и растроганным.

Передо мной был солдат, который бесстрашно смотрел в лицо отвратительным реальностям войны, смотрел открытым взглядом, который избрал самый опасный и самый современный род войск, свой человек на Бродвее, и в то же время он серьезно и искренне заявляет о своей вере в банши, теневой народ леса и призрачных арфистов. Интересно, что бы он подумал, увидев Обитателя. Наверно, суеверия нашли бы в нем легкую добычу.

Он нетерпеливо покачал головой и провел рукой по глазам; повернулся ко мне и улыбнулся.

— Не думайте, что я спятил, профессор, — сказал он. — Нет. Но время от времени такое со мной случается. Это все ирландская кровь. Хотите верьте, хотите нет, но я говорю правду.

Я посмотрел на восток, где всходила луна, — прошла неделя с полнолуния.

— Вы не можете заставить меня увидеть то, что видели вы, лейтенант, — засмеялся я. — Но можете дать мне услышать. Меня всегда интересовало, как бестелесные духи издают звуки: ведь у них нет ни голосовых связок, ни органов дыхания, никаких других производящих звук механизмов. Как кричит банши?

О'Киф серьезно посмотрел на меня.

— Ладно, — сказал он. — Я вам покажу.

Из глубины его горла послышалось низкое странное всхлипывание, которое поднималось все выше. От тоски у меня по коже побежали мурашки. И тут он схватил меня рукой за плечо, и я застыл на своем стуле, как камень: сзади, как эхо, послышался вопль, в котором, казалось, слились все горести столетий! Он поднялся до всхлипывающей, разрывающей сердце ноты, и стих. О'Киф разжал руку и быстро вскочил на ноги.

— Все в порядке, профессор, — сказал он. — Это за мной. Он меня нашел — так далеко от Ирландии.

Снова тишину нарушил тот же крик. Но теперь я определил его источник. Крик доносился из моей каюты и мог означать только одно: проснулся Хальдриксон.

— Забудьте о своем банши! — крикнул я и бросился к каюте.

Краем глаза я заметил, какое облегчение появилось на лице О'Кифа; он оказался рядом со мной. Да Коста выкрикнул от руля команду, кантонец подбежал и принял у него руль, и маленький португалец догнал нас. Уже готовый распахнуть дверь, я остановился. Что, если там внутри Обитатель, что, если мы ошиблись, и он не так зависит от полной луны, которую Трокмартин считал необходимой для его выхода из бассейна?

Изнутри снова послышался вопль. О'Киф оттолкнул меня в сторону, распахнул дверь и пригнулся. Я увидел, как в его руке тускло блеснул пистолет; О'Киф быстро обвел им каюту, следуя за пистолетом острым взглядом. Потом выпрямился, посмотрел на койку; на лице его появилось выражение удивления и жалости.

В окно вливался столб лунного света. Он падал на раскрытые глаза Хальдриксона, в них медленно собирались большие слезы и катились по щекам; из открытого рта доносился низкий вопль. Я подбежал к иллюминатору и задернул занавеску. Да Коста включил свет.

Скорбный вопль норвежца прервался внезапно, как обрубленный. Он посмотрел на нас. Одним усилием разорвал веревку, которой я привязал его к койке, глаза его засверкали, светлые волосы встали дыбом от сильного гнева. Да Коста спрятался за мной. О'Киф, холодно наблюдавший, сделал быстрый шаг и встал передо мной.

— Куда вы меня везете? — спросил Хальдриксон, и голос его напоминал рев зверя. — Где мой корабль?

Я мягко отодвинул О'Кифа и остановился перед гигантом.

— Послушайте, Олаф Хальдриксон, — сказал я. — Мы везем вас туда, куда сверкающий дьявол унес вашу Хельму и вашу Фреду. Мы идем по следу сверкающего дьявола, который спускается с луны. Вы меня слышите? — Я говорил медленно, отчетливо, стараясь пробиться сквозь туман, который, как я знал, окружает напряженный мозг. И слова мои были услышаны.

Он протянул дрожащую руку.

— Вы говорите, что идете по следу? — запинаясь, спросил он. — Знаете, куда идти? Куда он забрал мою Хельму и мою маленькую Фреду?

— Именно так, Олаф Хальдриксон, — ответил я. — Именно так! Клянусь своей жизнью, я знаю.

Вперед вышел Да Коста.

— Он говорит правду, Олаф. На «Суварне» ты доберешься быстрее, чем на «Брунгильде», Олаф, да.

Гигант-норвежец, все еще держа меня за руку, посмотрел на него.

— Я тебя узнаю, Да Коста, — прошептал он. — С тобой все нормально. Да. Ты честный человек. Где «Брунгильда»?

— Идет за нами на тросе, Олаф, — успокоил его португалец. — Скоро ее увидишь. А теперь ложись и расскажи нам, если сможешь, почему ты привязал себя к рулю и что случилось, Олаф.

— Если вы расскажете, как появился сверкающий дьявол, это поможет нам всем, и мы доберемся до него, Хальдриксон, — сказал я.

На лице О'Кифа застыло выражение почти смешного сомнения и удивления. Гигант перенес взгляд с меня на ирландца. В его глазах появился одобрительный блеск. Он отпустил меня, схватил О'Кифа за руку.

— Sterk![1] — сказал он. — Да, сильный, и с мужественным сердцем. Мужчина, да! Он с нами, нам он понадобится, да!

— Расскажу, — пробормотал он, садясь на край койки. — Это было четыре ночи назад. Моя Фреда, — голос его дрогнул, — Mine Yndling! Она любила лунный свет. Я стоял за рулем, и моя Фреда и моя Хельма были за мной. Луна светила за нами, и «Брунгильда», как лебедь, плыла по лунному свету.

---

[1] Сильный *(норв.)*. — Прим. перев.

Я услышал, как Фреда сказала: «Я вижу: по лунной дорожке к нам идет nisse[1]». И услышал, как ее мать рассмеялась: так всегда смеются матери, когда их Yndling мечтает. Я был счастлив — в ту ночь — с моей Хельмой и моей Фредой, и «Брунгильдой», плывшей, как лебедь, да. Я слышал, как ребенок сказал: «Nisse идет быстро!» А потом я услышал крик Хельмы, громкий крик — так кричит кобыла, когда у нее отнимают жеребенка. Я быстро повернулся, да. Оставил руль и быстро повернулся! И увидел... — Он прикрыл глаза руками.

Португалец прижался ко мне, и я слышал, что он дышит, как испуганная собака.

— Я увидел, как белый огонь прыгнул на поручень, — прошептал Олаф Хальдриксон. — Он все кружил и кружил, и сверкал, как... как звезды в водовороте тумана. В ушах у меня зашумело. Похоже на колокольчики, маленькие колокольчики, да! Как музыка, когда проводишь пальцем по круглым шарикам. Звук этих колокольчиков — от него тошно становилось.

Моя Хельма была — indeholde, как это по-вашему — в середине белого огня. Она повернула ко мне и к ребенку лицо, и лицо моей Хельмы горит у меня в сердце. Потому что оно было полно страха и полно счастья — glyaede[2]. Говорю вам, от страха на лице моей Хельмы у меня вот тут лед, — он кулаком ударил себя по груди, — но счастье на нем горит во мне, как огонь. И я не мог двигаться, не мог двигаться. Я сказал себе здесь, — он коснулся головы, — я сказал: «Это Локи пришел из Хельведа. Но он не может взять мою Хельму, потому что Христос жив и у Локи нет силы, чтобы повредить моей Хельме и моей Фреде. Христос жив! Христос жив!» — сказал я. Но сверкающий демон не выпустил мою Хельму. Он потащил ее к поручню, наполовину перетащил уже. Я увидел, как она посмотрела на ребенка, вырвалась и побежала к девочке. И моя Фреда бросилась к ней. И огонь охватил их обеих, и они исчезли! Я только чуть увидел их на лунной дорожке за «Брунгильдой» — и они исчезли!

Сверкающий дьявол забрал их! Локи освободился, и он силен. Я повернул «Брунгильду» и направил ее вслед моей Хельме и mine Yndling. Мои матросы вышли и просили, чтобы я повернул назад. Но я не стал. Они спустили шлюпку и оставили меня. Я правил по дорожке. Привязал руки к рулю, чтобы, если усну, не выпустить его. И правил все вперед и вперед....

Где был Бог, которому я молился, когда у меня отобрали жену и ребенка? — воскликнул Олаф Хальдриксон, и я как будто услышал, как Трокмартин задает тот же вопрос. — Он оставил меня, и я оставил

---

[1] Сказочное существо, типа Бабы-Яги, ведьма (*норв.*). — Прим. перев.

[2] Радость (*норв.*). — Прим. перев.

Его, да! Теперь я молюсь Тору и Одину, они могут удержать Локи.— Он опять закрыл глаза руками.

— Олаф, — сказал я, — тот, кого вы зовете сверкающим дьяволом, забрал близкого мне человека. Я шел за ним, когда мы нашли вас. Вы пойдете со мной в его дом, и мы попытаемся освободить вашу жену и вашу дочь, как и моего друга. Но сейчас вам нужно снова стать сильным, а для этого вы должны уснуть.

Олаф Хальдриксон посмотрел на меня, и в его глазах было то, что, должно быть, души видели в глазах того, кого в Древнем Египте называли Искателем сердец, в Зале Суда Озириса.

— Вы говорите правду! — сказал он, наконец, медленно. — Я сделаю, как вы говорите!

По моей просьбе он вытянул руку. Я сделал ему второй укол. Он лег и скоро уснул. Я повернулся к Да Коста. Его лицо побледнело и покрылось потом, он дрожал. О'Киф зашевелился.

— Хорошо сработали, доктор Гудвин, — сказал он. — Так хорошо, что я сам чуть не поверил.

— Что вы думаете о его рассказе, мистер О'Киф? — спросил я.

— Вздор! — сказал он. Признаюсь, я был слегка шокирован. — Я думаю, он сошел с ума, доктор Гудвин, — тут же поправился он. — Что еще я могу думать?

Не отвечая, я повернулся к маленькому португальцу.

— Сегодня ночью нет причин для беспокойства, капитан, — сказал я. — Поверьте мне на слово. Вам тоже нужно отдохнуть. Сделать вам укол?

— Да, если вы так считаете, доктор Гудвин, сэр, — благодарно ответил он. — Завтра, когда мне будет лучше... я поговорю с вами.

Я кивнул. Он что-то знает. Смешал ему дозу опия значительной крепости. После укола он ушел в свою каюту.

Я закрыл за ним дверь и потом, сидя рядом со спящим норвежцем, рассказал О'Кифу всю историю с начала до конца. Он почти не задавал вопросов. Но когда я кончил, он начал расспрашивать очень подробно, что я помню о появлении свечения, сопоставляя это с наблюдениями Трокмартина над тем же феноменом в Лунном бассейне.

— А что вы думаете теперь? — спросил я.

Он немного помолчал, глядя на Хальдриксона.

— Не то, что вам кажется, доктор Гудвин, — сказал он наконец серьезно. — Давайте выспимся. Одно несомненно: вы, и ваш друг Трокмартин, и этот человек видели... что-то. Но... — он снова помолчал и потом продолжил с мягкостью, которая меня слегка раздражала: — Я заметил, что когда ученый становится суеверным, он очень суеверен!

— Вот что я могу вам сказать пока, — продолжал он, когда я тщетно искал ответ на его слова. — Молюсь, чтобы мы не встретили

ни «Дельфин», ни другой корабль с радио на борту. Потому что, доктор Гудвин, я бы очень хотел взглянуть на вашего Обитателя. И еще одно. После всего этого, док, кончайте с формальностями и зовите меня просто Ларри. Спятили вы или нет, но вы мужественный человек, профессор, и я с вами. Спокойной ночи, — сказал Ларри и улегся в гамак на палубе, который попросил повесить, отказавшись от великодушного предложения капитана занять его каюту.

Со смешанными чувствами смотрел я, как он укладывается. Суеверия! И это я, который так гордится своей приверженностью к фактам и только к фактам! Суеверия — и это от человека, который верит в банши, призрачных арфистов, ирландских лесных нимф и, несомненно, в гномов и все их племя!

Смеясь и сердясь, счастливый от того полуобещания, которое дал Ларри О'Киф, я уложил подушки, вытянулся на двух стульях и начал вахту возле спящего Олафа Хальдриксона.

УТРАЧЕННАЯ СТРАНИЦА ИСТОРИИ ЗЕМЛИ

Когда я проснулся, солнце светило в иллюминатор каюты. Снаружи слышался ясный голос. Я лежал на своих двух стульях и слушал. Песня составляла одно целое с солнечным светом и ветерком, раздувавшим занавеси. Это была утренняя песня Ларри О'Кифа:

— Маленький красный жаворонок дрожит крыльями,
Прямо с груди любви летит он,

Голос Ларри взмыл:

— Крылья его и перья красны, как солнечный восход.
Он приветствует золотую голову солнца.

Доброе утро, доктор, долго же вы спите!

Последнее, конечно, было весьма непочтительной добавкой. Я открыл дверь. Снаружи стоял смеющийся О'Киф. «Суварна» с выключенным двигателем шла на всех парусах, за ней весело плыла «Брунгильда», на которой половина парусов была спущена.

Море под ветром все искрилось и покрылось рябью. Насколько хватал глаз, мир был белым и голубым. Стаи маленьких серебристо-зеленых летучих рыб выпрыгивали из воды по обе стороны от нас, вспыхивали на мгновение и исчезали. За нами парили и ныряли в воду чайки. Тень загадки отодвинулась далеко за край бодрствующего прекрасного мира, и если подсознательно я знал, что она по-прежнему где-то заталась и ждет, то пока что сознательно я был свободен от ее давления.

— Как пациент? — спросил О'Киф.

Ему ответил сам Хальдриксон, который, должно быть, встал, когда я вышел из каюты. Норвежец надел пижамные брюки и, блестя об-

наженным торсом на солнце, шел на нас. Мы смотрели на него с легким беспокойством. Но безумие оставило Олафа. В глазах его была печаль, но гнев берсерка исчез.

Он обратился прямо ко мне:

— Вчера вечером вы сказали, что мы идем по следу?

Я кивнул.

— И куда же? — снова спросил он.

— Сначала на Понапе, оттуда в пристань Металаним — к островам Нан-Матал. Вы знаете это место?

Хальдриксон кивнул, в его глазах сверкнула ледяная белизна.

— Он там? — спросил он.

— Там его прежде всего нужно искать, — ответил я.

— Хорошо! — сказал Олаф Хальдриксон. — Хорошо!

Он вопросительно взглянул на Да Коста, и маленький португалец ответил на невысказанный вопрос:

— Мы будем на Понапе завтра утром, Олаф.

— Хорошо! — повторил норвежец. Он отвел взгляд, глаза его были полны слез.

Мы чувствовали себя неловко: такую неловкость испытывают все, когда чувствуют симпатию и жалость и не знают, как их выразить. С общего молчаливого согласия за завтраком мы говорили только о самых обыденных вещах.

Когда завтрак кончился, Хальдриксон захотел перебраться на свою «Брунгильду».

«Суварна» остановилась, и они с Да Коста сели в шлюпку. Когда они поднялись на палубу «Брунгильды», я увидел, что Олаф взял руль, и эти двое начали о чем-то оживленно говорить. Я позвал О'Кифа, и мы с ним легли на крышку носового люка под защитой паруса.

— Ну? — спросил я.

— Ну, — ответил О'Киф, — допустим, вы расскажете мне, что думаете об этом, а я укажу ваши научные ошибки. — Он озорно подмигнул.

— Ларри, — строго сказал я, — возможно, вы не знаете, но моя научная репутация, если отбросить в сторону всю скромность, весьма завидна. Вчера вечером вы использовали слово, против которого я возражаю самым серьезным образом. Вы намекнули, что я суеверен. Позвольте сообщить вам, Ларри О'Киф, что я всего лишь отыскиваю, наблюдаю, анализирую и синтезирую факты. — Я старался говорить строго. — Я не верю в привидения, гномов, банши и призрачных арфистов.

Ларри откинулся назад и зашелся хохотом.

— Простите, Гудвин, — сказал он наконец, — но если бы вы видели самого себя, когда торжественно опровергаете существование банши... — опять озорное подмигивание... — и при таком солнечном свете и в этом широко распахнутом мире... — он пожал плечами, — трудно представить себе то, что описывали вы с Хальдриксоном.

— Я знаю, это трудно, Ларри, — ответил я. — И не думайте, что я считаю этот феномен сверхъестественным, в том смысле, в каком используют это слово те, кто вращает столы. Я считаю его сверхнормальным, питающимся энергией из неизвестного современной науке источника, но это не значит, что он находится за пределами науки.

— Расскажите мне вашу теорию, Гудвин, — сказал он.

Я колебался: объяснение сущности Обитателя не удовлетворяло меня самого.

— Я думаю, — начал я наконец, — возможно, некоторые представители расы, жившей на древнем континенте, где сейчас Тихий океан, выжили. Мы знаем, что многие эти острова изрыты пещерами и огромными подземными пустотами, которые в некоторых случаях уходят далеко под дно океана. Возможно, что по каким-то причинам выжившие представители этой расы искали укрытия в подземных пропастях; на острове, где группа Трокмартина встретила свой конец, один из входов в такие пропасти.

Что касается выживания их в пещерах: мы знаем, что они обладали высокоразвитой наукой. Возможно, они овладели некоторыми универсальными формами энергии, особенно теми, что мы называем светом. Они могли развить цивилизацию и науку, превзошедшие наши. То, что я называю Обитателем, может быть одним из достижений их науки. Ларри, вполне возможно, что эта забытая раса собирается снова появиться на поверхности!

— И посылает вашего Обитателя как разведчика, этакого научного голубя с их ковчега?

Я постарался не заметить насмешки в его вопросе.

— Вы когда-нибудь слышали о чаматах? — спросил я.

Он покачал головой.

— На Папуа, — объяснил я, — широко распространена исключительно древняя вера, что «под холмами» заключена раса гигантов, которые правили миром, «когда земля простиралась от солнца до солнца до того, как бог Луны затопил ее водами», — я цитирую легенду. Эту историю можно услышать не только на Папуа, но и по всей Малайзии. И, так говорит легенда, эти гиганты — чаматы — однажды прорвутся сквозь холмы и будут править миром; «вернут себе мир», так буквально переводится постоянно повторяющаяся в легенде фраза. Герберт Спенсер указал, что для любого человеческого мифа, для любой легенды есть фактическое основание. Возможно, эти выжившие,

о которых я говорил, с точки зрения Спенсера и есть основание легенды [1].

Несомненно одно: лунная дверь, которая открывается действием лунных лучей на какой-то неизвестный элемент или комбинацию кристаллов, через которые лунный свет вливается призматическими колоннами, — это механизм, созданный людьми. И так как он создан людьми, так как из потока лунного света Обитатель черпает силы для материализации, сам Обитатель, если он и не есть продукт человеческого мозга, то по крайней мере в своем появлении зависит от человеческого мозга.

— Минутку, Гудвин, — прервал О'Киф. — Вы хотите сказать, что эта штука сделана... ну, из лунного света?

— Лунный свет, — ответил я, — это, разумеется, отраженный солнечный свет. Но лучи, достигающие Земли, после соприкосновения с лунной поверхностью изменились. Спектроскоп свидетельствует, что они утрачивают почти все медленные колебания, которые мы называем красным и инфракрасным светом, а исключительно быстрые колебания, которые мы называем фиолетовым и ультрафиолетовым светом, еще более ускоряются и изменяются. Многие ученые приписывают это действию неизвестного элемента Луны, возможно, того, что создает гигантские светящиеся полосы, которые во всех направлениях уходят от лунного кратера Тихо. Энергию этого элемента поглощают и уносят с собой лунные лучи.

Во всяком случае, то ли от утраты медленных красных колебаний, то ли от добавления загадочной энергии свет Луны становится чем-то совсем отличным от просто отраженного солнечного света: точно так же добавление или изъятие одного химического элемента в составе нескольких создает вещество с совсем другой энергией и свойствами.

Допустим, Ларри, что эти лучи приобретают дополнительные свойства, проходя через шары, которые Трокмартин видел в зале Лунного бассейна. В результате создается фактор, необходимый для материализации Обитателя. В таком процессе нет ничего невозможного с точки зрения науки. Великий русский физик Кубальский создал кристаллические формы, проявляющие все признаки жизни, воздействуя на определенные комбинации химических элементов концентрированными лучами разного цвета. Что-то в свете производит эту псевдожизнь. Мы еще даже не начали сознавать возможности магнитных колебаний эфира, которые мы называем светом.

---

[1] Уильям Биб, известный американский натуралист и орнитолог, участвовавший в войне во Франции в составе американских воздушных сил, недавно обратил внимание на эту замечательную легенду в своей статье в «Атлантик Мансли». Он отметил настойчивое повторение мысли о том, что освобождение погребенной расы произойдет очень скоро.

— Послушайте, док, — серьезно сказал Ларри. — Я принимаю на веру все, что вы говорите об утраченном континенте и об этих людях, живущих в пещерах. Но клянусь мечом Брайана Бору, вы не заставите меня поверить, что лунные лучи могут справиться с такой сильной женщиной, какой, судя по вашему описанию, была Тора Трокмартина, ни с таким обладающим двумя кулаками человеком, как сам Трокмартин, ни с женой Хальдриксона — я готов биться об заклад, что она тоже крупная, мощная северянка, — вы никогда не заставите меня поверить, что пучок концентрированных лунных лучей может справиться с ними и заставить танцевать вальс в том направлении, в каком ему нужно. Нет, док, ни за что, даже лунный свет в Теннесси этого не может сделать, нет!

— Хорошо, О'Киф, — согласился я, на этот раз по-настоящему раздраженный. — Какова же ваша теория? — И не мог удержаться, чтобы не добавить: — Феи?

— Профессор, — он улыбнулся, — если это Существо — ирландская фея, то, увидев меня, она обрадуется, и никаких проблем не будет. «Я заблудилась, или меня украли, Ларри, — скажет она, — и так соскучилась по родине, что впала в отчаяние, — скажет она, — и возьми меня с собой, прежде чем я причиню кому-нибудь еще вред», — скажет она, — и это правда.

Не поймите меня неверно. Я верю в то, что вы рассказали. Но считаю, что вы видели что-то вроде газа. Весь этот район вулканический, из океана постоянно появляются новые острова. Вероятно, это газ; выделение вулканов; что-нибудь совершенно новое для нас, сводящее с ума, — это могут сделать многие газы. Отряд Трокмартина на острове попал под его действие; вероятно, они все тогда слегка спятили: думали, что видят что-то; начали говорить об этом — и готова коллективная галлюцинация, вроде лунных ангелов и других военных чудес. Кто-то видит нечто, на что-то похожее. Он говорит соседу: «Ты видишь это?» — «Конечно, вижу», — отвечает сосед. И готово — коллективная галлюцинация.

Когда ваших друзей очень уж проняло, они один за другим прыгнули за борт. Хальдриксон проплыл через место с таким газом, и его жена прыгнула за борт. Схватила ребенка и прыгнула вместе с ним. Может, лучи Луны заставляют газ светиться! Я видел газ на фронте под лучами Луны: он походил на тысячи извивающихся дьяволов. Да, и можно было даже рассмотреть лица этих дьяволов. А если газ попадал в легкие, ничто не могло вас разубедить в том, что вы действительно видели дьяволов.

Некоторое время я молчал.

— Ларри, — сказал я наконец, — вы ли правы или я, я должен отправиться на Нан-Матал. Пойдете со мной, Ларри?

— Гудвин, — ответил он, — конечно, пойду. Я заинтересован не

меньше вас. Если не встретимся с «Дельфином», я остаюсь с вами. Оставлю сообщение на Понапе, если туда придет мой корабль. Если тем временем сообщат о моей гибели, обо мне некому горевать. Так что все в порядке. Только, старина, сохраняйте спокойствие. Если будете все время думать об этом, сами свихнетесь, правда.

И опять радость от того, что Ларри О'Киф будет со мной, была так велика, что я ничуть на него не обиделся.

ЛУННЫЙ БАССЕЙН

Да Коста, который незамеченным появился на палубе, взял меня за руку.

— Доктор Гудвин, — сказал он, — я могу вас попросить спуститься в мою каюту, сэр?

Наконец он собирается заговорить. Я пошел за ним.

— Доктор, — сказал он, когда мы оказались в каюте, — с Олафом произошло что-то очень странное. Очень странное. И туземцы на Понапе в последнее время очень встревожены. Я ничего, ничего не знаю о том, чего они боятся. — Он опять быстро и незаметно перекрестился. — Но вот что я вам скажу. Ко мне с Раналоа в прошлом месяце приходил человек, русский, доктор, как и вы. Его зовут Маракинов. Я отвез его на Понапе, и туземцы не захотели везти его на Нан-Матал, нет! Поэтому я отвез его туда. Мы отплыли с большим грузом тщательно упакованных инструментов. Я оставил ему там лодку и запас продовольствия. Он велел мне никому ничего не рассказывать и заплатил за это. Но вы мой друг, и Олаф очень зависит от вас, поэтому я вам и рассказываю, сэр.

— Больше ничего не знаете, Да Коста? — спросил я. — Ничего о других экспедициях?

— Нет. — Он энергично покачал головой. — Больше ничего.

— Слышали здесь имя Трокмартина? — настаивал я.

— Нет, — ответил он, но побледнел.

Я не был убежден. Но если он знает больше, почему боится говорить? Тревога моя усилилась, и позже я попробовал успокоиться, пересказав наш разговор О'Кифу.

— Русский? — сказал он. — Что ж, они могут быть чертовски хороши или чертовски — наоборот. Учитывая то, что вы для меня сделали, надеюсь, я смогу присмотреть за ним до того, как появится «Дельфин».

На следующее утро мы без происшествий прибыли в Понапе, и еще до полудня «Суварна» и «Брунгильда» бросили якорь в гавани. Не буду останавливаться на возбуждении и явном ужасе туземцев, когда мы искали среди них носильщиков и рабочих, которые сопровождали бы нас. Достаточно сказать, что никакая плата не соблазнила ни одного

из них отправиться с нами на Нан-Матал. И они не говорили, почему.

Наконец было решено, что «Брунгильда» останется под командой полукровки-китайца, которого знали и которому доверяли и Да Коста, и Хальдриксон. Мы нагрузили шлюпку моими инструментами, продовольствием и оборудованием для лагеря. «Суварна» отвезла нас в гавань Металанима, и тут, где вершины древних морских стен видны были в воде под нами, а руины других сооружений возвышались среди мангровых зарослей всего в нескольких милях от нас, «Суварна» нас оставила.

Хальдриксон управлял нашим маленьким парусом, Ларри сидел за рулем; мы обогнули титаническую стену, углубились в путаницу островков и наконец оказались в проливе, отмеченном на карте Трокмартина. Этот пролив между хмурым Нан-Тауахом и его маленьким спутником Тау вел к воротам древней загадки.

Когда мы вошли в пролив, нас окружила тишина, тишина такая напряженная, что ощущалась как нечто материальное; чуждая тишина, она сжимала, душила и все же была далека от нас, живых. Такая тишина может стоять, когда миллионы уйдут в могилы; как ни парадоксально, эта тишина была полна уходом от жизни.

В глубинных помещениях великой пирамиды я уже ощущал такую тишину, но никогда она не была так интенсивна. Ларри тоже ощутил ее; я видел, как он искоса поглядывает на меня. Если Олаф, сидевший на носу, что-то и испытывал, то не подавал виду; его голубые глаза, в которых опять появился ледяной блеск, не отрывались от пролива.

Слева от нас возвышались крутые стены из черных базальтовых блоков, циклопические, возвышающиеся на пятьдесят футов и больше, тут и там расколотые из-за сдвигов в основании.

Перед нами мангровые заросли расширялись, затеняя пролив. Справа виднелись меньшие стены Тау; мимо скользили мрачные блоки, выровненные и подогнанные с такой математической точностью, что я испытывал смутный благоговейный страх. Сквозь щели я видел темные развалины и большие упавшие камни, которые, казалось, присели в зловещем ожидании. Где-то здесь скрываются семь шаров, которые льют пламя Луны в Лунный бассейн.

Мы снова углубились в мангры; спустив парус, мы толкали и тянули лодку, пробираясь меж спутанных ветвей и корней. Шум от нашего движения разрушил тишину. Это было как святотатство, и с древних бастионов донесся ропот, запрещающий, странно зловещий. И вот мы миновали заросли, вышли на небольшой затененный участок чистой воды. Перед нами вздымались ворота Нан-Тауаха, гигантские, разбитые, невероятно древние; расколотые порталы, сквозь которые проходили мужчины и женщины на рассвете Земли; их древность свин-

цом повисала на веках тех, кто на них смотрел; и каким-то удивительным образом они казались зловеще непокорными.

За воротами начинался пролет гигантских базальтовых ступеней, огромная лестница; по обе стороны от нее шли высокие стены — дорога Обитателя. Мы молча причалили и вытащили лодку на полузатонувший пирс. А когда заговорили, то шепотом.

— Что дальше? — спросил Ларри.

— Я думаю, нужно осмотреться, — ответил я тоже негромко. — Поднимемся на стену и посмотрим оттуда. С высоты все должно быть ясно, как день.

Хальдриксон кивнул, в его голубых глазах было напряжение.

К востоку и югу от нас, как детские кубики, посреди сапфирового моря лежали десятки островков, ни один в окружности не достигал двух миль; на всех квадраты или прямоугольники защитных стен.

Ни на одном никаких признаков жизни, только тут и там парили большие птицы, да чайки ныряли в голубые воды.

Мы обратили взгляд к острову, на котором стояли. Я приблизительно оценил его площадь в три четверти квадратной мили. Остров окружала стена. В сущности это был огромный открытый базальтовый куб, и в нем два меньших куба. Пространство между первой и второй стенами было вымощено камнем, тут и там виднелись разбитые столбы и каменные скамьи. Роза гибискус, древесное алоэ и несколько разновидностей кустарников нашли место для корней, но казалось, они только подчеркивают мрачное безлюдье этого острова.

— Интересно, где этот русский? — спросил Ларри.

Я покачал головой. Никаких признаков жизни. Может, Маракинов уехал? Или его тоже забрал Обитатель? Что бы ни случилось, от него ни следа не осталось ни на острове под нами, ни на остальных многочисленных островках в поле нашего зрения. Мы спустились к воротам. Олаф тоскливо поглядел на меня.

— Сейчас начнем поиски, Олаф, — сказал я. — Прежде всего, О'Киф, нужно проверить, действительно ли здесь этот серый камень. После этого разобьем лагерь, и пока я буду все распаковывать, вы с Олафом обыщете остров. Это не займет много времени.

Ларри взглянул на свой автоматический пистолет и улыбнулся.

— Веди, Макдуф! — сказал он.

Мы поднялись по ступеням, миновали вторую стену и оказались на центральной площади. Признаюсь, что огонь научного любопытства смешивался во мне со страхом, что догадка О'Кифа окажется верной. Найдем ли мы сдвигающуюся плиту, и если найдем, будет ли все, как описал Трокмартин? Если да, то даже Ларри придется согласиться, что не все можно объяснить теорией о газе и вулканических испарениях; и вся эта история выдержит первое испытание. Но если нет...

Перед нами, едва уловимо оттенком серого цвета отличаясь от окружающих блоков, была лунная дверь!

Ошибиться было невозможно. Именно через этот вход на глазах у Трокмартина прошло то великолепное и ужасное привидение, которое он назвал Обитателем. У основания плиты любопытное, по-видимому, отполированное чашеобразное углубление, на котором поворачивается открывающаяся дверь.

Что это за дверь, более загадочная, чем сфинкс? Что лежит за ней? Что скрывает этот гладкий камень, чья тусклая смертоносность шепчет о веках древних коридоров времени, открывающихся в чуждые, невообразимые просторы? Эта дверь стоила мировой науке замечательного мозга Трокмартина, а самому Трокмартину стоила тех, кого он любил. Она привлекла меня к себе в поисках Трокмартина, и тень ее упала на душу норвежца Олафа; на сколько еще тысяч душ падала ее тень, подумал я, с тех пор, как создавший ее разум исчез вместе со всеми своими знаниями?

Что лежит за ней?

Я протянул дрожащую руку и коснулся поверхности плиты. Холодок охватил руку, странно незнакомый и странно неприятный; как электрический контакт, в котором самая сущность холода. О'Киф, следивший за мной, повторил мои действия. Когда его пальцы коснулись плиты, на лице появилось изумленное выражение.

— Это дверь? — спросил он.

Я кивнул. Он негромко свистнул и указал на верх огромного камня. Я проследил за его жестом и увидел вверху, по обе стороны от лунной двери, два выпуклых выступа, примерно в фут в диаметре.

— Ключи к лунной двери, — сказал я.

— Похоже на то, — ответил Ларри. — Если мы их найдем, — добавил он.

— Мы ничего не сможем сделать до восхода луны, — сказал я. — И времени для подготовки у нас совсем немного. Пошли!

Чуть позже мы были уже возле своей лодки. Мы разгрузили ее, установили палатку, и так как до захода оставалось совсем немного времени, я попросил своих спутников начать поиски. Они ушли вместе, а я начал распаковывать привезенное с собой оборудование.

Прежде всего я достал два лучевых конденсатора Беккереля, купленных в Сиднее. Их линзы позволяли собирать и усиливать любой направленный на них свет. Я уже использовал их с большой пользой, проводя спектроскопический анализ светящихся испарений, и знал, что в Йоркской обсерватории добились блестящих результатов, исследуя с их помощью рассеянное свечение туманностей.

Если моя теория о действии механизма двери верна, мы сумеем через несколько дней после полнолуния собрать достаточное количество света, чтобы этот механизм открыл дверь. И если этот свет, про-

ходящий через семь шаров, описанных Трокмартином, не сможет дать достаточной энергии для Лунного бассейна, мы войдем в помещение без страха перед Обитателем, сделаем необходимые наблюдения и выйдем до того, как луна опустится, и концентрация лунных лучей упадет так низко, что дверь закроется.

Я взял также малый спектроскоп и несколько других инструментов для анализа световых лучей, металлов и жидкостей. И наконец прихватил свою медицинскую сумку.

Я едва успел закончить свои приготовления, как вернулись О'Киф и Хальдриксон. Они отыскали следы лагеря по крайней мере десятидневной давности у северной стены внешнего двора, но, кроме этого, никаких признаков пребывания людей на Нан-Тауахе не было.

Мы приготовили ужин, поели и немного поговорили, но в основном молчали. Даже Ларри отказала его бодрость; я несколько раз видел, как он осматривает свой пистолет. Он был очень задумчив, таким я его никогда не видел. Однажды он встал, пошел в палатку, порылся там и принес второй пистолет, который, как он сказал, взял у Да Косты, и несколько упаковок патронов к нему. Пистолет он отдал Хальдриксону.

Наконец свечение на юго-востоке объявило о восходе луны. Я взял инструменты и медицинскую сумку; Ларри и Олаф несли каждый по короткой лестнице, входившей в мое оборудование; освещая путь электрическими фонариками, мы поднялись по большой лестнице, прошли в отверстие и направились к серой плите.

К этому времени луна взошла, и ее ущербный свет озарял плиту. Я видел, как по плите пробежало легкое свечение, как от фосфоресценции, но оно было настолько слабым, что я не был уверен в правильности своего наблюдения.

Мы установили лестницы. Олафу я велел стоять перед плитой и ждать первых признаков движения — если она начнет открываться. Аккумуляторы были установлены на трехдюймовых треножниках, которые я снабдил вакуумными кольцами; они прочно прижимали ножки к камню.

Я поднялся на лестницу и прикрепил один конденсатор над выступом; спустился; послал Ларри следить за ним, а сам, поднявшись на вторую лестницу, установил второй конденсатор. И вот мы с Ларри на верху лестниц, Олаф перед дверью — так началась наша вахта. Неожиданно послышалось восклицание Ларри:

— Семь маленьких огоньков появились на камне!

Но я уже и сам видел, что под моими линзами на камне появилось серебристое свечение. Лучи в конденсаторе быстро сгустились, стали ярче, и на камне появились семь маленьких кружков, как звезды, видные в сумерках; их свечение было странным — свернутым, вот лучшее слово, которое я могу подобрать для его характеристики.

Снизу послышался негромкий вздох и затем голос Хальдриксона:

— Она открывается... камень поворачивается...

Я начал спускаться с лестницы. Снова голос Олафа:

— Камень... он открылся... — Затем резкий крик, вопль смешанной боли и жалости, гнева и отчаяния — и звук быстрых шагов, уходящих в стену подо мной!

Я спрыгнул на землю. Лунная дверь была широко открыта, и за ней я увидел коридор, заполненный слабым жемчужным свечением, похожим на ранний туманный рассвет. Но Олафа я не видел. Я стоял, тяжело дыша, и тут сзади послышался резкий треск выстрела; стекло конденсатора со стороны Ларри разлетелось на мелкие кусочки; Ларри быстро упал на землю, пистолет в его руке рявкнул раз, другой — в темноту.

И лунная дверь начала медленно, медленно вставать на место!

Я бросился к поворачивающемуся камню: у меня была дикая идея сдержать его. Но тут, когда я схватил его руками, сзади послышался рев, проклятие, и Ларри зашатался от толчка тела: нападавший пытался добраться до его горла. Ларри покачнулся на краю чашеобразного углубления у основания плиты, поскользнулся на полированном камне, упал и покатился вместе с тем, кто на него напал, пинаясь и вырываясь, прямо в сужающийся вход в туннель!

Забыв обо всем, я бросился ему на помощь. Прыгая, я почувствовал, как меня задел край закрывающейся двери. Ларри поднял кулак и опустил его на висок схватившего его человека, потом неуверенно встал. Я услышал какой-то траурный шепот, развернулся, как будто гигантская рука подхватила меня...

Конец коридора больше не был открыт на залитую лунным светом площадь руин Нан-Тауаха. Его преграждала сплошная каменная стена. Лунная дверь закрылась!

О'Киф сделал к ней шаг. Никакого следа щели на сверкающей стене; плита слилась со стеной плотно, как мозаика.

— Закрылась, — сказал Ларри. — Но если есть вход, есть и выход. Во всяком случае, доктор, мы там, куда стремились, так что не стоит волноваться. — Он весело улыбнулся. Человек на полу застонал, и Ларри опустился перед ним на колени.

— Маракинов! — воскликнул он.

При моем возгласе он отодвинулся, повернув лицо лежавшего так, чтобы я мог его рассмотреть. Несомненно, русский, лицо необычной силы и интеллекта.

Мощный массивный лоб с сильно развитыми надбровными дугами, большой крючковатый нос, прямые губы с затаенным выражением жестокости, сильные линии подбородка под черной заостренной бородой — все создавало впечатление необычной личности.

— Не может быть никто другой, — сказал Ларри, прерывая мои мысли. — Должно быть, все время следил за нами из подземелья Чо-те-ло.

Он быстро и привычно обыскал лежавшего; выпрямился, держа два зловеще выглядевших магазинных пистолета и нож.

— Я ему попал в правое предплечье, — сказал Ларри. — Кость не задета, но ему пришлось бросить свое оружие. Неплохой арсенал у нашего скромного русского ученого.

Я раскрыл свою медицинскую сумку. Рана легкая; Ларри смотрел, как я ее перевязываю.

— Есть у вас запасной конденсатор? — внезапно спросил он. — Как вы думаете, Олаф сумеет его установить?

— Ларри, — ответил я. — Олаф не снаружи. Он где-то здесь!

Челюсть его отвисла.

— Какого дьявола! — прошептал он.

— Вы разве не слышали его крик, когда дверь открылась? — спросил я.

— Да, слышал, — ответил он. — Но не понял, в чем дело. А потом на меня прыгнул этот дикий кот... — Он помолчал, глаза его расширились. — Куда он пошел? — быстро спросил он.

Я указал в глубину слабо светящегося коридора.

— Путь только один, — сказал я.

— Внимательней следите за этой птичкой, — бросил О'Киф, указывая на Маракинова, и с пистолетом в руке большими шагами устремился в глубину. Я посмотрел на русского. Глаза его были открыты, он протянул мне руку. Я помог ему встать.

— Я слышал, — сказал он. — Мы пойдем за ним, быстрее. Если поддержите меня... я еще не совсем пришел в себя, да... — Ни слова не говоря, я поддержал его, и мы вдвоем двинулись по коридору за О'Кифом. Маракинов тяжело дышал, он навалился на меня своим весом, но шел, напрягая всю волю и силу.

По пути я торопливо осматривал туннель. Стены его были гладкими и полированными, и свет, казалось, исходил не от их поверхности, а изнутри, придавая стенам обманчивую видимость объема и глубины, делая их необычно обширными. Проход повернул, изогнулся, начал опускаться, снова повернул. Мне пришло в голову, что свет в туннеле создается крошечными точками глубоко в камне, оттуда распространяясь по поверхности стен.

Далеко впереди послышался крик Ларри:

— Олаф!

Я плотнее схватил руку Маракинова, и мы побежали. Теперь мы быстро приближались к концу туннеля. Перед нами была высокая арка, за ней виднелось туманное светлое пространство, как будто туман был заполнен радугами. Мы достигли входа, и я увидел обширное помеще-

ние, которое могло находиться в заколдованном дворце короля джинов за волшебными горами Кафа.

Передо мной стоял О'Киф, а в десяти шагах от него — Хальдриксон, который что-то сжимал в руках. Ноги норвежца находились на самом краю каменного серебристого барьера, в овале которого был голубой бассейн. На этот бассейн, глядящий вверх, как гигантский глаз, падали семь столбов призрачного света: один аметистовый, один розовый, еще один белый, четвертый — голубой, и еще три — изумрудный, серебряный и янтарный. Они падали на поверхность бассейна, и я понял, что это семь светящихся столбов, в которых обретает свою форму Обитатель; теперь они лишь призраки того свечения, которое возникает в полнолуние.

Хальдриксон наклонился и положил на сверкающий серебряный барьер бассейна то, что держал в руках, и я увидел, что это тело ребенка. Он положил тело осторожно, склонился над ним и опустил в воду головой вниз. При этом он застонал и скорчился рядом. Неожиданно тело скользнуло — и через край ушло в бассейн. Хальдриксон бросился на камень, сжимая руки, вытягивая их — и из горла его вырвался крик боли и страдания, в котором не было ничего человеческого.

И тут же послышался крик Маракинова.

— Хватайте его! — кричал русский. — Оттащите назад! Быстрее!

Он устремился вперед, но прежде чем он преодолел половину дистанции, О'Киф схватил норвежца за плечи и отбросил назад. Он лежал там со стонами и всхлипываниями. Подбегая к нему вслед за Маракиновым, я видел, как Ларри наклонился над бассейном и закрыл глаза дрожащей рукой, видел, как русский с искренней жалостью смотрит туда же.

И тут я сам посмотрел в Лунный бассейн и увидел маленькую девочку; ее мертвые, полные ужаса глаза смотрели на меня; она медленно, медленно погружалась... исчезла. Я понял, что это Фреда Олафа, его любимая yndling!

Но где ее мать, и где Олаф нашел ребенка?

Первым заговорил русский.

— Нитроглицерин у вас есть? — спросил он, указывая на мою медицинскую сумку, которую я бессознательно схватил и нес все время нашего безумного пути по коридору. Я кивнул и достал его.

— Шприц! — коротко приказал он; взял шприц, аккуратно набрал дозу в сотую грана и склонился к Хальдриксону. Закатал к плечам рукава моряка. Руки были белыми и казались странно полупрозрачными; я видел такое же на груди Трокмартина, где его коснулись щупальца Обитателя; руки были такой же белизны, как из перламутра. Маракинов всадил иглу выше белизны.

— Ему понадобится крепкое сердце, — сказал он мне.

Потом достал из-за пояса небольшую плоскую фляжку, как будто свинцовую. Открыл ее и капнул несколько капель ее содержимого на каждую руку норвежца. Жидкость засверкала и немедленно начала разливаться по коже — как нефть или бензин по поверхности воды, только гораздо быстрее. На мраморной плоти образовалась сверкающая пленка, и от нее поднимались небольшие клубы пара. Могучая грудь норвежца вздымалась от боли. Он сжал руки. Русский удовлетворенно хмыкнул, капнул еще немного, потом, внимательно наблюдая, снова хмыкнул и откинулся назад. Тяжелое дыхание Хальдриксона стало спокойнее, он опустил голову на колени Ларри, белизна быстро покидала его руки.

Маракинов встал и посмотрел на нас — почти милостиво.

— Через пять минут будет в порядке, — сказал он. — Я знаю. Я это сделал, чтобы искупить свой выстрел, а также потому, что он нам понадобится. Да. — Он повернулся к Ларри. — Ваш удар как пинок мула, мой молодой друг, — сказал он. — Когда-нибудь вы мне за это заплатите. — Он улыбнулся, и улыбка его меня не успокоила.

Ларри насмешливо смотрел на него.

— Вы, конечно, Маракинов, — сказал он.

Русский кивнул, не проявив никакого удивления от того, что его узнали.

— А вы? — спросил он.

— Лейтенант О'Киф из Королевских военно-воздушных сил, — ответил Ларри, отдав честь. — А этот джентльмен — доктор Уолтер Т. Гудвин.

Лицо Маракинова просветлело.

— Американский ботаник? — спросил он.

Я кивнул.

— Ах, — воскликнул оживленно Маракинов, — какое счастье! Я давно мечтал встретиться с вами. Ваши работы — для американца — великолепны; поразительно. Но вы ошибаетесь в своей теории развития anglospermae от cycadeoidea dacotensis. Да, ошибаетесь...

Я с жаром прервал его, потому что считал это заключение о происхождении anglospermae от окаменелости cycadeoidea своим большим достижением. Тут нас грубо прервал Ларри.

— Скажите, — выпалил он, — я сошел с ума или вы? Что за проклятое место и время для такого спора! Англосперма, дьявольщина!

Маракинов опять посмотрел на него с раздражающе благосклонным видом.

— У вас нет научного направления ума, молодой друг, — сказал он. — Пинок — да! Но у мула он тоже есть. Вы должны понять, что важны только факты — не вы, не я, не это, — он указал на Хальдриксона, — ни его горе. Только факт, каким бы он ни был, да. Но, — он повернулся ко мне, — в другое время...

Хальдриксон прервал его. Огромный моряк встал и стоял, поддерживаемый Ларри. Он протянул ко мне руки.

— Я увидел ее, — прошептал он. — Увидел mine Фреду, когда повернулся камень. Она лежала там, прямо у моих ног. Я поднял ее и увидел, что mine Фреда мертва. Но я надеялся... и подумал, что, может, mine Хельма тоже где-то здесь. Поэтому я побежал с mine yndling... сюда... — Голос его перехватило. — Я подумал, может, она не мертва, — продолжал он. — И увидел это, — он указал на Лунный бассейн, — и подумал, что промою ее лицо, и она может ожить. А когда я окунул руки... жизнь покинула их, и холод, смертельный холод проник мне в сердце. И mine Фреда... она упала, — он закрыл глаза, опустил голову на плечо О'Кифа и стоял, сотрясаемый рыданиями, которые, казалось, разрывают ему душу.

ТЕНИ С ОГНЕННЫМИ КРАЯМИ

Когда Олаф кончил, Маракинов серьезно кивнул.

— Да! — сказал он. — То, что пришло отсюда, забрало их обоих: женщину и ребенка. Да! Они пришли с ним, и камень за ними закрылся. Но почему он оставил ребенка, я не понимаю.

— Откуда вы это знаете? — изумленно воскликнул я.

— Потому что видел, — просто ответил Маракинов. — И не только видел. У меня едва хватило времени сбежать через вход, как он появился, сверкая, бормоча, и колокольчики звучали так радостно. Да! То, что называется спастись с трудом.

— Минутку, — сказал я, заставляя жестом умолкнуть Ларри. — Правильно ли я понял, что вы уже были в этом месте?

Маракинов буквально весь превратился в улыбку.

— Да, доктор Гудвин, — сказал он. — Я вошел, а когда он возвращался, я вышел.

Пораженный, я смотрел на него: во враждебности Ларри к русскому появилась нотка скупого уважения; Олаф, дрожа, смотрел молча.

— Доктор Гудвин и вы, мой пылкий молодой друг, — после недолгого молчания продолжал Маракинов — я слегка удивился, почему он не включил в свое обращение Хальдриксона, — пора нам понять друг друга. У меня также имеется к вам предложение. Дело в том, что мы все в одной лодке. Да! Нам понадобятся общие усилия, не так ли? Соединим наши знания, наш разум и возможности: даже пинок мула — тоже неплохая возможность, — он зло взглянул на О'Кифа, — и выведем нашу лодку снова на тихие воды. После этого...

— Очень хорошо, Маракинов, — прервал его Ларри, — но я не чувствую себя в безопасности в лодке, в которой мне стреляют в спину.

Маракинов примирительно махнул рукой.

— Это было естественно, — сказал он, — логично, да! Тут большая тайна, может быть, много тайн, ценных для моей страны... — Он замолк, охваченный сильными чувствами; вены на лбу его вздулись, холодные глаза сверкнули, гортанный голос стал жестким.

— Я не извиняюсь и не объясняю, — хрипло сказал он. — Но вот что я вам скажу, да! Моя страна истекает кровью, пытаясь освободить весь мир. А остальные страны окружили нас, как волки, и готовы при малейшем проявлении слабости вцепиться в горло. А тут вы, лейтенант О'Киф, английский волк, и вы, доктор Гудвин, из американской своры, — а в этом месте может скрываться такое, что даст возможность моей стране выиграть войну за рабочих. Что значит жизнь вас двоих и этого моряка по сравнению с великой целью? Меньше, чем мотылек, которого я давлю рукой, меньше, чем мошка в солнечном луче!

Неожиданно он взял себя в руки.

— Но сейчас это неважно, — заключил он почти холодно. — Ни это, ни мои выстрелы. Посмотрим в лицо действительности. Вот мое предложение: мы объединяем усилия и действуем вместе; находим выход отсюда, узнаем тайны этого места, если возможно. А когда это будет сделано, разойдемся восвояси, каждый в свою страну, и используем каждый для своей страны то, что узнаем. Со своей стороны, я предлагаю свои знания — а это очень ценное предложение, доктор Гудвин, — и мою подготовку. Вы и лейтенант О'Киф делаете то же самое, а этот человек, Олаф, будет полезен нам своей силой, потому что сомневаюсь, чтобы нам пригодилась его голова.

— В сущности, Гудвин, — вмешался Ларри, пока я колебался, — предложение профессора таково: он хочет узнать все об этом месте, но начинает сознавать, что одному человеку это не под силу; к тому же мы захватили его врасплох. Нас трое против него одного, и у нас все оборудование и оружие. Но мы также будем в лучшем положении с ним, чем без него; точно так же, как ему лучше с нами, чем без нас. На время мы в равном положении. Но как только он получит необходимые сведения, тогда держите ухо востро. Вы, и Олаф, и я — снова волки, и мотыльки, и мушки, и нападение может последовать в любую минуту. Тем не менее, если ему удастся одолеть нас троих, значит, мы того заслуживаем. Я согласен на его предложение, если вы не возражаете.

Маракинов чуть не подмигнул.

— Возможно, я выразил бы это несколько по-другому, — сказал он, — но по сути он прав. Пока мы здесь в опасности, я не подниму на вас руку. Клянусь своей честью.

Ларри рассмеялся.

— Хорошо, профессор, — сказал он, улыбаясь. — Я вам верю. Тем не менее оружие я удержу у себя.

Маракинов невозмутимо поклонился.

— А теперь, — сказал он, — я расскажу вам, что знаю. Я обнаружил тайну этого механизма, точно так же, как и вы, доктор Гудвии. Но по неосторожности мои конденсаторы оказались разбитыми. Я вынужден был ждать, пока мне доставят другие, и это ожидание могло длиться много месяцев. Я принял некоторые предосторожности и в первую же ночь полнолуния спрятался в подземелье Чо-те-ло.

Я почувствовал невольное восхищение этим человеком, который с таким героизмом устремился во тьму. На лице Ларри я видел то же самое.

— Я спрятался в подземелье, — продолжал Маракинов, — и увидел, как тот, что выходит отсюда, вышел. Я ждал — долгие часы. Наконец, когда луна уже стояла низко, он вернулся, в восторге, с человеком, туземцем, в объятиях. Он прошел в дверь, луна зашла, и дверь закрылась.

На следующую ночь я почувствовал большую уверенность, да. После того как он вышел, я посмотрел в открытую дверь. Я сказал себе: «Он будет отсутствовать три часа. Пока он отсутствует, почему бы мне не войти в его дом, раз дверь открыта?». И я вошел — и дошел до этого места. Видел столбы света, исследовал жидкость в бассейне, на которую они падают. Эта жидкость, доктор Гудвин, не вода, это вообще не известная на Земле жидкость. — Он протянул мне небольшую бутылочку на длинной цепочке.

— Возьмите, — сказал он, — и увидите.

Я удивленно взял бутылочку и погрузил ее в бассейн. Жидкость была исключительно легкой; казалось, она придает бутылке плавучесть. Я поднес ее к свету. Жидкость была слоистой, в полосах, как будто сквозь нее проходят живые нити. И даже в бутылочке она сохранила свой голубоватый цвет и способность светиться.

— Радиоактивная, — сказал Маракинов. — Какая-то жидкость с высокой радиоактивностью; но я не знаю, что это такое. На живую ткань действует, как радий в энной степени, да еще с добавкой каких-то загадочных элементов. Раствор, которым я обработал его, — он указал на Хальдриксона, — я подготовил заранее, у меня была кое-какая информация. В основном в нем соли радия, и он создан на основе формулы Леба для нейтрализации ожогов от радия и икс-лучей. Если действовать немедленно, пока разложение не зашло далеко, можно нейтрализовать эту жидкость. Но через два часа ничего нельзя сделать.

Он помолчал.

— Затем я исследовал природу этих светящихся стен. Я сделал вывод, что их создатель знал секрет самого Всемогущего, сотворившего свет из эфира. Колоссально! Да! В этих блоках заключены атомные... как бы это сказать... атомные популяции, сознательное расположе-

ние электронов, испускающих свет, вероятно, бесконечно. Эти блоки — лампы, в которых масло и фитиль — электроны, извлекающие свет из самого эфира. Их создатель — подлинный Прометей! Я взглянул на часы, и этот маленький сторож предупредил меня, что пора уходить. Я вышел. Тот, кто выходит отсюда, вернулся, — на этот раз ни с чем.

На следующую ночь я проделал то же самое. Поглощенный исследованиями, я задержался до опасного момента и едва успел спрятаться в подземелье, как сверкающее существо появилось на стене, сжимая женщину с ребенком... Потом пришли вы — вот и все. А теперь — что знаете вы?

Я кратко пересказал ему свою историю. Время от времени глаза его сверкали, но он не прерывал меня.

— Большая тайна! Колоссальная тайна! — прошептал он, когда я закончил. — Нельзя оставлять ее нераскрытой.

— Прежде всего нужно попробовать открыть дверь, — буднично заметил Ларри.

— Бесполезно, мой молодой друг, — спокойно заверил его Маракинов.

— Тем не менее мы попробуем, — сказал Ларри.

Мы вернулись по извивающемуся туннелю к его началу, но скоро даже О'Киф признал безнадежными усилия сдвинуть плиту. Мы вернулись в помещение бассейна. Столбы света были слабее, и мы поняли, что луна заходит. В мире снаружи начинался рассвет. Я начал испытывать жажду, и голубая поверхность похожей на воду жидкости, казалось, насмехалась, когда я смотрел на нее.

— Да! — Маракинов как будто сверхъестественным образом прочел мои мысли. — Да! Мы захотим пить. И тому, кто утратит контроль над собой и попытается напиться этого, будет очень плохо, мой друг. Да!

Ларри расправил плечи, будто сбрасывал с них тяжесть.

— В этом месте и у ангела радости руки и ноги затрясутся, — сказал он. — Предлагаю осмотреться и найти какой-нибудь выход. Готов биться об заклад, что строители этого помещения не ограничились одним семейным парадным подъездом. Док, вы с Олафом идите вдоль левой стены; мы с профессором пойдем вдоль правой.

И он выразительно коснулся рукояти пистолета.

— После вас, профессор, — вежливо сказал он русскому, поклонившись. Мы разошлись.

Зал от входа расширялся; казалось он представляет собой огромный круг. Сверкающие стены заметно изгибались, и по их кривизне я определил, что крыша над нами не менее чем в трехстах футах.

Гладкий пол был вымощен плотно прилегающими блоками слегка желтоватого цвета. Они не испускали свет, как те, из которых состояли стены. Я заметил, что свечение стен странно сгущалось в несколь-

ких ярдах от его источника, и именно это производило эффект туманного завуалированного расстояния. Устойчиво струились сверху семь столбов света; свет в помещении утратил призматическое дрожание и стал похож просто на лунный свет, пробивающийся сквозь тонкие облака.

Перед нами из стены выдавалась низкая терраса. Вся из жемчужного розового камня, стройные изящные столбы того же оттенка. Стена террасы достигала десяти футов в высоту, и вдоль нее шел барельеф, похожий на изображение виноградной лозы с пятью стеблями, наверху каждого стебля цветок.

Мы прошли вдоль террасы. Она резко поворачивала. Я услышал возглас. В пятидесяти футах от нас у такого же изгиба стены стояли Ларри и Маракинов. Очевидно, левая сторона зала повторяла ту, что мы исследовали. Мы сошлись. Перед нами барьер с колоннами уходил на сотню футов, образуя нишу. Конец ниши образовывала такая же розовая стена, но на ней узор из лоз был гораздо четче.

Мы шагнули вперед, послышался благоговейный вздох норвежца, гортанный возглас Маракинова. На стене, вернее, в стене перед нами засветился большой овал, постепенно разгораясь до яркого блеска, как будто сквозь стену свет стремился к нам.

В этом розовом овале появились две окруженные огнем тени, они на мгновение застыли, потом как будто поплыли к поверхности. Тени дрожали, окружавшие их языки пламени устремлялись наружу, стремились вперед, снова отступали — и тени все более сгущались. Неожиданно перед нами появились две фигуры.

Одна — девушка, большие глаза которой были золотыми, как знаменитые лилии Кван-Юнг, рожденные, когда солнце поцеловало янтарную богиню; эту богиню демоны изваяли для Лао-Цзы; мягкие изогнутые губы красны, как королевский коралл, золотисто-каштановые волосы достигают колен!

А вторая — гигантская лягушка, женщина-лягушка, на голове костный щиток, на нем обод с ярко-желтыми камнями; огромные круглые голубые глаза, и в них широкий зеленый зрачок; чудовищное тело в желто-белом одеянии, перепоясанное нитями сверкающих желтых камней; шести футов ростом, и одна мощная мускулистая передняя лапа лежит на белом плече золотоглазой девушки.

Прошло, должно быть, немало времени, а мы все стояли в изумлении, глядя на это невероятное зрелище. Фигуры, хотя они казались такими же реальными, как стоявшие рядом люди, все же явно были проекцией.

Они стояли перед нами — золотоглазая девушка и чудовищная женщина-лягушка, — стояли, различимые до мельчайших подробностей; и в то же время их тела как будто находились страшно далеко; если можно выразить невыразимое, эти две фигуры словно были началом

бесконечного ряда: глаза видят только ближайшее звено этого ряда, а мозг, обладающий большими возможностями, чем зрение, улавливает и стоящие дальше звенья.

Огромные глаза женщины-лягушки, не мигая, смотрели на нас. На металлической зелени ее зрачка поблескивали радужные искры. Она стояла прямо, слегка согнув мощные ноги; чудовищный разрез рта слегка приоткрыт, открывая ряд белых зубов, острых, как ланцеты; лапа лежит на плече девушки, почти закрывая его шелковистую поверхность, и на фоне белой кожи плеча выделяются пять перепончатых пальцев с длинными желтыми роговыми когтями.

Но если женщина-лягушка разглядывала нас всех, то девушка в розовой стене — нет. Она смотрела только на Ларри, смотрела напряженно и внимательно. Высокая, выше среднего роста, почти такая же высокая, как сам О'Киф; не более двадцати лет, показалось мне. Неожиданно она наклонилась вперед, золотые глаза смягчились и стали нежными; алые губы шевельнулись, будто она говорила.

Ларри сделал быстрый шаг вперед; у него было такое лицо, как будто душа его после бесчисленных рождений наконец встретила свою вторую половину. Женщина-лягушка посмотрела на девушку; ее большие губы зашевелились; я понял, что она говорит! Девушка сделала предупреждающий жест, потом подняла руку, положив каждый палец на один из пяти резных цветков рядом с собой. Раз, два, три — нажала на центры цветов; я заметил, что у нее удивительно длинная и стройная рука; пальцы, как на картинах древних художников, когда они рисовали Богородицу.

Трижды нажала она на цветы и снова внимательно посмотрела на Ларри. Алые губы изогнулись в медленной улыбке. Она снова протянула к нему обе руки; краска появилась на белой груди и на подобном цветку лице.

Как в кино, пульсирующий овал потемнел, золотоволосая девушка и женщина-лягушка исчезли.

Так впервые Лакла, служительница Молчащих, и Ларри О'Киф взглянули друг другу в сердце.

Ларри стоял, восхищенно глядя на камень.

— Эйлид, — услышал я его шепот. — Эйлид с губами, красными, как рябина, и с золотыми волосами!

— По-видимому, ranadae, — сказал Маракинов, — происходит от ископаемого лабиринтодонта; заметили, какие у нее зубы?

— Ranadae, да, — ответил я. — Но от стегоцефала; отряда ekaudata...

Никогда я не слышал такого негодования, как в голосе прервавшего нас О'Кифа.

— О чем это вы... ископаемые и стего... как там дальше? — завопил он. — Это девушка, прекрасная девушка, настоящая ирландка, не будь я О'Кифом!

— Мы говорим о женщине-лягушке, Ларри, — успокаивающе сказал я.

Он посмотрел на нас диким взглядом.

— Послушайте, — сказал он, — если бы вы двое были в райском саду, когда Ева взяла яблоко, вы бы принялись считать чешуйки на змее!

Он быстро подошел к стене. Мы пошли за ним. Ларри остановился, протянул руку к цветкам, на которых лежали пальцы золотоволосой девушки.

— Вот так она положила ладонь, — пробормотал он и осторожно нажал на резные чашечки — раз, два, три, точно, как она, — и стена начала разделяться, бесшумно и мягко; по обе стороны большие камни медленно поворачивались, перед нами появился вход в узкий коридор, наполненный тем же самым розовым блеском, который окружал теневые фигуры.

— Держите пистолет наготове, Олаф! — сказал Ларри. — Мы следуем за Золотоглазой, — обратился он ко мне.

— Следуем? — тупо переспросил я.

— Следуем! — повторил он. — Она пришла показать нам путь. И я последую за ней в любой ад!

Олаф с одной стороны, Ларри с другой, оба — с пистолетами в руках, а мы с Маракиновым между ними, перешагнули через порог.

Справа от нас, всего в нескольких футах, коридор неожиданно заканчивался квадратом полированного камня, от которого исходило то же слабое розовое сияние. Потолок в этом месте был всего в двух футах над головой О'Кифа.

В ярде слева от нас поднималась четырехфутовой высоты неровная баррикада, а за ней — чернота, абсолютная и ужасающая чернота, казалось, поднимающаяся из бездонных глубин. Розовый блеск, в котором мы стояли, был отрезан этой чернотой, как плотная материя; он устремлялся нам навстречу и останавливался, будто от удара; таким сильным было впечатление зловещей, напряженной силы, которое исходило от этой стены мрака, что я отшатнулся, и Маракинов вместе со мной. Но не О'Киф. Вместе с Олафом он подошел к стене и всмотрелся в нее. Потом поманил нас.

— Посветите-ка вашим фонариком вниз, — сказал он мне, указывая на густую тьму под нами.

Маленький круг электрического света задрожал, как в испуге, и осветил поверхность, больше всего напоминавшую чистый черный лед. Я посветил фонариком дальше. Поверхность пола была покрыта та-

ким ровным и таким гладким веществом, что человек не мог бы идти по ней; к тому же она уходила вниз под все более крутым углом.

— Понадобились бы цепи и тормоза на ногах, чтобы справиться с этим, — рассуждал Ларри. С отсутствующим видом он провел рукой по краю, на который опирался. Неожиданно руки его остановились, потом сжались.

— Странно! — воскликнул он.

Его правая ладонь лежала на круглом выступе, на боку которого видны были три круглых маленьких углубления.

— Странно... — повторил он — и нажал пальцами на кружки.

Послышался резкий щелчок; плиты, которые разошлись, чтобы пропустить нас, быстро сдвинулись; мы почувствовали быструю сильную дрожь; поднялся ветер и пронесся у нас над головами; этот ветер все усиливался, превратился в резкий свист, потом в рев, потом в могучее гудение, так что каждый атом в наших телах пульсировал в том же ритме на грани распада.

Розовая стена быстро уменьшалась, превратилась в светящуюся точку, исчезла.

Окутанные липкой, непроницаемой тьмой, мы неслись, падали, летели на огромной скорости — куда?

И под этот рев ветра мне пришло в голову, что именно так только что отлетевшая душа несется в абсолютной темноте космоса к трону Судии, на котором Господь возвышается над всеми грехами.

Я почувствовал, как ко мне подполз Маракинов; набрался решимости и зажег фонарик; увидел Ларри, — он стоял, вглядываясь вперед, — и Хальдриксона, сильной рукой удерживавшего Ларри за плечо. И тут скорость начала падать.

Казалось, в миллионах миль от этого неземного урагана послышался голос Ларри, высокий и призрачный:

— Я понял! Не волнуйтесь!

Ветер снова стих до рева, потом до крика и наконец превратился в шепот. В сравнительной тишине голос О'Кифа приобрел нормальное звучание.

— Ничего себе катапульта! — крикнул Ларри. — Если бы такая была на Кони-Айленде или в Кристалл-Палас! Нажимаешь на кнопки, и она идет на высшей скорости. Уменьшаешь давление — падает скорость. Вот этот изгиб — приборная доска — отсюда над головами дует ветер; похоже на ветровое стекло. А что за вами?

Я посветил фонариком назад. Механизм, в котором мы находились, кончался точно такой же стеной, как и впереди.

— Ну, по крайней мере отсюда мы не выпадем, — рассмеялся Ларри. — Хотел бы я знать, где здесь тормоза. Ну, держитесь!

Мы головокружительно падали по крутому, казалось, бесконечному склону; падали — падали в пропасть; и вдруг выскочили из

тьмы в сверкающую зелень. Должно быть, О'Киф нажал пальцами на углубления, потому что мы прыгнули вперед почти на скорости света. У меня сложилось впечатление огромного светящегося пространства, на краю которого мы пролетали; невообразимые глубины, гигантские тени, как крылья Азраила, которые так широки, говорят арабы, что весь мир может, как птенец, спрятаться в них. Потом — снова чернота!

— Что это было? — В голосе Ларри звучало благоговение, какого я у него не слышал.

— Тролдом, — прохрипел Олаф.

— Черт! — Это Маракинов. — Что за место!

— Приходило ли вам в голову, доктор Гудвин, одно любопытное соображение? — опять заговорил Маракинов после недолгой паузы. — Мы знаем, — по крайней мере, девять из десяти астрономов так считают, — что Луна вырвалась из того района, который мы называем Тихим океаном, когда Земля была еще мягкой; почти расплавленной, я бы сказал. И разве не любопытно, что тот, кто выходит из Лунного бассейна, нуждается для своего формирования в лунных лучах? И разве не имеет значения, что камень открывается под действием Луны? Да! И наконец, такое пространство в матери-Земле, какое мы только что видели, разве оно не следствие гигантских родов — родов Луны? Да? Я не утверждаю, что это доказанный факт — но! Но как предположение...

Я вздрогнул. Возможно, это объяснение: неизвестный элемент, под действием лунных лучей открывающий дверь; голубой бассейн с его странной радиоактивностью, и сила в нем, которая реагирует на тот же свет...

Возможно, колоссальная полость, появившаяся после рождения спутника, затянулась пленкой; эта полость не закрылась, когда блистающее дитя вылетело в пространство; возможно; и ведь мы знаем Землю на глубину в четыре мили из ее восьми тысяч.

Что там, в сердце Земли? Что за неизвестный элемент действует у лунного кратера Тихо? Что за неизвестный элемент, видимый только в солнечной короне во время затмений, — мы его называем коронием? Но ведь Земля — дитя Солнца, как Луна — дочь Земли. И что это за неизвестный элемент мы находим в свечении далеких туманностей — зеленом свечении, как то, через которое мы только что пролетели; этот элемент мы зовем небулием? Но ведь Солнце — дитя туманности, как Земля — дитя Солнца, а Луна — дитя Земли.

Что за чудеса в этих коронии и небулии, которые, как дитя туманности и Солнца, мы унаследовали? Да, и загадка кратера Тихо, разгадка которой — в сердце Земли?

А теперь мы стремимся к самому сердцу Земли! Что за чудеса скрываются здесь?

— Послушайте, док. — Голос Ларри. — Я все думаю об этой лягушке. Мне кажется, это ее домашнее животное. Не вижу никакой разницы между лягушкой и змеей, а у одной из самых милых женщин, каких я только знал, были два питона; они ползали за ней, как котята. Не очень большая разница, если, конечно, не считать размера лягушки. Что? Ну, если девушке нравится такое животное, пусть, мне все равно, даже если это будет прыгающий двенадцатиногий омар или скорпион размером с кита. Поняли?

Я понял, что наши слова о женщине-лягушке все еще беспокоят О'Кифа.

— Он думает о пустяках, глупый человек, — сказал Маракинов, и в его словах звучало презрение. — Что такое их женщины по сравнению с этим? — Он взмахнул рукой, и, как по сигналу, наш экипаж застыл на мгновение, затем нырнул, буквально устремился вниз, в пространство; помчался вперед по крутому подъему и начал быстро терять свою ужасающую скорость.

Далеко впереди показалась светлая точка; она росла; мы оказались на свету, машина мягко остановилась. Насколько велико было напряжение во время путешествия, я понял, только когда попытался встать и тут же снова сел: мышцы ног были так напряжены, что не выдерживали мой вес. Машина стояла в центре помещения с гладкими стенами, примерно в двадцать квадратных футов площадью. В стене прямо напротив нас находилась низкая дверь, в которую мы видели уходящие вниз ступени.

Свет проходил в небольшое отверстие, расположенное высоко над полом. К нему тоже вели широкие ступени. Я начал успокаиваться и понял, что в свете этом есть что-то необычное, странное, незнакомое. Свет был серебристым, с легким голубым оттенком и редкими вспышками розового; но розовый цвет не был таким, как на террасе в зале Лунного бассейна, — так розовый цвет опала отличается от розового цвета жемчуга. И в нем крошечные блестящие точки, как мошки в солнечном луче, но сверкающие белым, как алмазная пыль, и с какой-то живой дрожью; как будто они живые. Свет не давал теней.

Через отверстие долетал легкий ветерок. В нем чувствовался смешанный аромат пряностей и сосновой смолы. Странно бодрящий ветер, и в нем плясали и дрожали белые алмазные точки.

Я вышел из машины, — русский последовал за мной, — и начал подниматься по ступеням к отверстию; там уже стояли О'Киф и Олаф. Они смотрели наружу, и я видел, как изменилось выражение их лиц: у Олафа — благоговейный страх, у Ларри — неподдельное изумление. Я заторопился к ним.

Вначале я увидел только пространство — пространство, заполнен-

ное той же светящейся лучезарностью, что окружала нас. Я взглянул наверх, повинуясь инстинкту всякого жителя Земли искать источник света в небе. Неба не было, по крайней мере такого неба, к которому мы привыкли; вверху сверкающий туман уходил в бесконечность, в нем пульсировали волны, вспыхивали лучи, похожие на сверкающие тени северного сияния; отголоски, на октаву ниже, тех ярких арпеджио и аккордов света, что играют на полюсах. Я не мог оторвать глаз от этого великолепия.

В миле от нас вздымались из озера гигантские сверкающие утесы; в озере светящаяся вода была непрозрачной и туманной. Именно с этих утесов начиналось сияние, поднималось с их великолепных стен. Утесы уходили от нас направо и налево, насколько хватал глаз; вершины их исчезали вверху в светящемся тумане.

— Вы только посмотрите! — воскликнул Ларри.

Я посмотрел туда, куда он показывал. Между двумя гигантскими колоннами была натянута невероятная завеса, полупрозрачная, сверкающая всеми цветами спектра, словно радужная паутина, сотканная пальцами дочерей джинна. Перед ней и немного в стороне виднелась полукруглая дамба или, точнее, площадь из чего-то, напоминающего сверкающую светло-желтую слоновую кость. По обе стороны полукруга видны были несколько строений из розового камня, окруженных низкими стенами и увенчанных множеством высоких стройных башенок.

Мы переглянулись, я думаю, слегка беспомощно; потом снова стали смотреть в отверстие. Как я уже сказал, мы стояли у его основания. Отверстие было пробито в стене по крайней мере в десять футов толщиной, и, конечно, мы могли видеть только то, что находится далеко, за внешним краем овала.

— Давайте посмотрим, что под нами, — предложил Ларри.

Он вполз в отверстие и посмотрел вниз, мы все последовали за ним. В ста ярдах под нами расстилались сады. Таким был, наверно, многоколонный Ирам, который древний король Аддит построил для собственного удовольствия задолго до потопа и который Аллах — так гласит арабская легенда — спрятал от людей в глубине Сахары; из ревности, потому что эти сады были прекрасней его рая. В садах было множество цветов и кружевных, похожих на папоротники растений, беседки и павильоны.

Стволы деревьев были изумрудными, или других оттенков зеленого, и ажурно-голубыми, а цветы, чей аромат доносился до нас, сверкали, как драгоценные камни. Павильоны поддерживали изящные разноцветные столбы. Я заметил, что эти павильоны были двойными, точнее, двухэтажными, и усеянными кругами, квадратами, продолговатыми полосами непонятной непрозрачности; заметил, что над многими

эта непрозрачность расстилалась, как крыша, но она не казалась материальной, скорее — непроницаемой тенью!

По этому городу-саду пролегала широкая сверкающая зеленая магистраль, блестящая, как стекло; на равных интервалах через нее были переброшены изящные арочные мосты. Дорога вела к широкой площади, на которой с основания из того же серебристого камня, что и барьер вокруг Лунного бассейна, вздымалось титаническое сооружение из семи террас; по магистрали двигались предметы, удивительно напоминавшие раковины моллюска наутилуса. А в них — люди! И по сторонам магистрали, по широким тротуарам тоже двигались люди!

Далеко справа мы уловили блеск еще одной вымощенной изумрудом дороги.

А между дорогами до самой сверкающей воды и до светящихся утесов с их ореолом тайны тянулись сады.

Таким мы впервые увидели город Обитателя; благословенный и проклятый, как ни одно место на земле, под землей и над нею.

— Черт! — прошептал Маракинов. — Невероятно!

— Тролдом! — выдохнул Олаф Хальдриксон. — Это Тролдом!

— Послушайте, Олаф! — сказал Ларри. — Кончайте насчет Тролдома. Никакого дома троллей, никаких фей нет за пределами Ирландии. Понятно? А это не Ирландия. Веселей, профессор! — Это уже Маракинову. — Вы видите там людей, всего лишь обычных людей. А там, где люди, я смогу выжить. Понятно? Никакого иного пути вперед нет — только вперед. И другого пути назад тоже нет — только назад. А перед нами лестница. Яйца — это яйца, как бы их ни сварили, и люди — это только люди, где бы они ни жили, — заключил он. — Пошли!

И двинулся к выходу. Мы втроем пошли за ним.

ЙОЛАРА, ЖРИЦА СВЕРКАЮЩЕГО

— Держите наготове, док. — О'Киф остановился у начала лестницы и протянул мне один из пистолетов, отобранных у Маракинова.

— А мне не дадите? — беспокойно спросил тот.

— Когда он вам понадобится, получите, — ответил О'Киф. — Но скажу вам откровенно, профессор, что вам придется потрудиться, чтобы я доверил вам пистолет. Вы слишком хорошо стреляете — из укрытия.

В глазах русского сверкнул гнев, он сменился выражением холодной рассудочности.

— Вы всегда говорите, что думаете, лейтенант О'Киф, — протянул он. — Да, я это запомню! — Позже я вспомнил это странное замечание: Маракинов действительно запомнил.

Цепочкой — впереди О'Киф, сзади Олаф — мы прошли через пор-

тал. Перед нами вниз уходила крутая шахта, в которую из овала вверху лился свет; в шахту вела спиральная лестница; мы осторожно спускались по ней. Лестница кончилась в круглом помещении, пустом, без следа выхода. Камни стен соединялись друг с другом гладко, герметически. На одной из плит была вырезана лоза с пятью цветками. Я нажал пальцами на чашечки, как это сделал Ларри в зале Лунного бассейна.

В стене появилась горизонтальная щель в четыре фута шириной. Она расширилась, одна из плит стены опустилась до уровня пола, и мы увидели проход в скале длиной в сотню футов. Камень опускался равномерно, мы поняли, что это гигантский клин, поставленный поперек прохода. Достигнув уровня наших ног, клин остановился. А в дальней стене туннеля, только что сплошной, появилось узкое треугольное отверстие, через которое стремился свет.

— Никакого иного пути вперед — только вперед! — улыбнулся Ларри. — Бьюсь об заклад, Золотые Глаза ждут у стоянки такси! — Он пошел вперед. Мы двинулись за ним, скользя по стекловидной поверхности. Я живо представлял себе, что с нами будет, если выходы закроются, прежде чем мы выйдем. Мы дошли до конца, выбрались через узкое треугольное отверстие.

Мы стояли на широком выступе, покрытом толстым слоем желтого мха. Я оглянулся — и сжал руку О'Кифа. Дверь, через которую мы вошли, исчезла! За нами только почти отвесная скала, с поверхности которой свисают клочья янтарного мха; вершина скалы, как и вершины утесов, скрывалась в туманном свечении над нами.

— Никакого иного пути вперед — только вперед. А Золотые Глаза не явились на свидание! — рассмеялся О'Киф, но не очень весело.

Мы прошли несколько ярдов по выступу, свернули за угол и оказались у начала одного из стройных мостов. С этого наблюдательного пункта хорошо видны были странного вида экипажи; они действительно очень напоминали раковины наутилуса и были волшебно прекрасны. Водитель сидел на переднем завитке. Внутри были грудами навалены подушки, на них сидели женщины в ярких шелковых тканях. От павильонов отходили зеленые ниточки дорог, которые вливались в широкую магистраль, как подъездные автомобильные дороги на земле; по ним двигались волшебные раковины.

Из одной из них донесся крик. Пассажиры заметили нас. Другие экипажи останавливались, их пассажиры тоже смотрели в нашу сторону; одна раковина развернулась и понеслась по дороге; и скоро на другом конце моста появилось два десятка человек. Все карлики, ни одного выше пяти футов ростом, но с необычайно широкими плечами, явно очень сильные.

— Тролли! — прошептал Олаф, держась ближе к О'Кифу; пистолет задрожал в его руке.

На середине моста предводитель «троллей» остановился и знаком велел своим людям стоять, а сам пошел к нам один, вытянув вперед пустые руки в бессмертном универсальном знаке мира. Он остановился, разглядывая нас с явным удивлением; мы с таким же интересом смотрели на него. Лицо карлика было белым, как у Олафа, гораздо светлее, чем у нас троих; черты лица чистые и благородные, почти классические; широко расставленные глаза странного зеленовато-серого цвета; черные волосы курчавились на голове, как у древнегреческих статуй.

Несмотря на малый рост, никакого впечатления деформированности он не производил. Широченные плечи покрывало свободное зеленое одеяние, как будто из льна. На талии оно было перехвачено широким поясом, усаженным камнями, похожими на амазонит. За поясом торчал длинный изогнутый кинжал, напоминающий малайский крис. Ноги были завернуты в ту же зеленую ткань. На ногах сандалии.

Я снова посмотрел ему в лицо, и тут что-то смутно меня встревожило: выражение почти злобной веселости, которое таилось за внешне вполне располагающими чертами; какая-то смутная угроза; насмешливое озорство, в котором чувствовалось полное равнодушие к страданиям и горестям; что-то в этом было чуждым и тревожным.

Он заговорил и, к своему удивлению, я понял его. Он говорил на полинезийском языке, языке островов Самоа, в его наиболее древней форме, и даже более архаичной. Позже я узнал, что этот язык соотносится с самоанским не как язык Чосера с современным английским, а как язык Бэды Достопочтенного. Ничего удивительного в этом не было, мы узнали, что от этого языка произошли все современные полинезийские языки.

— Откуда вы пришли, незнакомцы, — спросил зеленый карлик, — и как нашли путь сюда?

Я рукой указал на утес за нами. Глаза его недоверчиво сузились; он взглянул на стену, по которой не поднялся бы и горный козел, и рассмеялся.

— Мы прошли сквозь скалу, — ответил я на его мысль. — И пришли с миром, — добавил я.

— Да будет с вами мир, — чуть насмешливо ответил он, — если пожелает Сверкающий!

И он снова принялся рассматривать нас.

— Покажите, незнакомцы, в каком месте вы прошли сквозь скалу, — приказал он.

Мы провели его к тому месту, откуда вышли на выступ.

— Здесь, — сказал я, похлопав по камню.

— Но я никакого отверстия не вижу, — вежливо заметил он.

— Оно закрылось за нами, — объяснил я; и впервые понял, как невероятно звучит наше объяснение.

В глазах карлика снова мелькнуло насмешливое выражение. Но он извлек кинжал и прощупал скалу.

— Ваша речь звучит странно, — сказал он. — Она такая же странная, как и ваши ответы. — Он вопросительно взглянул на меня. — Где вы ей научились? Ну, ладно, это все вы сможете объяснить Афьо Майе. — Он склонил голову и приветственно развел руки. — Прошу за мной! — резко закончил он.

— С миром? — спросил я.

— С миром, — ответил он и медленно добавил: — По крайней мере со мной.

— Послушайте, док! — воскликнул Ларри. — Раз уж мы тут, давайте со всем знакомиться. Allons, mon vieux! [1] — весело обратился он к зеленому карлику.

Тот понял его тон, если не слова, и одобрительно взглянул на О'Кифа; потом повернулся к рослому норвежцу и с восхищением осмотрел его; даже потрогал мощный бицепс.

— По крайней мере Лугур будет рад, — сказал он как бы про себя.

Он сделал шаг в сторону и вежливо махнул рукой, приглашая нас проходить. Мы пошли. У основания моста нас ждал один из волшебных экипажей.

А за ним — десятки других; их пассажиры, по-видимому, оживленно обсуждали наше появление. Зеленый карлик пригласил нас сесть на подушки, а сам сел перед нами. Машина двинулась ровно, смолкнувшая теперь толпа расступилась, и мы на огромной скорости и без малейшей вибрации понеслись по зеленой дороге к башне из семи террас.

Я пытался определить источник энергии двигателя, но не смог — тогда. Никаких признаков мотора, но ясно, что машину приводит в движение какая-то энергия: водитель сжимал небольшой рычаг, с помощью которого контролировал не только скорость, но и направление.

Мы резко свернули и по одной из подъездных дорог двинулись через сад; вскоре мы остановились у павильона с колоннами. Я увидел, что павильон гораздо больше, чем казался издали. Он занимал площадь не менее акра. Продолговатый, со стройными многоцветными колоннами, размещенными через равные промежутки; стены очень похожи на раздвижные японские ширмы — седзи.

Зеленый карлик повел нас по широким ступеням, с обеих сторон которых возвышались вырезанные из камня змеи, крылатые и чешуйчатые. Он дважды топнул по одному из камней между столбами, отодвинулась ширма, и открылся огромный зал, усеянный десятками низких диванов; на них сидели такие же карлики в таком же одеянии.

---

[1] Веди, старина! *(фр.)* — Прим. перев.

Они рассматривали нас; на их лицах интерес сочетался с тем же нечеловеческим выражением веселой злобы, которое так характерно для этого народа.

— Афьо Майа ждет их, Радор, — сказал один из них.

Зеленый карлик кивнул, поманил нас и провел через большой зал в меньшую комнату, дальняя стена которой была закрыта непрозрачностью, такой же, как те, что я разглядел с утеса. Я с живым интересом разглядывал эту... черноту.

В ней не чувствовалось материальности, текстуры; это была не материя, и в то же время она была очень прочна; полное прекращение, поглощение света; непроницаемая и нематериальная, но ощутимая завеса. Я невольно протянул к ней руку и почувствовал, как ее быстро отдернули.

— Ты так скоро ищешь конца? — прошептал Радор. — Но я забыл: ты не знаешь, — добавил он. — Ради твоей жизни не касайся этой черноты — никогда. Это...

Он резко остановился, потому что неожиданно в черноте появился проход, возник из тьмы, как картина на экране. Сквозь него видна была комната, заполненная мягким розовым светом. На забросанном подушками диване сидели женщина и мужчина и смотрели на нас, склонившись над длинным низким столом из полированного гагата, уставленным цветами и незнакомыми фруктами.

В комнате — в той ее части, что я мог видеть, — стояло несколько странной формы стульев из того же материала. На высоких серебряных треножниках возвышались три больших шара, они-то и испускали розовое сияние. Рядом с женщиной стоял шар меньшего размера, его розовый цвет временами сменялся голубыми волнами.

— Войдите, Радор и незнакомцы! — послышался ясный чистый голос.

Радор низко поклонился и отступил в сторону, давая нам возможность пройти. Мы вошли, зеленый карлик за нами; краем глаза я заметил, что дверь растаяла так же неожиданно, как и появилась; ее место заняла непроницаемая тень.

— Подойдите ближе, незнакомцы. Не бойтесь! — приказал голос, похожий на звон колокольчиков.

Мы приблизились.

Хоть я и трезвый ученый, при виде сидящей у меня перехватило дыхание. Никогда не видел я такой прекрасной женщины, как Йолара из города Обитателя, и никогда красота не была столь опасной и зловещей. Ее волосы, убранные в высокую прическу над широким белым лбом, были цвета молодых колосьев пшеницы; широко расставленные серые глаза иногда становились васильково-голубыми, а в минуты гнева — пурпурными; но и в серых, и в голубых, в них всегда

жили веселые маленькие дьяволята, а за ними — темный гнев, от которого становилось совсем не до смеха.

Шелковая паутинка ткани наполовину укутывала, наполовину обнажала белизну ее тела, не скрывая мягкого изгиба плеч и груди. Но, несмотря на всю свою поразительную красоту, она была — зловещей! В изгибе рта таилась жестокость, так же как и в музыке голоса — не сознательная жестокость, но ужасающая, беззаботная жестокость самой природы.

Девушка в розовой стене тоже была прекрасной, да! Но ее красота была человечна, понятна. Можно было представить себе ее с ребенком на руках — но эту женщину так представить было невозможно. В ее красоте было что-то нечеловеческое. Прекрасным женским эхом Обитателя была Йолара, жрица Обитателя. И какой великолепно, ужасающе зловещей была она!

ПРАВОСУДИЕ ЛОРЫ

Пока я смотрел на нее, мужчина встал из-за стола и подошел к нам. Впервые я увидел Лугура. На несколько дюймов выше зеленого карлика, он был гораздо шире и производил впечатление еще более огромной силы.

Гигантские плечи достигали четырех футов в ширину, тело сужалось к могучим мускулистым бедрам. Под красной одеждой ясно выделялись мышцы груди. Вокруг лба сверкал обод из ярко-синих камней, они скрывались в густых кудрях серебристо-пепельных волос.

На его лице ясно читались гордость и самолюбие — и сила. Вся насмешливость, вся злобность, оттенок равнодушной жестокости, которые я замечал в других карликах, в нем усиливались и становились сатанинскими.

Снова заговорила женщина.

— Кто вы, незнакомцы, и как вы пришли сюда? — Она повернулась к Радору. — Понимают ли они наш язык?

— Один из них понимает и говорит, но очень плохо, о, Йолара, — ответил зеленый карлик.

— Тогда говори, этот один, — приказала она.

Но первым заговорил Маракинов, и я удивился беглости его речи, гораздо большей, чем у меня.

— Мы пришли с разными целями: я ищу определенных знаний, он, — тут он указал на меня, — знаний другого рода. Этот человек, — он посмотрел на Олафа,—хочет найти свою жену и ребенка.

Серо-голубые глаза рассматривали О'Кифа пристально и с растущим интересом.

— А ты зачем пришел? — спросила она его. — Нет, я хочу, чтобы

он сам говорил — если может, — она решительно заставила Маракинова замолчать.

Ларри заговорил, с паузами, явно подыскивая слова на плохо знакомом языке.

— Я пришел помочь этим людям... и потому, что меня позвало нечто, чего я не понял, о леди с глазами, как лесной пруд на рассвете, — ответил он; и даже на чужом языке слышался ирландский акцент; в глазах, которые так описал Ларри, заплясали маленькие веселые огоньки.

— Я могла бы найти недостатки в форме твоей речи, но не в ее содержании, — сказала женщина. — Я не знаю, что такое лесной пруд, и рассвет не сияет людям Лоры многие сэсы лайя. Но я чувствую, что ты хочешь сказать.

Позже я узнал, что мюранский отсчет времени основан на значительном увеличении светимости утесов, когда на поверхности полнолуние; это увеличение, по моему мнению, связано либо с эффектом световых столбов, падающих на Лунный бассейн, истоки которого в утесах, либо с загадочными свойствами радиоактивного элемента, попадающего на Землю в потоках лунного света; последнее более вероятно, потому что даже когда Луна наверху скрыта за облаками, на увеличении светимости это не отражается. Период от одного увеличения светимости до другого называется лат, тринадцать латов составляют лайя. Десять у них са; десять в кубе — сэд, то есть тысяча; десять тысяч — сэс. Таким образом, сэс лайя — это буквально десять тысяч лет. То, что мы называем часом, у них называется ва. Вся временная система, конечно, видоизменение той, что была известна их отдаленным предкам, жившим на поверхности; она приспособлена к своеобразным условиям обширной пещеры.

Глаза жрицы поголубели. Она улыбнулась.

— Много ли таких, как ты, в той земле, откуда ты пришел? — спросила она. — Ну, скоро мы...

Ее почти грубо прервал Лугур:

— Но нам нужно знать, как они попали сюда, — прорычал он.

Она бросила на него быстрый взгляд, и снова маленькие огоньки заплясали в этих удивительных глазах.

— Да, это верно, — сказала она. — Как вы сюда пришли?

Снова ответил Маракинов, медленно, обдумывая каждое слово.

— В мире наверху, — сказал он, — есть развалины городов, построенных не теми, кто живет сейчас. Нас позвали эти руины, и мы искали в них мудрости их строителей. Мы нашли проход. Он привел нас вниз, к двери в утесе, через нее мы пришли сюда.

— Тогда вы нашли то, что искали, — заговорила она. — Потому что мы строили эти города. Но проход в скалах — где он?

— После того, как мы прошли, он закрылся; мы не смогли найти ни следа, — ответил Маракинов.

Недоверчивое выражение, которое мы видели на лице зеленого карлика, появилось и на лицах этих двоих; у Лугура оно смешивалось с выражением яростного гнева.

Он повернулся к Радору.

— Я не нашел отверстия, господин, — быстро сказал зеленый карлик.

И столько ярости было в глазах Лугура, когда он повернулся к нам, что рука О'Кифа украдкой легла на рукоять пистолета.

— Лучше говорить правду Йоларе, жрице Сверкающего, и Лугуру, его Голосу, — угрожающе воскликнул Лугур.

— Это правда, — возразил я. — Мы спустились по проходу. В конце его вырезана лоза с пятью цветками, — красный огонь ярости потух в глазах красного карлика; я готов был поклясться, что он побледнел. — Я положил руку на эти цветы, и открылась дверь. Но когда мы прошли и оглянулись, за нами была сплошная стена. Дверь исчезла.

Я подхватил намек Маракинова. Он не упомянул эпизод с машиной и Лунным бассейном, и я не сомневался, что для этого у него есть основания. И что-то во мне говорило, чтобы я не распространялся о своих поисках, не говорил о Трокмартине — предупредило безапелляционно, окончательно, как будто вмешался сам Трокмартин.

— Лоза с пятью цветками! — воскликнул красный карлик. — Такая?

Он протянул длинную руку. На большом пальце ее было массивное кольцо с тускло-голубым камнем. На камне был выгравирован тот же символ, который открыл нам дверь в Лунном бассейне. Но поверх лозы шли семь кругов, по одному вокруг каждого цветка и два больших — охватывающих все изображение.

— Да, такая, — подтвердил я, — но этого там нет... — я указал на круги.

Женщина перевела дыхание и посмотрела Лугуру в глаза.

— Знак Молчащих! — прошептал он.

На этот раз первой пришла в себя женщина.

— Чужеземцы устали, Лугур, — сказала она. — Отдохнув, они покажут нам, где открывается скала.

Я почувствовал, что их отношение к нам как-то изменилось; в нем появилась какая-то напряженность, сомнение, смешанное с опасениями. Чего они испугались? Почему символ лозы привел к такой перемене? И кто такие Молчащие?

Йолара посмотрела на Олафа, взгляд ее стал твердым и холодным. Подсознательно я отметил, что с самого начала норвежец внимательно разглядывал эту пару; он не отрывал от них взгляда; за-

метил также, что жрица время от времени бросала на него быстрые взгляды.

Он бесстрашно ответил на ее взгляд, в его глазах была тень презрения: так ребенок смотрит на змею, которой не боится, но понимает ее опасность.

Под этим взглядом Йолара нетерпеливо заерзала, почувствовав его значение.

— Почему ты так смотришь на меня? — воскликнула она.

На лице Олафа появилось выражение недоумения.

— Не понимаю, — сказал он по-английски.

Я заметил, как блеснули глаза О'Кифа. Он знал, как и я, что Олаф должен был понять. А Маракинов?

По-видимому, тот не обратил внимания. Но почему Олаф изобразил непонимание?

— Этот человек — моряк из страны, которую мы называем севером, — запинаясь, сказал Ларри. — Я думаю, он сошел с ума. Он рассказывает странную историю, будто какой-то холодный огонь унес его жену и дочь. Мы нашли его бродящим среди развалин. Но он силен, и мы взяли его с собой. Вот и все, о леди, чей голос слаще меда лесных пчел!

— Холодный огонь? — повторила она.

— Холодный огонь, который вьется под луной, при этом звучат колокольчики, — ответил Ларри, внимательно глядя на нее.

Она посмотрела на Лугура и рассмеялась.

— Тогда ему тоже повезло, — сказала она. — Потому что он пришел в место своего холодного огня. И скажи ему, что он присоединится к своей жене и ребенку — со временем. Я ему это обещаю.

На лице норвежца не было и следа понимания, и в этот момент у меня совершенно изменилось мнение об уме Олафа: несомненно, потребовалось страшное усилие воли, чтобы он, понимая, смог сдержаться.

— Что она говорит? — спросил он.

Ларри повторил.

— Хорошо! — сказал Олаф. — Хорошо!

И он с хорошо разыгранной благодарностью посмотрел на Йолару. Лугур, который рассматривал его мощный корпус, придвинулся ближе и потрогал мышцы гиганта, которые норвежец специально напряг.

— Но перед встречей со своей семьей он увидится с Валдором и Тахолой, — насмешливо сказал Лугур. — И если победит их, наградой будут его жена и ребенок.

По телу моряка пробежала быстро подавленная дрожь. Женщина склонила свою прекрасную голову.

— Эти двое, — сказала она, указывая на русского и на меня, — кажется, ученые люди. Они могут быть полезны. Что касается этого

человека, — она улыбнулась Ларри, — я хотела бы, чтобы он мне кое-что объяснил. — Она подумала немного. — Что такое «мед лесных пчел»? — Ларри произнес эти слова по-английски, и она попыталась их повторить. — Что касается моряка, поступай с ним, как хочешь, Лугур. Но только помни: я дала слово, что он присоединится к своим жене и ребенку! — Она ласково и зловеще рассмеялась. — А теперь — уведи их, Радор, дай им еды и питья, пусть отдохнут, а потом мы призовем их снова.

Она протянула О'Кифу руку. Ирландец поклонился, медленно поднес ее к губам. Лугур злобно зашипел, но Йолара смотрела на Ларри нежно-голубыми глазами.

— Ты мне нравишься, — прошептала она.

И лицо Лугура стало еще мрачнее.

Мы повернулись, чтобы уйти. Розовый, с ажурными прожилками шар справа от женщины неожиданно потускнел. Послышался слабый звон, как от далекого колокола. Женщина склонилась к нему. Шар задрожал, по его поверхности побежали маленькие тусклые волны; послышался шепот, такой тихий, что я не мог разобрать ни слова.

Она заговорила с красным карликом.

— Привели троих, которые хулили Сверкающего, — негромко сказала она. — Я хочу показать этим чужеземцам правосудие Лоры. Что скажешь, Лугур?

Красный карлик кивнул, глаза его загорелись злобным ожиданием.

Женщина сказала в шар:

— Приведите их сюда!

По шару снова пробежали тусклые волны, потом он опять потемнел и снова стал розовым. Снаружи послышался топот множества ног по ковру. Йолара нажала стройной рукой основание шара рядом с собой. Внезапно свет померк, одновременно все четыре стены черноты исчезли, открыв с двух сторон вид на колоннаду, а за ней прекрасный незнакомый сад; за нашими спинами мягкие занавеси скрывали, что находится за ними; перед нами, между разноцветными экранами, открылся коридор, по которому мы пришли; он был заполнен зелеными карликами.

Карлики приближались. Я заметил, что у всех такие же черные волосы, как у Радора. Они разделились, и между ними появились три фигуры: юноша лет двадцати, малого роста, но с широченными плечами, что характерно для всех мужчин этой расы; семнадцатилетняя девушка с бледным лицом, на голову выше юноши, с черными распущенными волосами; а за ними согбенная фигура с головой, повисшей между широкими плечами, с белой бородой, как у гнома, спускавшейся до самой талии; в глазах старика пылал белый огонь ненависти. Девушка, плача, бросилась к ногам жрицы; юноша разглядывал ее с любопытством.

— Ты Сонгар с Нижних Вод? — почти ласково спросила Йолара. — А это твоя дочь и ее возлюбленный?

Гном кивнул, пламя в его глазах разгоралось все ярче.

— Мне стало известно, что вы трое хулили Сверкающего, его жрицу и его Голос, — спокойно продолжала Йолара. — Ты также призывал Молчащих. Это правда?

— Твои шпионы сказали — и разве ты уже не осудила нас? — В голосе старого гнома звучала горечь.

Пламя мелькнуло в глазах Йолары, снова ставших серыми. Девушка дрожащей рукой коснулась края одеяния жрицы.

— Скажи нам, почему ты это сделал, Сонгар. Ведь ты знал, какая тебя ждет... награда.

Гном застыл; поднял худую руку, глаза его сверкнули.

— Потому что злы твои мысли и злы твои поступки, — воскликнул он. — Твои и этого твоего любовника, — он указал на Лугура. — И Сверкающий приносит зло, и еще большее зло вы замышляете — ты, и он, и Сверкающий. Но скажу вам, что чаша несправедливости переполнилась; сказание о ваших преступлениях никогда не кончится! Да, Молчащие терпеливы, но скоро они заговорят. — Он указал на нас. — Вот знак этого — предупреждение, шлюха! — Он выплюнул это слово.

Глаза Йолары потемнели, дьявол в них больше ничем не сдерживался.

— А если и так, Сонгар? — голос ее звучал ласково. — Проси Молчащих помочь тебе. Они далеко, но, конечно, они услышат. — В сладком голосе звучала насмешка. — Что касается этих двоих, то они будут молить Сверкающего о прощении, и, конечно, Сверкающий прижмет их к груди! А что касается тебя — ты достаточно прожил, Сонгар! Молись Молчащим, Сонгар, и уходи в ничто — ты!

Она достала с груди небольшой предмет, похожий на конус из почерневшего серебра. Направила на гнома, нажала у основания, и из конуса вырвался тонкий ярко-зеленый луч.

Он ударил Сонгара в сердце и начал растекаться по нему, покрывая блестящей светлой пленкой. Йолара снова нажала, луч исчез. Она спрятала конус и выжидающе наклонилась вперед; так же поступили Лугур и все карлики. Девушка испустила полный горя крик; юноша упал на колени, закрыв лицо руками.

Мгновение белобородый стоял неподвижно; потом одежда его будто растаяла, обнажив мускулистое узловатое тело. В этом теле началась дрожь, быстро усиливавшаяся, как на поверхности пруда, затронутой внезапным порывом ветра. Дрожь все ускорялась, ритм ее скоро стал невыносим для глаз.

Тело стало туманным, трудноразличимым. Бесконечное количество крошечных искорок пронзило его. Похоже на поток светящихся час-

тиц под микроскопом. Фигура становилась все туманней, на мгновение перед нами задрожала тень человека, в которой тут и там пульсировали сверкающие атомы. Светящаяся тень исчезла, горящие атомы погасли.

Там, где несколько секунд назад стояла гномоподобная фигура, ничего не было!

О'Киф громко перевел дыхание, я почувствовал мурашки у основания черепа.

Йолара склонилась к нам.

— Вы видели, — сказала она. Ее хищный взгляд на мгновение задержался на бледном лице Олафа. — Берегитесь! — прошептала она. Потом повернулась к людям в зеленом, которые негромко переговаривались.

— Уведите этих двоих! — приказала она.

— Правосудие Лоры, — сказал красный карлик. — Правосудие Лоры и Сверкающего именем Танароа!

Я увидел, как при последнем слове Маракинов сильно вздрогнул. Рука его сделала почти неуловимое движение, жест, который я с трудом заметил. Красный карлик посмотрел на русского, на лице его было изумление.

Быстро, как и Маракинов, он повторил жест.

— Йолара, — сказал красный карлик, — мне хочется на время взять этого ученого человека к себе. Гиганта я тоже взял бы.

Женщина очнулась от своих мыслей; кивнула.

— Как хочешь, Лугур, — сказала она.

Потрясенные до глубины души, мы вышли в сад, полный дрожащего света; я подумал: может, эти дрожащие точки, которые повсюду вокруг нас, тоже когда-то были живыми людьми, как Сонгар с Нижних Вод. Мне стало дурно от этой мысли!

ГНЕВНЫЙ ШЕПЧУЩИЙ ШАР

Наш путь пролегал по извилистой тропе между массами цветов, перистых папоротников, ветви которых были усыпаны ароматными белыми и синими соцветиями вьющихся растений, свисавших со странно изогнутых стволов; на ветвях этих деревьев росли орхидеи, изящно хрупкие и изысканно яркие.

Тропа представляла собой великолепную мозаику: пастельно-зеленые и розовые цвета на основном мягко-сером фоне, гирлянды окруженных ореолом форм, подобных пламенеющей розе розенкрейцеров, которые держали в пасти летающие змеи. Перед нами открылся павильон меньшего размера, одноэтажный, широко распахнутый спереди.

На пороге Радор остановился, низко поклонился и пригласил нас войти. Мы оказались в большой комнате, с двух сторон закрытой серыми экранами, с третьей, задней, стороны — веселенький занавес. Низкий стол из голубого камня, накрытый белой скатертью, стоял у одной стены рядом с мягким диваном. Слева от нас находился высокий треножник, и на нем розовый шар, такой же, какой мы видели у Йолары; во главе стола негромко шептал другой шар, поменьше. Радор нажал у его основания, и еще один серый экран закрыл вход.

Радор хлопнул в ладоши; занавес разошелся, из-за него вышли две девушки. Высокие и гибкие, как ивы, черные волосы кольцами ниже плеч, ясные незабудково-голубые глаза и кожа исключительной красоты и нежности — они были очень привлекательны. На каждой — легкое шелковое голубое платье с поясом, обнажавшее очень красивые колени.

— Еда и питье, — приказал Радор.

Они снова исчезли за занавесом.

— Понравились? — спросил он нас.

— Хороши цыплята! — сказал Ларри. — Они радуют мое сердце, — перевел он для Радора.

От следующей реплики зеленого карлика я чуть не поперхнулся.

— Они ваши, — сказал он.

Прежде чем я смог расспросить относительно этого чрезвычайного утверждения, девушки появились снова, они несли большие подносы с маленькими хлебцами, незнакомыми фруктами и тремя внушительными бокалами из желтого горного хрусталя — два наполнены слегка сверкающей желтоватой жидкостью, в третьем напиток пурпурного цвета. Я сразу вспомнил, что уже много часов ничего не ел и не пил. Желтые бокалы поставили передо мной и Ларри, пурпурный — под рукой у Радора.

Девушки как по команде исчезли. Я поднес бокал к губам и отпил. Вкус незнакомый, но приятный.

Почти сразу моя усталость исчезла. Я почувствовал ясность мысли, своеобразное легкое опьянение, чувство безответственности, свободы от всяких забот — очень приятное ощущение. Ларри сразу стал прежним беззаботным парнем.

Зеленый карлик странно поглядывал на нас, прихлебывая из своего хрустального бокала.

— Я бы хотел лучше узнать ваш мир, из которого вы прибыли, — сказал он наконец, — сквозь скалы, — добавил он лукаво.

— А я хотел бы узнать ваш мир, о Радор, — ответил я.

Можно ли спросить у него об Обитателе, поискать следы Трокмартина? И снова, как будто неслышимый приказ, пришло предупреждение подождать. И я опять повиновался ему.

— Узнаем друг у друга, — карлик смеялся. — Прежде всего все ли у вас такие... длинные, — он сделал выразительный жест, — и много ли вас?

— Нас, — я колебался, потом вспомнил полинезийское выражение, означающее десять на десять, умноженное бесконечно, — нас столько, сколько капель в воде озера, которое мы видели с выступа; там мы с тобой встретились, — и продолжил: — столько, сколько листьев на деревьях. И все как мы... с отклонениями.

Я видел, что он скептически воспринял мое сравнение.

— В Мюрии, — сказал он наконец, — все мужчины подобны мне и Лугуру. Наших женщин вы тоже видели — они все, как Йолара и эти две девушки. Есть еще третья — но она только одна.

Ларри энергично склонился к нему.

— Каштановые волосы с проблеском бронзы, золотоглазая, прекрасная, как сон, с длинными стройными прекрасными руками? — воскликнул он.

— Где ты ее видел? — воскликнул карлик, вскакивая.

— Видел? — Ларри спохватился. — Радор, я только мечтал о такой женщине.

— Смотри, чтобы о твоей мечте не узнала Йолара, — мрачно заметил карлик. — Мне кажется, ты описал Лаклу, служительницу Молчащих, и ни Йолара, ни Лугур... ни Сверкающий ее не очень любят, чужеземец.

— Она живет здесь? — Лицо Ларри просветлело.

Карлик колебался, он беспокойно огляделся.

— Нет, — сказал он, — больше не спрашивай о ней. — Некоторое время он молчал. — И что же вы, которых как листьев или капель, делаете в своем мире? — спросил он, явно стремясь сменить тему.

— Воздержитесь от разговоров о золотоглазой девушке, Ларри, — вмешался я. — Сначала выясним, почему она табу.

— Любим и сражаемся, добиваемся своего и умираем. Или не добиваемся и умираем, — сказал Ларри Радору, быстро кивнув мне в знак того, что понял мое предупреждение на английском.

— Ну, по крайней мере в этом ваш мир и мой не слишком различаются, — сказал карлик.

— Как велик ваш мир, Радор? — заговорил я.

Он серьезно обдумывал ответ.

— Как он велик, я не знаю, — наконец ответил он откровенно. — Земля, в которой живем мы со Сверкающим, тянется вдоль белых вод на... — он произнес фразу, которую я не смог понять. — Вокруг города Сверкающего и по берегам белых вод живут майа ладала — простолюдины. — Он сделал большой глоток из бокала. — Вообще здесь живут, во-первых, светловолосые, потомки древних правителей, — продолжал он, — во-вторых, мы, солдаты, и наконец майа ладала, кото-

рые возделывают землю, ткут, отдают нашим правителям и нам своих дочерей и танцуют со Сверкающим! — закончил он.

— Кто правит? — спросил я.

— Светловолосые, во главе с Советом Девяти, а во главе Совета Йолара, жрица, и Лугур, Голос, — ответил он, — и все они, в свою очередь, подчиняются Сверкающему! — В последних словах звучала горькая ирония.

— А эти трое, которых судили? — спросил Ларри.

— Они майа ладала, — ответил он, — так же, как девушки, которых я отдал вам. Но они волнуются. Им не хочется танцевать со Сверкающим — богохульники! — Он возвысил голос во внезапном приступе насмешливого хохота.

С его слов я представил себе картину: древняя, привыкшая к роскоши, переплетенная родственными связями олигархия, группирующаяся вокруг загадочного божества; класс воинов, поддерживающих олигархию; и трудящиеся, угнетенные толпы.

— И это все? — спросил Ларри.

— Нет, — ответил Радор, — есть еще Алое море, где...

Без всякого предупреждения послышался резкий звук от шара, Радор с побледневшим лицом повернулся к нему. Поверхность шара покрылась волнами, гневными, безапелляционными.

— Слышу! — прохрипел Радор, схватившись за стол. — Повинуюсь!

Когда он повернулся к нам, на лице его не было обычного еле заметного злобного выражения.

— Больше не расспрашивайте меня, чужеземцы, — сказал он. — А теперь, если вы поели, я покажу вам, где вы будете спать и мыться.

Он резко встал. Мы последовали за ним за занавес, по коридору прошли в другое, меньшее помещение без крыши, со стенами из серой тьмы. Здесь стояли два дивана с подушками; занавешенная прорезь в стене вела на открытое место, где в широком бассейне бил фонтан.

— Ваша ванна, — сказал Радор.

Он опустил занавес и вернулся в комнату. Коснулся резного цветка с одной стороны. Над головой послышался легкий вздох, и немедленно комнату накрыл черный покров, непроницаемый для света, но не для воздуха, потому что по-прежнему ощущался аромат садовых цветов. Комната заполнилась холодными сумерками, освежающими, вызывающими сон. Зеленый карлик указал на диваны.

— Спите, — сказал он. — Спите и ничего не бойтесь. Мои люди со всех сторон на страже. — Он подошел к нам ближе, в глазах его вспыхнуло насмешливое веселье.

— Похоже, я поторопился, — прошептал он. — Или Афьо Майа боится своего языка, или... — он усмехнулся Ларри. — Девушки не ваши! — И, все еще смеясь, исчез за занавесом, отделявшим комнату

от фонтана, прежде чем я смог спросить о значении его подарка, потом отобранного, и о последней весьма загадочной ремарке.

— Когда-то в старину в Ирландии, — нарушил мои мысли Ларри, в голосе его усилился ирландский акцент, — жил Кэйрил Мак-Кэйрил, Кэйрил Быстрое Копье. Кэйрил причинил вред Кивану из Эмхайн Аблаха, из рода Энгуса, когда спал в бледном тростнике. И Киван наложил на Кэйрила заклятие: целый год Кэйрил должен был жить в теле Кивана в Эмхайн Аблахе, в Земле Фей, а Киван этот год проживет в теле Кэйрила. Так и было сделано.

И в этот год Кэйрил встретил Эмар, из Рода Птиц, которые одна белая, одна красная и одна черная, и они полюбили друг друга, и от этой любви родился Айлил, их сын. И когда Айлил родился, он взял тростниковую флейту и сначала наиграл сон на Кэйрила, потом наиграл старость, так что Кэйрил стал седым и высохшим, но Айлил продолжал играть, и Кэйрил превратился в тень, а потом в тень тени, потом в дыхание; и дыхание исчезло с ветром. — Он вздрогнул. — Как старый гном, — прошептал он, — которого звали Сонгар с Нижних Вод!

Он помотал головой, будто стряхивая сон. Потом сказал:

— Но это было в Ирландии, давным-давно. И здесь ничего подобного нет, док! — Он рассмеялся. — Меня все это нисколько не испугало, старина. Хорошенькая леди-дьяволица чуть-чуть ошиблась. Когда перед тобой парень, полный сил, радости, жизни, возможностей, он рассказывает тебе, как заставить мир крутиться, когда кончится бойня, док, а в следующее мгновение, прямо среди смеха, кусок проклятого снаряда снимает ему полголовы, а с ней и всю радость, и всю жизнь, и все остальное, — лицо его дернулось, — ну, старина, перед лицом этой загадки такое действие, как исчезновение старика, что продемонстрировала нам дьяволица, не производит особого впечатления. Не на меня. Но клянусь башмаками Брайана Бору, если бы у нас на войне была такая штука, о, парень!

Он смолк, очевидно, с большим удовольствием обдумывая эту идею. Что касается меня, то мои последние сомнения относительно Ларри О'Кифа в этот момент рассеялись, я понял, что он верит, на самом деле верит в своего банши, в своего гнома и во все старые кельтские сказки — но только в пределах Ирландии.

В каком-то одном уголке его мозга собрались все суеверия, весь мистицизм и все те слабости, которые с ними могли быть связаны. Но когда перед ним опасность, сложная проблема, этот уголок мгновенно закрывается, и остается абсолютно бесстрашный, неверующий и изобретательный человек; вся паутина сметается метлой скепсиса из мозга.

— Какая штука! — В голосе его звучало глубокое восхищение. — Если бы только она была у нас на войне; представьте себе только:

десяток наших подбираются к вражеской батарее, и их артиллеристы рассыпаются на кусочки! Фью! — Он говорил восхищенным тоном.

— Это нетрудно объяснить, Ларри, — сказал я. — Эффект в том... конечно, я не знаю, как получают этот зеленый луч. Но делает он вот что: стимулирует вибрацию атомов до такого уровня, что притяжение частиц материи разрывается, и тело распадается на части; точно так распадется маховое колесо, если скорость слишком велика и не может удержать части колеса вместе.

— Трясет так, что распадается на куски! — воскликнул он.

— Совершенно верно, — кивнул я. — В природе все вибрирует. Вся материя — человек, животное, камень, металл, овощ — все состоит из вибрирующих молекул, которые состоят из вибрирующих атомов, которые, в свою очередь, состоят из бесконечно маленьких частиц электричества, называемых электронами, а электроны, это основание материи, сами всего лишь вибрации загадочного эфира.

Если бы на нас направили увеличительное стекло достаточного размера и силы, мы увидели бы себя в виде решета — это называется пространственная решетка. Для того, чтобы уничтожить эту решетку, превратить ее в ничто, нужно всего лишь средство, которое увеличило бы вибрацию атомов до такого размера, что они разорвут свои путы и разлетятся.

Зеленый луч Йолары — как раз такое средство. Он вызвал в теле гнома колебания невероятно быстрого ритма, разложил его не только на атомы — на электроны!

— На Западном фронте была пушка — семьдесят пятая, — сказал О'Киф, — от выстрела которой у всех лопались барабанные перепонки. От этого невозможно было защититься. Пушка была такая же, как остальные семьдесят пятые, но что-то в звуке ее выстрела вызывало это. Пришлось ее расплавить.

— Практически это то же самое, — ответил я. — Какое-то случайное отклонение в звуковых колебаниях. Свист тонущей «Лузитании», например, может до основания потрясти здание Сингера; а «Олимпик» совсем не подействует на Сингера, зато задрожит Вулворт. В каждом случае стимулируются вибрации атомов определенного здания...

Я смолк, ощущая необычную сонливость. О'Киф, зевая, принялся раздеваться.

— Боже, как я хочу спать! — воскликнул он. — Не могу понять... то, что вы... сказали... очень интересно... Боже! — он снова зевнул, распрямился. — Почему красный так обрадовался русскому? — спросил он.

— Танароа, — ответил я, стараясь не закрывать глаза.

— Что?

— Когда Лугур произнес это имя, я видел, как Маракинов сделал ему знак. Танароа, как я полагаю, есть первоначальная форма имени

Тангароа, величайшего бога Полинезии. На всех островах есть его тайный культ. Маракинов может принадлежать к нему, во всяком случае он о нем знает. Лугур узнал знак и, несмотря на свое удивление, ответил.

— Значит, он сделал ему условный знак? — размышлял Ларри. — Но как они оба могли его знать?

— Культ очень древний. Несомненно, он возник до того, как эти люди переселились сюда. Это связь, одна из нитей связи между тем, что вверху, и утраченным прошлым.

— Значит, нас ждут неприятности, — пробормотал Ларри. — Что-то затевается. Я чувствую это. Послушайте, док, эта сонливость естественна? Интересно... где мой... противогаз... — добавил он почти бессвязно.

Но я и сам отчаянно боролся с навалившимся на меня сном.

— Лакла, — услышал я шепот О'Кифа, — Лакла золотоглазая — не фея Эйлид! — Он сделал колоссальное усилие, привстал, слегка улыбнулся. — Когда я ее впервые увидел, то подумал, что тут рай, док, — вздохнул он. — Но теперь я знаю, что если это рай, то ничейная земля — лучшее место для медового месяца. Они... они поймали нас, док... — Он снова лег. — Желаю удачи, старина, что бы нас ни ждало. — Он слабо взмахнул рукой. — Рад был... с вами... познакомиться. Надеюсь... еще... увидеться...

Голос его смолк. Всеми силами борясь со сном, я чувствовал, что терплю поражение. Но перед тем, как погрузиться в забвение, я увидел, как на стене рядом с ирландцем среди серой тьмы засветился розовый овал; веки мои неумолимо смыкались, но мне показалось, что я вижу в этом овале тень с огненными краями. Она сгущалась, конденсировалась, и вот на Ларри смотрит девушка из помещения Лунного бассейна, ее глаза — большие золотые звезды, в которых смешивается напряженное любопытство и стыдливая нежность, она слегка улыбается, эта девушка, которую зеленый карлик назвал Лакла; видение, которое вспомнил Ларри перед сном, пришло к нему...

Она подходит все ближе и ближе, она смотрит на нас...

И тут наступило забытье!

ЙОЛАРА ИЗ МЮРИИ ПРОТИВ О'КИФА

Я проснулся со знакомым домашним ощущением, будто в затемненной комнате только что подняли шторы. Я чувствовал, что на удивление хорошо отдохнул, и силы мои полностью восстановились. Непроницаемая тень сверху исчезла, и в комнату лился серебряный свет. От бассейна с фонтаном доносились мощные всплески и громкий смех. Я спрыгнул с дивана и отвел занавес. В воде плавали наперегонки О'Киф и Радор. Карлик, как выдра, перегонял ирландца.

Неужели всепоглощающий сон — признаюсь, что моя отчаянная борьба со сном объяснялась преимущественно страхом перед тем, что это, по описанию Трокмартина, тот самый сон, который предвещал появление Обитателя, когда были унесены Тора и Стентон, — неужели этот сон — всего лишь естественная реакция уставших нервов и мышц?

А это последнее видение золотоглазой девушки, склонившейся над Ларри? Иллюзия перенапряженного мозга? Возможно. Точно сказать не могу. Во всяком случае, решил я, поговорю об этом с О'Кифом, как только мы останемся наедине; тут же жизнерадостность победила сомнения, я закричал, как мальчишка, разделся и присоединился к остальным в бассейне. Вода была теплая, ощущение жизни во всех сосудах усиливалось как будто из воды сквозь кожу проникала в тело сама жизнь, пропитывала все ткани. Наконец, устав, мы подплыли к краю бассейна и выбрались наружу. Зеленый карлик быстро оделся, Ларри аккуратно надевал свой мундир.

— Афьо Майа призывает нас, док, — сказал он. — У нас будет... гм... думаю, это можно назвать завтраком. Радор сказал, что после этого у нас будет встреча с Советом Девяти. Вероятно, Йолара любопытна, как всякая женщина в... в верхнем мире, можно так назвать... и, естественно, не хочет ждать, — добавил он.

Он в последний раз встряхнулся, похлопал по пистолету под мышкой, весело свистнул.

— После вас, мой дорогой Альфонс, — с низким поклоном сказал он Радору. Карлик рассмеялся, нелепо повторил насмешливый поклон Ларри и перед нами пошел к дому жрицы. Когда он немного отошел, я прошептал О'Кифу:

— Ларри, когда вы засыпали, ничего не видели?

— Ничего не видел? — он улыбнулся. — Док, сон настиг меня, как немецкий снаряд. Мне казалось, что нас усыпляют газом. У меня появилось желание нежно попрощаться с вами, — насмешливо продолжал он. — Кажется, я что-то даже начал в этом роде?

Я кивнул.

— Но минутку... — он колебался. — У меня был странный сон...

— Что за сон? — оживленно спросил я.

— Ну, — медленно ответил он, — вероятно, это потому, что я думал о... Золотых Глазах. Мне показалось, что она прошла сквозь стену и склонилась надо мной — да, и положила свою длинную белую руку мне на голову... а я и век поднять не мог... но каким-то странным образом видел ее. Но потом начались настоящие сны. А почему вы спрашиваете?

Радор повернулся к нам.

— Позже, — ответил я. — Не сейчас. Мы не одни.

Но я почувствовал себя уверенней. В каком бы лабиринте мы ни оказались, какая бы опасность ни ждала нас здесь, очевидно, Золо-

тая Девушка следит за нами; следит с помощью той неведомой силы, которая ей подвластна.

Мы прошли через вход с колоннами; прошли длинным коридором и остановились перед дверью, которая, казалось, была высечена из одного куска светлого гагата — высокая, узкая, она выделялась на фоне опаловой стены.

Радор дважды топнул, и те же сверхъестественно сладкие серебряные колокольчики, что и — мне придется употребить слово «вчера», хотя в этом мире вечного света оно не имеет смысла — пригласили нас войти. Дверь скользнула в сторону. Комната была маленькой, с трех сторон окруженной опаловыми стенами, наверху — черная непрозрачность; четвертая сторона была открыта в прекрасный маленький сад, окруженный стенами, — масса ароматных сверкающих цветов и разноцветных фруктов. Перед нами стоял небольшой стол розового дерева, и с непременных диванов поднялась навстречу нам Йолара.

Ларри испустил невольный вздох восхищения и низко поклонился. Мое собственное восхищение было тоже откровенным — и жрица явно осталась довольна.

На ней была дымчатая полупрозрачная ткань светло-голубого цвета. Пшенично-шелковые волосы были забраны в золотую сеточку, в которой сверкали крошечные драгоценные камни — что-то похожее на смесь сапфира и алмаза. Ее лазурные глаза светились так же ярко, и я заметил в них полускрытое одобрительное выражение, когда они задерживались на стройной фигуре О'Кифа, на его проницательном, с приятными чертами лице. Высокие стройные ноги в обуви типа сандалий, но со шнуровкой до колена.

— Здорово! — сказал Ларри, глядя на меня и положив руку на сердце. — Поставь ее на крышу нью-йоркского дома, и она опустошит Бродвей. Поддержите меня, док.

Он повернулся к Йоларе, на лице которой было некоторое удивление.

— Я сказал, о леди, чьи сверкающие волосы — ловушка для сердец, что в нашем мире твоя красота ослепила бы взоры мужчин, как солнце! — цветисто сказал он.

Краска появилась на прозрачной коже. Голубые глаза смягчились, Йолара указала рукой на подушки. Вошли черноволосые девушки, поставили перед нами фрукты, маленькие хлебцы и дымящийся напиток, похожий по запаху и цвету на шоколад. Я почувствовал сильный голод.

— Как вас зовут, чужеземцы? — спросила она.

— Этого человека зовут Гудвин, — ответил О'Киф, — а меня... называй меня Ларри... Люблю быстрые знакомства, — сказал он мне, не отрывая глаз от Йолары, как будто произносил еще одну медоточивую фразу.

Она так и поняла, потому что сказала:

— Ты должен научить меня своему языку.

— Тогда у меня будет два слова вместо каждого одного, чтобы рассказать о твоей привлекательности, — ответил он. — И, кроме того, для этого требуется время, — заметил он мне. — Прекрасное занятие, после которого наше пребывание тут станет римскими каникулами. Поддерживайте меня!

— Ларри, — пропела Йолара. — Мне нравится это звучание. Оно сладкое... — и действительно, так оно у нее и звучало.

— А как называется твоя земля, Ларри? — продолжала она. — И земля Гудвина? — Мое имя она произнесла совершенно правильно.

— У меня две родины, о прекрасная леди, — Ирландия и Америка, у него только одна — Америка.

Она несколько раз медленно повторила эти названия. Мы воспользовались возможностью наброситься на пищу; виновато остановились, когда она снова заговорила.

— О, вы голодны! — воскликнула она. — Ешьте.

Она оперлась подбородком на руки и разглядывала нас, и в глазах ее виднелось множество вопросов.

— Как это так, Ларри, что у тебя две родины, а у Гудвина только одна? — спросила она наконец, не в силах больше молчать.

— Я родился в Ирландии, он в Америке; но я жил долго на его земле, и в сердце у меня обе, — сказал он.

Она понимающе кивнула.

— Все мужчины в Ирландии похожи на тебя, Ларри? Или там есть такие, как Лугур и Радор? Мне нравится твоя внешность, — с наивной откровенностью продолжала она. — Я устала от таких мужчин, как Лугур и Радор. Но они сильны, — быстро добавила она. — Лугур может удержать десять человек в обеих руках и одной поднять шестерых.

Мы не могли понять ее счет, и она проиллюстрировала, подняв белые пальцы.

— Ну, это немного, о леди, для мужчин Ирландии, — ответил О'Киф. — Я видел, как один человек держал десять раз по десять наших... как вы называете штуки, в которых Радор привез нас сюда?

— Кориа, — сказала она.

— Держал десять раз по двадцать наших кориалов...

— Кориа, — поправила она.

— Наших кориа, и все это двумя пальцами. А другой одним ударом руки поднял целый ад! Правда, видел, — повернулся он ко мне, — на углу Сорок Пятой и Пятой авеню, в Нью-Йорке, США.

Йолара с явным сомнением обдумывала его слова.

— Ад? — спросила она наконец. — Я не понимаю этого слова.

— Ну, — ответил О'Киф, — тогда скажем — Мюрия. Во многих отношениях, о радость сердца, мне кажется, это одно и то же.

Сомнение в ее голубых глазах усилилось. Она покачала головой.

— Никто из наших мужчин не сможет сделать это, — наконец произнесла она. — Думаю, и ты не можешь, Ларри.

— Конечно, нет, — легко согласился Ларри. — Я никогда не был таким сильным. Я летаю, — будничным тоном добавил он.

Жрица вскочила, удивленно глядя на него.

— Летаешь! — недоверчиво повторила она. — Как зития? Птица?

Ларри кивнул и, видя невысказанный приказ в ее взгляде, торопливо продолжал:

— Не на собственных крыльях, Йолара. В... кориа... который движется в... как сказать «воздух», док... ну, в этом... — Он широким жестом указал на окружавшую нас туманную дымку. Потом взял карандаш и на белой ткани набросал изображение самолета. — В... таком кориа... — Она серьезно рассматривала рисунок, потом достала из-за пояса острый кинжал, вырезала рисунок Ларри и отложила в сторону.

— Это я могу понять, — сказала она.

— Исключительно умная молодая женщина, — пробормотал Ларри. — Надеюсь, я ничего не выдал, но она меня допекла.

— А каковы ваши женщины, Ларри? Похожи на меня? И многие ли из них любили тебя? — прошептала она.

— Во всей Ирландии и Америке нет подобной тебе, Йолара, — ответил он. — Понимай, как хочешь, — добавил он по-английски.

Она, очевидно, поняла так, что ей понравилось.

— У вас есть богини? — спросила она.

— Каждая женщина в Ирландии и Америке богиня, — ответил Ларри.

— Ну, в это я не поверю. — В глазах ее были гнев и насмешка. — Я знаю женщин, Ларри, и если бы это было так, не было бы мира между мужчинами.

— Его и нет! — ответил он.

Гнев исчез, она рассмеялась, приятно, понимающе.

— А какой богине ты поклоняешься, Ларри?

— Тебе! — храбро ответил Ларри О'Киф.

— Ларри! Ларри! — прошептал я. — Осторожнее! Это взрывчатка!

Но жрица смеялась, будто звенели легкие колокольчики; она была довольна.

— Ты смел, Ларри, — сказала она, — если предлагаешь мне свое поклонение. Я довольна твоей смелостью. Но Лугур силен. А у тебя нет твоих крыльев... Ларри!

Снова зазвенел ее смех. Ирландец покраснел: туше со стороны Йолары.

— Не бойся за меня! — мрачно заметил он. — Бойся за Лугура.

Смех стих; она испытующе смотрела на него; легкая загадочная улыбка на губах, такая сладкая и такая жестокая.

— Что ж... посмотрим, — прошептала она. — Ты говоришь, воевал в своем мире? А чем?

— Ну, всякими штуковинами... — уклончиво ответил Ларри. — У нас многое есть...

— А кет есть — то, что отправило Сонгара в ничто? — быстро спросила она.

— Понимаете, к чему она ведет? — быстро спросил у меня О'Киф.

Я понимал. Но тут было поле деятельности Ларри.

— Сейчас скажу. — Он повернулся к ней. — О голос серебряного пламени, дух твой так же высок, как и твоя красота, он проникает в души мужчин, как твоя красота проникает в их сердца. А теперь слушай, Йолара, потому что я говорю правду, — в глазах его появилось отсутствующее выражение, в голосе — ирландская мягкость. — В моей земле — в Ирландии — много жизней назад, — смотри, сколько, — он поднял десять пальцев, сжал и разжал их раз двадцать, — могучие люди моего народа, Таита-а-Даин, могли отправлять людей в ничто, как вы кетом. Но они делали это игрой на арфах и произнесенным словом — словом власти, о, Йолара, и власть эта сохраняется до сих пор, и игрой на флейтах, и убивающими звуками.

Жил некогда Крейвтин, который насылал своей арфой быстрое пламя, оно пожирало тех, на кого было направлено. И был Далуа, из Хай Брейзил, который игрой на флейте отбирал у людей, животных, и всех живых существ их тени и самих их превращал в тени, так что люди и животные летели за ним, как сухие листья в бурю; да, и Бел Арфист, от игры которого женские сердца становились воском, а сердца мужчин сгорали в пепел и чья игра могла обрушить могучие стены и вырвать деревья из земли...

Глаза у него сверкали вдохновением; Йолара немного отодвинулась от него, побледнела.

— Говорю тебе, Йолара, это было... и есть в Ирландии, — звенел голос Ларри. — И я видел, как множество людей, больше, чем собирается в твоем дворце, — он опять раз десять сжал и разжал пальцы, — превращались в ничто быстрее, чем твой кет успел бы их коснуться. Да, и скалы, более могучие, чем те, через которые мы прошли, взлетали на воздух и разлетались на куски быстрее, чем ты смогла бы закрыть свои голубые глаза. И это правда, Йолара, все правда! Погоди, у тебя с собой тот маленький конус, которым ты уничтожила Сонгара?

Она кивнула, очарованно глядя на него; в ней боролись страх и недоверие.

— Используй его. — Он взял со стола хрустальную вазу и по-

ставил на порог двери, ведущей в сад. — Используй на этом, и я покажу тебе.

— Лучше на одной из ладала, — живо начала она.

Он вскрикнул, в глазах его появился ужас; Йолара опустила взгляд.

— Хорошо, пусть так, как ты говоришь, — торопливо сказала она.

Она достала из складок на груди конус, направила его на вазу. Появился зеленый луч, разлился по хрусталю, но прежде чем проявилось его действие, в руке О'Кифа блеснул свет, Ларри выстрелил, и ваза разлетелась на куски. Ларри мгновенно, так же, как извлек, спрятал пистолет и стоял с пустыми руками, строго глядя на Йолару. Из прихожей донеслись крики, топот ног.

Йолара побледнела, взгляд ее стал напряженным, но она невозмутимо сказала встревоженным стражникам:

— Все в порядке, возвращайтесь на свои места.

Когда они ушли, она снова напряженно взглянула на ирландца, потом на осколки вазы.

— Это правда, — воскликнула она, — но посмотри: кет действует!

Я посмотрел туда, куда она указывала пальцем. Каждый обломок вазы дрожал, разбрасывая частицы в пространство. Ваза была разбита пулей Ларри, но не освободилась от силы молекулярного притяжения. На лице жрицы было торжество.

— Но какая разница для разбитой вазы, о сверкающая урна красоты, — серьезно спросил Ларри, — что с ее осколками?

Выражение торжества исчезло с ее лица, некоторое время она молчала, думала.

— Следующий номер, — прошептал мне О'Киф. — В маленьком ящичке множество сюрпризов; следите за выходом и ждите следующего.

Долго ждать нам не пришлось. В глазах Йолары сверкнул гнев, оскорбленная гордость. Она хлопнула в ладоши; что-то прошептала вошедшей девушке и села, злорадно поглядывая на нас.

— Ты рассказал мне о своей силе, но не доказал; а на кет ты ответил. А теперь ответь на это, — сказала она.

Она указала в сад. Я увидел, как согнулась и хрустнула цветущая ветвь, будто ее сломала чья-то рука, но никакой руки не было видно! Еще и еще одна ветвь согнулась и сломалась, нагнулось и упало маленькое деревце, все ближе и ближе к нам трещали и ломались ветви, сад был ярко освещен, и в нем никого не было! Вдруг большой кувшин, стоявший у столба, быстро взлетел в воздух и разбился у моих ног. Подушки на диване взлетели, будто попав в водоворот.

Невидимые руки схватили меня, кто-то сжал их, еще кто-то схва-

тил меня за горло, я почувствовал, что острый, как игла, конец кинжала пронзил мою рубашку, коснулся кожи над сердцем.

— Ларри! — в отчаянии воскликнул я.

Повернув голову, я увидел, что его тоже схватило невидимое. Но лицо его было спокойным, даже заинтересованным.

— Спокойней, док, — сказал он. — Помните, она хочет изучить наш язык!

Йолара с издевкой рассмеялась. Она отдала приказ, руки освободили нас, кинжал убрали от моего сердца; неожиданно я оказался свободен — и неприятно слаб и потрясен.

— А это у вас есть в Ирландии, Ларри? — воскликнула жрица и снова задрожала от смеха.

— Хорошая игра, Йолара. — Голос его был так же спокоен, как лицо. — Но это делали в Ирландии еще до того, как Далуа своей флейтой забрал тень у первого человека. А в земле Гудвина делают корабли — это кориа, идущие по воде, так что можно пройти рядом с ними и увидеть только море и небо; и эти водяные кориа во много раз больше всего твоего дворца.

Но жрица продолжала смеяться.

— Она чуть меня не поймала, — прошептал Ларри. — Не очень это по мне. Но, Боже! Если бы мы могли узнать эту хитрость и захватить с собой!

— Нет, Ларри! — выговорила Йолара сквозь смех. — Нет! Крик Гудвина выдал вас!

К ней полностью вернулось хорошее настроение; она была похожа на озорного ребенка, у которого удалась очередная проказа; и, как ребенок, она воскликнула:

— Я вам покажу! — и снова сделала знак; что-то прошептала вошедшей девушке, и та, быстро вернувшись, положила перед ней длинный металлический ящик.

Йолара достала предмет, похожий на карандаш, нажала, из него ударил луч света, больше всего похожий на электрический, она направила этот луч на замок. Крышка открылась. Йолара достала из ящика три плоских овальных кристалла розоватого цвета. Один она протянула О'Кифу, другой мне.

— Смотрите! — приказала она, поднеся свой кристалл к глазам. Я всмотрелся в свой, и увидел — будто появившихся из ничего — шесть улыбающихся карликов! Каждый с ног до головы был закутан в ткань, такую прозрачную, что сквозь нее видны были их тела. Легкая ткань, казалось, вибрирует, по ней пробегали серебристые волны. Я убрал хрусталь от глаз — комната пуста! Снова поднес — и снова увидел улыбающихся шестерых!

Йолара снова сделала знак, и они исчезли, даже из хрусталя.

— Это их одежда, Ларри, — снисходительно объяснила Йолара. —

Мы получили ее... от древних. Но у нас ее очень мало, — вздохнула она.

— Такое сокровище подобно обоюдоострому мечу, Йолара, — заметил О'Киф. — Откуда ты знаешь, что именно в этот момент кто-нибудь из них не подбирается к тебе, готовый ударить?

— Опасности нет, — равнодушно ответила она. — Я их хозяйка.

Она немного подумала и внезапно сказала:

— Хватит. Вы вдвоем предстанете перед Советом, но ничего не бойтесь. Ты, Гудвин, пойдешь с Радором в город, чтобы увеличить свои знания. Но ты, Ларри, жди в моем саду... — она улыбнулась чуть завлекательно... и злобно в то же время. — Тот, кто в мире богинь не поклонялся ни одной, должен получить возможность поклоняться, когда наконец встретит свою.

Она рассмеялась — от всего сердца — и исчезла. В этот момент Йолара нравилась мне больше, чем когда-либо раньше, и — увы! — больше, чем понравится в будущем.

Я увидел стоящего за дверью Радора и собрался идти к нему, но О'Киф схватил меня за руку.

— Подождите минутку, — попросил он. — Относительно Золотых Глаз... вы мне хотели что-то сказать... я все время думал об этом во время нашего товарищеского матча.

Я рассказал ему о своем видении перед сном. Он серьезно выслушал и рассмеялся.

— Никакого уединения в этом мире! — улыбался он. — Женщины, которые проходят сквозь стены, люди в невидимых плащах могут пройти куда угодно. Ну, ладно, не нервничайте, док. Помните, все это естественно! Одежда — своего рода маскировка. Но, Боже, если бы нам хоть одну такую!

— Материал просто пропускает все световые колебания, а может, отклоняет их, точно так же, как непрозрачность их поглощает, — ответил я. — Человек под икс-лучами отчасти невидим; а эта одежда делает его полностью невидимым. Он «не регистрируется», как говорят люди в кинобизнесе.

— Маскировка, — повторил Ларри. — А что касается Сверкающего... — он фыркнул. — Я хотел бы посмотреть, как он справится с банши О'Кифов. Бьюсь об заклад, старый ирландский банши укусит его три раза, придушит и отдубасит, прежде чем тот что-нибудь поймет.

Выходя за дверь к ожидавшему зеленому карлику, я слышал, как продолжает смеяться О'Киф.

Нас ждала раковина. Я остановился, чтобы осмотреть полированную поверхность дороги. Это был обсидиан — вулканическое стекло бледно-зеленого цвета, безупречное, прозрачное, без следа блоков или соединений. Потом я осмотрел раковину.

— Что ее приводит в движение? — спросил я Радора.

Тот что-то сказал водителю, который коснулся скрытой пружины, и под контрольным рычагом, о котором я рассказывал в предыдущей главе, появилось отверстие. В нем был виден небольшой куб черного хрусталя, сквозь стенки которого смутно просвечивал быстро вращающийся огненный шар не более двух дюймов в диаметре. Под кубом был странной формы тонкий изогнутый цилиндр, уходящий в глубь завитка раковины.

— Смотри! — сказал Радор.

Он знаком пригласил меня в экипаж, сам сел рядом. Водитель коснулся рычага; из шара в цилиндр устремилась нить огненных искр. Раковина плавно двинулась вперед; поток искр усилился, и скорость раковины возросла.

— Кориа не касается дороги, — объяснил Радор. — Он поднимается настолько, — указательный и большой пальцы он раздвинул едва на одну шестнадцатую дюйма, — над ней.

Вероятно, это подходящий момент, чтобы объяснить, что приводит в движение раковины, или кориа. Это атомная энергия. Из сверкающего шара вырываются ионы, через цилиндр они проходят к двум полоскам особого металла, укрепленным в основании машины, так что она напоминает сани на полозьях. Сталкиваясь с этими полосами, ионы производят отрицательную гравитацию, слегка приподнимая машину и в то же самое время производя отталкивающую силу, которую можно направлять назад, вперед и в стороны по желанию водителя.

Широкая блестящая дорога была заполнена кориа. Они выезжали из садов и въезжали в них; светловолосые, необыкновенно прекрасные женщины на их подушках походили на принцесс страны эльфов, одетых в великолепную огненную паутину и сидящих в сердцевине цветов. В некоторых кориа виднелись черноволосые мужчины типа Лугура; иногда офицеры, похожие на Радора; часто — девушки с черными прядями, очевидно, служанки прекрасных женщин; временами встречались красавицы из низшего сословия в сопровождении карликов.

Мы повернули, двинулись по огромной дуге, и вскоре перед нами появились покрытые мхом утесы, среди которых мы впервые оказались после зала Лунного бассейна. Они образовывали гигантский контрфорс, титанический выступ. Именно с угла этого выступа мы впервые взглянули на подземный мир. По обе стороны утеса уходили слабо светящиеся и исчезающие на расстоянии пропасти.

Тонкие, изящные мосты, под которыми мы проходили, оканчивались возле арок в далеких стенах растительности. У каждой арки располагался небольшой гарнизон. Через некоторые отверстия проходили зеленые, похожие на реки, обсидиановые дороги. Они вели в окружающую местность, в землю ладала, сказал мне Радор; добавил,

что никто из низшего сословия не может пройти в город, если его не вызывали или у него нет пропуска.

Мы снова повернули и понеслись к дальнему концу дороги. Перед нами были сверкающие утесы и озеро. Примерно в полумиле отсюда располагался последний мост. Он был более массивен и производил впечатление глубокой древности; гарнизон у этого моста был усиленный, и сам мост укреплен: возле него дорога проходила через два блокгауза. У меня этот мост вызвал любопытство.

— Куда ведет эта дорога, Радор? — спросил я.

— В то единственное место, о котором я не могу рассказывать тебе, Гудвин, — ответил он.

Я задумался.

Мы медленно обогнули гигантский пирс. Слева виднелась радужная завеса между циклопическими столбами. По белой воде скользили грациозные озерные раковины, но ни одна из них не приближалась к этой завесе.

— Радор, что это? — спросил я.

— Завеса Сверкающего, — медленно ответил он.

Неужели этого Сверкающего мы называли Обитателем?

— А кто такой Сверкающий? — возбужденно воскликнул я.

Но Радор молчал. И не заговорил, пока мы не повернули назад.

И хоть интерес мой и научная любознательность разгорелись, я вдруг отчетливо ощутил тревогу. Прекрасным, удивительно, неописуемо прекрасным было это место, но в нем таилась угроза — необъяснимая, нечеловеческая; как будто в райском саду Господа душа вдруг ощутила на себе взгляд злого духа, который сумел пробраться в святилище и только выжидает время, чтобы прыгнуть.

ГНОМ

Раковина отнесла нас назад к дому Йолары. Ларри ждал меня. Мы снова стояли перед мрачной стеной, где впервые увидели жрицу и Голос. И опять с волшебной, приводящей в смятение неожиданностью появился проход.

Но теперь сцена изменилась. Вокруг гагатового стола сидело несколько человек — Лугур, рядом с ним Йолара; семь других — все светловолосые и все мужчины, за исключением сидевшей слева от жрицы старой-престарой женщины, возраст которой я не мог определить; на ее лице виднелись следы былой красоты: когда-то она была не менее красива, чем Йолара, но теперь лицо ее, подвергшееся опустошительному влиянию времени, стало ужасным; и в этих развалинах светилась злобная, ужасная веселость, словно начал радоваться труп.

Нас стали изучать. Чем дольше это тянулось, тем все больше поражала меня перемена в О'Кифе. Исчезло все его легкомыслие, ни

разу в его ответах не было насмешки. Он походил на осторожного фехтовальщика, который, отражая удары, уклоняясь, изучает своего противника; или на шахматиста, проводящего в жизнь какой-то долговременный план игры: он был напряжен, сосредоточен, внимателен. Всегда подчеркивал могущество жителей поверхности, их многочисленность, их единство.

Вопросов задавали множество. Чем мы занимаемся? Какова система нашего правительства? Большую ли площадь занимают воды? Земли? Чрезвычайно интересовались мировой войной, тщательно выспрашивали о ее причинах и последствиях. Особенно их интересовало наше оружие. И чрезвычайно подробно спрашивали относительно руин, которые явно возбудили их любопытство: их положение, что их окружает, могут ли другие найти к ним проход в этих руинах?

Я бросил взгляд на Лугура. Он не казался заинтересованным. Мог ли русский рассказать ему о появлении девушки в розовой стене зала Лунного бассейна и об истинной причине нашего поиска? Я в своих ответах пытался всячески опустить все, что касалось этого вопроса. Красный карлик следил за нами, явно забавляясь, и я решил, что Маракинов все рассказал ему. Но Лугур, похоже, утаил эти сведения даже от Йолары; так же очевидно, что она никому не рассказывала об эпизоде, когда пистолет О'Кифа разнес на куски вазу, которую потом поглотил луч кета. И снова я почувствовал себя беспомощным, неспособным разгадать весь этот запутанный клубок.

Два часа нас расспрашивали, потом жрица вызвала Радора, и нам разрешили уйти.

Когда мы вернулись, Ларри был серьезен. Он беспокойно начал расхаживать по комнате.

— Да, готовятся неприятности, — сказал он наконец, остановившись передо мной. — Меня беспокоит то, что я не могу определить точно, откуда их ждать. Нам предстоит опасный полет, это точно. Хотел бы я побыстрее найти Золотую Девушку, док. Вы ее в последнее время не видели? — спросил он в безумной надежде. — Смейтесь, если хотите, — продолжал он, — но я думаю, что она — наш единственный шанс. Будет гонка между ней и банши О'Кифов, но я ставлю на нее. После вашего ухода у меня в саду была странная встреча. — Лицо его посерьезнело. — Вы когда-нибудь видели гнома, док? — Я так же серьезно покачал головой. — Маленький человечек в зеленом, — сказал Ларри. — Ростом вам по колено. Я однажды такого видел — в Карнтогерском лесу. И вот, когда я, дремля, сидел в саду Йолары, из кустов вышел человечек — точное подобие того гнома; в руках у него была дубинка. «Ты в трудном положении, Ларри, земляк, — сказал он, — но не отчаивайся, парень». — «Продержусь, — ответил я. — Но ты оказался далеко от Ирландии». А может, мне только показалось, что я это сказал. «У меня тут много друзей, — ска-

зал он. — А к чему лежит сердце, туда и ноги несут быстро. Но не сказал бы, что хотел бы тут жить, Ларри». — «Я знаю, где мое сердце, — сказал я ему. — У девушки с золотыми глазами и белоснежной грудью Эйлид Прекрасной, но ноги, кажется, не несут меня к ней».

Ирландский акцент в речи Ларри опять усилился.

— Маленький человек в зеленом кивнул и помахал своей дубинкой. «Вот что я тебе пришел сказать, — говорит он мне. — Не поддавайся Бин-Нимер, женщине-змее с голубыми глазами; она дочь Айвора, парень, и не делай ничего, что заставило бы каштановолосую девушку стыдиться из-за тебя, Ларри О'Киф. Я знавал твоего прапрапрадеда и его предков, — говорит он, — и О'Кифы иногда считали свое сердце таким большим, будто оно способно вместить всех женщин мира. Но постоянно жить в сердце должна только одна, Ларри, — говорит он, — и я тебя предупреждаю, что хорошенькой девушке не понравится место, в котором она увидит стирку, и чистку, и готовку, и другие женские дела — других женщин. Я не хочу сказать, что голубоглазая любит стирать и готовить!» — добавил он. «Не нужно было приходить, чтобы сказать мне это», — ответил я. «Ну, я просто говорю тебе. Тебя ждет несколько грубых пинков, Ларри. Но помни, что ты О'Киф, — говорит он. — И хоть с тобой другие парни, земляк, работу придется делать тебе». — «Надеюсь, — сказал я ему, — банши О'Кифов не найдет сюда дорогу вовремя, если до того дойдет дело». — «Об этом не беспокойся, — говорит он. — Конечно, банши не хочется покидать старую землю, Ларри. Старая добрая земля о тебе хорошего мнения. Могу сказать тебе, парень, что поднят весь клан, и все придут сюда и почистят все перед твоим уходом. Они такое сделают, что Большой Ветер покажется легким ветерком на Лаф Лин. Вот и все, Ларри. Мы решили, что весточка с Зеленого острова тебя подбодрит. Не забывай, что ты О'Киф — снова говорю это — и все ребята с тобой. Мы хотим гордиться тобой, парень!» И когда я взглянул снова, только ветви качались.

В сердце моем не было улыбки, и если и была, то только самая нежная.

— Я иду спать, — неожиданно сказал он. — Посматривайте на стену, док!

В последующие семь промежутков сна мы с Ларри мало виделись. Йолара все чаще и чаще посылала за ним. Трижды нас призывали на Совет; однажды мы были на большом пиру, чье великолепие и сюрпризы я никогда не забуду. В основном я оставался в обществе Радора. Вдвоем мы проходили через зеленые барьеры и навещали жилые районы ладала.

Казалось, здесь есть все необходимое для жизни. Но всюду чувствовалось угнетение, сдерживаемая ненависть, почти осязаемая и очень грозная!

— Им не нравится танцевать со Сверкающим, — таков был обычный ответ Радора на мои попытки выяснить причины.

Однажды я был свидетелем конкретного проявления этой ненависти. Случайно оглянувшись, я увидел бледное мстительное лицо, выглядывающее из-за древесного ствола, увидел поднятую руку и темную стрелу, летящую прямо в спину Радору. Я инстинктивно оттолкнул его в сторону. Он гневно обернулся ко мне. Я указал ему на стрелу: она торчала в земле, еще дрожа. Радор схватил меня за руку.

— Когда-нибудь я тебе отплачу! — сказал он.

Я снова взглянул на стрелу. Ее наконечник был покрыт каким-то блестящим желеобразным веществом.

Радор сорвал с соседнего дерева фрукт, похожий на яблоко.

— Смотри! — сказал он.

Он уронил «яблоко» на стрелу, и у меня на глазах, в течение десяти секунд, фрукт сгнил.

— Вот что было бы с Радором, если бы не ты, друг! — сказал он.

Ниже, между началом и второй половиной драмы, которой посвящен мой рассказ, приводятся отдельные, по необходимости отрывочные наблюдения.

Прежде всего — природа черных непрозрачностей, образующих стены и потолки помещений. Это магнитные поля, поглотители света, они гасят световые колебания; буквально электрические экраны, такие же непроницаемые для света, как стальные барьеры.

Они мгновенно создают ночь в помещении. Но они не создают препятствий на пути воздуха и звука. В сущности это очень просто: не более чудесно, чем стекло, которое пропускает свет, но создает преграду на пути воздуха и частично — на пути других колебаний, которые мы зовем звуковыми.

Существуют два привилегированных класса ладала: солдаты и создатели снов. Мне кажется, что из всех социальных феноменов самый поразительный — это создатели снов. Мюране лишены разнообразных впечатлений внешнего мира; в качестве замены они разработали поразительную систему с использованием воображения.

Они также исключительно музыкальны. Их любимые инструменты — двойная флейта, чрезвычайно сложный орган, арфы, большие и маленькие. И еще один замечательный инструмент — двойная октава маленьких барабанов, удары по которым вызывают сильное эмоциональное возбуждение нервной системы.

Именно эта любовь к музыке вызвала один из подлинно смешных эпизодов в нашей подземной жизни. Ко мне пришел Ларри — насколько я помню, это было после четвертого периода сна.

— Идемте на концерт, — сказал он.

Мы подъехали к одному из гарнизонов мостов. Радор выстроил двадцать солдат; и затем, к полному моему изумлению, все они во главе с О'Кифом начали реветь гимн «Боже, храни короля». Они пели — и гораздо ближе к английскому оригиналу, чем можно было ожидать в десятках тысяч миль под английской почвой. «Пошли ему победу, счастье и славу!» — орали они.

Ларри наслаждался моим изумлением.

— Научил их ради Маракинова! — сказал он. — Подождите, пока красный это услышит. Он просто лопнет.

— Погодите немного, и Йолара вам кое-что споет, я ее научил, — сказал Ларри, когда мы возвращались в дом, который называли своим. И в глазах его был озорной смех.

И я действительно услышал. Очень скоро жрица приказала мне прийти вместе с О'Кифом.

— Покажи Гудвину, что ты усвоила из нашей речи, о леди, чьи губы — медовое пламя! — сказал Ларри.

Она колебалась; улыбнулась ему, и голосом, похожим на звон серебряных колокольчиков, запела действительно знакомую мне мелодию:

Она только птичка в позолоченной клетке,
И приятно на нее посмотреть...

— Она считает это любовной песней, — сказал Ларри, когда мы ушли. — И это только часть репертуара, которому я ее обучил. Правда, док, только так я могу сохранить трезвость рассудка, когда я с ней, — искренне продолжал он. — Она дьяволица из самого ада, но какое чудо! Но когда я заставляю ее петь «Заберите ваше золото!» или другую старую песню, я опять в себе и все вижу в правильной перспективе. Вся таинственность улетучивается! «Дьявольщина! — говорю я себе, — она всего лишь женщина!».

ГАГАТОВЫЙ АМФИТЕАТР

Много часов подряд черноволосые жители пересекали мосты, десятками и сотнями шли по дорогам, направляясь к гигантскому храму из семи террас, в котором я еще не бывал и от которого меня держали подальше — ненавязчиво, но от того не менее решительно, чтобы я не мог рассмотреть его получше. Я полагал, что это сооружение возвышается не менее чем на тысячу футов над своим серебристым основанием, и диаметр самого круглого основания примерно таков же.

Я гадал, что́ влечет ладала к Лоре, что они там делают. Все были украшены красивыми цветами: молодые и старые, стройные девушки с насмешливыми глазами, юноши-карлики, матери с детьми, гномы-старики, все шли молча и мрачно; в этой мрачности был оттенок горечи, которая превращала их обычное еле заметное злобное выражение в протест.

Вдоль всего пути стояло множество солдат в зеленом, и единственный гарнизон моста, который мне был виден, оказался удвоенным.

По-прежнему удивляясь увиденному, я вернулся в павильон, надеясь, что пришел Ларри, которого два часа назад вызвала Йолара. Не успел я войти, как появился Радор; в его поведении странное возбуждение смешивалось с тем, что я бы назвал взвинченностью.

— Идем! — приказал он, прежде чем я смог что-то сказать. — Совет принял решение, и Ларри ждет тебя!

— А что было решено? — Я с трудом поспевал за ним на тропе, которая вела к дому Йолары. — И почему Ларри меня ждет?

И при его ответе сердце у меня ударило с перебоем, и я почувствовал приступ паники.

— Сверкающий будет танцевать, — ответил зеленый карлик, — а вы — ему поклоняться.

Что это за танец Сверкающего, о котором он так часто говорит?

Какими бы ни были мои предчувствия, у Ларри их, очевидно, не было.

— Замечательно! — воскликнул он, когда мы встретились в большой прихожей, в которой на этот раз не было карликов. — Надеюсь, будет что посмотреть; но должно быть очень хорошо, чтобы захватить меня — после всего, что я видел на фронте, — добавил он.

Я вспомнил, что он сам не видел Обитателя и знает о нем только по моему бедному описанию — не существует слов, способных описать это чудо смешанного великолепия и ужаса, и подумал, что скажет Ларри О'Киф, когда на самом деле увидит его.

Радор начал проявлять нетерпение.

— Идемте, — торопил он. — Нам многое нужно сделать, а времени мало!

Он провел нас в маленькую комнату с фонтаном и миниатюрным бассейном, светлые воды которого блестели за круглым парапетом.

— Мойтесь! — приказал он и показал нам пример, раздевшись и бросившись в воду.

Только одну-две минуты дал нам зеленый карлик на купанье и потом провел к нашей одежде, которую мы уже собирались надеть.

И тут, к полному моему замешательству, без всякого предупреждения вошли две черноволосые девушки и принесли одежду своеобразного темно-синего цвета. При виде нашего смущения Радор громко рассмеялся. Он взял одежду у девушек, знаком велел им уйти и, все еще смеясь, набросил ее на меня. Ткань была очень мягкой, но определенно металлической, сотканной как будто из тонких, как паутина, нитей голубого металла. Одежда плотно прилегала к телу у горла, на талии — пояс, а от этого пояса она свободно опускалась к полу, держась на нескольких петлях; на плечах капюшон, подобный монашескому.

Радор набросил мне на голову капюшон; он полностью закрыл лицо, но изнутри оказался прозрачным, так что мне все было видно, как в легкой дымке. Наконец он протянул мне пару перчаток из того же материала и обувь — нечто вроде высоких сапог, но, как и перчатки, с пятью пальцами.

И снова рассмеялся, видя наше удивление.

— Жрица Сверкающего не вполне доверяет Голосу Сверкающего, — сказал он наконец. — Эта одежда предохранит вас от возможных... ошибок. Не бойся, Гудвин, — добродушно продолжал он. — Даже ради самого Сверкающего Йолара не позволит причинить вред Ларри — а из-за него и тебе. Но о большом белом человеке я бы этого не сказал. Мне его жаль, я ему желаю добра.

— Он будет с нами? — оживленно спросил Ларри.

— Он уже там, куда мы идем, — серьезно ответил карлик.

Ларри мрачно нагнулся и достал из своего мундира пистолет. Запас патронов сунул в карман пояса. А сам пистолет повесил под мышкой.

Зеленый карлик с любопытством смотрел на оружие. О'Киф похлопал по нему.

— Это, — сказал он, — убивает быстрей, чем кет; я беру его, чтобы никакого вреда не причинили голубоглазому, по имени Олаф. Если я его подниму, не стой на пути, Радор! — со значением прибавил он.

Карлик снова кивнул, глаза его сверкали. Он протянул нам обоим руки.

— Приближаются перемены, — сказал он. — Каковы они, я не знаю, и не знаю, как все произойдет. Но запомните: Радор вам друг больше, чем вам кажется. А теперь идемте! — резко закончил он.

Он повел нас не через вход, а по идущему под уклон проходу, который заканчивался тупиком; здесь он коснулся резного символа, и стена раскрылась, точно так же, как в помещении Лунного бассейна. Перед нами был другой проход, гораздо меньше, и ствол шахты, но не черный, как в той пропасти из живой тьмы, а слегка светящийся. Радор коснулся стены, щелкнул механизм, машина заняла свое место, пол под нами опустился, машина быстро двинулась, над головой засвистел ветер. Через несколько мгновений движение замедлилось. Платформа остановилась в закрытом помещении не больше, чем она сама.

Радор достал кинжал и дважды ударил по стене рукоятью. Стена сразу раздвинулась, обнаружив пространство, наполненное слабым туманным голубоватым свечением. По обе стороны от входа стояли по четыре карлика, каждый направлял на нас короткий серебряный стержень.

Радор достал из пояса кольцо и протянул ближайшему карлику. Тот внимательно осмотрел его, передал соседу, и пока каждый не

осмотрел кольцо, они не опускали свое странное оружие; я подумал, что это те самые контейнеры с убийственной энергией, которые они называют кет; позже я узнал, что был прав.

Мы прошли, двери за нами закрылись. Место было чрезвычайно странным. Пол из зеленоватого камня, напоминающего ляпис-лазурь. По обе стороны высокие пьедесталы с резными фигурами из того же камня. Их около двух десятков, но из-за дымки я не мог разглядеть их очертаний. В уши ударил глухой рев, он заполнял все помещение.

— Пахнет морем, — неожиданно сказал Ларри.

Рев стал звонче, глубже, и прямо перед нами открылась щель. Двадцати футов шириной, она разрезала пол пещеры и уходила по обе стороны в туманную дымку. Через щель была переброшена каменная плита не более двух ярдов шириной. На ней ни перил, ни другой защиты.

Четыре передних жреца прошли по ней один за другим, и мы последовали за ними. Посередине пропасти они поклонились. В десяти футах под нами поток голубой морской воды на огромной скорости несся между полированными стенами. Создавалось впечатление невероятной глубины. С ревом поток летел под нами и исчезал справа в низкой арке. Вода двигалась так быстро, что поверхность ее блестела, как полированная сталь, и от нее исходил такой благословенный, такой земной, знакомый океанский запах, что душа моя окрепла, и я почувствовал, как истосковался по земле.

Откуда этот поток, размышлял я, забыв на время обо всем остальном. Может, мы ближе к поверхности, чем я считал? Или могучий поток рвется сквозь отверстие в морском дне и теряется в глубокой пропасти? Небо одно знает, сколько миль над нами. Я еще узнаю, близок ли был к истине или далек от нее, и никогда еще истина не приходила к человеку в таком ужасном обличье!

Рев остался позади, дымка слегка рассеялась. Перед нами тянулся широкий пролет ступеней, таких же широких, как те, что ведут во двор Нан-Тауаха от разрушенных морских ворот. Мы начали подниматься; лестница сужалась; сверху через еще более узкий проход лился свет. Мы с Ларри рука об руку прошли в этот вход.

И оказались на гигантской платформе, казалось, из блестящей слоновой кости. Она тянулась перед нами более чем на сто ярдов и затем скрывалась в светлой воде. Напротив, не далее, чем в миле — паутина сплетенных радуг, которую Радор назвал завесой Сверкающего. Тут она сияла неземным великолепием по обе стороны от циклопических столбов, как будто гора протянула руки и держала между ними огненный великолепный флаг. Под ним виднелся полумесяц пирса с его храмами.

Не успел я бросить на все это взгляд, как ощутил какое-то невероятное душевное напряжение; невыносимое угнетение, как будто про-

странство падало на меня, давило, душило. Я покачнулся, Ларри подхватил меня под руку.

— Спокойно! Спокойно, старина! — прошептал он.

Вначале мое ошеломленное сознание уловило только огромность, невероятный подъем, при взгляде на который охватывает головокружение, как на большой высоте, потом я разглядел белые пятна лиц, сверкание тысяч и тысяч глаз. Огромный, невероятно огромный гагатовый амфитеатр, колоссальный полукруг, а в его могучей арке платформа слоновой кости, на которой я стою.

Амфитеатр почти перпендикулярно на сотни футов вздымался в небо и по обе стороны выбрасывал свои бастионы, как огромные лапы. Теперь, когда головокружение от чудовищного пространства прошло, я увидел, что это действительно амфитеатр, слегка наклонный назад, на нем ярус за ярусом уходят на пятьсот футов вверх ряды, а между ними, словно экран, гигантский диск, мертвенно-черный, слегка голубовато светящийся; над ним и вокруг него много меньших дисков.

По обе стороны от меня, по краям платформы, были десятки маленьких ниш с колоннами, перед ними тянулась низкая стена; ниши были защищены изящной тонкой решеткой; в решетке каждой ниши отверстие; мне пришло в голову, что они похожи на небольшие помещения в готических соборах, где стояли сотни паладинов и других людей с прекрасной поверхности земли. А в здешних нишах были десятки красавиц и карликовых мужчин этого светловолосого племени. Справа от меня, в нескольких футах от входа, через который мы прошли, между забранными решеткой нишами вела дорога. На полпути между нами и основанием амфитеатра поднимался помост. От платформы к нему вел широкий пандус; на пандусе, и на помосте, и по центру платформы вплоть до того места, где она уходила в воду, была широкая радужная лента цветов, как волшебный ковер.

По одну сторону пандуса, одетая в серебряную тонкую ткань, которая не скрывала ее прекрасного тела, чья белизна виднелась среди складок, стояла Йолара; напротив нее, увенчанный кольцом сверкающих голубых камней, мощное тело обнажено, — Лугур!

О'Киф шумно перевел дыхание; Радор коснулся моей руки, и, все еще ошеломленный, я позволил отвести себя в коридор, который проходил за нишами. У задней стены одной из них зеленый карлик остановился, открыл дверь и пригласил нас войти.

Войдя, я увидел, что мы находимся прямо напротив того места, где пандус поднимается на помост, и что Йолара не более чем в пятидесяти футах от нас. Она посмотрела на О'Кифа и улыбнулась. В глазах ее танцевали огненные точки; тело, казалось, пульсирует, круглые изящные мышцы под прозрачной кожей радостно напрягались маленькими волнами.

Ларри негромко свистнул.

— А вон и Маракинов! — сказал он.

Я посмотрел туда, куда он указал. Напротив нас сидел русский, одетый так же, как мы, наклонившись вперед, спрятав глаза за очками; если он нас и видел, то никак этого не показал.

— А вот Олаф! — сказал О'Киф.

Под резным помещением, в котором сидел русский, было отверстие, и в нем Хальдриксон. Не защищенный ни столбами, ни решеткой, прямо у выхода на платформу, и рядом с ним проходила дорожка из цветов к большому помосту, который охраняли Лугур и Йолара. Олаф сидел один, и сердце мое устремилось к нему.

Лицо О'Кифа смягчилось.

— Приведи его сюда, — сказал он Радору.

Зеленый карлик тоже смотрел на норвежца, и на его насмешливом лице отражалась жалость. Он покачал головой.

— Подождите, — сказал он. — Сейчас вы ничего не можете сделать — и, возможно, ничего и не нужно будет, — добавил он.

Но я чувствовал, что в его словах нет убежденности.

БЕЗУМИЕ ОЛАФА

Йолара подняла белые руки. С высоты множества ярусов донесся могучий вздох, по ним пробежало волнение. И еще до того, как руки Йолары опустились, откуда-то, очевидно, из окружающего нас воздуха, послышался звук, который мог бы издавать какой-нибудь игривый бог, бросая гигантские солнца сквозь звездную сеть. Как будто все органы мира соединились в одно целое: звук призывающий, величественный, космический!

В нем слышалась музыка сфер, катящихся в бесконечности, песня рождения множества звезд из чрева пространства; эхо небесного хора сотворения! Он сотрясал тело, как биение сердца вселенной, пульсировал — и стих.

И сразу загремели трубы всех воинств с того времени, как первый фараон повел свои орды, — торжествующий, призывный гром! Крики войск Александра, медные глотки рогов легионов Цезаря, трубы Чингиз-хана и его Золотой Орды, грохот толп Тамерлана, звон Наполеоновых армий — боевые крики всех завоевателей земли! И этот звук стих!

И сразу приглушенные звуки арф, мелодичность мириадов деревянных рогов, сладость множества флейт — музыка Пана, приглашающая, несущая в себе зов водопадов в укромных местах, журчание ручьев и шелест лесных ветров, — музыка манящая, увлекающая, расслабляющая, сочащаяся в мозг, как сама медовая сущность звука.

И затем тишина, в которой, казалось, еще живет душа звука,

в каждом напряженном нерве еще бьется его сердце, но бьется все слабее.

У меня исчез весь страх, все опасения. Место их заняло радостное предчувствие, небесная свобода даже от тени тени того, что зовется печалью или заботой; ничего больше не имело значения — ни Олаф с его полными ненависти глазами, ни Трокмартин с его судьбой, никакая боль, никакое страдание; не стало никаких усилий, никакого отчаяния в мире, внезапно превратившемся в потревоженный сон.

Снова послышался первый могучий звук. Снова он стих, и, как будто вызванное им, вспыхнуло разноцветное сияние. Многоцветные лучи пронеслись над водой и коснулись радужной завесы. И завеса вспыхнула, задрожала, по ней побежали концентрические волны пламени.

Свет усиливался — и в его интенсивности серебряный воздух померк. Скрылась в тени мозаика белых лиц, увенчанных цветами, в гагатовом амфитеатре тень упала на высоко вздымающиеся ярусы и окутала их. Но отделения за решетками, где сидели светловолосые, сверкали радужно, как драгоценные камни.

Я отчетливо ощутил, как ускоряется биение пульса, усиливается напряжение каждого нерва. Меня как будто поднимало над миром, приближало к великим богам, скоро их сущность и могучая сила вольются в меня! Я взглянул на Ларри. Глаза его горели — диким огнем жизни!

Я посмотрел на Олафа — в лице его ничего подобного не было — только ненависть, ненависть и ненависть.

Волны цвета павлиньих перьев устремились поверх воды, рассекая тьму,— великолепная радужная дорожка. И завеса вспыхнула, будто все радуги мира загорелись в ней. Снова прозвучал могучий звук.

Свет собрался в середине завесы, превратился в невыносимо сверкающую точку, и под бурю звона, под ураган хрустальных нот появился Сверкающий!

Прямо по радужной дорожке — высоко вздымающиеся языки пламени мерцают, светящиеся спирали вращаются, семь разноцветных шаров горят над сияющим центром — он устремился к нам. Ураган звона алмазного стекла стал торжествующим, радостным. Я почувствовал, как О'Киф сжимает мою руку; Йолара в приветственном жесте вскинула белые руки; я услышал вздох восторга с ярусов — и одновременно воющий звук страдания.

По воде, по горящей дорожке к платформе слоновой кости летел Сверкающий. Сквозь хрустальное пиццикато пробивались другие звуки — смертоносно сладкие, от них застывало сердце и одновременно билось сильнее.

На мгновение Сверкающий замер, уравновешенно паря над плат-

формой, затем по цветовой дорожке медленно, все медленнее стал приближаться к жрице. Повис между женщиной и карликом, будто в нерешительности; повернулся к жрице, звон смягчился, его звучание стало отчетливо ласковым. Склонившись к нему, Йолара как будто набиралась сил; теперь она вызывала ужас, полная великолепного, приводящего в безумие зла; и так же великолепно, безумно божественная! Афродита и Богоматерь; Танит Карфагенская и Святая Невеста! Королева ада и принцесса неба — одновременно!

Только мгновение тот, кого мы называли Обитателем, а здесь зовут Сверкающим, висел неподвижно. Он устремился по пандусу на помост, остановился там, медленно поворачиваясь, его спирали переплетались, бились, пульсировали. Теперь ядро его стало яснее, отчетливее — похоже на человеческую фигуру, и в то же время нечеловеческую: не мужчина и не женщина; не Бог и не дьявол; но все вместе. И я ни на мгновение не усомнился, что передо мной мыслящее существо, нечто обладающее волей, энергией и каким-то необычным, сверхъестественным — разумом!

Снова звуки труб — шум отодвигающегося камня — долгий низкий вопль боли — что-то неясное двигалось в потоке света, сначала медленно, потом все быстрее, какие-то неотчетливые фигуры. Их было около десяти — девушки и юноши, мужчины и женщины. Сверкающий рассматривал их. Они приближались, и на лицах и во взглядах каждого было предвестие той страшной смеси эмоций, радости и печали, экстаза и ужаса, которые я видел в полной мере в лице Трокмартина.

Сверкающий снова начал свой звон — на этот раз бесконечно ласковый, манящий — как песня сирены с какой-то злой звезды! Уговаривая, призывая, звучали колокольчики...

Я увидел, как наклонился вперед Олаф; увидел, как по сигналу Лугура три карлика незаметно расположились за Олафом.

Первая фигура достигла помоста — и остановилась. Это была девушка, которую приводили к Йоларе, когда превратился в ничто гном по имени Сонгар! С быстротой света спирали Сверкающего устремились к ней и обняли ее.

При их прикосновении послышался ужасный крик, и девушка, казалось, сама бросилась в сияние. Оно окружило ее, проникло в нее, и торжествующе взметнулся звон колокольчиков; снова и снова пульсировало свечение. Начался тот бесконечно ужасный и бесконечно великолепный ритм, который называют танцем Сверкающего. Девушка поворачивалась в сверкающих объятиях, и все новые и новые фигуры погружались в него, пока помост не превратился в невероятное зрелище — безумный шабаш звездных ведьм; алтарь белых лиц и тел, просвечивающих сквозь живое пламя; невыносимая радость, смешанная с адским ужасом — спирали и пылающие крылья расширялись, центр

Сверкающего разгорался, увеличивался, поглощая жизненные силы погибавших в нем!

Они поворачивались, переплетались—и от них шло ощущение жизни, которое заполняло нас. Я смутно сознавал, что присутствую при каком-то необъяснимом вампиризме. С ярусов доносилось пение. Вздымались могучие звуки.

Сатурналия полубогов!

Затем, продолжая испускать колокольные звуки, Сверкающий начал медленно спускаться с помоста по пандусу, по-прежнему обнимая свои жертвы, переплетаясь с теми, кто бросился в его спирали. Они продолжали плыть в своем ужасном танце; на белых лицах застыло — навсегда — подобие тех, в ком переплелись Бог и дьявол. Я закрыл глаза!

Услышав возглас О'Кифа, я открыл глаза и увидел, что безумие исчезло из его взгляда, он пристально смотрел вперед. Олаф далеко высунулся из своего убежища, карлики за ним подхватили его и толкнули на тропу Обитателя. Обитатель застыл в своем кружении; казалось, он разглядывает Олафа. Лицо норвежца стало алым, глаза сверкали. Он с вызывающим криком прыгнул назад, схватил одного из карликов и бросил его по воздуху прямо в середину сверкающего существа. Карлик летел, вращаясь, мелькали его руки и ноги, и вдруг в середине полета он остановился, будто пойманный невидимой рукой гиганта, опустился на платформу в ярде от Сверкающего.

Он дернулся слабо, как раздавленный паук, раз, другой... Обитатель взметнул блистающее щупальце, коснулся карлика, щупальце отскочило. Хрустальные звоны сменились гневными звуками. Отовсюду — от ярусов, от забранных решетками помещений — послышался вздох ужаса.

Лугур бросился вперед. В то же мгновение Ларри перескочил через низкий барьер и устремился к норвежцу. Но прежде чем они успели добежать, Олаф испустил еще один дикий крик и прыгнул прямо к горлу Обитателя.

Но не успел он его коснуться — а Сверкающий застыл в неподвижности, и ничего ужаснее невозможно себе представить; в нем так по-человечески чувствовалось удивление, — Ларри ударил Олафа и отбросил его в сторону.

Я пытался последовать за ними, но Радор удержал меня. Он дрожал — но не от страха. На лице его были надежда и необъяснимое возбуждение.

— Подожди, — сказал он. — Подожди!

Сверкающий нерешительно вытянул спираль, и тут я увидел храбрейший поступок человека. О'Киф с пистолетом в руке встал между ним и Олафом. Щупальце коснулось его; тусклая голубая одежда Ларри вспыхнула ослепительным лазурным блеском. Ларри трижды вы-

стрелил прямо в середину Сверкающего. Обитатель отодвинулся, взметнулся колокольный звон.

Лугур остановился, поднял руку, в ней был конус кета, но прежде, чем он смог поразить им норвежца, Ларри распустил свою одежду и полой прикрыл Олафа; одной рукой поддерживая Олафа, другую с пистолетом он прижал к животу Лугура. Губы его зашевелились, но я не слышал, что он сказал. Лугур понял, он опустил руку.

Теперь рядом оказалась Йолара. Все происшествие заняло едва ли пять секунд. Она встала между тремя мужчинами и Обитателем. Заговорила с ним, и дикий звон стих; снова послышались хрустальные звуки. Сверкающий что-то шептал ей, начал вращаться, быстрее, еще быстрее, двинулся по платформе, по воде, унося с собой жертвы, двигался все быстрее, вращаясь, и вместе со своей призрачной командой исчез за занавесом.

Неожиданно многоцветная дорожка погасла. На нас полился серебряный свет. В амфитеатре послышался шум, возгласы. Маракинов наклонился, прислушиваясь, глаза его блестели. Не сдерживаемый больше Радором, я перепрыгнул через ограду и устремился вперед. Но успел услышать, как зеленый карлик прошептал:

— Есть нечто сильнее Сверкающего. И даже две вещи: крепкое сердце — и ненависть!

Олаф тяжело дышал, глаза его остекленели, он вздрогнул, когда я коснулся его рукой.

— Дьявол забрал мою Хельму! — услышал я его шепот. — Сверкающий дьявол!

— Оба эти, — с гневом кричал Лугур, — будут танцевать со Сверкающим! И этот тоже. — Он злобно указал на меня.

— Этот человек мой, — ответила жрица, и в голосе ее звучала угроза. Она положила руку на плечо Ларри. — Он не будет танцевать. И его друг тоже. А что касается этого, я тебе уже сказала: он меня не интересует! — Она указала на Олафа.

— Ни этому человеку, ни тому, — сказал Ларри, — не будет причинен вред. Таково мое слово, Йолара!

— Да будет так, — негромко ответила она, — мой господин.

Я видел, как Маракинов с новым задумчивым интересом рассматривает О'Кифа. В глазах Лугура мелькнуло бешенство; он поднял руку, будто собираясь ударить Йолару. Ларри грубо прижал к его боку пистолет.

— Спокойней, малыш! — сказал он по-английски.

Красный карлик дрогнул, повернулся, сорвал одежду со стоявшего рядом жреца и набросил на себя. Ладала с криками, жестикулируя, споря с солдатами, спускались по проходам с ярусов.

— Пошли! — приказала Йолара; ее взгляд не отрывался от Лар-

ри. — У тебя великое сердце, мой господин, — прошептала она; голос ее звучал сладко. — Пошли!

— Этот человек пойдет с нами, Йолара, — сказал О'Киф, указывая на Олафа.

— Бери его, — сказала она. — Бери, но вели ему никогда больше не смотреть на меня так, — яростно добавила она.

Рядом с ней мы прошли мимо решеток, за которыми сидели светловолосые; они молчали, как будто охваченные сомнением и страхом. Олаф молча шел рядом со мной. Радор исчез. Мы спустились по лестнице, прошли через зал с бирюзовым туманом, над ревущим морским потоком и остановились у стены, через которую вошли. Жрецы в белой одежде исчезли.

Йолара нажала на кнопку; открылся проход. Мы вошли в машину; Йолара взяла рычаг; мы по слабо светящимся коридорам двинулись к дому жрицы.

Одно я теперь точно знал, и эта истина заставила болеть сердце и душу: искать Трокмартина больше не нужно. Он за завесой, в логове Обитателя, мертвый-живой, как и те, кого мы видели в ужасном танце, и он, и Эдит, и Стентон, и Тора, и жена Олафа Хальдриксона!

Машина остановилась; опять открылся проход; Йолара легко выскочила, поманила нас и углубилась в коридор. Она задержалась перед непрозрачным экраном. Прикосновение — и он исчез, открыв небольшое голубое помещение, словно высеченное в сапфире; пустое, только в самой середине на низком пьедестале — большой шар из туманного горного хрусталя; на его поверхности были изображены очертания морей и континентов, но это был какой-то другой мир, а может быть и наш, но невероятной древности, потому что очертания нисколько не напоминали современные материки и океаны.

Над шаром, поднимаясь от него в пространство, взявшись за руки, прижавшись губами, стояли две фигуры, женщина и мужчина, такие изящные, такие жизненные, что я только спустя мгновение сообразил, что они тоже вырезаны из хрусталя. И перед этим алтарем — я понял, что это алтарь, — возвышались три стройных конуса; один чистейшего белого пламени, другой цвета светящейся воды, а третий — лунного света! Ошибиться было невозможно: конусы были величиной с рослого человека, но каким образом можно было удержать неподвижно в конусообразной форме воду, огонь и свет, я не могу сказать.

Йолара низко поклонилась — раз, два, три. Повернулась к О'Кифу, ничем не показывая, что, кроме него, тут еще кто-то есть. Голубые глаза ее, широко раскрытые, ищущие, непостижимые, придвинулись ближе, она положила белые руки ему на плечи, будто смотрела прямо ему в душу.

— Мой господин, — прошептала она. — Послушай внимательно.

Я даю тебе три ценности: себя, Сверкающего и всю ту власть, что содержится в Сверкающем. И из этих трех ценностей вытекает четвертая — власть над миром, откуда ты пришел. Ты будешь ее иметь, мой господин. Клянусь в этом, — она повернулась к алтарю, подняла руки, — Сийей и Сийаной, клянусь пламенем, водой и светом!

Глаза Йолары потемнели.

— Никто не посмеет отнять тебя у меня! И ты не сможешь от меня уйти! — яростно прошептала она.

По-прежнему не обращая на нас внимания, она обняла О'Кифа, прижалась своим белым телом к его груди, подняла губы, закрыла глаза. О'Киф крепче сжал ее, их губы встретились — страстно! Олаф испустил громкий вздох, почти стон. Но я не мог винить ирландца.

Жрица открыла глаза, теперь туманно-голубые, оттолкнула Ларри, постояла, глядя на него. О'Киф, смертельно побледнев, поднял руки к лицу.

— Так я скрепила свою клятву, о мой господин! — прошептала она. Впервые она показала, что знает о нашем присутствии, взглянула на нас, как бы сквозь нас, и снова повернулась к О'Кифу.

— Теперь идите! — сказала она. — Сейчас за вами придет Радор. И пусть случится то, что должно случиться!

Она снова нежно улыбнулась ему, повернулась к фигурам над шаром, опустилась перед ними на колени. Мы молча вышли; так же молча добрались до маленького павильона. Проходя, мы слышали шум на зеленой дороге: мужские возгласы, время от времени женские крики. Сквозь просвет в растительности я увидел на мосту оживленную толпу; гул напоминал шум потревоженного улья.

Ларри бросился на один из диванов, закрыл лицо руками, опустил их, увидел беспокойное выражение лица Олафа, посмотрел на меня.

— Я ничего не мог сделать, — полувызывающе, полужалобно сказал он. — Боже, что за женщина! Я ничего не мог сделать!

— Ларри, — спросил я, — почему вы не сказали, что не любите ее?

Он посмотрел на меня, в глазах его мелькнуло прежнее озорное выражение.

— Сказано, как подобает ученому, док! — воскликнул он. — Вероятно, если бы ниоткуда возник огненный ангел и устремился к вам, вы бы полным достоинства тоном объявили ему, что не хотите быть сожженным. Ради Бога, не болтайте чепухи, Гудвин! — почти раздраженно закончил он.

— Зло! Зло! — Голос норвежца звучал низко, он почти распевал. — Здесь все зло. Это Тролдом и Хельвед, да! И эта красивая дьяволица — она всего лишь шлюха Сверкающего дьявола, которому они поклоняются. Я, Олаф Хальдриксон, знаю, что она имела в виду, предлагая вам власть над миром. Как будто в нашем мире и так мало дьяволов!

— Что? — воскликнули мы с О'Кифом одновременно.

Олаф сделал предупредительный жест и замолчал. Послышались шаги, и появился Радор — но Радор изменившийся. Вся насмешливость исчезла; необычно серьезный, он приветствовал О'Кифа и Олафа так, как раньше только Йолару и Лугура. Шум снаружи усилился, потом снова стих. Радор пожал могучими плечами.

— Ладала возбуждены! — сказал он. — Вот что могут сделать два храбрых человека! — Он задумчиво помолчал. — Кости и прах не спорят друг с другом за место у стены могилы! — добавил он странную фразу. — Но кости и прах показали, что они еще... живы...

Он неожиданно смолк, глядя на шар, который приносил известия.

— Афьо Майа послала меня присматривать за вами, пока она вас не вызовет, — четко объявил он. — Будет пир. Ты, Ларри, и ты, Гудвин, пойдете на него. Я останусь здесь — с Олафом.

— Ему — никакого вреда! — резко прервал его О'Киф.

Радор коснулся сердца, потом глаз.

— Клянусь в этом Древними, моей любовью к вам и тем, что вы двое совершили перед Сверкающим! — прошептал он.

Радор хлопнул в ладоши; на тропинке появился солдат, в руках он нес длинный плоский ящик из полированного дерева. Зеленый карлик взял ящик, отпустил солдата, потом открыл крышку.

— Вот твое одеяние для пира, Ларри, — сказал он, указывая на содержимое ящика.

О'Киф посмотрел, протянул руку и вытащил длинную белую блестящую, по-видимому металлическую, рубашку с длинными рукавами, широкий серебристый пояс, что-то похожее на гольфы из того же серебристого материала и сандалии, казалось, отлитые из серебра. Он сделал быстрый жест гневного несогласия.

— Нет, Ларри! — сказал карлик. — Надевай — я советую — молю тебя... не спрашивай почему, — продолжал он быстро, снова посмотрев на шар.

Его серьезность поразила О'Кифа, как и меня. Карлик сделал странно выразительный умоляющий жест. О'Киф резко схватил одежду, прошел в помещение с фонтаном.

— Сверкающий не будет танцевать снова? — спросил я.

— Нет, — ответил Радор. — Нет, — он колебался, — это обычный пир, который следует за... таинством. Лугур и Двойной Язык, который пришел с вами, тоже будут там, — медленно добавил он.

— Лугур, — я удивился, — после всего происшедшего он там будет?

— Может быть, именно из-за происшедшего, Гудвин, друг мой, — ответил он, и в глазах его застыла злость. — Будут и другие, друзья Йолары, друзья Лугура, а может, еще кое-кто... — голос его стал еле

слышен, — кого не приглашали... — Он смолк, испуганно оглянулся на шар; приложил палец к губам и уселся на одном из диванов.

— Бейте в барабаны, — послышался голос О'Кифа, — идет герой!

Он влетел в комнату. Должен признать, что восхищение в глазах Радора отразилось и в моем взгляде, и даже — невольно — во взгляде Олафа.

— Сын Сийаны! — прошептал Радор.

Он поклонился, достал из-за пояса что-то завернутое в шелк, развернул и, все еще коленопреклоненный, поднял кинжал сверкающего белого металла, с рукоятью, украшенной синими камнями; он сунул его за пояс О'Кифу; потом снова отдал ему салют.

— Пошли, — сказал он и повел нас по тропе. Остановился.

— А теперь, — сказал он мрачно, — пусть Молчащие покажут свою силу, если она у них еще есть!

С этим странным благословением он повернул назад.

— Ради Бога, Ларри, — попросил я, когда мы приблизились к дому жрицы, — будьте осторожней!

Он кивнул, но я с каким-то странным предчувствием увидел сомнение в его глазах.

Когда мы поднимались по извилистым ступеням, появился Маракинов. Он сделал знак страже; я удивился, какое влияние он приобрел, потому что стражники быстро, без вопросов, пропустили его. Он дружелюбно улыбнулся мне.

— Нашли ли вы своего друга? — спросил он, и я почувствовал в нем что-то глубоко зловещее. — Нет? Печально! Ну, не сдавайтесь. — Он повернулся к О'Кифу. — Лейтенант, я хотел бы поговорить с вами — наедине.

— У меня нет тайн от Гудвина, — ответил О'Киф.

— Вот как? — вежливо сказал Маракинов. Наклонившись, он что-то шепнул Ларри.

Ирландец вздрогнул, в глазах его появилось выражение изумления, он повернулся ко мне.

— Минутку, док! — сказал он и подмигнул.

Они отошли в сторону. Русский быстро заговорил, Ларри внимательно его слушал. Маракинов становился все серьезнее, Ларри прервал его, задал вопрос. Маракинов взглянул на меня, и, когда он отвел взгляд от О'Кифа, я увидел, как в глазах того мелькнули гнев и ужас. Наконец ирландец сделал вид, что серьезно задумался, кивнул, как будто придя к какому-то заключению, и Маракинов протянул ему руку.

Только я мог заметить микроскопическое колебание, невольное движение Ларри, как будто он хотел стереть что-то нечистое, когда они обменялись рукопожатием.

Маракинов, не глядя на меня, повернулся и быстро вошел внутрь.

Стражники заняли свои места. Я вопросительно взглянул на Ларри.

— Ничего сейчас не спрашивайте, док, — напряженно сказал он. — Подождите до дома. Но могу вам только сказать, что у нас будет немало дел... и скоро...

ИСКУШЕНИЕ ЛАРРИ

Мы остановились перед тонким занавесом, из-за которого доносился гул множества голосов. Занавес раздвинулся, показались двое — вероятно, привратники — в кирасах и килтах; в общем, это напоминало кольчуги. Впервые в этом мире я увидел доспехи. Стражники придерживали складки занавеса, чтобы мы прошли.

Помещение, на пороге которого мы стояли, было гораздо больше прихожей или приемного зала. Не менее трехсот футов длиной и в половину этого шириной; от одного конца до другого два огромных полукруглых стола, параллельно друг другу, разделенные широким проходом и заставленные цветами, фруктами, неизвестными мне яствами, сверкающими хрустальными бокалами и кубками таких же разнообразных оттенков, что и цветы. На диванных подушках у столов десятки светловолосых представителей высшего класса; среди них поднялся гул восторга, смешанного с изумлением, когда они увидели Ларри во всем его серебряном великолепии. Повсюду светящиеся шары разливали свое розоватое сияние.

Карлики в кирасах провели нас по проходу. Внутри образованной полукругами арки стоял еще один овальный стол. Из тех людей, что сидели за ним, я мог смотреть только на Йолару. А она смотрела на нас. Качнулась навстречу О'Кифу — и была она как одна из тех прекрасных девушек, чья красота, по словам мудреца Хоан-Ку, вначале превратила Гоби в рай, и чья похоть позже из нее же сделала выжженную пустыню. Йолара протянула руки к Ларри, и на лице ее была страсть, бесстыдная, неприкрытая.

Она была Цирцея, но Цирцея покоренная. Тончайшая белая ткань покрывала прекрасное розовое тело. В шелковых пшеничных волосах диадема из бледных сапфиров; они еще более бледнели перед ее глазами. О'Киф поклонился, поцеловал ей руки, и в нем чувствовалось нечто большее, чем простое восхищение. Она заметила это — и улыбнулась, усадила его рядом с собой.

Мне пришло в голову, что только они двое: Йолара и О'Киф — в белом, я задумался; но тут нервы мои напряглись. Вошел Лугур. Он был в алом, и при его появлении наступила тишина — напряженная, полная ожидания тишина.

Он взглянул на Йолару, потом на О'Кифа, и мгновенно его лицо стало — ужасным, другого слова я не могу подобрать. Маракинов вскочил из-за стола, у конца которого я сидел, подбежал к Лугуру и

что-то зашептал ему. Со страшным усилием красный гном взял себя в руки; он иронически приветствовал жрицу; занял свое место в дальнем конце овала. Теперь я видел, что за овальным столом сидят еще семь членов Совета, главой которого были жрица Сверкающего и его Голос. Напряжение ослабло, но не ушло — как будто грозовое облако отодвинулось в сторону, но еще угрожающе висит неподалеку.

Я осмотрелся. Этот конец помещения был задрапирован исключительно изящными разноцветными занавесами, увешанными великолепными гирляндами. Между занавесами и столом, за которым сидели Ларри и девять членов Совета, была круглая сцена, примерно десяти ярдов в диаметре, на несколько футов поднятая над полом. Вся ее поверхность была покрыта нежными лепестками ароматных цветов.

По обе стороны сцены, чуть ниже ее, располагались низкие резные сиденья. Занавесы разошлись, и появились девушки с флейтами, арфами и наборами барабанов. Они коснулись своих инструментов: в розовом воздухе зазвучала негромкая расслабляющая музыка.

Сцена готова! Какова будет пьеса?

Столы обходили черноволосые девушки с обнаженной прекрасной грудью, в коротких юбочках, они наливали вино пирующим.

Я поискал взглядом О'Кифа. Что бы там ни сказал Маракинов, Ларри теперь явно думал именно об этом, он даже забыл о сидевшей рядом прекрасной женщине. Глаза его были строгими и холодными, время от времени он задумчиво посматривал на русского. Йолара заметила это, нахмурилась и отдала короткий приказ стоявшей рядом девушке.

Девушка исчезла, потом снова появилась с кувшином, казалось, вырезанным из янтаря. Жрица налила в бокал Ларри чистую жидкость, в которой отражались искры света. Она поднесла бокал к губам, потом отдала его Ларри. Он, слегка улыбаясь, отвлеченно взял бокал, коснулся губами того же места, что и она, осушил. По кивку Йолары девушка снова наполнила бокал.

Ирландец сразу изменился. Отчужденность его исчезла, исчезло напряжение, глаза его заблестели. Он беззаботно склонился к Йоларе, что-то шепнул ей. Ее голубые глаза торжествующе сверкнули, зазвенел ее смех. Она осушила собственный бокал — но в нем был другой напиток, не тот, что у Ларри! Он выпил свой; поднял, снова полный, уловил злобный взгляд Лугура и насмешливо протянул к нему бокал. Йолара придвинулась ближе, соблазнительная, искушающая. Ларри встал, лицо его стало озорным и бесшабашно веселым.

— Тост! — воскликнул он по-английски. — Тост в честь Сверкающего! Пусть ад, которому он принадлежит, заберет свое добро!

Сверкающего он назвал их словом, остальное все произнес на английском, поэтому, к счастью, они не поняли. Но почувствовали его презрительный тон, и наступило мертвое испуганное молчание. Глаза

Лугура сверкнули, в их зелени появились маленькие алые искорки. Жрица наклонилась. О'Киф схватил ее мягкую руку, погладил; взгляд его ушел куда-то далеко.

— Сверкающий! — Он говорил негромко. — Я снова вижу тех, кто танцует с ним. Огни Моры — Бог один знает как — пришли сюда из Эрина. Огни Моры! — Он осмотрел притихших гостей и запел одну из самых странных и причудливых лирических легенд Ирландии — Проклятие Моры:

Злые огни Моры горят для него в ночи,
Больше ему не нужна любовь,
Он не думает о прошлых радостях.
Потому что, когда горят эти огни,
Уходят и горе, и радость...

Йолара попыталась привлечь его к себе; снова он схватил ее за руку. Глаза его застыли, он продолжал:

И в сонной тишине его шаги
Должны продолжать эту мелодию,
Когда весь мир залит серебром луны...

Он стоял, покачиваясь, несколько мгновений, потом со смехом снова осушил свой бокал.

Я ощутил в сердце холод: я потерял всякую надежду, потому что Ларри был отчаянно, смертельно пьян!

Молчание сменилось голосами: прекрасные женщины и карлики украдкой переглядывались, переговаривались. Но вот встала Йолара, лицо у нее было напряженным, глаза серые.

— Слушай, Совет, и ты, Лугур, и все вы, собравшиеся здесь! — воскликнула она. — Я, как жрица Сверкающего, по своему праву выбираю себе мужа. Вот он! — Она указала на Ларри.

Он посмотрел на нее.

— Не понимаю, о чем ты, Йолара, — хрипло сказал он. — Но говори все, что хочешь: мне нравится твой голос.

Меня охватил ужас. Йолара мягко провела руками по кудрявым волосам ирландца.

— Ты знаешь закон, Йолара, — голос Лугура звучал ровно и смертоносно. — Ты не можешь выбирать в супруги неровню тебе. А этот человек чужеземец, варвар, пища Сверкающего!

— Да, он не нашего рода, Лугур, он выше! — спокойно ответила Йолара. — Он сын Сийи и Сийаны!

— Ложь! — взревел красный карлик. — Ложь!

— Эту истину открыл мне Сверкающий! — сказала Йолара. — А если ты не веришь, Лугур, отправляйся к Сверкающему и спроси у него, правда ли это!

В ее последних словах звучала смертоносная угроза — что бы ни значил их тайный смысл для Лугура, значил он очень много. Он стоял, не в силах заговорить, с искаженным лицом; Маракинов

снова наклонился к нему, что-то зашептал. Красный карлик поклонился; теперь в его жестах была ирония; он сел на свое место в наступившей тишине. И я опять с замершим сердцем подумал, какую власть имеет русский над Лугуром.

— Что скажет Совет? — спросила Йолара, поворачиваясь к остальным.

Они недолго посовещались. Затем заговорила женщина с остатками былой красоты.

— Воля жрицы — воля Совета, — ответила она.

Вызывающее выражение покинуло лицо Йолары; она нежно посмотрела на Ларри. Он сидел, покачиваясь, что-то бормотал.

— Пусть придут жрецы! — приказала она и повернулась к затихшему залу. — По обычаю Сийи и Сийаны Йолара берет их сына себе в мужья! — Снова ее рука мягко, как змея, со спокойствием обладания погладила пьяную голову О'Кифа.

Занавесы широко разошлись. Из-за них появились парами двенадцать фигур в капюшонах, в длинных зеленых одеяниях того цвета, который можно увидеть в весеннем лесу, когда распускаются почки. В каждой паре один нес, прижимая к груди, шар из молочного хрусталя, другой — арфу, небольшую, похожую на кларсач — струнный инструмент древних друидов.

По двое вступали они на усыпанную лепестками сцену, осторожно поставили на нее свои шары; по двое присели рядом с ними. Теперь на усеянном лепестками помосте они образовали шестиконечную звезду; одновременно сбросили с лиц капюшоны.

Я привстал: светловолосые юноши и девушки, но таких прекрасных я еще не видел, потому что на лицах их не было той злобы, того легкого оттенка зла, который производил на меня неизгладимое впечатление и о котором я поэтому так часто упоминаю. Пепельно-золотые волосы девушек-жриц были убраны в высокие прически-короны. На светлых волосах юношей были кольца, украшенные прозрачными сверкающими камнями, похожими на лунный. По очереди приподнимая шары и играя на арфах, они запели.

Не знаю, что это была за песня, — и никогда не узнаю. Она казалась древней, древнее всякой памяти; но не древностью предметов, на которые века нанесли свою пыль. Скорее это была древность золотой юности Земли, любовная песня детей Земли, когда над ними всходило новорожденное Солнце; хорал юных звезд, сочетающихся в пространстве; пение апрельских богов и богинь. Меня охватила томная вялость. Розовый свет треножников постепенно мерк, и по мере этого все ярче разгорались огни на сцене. Йолара встала, протянула руку к Ларри, провела его в центр шестиконечной звезды и остановилась лицом к нему в центре этой звезды.

Розовый свет совсем погас; все огромное помещение погрузилось

во тьму, светились только шары на сцене. Их молочное свечение все усиливалось. Песня стихла. Арфы испустили рокочущее арпеджио, и тут же над шарами появились конусы лунного сияния, какое я видел на алтаре Йолары. Причудливо, ласково, маняще арфы повторяли и повторяли мелодию той же древней золотой весны, что была и в песне. И все выше поднимались конусы лунного пламени!

Йолара подняла руки; она сжимала руки О'Кифа. Подняла соединенные руки над головами и начала изящно танцевать по кругу; танец ее напоминал спирали тумана в лунном свете над спокойным ручьем.

Они раскачивались в танце, а арпеджио арф становились громче, и неожиданно лунные конусы склонились, качнулись, опустились к полу, образовали сверкающее кольцо вокруг этих двоих, сверкающий очарованный барьер, и снова начали подниматься, подниматься все выше, выше, скрывая пару.

Одним быстрым движением Йолара расстегнула кольцо бледных сапфиров, встряхнула волной своих шелковых волос. Они упали великолепным водопадом, скрыв их обоих, а сверкающие лунные конусы подползли к их ногам и ползли все выше.

И в душе моей нарастало отчаяние!

Но что это?

Я попытался встать, в темноте вокруг я слышал удивленные возгласы и движение. Откуда-то долетели звуки труб, шаги бегущих людей, громкие крики. Смятение все приближалось. Я слышал крики: «Лакла! Лакла!» Теперь шум был на самом пороге, и в нем выделялся странный, глубокий гулкий звук — громовой раскатистый бас.

Неожиданно музыка арф смолкла; лунные огни дрогнули, опустились и поползли обратно в хрустальные шары. Йолара перестала раскачиваться, застыла, напряженно прислушиваясь. Она отвела в сторону завесу своих волос, и при свете последних уползающих спиралей лицо ее напоминало маску древнегреческой трагедии.

Сладкие губы, которые даже в своей сладости не теряли оттенка жестокости, теперь совсем не казались сладкими. Они раздвинулись, превратились в прямоугольник, страшный, как на лице Медузы; в глазах Йолары сверкал адский огонь, волосы ее шевелились; казалось, это змеи, взятые ею у Горгоны, как и рот, вся ее красота превратилась в нечто, не имеющее названия, — отвратительное, нечеловеческое, проклятое! И если теперь на лице Йолары отражается ее подлинная душа, — подумал я, — Боже, помоги нам!

Я оторвал от нее взгляд и посмотрел на О'Кифа. Все опьянение исчезло, он тоже смотрел на нее, смотрел с невыразимым ужасом и отвращением. Так они стояли, а свет гас.

Но тьма продержалась лишь мгновение. С быстротой молнии чернота, которая образовывала стены помещения, исчезла. Сквозь откры-

тые пространства между зелеными стенами растительности устремилось серебристое сияние.

А в проходе показались невероятные, кошмарные фигуры, по двое, люди-лягушки, выше на ярд, чем даже О'Киф! Их огромные глаза-блюдца с красно-зелеными зрачками, словно фосфоресцировали. В длинных пастях, в полуоткрытых в чудовищной улыбке губах виднелись ряды блестящих, тонких, острых зубов. Над горящими глазами видны были роговые шлемы, черно-оранжевые костные щитки, усаженные заостренными, длиной в фут, рогами.

Они выстроились, как солдаты, по обе стороны прохода между столами, и теперь я мог видеть, что роговые доспехи прикрывают их плечи и спины, образуют на груди подобие кольчуги, а на ногах у них смертоносные острые шпоры. Перепончатые руки и ноги заканчиваются желтыми когтями лопатообразной формы.

В руках они держали копья, не менее десяти футов в длину, наконечники копий были покрыты той вязкой жидкостью, которая вызывает мгновенное разложение и от которой я спас Радора.

Они были гротескны, но не более гротескны, чем другие виденные мною существа, и они были — ужасны!

И тут сквозь их ряды спокойно прошла — девушка! За ней, раздув огромный мешок под горлом, держа в руке огромную древоподобную палицу, шел человек-лягушка, выше остальных; он охранял девушку. Но я его почти не заметил — все мое внимание было прикован к ней.

Потому что именно она указала нам выход от опасностей логова Обитателя на Нан-Тауахе. И, глядя на нее, я удивился, как мог считать жрицу прекрасной. В глазах О'Кифа вспыхнула радость, смешанная со стыдом.

Все в зале заговорили одновременно — гневно, недоверчиво, со страхом.

— Лакла!

— Лакла!

— Служительница!

Она остановилась недалеко от меня. От твердого маленького подбородка до обутых в мягкие сапожки ног она была закутана в одеяние тусклого медного цвета. Левая рука спрятана, правая, одетая в перчатку, свободна. Вокруг нее плотно обвилась лоза, такая же, как на резной стене и на кольце Лугура. Лоза была толстая, ярко-зеленая, и ее пять щупалец проходили между пальцами девушки, вытягивали пять цветочных головок, сверкающих, будто вырезанных из гигантского рубина.

Так она стояла, рассматривая Йолару. Потом, возможно, привлеченная моим взглядом, посмотрела на меня; глаза у нее были золотые, блестящие, в них сверкали крошечные янтарные точки; душа, которая

смотрела через эти глаза, была так же далека от того, что светилось во взгляде жрицы, как зенит от надира.

Я заметил низкий широкий лоб, благородный маленький нос, нежный рот и мягкий солнечный свет, который, казалось, пронизывает ее тонкую кожу. И вдруг в глазах ее мелькнула улыбка — мягкая, дружеская, чуть озорная, успокоительная в своей человечности. Я почувствовал, как сердце мое будто освобождается от оков, возрождается уверенность в реальности мира, как будто в кошмаре я увидел чье-то знакомое лицо и понял, что все ужасы были всего лишь сном. И я невольно улыбнулся ей в ответ.

Она подняла голову и снова посмотрела на Йолару; во взгляде ее было презрение и любопытство; взглянула на О'Кифа — в глазах ее мелькнула тень печали, но ее сменил более глубокий интерес; и поверх всего наивное одобрение, такое же человечное и успокоительное, как и ее улыбка.

Она заговорила, и ее голос, золотой, глубокий, представлял собой синтез всей ее золотой красоты.

— Молчащие послали меня, о Йолара! — сказала она. — И вот что они приказывают тебе: трое из четырех чужеземцев, нашедших дорогу сюда, должны предстать перед ними. В том, кто сговаривается с Лугуром, — она указала на Маракинова, и я заметил, как Йолара вздрогнула, — они не нуждаются. Молчащие заглянули в глубину его сердца: Лугур и ты можете держать его у себя, Йолара!

Ее последние слова прозвучали ядовито-сладко.

Йолара взяла себя в руки; только какая-то резкость в голосе выдавала ее гнев, когда она ответила:

— С каких это пор Молчащие получили право приказывать, чойя?

Я знал, что это очень вульгарное слово; слышал, как в момент гнева Радор назвал так одну из служанок; означало оно буквально «судомойка, кухонный подмастерье». При этом оскорблении кровь прихлынула к коже Лаклы.

— Йолара, — голос ее звучал негромко, — спрашивать меня бесполезно. Я всего лишь посланник Молчащих. И должна я у тебя спросить только об одном: передашь ли ты мне этих чужеземцев?

Лугур вскочил на ноги; в нем кипела сардоническая радость, злобное предвкушение; краем глаза я видел и Маракинова, который скорчился, кусая ногти, и смотрел на Золотую Девушку.

— Нет! — Йолара буквально выплюнула это. — Нет! Клянусь Танароа и Сверкающим, нет! — Глаза ее вспыхнули, ноздри широко раздувались, на горле гневно бился пульс. — Ты, Лакла, отнеси мое послание Молчащим. Скажи, что я удерживаю этого человека, — она указала на Ларри, — потому что он мой. Скажи также, что я удерживаю желтоволосого и этого, — она указала на меня, — потому что так мне нравится.

Скажи им также, что я ставлю свою ногу им на рты, вот так! — она яростно топнула по помосту. — И плюю им в лицо! — Теперь она напоминала змею. — И скажи им также, служанка, что если они посмеют еще раз послать тебя к Йоларе, я скормлю тебя Сверкающему! А теперь — уходи!

Лицо служительницы побледнело.

— Это не осталось непредвиденным Тремя, Йолара, — ответила она. — И так как ты сказала то, что сказала, я должна передать тебе следующее. — Лицо ее затвердело. — У тебя есть три тала, Йолара, чтобы посоветоваться. И к концу этого времени ты должна решить три вопроса: делать или не делать. Во-первых, передать чужеземцев Молчащим; во-вторых, отказаться и тебе, и Лугуру, и всем вас окружающим от мечты завоевать внешний мир; в-третьих, навсегда отречься от Сверкающего! И если ты откажешься сделать хотя бы одно, с тобой покончено, чаша твоей жизни разбита, вино твоей жизни пролито. Да, Йолара, и ты, и Лугур, и Девять, и все здесь присутствующие, и все их родичи — все уйдут. Так говорят Молчащие: «Вы все уйдете, и будет так, будто вас никогда не было!»

Вокруг меня послышались возгласы гнева и страха, но жрица откинула голову и рассмеялась — долго и звонко. С ее серебряным смехом смешался хохот Лугура, и постепенно один за другим гости присоединялись к ним, пока весь зал не задрожал от их веселья. О'Киф с напряженными губами двинулся к служительнице, и она почти незаметно, но безапелляционно велела ему не приближаться.

— Великие слова, да, великие слова, чойя, — выкрикнула наконец Йолара; Лакла снова поморщилась от этого слова. — Ибо лайя за лайей Сверкающий свободен от Молчащих; и лайя за лайей сидели они беспомощно и гнили. И я опять спрашиваю тебя: откуда у них власть надо мной и откуда у них сила, чтобы сражаться со Сверкающим и с теми, кого он любит?

Снова она рассмеялась, и снова Лугур и все светловолосые присоединились к ней.

В глазах Лаклы появилось сомнение, дрожь; как будто в глубине души ее собственная вера не была прочной.

Она колебалась; взглянула на О'Кифа с просьбой о помощи. И Йолара это увидела, потому что вспыхнула от торжества, пальцем показала на служительницу.

— Смотрите! — воскликнула она. — Смотрите! Даже она не верит! — Голос ее стал шелково-серебристым, жестоким, безжалостным. — Теперь я собираюсь дать другой ответ Молчащим. Да! Но не ты отнесешь его, а вот эти, — она указала на людей-лягушек, и, быстрая, как свет, рука ее устремилась к груди, извлекая маленький смертоносный конус.

Но прежде чем она успела его направить на Золотую Девушку,

та высвободила левую руку и набросила на лицо складку металлического одеяния. Быстрее Йолары подняла она руку, в которой держала лозу, и я увидел, что это не просто цветущая лоза.

Она была живой!

Она извивалась в руке, и пять краснеющих цветочных головок устремились к жрице. Они дрожали и удерживались на месте только легким прикосновением руки служительницы.

Из раздутого горла чудовища за девушкой послышалось несколько громовых раскатов. Люди-лягушки развернулись, подняли копья, направили их на толпу. Вокруг вытягивавшихся вперед рубиновых цветов быстро росла слабая красная дымка.

Серебряный конус выпал из напряженных пальцев Йолары; в глазах ее появилось выражение ужаса; вся ее неземная красота исчезла; она стояла мертвенно-бледная. Служительница сняла защитную вуаль, теперь рассмеялась она.

— Оказывается, есть еще у Молчащих то, чего ты, Йолара, боишься! — сказала она. — Ну, что ж, я обещаю тебе поцелуй екты в обмен на объятия Сверкающего.

Она посмотрела на Ларри, смотрела долго, испытующе, и вдруг, словно солнечный луч в темноте, ее лицо осветила улыбка. Она кивнула почти весело; посмотрела на меня, в ее глазах плясали маленькие веселые искорки; помахала мне рукой.

Что-то сказала гиганту человеку-лягушке. Тот встал за ней, лицом к жрице, поднял палицу, блестя клыками. Его войско не двинулось, но продолжало держать копья наготове. Лакла пошла медленно — мне показалось, почти вызывающе, — и когда она дошла до выхода, Ларри соскочил с помоста.

— Alanna! — воскликнул он. — Ты не оставишь меня, когда я тебя нашел!

В возбуждении он заговорил на родном языке, в его речи снова густо зазвучал ирландский акцент. Лакла повернулась, с сомнением посмотрела на Ларри, смотрела нерешительно, как ребенок, принимающий решение, смеет ли он или не смеет взять то, что ему хочется.

— Я иду с тобой, — сказал О'Киф по-прежнему на своем языке. — Пошли, док! — Он протянул ко мне руку.

Но тут заговорила Йолара. Жизнь и красота вернулись к ней, в пурпурных глазах таилась целая толпа дьяволов.

— Ты забыл, что я пообещала перед Сийей и Сийаной? И думаешь, что можешь оставить меня — меня — будто я чойя, как она. — Она указала на Лаклу. — Ты...

— Послушай, Йолара, — почти умоляюще прервал ее Ларри. — Я тебе не давал никаких обещаний, зачем тебе удерживать меня? — Он опять бессознательно перешел на английский. — Будь хорошим парнем, Йолара, — просил он. — У тебя дьявольский характер, ты зна-

ешь, и у меня не лучше; нам будет ужасно плохо вместе. Почему бы тебе не отказаться от этого твоего дьявольского любимца и не быть хорошей?

Она удивленно смотрела на него. Маракинов наклонился, переводя Лугуру. Красный карлик злобно улыбнулся, подошел ближе к жрице; прошептал что-то, несомненно, пересказал на мюранском красноречивые фразы Ларри.

Губы Йолары побледнели.

— Слушай меня, Лакла, — воскликнула она. — Даже если бы мне десять тысяч лайя пришлось жить в боли поцелуя екты, я не отдала бы тебе этого человека. Клянусь тебе в этом Танароа, клянусь своим сердцем и всей своей силой, и пусть сила покинет меня, пусть сердце сгниет в моей груди, пусть Танароа забудет меня, если я это сделаю!

— Послушай, Йолара... — снова начал О'Киф.

— Замолчи, ты! — это был почти крик. И рука Йолары снова устремилась к груди в поисках смертоносного конуса.

Лугур тронул ее за руку, снова что-то прошептал. В ее глазах появился вероломный блеск. Она рассмеялась легко, расслабленно.

— Молчащие просили тебя сказать, Лакла, что они дают мне три тала для решения, — вежливо произнесла она. — Иди с миром, Лакла, и скажи, что Йолара слышала и что три тала, которые они ей дали, она будет думать.

Служительница колебалась.

— Так сказали Молчащие, — наконец ответила она. — Оставайтесь здесь, чужеземцы, — длинные ресницы ее опустились, на щеках появился румянец, — оставайтесь здесь, чужеземцы, до того времени. Но, Йолара, ради твоей силы и сердца, которыми ты поклялась, смотри, чтобы им не причинили никакого вреда, иначе то, что ты пробудила, придет к тебе быстро — это я тебе обещаю, — добавила она.

Глаза их встретились, скрестились, впились друг в друга — черное пламя Абаддоны и золотое пламя рая.

— Помни! — сказала Лакла и вышла.

Гигант человек-лягушка издал громовой звук, его гротескная гвардия развернулась и медленно последовала за своей госпожой; наконец последним исчез гигант с палицей.

НЕПОВИНОВЕНИЕ ЛАРРИ

В зале поднялся шум, но мгновенно стих по взмаху руки Йолары. Она стояла молча, глядя на О'Кифа с выражением, не похожим на слепой гнев; что-то в ее взгляде говорило о сожалении, она почти просила о чем-то. Но самообладание покинуло ирландца.

— Йолара... — голос его дрожал от гнева, он отбросил всякую осторожность, — теперь ты слушай меня. Я иду, куда хочу и когда хочу.

Я остаюсь здесь, пока не пройдет назначенное ею время. И тогда мы уйдем за ней, хочешь ты того или нет. И если кто-то попытается остановить нас... — расскажи им о пламени, разбившем вазу, — мрачно добавил он.

Печаль исчезла из ее взгляда, он стал холодным. Но она ему ничего не ответила.

— Совет должен обсудить слова Лаклы, и немедленно. — Жрица осмотрела присутствующих. — Теперь, мои друзья и друзья Лугура, всякая вражда, все раздоры между нами кончены. — Она быстро посмотрела на Лугура. — Ладала волнуются, и Сверкающему угрожают. Но не бойтесь — разве со Сверкающим мы не сильны? А теперь оставьте нас.

Она опустила руку на стол и, очевидно, дала какой-то знак, потому что появилось полтора десятка карликов.

— Отведите этих двоих на место, — сказала она, указывая на нас.

Зеленые карлики столпились вокруг нас. Даже не взглянув на жрицу, О'Киф пошел рядом со мной из зала. И только когда мы были у выхода со столбами, Ларри заговорил.

— Ужасно не хотелось так разговаривать с женщиной, док, — сказал он, — к тому же хорошенькой. Но вначале она играет со мной мечеными картами, а потом крадет не только все козыри, но и пистолет. Какого дьявола — она чуть не женила меня на себе! Не знаю, что она мне дала; но поверьте, если бы у меня был рецепт изготовления, я мог бы продавать его по тысяче долларов за порцию на углу Сорок Второй и Бродвея. Один глоток — и забываешь все беды мира; три глотка — и вообще забываешь о мире. Это, конечно, не оправдание, док; но меня не беспокоит, что скажете вы или Лакла — это не моя вина, и я себя нисколько не виню.

— Должен признаться, меня несколько тревожат ее угрозы, — сказал я, не обращая внимания на его слова.

Он резко остановился.

— Чего вы боитесь?

— Главным образом, — сухо ответил я, — мне не хочется танцевать со Сверкающим!

— Послушайте меня, Гудвин. — Он снова нетерпеливо двинулся вперед. — Я люблю вас и восхищаюсь вами; но это место подействовало вам на нервы. Отныне некий Ларри О'Киф, родом из Ирландии и отчасти из США, ведет отряд. Никакой дрожи, никаких суеверий! Я впереди! Поняли?

— Да, понял! — раздраженно ответил я. — Но будьте добры, больше не говорите о суевериях.

— Почему это? — Он говорил почти гневно. — Вы, люди науки, строите целую философию на базе того, чего никогда не видели, и насмехаетесь над людьми, которые верят в другое, чего, как вы счи-

таете, они никогда не видели и что не подходит под ваши научные ярлычки. Вы говорите о парадоксах — да ведь ученый, который считает себя самым скептическим, самым материалистическим набором атомов, когда-либо собиравшихся в математическом центре в Миссури, так вот, у этого ученого больше слепой веры, чем у какого-нибудь дервиша, больше темноты и суеверия, чем у косоглазого деревенского парня, который со страхом идет ночью при луне вдоль кладбища.

— Ларри! — воскликнул я, оскорбленный.

— Олаф не лучше, — сказал он, — но для него я могу сделать скидку. Он моряк. Нет, сэр. Экспедиции нужен человек без суеверий. И запомните. Гном пообещал, что меня предупредят, прежде чем что-нибудь случится. И если нам придется уходить, мы еще увидим, как целая стая банши очищает здесь все, и уйдем в блеске славы. И не забывайте. Отныне — я старший!

К этому времени мы достигли нашего павильона; боюсь, что мы оба были не в самом дружелюбном расположении духа. Радор ждал нас с двумя десятками своих людей.

— Никто не должен входить без разрешения — и никто не должен выходить, если я его не сопровождаю, — резко приказал он. — Вызовите самую быструю из кориа, пусть ждет наготове, — добавил он, как бы приняв решение в последний момент.

Но когда мы вошли и стены-экраны опустились, его манеры изменились; он оживленно стал нас расспрашивать. Мы кратко рассказали, что произошло на пиру, о драматичном появлении Лаклы и о том, что последовало за этим.

— Три тала, — задумчиво сказал он, — Молчащие дали три тала на размышление, и Йолара согласилась. — Он откинулся, молчаливый и задумчивый [1].

— Да, — сказал Олаф. — Да! Я говорил вам, что хозяйка Сверкающего дьявола — само зло. Да! Сейчас я снова начну рассказ, который начал, когда он пришел, — он взглянул на погруженного в свои мысли Радора. — Но я не говорил ему всего, о чем он спрашивал. Я никому не верю в этом Тролдоме, никому, кроме Белой Девы!

После того, как старик был adsprede, — Олаф использовал выразительное норвежское слово, описывая исчезновение Сонгара, — я понял, что сейчас время для хитрости. Я сказал себе: «Если они подумают, что у меня нет ушей, чтобы слышать, они будут говорить; и так я найду способ спасти мою Хельму и друзей доктора Гудвина». Да, и они говорили.

Красный тролль спросил русского, как тот стал поклоняться Танароа. — Я не удержался от быстрого торжествующего взгляда на О'Кифа. — И русский, — рокотал Олаф, — сказал, что его народ по-

[1] Тал в Мюрии равен тридцати часам на поверхности Земли.

клоняется Танароа и воюет с другими народами, которые отрицают Танароа.

И тут мы пришли в дом Лугура. Меня отвели в комнату, пришли люди, они растерли меня, смазали маслом, расслабили все мышцы. На следующий день я боролся с сильным карликом по имени Валдор. Очень сильный человек, и мы боролись долго, и я сломал ему спину. И Лугур был доволен, а потом я пировал с ним, с нами был и русский. И опять, не зная, что я их понимаю, они разговаривали.

Русский действовал быстро и зашел далеко. Они говорили о Лугуре как об императоре всей Европы, и о Маракинове как его ближайшем приближенном. Они говорили о зеленом свете, который отобрал жизнь у старика; и Лугур сказал, что это тайна Древних и что у Совета не очень много такого оружия. Но русский ответил, что в его народе много мудрецов; получив в руки это оружие, они изучат его и сделают такое же.

А на следующий день я боролся с карликом по имени Таола, и он был сильней Валдора. С ним я боролся очень-очень долго и тоже сломал ему спину. И снова Лугур был доволен. И снова мы сидели за столом, он, русский и я. На этот раз они говорили о том, что у этих троллей есть Svaelc — пропасть, по которой падаешь в небо!

— Что! — воскликнул я.

— Я знаю об этом, — сказал Ларри. — Подождите!

— Лугур очень много выпил, — продолжал Олаф. — Он стал хвастать. Русский уговаривал его показать нам. Немного погодя красный ушел и вернулся с маленьким золотым ящичком. Они с русским пошли в сад. Я за ними. Здесь была маленькая hoi — груда — камней, на которой росли цветы и деревья.

Лугур нажал на ящичек, и оттуда вылетела искра, не больше зернышка, и упала на камни. Лугур нажал снова, и синий свет из ящичка озарил искру. Искра, которая была не больше пшеничного зерна, когда ее коснулся синий свет, начала расти. Потом что-то сверкнуло, подул ветер — и камней, и цветов, и деревьев не стало. Они forsvinde — исчезли!

Тут Лугур, который все смеялся, быстро отрезвел; он оттолкнул русского назад, подальше от этого места. А скоро на сад обрушились камни и деревья, но сломанные и разбитые, и падали они будто с большой высоты. И Лугур сказал, что этого у них много, потому что это создали не древние, а недавние предки.

Они боялись этим пользоваться, говорил он, потому что искра втрое большая может отправить вверх все сады и даже открыть путь наружу раньше — вот как он сказал — «раньше, чем мы будем готовы выйти»!

Русский начал расспрашивать, но Лугур велел принести еще вина, и стал веселее, и начал угрожать русскому, и русский от страха за-

молчал. И впоследствии я слушал, когда мог, но узнал мало. Да! Лугур стремится к завоеванию; Йолара тоже, и весь Совет с ними. Им надоело жить здесь, да и близость Сверкающего внушает им беспокойство, хотя они и насмехаются над ним. И у них есть план: править всем миром вместе со своим Сверкающим дьяволом.

Норвежец немного помолчал, потом глубоким дрожащим голосом сказал:

— Тролдом проснулся, Хельвед сидит у ворот Земли, готовясь ворваться в мир, в котором и так множество дьяволов! А нас всего трое!

Кровь отхлынула у меня от сердца. Но в Ларри жил боевой дух тысячелетнего рода О'Кифов. Радор посмотрел на него, встал, ушел за занавес и принес мундир ирландца.

— Надевай, — резко сказал он; О'Киф испустил могучий радостный рев. Он сорвал с себя блестящую одежду.

— Ричард снова Ричард! — закричал он; и по мере того, как он одевался, уверенность и беззаботность его все увеличивались. Наконец, одевшись, он выпрямился перед нами.

— Склонитесь, дьяволы! — воскликнул он. — Бейтесь головой о пол перед Ларри Первым, императором Великобритании, самодержцем всей Ирландии, Шотландии, Англии и Уэльса, а также прилегающих вод и островов! Кланяйтесь, подонки, кланяйтесь!

— Ларри, — сказал я, — вы с ума сошли!

— Нисколько, — ответил он. — Если товарищ Маракинов на своем уровне, то я император и гораздо больше. Принесите королевские драгоценности и натяните на арфу Тары новые золотые струны, и навсегда покончим с этим англичанином! Уф!

Он высоко подпрыгнул.

— Приятно надеть старые тряпки, — улыбнулся он. — Их прикосновение ударило мне в голову. Но я об империи говорил серьезно.

Он действительно посерьезнел.

— Большую часть того, что рассказал Олаф, я понял по намекам Йолары. Но полностью все узнал от самого красного, когда мы остановились перед тем... — он покраснел, — ну перед тем, как я отведал этого нового зелья.

Может, он что-то унюхал, а может, просто догадывался, что я знаю больше. И считал, что мы с Йоларой будем двумя любящими голубками. К тому же он рассчитал, что Йолара имеет гораздо больше влияния на Нечестивый Фейерверк, чем Лугур. И что ею легче будет управлять, потому что она женщина. И если все это так, как ему логичней всего поступить? Конечно! Предать Лугура и заключить союз со мной! Он хладнокровно предложил угробить красного карлика, если я смогу управлять Йоларой. И моей наградой от России будет это самое императорство. Представляете! Милостивый Боже!

И он расхохотался. Но мне, после того, что сделала Россия и на что она еще способна, положение совсем не казалось смешным. Мне казалось, что я чувствую приближение ужасной катастрофы.

— Тем не менее, — Ларри почти успокоился, — я слегка испуган. У них есть кет и эти уничтожающие тяготение бомбы...

— Уничтожающие тяготение! — воскликнул я.

— Конечно, — ответил он. — Маленькая фея, которая послала вверх камни и деревья из сада Лугура. Маракинов тогда глотал слюнки. Прекращается действие гравитации, точно так, как стены преграждают доступ свету; естественно, все, что находится в радиусе действия, отправляется прямо к Луне...

Они нас держат за горло, не стоит закрывать на это глаза, — продолжал Ларри. — С этими бомбами и кетом, с невидимыми солдатами, которые могут подобраться незаметно и убить, когда захотят, по сравнению с этим худшие большевики — всего лишь дети, а, док?

Сверкающий не так уж страшен: струя нью-йоркского пожарного насоса под высоким давлением — и с ним будет покончено! Но остальное — да, это здорово! Поверьте мне!

Но на этот раз убежденность О'Кифа не вызвала во мне отклика. Не так легко, как он, воспринимал я эту ужасную загадку, и передо мной пронеслось видение апокалипсиса, который и не снился никакому евангелисту.

Я видел, как Сверкающий врывается в наш мир — чудовищный, пламенеющий, великолепный столб вечного воплощенного зла; люди в его радужных объятиях переходят в состояние жизни-смерти, какое я видел уже у его жертв; армии превращаются в дрожащие яркие атомы под лучами зеленой смерти; города устремляются в небо на крыльях другой демонической силы, действие которой наблюдал Олаф; страшный мир, по которому невидимками проходят убийцы со двора Обитателя, неся с собой все страсти ада, присоединяя к себе все души слабые и неуравновешенные, мистические и хищные; я знал, что ни один народ не сможет сдержать этого полубога, и зараза быстро распространится.

И мир превращается в царство жестокости и ужаса, источник похоти, ненависти и мучений; хаос ужаса, в котором Обитатель будет становиться все сильнее, призрачные орды поглощенных им — все больше; повсюду будет он насаждать свою нечеловеческую волю!

И наконец — погибшая планета, космическая чума, плывущая в содрогающихся небесах; ее зеленые равнины, ее шепчущие леса, ее луга и горы населены только бездушными, безмозглыми живыми-мертвыми, их оболочки освещаются адским огнем Обитателя, и в этом мире, высосанном вампиром, как пламя далекого ада, какого не может представить себе никакое человеческое воображение, — сам Обитатель!

Радор вскочил на ноги, подошел к шепчущему шару. Склонился к его основанию; что-то сделал с его механизмом; подозвал нас. Шар вращался быстро, быстрее, чем раньше. Послышался какой-то гул, потом четко — голос Лугура:

— Значит, война?

Возгласы согласия: это заседание Совета, подумал я.

— Я забираю высокого, по имени Ларри. — Это голос жрицы. — Через три тала, Лугур, ты его получишь и можешь поступить с ним, как захочешь.

— Нет! — Снова голос Лугура, но теперь в нем звучит гнев. — Все должны умереть.

— Он умрет, — опять Йолара. — Но я хочу, чтобы он сначала увидел смерть Лаклы и чтобы она узнала, что будет с ним.

— Нет! — Я вздрогнул: голос Маракинова. — Сейчас не время, Йолара, для капризов. Вот мой совет. Через три тала Лакла придет за ответом. Ваши люди будут ждать в засаде и быстро кетом убьют ее и весь ее эскорт. Но только после этого нужно убить троих — и очень быстро. Когда Лакла умрет, мы пойдем к Молчащим, и обещаю вам, что найду способ уничтожить их!

— Да будет так! — Голос Лугура.

— Да будет так, Йолара. — Женский голос; я узнал голос пожилой женщины со следами прежней красоты. — Выбрось из головы все чувства к этому чужеземцу — и любовь, и ненависть. Совет согласен в этом с Лугуром и мудрым человеком.

Наступила тишина. Потом мрачный голос жрицы:

— Да будет так!

— Радор должен отвести троих в храм и передать верховному жрецу Сатору, — сказал Лугур, — пока не придет то, что мы планируем.

Радор нажал основание шара; он перестал вращаться. Карлик повернулся к нам, собираясь заговорить, но тут послышался безапелляционный звон, и поверхность шара покрылась шепчущими волнами.

— Слышу, — ответил зеленый карлик. — Их отведут немедленно.

Шар смолк.

Радор снова повернулся к нам.

— Вы сами слышали, — сказал он.

— Ни за что в жизни, Радор, — сказал Ларри. — Делать нечего! — И продолжал уже на мюранском: — Мы идем к Лакле, Радор. И ты нас поведешь. — Он прижал пистолет к боку зеленого карлика.

Радор не шевельнулся.

— Какой смысл, Ларри? — негромко спросил он. — Ты можешь убить меня — но все равно вас захватят. Жизнь не так высоко ценят в Мюрии, чтобы мои люди снаружи и другие пропустили бы вас — хотя вы многих можете убить. А в конце концов вас все равно захватят.

На лице О'Кифа появилось выражение нерешительности.

— А если я вас отпущу, — добавил Радор, — мне придется танцевать со Сверкающим и что-нибудь еще хуже!

О'Киф опустил пистолет.

— Ты хороший парень, Радор, — сказал он, — я не хочу навлекать на тебя беду. Отведи нас в храм. Ведь там твоя ответственность кончается, верно?

Зеленый карлик кивнул; на лице его появилось странное выражение — облегчение? Или более возвышенное чувство?

Он резко повернулся.

— Следуйте за мной, — сказал он.

Мы вышли из маленького веселого павильона, который в этом чуждом мире стал нашим домом. Стражники застыли.

— Ты, Саттоя, оставайся у шара, — приказал он одному из них. — Если Афьо Майа спросит, скажи, что мы в пути с чужеземцами, как и было приказано.

Через ряды солдат мы прошли к кориа, который, как большая раковина, стоял у зеленой дороги.

— Подожди здесь, — коротко приказал Радор водителю. Потом занял его сиденье, взял рычаг, и мы понеслись по дороге из блестящего обсидиана.

Радор посмотрел на нас и рассмеялся.

— Ларри, — воскликнул он, — мне нравится твой дух! Неужели ты думаешь, что Радор отведет в храм человека, который предпочел пытку, чтобы спасти меня? Или ты, Гудвин, который спас меня от гнилой смерти? Для чего же я привел этот кориа, для чего дал вам возможность слушать эти угрозы...

Он повернул кориа налево, в сторону от храма.

— Я покончил с Лугуром, Йоларой и Сверкающим! — воскликнул Радор. — Моя рука с вами тремя, и за Лаклу и за тех, у кого она служительница!

Раковина рванулась вперед; мне показалось, что мы летим.

СКВОЗЬ ТЕНЬ

Мы направлялись к последнему мосту, чья древность выделяла его среди других воздушных арок. Скорость раковины уменьшилась; мы приближались осторожно.

— Мы должны пройти здесь? — спросил О'Киф.

Зеленый карлик кивнул, указывая направо, где мост заканчивался широкой платформой, высоко поднятой на двух гигантских пирсах, между которыми проходила зеленая дорога. Платформа и мост кишели вооруженными людьми; они теснились на парапетах, с любопытст-

вом глядя на нас, но никаких признаков враждебности не было. Радор облегченно перевел дыхание.

— Значит, нам не придется прорываться? — В голосе ирландца звучало разочарование.

— Бесполезно, Ларри. — Улыбаясь, Радор остановил кориа под аркой у одного из пирсов. — Теперь слушайте внимательно. Их не предупредили: Йолара до сих пор считает, что мы на пути в храм. Тут проход, и он закрывается Тенью. Я когда-то командовал тут и знаю законы Тени. Я должен сделать вот что: хитростью убедить Серку, хранителя прохода, поднять Тень; или поднять ее самому. Это будет трудно, и не исключено, что мы все лишимся жизни. Но лучше умереть в бою, чем танцевать со Сверкающим!

Раковина обогнула пирс. Открылась широкая площадь, вымощенная вулканическим стеклом, но черная, как тот проход, по которому мы спускались из помещения Лунного бассейна. Она сверкала, как зеркальное гагатовое озеро; по обе стороны возвышались, как мне показалось, бастионы из того же черного обсидиана; посмотрев внимательней, я убедился, что это сооружение, созданное людьми; в полированных стенах виднелись десятки узких окон.

С каждого фасада опускалась лестница, прерываемая небольшими площадками с дверьми; лестницы кончались на широком выступе из сероватого камня, который ограждал черное каменное озеро; сюда же вели две широкие лестницы с моста. На всех четырех лестницах рядами стояли солдаты; на самом выступе тут и там видны были раковины — все очень напоминало стоянку машин в нашем мире.

Высоко вздымались мрачные стены бастионов; они изгибались и оканчивались двумя столбами-обелисками, между которыми, как огромный занавес, простиралась непроницаемая чернота, которая, как я знал, стоит непроходимой преградой между жизнью и смертью. В ее черноте, в отличие от других подобных стен, чувствовалось какое-то движение, дрожь постоянная и ритмичная; ее не было видно, она улавливалась каким-то более тонким чувством: как будто здесь бился быстрый пульс черного света.

Зеленый карлик медленно свернул к правому краю; остановил кориа не более чем в ста ярдах от мрачного барьера, у широкого низкого входа в крепость. У входа стояли два стражника, вооруженные широкими мечами, которые заканчивались люнетом со зловещими зубцами. Они подняли в приветствии свое оружие, и из ворот вышел карлик, могучий, как Радор, одетый так же, как он, и вооруженный таким же кинжалом — знаком высшего офицера в армии Мюрии.

Зеленый карлик выскочил из раковины.

— Приветствую тебя, Серку! — сказал он. — Я ищу кориа Лаклы.

— Лаклы! — воскликнул Серку. — Но ведь служительница прошла со своими акка почти ва назад!

— Прошла! — удивление зеленого карлика было таким искренним, что я сам чуть не поверил. — Ты ее пропустил?

— Конечно, я ее пропустил... — Но под взглядом зеленого карлика на лице Серку появилось тревожное выражение. — А почему я не должен был ее пропускать? — с опаской спросил он.

— Потому что так приказала Йолара, — холодно ответил Радор.

— Я не получал приказа. — На лбу Серку показались капли пота.

— Серку, — быстро прервал его зеленый карлик,— мое сердце болит о тебе. Это дело Йолары, Лугура и Совета; да, даже Сверкающего! И приказ был отдан — вся судьба Мюрии зависит от того, чтобы ты выполнил приказ и вернул Лаклу вместе с этими чужеземцами на Совет. Сердце мое болит, потому что я не хочу видеть, как ты танцуешь со Сверкающим, Серку! — негромко закончил он.

Охранник ворот побледнел, он дрожал.

— Пойдем со мной и поговори с Йоларой, — взмолился он. — Я не получал приказа... скажи ей...

— Подожди, Серку! — В голосе Радора прозвучало неожиданное вдохновение. — Этот кориа быстрее того, что у Лаклы. Если Лакла всего в ва от нас, мы догоним ее до того, как она пройдет Ворота. Подними Тень — мы вернем ее; я сделаю это ради тебя, Серку.

Несмотря на страх, Серку испытывал сомнения.

— А почему бы тебе не оставить чужеземцев со мной? — спросил он, по-моему, не без основания.

— Нет, — резко ответил Радор. — Лакла не вернется, если эти трое не будут доказывать нашу добрую волю. Пойдем, поговорим с Йоларой, пусть она судит тебя... — Он двинулся, но Серку схватил его за руку.

— Нет, Радор, нет! — прошептал он, охваченный страхом. — Иди — как хочешь. Но приведи ее назад! Быстрее, Радор! — Он бросился к входу. — Я подниму Тень...

Что-то в позе зеленого карлика изменилось, он будто к чему-то прислушивался. Потом подошел к Серку.

— Я пойду с тобой, — услышал я. — Мне кое-что нужно сказать тебе... — И они исчезли.

— Прекрасная работа! — сказал Ларри. — Присваивается ирландское гражданство человеку по имени Радор... конечно, когда мы выберемся отсюда...

Тень дрогнула, исчезла; за ней показалась дорога между высокими зелеными холмами, она исчезала в зеленеющей дали.

И тут из входа послышался крик — предсмертный крик! Он прорезал тишину, как стрела. Прежде чем он смолк, по лестницам устремились стражники. Те, что стояли на пороге, обнажили мечи и заглянули внутрь. Неожиданно между ними появился Радор. Один из стражников бросил оружие и схватил Радора — мелькнул кинжал зеленого

карлика и погрузился в горло стражника. Над головой Радора взвилось лезвие второго. В руке О'Кифа сверкнул огонь, и меч, казалось, сам вылетел из руки солдата; еще один выстрел, и солдат упал. Радор прыгнул в раковину, сел на сиденье водителя — и мы понеслись между столбами, где не было Тени!

Послышался шум, на нас обрушивались огромные крылья тьмы. Полет кориа будто задержала рука гиганта. Раковина резко наклонилась, раздался металлический треск; кориа задрожал, устремился вперед. Я с трудом пришел в себя и оглянулся.

Тень снова опустилась, но слишком поздно, она опоздала на мгновение. Мы уходили от нее, она уменьшалась на расстоянии, но вся напрягалась, дрожала от гнева, как афрет, прикованный Иблисом, пыталась вернуть назад тех, кто прорвался сквозь ее путы. Только потом мы узнали, что рука умирающего, уходящего в забвение Серку попыталась накинуть ее на нас, как ловец набрасывает сеть на птицу.

— Отличная работа, Радор! — сказал Ларри. — Но зад твоей машины срезан!

Четверть заднего завитка исчезла, отрезанная как ножом. Радор беспокойно посмотрел туда.

— Плохо, — сказал он, — но, может, еще и не очень. Все зависит от того, как быстро за нами погонится Лугур со своими людьми.

Он поднял руку, приветствуя О'Кифа.

— Тебе, Ларри, я обязан жизнью: даже кет не спас бы меня, если бы не твое смертоносное пламя, друг.

Ирландец беззаботно помахал рукой.

— Серку, — зеленый карлик достал из-за пояса окровавленный кинжал, — Серку я вынужден был убить. В тот момент, как он поднял Тень, шар передал сигнал тревоги. Лугур следует за нами с дважды десятью на десять своих лучших людей... — Он колебался. — Мы ушли от Тени, но она отняла у нас скорость. Мы должны достичь Входа, прежде чем он закроется за Лаклой... если не сумеем... — Он снова помолчал. — Что ж... я знаю дорогу... но не хотелось бы по ней идти... нет!

Он открыл крышку помещения, в котором находился шар с пламенеющим внутри кристаллом, с беспокойством всмотрелся внутрь. Я подполз к отрезанному концу кориа. Края раскрошились, растрескались. У меня в руках они рассыпались пылью. Удивленный, я вернулся туда, где сидел Ларри; он насвистывал и со счастливой улыбкой полировал свой пистолет. Взгляд его упал на мрачное, печальное лицо Олафа и смягчился.

— Подбодритесь, Олаф! — сказал он. — У нас хорошая возможность подраться. Как только соединимся с Лаклой и ее лягушками,

я уверен, мы найдем вашу жену — не сомневайтесь! Ребенок... — он неловко помолчал.

Глаза норвежца наполнились слезами; он протянул к О'Кифу руку.

— Yndling — она de Dode [1], — прошептал он. — Она среди блаженных мертвых. За нее я не боюсь, и за нее мне дано будет отомстить. Да! Но моя Хельма — она мертвая-живая... как те, что, словно высохшие листья, вертятся в Сверкающем... и я хочу, чтобы она и остальные тоже стали de Dode. Я не знаю, как сражаться со Сверкающим, не знаю!

В голосе его звучало отчаяние.

— Олаф, — Ларри говорил мягко, — мы победим, я знаю это. Помните одно. Все эти штуки, которые кажутся нам такими странными и... ну, сверхъестественными, что ли, это все трюки, в которых мы просто не разобрались. Послушайте, Олаф, если вы возьмете фиджийца и сунете его во время войны в центр Лондона: вокруг носятся машины, ревут сирены, бегают солдаты, десяток вражеских самолетов бросает бомбы, и по всему небу лучи прожекторов — разве он не решит, что попал в ад, к самым злым демонам? Конечно, решит! Но все, что он увидит, совершенно естественно, так же нормально, как все остальное, если только знаешь ответ. Мы не фиджийцы, конечно, но принцип тот же.

Норвежец обдумал его слова; серьезно кивнул.

— Да! — сказал он наконец. — И мы можем сражаться. Поэтому я обратился к богу битвы Тору, да! И у меня есть одна надежда для моей Хельмы — на белую девушку. С тех пор как я обратился к старым богам, мне стало ясно, что я убью Лугура и что эта злая ведьма Йолара тоже умрет. Но я хотел бы поговорить с белой девушкой.

— Ну, хорошо, — сказал Ларри, — но не бойтесь того, что не понимаете. Еще одно, — он нервничал, — еще одно может вас удивить, когда мы встретимся с Лаклой... ее... гм... лягушки!

— Как та женщина-лягушка, которую мы видели на стене? — спросил Олаф.

— Да, — быстро ответил Ларри. — Мне кажется, что там, где живет Лакла, эти лягушки вырастают большими, и вообще они там... другие. Лакла их выучила. Научила носить копья и дубинки... ну, как дрессируют тюленей и обезьян в цирке. Может, в том месте такой обычай. Ничего в этом нет странного, Олаф. У людей самые разные домашние животные: броненосцы, змеи, кролики, кенгуру, слоны и тигры.

Я вспомнил, как с самого начала поразила Ларри женщина-лягушка, и подумал, что он скорее убеждает себя, чем Олафа.

---

[1] Мертва (*норв.*). — Прим. перев.

— Я помню одну хорошенькую девушку из Парижа. Так вот, у нее жили четыре питона... — продолжал он.

Но я его больше не слушал, потому что убедился, что мои догадки верны.

Дорога начала поворачивать к высоким скалам с остроконечными выступами; за камни цеплялись заросли янтарного мха.

Деревья совершенно исчезли, и посреди мха виднелись только кусты, похожие на иву, с их ветвей, как виноградные гроздья, свисали белые цветы. Освещение изменилось; исчезли танцующие, сверкающие точки, серебро сменилось мягкой серостью. Перед нами поднимались медные утесы, как те стены, которые мы видели скрывающимися в дымке. И тут я заметил что-то еще. Скорость нашей раковины заметно падала! Отверстие, ведущее в ионизирующий механизм, по-прежнему было открыто; я заглянул внутрь. Вращающийся огненный шар потускнел, его струя не уходила в цилиндр, а завивалась назад, будто стремилась вернуться к своему источнику. Радор мрачно кивнул.

— Тень взяла свое, — сказал он.

Мы начали подъем, Ларри схватил меня за руку.

— Смотрите! — воскликнул он, указывая назад.

Далеко за нами, так далеко, что дорога казалась блестящей нитью, появились светящиеся точки.

— Лугур со своими людьми, — сказал Радор.

— Можешь пришпорить ее? — спросил Ларри.

— Пришпорить? — удивленно переспросил зеленый карлик.

— Ну, подтолкнуть, заставить двигаться быстрее, — объяснил О'Киф.

Радор осмотрелся. Медный утес был уже близко, до него не более трех наших миль; перед нами дорога плавно поднималась, и наш кориа пытался одолеть этот подъем — причем скорость его все уменьшалась. За нами послышались крики, и мы поняли, что Лугур и его люди близко. Нигде не видно было Лаклы и ее людей-лягушек.

Мы находились на полпути к верхней точке подъема; раковина буквально ползла; из-под нее доносилось слабое шипение; она задрожала, и я понял, что ее основание больше не висит над дорогой, а касается ее.

— Наш последний шанс! — воскликнул Радор.

Он нажал на рычаг и вырвал его из гнезда. Светящийся шар мгновенно взбух, завертелся с огромной скоростью и послал каскад искр в цилиндр. Раковина поднялась, прыгнула в воздух; темный кристалл разлетелся на куски; шар погас — но по инерции мы достигли вершины. Тут мы застыли на мгновение, и я увидел по другую сторону перевала дорогу, уходящую вниз по склону обширной, покры-

той мхом долины. Долина по форме напоминала чашу, она резко обрывалась у основания вертикальной скалы.

Мы в своей неуправляемой раковине, не в силах повернуть или замедлить ход, понеслись прямо навстречу утесам.

И тут пригодилась летная тренировка Ларри. Когда утес приблизился, Ларри прыгнул на Радора, вместе с ним навалился на бок летящей машины. От толчка прекрасно уравновешенная машина свернула с курса. Ударилась о мягкий низкий бок дороги, подскочила высоко в воздух, упала на толстый ковер растительности, завертелась, как дервиш, и опрокинулась набок. Нас выбросило из нее, мы отлетели на несколько ярдов, но мох предотвратил переломы или серьезные ушибы.

— Быстрее! — воскликнул зеленый карлик.

Он схватил меня за руку, помог встать и побежал к основанию утеса не далее чем в ста футах от нас. За нами бежали О'Киф и Олаф. Слева находилась дорога. Она внезапно обрывалась, ее перерезала плита полированного алого камня в сто футов высотой и такой же ширины; она была укреплена в стене утеса. По каждую сторону от нее возвышались столбы, вырубленные в скале, огромные, почти такие же, как те, что удерживали радужную завесу Сверкающего. На плите было вырезано какое-то изображение, но у меня не было времени даже чтобы бросить взгляд. Зеленый карлик снова схватил меня за руку.

— Быстрее! — снова крикнул он. — Служительница прошла!

Справа от входа находилась невысокая стена из расколотых камней. Мы перепрыгнули через нее, как кролики. За ней оказалась узкая тропа. Пригнувшись, мы побежали по ней вслед за Радором; пробежали триста-четыреста футов — и тропа закончилась тупиком. За нами раздавались все более громкие крики.

Первая из преследующих раковин поднялась на вершину, застыла на мгновение, как мы, и начала спуск. В ней я увидел Лугура.

— Чуть ближе, и я сниму его! — яростно прошептал Ларри. Он поднял пистолет.

Руку его перехватила могучая хватка; рядом с ним, блестя глазами, стоял Радор.

— Нет! — выдохнул зеленый карлик.

Он навалился плечом на один из камней, образовавших тупик. Камень отодвинулся, обнаружив щель.

— Внутрь! — приказал он, напрягаясь под весом камня.

О'Киф скользнул внутрь, Олаф за ним, потом я. С быстротой молнии карлик оказался тут же, избежав удара камня лишь на толщину волоса! Камень встал на место.

Мы оказались в киммерийской тьме. Я порылся в кармане в по-

исках фонарика и с отчаянием вспомнил, что оставил его вместе со своей медицинской сумкой. Но Радор, казалось, не нуждался в свете.

— Держитесь за руки! — приказал он.

Мы ползли цепочкой, держась за руки, как дети, в полной темноте. Наконец зеленый карлик остановился.

— Ждите меня здесь, — прошептал он. — Не шевелитесь. И ради вашей жизни — молчите!

И исчез.

ДРАКОНИЙ ЧЕРВЬ И СМЕРТОНОСНЫЙ МОХ

Целую вечность — так мне во всяком случае показалось — мы ждали. Потом так же молча, как исчез, вернулся зеленый карлик.

— Все в порядке, — сказал он; напряжение исчезло из его голоса. — Снова возьмитесь за руки и двигайтесь за мной.

— Минутку, Радор. — Это Ларри. — Лугур знает про этот боковой вход? Если знает, почему бы нам с Олафом не вернуться к отверстию и не подождать их там? Мы их сможем задержать надолго — и дадим вам с Гудвином время добраться до Лаклы и попросить помощи.

— Лугур знает тайну входа — если посмеет им воспользоваться, — с какой-то странной уклончивостью ответил Радор. — А теперь, когда они бросили вызов Молчащим, я думаю, он посмеет. К тому же он нашел наши следы; возможно, он знает и об этом тайном пути.

— Ради Бога! — в изумлении воскликнул О'Киф. — Если он это знает, а ты знаешь, что он знает, почему ты не дал мне прикончить его, когда была такая возможность?

— Ларри, — с необычной для него кротостью ответил зеленый карлик. — Мне тоже это показалось хорошей идеей — вначале. Но потом я услышал приказ, услышал ясно приказ остановить тебя — Лугур должен умереть не сейчас, его ждет более страшная месть.

— Приказ? От кого? — Голос ирландца, доносившийся из тьмы, выражал крайнее изумление.

— Мне кажется, — шепотом ответил Радор, — мне кажется, это приказ Молчащих!

— Суеверие! — застонал О'Киф. — Опять суеверие! Ну что ты с этим поделаешь? Ну, неважно, Радор. — Чувство юмора пришло ему на помощь. — Сейчас уже все равно поздно. Куда мы пойдем отсюда, старина? — рассмеялся он.

— Мы пойдем по тропе, по которой я с радостью не пошел бы, — ответил Радор. — Но если мы встретим его, направляйте смертоносные трубки на светлый щит, который у него под горлом, и шлите огонь в центр цветка холодного пламени — но не смотрите ему в глаза!

Ларри недоверчиво хмыкнул, я вместе с ним.

— Для меня это слишком, док, — озадаченно пробормотал он. — Вы что-нибудь поняли?

— Нет, — коротко ответил я. — Но Радор чего-то опасается, и это опасение серьезно.

— Конечно, — сказал Ларри, — только я не понимаю. — Я чувствовал, что он улыбается. — Ну что ж, Радор, прямо в цветок холодного пламени, и я не буду смотреть ему в глаза, — весело добавил он. — Но не пора ли нам двинуться?

— Идем! — сказал солдат; снова рука об руку мы двинулись во тьму.

О'Киф бормотал про себя:

— Цветок холодного огня! Не смотреть ему в глаза! Ну и ну! Проклятое суеверие! — Потом захихикал и негромко запел: — О, мама, приколи мне холодную розу; в меня влюбились два человека-лягушки, закрой мне глаза, чтобы я их не видела.

— Шшш! — предупредил Радор; потом зашептал: — С половину ва мы будем идти рядом со смертью. От этой опасности мы перейдем к другой, от которой я смогу охранить вас. Но там нас время от времени будет видно с дороги, и, возможно, Лугур нас увидит. В таком случае придется сражаться. Если эти два участка пройдем благополучно, тогда путь к Алому морю открыт и бояться Лугура нечего. И еще одно — этого Лугур не знает: когда он откроет вход, Молчащие услышат, и Лакла и акка быстро придут приветствовать открывшего.

— Радор, — спросил я, — откуда ты все это знаешь?

— Служительница — дочь моей сестры, — негромко ответил он.

О'Киф испустил долгий вздох.

— Дядя, — сказал он по-английски, — познакомься со своим будущим племянником.

И отныне он называл зеленого карлика только дядей, и Радор с юмором воспринимал это, как ласковое обращение.

А для меня во тьме блеснул свет. Теперь мне стало ясно, откуда Радор заранее знал о появлении Лаклы на пиру, где Ларри с трудом избежал ловушки Йолары; ясно, что именно сыграло решающую роль в его переходе на нашу сторону, и моя уверенность, несмотря на окружающие опасности, значительно укрепилась.

Рассуждения о замечательных отличиях во внешности между дядей и племянницей прервало осознание того, что теперь мы движемся в полутьме. Мы находились в широком туннеле. Впереди пробивался свет, бледно-желтый, как солнечный луч, проходящий сквозь листву тополя. Когда мы подошли ближе, я увидел, что свет действительно пробивается сквозь стену зелени, закрывающую выход из туннеля. Радор осторожно развел листву, поманил нас, и мы вышли наружу.

Туннель был как будто прорыт в мягкой зеленой почве. У выхода

из него начиналась узкая, в ярд шириной, тропа, по обе стороны которой изгибались стены совершенной цилиндрической формы, выровненные с большим старанием. В самом широком месте они расходились на тридцать футов, потом снова сходились, не нарушая симметричности; но вверху не смыкались. Оставалась примерно десятифутовая неровная щель, через которую лился свет, как в золотую осень; на этом свету все отбрасывало тающие бронзовые тени.

— Быстрее! — беспокойно приказал Радор и пошел по тропе.

Глаза мои привыкли к странному свету, и я увидел, что стены туннеля состоят из мха. В нем виднелись бахромчатые стебли и кудрявые листья, поддерживающие большие пузыри-чашечки (Physcomitrium), большие поверхности того, что показалось мне Cladonia с красными головками, гигантские вьющиеся мхи (Peristome); сумки с порами, коричневые и белые, шафрановые и желтые, ярко-зеленые и небесно-голубые, какой-то невероятной силой сплетенные в искусную мозаику.

— Быстрей! — послышался голос Радора: я задержался сзади.

Он почти бежал; тропа вела вверх, мы тяжело дышали. Янтарный свет становился сильнее, щель над нами — шире. Туннель повернул; слева появилось узкое ущелье. Зеленый карлик устремился к нему, протолкнул нас туда, и мы оказались в скальной расселине, очень крутой, похожей на каминную трубу. Мы начали подниматься по ней вверх, пока легкие мои не забастовали и я не утратил способность двигаться дальше. Расселина кончилась; мы выползли наружу и упали, все, даже Радор, на маленькую, покрытую листвой полянку, окруженную древовидными кружевными папоротниками.

Мы лежали, тяжело дыша, ноги наши болели; постепенно дыхание и силы возвращались. Радор встал первым. Трижды поклонился он, потом сказал:

— Поблагодарите Молчащих — их власть была над нами!

Я недоумевал, что он имеет в виду. Что-то в окружавших поляну папоротниках привлекло мое внимание. Я вскочил на ноги и подбежал к ним. Это были не папоротники, нет! Папоротниковый мох! Даже в тропических джунглях самый большой мох, который мне приходилось видеть, достигает не более двух дюймов высоты, этот же — в двадцать футов! Научное любопытство, которое я испытывал в туннеле, стало неодолимым. Я развел листву, заглянул внутрь...

Передо мной открылся вид на многие мили — и какой вид! Фатаморгана растительного царства! Мир цветочного волшебства!

Повсюду расстилались леса из древовидного мха всех возможных цветов и оттенков; водопады и вихри, лавины и сети цветов — пастельных, тускло-металлических и варварски ярких тонов; некоторые фосфоресцировали и сверкали, как живые драгоценности; некоторые были будто усыпаны опаловой пылью; заросли вьюнков, похожих на трубы

семи архангелов Мары, короля иллюзий.

Пейзаж впечатляющий.

Моховые завесы, похожие на знамена шагающего войска титанов; знамена и вымпелы на закате; хоругви джиннов, волшебные паутины!

Из этого многоцветия тянулись мириады стеблей — тонкие и стройные, как копья, или поднимающиеся спиралью, изогнутые с изяществом, как белые змеи Танит в древней карфагенской роще, — и все это было увенчано фантастикой споровых сумок в форме минаретов и башен, куполов и шпилей, фригийских шапок и епископских митр, формы гротескные и невообразимые — формы прекрасные и изящные.

Они висели высоко, кивая и раскачиваясь, как гоблины, парящие над дворцом Титании; какофония китайцев, пытающихся спеть мелодию «Парсифаля»; причудливое видение фантастических существ, какими жители Явы населяют вакханалии гурий в раю Мохаммеда.

И на все это лился янтарный свет; он тускнел на расстоянии, сменялся огромными летучими тенями, похожими на летящий край урагана.

И сквозь этот свет, как летящие потоки дождя, мелькали, парили, падали и вздымались мириады птиц и мириады гигантских сверкающих бабочек.

Послышался звук, похожий на первый гул приближающегося прилива; вздох, вздох, он становился все громче, теперь этот траурный шепот заполнил все вокруг нас, потряс нас, и исчез, умер на расстоянии.

— Вход! — закричал Радор. — Лугур вошел!

Он тоже отвел завесу растительности и посмотрел назад, вдоль тропы. Вглядываясь вместе с ним, я увидел, что проход между стен растительности, по которому мы прошли, уходит еще на мили. Как будто туннель, прорытый в саду кротом; кое-где сквозь щель вверху мы могли заглянуть в его чрево; мне показалось, что вдалеке виднеется блеск копий.

— Они идут! — прошептал Радор. — Быстрее! Мы не должны встретиться с ними здесь!

И тут...

— Святая Бригитта! — выдохнул Ларри.

Из щели в дальней части туннеля, на расстоянии больше мили от того утеса, через который мы прошли, поднялась рогатая корона — корона со щупальцами — напряженная, прямая, пятнистая, золотая с алым; поднялась еще выше, и с чудовищной алой головы под ней сверкнули два огромных овальных глаза, два глубочайших колодца фосфоресценции; голова — безносая, безухая, без подбородка; бледная пасть, в которой длинный тонкий алый язык мелькал, как пламя. Голова медленно поднималась — показалась могучая шея, прикрытая кольчугой из золотых и янтарных чешуй; от их гладких по-

верхностей янтарный свет отражался языками пламени; и под этой шеей — бледно светящийся серебристый щит. Еще выше поднялась ужасная голова — и в центре щита, не менее десяти футов в поперечнике, сверкая, сияя, горя, розой белого пламени расцвел «цветок холодного огня», как и сказал Радор.

Существо поднялось, теперь оно, как чешуйчатая башня, возвышалось на сотню футов над щелью, глаза его изучали то движение, которое я заметил в его туннеле. Послышался свист; рогатая корона упала, рога — или щупальца — дергались и извивались, как щупальца осьминога. Все башенной длины тело ушло в туннель.

— Быстрее! — выдохнул Радор, и мы побежали сквозь папоротниковый мох вниз, в другую сторону от подъема.

За нами послышался шум, как от стремительного течения, далекие крики — и тишина.

— Можно не бояться преследователей, — прошептал зеленый карлик, остановившись.

— Святой Патрик! — О'Киф задумчиво смотрел на свой пистолет. — И он ожидал, что я убью это этим! Что ж, как сказал Фергюс О'Коннор, когда его послали убить дикого быка карманным ножом: «Вы не поверите, как высоко я ценю вашу уверенность во мне!»... Что это было, док? — спросил он.

— Драконий червь! — ответил Радор.

— Червь Хельведы, адский червь! — простонал Олаф.

— Вы опять! — вспыхнул Ларри; но зеленый карлик уже быстро шел вниз по тропе, и нам пришлось следовать за ним; Ларри что-то бормотал, Олаф мрачно ворчал за мной.

Зеленый карлик знаком призвал нас к осторожности. Он указал сквозь щель на рощу пятидесятифутового кедрового мха — мы шли рядом с дорогой. На ней не было ни следа Лугура и его людей; может, они тоже увидели драконьего червя и сбежали? Мы быстро прошли мимо и начали удаляться от дороги для кориа. Мох начал редеть; постепенно он сменился редкими кустами, которые едва ли могли нас укрыть. Неожиданно перед нами снова поднялась заросль мха. Радор медленно шел сквозь нее, потом остановился в нерешительности.

Сцена перед нами была странной и угнетающей, в каком-то смысле — ужасной. Почему, не могу сказать, но впечатление создавалось совершенно ясное; я отшатнулся. Потом, подумав, решил, что причина вот в чем: груды мха, разбросанные вдоль пути, нечестиво напоминают птиц, зверей — и людей. Наш путь пролегал вблизи нескольких из них. Налево их виднелось много. Все зеленые, с металлическим оттенком — как мрамор-змеевик. И действительно, они очень напоминали изуродованные фигуры собак, оленей, птиц — и карликов; тут и там вид-

нелись и подобия гигантских лягушек. Отвращение перешло в явную тошноту.

Радор повернулся к нам лицом, оно было бледнее, чем при виде драконьего червя.

— Ради вашей жизни, — прошептал он, — идите осторожно по моим следам и молчите.

Он на цыпочках пошел вперед, шел медленно и с величайшей осторожностью. Мы ползли за ним; миновали груды у тропы — по коже поползли мурашки; я видел, как остальные тоже съежились от невыразимого отвращения. Зеленый карлик не останавливался, пока не достиг выступа небольшого холма в ста ярдах за грудами. Он дрожал.

— Что это было? — прошептал О'Киф.

Зеленый карлик вытянул руку и застыл: он смотрел налево, туда, где за небольшим холмом на спуске лежало несколько груд. Создавалось впечатление, что они следят за тем, что происходит ниже. А ниже проходила дорога, и с нее послышался крик. Показался десяток корна, полных людьми Лугура, среди них и сам Лугур, все они злобно смеялись.

Солдаты выпрыгивали из машин, и по склону холма к нам устремилось несколько десятков человек.

— Бегите! — крикнул Радор.

— Не слишком много! — ответил Ларри и быстро прицелился в Лугура.

Раздался выстрел; Олаф тоже выстрелил. Обе пули пролетели мимо, потому что Лугур, продолжая смеяться, укрылся за своей машиной. Но тут же последовал ряд глухих хлопков. От выстрелов лопнули споровые сумки, и бегущих солдат окружило облачко блестящих белых спор, как у дождевика, но многократно увеличенных. Я видел, что лица солдат исказились от боли.

Они пытались бежать, но, не успев сделать второй шаг, застывали неподвижно.

Вокруг них плавали и вились споровые облака; споры дождем падали им на головы, на полуобнаженную грудь, покрывали одежду — и люди начали быстро изменяться. Лица их стали неразличимы, слились в сплошное пятно. Блестящие белые споры, попадая на них, становились светло-желтыми, зеленели, набухали, разрастались, темнели. Глаза солдат еще несколько мгновений блестели, потом скрывались под растительностью.

И там, где еще несколько мгновений назад были люди, остались уродливые груды, оседающие, округляющиеся, превращающиеся в подобия тех, что лежали повсюду вокруг. На них уже появился древний зеленый блеск.

Ирландец крепко сжимал меня за руку; боль привела меня в себя.

— Олаф прав! — выдохнул Ларри. — Это ад! Меня тошнит. — И его действительно стошнило.

Лугур и оставшиеся солдаты очнулись от оцепенения; они забрались в кориа, развернули машины и умчались.

— Пошли! — хрипло сказал Радор. — Мы избежали двух опасностей: Молчащие заботятся о нас.

Скоро мы снова оказались среди знакомых и в то же время незнакомых моховых гигантов. Я знал, что видел, и на этот раз Ларри не сможет назвать меня суеверным. В джунглях Борнео я видел быстрорастущие грибковые, с помощью которых туземцы мстят тем, кто похищает их женщин: микроскопические корни врастают в живую плоть, пробиваются в капилляры, высасывают жизнь. Их невозможно оторвать, они отваливаются сами, высосав организм досуха. Здесь тот же вид, только необыкновенно увеличена скорость роста. Я пытался объяснить это О'Кифу, торопливо идя рядом с ним по склону.

— Но они у нас на глазах превратились в мох! — сказал он.

Я снова терпеливо объяснил. Но его, казалось, не успокаивают мои объяснения, что это совершенно естественный феномен и вызывает, если отвлечься от внушаемого им ужаса, особый интерес у ботаника.

— Понимаю, — сказал он наконец. — Но если бы одна из этих штук взорвалась, когда мы шли... Боже!

Я размышлял, как бы в относительной безопасности изучить эти грибы, когда Радор остановился; перед нами снова виднелась лента дороги.

— Теперь все опасности позади, — сказал он. — Дорога открыта, и Лугур бежал...

На дороге что-то блеснуло. Мимо меня пролетело будто маленькое огненное лассо. Оно ударило Ларри меж глаз, растеклось по лицу и втянулось внутрь.

— Ложись! — крикнул Радор и швырнул меня на землю. Я сильно ударился головой; может, на мгновение потерял сознание; Олаф упал рядом; я видел зеленого карлика на земле возле О'Кифа; Ларри лежал неподвижно, с застывшими глазами. Крик — и с дороги устремились люди Лугура. Я слышал его рев.

Послышался звук легких шагов, мое лицо задела мягкая ароматная одежда; я смутно увидел склонившуюся к ирландцу Лаклу.

Она выпрямилась, взметнула руки, и извивающаяся лоза, на щупальцах которой было пять рубиновых цветков, пять огней, устремилась к солдатам, которые были уже рядом. Цветы впивались им в горло, жалили, отскакивали, снова жалили; свертывались и развертывались с невероятной скоростью; они стремились к лицам, к горлу, к груди солдат, как копья, наделенные разумом, волей и ненавистью. И те, кого они жалили, застывали с лицами, полными нечеловеческой муки и страха; а те, кто не был задет, бежали.

Снова топот — и на войско Лугура устремились люди-лягушки, впереди — их ревущий гигант-предводитель, они потрясали копьями, рвали когтями и клыками.

Такого напора карлики не выдержали. Они побежали к раковинам; я слышал злобный, угрожающий крик Лугура, а потом голос Лаклы, как гневный золотой рог:

— Уходи, Лугур! — воскликнула она. — Уходи, чтобы ты, и Йолара, и ваш Сверкающий могли умереть вместе! Смерть тебе, Лугур, смерть вам всем! Помни, Лугур, — смерть!

У меня в голове шумело; неважно: Лакла здесь, Лакла здесь, но слишком поздно; Лугур нас перехитрил, смертельный мох и дракон его не отпугнули; он вернулся и поймал нас в ловушку; Лакла опоздала... Ларри мертв... Ларри! Но я не слышал крика банши, а Ларри сказал, что не может умереть без его предупреждения; нет, Ларри не мертв. Так в голове моей мелькали беспокойные мысли.

Меня подняли роговые руки; два огромных, странно мягких глаза-блюдца смотрели на меня; голова кружилась, я увидел склонившуюся над О'Кифом Золотую Девушку.

Шум в голове усилился, стал громом, меня несли сквозь гром, и я погрузился в мягкую слепую тьму.

АЛОЕ МОРЕ

Я лежу в розовом перламутре, который качается, качается; нет, я в розовом рассветном облаке, подвешенном в пространстве; сознание вернулось; на самом деле я в руках человека-лягушки, он несет меня, как ребенка; мы проходим какое-то место, заполненное рассеянным розовым светом, отсюда впечатление розового перламутра или рассветного облака в моих видениях.

Прямо передо мной Лакла оживленно разговаривала с Радором, и какое-то время мне вполне достаточно было просто смотреть на нее. Она сняла свою защитную металлическую одежду, густые золотистые пряди с оттенком бронзы были убраны в высокую корону под шелковой зеленой сеткой; из-под сетки выбивались маленькие кудряшки, прижимались к ее стройной шее, целовали ее. С плеч спадало свободное блестящее зеленое одеяние без рукавов, перевязанное по талии широким золотым поясом. Юбка опускалась чуть ниже колен.

Стройные ноги в сандалиях. Под застегнутой пряжкой одеждой виднелись изящные закругления тела.

Что-то стучало за порогом моего сознания, какое-то трагическое известие. Что это? Ларри! Где Ларри? Я вспомнил, резко поднял голову, увидел рядом с собой на руках другого человека-лягушки Ларри; сзади шел Олаф, шел неуверенно, печально, как верный пес за своим любимым хозяином. Когда я зашевелился, чудовище, несущее меня,

остановилось, вопросительно взглянуло на меня и испустило глубокий звук, в котором тоже явно слышался вопрос.

Лакла обернулась; ее ясные золотые глаза были печальны, углы прекрасного рта опущены; но ее красота, ее мягкость, необъяснимая атмосфера нежности, всегда окружавшая ее, еще усилили мой страх.

— Выпей это, — приказала она, поднося к моим губам небольшой сосуд.

Ароматное содержимое сосуда было мне незнакомо, но подействовало необычайно эффективно; как только я отнял сосуд от губ, то почувствовал прилив сил; ко мне полностью вернулось сознание.

— Ларри! — воскликнул я. — Он умер?

Лакла покачала головой; в глазах ее была тревога.

— Нет, — сказала она, — но он подобен мертвому... и в то же время он не мертв...

— Отпусти меня, — потребовал я у своего носильщика.

Он сжал меня крепче, устремил круглые глаза на Золотую Девушку. Она заговорила, произнесла несколько звучных вибрирующих слогов, и меня поставили на ноги; я подбежал к ирландцу. Он лежал расслабленно, с тревожащей, ненормальной податливостью, как будто все его мышцы стали вялыми; противоположность, слава Богу, rigor mortis [1], но ужасно близко к противоположному концу дуги; такого обморока мне не приходилось видеть. Тело его было холодным, пульс едва прощупывался, сердце билось с большими промежутками; дыхание было почти незаметно; зрачки глаз расширены; как будто все нервные связи ослабли, лишились жизни.

— На дороге блеснул свет. Ударил его в лицо и как будто ушел внутрь, — сказал я.

— Я видел, — ответил Радор. — Не знаю, что это такое; а мне казалось, что я знаю все оружие наших правителей. — Он с любопытством взглянул на меня. — Говорят, этот чужеземец, что пришел с вами, Двойной Язык, делает новое смертоносное оружие для Лугура, — закончил он.

Маракинов! Русский извлекает запасы из своего страшного арсенала, готовит новое оружие для своих замыслов... Ко мне вернулись апокалиптические видения.

— Он не мертв. — Голос Лаклы был полон яда. — Он не мертв; а Трое умеют лечить. Они вылечат его, если захотят — а они захотят, захотят! — Мгновение она молчала. — Теперь их боги помогают Лугуру и Йоларе, — прошептала она. — Если он умрет, я убью этих двоих, хотя сама тоже погибну!

— Йолара и Лугур умрут, — глаза Олафа горели. — Но Лугура убью я.

---

[1] Мертвенная окоченелость *(лат.)*. — Прим. перев.

Жалость, которую я и прежде замечал в глазах Лаклы, когда она смотрела на норвежца, прогнала гнев. Лакла торопливо повернулась, будто хотела уйти от его взгляда.

— Иди с нами, — сказала она мне, — если ты не слаб.

Я покачал головой, бросил последний взгляд на О'Кифа; я ничего не мог сделать; пошел рядом с ней. Она взяла меня за руку, взяла своей удивительно изящной рукой с длинными заостренными пальцами; сердце мое устремилось к ней.

— Твое лекарство действует быстро, служительница, — сказал я.— А прикосновение твоей руки дало бы мне силу, даже если бы и не было лекарства, — добавил я в манере Ларри.

Она улыбнулась, выражение ее лица стало спокойнее.

— Хорошо сказано для человека мудрости, каким тебя называет Радор, — она рассмеялась; я почувствовал легкое раздражение. Неужели любитель науки не может сказать комплимент, чтобы его не обвинили в необычности: все равно что поместить дамасскую розу в шкаф с окаменелостями?

Справившись с раздражением, я улыбнулся ей в ответ. Снова бросился в глаза широкий классический лоб, маленькие, ласкающие его завитки волос, изогнутые, тонкие каштановые брови, придававшие прекрасному лицу выражение невинного озорства; в этом нежном, похожем на цветок лице на чистоту мадонны накладывалась едва заметная призывность, легкая жестокость и какое-то глубоко скрытое обещание; длинные черные загнутые ресницы... нежная круглая обнаженная левая грудь...

— Ты мне всегда нравился, — наивно сказала она, — с того момента, как я тебя впервые увидела в том месте, где Сверкающий выходит в ваш мир. И я рада, что тебе понравилось мое лекарство, что оно не хуже тех, что были в твоем черном ящике, — торопливо добавила она.

— Откуда ты об этом знаешь, Лакла? — спросил я.

— Я часто приходила к вам, когда вы спали. Как ты его называешь? — Она помолчала.

— Ларри, — ответил я.

— Ларри, — абсолютно точно повторила она. — А тебя как зовут?

— Гудвин, — сказал Радор.

Я поклонился, будто меня представляли очаровательной юной леди в старой жизни, века назад.

— Да... Гудвин, — сказала она. — Я приходила часто. Иногда мне казалось, что ты меня видел. А он — я ему иногда снилась? — спросила она задумчиво.

— Да, — ответил я, — и он тебя ждал. — Тут я выразил свое изумление: — Но как ты приходила?

— Я приходила не обычной дорогой, — прошептала она. — Я хотела

убедиться, что с ним все в порядке, и заглянуть ему в сердце: я боялась Йолары и ее красоты. Но я видела, что в его сердце ее нет. — Она покраснела, даже грудь залилась краской. — Это необычная дорога, — торопливо продолжала она. — Много раз проходила я по ней и видела, как Сверкающий проносит свою добычу в голубой бассейн; видела женщину, которую он ищет, — она сделала быстрый жест в сторону Олафа, — видела, как женщина в последнем порыве материнской любви отбросила от себя ребенка; видела, как другая женщина бросилась в объятия Сверкающего, чтобы спасти человека, которого она любила; и я не могла помочь! — Голос ее дрожал. — Мне кажется, это твой друг, за которым ты пришел сюда, Гудвин!

Она замолчала, шла так, будто видит что-то, невидимое другим, слышит неслышные голоса. Радор сделал предупреждающий жест, я сдержал рвущиеся вопросы, осмотрелся. Мы шли по гладкой полоске, утрамбованной, как берег отступившего океана. Полоска словно была покрыта раскрошенным гранатом, каждая крошка сохраняла красный цвет и слегка блестела. По обе стороны лежали равнины, лишенные растительности, они уходили вдаль, скрываясь в розоватом тумане.

По бокам и за нами шли гигантские лягушки, их было не менее сотни, их черные и алые чешуйки ярко блестели, светились глаза-блюдца с зелеными, пурпурными, красными зрачками; шпоры щелкали при их прыжках, одновременно грозных и гротескных.

Впереди туман сгустился в более красное сияние; в нем появилась какая-то темная линия; мне показалось, что это вход в пещеру; вот он уже перед нами; мы погрузились в поток красного света.

Перед нами расстилалось море — алое море, сверкающее, как королевский коралл, как кровь Огненного Дракона, из которой Фу Цзе построил дворец для украденной им Солнечной девушки — чтобы она думала, что само солнце восходит над летним морем. Неподвижное, гладкое, оно напоминало деревенский пруд, когда ночь опускается на мир.

Оно казалось раскаленным — будто гигантская рука, способная сжать Землю, извлекла из всех осенних закатов их суть.

Сквозь поверхность моря прорвалась рыба, большая, как акула, тупоголовая, сверкнула бронзой; рыба вся была покрыта словно бронированной зубчатой чешуей. Она высоко подпрыгнула, с нее во все стороны летели рубиновые брызги; потом снова ушла в воду в гейзере огненных бриллиантов.

По морю величественно двигалось полушарие, светящееся, прозрачное, радужное, меняющее цвета от бирюзы к аметисту, потом к оранжевому цвету, алому с розовыми прослойками, потом к ярко-зеленому, темно-зеленому, и снова к радужному многоцветию. За этим полушарием — еще четыре, и самое маленькое из них было не менее

десяти футов в диаметре, самое большое — не меньше тридцати. Они плыли мимо, как мыльные пузыри, выпущенные юными титанами. Потом из-под одного полушария показался пучок щупалец, блестящих линий, длинных тонких хлыстов, они поиграли и медленно погрузились назад, под алую поверхность.

Я затаил дыхание. Рыба — это ganoid, древняя панцирная рыба, возможно, самое разумное животное на Земле девонского периода; она уже многие эпохи как исчезла; остались только окаменелости в речных и морских отложениях. А полушария — это медузы, но неслыханного размера и яркости.

Лакла поднесла ко рту сложенные ладони и звонко крикнула. Выступ, на котором мы стояли, продолжался еще на несколько сот футов и с небольшой высоты уходил в алое море; направо и налево от него отходили большие полукруги. Повернувшись направо, в ту сторону, куда она крикнула, я увидел, как в море, в миле или дальше от нас, поднимается туман, радуга, гигантская призматическая арка, как-то странно расплющенная. Она отходила от красной береговой полосы, перелетала через алую воду и опускалась в трех милях прямо к скале, торчавшей из алых глубин.

А за ней виднелся огромный купол тусклого золота, циклопический глаз, какой-то нечеловечески чуждый, будто он уставился с далекой звезды, ловит все звуки и мысли, он что-то означает, он смутно знаком, но его невозможно перевести в символы, доступные жителю нашей планеты.

Алое, будто лакированное море, по которому плавают светящиеся луны; призматическая каменная арка, устремляющаяся к этому странному острову, увенчанному чем-то необыкновенным, необъяснимым золотистого цвета; человекоподобные лягушки; волшебный мир, по которому мы прошли, со всеми его опасностями и ужасами, — я чувствовал, что потрясены самые основания моих научных убеждений. Неужели я во сне? Может, мое тело лежит где-то в лихорадке, и все эти видения посылает охваченный болезнью мозг? Ноги у меня задрожали, я невольно застонал.

Лакла повернулась, беспокойно посмотрела на меня, поддержала мягкой рукой, пока головокружение не прошло.

— Терпение, — сказала она. — Идут носильщики. Скоро ты отдохнешь.

Я всмотрелся: от основания арки к нам двигалось еще не менее двух десятков людей-лягушек. У них с собой были носилки, высокие, с ограждениями, похожие на паланкины...

— Асгард? — Горящий взгляд Олафа был устремлен на арку. — Морозный мост, острый, как лезвие меча, по которому души переправляются в Валгаллу. А она — она валькирия-воительница. Да!

Я схватил норвежца за руку. Она была горячей, и я почувствовал

приступ жалости. Если это место так потрясло меня, то как оно должно было поразить Олафа? С облегчением я смотрел, как он по команде Лаклы забрался в носилки и лег, закрыв глаза; два гиганта подняли носилки. С огромным облегчением я погрузился в полутьму других носилок.

Кавалькада двинулась. Лакла приказала положить О'Кифа рядом с собой, она сидела, скрестив ноги по восточному обычаю, держа голову Ларри на коленях, ее тонкие белые заостренные пальцы нежно гладили его волосы.

Потом я увидел, как она подняла руку, медленно распустила волосы, и они, как вуалью, закрыли ее вместе с ним.

Она низко склонила голову; я услышал всхлипывание, отвернулся. На сердце у меня тоже было тоскливо.

ТРОЕ МОЛЧАЩИХ

Арка теперь была ближе — и я на мгновение забыл о Ларри и обо всем остальном. Потому что это была не радуга, она состояла не из света и тумана. Это не был мифический морозный мост — нет! Летящая каменная арка с пятнами тирского пурпура, королевского коралла, темной голубизны полос Гольфстрима, сапфиров, мягких, как полуденные майские небеса, с полосами желтого и зеленого — веселая палитра, волшебный мост; во сто раз, нет, в тысячу раз больше того места в Уте, которое навахи называют Ноннегоче и которому они поклоняются, как божеству, — этого радужного вкрапления в скале.

Мост отходил от берега и перекрывал Алое море одной могучей аркой, как будто Земля в каком-то древнем пароксизме одним дыханием отлила его, кристаллизовала, и в нем все еще горят создавшие его огни.

Мы подходили все ближе и ближе; я смотрел очарованно; вот мы уже у начала моста, и носильщики вступают на него. Он был шириной в пятьсот футов, поверхность — ровная, как на главной городской площади; по сторонам низкие стены ограждения; они слегка загибались внутрь.

Все дальше и дальше шли мы по мосту; вертикальная стена, у которой заканчивался мост, приближалась; все большим казался загадочный, тускло сверкающий купол. Но вот мы достигли конца моста, вышли на гладкую площадь, окруженную со всех сторон, кроме прохода прямо перед нами, рваными черными утесами.

От прохода в утесах отходил другой мост, примерно с полмили длиной, в центре он расширялся в широкую платформу и вел прямо к двум массивным воротам в стене второго утеса; прямо над ними возвышался золотой купол. Меньший мост перекрывал пропасть, бездну.

Мы быстро приближались: вот мы уже на широкой платформе; мои носильщики шли по самому краю; я выглянул — и почувствовал головокружение! Я смотрел в бездонную глубину, действительно пропасть — бездну, уходящую к основанию мира; туда, где, по представлениям вавилонян, корчится Талаат, мать-змея, породившая хаос; эта пропасть уходила к самому центру Земли.

Что это было — эти необозримые, уходящие в бесконечность расстояния внизу? Гигантское сияние, подобное зеленому огню самой жизни? На что это было похоже? Я понял! Похоже на солнечную корону в затмении, на этот росток, что освещает мир, когда Луна заслоняет Солнце; тогда этот отросток во всем великолепии распускается на черном небе.

И странно — одновременно похоже на красоту Обитателя, когда он в своих извивающихся спиралях и клубках света несется под звон хрустальных колокольчиков.

Пропасть осталась позади; мы стояли у золотых ворот; они раскрылись внутрь. Перед нами оказался широкий коридор, заполненный мягким светом; на пороге стояла женщина-лягушка со стены зала Лунного бассейна.

Лакла подняла голову, отбросила золотистую вуаль волос, посмотрела полным слез взглядом. Женщина-лягушка подошла к ней; взглянула на Ларри; заговорила — заговорила! — с Золотой Девушкой быстрым потоком звучных раскатистых слогов; Лакла ответила ей так же. Перепончатая лапа коснулась лица Ларри, дотронулась до груди над сердцем. Женщина-лягушка покачала головой и пошла перед нами по коридору.

Мы, по-прежнему на носилках, двинулись за ней по извивающемуся, ведущему вверх коридору, пока носилки не опустили в большом зале, пол которого был покрыт ароматным тростником и в который снаружи сквозь узкие высокие окна струился алый свет.

Я выпрыгнул и подошел к Ларри; его состояние не изменилось; все та же ужасная мягкость, медленный редкий пульс. Радор и Олаф — возбуждение норвежца прошло — подошли и молча остановились рядом.

— Я иду к Трем, — сказала Лакла. — Ждите здесь. — Она прошла за занавес; почти тут же вернулась.

— Радор, — сказала она, — ты понесешь Ларри; Молчащие хотят заглянуть тебе в сердце. И ничего не бойся, — добавила она, заметив, как почти испуганно вздрогнул зеленый карлик.

Радор наклонился, но Олаф отодвинул его в сторону.

— Нет, — сказал норвежец, — я понесу его.

Он, как ребенка, поднял Ларри и прижал к широкой груди. Карлик быстро оглянулся на Лаклу, та кивнула.

— Пошли! — приказала она и подняла завесу.

Я почти не помню этого пути. Знаю только, что мы шли коридор за коридором; проходили через вереницу огромных залов и помещений, некоторые из них были покрыты камышами, другие — коврами, в которые нога погружалась глубоко, как на мягком лугу; кое-где горел красный свет, в других местах свет других, более мягких оттенков.

Мы остановились у плиты того же алого камня, как и ворота, названные зеленым карликом входом; на полированной поверхности плиты был обозначен тот же символ. Золотая Девушка нажала на него сбоку; плита мягко отошла в сторону; из отверстия на нас ударил поток света — я вошел, как во сне.

Я знал, что мы находимся под куполом; но в первый момент, в потоке света, я ничего не увидел. Я как будто оказался внутри огненного опала — так ярко было все вокруг. Я закрыл глаза, открыл их; свет исходил от закругленных стен; передо мной находилось длинное круглое отверстие в стене, в отверстии виднелся конец моста, по которому мы прошли; в это окно устремлялся свет снаружи, ударялся об алый внутренний свет — и был остановлен, как непроницаемым барьером.

Я почувствовал прикосновение Лаклы; повернулся.

В ста шагах от нас виднелся помост, край его был поднят над полом на ярд. От этого края вверх поднимался устойчивый поток сверкающих частиц, пронизанный более светлыми струями, похожими на сияющую сердцевину Обитателя; этот поток вздымался, как стена,

Над ним, сквозь него, на меня смотрели три лица, два явно мужские, одно женское. Вначале я решил, что это статуи, но потом понял, что это не так: глаза на этих лицах жили; они были ужасно, — приходится употребить это слово, — сверхъестественно живыми.

Эти глаза по размеру втрое превосходили человеческие и были треугольными, вершина размещалась вверху; черные, как гагат, без зрачков, и наполненные крошечными красными огоньками.

Над глазами — лоб, не похожий на наш, высокий и широкий, с вертикальным бугорком посередине, очень похоже на голову ящеров; вся голова, сужающаяся назад, вдвое больше человеческой!

Надо лбом — шапки; но вдруг я отчетливо понял, что это вовсе не шапки — длинные толстые чешуйки, желтые, блестящие, похожие на чешую змеи! Крупные крючковатые носы, похожие на клюв кондора; тонкие суровые рты; длинные мощные заостренные подбородки; а ниже, закрывая все тело, сверкающие, клубящиеся непрозрачные огни.

Олаф застыл; мое собственное сердце дико забилось. Что... что это за существа?

Я заставил себя посмотреть снова — в их взгляде потоком струилось ободрение, уверенность, добрая воля — несокрушимая духовная мощь. Я увидел, что несмотря на всю свою нечеловечность, эти лица

не были жестокими, безжалостными, бесчеловечными; нет, они были добрыми; каким-то непостижимым образом они казались милостивыми и печальными — очень печальными! Я выпрямился и без страха посмотрел на них. Олаф глубоко вздохнул — тоже, не отрываясь, смотрел, жесткость и отчаяние исчезли с его лица.

Лакла подошла ближе к помосту; три пары глаз рассматривали ее, в женских глазах — невыразимая нежность; какой-то неслышный обмен мыслями произошел между Тремя и Золотой Девушкой. Она низко поклонилась, повернулась к норвежцу.

— Положи Ларри здесь, — негромко сказала она, — у ног Молчащих.

Она показала на радужный туман; Олаф вздрогнул, посмотрел нерешительно на Лаклу, на Троих, всмотрелся в их взгляд — в нем промелькнуло что-то вроде улыбки. Олаф подошел, поднял О'Кифа и положил прямо в светящийся туман. Туман заколебался, поднялся вверх, окутал тело, снова застыл — и от Ларри не осталось ни следа!

Снова туман дрогнул, задрожал; он, казалось, поднимается выше, скрывает подбородки, крючковатые носы, лбы непостижимой Троицы; прежде чем он кончил подниматься, мне показалось, что я вижу, как склоняются желтые чешуйчатые головы; почувствовал движение, будто там что-то поднимали.

Туман опустился, непостижимые глаза снова смотрели на нас.

И, раздвигая туман, остановившись на самом краю помоста, появился Ларри, смеющийся, полный жизни, мигающий, как человек, вышедший из тьмы на солнечный свет. Он увидел Лаклу, спрыгнул с помоста, взял ее за руки.

— Лакла! — воскликнул он. — Mavourneen!

Она выскользнула из его объятий, вспыхнула, взглянула на Троих стыдливо, почти испуганно. И снова я увидел выражение нежности в пронизанных огоньками глазах женщины; и во взглядах двух других тоже нежность, как будто они смотрят на любимого ребенка.

— Ты был в объятиях смерти, Ларри, — сказала она. — А Молчащие отобрали тебя у нее. Поблагодари Молчащих, Ларри, потому что они добры и могущественны!

Она повернула его голову одной своей длинной белой рукой — и он взглянул на лица Троих и был потрясен, как и мы с Олафом; потрясен той же волной силы и... можно это назвать святостью — которая исходила от них.

Я впервые увидел в его взгляде подлинное благоговение. Долго смотрел он — потом опустился на одно колено и склонил голову, как перед мощами святого. И — не стыжусь рассказывать об этом — я присоединился к нему; а рядом с нами склонились Лакла, Олаф и Радор.

Огненный туман заклубился вокруг лиц Троих, скрыл их.

С долгим, глубоким, радостным вздохом Лакла взяла Ларри за

руку, подняла его с колен, и мы молча последовали за ними из этого удивительного зала.

И, уходя, я думал, почему Трое смотрят непрерывно на вход в их святилище и на ту непостижимую бездну, в которой расцветает и пульсирует загадочный цветок, колоссальный, ужасный, цветок зеленого пламени, который показался мне огнем самой жизни.

СВАТОВСТВО К ЛАКЛЕ

Я спал крепким сном без сновидений; проснулся в большой комнате, куда нас с О'Кифом привел Радор после изнурительного свидания с Тремя.

Лежа и глядя на сводчатый потолок, я услышал голос Ларри:

— Они похожи на птиц. — Очевидно, он думал о Троих. Молчание; потом: — Да, они похожи на птиц, и еще похожи — я и не думаю проявлять к ним неуважение, но все же они похожи на ящеров. — Снова молчание. — И еще они похожи на богов и, клянусь мечом Брайана Бору, похожи и на людей! И они ни то, ни другое и ни третье — так кто же они, во имя святой Бригитты? — Снова короткое молчание, и потом благоговейным тоном, с абсолютным убеждением: — Конечно! Вот кто они такие, все совпадает, иначе и быть не может...

Он испустил вопль, мелькнула подушка и попала мне в голову.

— Проснитесь! — кричал Ларри. — Проснитесь, вы, котел с суевериями! Проснитесь, человек научного невежества!

Под ударом подушки и оскорблений я вскочил на ноги, полный гнева; Ларри лежал, корчась от смеха, и мой гнев тут же исчез.

— Док, — сказал он наконец очень серьезно, — я знаю, кто такие эти Трое.

— Да? — спросил я с сарказмом.

— Да? — передразнил он. — Да! — Он помолчал под моим угрожающим взглядом, улыбнулся. — Да, знаю, — продолжал он. — Это Таута Де, древние, великие прежние жители Ирландии, вот кто они такие!

Я, конечно, слышал о Таута Де Даннин, племени бога Дану, полулегендарном, полуисторическом клане, который населял Ирландию за четыре тысячи лет до христианской эры и который произвел такое огромное впечатление на древних кельтов, отразившись в их легендах и мифах.

— Да, — снова сказал Ларри, — Таута Де, Древние, которые владели заклинаниями, соперничающими с волшебством Мананнана, духа всех морей, и Кейтора, бога всей растительности, и даже Хесуса, невидимого бога, чей пульс — это пульс всей тверди небесной; и даже Орчилл, которая сидит в глубине Земли и ткет своим челноком на

трех своих ткацких станках рождение, жизнь и смерть, даже Орчилл они могли заставить ткать, как им нужно!

Он помолчал, потом сказал:

— Это они, могучие, почему бы иначе я преклонился перед ними, как перед духом моей умершей матери? Почему иначе Лакла, чьи золотые волосы — это волосы Эйлид Прекрасной, чей рот — сладкий рот Дейрдры, чья душа много веков назад жила с моей на ароматных зеленых лугах Ирландии, почему она служит им? — прошептал он.

— А как же они попали сюда? — разумно спросил я.

— Об этом я еще не подумал, — раздраженно ответил он. — Но теперь, о мудрец, мне приходит в голову несколько соображений. Одно из них: возможно, небольшой отряд из троих остановился здесь по пути в Ирландию и по какой-то им известной причине решил задержаться; другое — они пришли, узнав, что задумали эти местные крысы, и остаются до того времени, когда нужно будет спасать от них Ирландию; ну, и остальной мир, конечно, — великодушно добавил он, — но Ирландию прежде всего. Как вам эти соображения?

Я покачал головой.

— Ну, а вы что думаете? — устало спросил он.

— Я думаю, — осторожно ответил я, — что мы видим свидетельство эволюции высокоразумных существ, происходящих совсем от другого источника, чем человек. Эти человекоподобные высокоразвитые лягушки, которых называют акка, доказывают, что здесь, под землей, жизнь эволюционирует не так, как на поверхности. Англичанин Уэллс написал очень интересную книгу, в которой рассказывается о вторжении — вымышленном, конечно, — марсиан на Землю. У него марсиане — высокоорганизованные осьминоги. В выборе Уэллса нет ничего невозможного. Человек правит миром животных на Земле исключительно в результате ряда случайностей; при других совпадениях господствующей расой могли стать муравьи или пауки, даже слоны.

Я думаю, — еще осторожнее продолжал я, — что раса, к которой принадлежат Трое, никогда не появлялась на земной поверхности; что их эволюция происходила здесь, в течение многих тысячелетий, без всяких помех. И если это так, структура их мозга и все реакции должны быть совершенно отличны от наших. Отсюда их знание и умение обращаться с неведомыми нам видами энергии; отсюда и вопрос, не отличается ли так же решительно вся их система ценностей, само представление о справедливости; этот вопрос приводит меня в ужас, — заключил я.

Ларри покачал головой.

— Последнее как раз опровергает ваши доводы, док, — сказал он. — У них хватило чувства справедливости, чтобы помочь мне, и, разумеется, они знают любовь: я видел, как они смотрели на Лаклу;

и печаль: нельзя было ошибиться в выражении их лиц. Нет, — продолжал он, — я придерживаюсь своей мысли. Это древние. Маленький гном знал дорогу сюда, но послали за ним они. И если сюда явится банши О'Кифов — от чего Боже упаси! — бьюсь об заклад, он нанесет Молчащим визит вежливости, прежде чем со своим кланом займется делами. Так он почувствует себя как дома. Нет, док, нет, — заключил он, — я прав: все слишком совпадает, чтобы быть неправильным.

— А есть ли какие-нибудь свидетельства, что Таута Де походили на Троих? — спросил я и опять задал неудачный вопрос.

— Есть ли доказательства? — закричал он. — Есть ли доказательства? Клянусь килтом Кормака Маккормака! Я рад, что вы мне напомнили. Меня самого это немного беспокоило. Жил некогда Дагда, который мог надеть голову большого кабана и тело гигантской рыбы, он рассекал волны и разрезал на части лодки тех, кто нападал на Ирландию; и еще Ринн...

Не знаю, сколько еще рассказов о метаморфозах древних ирландцев мне пришлось бы выслушать, но тут занавес разошелся и появился Радор.

— Вы хорошо отдохнули, — улыбнулся он, — я вижу. Служительница попросила меня пригласить вас. Вы будете есть с нею в ее саду.

Мы прошли длинными коридорами и оказались на садовой террасе, такой же прекрасной, как сады Йолары; ароматный сад в цвету располагался на холмах рядом с куполом. В углу был накрыт стол из молочного гагата, но Золотой Девушки не было. Узкая тропа, обрамленная зеленью, вела вверх. Я с тоской взглянул на нее; Радор увидел мой взгляд, правильно понял его и провел по крутому каменистому склону к расщелине между скал.

Здесь я оказался выше листвы, и передо мной открылся далекий вид. Прямо внизу — невероятный мост, по нему во всех направлениях торопятся люди-лягушки. Башня справа от меня скрывала пропасть. Взгляд мой последовал за скальным карнизом. Над ним была голая скала, но у конца полукруглой полоски начиналась роскошная растительность, она уходила от берегов Алого моря вдаль. Листва коричневого, красного, желтого цвета, как в осеннем лесу; тут и там виднелись темно-зеленые пятна, как от хвои. Лес по обе стороны уходил на пять и больше миль и потом терялся в дымке.

Я повернулся и взглянул на обширные алые воды — настоящее море. Дул ветерок — первый настоящий ветер, который я встретил в этом таинственном месте; поверхность моря, напоминавшая расплавленный металл, зарябила. Поднялись небольшие волны с розовой и рубиновой пеной. Плыли гигантские медузы — величественные, светящиеся, калейдоскопические волшебные луны.

Выглянув из-за выступа утеса, я разглядел вдали плавучий сад. Цветы тоже светились, они даже искрили, сверкали алыми и зеле-

ными драгоценностями, ярче вод, на которых плавали, розовато-лиловыми и всех оттенков красного.

Радор прервал мои размышления.

— Идет Лакла. Пошли вниз.

По тропе медленно шла Лакла; смущенно, сильно покраснев, она протянула руки Ларри. Ирландец взял их и прижал к сердцу, нежно поцеловал; этой нежности не было в его полунасмешливых поцелуях руки жрицы. Лакла еще больше покраснела, подняла свои изящные пальцы, прижала к сердцу.

— Мне нравится прикосновение твоих губ, Ларри, — прошептала она. — От них тепло здесь, — она снова прижала руки к сердцу, — и от них во мне загораются огоньки. — Она подняла брови, подчеркнув слегка озорное выражение прекрасного лица.

— Правда? — живо спросил О'Киф. — Правда, Лакла? — Он склонился к ней; она уловила насмешливый взгляд Радора, почти надменно отстранилась.

— Радор, — сказала она, — не пора ли тебе и сильному человеку — Олафу — в путь?

— Ты права, служительница, — почтительно ответил Радор, но в словах его слышался смех, — но как ты знаешь, сильный человек — Олаф — пожелал увидеть перед уходом своих друзей; вот он идет, — добавил он, бросив взгляд на тропу, по которой большими шагами шел норвежец.

Я увидел его лицо, оно преобразилось. Исчезло выражение страдания, но и выражение надежды тоже. Его суровое лицо смягчилось, когда он взглянул на Золотую Девушку, и он низко поклонился ей. Протянул мне и О'Кифу руку.

— Будет битва, — сказал он. — Я отправляюсь с Радором собирать армии людей-лягушек. Лакла говорила со мной. У меня нет надежды на живую Хельму, но есть надежда, что мы уничтожим Сверкающего дьявола и дадим моей Хельме мир. И я буду удовлетворен! Да, очень! — Он снова пожал нам руки. Суровое выражение вернулось на его лицо; они ушли с Радором.

Две большие слезы выкатились из золотых глаз Лаклы.

— Даже Молчащие не могут излечить тех, кого забрал Сверкающий, — сказала она. — Он спросил меня, и лучше, что я ему все рассказала. И о наказании, которое замыслили Трое... но скоро вы об этом узнаете, — торопливо продолжала она. — Больше не спрашивайте меня о Молчащих. Я решила, что Олафу лучше будет пойти с Радором, он будет занят, и у него не останется времени для печали.

На тропе показались пять женщин-лягушек, они несли тарелки с едой и кувшины с напитками. Их драгоценные браслеты на руках

и ногах позвякивали; на них были короткие юбки из плетеной ткани, сверкающие украшениями.

А теперь позвольте сказать, что если у вас от моего рассказа создалось представление об акка просто как о гигантских лягушках, то я об этом сожалею. Конечно, они похожи на лягушек, я так их и назвал, но в то же время от лягушек они отличаются не меньше, чем человек от шимпанзе. Я полагаю, что они происходят от стегоцефала, этого предка современных лягушек, но пошли по совсем другой линии эволюции, выработали прямохождение, как и человек, происшедший от четвероногих животных.

Большие выпуклые глаза, форма морды, как у лягушки, но высокоразвитый мозг помешается в голове совсем другой формы. Лоб, например, не низкий, плоский и убегающий назад — его фронтальная арка хорошо развита. Голова даже красивая, особенно у самок, которые украшают роговой щиток, а также шпоры; у самцов эти шпоры — грозное оружие. Туловище располагается вертикально, ноги слегка согнуты, идут они, будто подпрыгивают. Но я отвлекаюсь от рассказа [1].

Женщины-лягушки опустили свою ношу. Ларри с интересом разглядывал их.

— Ты хорошо выдрессировала эти существа, Лакла, — сказал он.

— Существа! — Служительница вскочила, глаза ее негодующе сверкнули. — Ты назвал моих акка существами!

— Ну, — сказал озадаченный Ларри, — а как же их назвать?

— Мои акка люди, — возразила она. — Такие же люди, как ты и я. Они добрые и преданные, у них есть речь и искусство, и они не убивают, только ради пропитания и защиты. И я считаю их прекрасными, Ларри, прекрасными! — Она топнула ногой. — А ты назвал их — существами!

Прекрасны? Они? Что ж, пожалуй — по-своему. И для Лаклы, с детства окруженной ими, они совсем не кажутся странными. Почему бы ей не считать их прекрасными? Должно быть, та же мысль пришла и О'Кифу, потому что он виновато покраснел.

— Я тоже считаю их прекрасными, Лакла, — раскаиваясь, сказал он. — Просто я не очень хорошо владею твоим языком, и это меня подвело. Правда, они прекрасны, я бы сам им сказал об этом, если бы знал их язык.

Лакла улыбнулась, рассмеялась, заговорила со служанками на их странном языке; те гротескно кокетливо посмотрели на Ларри, о чем-то негромко заговорили между собой.

---

[1] Акка живородящие. Самки производят потомство с интервалом в пять лет и никогда не рожают одновременно более двоих детей. У них моногамия, как у наших разновидностей Ranadae.

— Они говорят, что ты красивей людей Мюрии, — рассмеялась Лакла.

— Мог ли я подумать, что буду обмениваться комплиментами с леди-лягушками? — сказал мне Ларри. — Смелее, Ларри, не отрывай взгляда от пленной ирландской принцессы, — это он уже себе.

— Радор встретится с одним из ладала, который проберется с новостями, — сказала Золотая Девушка, когда мы занялись пищей. — Потом в сопровождении Нака он и Олаф будут собирать акка, потому что нас ждет сражение, и мы должны готовиться. Нак, — добавила она, — это тот, что шел передо мной, когда ты танцевал с Йоларой, Ларри. — Она бросила на него быстрый озорной взгляд. — Он глава всех акка.

— А какие силы мы можем собрать, дорогая? — спросил Ларри.

— Дорогая? — Золотая Девушка уловила ласковый смысл незнакомого слова. — А что это?

— Это слово значит Лакла, — ответил он. — Когда я его говорю. А когда ты говоришь, оно значит — Ларри.

— Мне нравится это слово, — задумчиво сказала Лакла.

— Можно говорить «Ларри, дорогой», — предложил О'Киф.

— Ларри, дорогой, — сказала Лакла. — Когда они вернутся, с нами будут мои акка...

— Они могут сражаться, mavourneen? — прервал Ларри.

— Могут ли они сражаться? Мои акка? — Глаза ее сверкнули. — Они будут сражаться до последнего. У них копья вызывают быстрое гниение, они покрыты слизью этих садду... — Сквозь просвет в листве она указала на поверхность моря, где плыл один из лунных шаров, и я понял, почему Радор предупредил Ларри, чтобы он не прыгал в воду. — Они сражаются копьями и дубинами, шпорами, когтями и клыками. Они сильные и храбрые люди, Ларри... дорогой. Даже когда на них направляют кет, тот не действует немедленно, и, даже исчезая, они продолжают убивать.

— У нас нет кета? — спросил он.

— Нет, — она покачала головой, — у нас нет их оружия, хотя это оружие создано древними.

— Но ведь Трое и есть древние! — воскликнул я. — Они ведь могут сказать...

— Нет, — медленно ответила она. — Нет. Вы должны кое-что узнать, и скоро; тогда вы поймете Молчащих. Особенно ты, Гудвин, потому что ты поклоняешься мудрости.

— Значит, у нас остаются акка, — сказал Ларри. — И еще нас четверо, у нас три пистолета и примерно сотня патронов и... и власть Троих... но как насчет Фейерверка? Сверкающего?

— Не знаю. — Снова в глазах ее появилась неуверенность, как

под градом оскорблений Йолары. — Сверкающий силен... и у него много... рабов.

— Ну, тогда нам лучше побыстрее заняться делом! — прозвенел голос О'Кифа.

Но Лакла почему-то решила не продолжать это обсуждение. Неуверенность в ее взгляде исчезла, теперь в нем плясали огоньки...

— Ларри, дорогой, — прошептала она. — Мне нравится прикосновение твоих губ...

— Правда? — ответил он, забыв все при виде этого прекрасного лица. — Тогда, acushla, ты хорошо с ними познакомишься. Отвернитесь, док! — сказал он.

И я отвернулся. Наступило долгое молчание, прерываемое гулкими звуками заинтересовавшихся служанок-лягушек. Я украдкой взглянул. Голова Лаклы лежала на плече ирландца, золотые глаза затуманились любовью и обожанием; О'Киф, на лице которого отпечаталась новая сила и уверенность, смотрел ей в глаза так, как смотрит человек, впервые в жизни испытавший истинную всепобеждающую любовь, которая есть пульс самой Вселенной, подлинная музыка сфер, о которой мечтал Платон, любовь сильнее смерти, бессмертная, как боги, и настоящая суть той загадки, что мы называем жизнью.

Потом Лакла подняла руки, обвила ими голову Ларри, поцеловала его меж глаз и с дрожащим негромким смехом высвободилась из его объятий.

— Будущая миссис Ларри О'Киф, Гудвин, — сказал мне Ларри не совсем уверенно.

Я взял их за руки — и Лакла поцеловала меня!

Она повернулась к гукающим, улыбающимся девушкам-лягушкам, отдала какой-то приказ, и они повернулись и пошли по тропе. Неожиданно я почувствовал себя лишним.

— Если не возражаете, — сказал я, — пройдусь по тропе и посмотрю, что снаружи.

Но они были так поглощены друг другом, что даже не слышали меня, и я ушел к амбразуре, которую показал мне Радор. Движение лягушек по мосту прекратилось. На противоположном конце я смутно различал только гарнизон. Мысли мои снова обратились к Лакле и Ларри.

Чем все это кончится?

Если мы победим, если сумеем уйти отсюда, сможет ли она жить в нашем мире? Выросшая в этих пещерах, с их атмосферой и светом, которые, казалось, обладают питательными свойствами, как будет она реагировать на незнакомую пищу, на воздух и свет на поверхности? Далее, насколько я мог установить, тут нет болезнетворных микроорганизмов; какой иммунитет может быть у Лаклы против того микроскопического зла, от которого человек едва умеет защищаться це-

ной многих веков болезней и смертей? Меня охватила подавленность. Ну, они достаточно побыли наедине. Я пошел назад по тропе.

И услышал Ларри.

— Это зеленая земля, mavourneen. И морские скалы, и вода вокруг них, голубая, как небо, зеленая, как сами острова, и пенные кони трясут своими гривами, и солнце сияет, как твои глаза, acushla...

— И ты повелитель Ирландии, Ларри, дорогой? — сказала Лакла...

Но достаточно!

Наконец мы собрались уходить, и тут на углу тропы я снова увидел то, что называю озером драгоценностей. Я указал на него.

— Какие красивые цветы, Лакла, — сказал я. — В том месте, откуда мы пришли, я никогда такого не видел.

Она посмотрела туда, куда я показывал, и рассмеялась.

— Пойдем, — сказала она, — я тебе их покажу.

Она побежала по поперечной тропе, мы пошли за ней, оказались на небольшом выступе шириной около трех футов. Прозвенел высокий звучный призыв Золотой Девушки.

Озеро драгоценностей зашевелилось, как будто над ним пронесся ветер; зашевелилось, дрогнуло и начало двигаться все быстрее, сверкающий поток цветов стремился к нам! Лакла снова позвала, движение стало еще более быстрым; драгоценные цветки волновались, накатывались, стремились к нашим ногам. Над ними вилась слабая радужная дымка. Золотая Девушка склонилась, позвала негромко, и из сверкающей массы вылетела зеленая лоза с пятью пламенеющими рубинами-цветами, вылетела, обернулась вокруг ее руки, и квинтет сверкающих цветков принялся рассматривать нас.

Это существо Лакла называла «екта»; именно им она угрожала жрице; оно вызывает ужасную смерть, а Золотая Девушка обращалась с ним, как с розой!

Ларри выругался. Я внимательно присмотрелся. Это гидроид, своеобразный гибрид растения и животного; в глубинах наших морей такие существа, обычно почти микроскопического размера, парализуют свою добычу загадочной силой, которая живет в их цветущих головках [1].

— Убери это, Лакла! — в голосе Ларри звучало отчаяние.

Лакла шаловливо рассмеялась, увидела выражение подлинного страха в его глазах, раскрыла руку, еще раз негромко крикнула — и лоза скрылась среди цветов.

— Ларри, она мне не причинит вреда, — уговаривала Лакла. — Она меня знает!

---

[1] Екта Алого моря — исключительно интересная разновидность гидроидов, близка к гигантским медузам. Смертельно опасна для человека.

— Убери! — хрипло повторил он.

Она вздохнула, мелодично крикнула. Озеро драгоценностей — рубиновое и аметистовое, лиловое и алое — вздрогнуло, задрожало, как раньше, и быстро откатилось на прежнее место!

Лакла и Ларри пошли впереди, ее белая рука обнимала его смуглую шею; О'Киф опять уговаривал, служительница весело смеялась. Так мы вернулись в ее помещение в замке с куполом.

Заглянув в расселину, я снова увидел дальний конец моста. Среди гарнизона людей-лягушек началось какое-то движение, блеснул зеленый огонь, как грозные блики на остриях копий. Я смутно удивился, что бы это значило, но тут появились другие мысли, и я пошел следом за парой, которая в том, что Олаф считал адом, нашла свой рай.

ПРИХОД ЙОЛАРЫ

— Никогда еще на свете не было такой девушки! — сказал Ларри мечтательно, развалившись на широком диване в комнате, где Лакла оставила нас, сказав, что ей предстоит служба Молчащим. — Клянусь честью О'Кифов и душой моей покойной матери, пусть Господь поступит со мной так, как я хотел бы обращаться с ней! — лихорадочно шептал он.

И погрузился в мечты.

Я ходил по комнате, осматривая ее: у меня впервые появилась возможность рассмотреть одно из помещений в жилище Троих. Комната была восьмиугольной формы, пол покрыт толстым мягким ковром, будто сотканным из минеральной ткани, слегка блестящим, светло-голубым. Я прошел по диагонали: пятьдесят ярдов; потолок сводчатый, из какого-то бледно-розового металла; он собирал свет высоких узких окон и рассеивал его по всей комнате.

Вокруг всего восьмиугольника стен шла низкая галерея, не выше двух футов от пола, огражденная изящными близко поставленными столбиками; ее прерывали в противоположных сторонах два входа, занавешенных толстыми тускло-золотыми занавесями с тем же металлическим оттенком. Над галереей на каждой из восьми стен, над балконом, были колоссальные плиты ляпис-лазури, с изящным, но непонятным рисунком алого и сапфирно-голубого цвета.

В комнате находился большой диван, на котором расположился Ларри; два дивана поменьше, с полдесятка низких стульев, вырезанных, очевидно, из слоновой кости или тусклого мягкого золота.

Наиболее любопытными мне показались треножники, прочные, на золотых ножках в четыре фута высотой; на них были небольшие кольца из той же ляпис-лазури с геммами; геммы представляли собой символы, отдаленно напоминающие китайские иероглифы.

Пыли не было. Вообще нигде в помещениях я не находил этого постоянного спутника жизни на поверхности. Я уловил какой-то блеск. В поисках его источника нашел на одном из низких сидений плоский кристаллический овал, очень напоминающий увеличительное стекло. Я взял его и подошел к нише. Встав на цыпочки, я обнаружил, что могу выглянуть в узкое высокое окно, откуда открывался вид на мост. Рассматривая мост, я не увидел никаких следов гарнизона, не увидел и странных зеленых вспышек. Я поднес кристалл к глазам — с обескураживающей внезапностью мне навстречу прыгнул вход в пещеру — он как будто находился не далее чем в ста футах; очевидно, кристалл — линза очень высокого качества. Но где же стража?

Я всмотрелся внимательней. Ничего! Но теперь у отверстия я увидел несколько десятков маленьких дрожащих искорок. Оптическая иллюзия, подумал я и повернул кристалл в другом направлении. Там искр не было. Я снова взглянул в сторону пещеры — искры. На что они похожи? И вдруг я понял: они похожи на маленькие танцующие светящиеся частицы, которые некоторое время играли в пустоте на том месте, где стоял Сонгар с Нижних Вод, когда он превратился в ничто! И этот зеленый свет, который я заметил — это кет!

С криком на губах я повернулся к Ларри — и крик замер: я увидел, как тяжелый занавес справа от меня разошелся, как будто пропустил кого-то, вздрогнул, снова разошелся, и снова. Сквозь него проходил кто-то невидимый.

— Ларри! — закричал я. — Сюда! Быстрее!

Он вскочил на ноги, дико осмотрелся — и исчез! Исчез у меня на глазах, как гаснет задутый язык пламени свечи, будто что-то пронеслось со скоростью света и унесло его!

С дивана послышались звуки борьбы, прерывистый шум затрудненного дыхания, проклятия Ларри. Я перескочил через балюстраду, вытащил пистолет — и тут же меня схватила пара мощных рук, локти мои были прижаты к бокам, лицо — к широкой волосатой груди, и сквозь это препятствие, бесформенное, не отбрасывающее тени, прозрачное, как сам воздух, я видел диван, с которого продолжали доноситься звуки борьбы!

Послышались два выстрела; звуки борьбы сразу прекратились. В футе над диваном, как будто из самого воздуха, закапала кровь, все быстрее и быстрее; она лилась из ничего.

И тут же в воздухе, в десяти футах от этого места, показалось лицо Ларри — без тела, оно висело в шести футах над полом, красное от гнева; странно и сверхъестественно висело оно в пустоте.

Появились его ладони — без рук, они шевелились, исчезали, снова появлялись, быстро что-то срывали. Потом, вися в воздухе — ноги его кончались у лодыжек, — с той же неожиданностью, с которой исчез, появился Ларри; в руке он держал дымящийся пистолет.

А красный поток продолжал литься из пустоты, образуя лужу на полу.

Я рванулся изо всех сил, меня прижали крепче; и тут рядом с лицом Ларри, с той же ужасающей мгновенностью, появилась голова Йолары, с дьявольским насмешливым выражением, на лице жестокость, как белое адское пламя, — и голова эта была прекрасна!

— Не шевелиться! Не двигаться — до моей команды! — Она бросила эти слова невидимым, которые сопровождали ее, чье присутствие я чувствовал в комнате. Плывущая прекрасная голова, увенчанная короной пшеничных волос, устремилась к ирландцу. Он сделал шаг назад. В глазах жрицы сверкала злоба.

— Итак, Ларри, — сказала она, — ты думал, что так легко уйдешь от меня! — Она негромко засмеялась. — В невидимой руке я держу конус кета, — продолжала она. — Прежде чем ты сможешь поднять свою смертоносную трубку, я могу уничтожить тебя — и сделаю это. И подумай, Ларри, если эта служительница, эта чойя придет, я могу исчезнуть, — насмешливая голова исчезла, появилась вновь, — и убить ее кетом, или попрошу своих людей схватить ее и отдать Сверкающему!

Мелкие капли пота выступили на лбу О'Кифа; я знал, что он думает не о себе, а о Лакле.

— Чего ты хочешь от меня, Йолара? — хрипло спросил он.

— Нет, — послышался насмешливый голос. — Я для тебя не Йолара, Ларри. Зови меня сладкими именами, которым научил меня: мед лесных пчел, сеть для сердец. — Снова зазвучал ее смех.

— Чего ты хочешь от меня? — голос его звучал напряженно.

— Ах, ты боишься, Ларри! — в голосе ее была дьявольская радость. — Хочу только, чтобы ты вернулся со мной. Зачем еще пробиралась бы я мимо логова драконьего червя и других опасностей, если не ради этого? А чойя не очень хорошо сторожит тебя. — Она снова рассмеялась. — Мы пришли к выходу из пещеры, и тут были ее акка. И акка могли нас видеть — как тени. Но мне хотелось удивить тебя своим появлением, Ларри, — теперь голос был шелковый. — И я боялась, что они успеют раньше сообщить тебе это радостное известие. И потому, Ларри, я выпустила на них кет и дала им мир и отдых в пустоте. А ворота были открыты — как будто приветствовали нас!

Снова злой серебристый смех.

— Чего ты хочешь от меня? — В глазах его горел гнев, он с трудом владел собой.

— Хочу! — Серебристый голос сорвался, стал спокойней. — Разве Сийа и Сийана не печалятся, что посвященный им обряд не завершен? Разве не хотят, чтобы его закончили? И разве я не прекрасна? Красивее твоей чойи?

Дьявольский огонь в ее глазах погас; они стали голубыми, уди-

вительными; вуаль невидимости соскользнула, открыв шею, плечи, полуобнаженную грудь. Странными, сверхъестественно необычными были эти изящная голова и бюст, плывущие в воздухе, — и прекрасными, зловеще и неописуемо прекрасными. Такой должна была быть Лилит, женщина-змея, искушавшая Адама!

— Может быть, — сказала она, — я хочу тебя, потому что ненавижу; а может, потому что люблю; может, ради Лугура, а может, ради Сверкающего.

— А если я пойду с тобой? — негромко спросил он.

— Тогда я, возможно, пощажу служительницу и — кто знает? — отведу свои армии, которые сейчас собираются у входа; позволю Молчащим мирно гнить в их убежище; они не сумели уберечь его от меня, — ядовито добавила она.

— Ты поклянешься в этом, Йолара, поклянешься не причинять вреда служительнице? — напряженно спросил он.

Маленькие дьяволы плясали в ее глазах. Я оторвал лицо от невидимой груди.

— Не верьте ей, Ларри! — крикнул я, и снова меня сдавили так, что я начал задыхаться.

— Этот дьявол перед вами или за вами, старина? — негромко спросил он, не отрывая взгляда от жрицы. — Если перед вами, я рискну и попробую пристрелить его, а вы постарайтесь улизнуть и предупредить Лаклу.

Но я не мог ответить; да если бы и мог, вряд ли стал бы отвечать, помня предостережение Йолары.

— Решай быстро! — В голосе ее звучала холодная угроза.

Занавес, к которому медленно, шаг за шагом, отступал О'Киф, разошелся. В проходе показалась служительница. Лицо Йолары стало маской Горгоны, как и в первый раз, когда она увидела Золотую Девушку. В слепом гневе она забыла накинуть покров невидимости. Рука ее метнулась, как змея; она направила на Лаклу серебряный конус.

Но прежде, чем она успела пустить его в ход, служительница бросилась на нее. Она прыгнула, быстрая, как белая гончая, одной рукой схватила Йолару за горло, другой перехватила руку, державшую смерть; ее тело оплело невидимое тело соперницы. Я видел, как склонилась золотая голова, как дернулась рука, державшая смертоносный кет, видел, как Лакла впилась зубами в запястье, брызнула кровь и раздался крик жрицы. Конус упал, отскочил ко мне; изо всех сил я рванул руку, державшую пистолет, прижал пистолет к невидимой груди и выстрелил.

Хватка ослабла, на меня брызнула кровь, струйками полилась к ногам; из пустоты показалась рука, застыла.

Теперь Йолара лежала на полу; Лакла, путаясь в ее плаще, сра-

жалась, как обезумевшая мать, ребенку которой угрожает змея. Над ними, расставив ноги, стоял О'Киф, держа в руках ножку одного из треножников; он бил, парировал, отбивался, как мечом, от рук с кинжалами, которые вдруг возникали из пустоты, пытаясь ударить его; и все время он своим телом защищал Лаклу, как в старину пещерный человек в битве за жизнь защищал свою самку.

Наконец он нанес удачный удар, на полу, извиваясь, лежало тело карлика, руки и ноги его исчезали и появлялись. Около него лежал треножник, из которого Ларри вырвал свое оружие. Я бросился к нему, вырвал еще одну ножку, ударил в тот момент, когда один из невидимых попытался ударить меня кинжалом. Ножка раскололась, оставив у меня в руках золотой обломок. Я подскочил к Ларри, охраняя его спину, вращая обломком; почувствовал, как он ударяет раз, другой в невидимые тела.

У двери послышалось гуканье. В комнату ворвалось несколько людей-лягушек. Одни остались охранять выходы, другие устремились к нам и образовали вокруг нас кольцо, начали бить своими когтями и шпорами невидимых, которые закричали и попытались убежать. Тут и там на голубом ковре появились кровавые пятна; видны стали головы карликов, оторванные руки, искалеченные, наполовину невидимые тела. Жрица застыла, побежденная, ее тело просвечивало сквозь разорванную ткань невидимости. О'Киф наклонился, оторвал от нее Лаклу. Лакла с трудом встала. Все еще с искаженным от гнева лицом она оглянулась, с трудом заговорила:

— Йолара, — сказала она, — ты оскорбила Молчащих, осквернила их обитель, ты пришла убить гостей Молчащих и меня, их служительницу. Почему ты все это сделала?

— Я пришла за ним! — выдохнула жрица и указала на О'Кифа.

— Почему? — спросила Лакла.

— Потому что он обручен со мной, — ответила Йолара, и в ее взгляде вновь мелькнули дьяволы. — Потому что он ухаживал за мной! Потому что он мой!

— Это ложь! — Голос служительницы дрожал от гнева. — Это ложь! Но он сам выберет, Йолара. И если он выберет тебя, вы с ним уйдете беспрепятственно. Потому что, Йолара, я желаю ему счастья, и если его счастье — ты, вы уйдете вместе. А теперь, Ларри, выбирай!

Она быстро подошла к жрице, сорвала с нее остатки невидимого плаща.

Так они стояли — Йолара с обрывками одежды на прекрасном теле; сквозь них сверкала белая плоть; женщина-змея, удивительная, такая не снилась и Фидию, и в глазах ее горел адский огонь.

И Лакла, подобная девушкам викингов, тем героическим девушкам, что сражались в крепостях рядом с героями в старину на зеленом острове Ларри; и ее белое тело виднелось в разрывах одежды;

и в ее глазах горел гнев, но не дьявольское пламя, как у жрицы, а праведный гнев души, которая из рая созерцает грешные деяния.

— Лакла, — в голосе О'Кифа звучала обида, — тут нет выбора. Я люблю тебя и только тебя, люблю с того момента, как впервые увидел. Мне нелегко это. Боже, Гудвин, какой скотиной я себя чувствую, — бросил он мне. — Выбора нет, Лакла, — закончил он, не отрывая от нее взгляда.

Лицо жрицы стало еще смертоносней.

— Что вы со мной сделаете? — спросила она.

— Удержим, как заложницу, — ответил я.

О'Киф молчал; Золотая Девушка покачала головой.

— Я бы с удовольствием, — лицо ее стало мечтательным, — но Молчащие говорят — нет; они просят меня отпустить тебя, Йолара...

— Молчащие! — жрица рассмеялась. — Нет, ты, Лакла. Ты хочешь, чтобы меня не было поблизости, ты меня боишься!

В глазах служительницы снова собралась буря; она с трудом взяла себя в руки.

— Нет, — ответила она, — так приказали Молчащие — и по каким-то своим соображениям. Но я думаю, Йолара, что мало времени у тебя осталось для твоих злых дел, передай это Лугуру... и Сверкающему! — медленно добавила она.

Насмешка и недоверие отразились в фигуре жрицы.

— Я уйду одна? — спросила она.

— Нет, Йолара, нет; тебя проводят, — сказала Лакла, — они будут охранять тебя... и следить за тобой. Они уже здесь.

Занавес разошелся, и в комнату вошли Олаф и Радор.

Жрица посмотрела в полные ненависти и презрения глаза норвежца и впервые заколебалась.

— Я не хочу, чтобы он шел со мной, — выдохнула она, лихорадочно осматривая пол.

— Он пойдет с тобой, — ответила Лакла и набросила на Йолару занавес, скрыв ее изящное, соблазнительное тело. — И вернешься ты через вход, а не по тропе драконьего червя!

Она наклонилась к Радору, что-то прошептала ему; он кивнул; вероятно, решил я, рассказала, как открывать вход.

— Пошли, — сказал Радор, и Йолара — Олаф с ледяным взглядом сразу за ней — вышла через один из входов, в который так недавно и с таким торжеством вошла невидимая.

Лакла подошла к несчастному О'Кифу, положила руки ему на плечи, заглянула в глаза.

— Ты ухаживал за ней, как она сказала?

Ирландец вспыхнул.

— Нет, — сказал он. — Конечно, я был любезен с ней, потому что считал, что это быстрей приведет меня к тебе, дорогая.

Она с сомнением смотрела на него.

— Мне кажется, ты можешь быть очень... любезен! — вот все, что она ответила, наклонилась, прощая, поцеловала в губы. Исключительно непосредственной девушкой была Лакла, с истинным презрением ко всему, что считала несущественным; и в тот момент я решил, что она еще мудрее, чем я думал.

Ларри споткнулся, ноги его исчезли; он наклонился, поднял что-то, отчего его рука растаяла в воздухе.

— Один из невидимых плащей, — сказал он мне. — Их тут должно быть много. Йолара привела с собой весь свой штат убийц. Плащи, вероятно, потеряли товарный вид, но лучше пусть остаются у нас, чем в руках Йолары. И они могут пригодиться — кто знает?

У моих ног послышались звуки удушливого кашля, из пустоты возникла половина головы карлика, дважды в агонии ударилась о пол, упала Лакла вздрогнула, отдала приказ. Зашевелились люди-лягушки, всматривались там и тут, поднимали невидимок, обнажали их застывшие тела.

Лакла была права — ее акка настоящие бойцы!

Она позвала, появилась женщина-лягушка, ее ближайшая помощница. Девушка что-то сказала ей, указывая на лягушек, когти и лапы которых становились невидимы под плащами карликов, собранными со всей комнаты. Женщина взяла плащи и унесла их. Она казалась еще более гротескной, отчасти невидимая, в воздухе то и дело возникали сверкающие чешуйки и желтые драгоценности, они тянулись за ней, как невидимый хвост.

Люди-лягушки подобрали мертвых карликов и вышли цепочкой, торжествующе гукая.

Я вспомнил конус кета, выскользнувший из руки Йолары; он должен быть где-то здесь. Но как мы ни старались, как ни заглядывали во все углы, мы его не нашли. Может, его сжала рука одного из умирающих, и конус унесли вместе с мертвецом? С этой мыслью мы с Ларри пошли вслед за чешуйчатыми бойцами, обыскали каждое тело. Конуса не было. Может, жрица все-таки нашла его и унесла тайком?

Как бы то ни было, конус исчез. А как он мог бы нам послужить!

В ЛОГОВЕ ОБИТАТЕЛЯ

С большой нерешительностью начинаю я эту главу, потому что в ней речь пойдет о событиях, противоречащих всем известным нам законам физики и потому кажущихся невозможными. До сих пор, если, конечно, не считать Обитателя, я не встретил ничего такого, чему не мог бы найти естественное объяснение; ничего, что выходило

бы за пределы науки; ничего такого, о чем я не решился бы рассказать своим коллегам по Международной Научной Ассоциации. Поразительные, незнакомые, непонятные — да, такими были многие феномены, но все же они в пределах возможного; они лежат в тех областях знания, куда еще не проник человек, но куда он решительно устремляется.

Но это... что ж, должен признаться, что мне кажется: и у этого есть естественное объяснение, но такое трудное для понимания, такое сложное, что я не в силах изложить его на этих страницах, оно так зависит от концепций, которые с трудом усваивает даже подготовленный мозг ученого, что я прихожу в отчаяние.

Я могу только поклясться, что это произошло, произошло именно так, как я собираюсь описать, что я испытал это.

Было бы справедливо по отношению к себе, если бы я изложил некоторые предварительные соображения; возможно, они облегчат восприятие моего рассказа. Прежде всего следует осознать, что наш мир совсем не таков, каким мы его видим! Относительно этого я ссылаюсь на курс «Тяготение и принципы относительности» известного английского физика доктора А. С. Эддингтона, который я имел удовольствие прослушать в Королевском институте.

Я, конечно, понимаю, что мой аргумент не совсем логичен: мир не таков, каким мы его видим, следовательно, в нем возможно то, что мы считаем невозможным. Даже если мир отличен, все равно он подчинен своим законам. Подлинно невозможно то, что за пределами законов, а поскольку ничего не может быть за пределами законов, невозможное не существует.

Ключевая проблема, следовательно, такова: может ли то, что мы считаем невозможным, быть возможным в соответствии с неизвестными нам законами?

Надеюсь, вы простите мне это явно академическое отступление, но я считаю его необходимым; по крайней мере после него я себя спокойней чувствую. А теперь продолжу.

Мы с Ларри смотрели, как люди-лягушки бросают тела воинов Йолары в алые воды. Как стервятники слетаются на падаль, так к мертвецам быстро приплыли десятки сверкающих шаров. Взметнулись их тонкие разноцветные щупальца; огромные радужные пузыри взбирались на трупы. И там, где они их касались, начиналось быстрое разложение, тело и кость на глазах распадались; я видел уже, как это происходило с фруктом, когда спас Радора. И медузы питались продуктами этого разложения, они вяло пульсировали, их удивительные оттенки менялись, переливались, становились ярче; теперь они были настоящими волшебными лунами, но их красота питалась смертью; перегонные кубы, в которых великолепие создавалось из ужаса.

Испытывая тошноту, я отвернулся; О'Киф был так же бледен,

как я; мы вернулись в коридор, выходивший на карниз, с которого мы смотрели; навстречу нам спешила Лакла. Прежде чем она смогла заговорить, послышался глубокий вздох, могучий шепот потряс нас — и замер на расстоянии.

— Вход открыт, — сказала служительница. Как эхо, донесся более слабый вздох. — Йолара ушла, — продолжала она, — и вход снова закрылся. Нам нужно торопиться: Трое приказали, чтобы ты, Гудвин, Ларри и я прошли по той необычной дороге, о которой я говорила и по которой не должен идти Олаф: его сердце может разорваться. И мы должны вернуться раньше, чем они с Радором пересекут мост.

Она взяла Ларри за руку.

— Идем! — сказала Лакла, и мы пошли за ней: все ниже и ниже, зал за залом, лестница за лестницей. Где-то глубоко под куполом замка Лакла остановилась у гладкого закругленного каменного выступа. Нажала сбоку: камень повернулся; мы вошли; он закрылся за нами.

Стены помещения — пустоты, — в котором мы стояли, были многогранными, как у бриллианта. И блестели они, как обработанный алмаз, только тускло. Форма помещения — овальная, и наша тропа вела к круглому полированному основанию, примерно в два ярда в диаметре. Оглянувшись, я не увидел в стене никаких следов входа; только ступени отходили от того места, где был вход; у меня на глазах эти ступени тоже повернулись, оставив нас изолированными в круге, вокруг — только многогранные стены, и в каждой смутно отражались наши лица. Как будто мы находились в алмазном яйце, чьи углы были обращены внутрь.

Но овал был не вполне правильным, справа от меня в него был вделан экран — он слегка, еле заметно блестел, он тянулся от стены до стены и достигал верха помещения; слегка вогнутый, он был пересечен множеством линий, напоминающих линии на экране спектроскопа, но с одним отличием: внутри каждой линии я чувствовал присутствие множества более тонких линий, уменьшавшихся до бесконечности, ультрамикроскопических, они были проведены каким-то инструментом, по сравнению с которым наш лучший инструмент все равно что лом по сравнению с иглой микрометра.

В футе или двух от экрана стояло нечто, напоминавшее основание судового компаса, а на нем — циферблат, под его хрустальной поверхностью — концентрические круги света, заключенного, рвущегося, туманного, слегка голубоватого. От края подставки отходила небольшая хрустальная плита — приборная доска, на ней — восемь небольших углублений.

Служительница поместила пальцы в эти углубления. Взглянула на диск, нажала: экран за нами бесшумно повернулся под другим углом.

— Обними меня за талию, Ларри, дорогой, и стой рядом, — прошептала она. — Ты, Гудвин, положи руку мне на плечо.

Удивленный, я выполнил ее просьбу; она еще раз нажала углубления: три светящихся кольца ярко вспыхнули, устремились к нам и обвились вокруг; экран за нами вспыхнул всеми цветами радуги, не только видимыми, но и такими, которые не воспринимает человеческий глаз. Он становился все ярче и ярче, и лучи его проходили сквозь меня, как свет проходит сквозь оконное стекло!

Окружающие нас стены разгорелись нестерпимым блеском, и в каждой сверкающей панели я видел наши изображения, искаженные и разорванные, как вымпелы на ветру. Я хотел повернуться и посмотреть назад, меня остановил быстрый приказ служительницы:

— Не поворачивайся, ради твоей жизни!

Сияние сзади усиливалось, превратилось в поток света, а я в нем — лишь тень тени. Я услышал — не ушами, мозгом — услышал громовой гул, упорядоченный грохот звуков, несущихся из начала пространства; он приближался — грохот, ураган, прямо из сердца космоса — все ближе и ближе. Охватил нас своими неземными могучими руками.

А сияние сзади становилось все ярче и ярче.

Многогранные стены потускнели; прямо передо мной они растаяли, стали прозрачными, как желатин в пламени; и я начал двигаться сквозь эти исчезающие стены, в потоке света, в немыслимом, неощутимом торнадо, двигаться вначале медленно, потом все быстрее и быстрее!

Рев по-прежнему усиливался; свечение стремилось — мы летели все быстрее. Я расширялся, мое продолжение прошло сквозь скалы, я мельком увидел волшебные сады, они дергались, сокращались, превращались в тонкую пластину, в срез цвета, и вливались в меня; еще одна каменная стена, и она заняла место во мне, сложилась, как еще одна карта в колоде.

Вокруг меня, вокруг Лаклы и О'Кифа плясали бесчисленные алые огоньки. И все время мы растягивались, тянулись вперед.

Еще один скальный барьер, сверкание белых вод, втягивающихся в мое... продолжение, и вот уже сложилась земля, скалы; еще одна скала, немедленно превратившаяся в вертикальную пластинку рядом с остальными. Наш полет замедлился, мы повисли над чем-то, начали спускаться, медленно, осторожно.

Нас окружил туман, он постепенно редел. Мы остановились, туман рассеялся.

Я смотрел в прозрачное зеленое пространство, пронизанное быстрыми призматическими сверканиями волны и пульсации свечения, отражения полуденного солнца в зеленых тропических водах; танцую-

щий, сверкающий покров ярких атомов, который вздымался все выше посреди туманного великолепия!

А Лакла, Ларри и я были подобны теням на гладком камне в двадцати и больше футах над поверхностью этого места — поверхностью, покрытой миниатюрными белыми цветами, тускло светящимися сквозь фосфоресцирующий туман, как дымы лунного огня. Мы были тенями — и все же мы оставались материальными; мы совместились со скалой, стали ее частью, но оставались живой плотью и кровью; мы растянулись — не могу описать это более точно — мы растянулись на многие мили, и создавалось одновременно впечатление бесконечного растяжения и вертикального сжатия, в котором не оставалось ничего от протяжения, ничего вообще от пространства; мы были здесь, на поверхности каменной стены, но одновременно мы были и в овальном помещении с многогранными стенами перед сверкающим экраном!

— Спокойней! — Голос Лаклы, но не здесь, а там, у экрана. — Спокойней, Гудвин! Смотри внимательней!

Сверкающая дымка рассеялась. Передо мной тянулись бесконечные дали. В них, как будто в чем-то более плотном, чем воздух, вздымались массы растительности: фруктовые деревья и деревья, усеянные белыми цветами, бледные цветочные беседки, как морские цветы забвения, как гроздья Леты, которые растут в омываемых прибоем пещерах Гебрид.

В них, вокруг них, рядом с ними — повсюду плыла и колыхалась масса, толпа, бóльшая, чем войско Тамерлана, затопившее мир, обширнее мириадов, с которыми Чингиз-хан обрушивался на калифов; мужчины, женщины, дети, одетые в лохмотья, почти нагие и совершенно нагие: раскосые китайцы, малайцы с глазами-вишнями, черные, коричневые, желтые жители тихоокеанских островов, воины с Соломоновых островов, свирепые, фантастически украшенные папуасы, гибкие, как кошка, яванцы, даяки с холмов и с побережья; крючконосые финикийцы, римляне, греки с классическими чертами лица, викинги, на многие столетия после своего времени; множество черноволосых мюран; белые лица европейцев и американцев; мужчины, женщины, дети — плывут, колеблются, и на каждом лице отпечаталась смесь ужаса и восторга, глаза полны экстазом и страхом, знак обнявшихся демона и бога, печать Сверкающего, мертвые-живые; погибшие!

Добыча Обитателя!

Потрясенный, я продолжал смотреть. Они обращали к нам ужасные лица, плыли к нам, смотрели вверх, ряд за рядом, накатывались новые волны, застывали; они тянулись, насколько я мог видеть, как бесконечные валы в море, смотрели, смотрели!

Началось движение — далеко, далеко отсюда; свечение сконцентрировалось; мертвые-живые качнулись, засветились, разделились — об-

разовали длинный проход, по его краям они толпились с голодной настойчивостью.

Вначале только светящееся облако, затем вращающийся блистающий столб — по проходу плыл Сверкающий. Когда он проходил, мертвые-живые устремлялись за ним, как сухие листья в потоке воздуха, вились, трепетали; Сверкающий задевал их своими спиралями, и они начинали светиться неземным, страшным светом, как алебастровые сосуды, в которых вдруг вспыхивают фитили. А когда он проходил, они застывали и снова смотрели на нас.

Обитатель остановился под нами.

В плывущей безликой толпе показалось тело Трокмартина! Трокмартина, моего друга, в поисках которого я прошел через лунную дверь; моего друга, за которым я пошел с таким опозданием. На его лице была ужасная печать Обитателя; губы бескровны; глаза широко раскрыты, прозрачны, в них что-то светилось, фосфоресцировало; и не было в них души.

Не мигая, не узнавая, он смотрел на меня. К его боку прижималась женщина, молодая, изящная — и такая милая, хотя и на ее лице была та же маска. В ее широко раскрытых глазах, как и в глазах Трокмартина, горело нечестивое пламя. Она прижималась к нему; толпа продолжала медленное перемещение, но эти двое держались вместе, как будто связанные невидимыми путами.

Я узнал в ней Эдит, жену Трокмартина, которая, чтобы спасти его, сама бросилась в объятия Обитателя!

— Трокмартин! — воскликнул я. — Трокмартин! Я здесь!

Слышал ли он? Я знаю, что, конечно, нет.

Но я ждал, надежда пыталась разорвать кошмар, сжимавший мое сердце.

Их широко раскрытые глаза не отрывались от меня. Толпа продолжала двигаться, они качнулись, поплыли назад; продолжая смотреть на меня, затерялись в этом ужасном скоплении.

Я тщетно пытался проследить за ними, распознать, увидеть хоть какой-то признак жизни, какой мы ее знаем. Но они исчезли. Как я ни старался, я не мог их увидеть; не видел я Стентона, не видел северянку Тору, которая первой в этой трагедии оказалась жертвой Обитателя.

— Трокмартин! — в отчаянии снова закричал я. Слезы ослепили меня.

Я почувствовал легкое прикосновение Лаклы.

— Спокойней, — сказала она с жалостью. — Спокойней, Гудвин. Ты не можешь ему помочь, не сейчас. Спокойней! Смотри!

Сверкающий прошел под нами — извиваясь, клубясь, дрожа в своем свечении, во всей своей призрачной, дьявольской красоте; снова остановился, рассматривая нас. Теперь я ясно видел его ядро, центр,

пронизанный блестящими жилами, постоянно изменяющееся облако, окруженное светящимися туманными сгустками, бьющими языками сияния, парообразными спиралями и призматическими призрачными огнями. Над этим ядром устойчиво горели семь маленьких лун: аметистовая, шафрановая, изумрудная, лазурная, серебряная, розовая и лунно-белая. Они располагались, как диадема, спокойные, бесстрастные, неподвижные, и из них в Обитателя, пронизывая спирали и клубы, бежали бесчисленные тонкие нити, тонкие, тоньше паутины, и по ним от этих светящихся шаров в Обитателя вливалась сила; это было миниатюрное подобие тех многоцветных столбов, что падали в зале Лунного бассейна на его поверхность!

И в этом светящемся тумане виднелось лицо!

И мужское, и женское одновременно — как древнее двуполое божество этрусков, давно превратившееся в прах; и в то же время не мужское и не женское; человеческое и нечеловеческое; ангельское и дьявольское, милостивое и злобное — похожее на пламя, которое убийственно и прекрасно, которое согревает, но может и пожрать; как ветер, который может качнуть дерево или сломать его, ласкать и убивать.

Как-то непостижимо оно принадлежало нашему миру и в то же время не принадлежало ему. Черты этого лица плыли из другого измерения, на мгновение принимали знакомые формы и быстро отступали туда, откуда пришли; становились аморфными, неземными, как черты лица неизвестного, незримого бога, несущегося в глубинах звездного пространства; и в то же время лицо оставалось земным, и сама душа Земли смотрела сквозь него, была заключена в нем и каким-то неведомым, немыслимым способом унижена и опозорена.

На лице были глаза — темные тени на фоне свечения, открытые окна в неизвестное; глубокие голубые бассейны, как сам Лунный бассейн; они неожиданно начинали сверкать, и тогда лицо становилось совсем земным, и на нем горела двойная звезда, почти такая же яркая, как корона из маленьких лун; и всегда оставалось впечатление замочных скважин, сквозь которые можно заглянуть в мир, неведомый, запретный, опасный для человека!

— Спокойней! — послышался голос Лаклы, тело ее прижалось к моему.

Я овладел собой, разум мой успокоился, я снова взглянул вниз. И увидел, что его тело, по крайней мере то, что мы считали его телом, — это только пульсирующее свечение, пронизанное радужными венами; а вокруг, не стихая, колебалось светящееся облако, одновременно небесное и адское.

Обитатель стоял и смотрел на нас.

К нам протянулась ищущая, вопрошающая спираль.

Плечо Лаклы под моей рукой дрогнуло; мертвые-живые и их

хозяин исчезли; я двигался в скале; ощутил быстрое сжатие, съеживание, отступление; слой за слоем — каменные стены, серебряные воды, волшебные сады — выскальзывали из меня, как карты из колоды, один за другим, выскальзывали, расширялись и удлинялись.

Потрясенный, дрожащий, ослабевший, я стоял в овальной комнате с граненными стенами; рука моя по-прежнему лежала на белом плече служительницы; Ларри по-прежнему обнимал ее за талию.

Рев, неощутимый ураган из космоса отступил за пределы пространства, стих; напряженное струящееся свечение ослабло, погасло.

— Вы видели, — сказала Лакла, — и хорошо перенесли дорогу. А теперь услышите — так приказали Молчащие, — кто такой Сверкающий и как он появился на свет.

Ступени вернулись на место, открылась дверь.

Молча мы с Ларри вышли в нее.

СОТВОРЕНИЕ СВЕРКАЮЩЕГО

Мы оказались в личных помещениях Лаклы, если это можно так назвать. Помещение меньше других в этом накрытом куполом здании; его принадлежность Лакле выдавал не только слабый аромат, но и высокие зеркала из полированного серебра и многочисленные предметы женского туалета, разбросанные там и тут; вещи, которые, как я потом узнал, были созданы ремесленниками акка, и работниками по металлу акка оказались замечательными. Одно из окон доходило почти до пола, и перед ним стоял удобный диван; с него открывался вид на мост и на выступ у входа в пещеру. Служительница пригласила нас на этот диван; села сама, усадила рядом Ларри и знаком попросила и меня сесть поближе.

— Вот что Молчащие велели мне рассказать вам двоим, — начала она. — Тебе, Ларри, чтобы ты смог все взвесить в уме и ответить на вопросы, которые тебе зададут Молчащие. Я не знаю, что это за вопросы. Они сказали, что я тоже должна буду на них ответить, и это меня пугает.

Большие золотые глаза расширились, потемнели от страха; Лакла вздохнула, нетерпеливо встряхнула головой.

— Они не такие, как мы, и никогда не были такими, как мы, — она говорила негромко, удивленно, — говорят Молчащие. И те, от кого они произошли, не похожи на тех, от кого произошли мы. Раса Молчащих — таиту — древняя, немыслимо древняя. Родились они гораздо глубже того места, где мы находимся, у самого центра Земли; и здесь жили они бесконечно долго, лайя на лайя на лайя — жили с другими, не похожими на них; некоторые из этих исчезли с течением времени, другие все еще живут внизу в своей... колыбели.

Трудно, — она колебалась, — очень трудно говорить, передать

то, что проходит через мой мозг... потому что я очень мало знаю... и хоть Молчащие говорят со мной, у меня в мозгу не все задерживается, у него нет для этого основы, — необычным голосом продолжала она.— Было время, когда и Земля и Солнце представляли собой холодный туман в... в небе... кое-где этот туман сгущался, вращался, вращался... все быстрее и быстрее — и при этом притягивал к себе все новый и новый туман... сгусток становился больше, разогревался... наконец образовались шары, одни вращались вокруг Солнца, а другие, поменьше, вращались вокруг них... иногда огонь, заключенный в этих шарах, вырывался наружу и раскалывал шары... в одном из таких взрывов вырвалось то, что вы называете Луной... после нее осталось то пространство, в котором мы живем... и частицы жизни, попавшие сюда, превратились в расу Молчащих... и других... но не акка, которые, как вы, пришли сверху... и все это я не понимаю. А ты, Гудвин? — обратилась она ко мне.

Я кивнул — в сущности она излагала приближенно теорию Чемберлена — Молтона о происхождении Солнца и планет из сжимающейся туманности.

Само по себе подтверждение этой теории поразительно. Еще более поразительно упоминание о частицах жизни, этой идее Аррениуса, великого шведа, о возникновении жизни на Земле из крошечных спор, которые переносятся в пространстве под давлением света и, встретив здесь благоприятную среду, превращаются в конечном счете во все остальные известные нам живые существа.

Мне не казалось невероятным, что в древней туманности, прародине Солнечной системы, такие же — точнее, не такие же споры жизни могли задержаться и, преодолевая все катастрофы, как они преодолели абсолютный нуль космического пространства, найти в пещерах подходящую среду, чтобы развиться в расу Молчащих и... только сами Молчащие могут сказать, во что еще!

— Они говорят, — голос служительницы звучал уверенней, — они говорят, что росли в своей колыбели, вблизи центра Земли; их не тревожили бури и катастрофы, происходившие на поверхности. Они говорят, что там светло и что сила приходила к ним от самого сердца Земли, сила и энергия, бóльшая, чем та, что вы получаете от Солнца.

Наконец давно, очень давно, говорят они, наступило время, когда они начали... осознавать себя. И мудрость быстро пришла к ним. Они вышли из своей колыбели, не захотели жить в ней и нашли это место.

Вся поверхность Земли тогда была покрыта водой, и в ней жили крошечные голодные существа, они не знали ничего, кроме голода и его удовлетворения, — уже тогда таиту приобрели мудрость и сумели найти выход на поверхность, чтобы взглянуть на эти воды. И лайя на лайя впоследствии они выходили по этим путям и смотрели, как от-

ступает вода; видели, как появились большие пространства парящей грязи, и на них выползли существа побольше, в которые превратились крошечные голодные; смотрели, как все выше и выше поднимается суша, и ее начинает одевать зеленая жизнь; видели, как поднимались и исчезали горы.

Зеленая жизнь расцветала, и существа, выползшие из воды, росли и становились все разнообразнее; наконец наступило время, когда пар над Землей рассеялся и существа, которые начинались как крохотные голодные рты, стали огромными чудовищами, такими большими, что самый большой из моих акка не дотянулся бы до колена самого маленького из них.

Но ни одно из этих существ, ни одно, говорят Молчащие, не сознавало себя; и подгонял их только голод.

И вот очень долго раса Молчащих больше не пользовалась этими путями, отказавшись от мысли подняться на поверхность, как они поднялись сюда из сердца Земли. Они целиком предались поиску мудрости и спустя некоторое время добились таких результатов, что даже и думать забыли о переселении. Потому что они далеко углубились в загадки жизни и смерти, они овладели иллюзией пространства, подняли покров с пламенеющего сердца истины, но когда они все это обнаружили, они просят меня сказать тебе, Гудвин, что на их пути встали еще большие загадки; и сердце истины оказалось только одной из бесчисленных граней этой истины, и прочитать всю истину невозможно до немыслимого конца вечности!

И они были рады этому, потому что целую вечность могут они искать истину на безграничных путях.

Они победили свет, свет по их желанию возникал из пустоты, которая порождает все и в которой есть все, всегда было и будет; свет, пронизавший их тела, очищал их от всех шлаков; свет, который стал их едой и питьем; свет, который далеко уносил их взгляд и открывал им жизнь на тысячах и тысячах миров; свет, который был огнем самой жизни и в который они окунались, обновляя себя. Они разместили в камне сверкающие лампы и из черного света ткали тени — тени, которые способны убивать.

Из этого народа происходят Трое — Молчащие. Они всех превзошли мудростью, и в Троих разрасталась гордость. И Трое построили это место, в котором мы находимся, установили Вход в это место и отделились от своей расы, погрузились в одиночестве в изучение всех граней драгоценного камня истины.

Потом появились предки акка; они были не такие, как сейчас, но со слабой искрой самосознания. И таиту, видя эту искру, не уничтожили их. Они прошли древними, давно не хоженными путями, и снова взглянули на поверхность Земли. Поверхность была покрыта дремучими лесами, хаосом зеленой жизни. На берегах рек и озер

сражались и пожирали друг друга клыкастые чешуйчатые существа, а в глубине лесов двигались большие и маленькие животные, которые убивали друг друга.

Таиту нашли проход, через который появились акка, и закрыли его. Трое взяли предков акка и привели их сюда, учили их, разожгли в них искру, которая горела все ярче и ярче, и со временем они стали такими, как сейчас, — мои акка.

После этого Трое посовещались и сказали: «Мы укрепили жизнь, пока она не стала осознавать себя. Нужно попытаться создать жизнь». — Лакла остановилась, глаза ее вспыхнули, стали туманными. — Трое говорят, — прошептала она. — Мой язык принадлежит им...

И, легко и быстро, будто она действительно была только голосом, которым пользовались гораздо более мощные умы, излагая свои мысли, она заговорила:

— Да, — ее золотой голос дрожал, — мы сказали, что должны создать дух самой жизни, который говорил бы с нами языком далеких звезд, говорил о ветрах и о воде, обо всем, что есть. Мы работали с тем, что вы называете эфиром, этой матрицей материи, матерью всех вещей. Не думайте, что удивительная плодотворность эфира ограничена тем, что есть на Земле и было на ней с самого начала. Бесконечны, бесконечны формы, заключенные в материи, и бесчисленны виды энергии, составляющие ее.

Благодаря своим знаниям, мы создали множество окон в нашем жилище, сквозь которые могли смотреть на мириады миров, и повсюду жили дети эфира, так же как и сами планеты были тоже детьми эфира.

Наблюдая, мы учились, а научившись, создали того, кого вы называете Обитателем, — Сверкающего. Мы создали его из универсальной праматери всего, чтобы он стал голосом ее тайн, фонарем, который освещал бы нам путь к ее тайнам. Мы создали его из эфира, дали ему душу света, этой сути жизни, которую вы видели в пропасти и которая есть пульс Земли. Работали мы с болью и любовью, со страстью и иссушающей гордостью, и из нашего труда родился Сверкающий — наше дитя!

Существует энергия превыше эфира, целенаправленная, разумная сила, которая, как океан, приливает к далеким звездам, пронизывает все созданное из эфира, которая живет, говорит, ощущает в нас и в вас, которая воплощена в зверях, птицах, рептилиях, в деревьях и в траве, во всех живых существах, которая спит в скалах и камнях, которая языками пламени сверкает в драгоценностях и звездах и во всех обитателях неба. И эта энергия обладает сознанием!

Мы увенчали Сверкающего семью светящимися шарами — это каналы между нами и той всеобщей чувствительностью, которую мы хо-

тели заставить говорить, это ворота, через которые она струится и самореализуется в нашем создании.

Но во время создания в него перешла суть нашей гордости; дав ему волю, мы дали по необходимости и возможность прилагать ее для добра и зла, говорить или молчать, сообщать нам, что вливается в него через семь шаров, или удерживать в себе это знание; создавая его из бессмертной энергии, мы наделили его равнодушием этой энергии; открытый этой энергии, он содержит в себе крайнее проявление радости и крайнее проявление горя и все, что находится между ними; все экстазы бесчисленных миров и солнц и все их горести; все то, что символизировано в богах, и все — что в дьяволах, не отрицая друг друга, потому что отрицания не существует, а совмещая, уравновешивая — крайность на крайность!..

Так вот каково объяснение той смешанной эмоции радости и горя, которая так ужасно преобразила лицо Трокмартина и лица остальных рабов Обитателя!

Глаза служительницы ожили, снова заблестели; отсутствующее выражение исчезло с лица; глубокий золотой голос снова стал привычным.

— Я слушала, пока Трое говорили с вами, — сказала она. — Создание Сверкающего было долгим и трудным, и во внешнем мире время летело лайя на лайя. Какое-то время Сверкающий удовлетворялся жизнью здесь; его кормили световой пищей; он открывал Троим загадку за загадкой, читал с ними грань за гранью жемчужины истины. Но поток сознания струился сквозь него, и Сверкающий становился все сильнее и сильнее. Воля его крепла, и не всегда это была воля Троих; и гордость, которая участвовала в его сотворении, усиливалась, а любовь к своим создателям слабела.

Остальные таиту знали о работе Троих. Вначале немногие, потом все больше и больше начали домогаться доступа к Сверкающему, хотели, чтобы Трое поделились извлеченными из него знаниями. Но Молчащие в своей гордости не соглашались.

У Сверкающего есть ограничения, как у всех нас. Он может пройти по воде, сквозь воздух и огонь; но не может сквозь камень и металл. И он отправил сообщение — каким образом, не знаю, — тем таиту, которые домогались его, и выдал им секрет Входа. И когда наступило время, они открыли Вход, и Сверкающий вышел сквозь него; и не вернулся, когда Трое приказали ему, а когда они попытались его заставить, то поняли, что он владеет знаниями, которые им не подвластны.

Трое могли уничтожить семь сияющих шаров, но не захотели — потому что любили Сверкающего!

Те, к кому он ушел, построили для него то место, что я вам показала, и преклонялись перед ним, и извлекали знания из него.

И все более и более отходили от обычаев таиту — потому что через семь шаров к Сверкающему приходило все меньше добра и все больше той силы, которую вы зовете злом. Сверкающий давал знания и понимание, но не такие, которые ясно и строго освещают путь к истинной мудрости; скорее, они указывали на темную дорогу, ведущую к бесконечному злу!

Не все таиту последовали за Сверкающим. Было много, много таких, которые не хотели иметь дела с ним и его силой. И вот таиту раскололись; и в это место пришло то, чего раньше никогда не было: ненависть, страх и подозрительность. Те, кто сохранил верность прежним обычаям, пришли к Троим и просили их уничтожить свое создание, а те отказались, потому что по-прежнему любили его.

Все сильнее и сильнее становился Обитатель и все меньше и меньше приносил своим верующим — такими они стали — плоды своего знания. Он стал... беспокойным, обратил свой взгляд на поверхность, отвернув его от Троих. Он велел таиту вновь открыть пути на поверхность и смотреть в них. И что же? Над ними оказалась обширная плодородная земля, населенная незнакомым народом, искусным в ремеслах, ищущим и находящим мудрость, — человечество! Эти люди были могучими строителями; обширны были их города и огромны каменные храмы.

Они называли свою землю Мюрия и поклонялись богу Танароа, которого считали создателем мира, живущим далеко от них. Они поклонялись и другим, более близким богам, неравнодушным к их мольбам, им нужно было молиться, умиротворять их, — Солнцу и Луне. У них было два правителя, у каждого свой совет и свой двор. Один — лунный царь, верховный жрец Луны, другой — солнечный царь, верховный жрец Солнца.

Основная масса жителей была черноволосой, но у жреца Солнца и его приближенных были рыжие волосы, как у меня. А лунный жрец и его последователи — как Йолара. Или Лугур. И так произошло, Гудвин, говорят Трое, что очень долго действовал закон: если у черноволосых рождался рыжеволосый или русый ребенок, он посвящался либо богу Солнца, либо богу Луны, и впоследствии такие люди могли жениться или выходить замуж только среди своих. И наконец у черноволосых перестали рождаться светловолосые, но рыжие по-прежнему рождались.

СООРУЖЕНИЕ ЛУННОГО БАССЕЙНА

Лакла замолчала, провела длинными пальцами по своим бронзовым локонам. Селективный отбор, подумал я; древний эксперимент в области наследственности, который в конечном счете приводит к расслоению первоначального типа; в результате появляются три фик-

сированных разновидности: черноволосые, рыжеволосые, и светловолосые. И тут я вдруг понял — и осознание вызвало некоторый шок, — что это точно соответствует черноволосым ладала, светловолосым их правителям и золотоволосой — Лакле!

— Как?.. — начал формулироваться у меня вопрос, но служительница не дала мне высказать его.

— Высоко, далеко, далеко над жилищем Сверкающего находился самый большой храм, в нем были алтари и Солнца, и Луны. Вокруг другие храмы; каждый храм за прямоугольными стенами, вокруг каждого храма мелкое озеро; священный город, город богов этой земли...

«Она описывает Нан-Матал...» — подумал я.

— И на все это смотрели таиту, которые теперь стали лишь слугами Сверкающего, как он когда-то был посланником Троих, — продолжала Лакла. — Когда они вернулись, Сверкающий заговорил с ними, обещал господство над всем, что они видели, однако под его владычеством над всей Землей, а потом, возможно, и над другими планетами!

В Сверкающем росли хитрость и коварство, знание, как добиваться своего. Поэтому он сказал своим таиту — и, может быть, сказал правду, — что еще не настало время им выходить на поверхность, что они должны проникать на поверхность постепенно и медленно, так как они происходят из центра Земли и даже у него, Сверкающего, нет сил помочь им пробиться наружу. И он сказал, что им делать. Они вырубили помещение, в котором я впервые вас увидела, и проложили к нему путь, тот самый, которым воспользовались вы.

Сверкающий открыл им, что в лунном луче есть сила, родственная той, что заключена в нем самом, потому что он родился в том же месте, где родилась и Луна, и в него перешла сила и сущность, которые есть в ребенке Земли; он научил их, как сделать ту жидкость, что заполняет сейчас Лунный бассейн, и вход в Лунный бассейн снизу рядом с той завесой, что окружает жилище Сверкающего.

Когда это было сделано, он научил их, как изготовить и разместить семь шаров, через которые лунный свет льется в Лунный бассейн, — эти семь огней родственны семи огненным шарам в нем самом, а также лунному свету. Они открывают для него дорогу наверх. И все это сделали таиту, работая в такой тайне, что ни другие члены их расы, настроенные против Сверкающего, ни люди ничего об этом не знали.

Когда это было сделано, они поднялись в помещение Лунного бассейна и столпились вокруг него. Лунное пламя устремилось вниз через семь шаров, упало в бассейн; они увидели, как снизу поднимается туман, собирается, сливается с лунным огнем, и вот вверх в Лунном бассейне, формируясь в светящемся тумане, вращающийся, радужный, — устремился Сверкающий!

Почти свободный, почти вырвавшийся в мир, которого он так домогался!

Он снова дал им указания, и они прорубили проход, который вы обнаружили; поместили в каменные стены огонь и открыли себя лунному царю-жрецу и его приближенным, как и приказывал Сверкающий.

Лунный жрец, увидев таиту, окруженных защитным туманом в зале Лунного бассейна, услышав их слова, преисполнился страхом. Но, будучи коварным, он подумал, что сможет использовать их силу и уменьшить власть солнечного царя-жреца. И он и его приближенные заключили союз с посланниками Сверкающего.

Когда в следующий раз Луна стала круглой и пролила свой свет в Лунный бассейн, таиту снова собрались вокруг и видели, как в этих столбах света сформировалось дитя Троих, вышло из Лунного бассейна и устремилось наружу! Они услышали громкие крики, вопли ужаса; потом тишина; громкий вздох — и они ждали, закутанные в свой светящийся туман, потому что боялись следовать за ним и не могли выглянуть наружу.

Снова шум смятения — Сверкающий вернулся, дрожа от радости, пульсируя, торжествуя, и в его объятиях были люди, мужчина и женщина, рыжеволосые, золотоглазые, на лицах их восторг и ужас лежали рядом, великолепно и отвратительно. Продолжая держать их в объятиях, Сверкающий вошел в бассейн и погрузился в него.

А теперь я должна быть краткой. Лат за латом Сверкающий поднимался вверх, возвращаясь со своими жертвами. И все сильнее становился — веселее и свирепее. Когда он возвращался к себе, таиту, смотревшие на это, испытывали опьянение духа, которое стремилось от него к ним. А Сверкающий забыл, что обещал им господство над миром, и в упоении новым злом они сами забыли об этом.

А внешний мир разрывали ненависть и открытая вражда. Лунный жрец и его приближенные благодаря советам злых таиту и силе Сверкающего стали всемогущими, а солнечный жрец и его окружение ослабли. И лунный жрец провозгласил, что дитя Троих есть сам лунный бог, который спустился, чтобы жить среди людей.

Но тут начался подъем воды, а когда она отступила, выяснилось, что она унесла с собой большую часть поверхности. И земля начала опускаться. И лунный жрец объявил, что сам лунный бог призвал океаны затопить землю, потому что на ней поклоняются и другим богам, а не только ему. Народ поверил ему, и началась бойня. Когда она кончилась, не было ни солнечного жреца, ни золотоволосых, все были убиты, все, включая детей в колыбелях.

Но вода продолжала прибывать.

И тогда множество народа было приведено в зал Лунного бассейна и перемещено сюда. Это те, кого мы сейчас зовем ладала, им

дали место для жизни и работу; и они процветали. Пришло и много светловолосых; и им дали жилища. Они были приближенными злых таиту; как и таиту, они пьянели от танца Сверкающего; они изучали — не все, немногое, но вполне достаточно — изучали мудрость таиту. А Сверкающий танцевал все веселее в черном амфитеатре, становился сильнее — и толпы рабов за завесой увеличивались.

Таиту, которые сохранили верность старым обычаям, ничего не могли сделать. Теперь, когда вверху наступало море, опасность угрожала их собственным жилищам. Все их силы, вся их мудрость были направлены на то, чтобы спасти этот мир от затопления; и никакой помощи от отравленных злом Сверкающего у них не было; и не было времени бороться со Сверкающим и его поклонниками.

Наконец началось медленное обширное наводнение. Вода подошла к основаниям стен города, богов, а внутри жили остатки моего народа на поверхности Земли.

Я из этого народа. — Она помолчала, гордо глядя на меня. — Одна из дочерей жреца Солнца, чье потомство еще живо в ладала.

Ларри открыл рот, собираясь что-то сказать, но она взмахом руки заставила его замолчать.

— Это последнее наводнение не ушло, — продолжала она. — Спустя некоторое время остатки населения во главе с лунным жрецом присоединились к тем, кто ушел вниз. Скалы застыли, землетрясения прекратились, и теперь Древние, которые неустанно работали, смогли перевести дух. И гнев их вырос, когда они увидели дела своих злых соплеменников. Снова пришли они к Троим — и Трое теперь знали, что они наделали, и гордость их была унижена. Они не могли сами убить Сверкающего, потому что все еще любили его; но они научили других, как сделать это; и уничтожить злых таиту, если понадобится.

Вооруженные мудростью Троих, таиту двинулись — но и Сверкающий теперь был силен. Они не смогли уничтожить его!

Да, он все знал и подготовился; они не смогли даже пройти за завесу, закрывавшую вход в его жилище. Ах, как силен и искусен стал Сверкающий, какой сильной стала его воля, какое коварство он приобрел! Тогда они обратились против своих соплеменников, которые сбились с пути, и уничтожили их до последнего. Сверкающий не пришел на помощь своим слугам, хотя они призывали его: для него они стали бесполезны; теперь у них не было уже силы и мудрости таиту.

А пока все это происходило, черноволосые и светловолосые прятались, кто как мог, дрожа от ужаса.

Древние созвали совет. И вот что они решили: они решили уйти из своих садов у серебряных вод. Сверкающего, которого они не могли убить, решили оставить с его верующими. Они закрыли проход

к Лунному бассейну и изменили внешний вид скалы, чтобы никто не мог сказать, где располагался бассейн. Но сам проход вниз они оставили открытым — вероятно, предвидели то, что произойдет в далеком будущем, может, ваш приход сюда, Ларри и Гудвин, я от всей души верю в это. Все остальные входы они уничтожили, кроме того, каким вы попали в жилище Обитателя.

В последний раз пришли они к Троим — чтобы произнести свой приговор. И было решено: Трое останутся одни, среди акка, которые будут им служить, пока Трое не уничтожат созданное ими зло; они не должны искать смерти, не должны следовать за своими судьями, пока это не произойдет. Таково было наказание Троим за причиненное ими зло, которое произошло из-за их гордости. И таиту приложили все свои знания, чтобы этот приговор не был нарушен.

И потом они ушли — в далекую землю, которую они выбрали и куда Сверкающий не мог последовать за ними, за Черными пропастями Доула, в зеленую землю...

— В Ирландию, — убежденно прервал ее Ларри. — Я так и знал.

— С тех пор прошло много времени, — не обращая внимания, продолжала она. — Люди назвали это место Мюрия, как и свою прежнюю затонувшую землю; скоро они забыли, где находился проход, закрытый таиту. Лунный жрец стал Голосом, а с ним всегда есть женщина, из потомков лунного жреца — жрица.

И много раз поднимался Сверкающий через Лунный бассейн и возвращался все с новыми и новыми жертвами в своих объятиях.

И снова охватило его беспокойство, ему стали нужны новые просторы. Он говорил с Йоларой и Лугуром, как некогда говорил с погибшими таиту, обещал им господство. Он стал сильным, в полнолуние он смог уходить далеко. Так он смог схватить твоего друга, Гудвин, и жену Олафа с ребенком и многих других. Йолара и Лугур собираются открыть путь на поверхность, выйти наружу вместе со всем двором и под началом Сверкающего править миром.

Вот что просили Молчащие сказать вам, и я это сделала.

Затаив дыхание, слушал я этот изумительный эпос давно затонувшего мира. Только тут смог я задать вопрос, который меня все время мучил, как забота о благополучии Ларри, это собственно была цель моего поиска — судьба Трокмартина и тех, кто с ним оказался в логове Обитателя; жены Олафа тоже.

— Лакла, — сказал я, — друг, из-за которого я здесь, и другие, кто ушел раньше него, — можно ли их спасти?

— Трое говорят — нет, Гудвин. — В ее глазах была та же жалость, с какой она смотрела на Олафа. — Сверкающий питается самим пламенем жизни, а вместо него помещает собственные огни со своей волей. Его рабы — это только оболочка, в которой сверкают

его огни. Трое говорят, что смерть — это лучший выход для них; и это для них было бы счастьем.

— Но у них есть душа, mavourneen, — сказал ей Ларри. — И они живы — по-своему. Душа ведь из них не ушла.

Несмотря на свой скепсис, я после его слов почувствовал надежду. Существование души никогда не было доказано лабораторными методами. Но ведь я видел Эдит рядом с Трокмартином.

— Обитатель схватил Трокмартина через много дней после его жены, — воскликнул я. — Если их воля и жизнь ушли, как они могли найти друг друга в этой толпе? Как встретились в логове Обитателя?

— Не знаю, — медленно ответила она. — Ты говоришь, они любили — правда, что любовь сильнее смерти!

— Одного я не понимаю, — снова сказал Ларри. — Как такие девушки, как ты, могут рождаться среди черноволосых, так часто и, я бы сказал, регулярно, Лакла? Были ли рыжеволосые мальчики? Если были, что с ними стало?

— Я не могу ответить на это, Ларри, — очень откровенно сказала она. — Был какой-то договор; как и кем заключен, я не знаю. Но мюране всегда боялись возвращения таиту, и еще больше они боятся Троих. Даже Сверкающий боится тех, кто его создал, — пока еще боится. И даже теперь он не хотел бы с ними встретиться, это я знаю. И Йолара, и Лугур вовсе не так уверены. Может, все это делается по решению Троих; но как и почему, не знаю. Знаю только, что это правда: я здесь, а иначе откуда мне взяться?

— Из Ирландии, — тут же ответил Ларри О'Киф. — И туда ты отправишься. Потому что здесь не место для тебя, Лакла, — с этими лягушками, с полубогом, который на три четверти дьявол, с красными океанами, с Молчащими, — Боже, благослови их, — и единственное ирландское здесь — ты сама. Это не место для тебя, клянусь святым Патриком, и скоро тебя здесь не будет!

Ларри! Ларри! Если бы это было правдой, если бы ты и Лакла были сейчас рядом со мной!..

ЛАРРИ И ЛЮДИ-ЛЯГУШКИ

Долго говорила Лакла, и, вероятно, долго я пересказывал ее историю. Но не каждый день расходится туман и дает возможность увидеть молодость Земли. Я пересказал, ничего не добавив и ничего не изъяв; перевел буквально, это правда, но постоянно старался, подбирая слова и фразеологию, понятные читателям, передать подлинный дух рассказа. Должен подчеркнуть, что так я делал постоянно, передавая свои разговоры с мюранами.

Встав, я обнаружил, что у меня онемело тело; я так устал, буд-

то прошел многие мили. Ларри, повторяя мои движения, невольно застонал.

— Правду сказать, mavourneen, — он бессознательно перешел на английский, — на твоих дорогах не износишь подошвы, но они свое все равно берут!

Она поняла если не его слова, то наше состояние; негромко вскрикнула, с жалостью и самоосуждением; заставила нас вернуться на подушки.

— Простите! — прошептала Лакла, склоняясь к нам. — Я забыла: этот путь очень утомителен...

Она подбежала к двери, крикнула в коридор. Из-за занавеса появились два человека-лягушки. Она быстро заговорила с ними. Они направились к нам, на мордах у них было выражение, которое должно было служить дружелюбной улыбкой, пасти оскалены, обнажены ряды блестящих, острых, как иглы, зубов. Я зачарованно смотрел на них — они всегда привлекали меня; чудища спокойно просунули одну лапу нам под колени, подняли, как детей, и понесли!

— Отпусти меня! Отпусти, говорю! — В голосе О'Кифа звучал гнев.

Оглянувшись, я увидел, что он тщетно старается высвободиться и встать на ноги. Акка только крепче прижал его, что-то успокаивающе загукал, вопросительно глядя вниз, на его покрасневшее лицо.

— Но, Ларри, дорогой! — в голосе Лаклы звучала материнская забота. — Ты устал, у тебя болит тело, а Кра может легко нести тебя.

— Меня не будут нести! — кричал О'Киф. — Черт возьми, Гудвин, чтобы лейтенанта Королевских военно-воздушных сил тащили, как... груду рваных тряпок, нет, так не пойдет! Отпусти меня, ты, omadhaun, или я пну тебя в рыло, — кричал он своему носильщику, который только негромко загукал и посмотрел на служительницу, явно ожидая указаний.

— Но, Ларри, дорогой, — Лакла расстроилась, — тебе больно будет идти; а я не хочу, чтоб тебе было больно, Ларри, дорогой!

— Святой Патрик! — застонал Ларри; снова сделал попытку вырваться из объятий человека-лягушки, но со стоном сдался. — Послушай, alanna, — умоляюще сказал он. — Когда мы с тобой будем в Ирландии, там никто нас не понесет, если мы немного устали. А плохие привычки легко усваиваются, знаешь ли.

— Нет, понесут, Ларри! — воскликнула служительница. — Потому что много-много моих акка пойдут с нами!

— Да скажешь ли ты этому олуху, чтобы он меня отпустил! — выпалил теперь уже окончательно рассвирепевший О'Киф.

Я не мог сдержать смех; он гневно посмотрел на меня.

— Олух? — переспросила Лакла.

— Да, олух, — ответил Ларри, — и у меня в моем нынешнем положении нет никакого желания объяснять, что значит это слово, о свет моей души!

Служительница вздохнула, явно удрученная. Но что-то сказала акка, и тот мягко опустил О'Кифа на пол.

— Не понимаю, — беспомощно сказала она. — Если хочешь идти сам, конечно, Ларри. — Она повернулась ко мне. — А ты?

— Я идти не хочу, — твердо заявил я.

— Ну, что ж, — сказала Лакла, — тогда вы, Ларри и Гудвин, отправляйтесь с Кра и Галком, они позаботятся о вас. Поспите немного. Олаф и Радор скоро вернутся. И позволь мне снова ощутить твои губы, Ларри... дорогой! — Она закрыла ему глаза ладонями. — А теперь идите и отдыхайте!

Я без стыда прижался к роговой груди Галка; с улыбкой заметил, что Ларри не отказался от поддержки Кра; тот своей черной, покрытой чешуйками рукой обнял Ларри за талию и чуть не понес его.

Они принесли нас к небольшому бассейну с чистой водой, мягко уложили и начали раздевать. Тут уж Ларри сдался.

— Я не могу их остановить, док! — простонал он. — Да и правда, меня будто протащили сквозь замочную скважину; ну, мне все равно, мне все равно, как говорится в песне.

Нас раздели и осторожно опустили в воду. Но акка недолго позволили нам плескаться в мелком бассейне. Они достали нас из воды, начали массировать и втирать в тело ароматную мазь.

Мне кажется, что во всей этой смеси гротеска, трагедии, загадок, странных и опасных происшествий в подземном мире не было ничего более необычного, чем это... прислуживание. Я рассмеялся, Ларри присоединился ко мне, потом Кра и Галк поддержали нас своим лягушечьим кваканьем и гулкими раскатами звуков. Закончив растирать нас и продолжая смеяться, они отвели нас в круглую комнату, вдоль стен которой располагались диваны. Все еще улыбаясь, я погрузился в сон.

Не знаю, долго ли я спал. Меня разбудило низкое громовое гудение, оно долетало через открытое окно и разносилось по комнате. Ларри зевнул, рывком вскочил.

— Похоже, будто нас приветствуют басовые барабаны всех джаз-групп Нью-Йорка! — заметил он.

Мы одновременно подошли к окну и выглянули.

Мы находились чуть выше уровня моста, и он был нам виден на всю длину. На нем толпились тысячи и тысячи акка, по обе стороны от моста, на полосках-полумесяцах теснились другие орды. На черные и оранжевые роговые пластины падал алый свет, превращая их в огненные точки.

На платформе, откуда начинался переход через пропасть, стояли Лакла, Олаф и Радор; служительница явно выполняла роль переводчицы между ними и гигантом, которого она называла Нак, королем людей-лягушек.

— Пошли! — крикнул Ларри.

Мы выбежали из ворот, пробежали по мосту над сердцем мира — прямо в эту группу.

— Ох! — воскликнула Лакла. — Я не хотела, чтобы ты так быстро вставал, Ларри... дорогой!

— Послушай, mavourneen! — в голосе Ларри звучало негодование. — Я отказываюсь от пеленок, и колыбель подождет, пока не кончена битва. Почему ты меня не позвала?

— Тебе нужно отдохнуть! — В голосе служительницы звучала неукротимая решительность, в глазах светилась вечная материнская забота. — Ты устал, у тебя болело тело! Тебе не следовало вставать!

— Нужно отдохнуть! — простонал Ларри. — Послушай, Лакла, кто я такой, по-твоему?

— Ты все, что у меня есть, — твердо ответила служительница, — и я собираюсь заботиться о тебе, Ларри... дорогой! И даже не думай о другом!

— Ну что ж, пульс моего сердца, учитывая состояние моего здоровья и общую хрупкость, как ты считаешь, не повредит ли мне, если я узнаю, что происходит? — спросил он.

— Вовсе нет! — серьезно ответила служительница. — Йолара прошла через Вход. Она очень, очень сердита...

— Это дьявол, а не женщина! — проворчал Олаф.

— Радор встретился с посыльным, — спокойно продолжала Лакла. — Ладала готовы восстать, когда Лугур и Йолара уведут свои войска. Они ударят по оставшимся. Тем временем мы должны расположить моих акка для встречи с людьми Йолары. И по этому поводу нам нужно посовещаться, тебе, Ларри, и Радору, и Олафу, и Гудвину, и Наку, правителю акка.

— Посыльный сказал, когда Йолара собирается нанести свой визит вежливости? — спросил Ларри.

— Да, — ответила она. — Они готовятся, и мы можем ожидать их в течение... — она дала эквивалент примерно тридцати шести часов нашего времени.

— Но, Лакла, — я наконец выразил давно возникшее у меня сомнение, — если придет Сверкающий... со своими рабами, достаточно ли сильны Трое, чтобы справиться с ним?

В глазах ее появилось сомнение.

— Не знаю, — сказала она откровенно. — Вы слышали их рассказ. Они обещают помочь. Но больше я не знаю.

Я посмотрел на купол, из-под которого — я знал это — смотрят

на нас Трое. И несмотря на благоговение и уверенность, которые ощущал в их присутствии, я заколебался.

— Ну, что ж, — сказал Ларри, — ты и я, дядя, — обратился он к Радору, — и Олаф должны решить, в каких местах битвы мы будем находиться.

— Находиться! — служительница пришла в ужас. — Тебе находиться в битве, Ларри? Ты будешь со мной и с Гудвином здесь, вверху, откуда нам все будет видно.

— Сердце мое! — голос Ларри звучал строго. — Тысячи раз смотрел я смерти в лицо, заглядывал прямо в глаза. Да, и подо мной было десять тысяч футов воздуха, и взрывы щекотали ребра моей лодки. И ты думаешь, что сейчас я буду сидеть в ложе и смотреть, как на сцене разыгрывается битва? Ты не знаешь своего будущего мужа, душа моей радости!

И вот мы двинулись к золотому отверстию, ряды людей-лягушек за нами; они расходились по всему большому зданию. Наконец мы оказались в комнате служительницы. Тут мы сели.

— А теперь, — сказал Ларри, — я хочу знать две вещи. Во-первых, сколько бойцов может выставить против нас Йолара; во-вторых, сколько акка мы можем выставить им навстречу?

Радор сказал, что — в нашем исчислении — Йолара может привести восемьдесят тысяч человек, не оставляя полностью свой город. У нас же против них было примерно двести тысяч акка.

— И каких бойцов! — воскликнул Ларри. — Дьявол, при таком соотношении о чем же мы беспокоимся? Все будет кончено, не начавшись.

— Но, Ларри, — возразил Радор, — ты забываешь, что благородные вооружены кетом — и другим оружием; а также что солдаты уже сражались с акка и будут хорошо защищены от их копий и дубин, а их лезвия прорубают чешую воинов Нака. У них есть многое...

— Дядя, — прервал его Ларри, — нам нужна только выдержка. Да ведь нас больше, чем два к одному. И поверь мне...

Трагедия развернулась без всякого предупреждения!

«ВАША ЛЮБОВЬ, ВАША ЖИЗНЬ, ВАШИ ДУШИ»

Лакла не принимала участия в разговоре. Она сидела рядом с Ларри. Взглянув на нее, я заметил, что она задумчива; она как будто к чему-то прислушивалась, как всегда в своем загадочном общении с Тремя. Выражение это исчезло; она быстро встала, бесцеремонно прервала ирландца.

— Ларри, дорогой, — сказала служительница, — нас призывают Молчащие!

— Когда? — спросил я; лицо Ларри загорелось интересом.

— Сейчас, — ответила она... и заколебалась. — Ларри, дорогой, обними меня, — сказала она, запинаясь. — Что-то холодное сжимает мне сердце. Я боюсь.

Она взяла себя в руки, неловко рассмеялась.

— Я так люблю тебя, что страх проложил дорогу мне в сердце, — сказала она.

Ни слова не говоря, он наклонился и поцеловал ее; мы пошли молча, он по-прежнему обнимал девушку за талию, золотая и черная головы сблизились. Скоро мы стояли перед алой плитой — дверью в святилище Молчащих. Лакла в нерешительности остановилась; потом, вызывающе вздернув гордую головку, отчего разлетелись ее золотые локоны, нажала. Плита отошла в сторону, и мы снова увидели свечение.

Ослепленный, как и в первый раз, шел я сквозь потоки света, исходившие от высоких резных стен; остановился, подождал, пока прояснится видимость, и посмотрел прямо в лица Троим. Угловатые глаза сосредоточились на служительнице; смягчились, как и первый раз, когда я их видел. Она улыбнулась; казалось, прислушалась.

— Подойдите ближе, — приказала она, — ближе к ногам Молчащих.

Мы подошли, остановившись у самого помоста. Сияющий туман поредел, большие головы слегка склонились к нам; сквозь дымку я увидел очертания мощных колонноподобных шей, широченных плеч, покрытых бледно-голубой пламенеющей тканью.

Я вздрогнул, придя в себя: Лакла отвечала на вопрос, который слышала только она, отвечала вслух, я понял, ради нас; как бы ни общались Трое со своей служительницей, это не была звуковая речь.

— Ему рассказано, — ответила она, — как вы и приказали.

Действительно ли боль мелькнула в этих огромных глазах? Я удивленно посмотрел на Лаклу: в ее взгляде было предчувствие и изумление. Некоторое время она слушала; потом взгляд Троих оторвался от нее, переместился на О'Кифа.

— Так говорят Молчащие — через Лаклу, их служительницу, — золотой голос звучал торжественно, как труба. — Ваш мир наверху на пороге судьбы. Да, судьбы мира, о которой ты думал, Гудвин, и твои мысли прочли Молчащие. Потому что ни на земле, ни под землей нет у людей мира средств уничтожить Сверкающего.

Она снова прислушалась, тревога усилилась, появилось выражение страха.

— Молчащие говорят, — продолжала она, — что не знают, есть ли даже у них сила, чтобы уничтожить его. Энергия, о которой мы понятия не имеем, участвовала в его создании и стала его частью; и другие виды энергии вобрал он в себя, — она снова прислушалась, в голосе прозвучало изумление, — и такие виды энергии, ко-

торые вам известны и которые вы определяете словами ненависть и гордость, похоть и множество других, это такие же реальные силы, как те, что скрыты в кете; и среди них — страх, который ослабляет все остальное. — Снова она замолкла.

— Но среди этих видов энергии есть величайшая, способная сделать бессильными все остальные. Мы называем ее — любовью, — негромко закончила она.

— Я бы хотел добавить немного страха этому чудовищу, — мрачно прошептал мне Ларри по-английски.

Три необычайные головы чуть склонились — я изумленно перевел дыхание, Ларри слегка побледнел, потому что Лакла кивнула и сказала:

— Они говорят, Ларри, что ты затрагиваешь только одну сторону дела — именно через страх Молчащие надеются ударить по самой жизни Сверкающего!

Ларри повернулся ко мне с красноречиво изумленным видом; на моем лице отразилось то же чувство: неужели для этих Троих наш мозг — открытая книга, которую они легко могут читать? Недолго пришлось нам гадать: Лакла нарушила молчание.

— Вот что произойдет, говорят они. Вначале на нас нападут Йолара и Лугур со своим войском. Сверкающий — из-за страха — останется в своем логове: несмотря ни на что, Обитатель боится Троих, и только их. Войско Голоса и жрицы постарается разбить нас. Если они это сделают, то будут достаточно сильны, чтобы уничтожить нас всех. Потому что если они овладеют этим убежищем, это будет означать конец страха Обитателя и конец Троих.

Тогда Сверкающий будет по-настоящему свободен — свободен идти в мир, свободен делать все, что хочет!

Но если они не победят — и Сверкающий не придет им на помощь, как когда-то оставил своих таиту, — тогда Трое освободятся от части своей судьбы, смогут пройти через Вход, отыскать Сверкающего за Занавесом и, воспользовавшись его страхом, уничтожить его.

— Это понятно, — прошептал мне на ухо Ларри. — Вначале подорвать моральный дух, потом ударить. Я много раз видел, как это происходит в Европе. Пока в людях силен дух, с ними ничего не сделаешь; но стоит им дрогнуть — и они уже ничего не могут сделать. А в обоих случаях одни и те же люди.

Лакла снова вслушивалась. Повернулась, протянула руки к Ларри, в глазах ее светилась надежда — и какой-то стыд.

— Они говорят, — воскликнула она, — что дают нам право выбора. Мы можем выбирать — остаться и помочь в сражении против армий Йолары — они говорят, что такая помощь очень понадобится.

Или уйти — и если мы выберем это, они покажут нам другой путь, ведущий на поверхность.

Она говорила, а по лицу О'Кифа поползла краска. Он взял руки Лаклы и долго смотрел в золотые глаза. Я видел, что Трое внимательно смотрят на них — внимательно и невозмутимо.

— Что скажешь, mavourneen? — негромко спросил Ларри. Служительница опустила голову, вздрогнула.

— Твои слова станут моими, о моя любовь, — прошептала она. — Уходить или оставаться — я рядом с тобой.

— А вы, Гудвин? — повернулся он ко мне.

Я пожал плечами: в конце концов мне не о ком заботиться.

— Решать вам, Ларри, — сказал я.

О'Киф выпрямился, расправил плечи, посмотрел прямо в пламенные глаза.

— Застреваем! — кратко сказал он.

Со стыдом должен признаться, что тогда я счел его выбор слова не только неуважительным и неуместным, но и вообще проявлением дурного вкуса. Рад заметить, что я один придерживался такого мнения. Лицо Лаклы расцвело от любви, и хотя стыдливая надежда исчезла из ее глаз, в них теперь светилась восхищенная гордость. Мраморные лица Троих смягчились, маленькие огоньки опали.

— Подождите, — сказала Лакла, — они говорят, что мы должны ответить на один вопрос, прежде чем они возьмут с нас обещание... подождите...

Она слушала, и лицо ее побледнело, стало белым, как лица самих Троих; великолепные глаза расширились, в них отразился ужас; стройное тело задрожало, как тростник на ветру.

— Нет, только не это! — крикнула она Троим. — О, не это! Не Ларри — пусть я пойду одна, как вы хотите, но не он! — Она в отчаянии протянула руки к женщине среди Троих. — Пусть я перенесу это одна, — взмолилась она. — Одна — о мать! Мать!

Трое склонили к ней головы, на лицах их была жалость, и из глаз женщины покатились — слезы! Ларри бросился к Лакле.

— Mavourneen! — воскликнул он. — Сердце мое, что они тебе сказали?

Он посмотрел на Троих, рука его потянулась к пистолету.

Служительница повернулась к нему, обняла руками за шею, склонила голову ему на грудь и держала, пока не прекратила плакать.

— Вот что... говорят... Молчащие, — прерывающимся голосом начала она, и тут к ней вернулось мужество. — О, сердце мое! — прошептала она Ларри, глядя ему в глаза, зажав его обеспокоенное лицо ладонями. — Вот что они говорят: если Сверкающий придет на помощь Йоларе и Лугуру и победит свой страх, останется только один путь уничтожить его — и спасти ваш мир.

Она покачнулась; он плотнее прижал ее.

— Только один путь... мы с тобой... вдвоем... должны прийти к нему в объятия! Да, мы должны войти в него, любя друг друга, любя мир, сознавая, что мы все приносим в жертву: нашу любовь, нашу жизнь, даже то, что вы называете душой, о, мой любимый; мы должны отдаться Сверкающему — с радостью, свободно, наша любовь друг к другу должна взметнуться высоким пламенем — и тогда проклятие уничтожится! Ибо если мы это сделаем, говорят Трое, сила любви, которая в нас, на время ослабит зло, в которое превратился Сверкающий, — и в это время Трое смогут ударить и уничтожить его!

Кровь отхлынула у меня от сердца; я ученый, и мой разум отвергал такое решение проблемы Обитателя. Мелькнула мысль: может быть, это умиротворительная жертва, следствие слабости Троих. Я взглянул на них — они смотрели на меня полным жалости взглядом — и понял, что они прочли мою мысль. И тут в вихре, поднявшемся в мозгу, возникло устойчивое решение — история менялась ненавистью, страстью, гордостью, тщеславием и больше всего — любовью. Разве в этих чувствах не заключается огромная энергия — разве не Сын Человеческий висел на кресте на Голгофе?

— Дорогая, моя любовь, — негромко сказал Ларри, — ты в глубине души хочешь сказать «да»?

— Ларри, — она тоже говорила негромко, — в моем сердце то, что в твоем. Но я так хотела уйти с тобой, жить с тобой, родить тебе детей, Ларри, — и увидеть солнце.

Глаза мои увлажнились; сквозь слезы я увидел, что Ларри смотрит на меня.

— Если под угрозой судьба мира, — прошептал он, — конечно, остается только одно. Бог свидетель, я никогда не знал, что такое страх в бою; и многие люди, гораздо лучше меня, погибли от пули и снаряда за то же; но здесь не пуля и снаряд... и тогда со мною не было Лаклы... и потому я сейчас в сомнении.

Он повернулся к Троим. Неужели я вижу в них напряженность, тревожное ожидание, настолько же чуждое им, насколько чужда божественность человеку?

— Скажите мне, Молчащие, — воскликнул он, — если мы это сделаем, Лакла и я, вы уверены, что сможете уничтожить это... существо и спасти мир? Уверены ли вы?

В первый и в последний раз услышал я голос Молчащих. Заговорил мужчина справа.

— Мы уверены, — звуки были гулкими, раскатистыми, как самые низкие органные ноты, настолько же необычные для слуха, насколько внешность Троих была необычна для глаза. О'Киф еще несколько мгновений смотрел на них. Снова расправил плечи, поднял подбородок Лаклы и улыбнулся ей.

— Мы застреваем! — снова сказал он, кивая Троим.

На лицах Троих появилось выражение доброты — ужасной; крошечные огоньки в глазах исчезли; глаза превратились в колодцы, полные надежды — и необыкновенной радости. Женщина сидела прямо, с нежностью смотрела на Ларри и девушку. Ее большие плечи были подняты, она как будто подняла руки и привлекла к себе остальных двоих. Три лица на мгновение прижались друг к другу, снова поднялись. Женщина наклонилась вперед — и в этот момент, будто подхваченные невидимой силой, Лакла и Ларри оказались на помосте

Из сверкающего тумана показались две руки, необыкновенно длинные, шестипалые, со слабыми следами золотистых чешуек на обратной стороне ладони, абсолютно нечеловеческие и в то же время необыкновенно прекрасные — и женственные!

Они протянулись вперед, коснулись склоненных голов Лаклы и О'Кифа, погладили их, сблизили — как в благословении. И отступили!

Снова поднялся сверкающий туман, скрывая Молчащих. Мы молча вышли, миновали алую плиту и вернулись в комнату служительницы.

Только раз на пути назад Ларри заговорил.

— Подбодрись, дорогая, — сказал он Лакле. — До конца еще долго. Ты думаешь, Лугур и Йолара притащат с собой это существо? А?

Служительница взглянула на него полными любви и печали глазами.

— Да! — сказала Лакла. — Конечно!

ВСТРЕЧА ТИТАНОВ

Я не собираюсь, да и не смог бы при всем желании последовательно изложить события дальнейших двенадцати часов. Но основное надо рассказать.

К О'Кифу вернулось хорошее расположение духа.

— В конце концов, док, — сказал он мне, — нам предстоит великолепное дело. В худшем случае ждет то, о чем предупредил гном. Я рассказал бы Таута Де о том набеге банши, который он мне пообещал; но тогда я был немного сбит с толку. Маленький зеленый человек пообещал, что тут будет старик со всем своим кланом, и бьюсь об заклад, Трое им обрадуются, попомните меня, док.

У Лаклы сверкали глаза — в восторге и отчасти в страхе.

— У меня есть другие новости. Боюсь, они тебе не понравятся, Ларри... дорогой. Молчащие говорят, что ты не должен участвовать в битве. Ты должен оставаться здесь со мной и Гудвином, потому что если... Сверкающий придет, мы должны быть готовы к встрече с ним. А если ты будешь сражаться, то можешь не успеть, — сказала она, глядя на него из-под длинных ресниц.

Челюсть О'Кифа отвисла.

— Это трудно, — медленно ответил он. — Но... я понимаю причину: ягненок, предназначенный в жертву, не должен ходить между львами, — мрачно добавил он. — Не волнуйся, милая. Пока я участвую в игре, я придерживаюсь правил.

Олаф свирепо радовался предстоящей схватке.

— Норны доткали нить почти до конца, — говорил он. — Да! И нити Лугура и этой женщины они зажали в пальцах, готовясь оборвать! Это они сделают с моей помощью, и я приготовил славный молот Тора. — В руке у него была большая палица из черного металла, не менее пяти футов в длину с массивной головкой.

Я подхожу к концу этих двенадцати часов.

В конце дороги для кориа, где огромные папоротники встречаются с красной поверхностью, в засаде ждали сотни акка, вооруженных копьями с гнилой смертью и дубинами с металлическими головами, усаженными гвоздями. Они должны были напасть, когда мюране будут высаживаться из кориа. Мы надеялись только задержать ненадолго противника, потому что в этом месте он сможет применить кет и другое оружие. Мы знали также, что все ремесленники и кузнецы по указанию Маракинова готовят защиту от природного оружия акка. И ни я, ни Ларри не сомневались в изобретательности русского.

Но по крайней мере численность противников уменьшится.

Далее, по приказу предводителя и под руководством офицеров новобранцы акка навалили грубые стены вдоль вероятного пути следования мюран по пещере. Стены неплохо защищали акка, и оттуда они могли бросать свои копья — любопытно, что до лука как оружия они не додумались.

У выхода из пещеры почти до обоих концов полоски-полумесяца была нагромождена баррикада; почти, говорю я, потому что не было времени полностью перегородить выход.

И на всем протяжении гигантского моста — от того места, где он отделялся от берега Алого моря и до золотых ворот святилища, были воздвигнуты барьеры.

За баррикадой, защищавшей выход из пещеры, собрались еще тысячи акка. На концах, где баррикада отсутствовала, их было особенно много, а справа и слева в прилегающих лесах ждали еще легионы, чтобы принять участие в бою, когда понадобится.

Ряд за рядом стояли они на баррикадах моста; кишели на выступах и в углублениях внешнего края острова; весь замок под куполом был полон ими; они толпились на скалах и в садах, окружающих святилище.

— Теперь ничего не остается — только ждать, — сказала служительница.

Она вывела нас из своего жилища и провела по тропе, ведущей к небольшой амбразуре.

До нас донесся звук, вздох, траурный шум, он ударил нас и улетел.

— Идут! — воскликнула Лакла, и в глазах ее загорелся огонь битвы. Ларри привлек ее к себе, поцеловал.

— Что за женщина! — воскликнул О'Киф. — Настоящая женщина — и моя!

Звук означал, что Вход открыт. Акка зашевелились, заблестели копья, металлические концы дубин, застучали костяные шпоры, раздались боевые возгласы.

Мы ждали, казалось, бесконечно, устремив взгляды на низкую стену, преграждающую выход из пещеры. Неожиданно я вспомнил о кристалле, через который смотрел, когда к нам ворвались невидимые убийцы. Я сказал об этом Лакле, она с досадой вскрикнула, отдала приказ своей помощнице, та скоро вернулась с целым подносом таких стекол. Подняв свое, я увидел, как линии акка неожиданно пришли в движение. Один за другим воины со шпорами прыгали на баррикаду и исчезали за ней. Вспыхивал зеленый свет, смешанный со сверканием молний, похожих на концентрированные лунные лучи, — этот свет ударял в защитников.

— Идут! — прошептала Лакла.

В дальних концах полумесяца началась битва. Здесь акка держались. Было очень далеко и не очень хорошо видно, но я заметил, как все новые и новые отряды сменяли павших.

По оба конца вдоль всей линии баррикады начал подниматься туман из дрожащих, сверкающих частиц — плясали и дрожали яркие точки.

И там, где только что стояли бойцы Лаклы, — пустота!

— Боже, как трудно вот так смотреть! — простонал О'Киф; Олаф оскалил зубы, на лице его было то свирепое выражение, с каким его предки стояли на носу своих пиратских кораблей; Радор побледнел от гнева; ноздри служительницы широко раздувались, в глазах сверкал гнев.

Неожиданно у нас на глазах каменная стена, которую построили акка у входа в пещеру, исчезла. Как будто гигантская рука со скоростью света снесла ее. И вместе с ней исчезли длинные линии защитников.

Потом на выход из пещеры, на поверхность Алого моря, поднимая рубиновые гейзеры, на мост, давя людей-лягушек, обрушился каменный водопад, смешанный с искалеченными, изуродованными телами, со сверкающими чешуйками.

— То, что заставляет вещи взлетать вверх, — прошипел Олаф. — Я видел это в саду Лугура.

Дьявольский способ уничтожения, который Маракинов открыл Лугуру: сила, уничтожающая тяготение и отправляющая все предметы вверх, в пространство!

И теперь над остатками барьера, работая длинными мечами и кинжалами, офицеры при этом тут и там действовали зелеными лучами, правильными рядами показались солдаты Сверкающего. Все ближе и ближе к краю выступа теснили они воинов Нака. Бросаясь на карликов, отбиваясь шпорами и зубами, копьями и дубинами, акка сражались, как дьяволы. Исчезая под лучами, они хватали противников, стаскивали их наземь, убивали.

Теперь остался только длинный ряд людей-лягушек на самом краю утеса.

И все гуще и гуще клубились над схваткой сверкающие, танцующие частицы.

Погибала последняя линия акка; но они сражались до конца, и ни один не падал в воду, не прихватив с собой по крайней мере одного вооруженного мюранина.

Мой взгляд переместился к основанию утеса. Вдоль всего берега тянулась прекрасная лента — сверкающее множество горящих, пульсирующих призматических лун; они светились, светились все ярче, становились все прекраснее и удивительнее — гигантские медузы пировали на останках карликов и людей-лягушек.

Издалека донеслись торжествующие крики людей Лугура и Йолары.

Неужели красный свет этого места тускнеет, бледнеет, меняется на розоватый? Послышалось восклицание Ларри; надежда расслабила напряженные мышцы его лица. Он указал на золотой купол, под которым сидели Трое, — и я увидел.

Оттуда, из длинной расщелины, через которую Молчащие смотрели на пещеру, мост и пропасть, лился поток яркого света. Он тек, как водопад, и все расширялся, распространяя вокруг облака туманного клубящегося свечения. Он, как завеса, поднялся над островом, он был повсюду, отгоняя красный свет, как будто был физически непреодолимым препятствием — и все же не отбрасывал ни малейшей тени.

— Боже! — выдохнул Ларри. — Только посмотрите!

Свет шагал — шагал! — по колоссальному мосту. Он двигался быстро, и в его движении чувствовалась разумность. Он окутывал акка и все ближе и ближе подходил к тому месту, где захватили плацдарм люди Йолары.

Из их рядов одна за другой сверкали зеленые вспышки — нацеленные на светилище. Но свет поглощал их. Сверкающий туман гасил, растворял зеленый свет.

Лакла перевела дыхание.

— Молчащие простят мое сомнение, — прошептала она; на ее лице, как и на лице Ларри, снова расцвела надежда.

Люди-лягушки побеждали. Одетые в этот сверкающий туман, они теснили вторгшихся на начало моста врагов. На концах полумесяца снова началось движение, и, тесня ряды карликов, появились новые отряды воинов Нака. И на поддержку защитников моста новые толпы людей-лягушек двинулись из окружающих садов.

— Им конец! — закричал Ларри. — Им...

Мгновенно в его руке появился пистолет, выстрелил — раз, другой, третий. Радор встал в начале тропы с мечом наготове, за ним Олаф, размахивающий своей палицей. Я старался побыстрее достать свой пистолет.

Потому что к нам по тропе бежало не менее сорока людей Лугура, причем из-за них слышался голос самого Лугура:

— Быстрее! Не убивать служительницу и ее любовника! Схватить их! Быстрее! Остальных убить!

Служительница бросилась к Ларри, остановилась, резко свистнула — снова и снова. Обойма пистолета Ларри опустела, но когда карлики устремились к нему, я уложил двоих своим. Пистолет заело, больше я не мог им пользоваться. Радор лежал на земле под грудой людей Лугура. Олаф, как викинг в старину, вращал своим молотом и бил, бил по телу, по кости.

Ларри упал, Лакла побежала к нему. Но норвежец, теперь покрытый кровью из десятка ран, заметил ее, повернулся, протянул мощную руку и отбросил ее назад, и снова его молот начал разбивать черепа тех, кто пытался утащить О'Кифа по тропе.

Закричала Лакла: карлики схватили ее, подняли, несмотря на ее сопротивление, понесли. Одного я уложил рукоятью своего бесполезного пистолета и тут же упал сам от толчка другого.

Послышалось раскатистое гуканье акка, все ближе и ближе; сквозь него — рев Лугура. Я сделал могучее усилие, поднял руку и сжал горло солдата, пытавшегося убить меня. Извиваясь в борьбе, я коснулся пальцами кинжала; вонзил его глубоко и, шатаясь, встал.

О'Киф, закрывая Лаклу, длинным мечом сражался с шестью солдатами. Я двинулся к нему, меня ударили, и я отлетел на землю. С трудом приподнялся и, опираясь на локоть, смотрел, не в силах больше двинуться. Карлики лежали мертвыми, Ларри крепко держал в объятиях Лаклу и смотрел туда же, куда и я; на тропе и поблизости стояла толпа акка, они появились с гуканьем в ответ на призыв служительницы.

И все мы смотрели на Олафа, окровавленного от многочисленных ран, и Лугура, тоже в окровавленных доспехах; они сжимали друг друга, боролись, ударяли, пинались, рвали зубами и раскачивались

на маленьком участке у амбразуры. Я подполз к О'Кифу. Он поднял пистолет, опустил его.

— Боюсь попасть в Олафа, — прошептал он.

Лакла сделала знак людям-лягушкам; они приблизились к сражавшимся, но Олаф заметил их, вырвался из объятий красного карлика, отбросил Лугура на десяток футов.

— Нет! — крикнул норвежец. Его ледяные глаза сверкали, как замороженное пламя, кровь струилась по лицу и капала с рук. — Нет! Лугур мой! Никто, кроме меня, его не убьет! Эй, ты, Лугур! — и он проклял его, и Йолару, и Обитателя, проклял ужасно — я не могу повторить здесь его слова.

Эти слова пришпорили Лугура. Обезумевший, как и норвежец, красный карлик прыгнул. Олаф нанес удар, который убил бы обычного человека, но Лугур только рявкнул, покачнулся и схватил противника за талию; одна могучая рука двинулась к горлу Хальдриксона.

— Осторожнее, Олаф! — воскликнул О'Киф, но Олаф не ответил. Он ждал, пока рука красного карлика подползет к плечу; затем — невероятно быстрым движением, я видел нечто подобное в схватке жителей Папуа, — развернул Лугура, развернул так, что правая рука Олафа лежала на могучей груди, левая — за шеей, левая нога Олафа удерживала ноги Лугура, а правая упиралась коленом ему в спину.

Секунду или две норвежец смотрел на своего противника, бессильного в этой парализующей хватке. И потом — медленно — начал ломать его!

Лакла негромко вскрикнула, сделала движение вперед. Но Ларри прижал ее голову к своей груди, закрыл ей глаза; а сам, не отрываясь, смотрел на эту пару, смотрел со строгим бледным лицом.

Олаф действовал медленно, очень медленно. Дважды Лугур начинал стонать. А в конце закричал — ужасно! Послышался треск, как будто сломали сухую палку.

Хальдриксон молча наклонился. Поднял обвисшее тело Голоса, еще не мертвого, с закатившимися глазами, с губами, которые пытались заговорить; поднял его, подошел к парапету, дважды взмахнул им над головой и бросил в алые воды!

ПРИХОД СВЕРКАЮЩЕГО

Норвежец повернулся к нам. В глазах его не было безумия, только огромная усталость. И мир на этом измученном лице.

— Хельма, — прошептал он. — Я немного задержался! Скоро мы встретимся — и ты, и yndling, которая тебя ждет, — Хельма, mine liebe!

Кровь хлынула из его рта; он покачнулся, упал. Так умер Олаф Хальдриксон.

Мы смотрели на него; ни Лакла, ни Ларри, ни я сам не скрывали слез. И тут акка принесли другого могучего бойца — Радора; но он был жив, и мы, как могли, позаботились о нем.

Затем Лакла заговорила:

— Мы отнесем его в замок, там за ним смогут лучше ухаживать. Смотрите: войска Йолары отступили, на мост идут солдаты Нака.

Мы посмотрели на парапет. Она сказала правду. Ни на мосту, ни на выступе у пещеры не видно было живых мюран — только груды тел, и все еще плясали сверкающие частички, остатки уничтоженных зелеными лучами.

— Кончено? — недоверчиво воскликнул Ларри. — Мы будем жить, сердце мое!

— Молчащие отзывают свою завесу, — сказала она, указывая на купол. Свечение струилось назад, сквозь щель, отступало от моря и острова, тем же упорядоченным, разумным движением двигалось по мосту.

— И все же... — неуверенно начала служительница, когда мы оказались в ее комнате; с сомнением посмотрела она на О'Кифа.

— Не верю, — подхватил он, — у них еще кое-что осталось...

Что за шум пробивается в комнату — слабо, еле слышно? Сердце мое застыло на мгновение. Что это — все ближе и ближе? Теперь Лакла и О'Киф тоже услышали это, и жизнь ушла с их лиц.

Все ближе и ближе — звучание мириадов хрустальных колокольчиков, звон, буря пиццикато стеклянных скрипок. Все ближе и ближе, теперь уже не сладко, не соблазнительно; нет — сердито, гневно, неописуемо зловеще; приближается, вот оно все ближе...

Обитатель! Сверкающий!

Мы подскочили к узкому окну, в ужасе выглянули. Колокольные звоны ураганом взметнулись вокруг нас. Полумесяц берега вновь охватило смятение. Назад, назад устремились акка, качаясь на краю выступа, падая в воду. С ними было быстро покончено, и на их месте теперь была толпа — фигуры в клочьях одежды, обнаженные, раскачиваются, вздымают руки, плывут — марионетки Сатаны!

Мертвые-живые! Рабы Обитателя!

Они раскачивались, метались в стороны, а потом, как вода через прорванную дамбу, устремились на мост. Все вперед и вперед неслись они, как волна могучего прибоя. Люди-лягушки пытались удержать их, били копьями, дубинами, рвали шпорами. Но даже те, кого им удавалось ударить, не падали. Они двигались все вперед и вперед, неудержимо — боевой таран из плоти и кости. Они разорвали ряды акка, разделили их надвое, прижали к краям моста, выталки-

вали с него. Заставляли отступать в открытые ворота, потому что больше для них не оставалось места.

Оставшиеся акка повернулись и бросились бежать. Мы слышали звон золотых ворот, и вскоре внутри показались ужасные толпы Обитателя.

Теперь на всем выступе и на всем протяжении моста видны были только мертвые-живые, мужчины и женщины, черноголовые ладала, вишневоглазые малайцы, раскосые китайцы, люди всех рас, которые плавают по морям, они толпились, раскачивались, теснились, как листья, захваченные ураганом.

Звон колокольчиков становился резче, настойчивей. У выхода из пещеры начало собираться свечение — сверкающие частицы, казалось, стремятся разлететься. Свечение усиливалось, звон становился громче, и головы всех в этой ужасной толпе начали медленно поворачиваться направо, к началу моста. Глаза их горели, взгляд становился неподвижным; на каждом лице смесь нечеловеческого восторга и ужаса!

Началось передвижение: те, что стояли в центре, устремились назад, оставшиеся застыли по сторонам. И вот от самого выхода из пещеры протянулась широкая полоса, по обе стороны ее застыли мертвые-живые.

Далекое свечение становилось все ярче, собралось в конце этой ужасной аллеи; выбрасывало во все стороны спирали и щупальца призматического света. Хрустальная буря зазвучала невыносимо, пронзая уши бесчисленными крошечными остриями; все ярче сияние...

Из пещеры показался Сверкающий!

Обитатель застыл; казалось, он с сомнением разглядывает остров Молчащих; затем медленно, величественно двинулся на мост. Он приближался; за ним шла Йолара во главе отряда своих карликов, рядом с ней старуха из Совета, лицо которой было как выцветшее, постаревшее лицо самой Йолары.

По мере приближения Обитатель двигался все медленнее. Неужели я чувствую в нем сомнение, неуверенность? Невидимые музыканты, сопровождавшие его приход, как будто уловили это сомнение; звуки их теперь были не так уверенны; в них звучали колебание, предупреждение! Но Сверкающий продолжал двигаться, пока не оказался прямо под нами, осматривая все вокруг невидимыми глазами: золотые ворота, поверхность утеса, купол замка — все более напряженно смотрел он на купол, под которым сидели Трое.

Все лица мертвых-живых повернулись к нему, те, что находились рядом, тоже начали светиться.

Йолара подобралась ближе, к самому пределу досягаемости спиралей. Она сказала что-то — Обитатель склонился к ней, его семь шаров застыли в светящемся тумане, будто прислушиваясь. Он снова выпрямился, возобновил свое разглядывание. Лицо Йолары потемне-

ло, она резко повернулась, заговорила с начальником своей стражи. Карлик побежал назад между стенами живых-мертвых.

Жрица воскликнула, и голос ее звучал, как серебряная труба:

— С вами покончено, Трое! Сверкающий стоит у ваших ворот и требует входа. Ваши звери перебиты, ваша власть уничтожена. Кто вы такие, говорит Сверкающий, чтобы помешать мне пройти в место моего рождения?..

— Вы не отвечаете, — воскликнула она снова, — но я знаю, что вы слышите! Сверкающий предлагает условия: выдайте служительницу и лживого чужеземца, которого она украла; вышлите их к нам, и, может быть, мы уйдем. Но если вы их не выдадите, вы тоже умрете — и скоро!

Мы молча ждали, Йолара тоже — и снова Трое не ответили.

Жрица рассмеялась; голубые глаза ее сверкнули.

— Все кончено! — воскликнула она. — Если вы не хотите открывать, нам придется сделать это самим!

По мосту двинулась длинная двойная цепочка карликов. Они несли отполированный древесный ствол с приделанными ручками, он заканчивался закругленным металлическим колпаком. Они несли его мимо жрицы, мимо Сверкающего — по пятьдесят по каждую сторону тарана; а за ними шел — Маракинов!

Ларри очнулся.

— Ну теперь, слава Богу, — выдохнул он, — я могу снять этого дьявола!

Он поднял пистолет, тщательно прицелился. В тот момент, как он нажал курок, послышался громовой удар. Таран ударил по воротам. Пуля О'Кифа пролетела мимо. Русский, должно быть, услышал выстрел. Он быстро пригнулся, больше мы его не видели.

Снова удар потряс замок.

Лакла выпрямилась, застыла, прислушиваясь. Серьезно склонила голову.

— Время, любовь моя. — Она повернулась к О'Кифу. — Молчащие говорят, что путь страху закрыт, путь любви открыт. Они призывают нас выполнить обещание!

Они обнялись, прижав грудь к груди, губы к губам. Внизу шум усиливался, ствол все сильней бил по металлу ворот. Лакла высвободилась из объятий О'Кифа, несколько мгновений они смотрели друг другу прямо в души. Служительница робко улыбнулась.

— Я хотела, чтобы было по-другому, Ларри... дорогой, — прошептала она. — Но мы уйдем вместе, мой любимый!

Она подскочила к окну.

— Йолара! — далеко разнесся золотой голос. Удары прекратились. — Отзови своих людей. Мы открываем ворота и выходим к тебе и Сверкающему — Ларри и я.

Послышался жестокий, насмешливый голос жрицы:

— Тогда выходите побыстрее! — насмехалась она. — Потому что и Сверкающий, и я вас заждались! — Снова прозвучал полный злобы смех. — Не оставляйте нас дольше в одиночестве! — издевалась жрица.

Ларри перевел дыхание, протянул мне руки.

— Вероятно, пора прощаться, док. — Голос его звучал напряженно. — Прощайте, и удачи вам, старина. Если выберетесь — а вы обязательно выберетесь, — сообщите на «Дельфин» о моей гибели. Держитесь, приятель, и всегда помните, что О'Киф любил вас, как брата.

Я отчаянно схватил его руки. Но тут в своем горе я почувствовал какую-то надежду.

— Может, это еще не прощание, Ларри! — воскликнул я. — Еще не кричал банши!

Надежда осветила его лицо; снова сверкнула старая беззаботная улыбка.

— Верно! — сказал он. — Клянусь Господом, верно!

Потом Лакла наклонилась ко мне и — вторично — поцеловала.

— Идем! — сказала она Ларри.

Они пошли рука об руку, в коридор, ведущий наружу, где ждали Сверкающий и его жрица.

Они были погружены в свою любовь и не видели меня; я незаметно пошел за ними. Потому что решил: если Обитатель возьмет их в свои объятия, они уйдут не одни.

Они остановились у золотых ворот; служительница нажала рычаг; массивные створки откатились.

Высоко подняв головы, гордо, спокойно прошли они через ворота на площадь. Я — за ними.

По обе стороны от нас стояли рабы Обитателя, не отрывая взглядов от хозяина. В ста футах от нас пульсировал и выбрасывал спирали Сверкающий в великолепном свечении своего нимба.

Не колеблясь, по-прежнему держась за руки, как дети, по-прежнему спокойно Лакла и О'Киф приближались к этому удивительному существу. Я не видел их лиц, но на лицах карликов появилось выражение благоговейного страха, а в горящем взоре Йолары мелькнуло сомнение. Они подходили все ближе к Обитателю, и я за ними. Вращение Сверкающего замедлилось, звон колокольчиков ослаб, почти стих. Казалось, он с опасением смотрит на подходящих. Над всеми нависло молчание, зловещее, выжидательное, почти осязаемое. Теперь двое находились лицом к лицу с творением Троих, так близко, что одно из туманных щупалец могло охватить их.

И Сверкающий отступил!

Да, отступил, и вместе с ним отступила Йолара, выражение сомнения в ее взгляде усилилось. Служительница и О'Киф двинулись вперед — они приближались шаг за шагом, а Обитатель отступал; ко-

локольчики его зазвенели удивленно, вопросительно, почти испуганно.

Он все отступал и отступал, пока не достиг центра площадки над пропастью, в глубине которой пульсирует зеленый огонь земного сердца. И тут Йолара пришла в себя; ад, который жил в ее душе, отразился во взгляде; резкий гневный крик вырвался из уст.

Как по сигналу, высоко взметнулись пламенные щупальца Сверкающего; его спирали и клубы тумана бешено завертелись, ярко вспыхнула пульсирующая сердцевина. Десятки светящихся щупалец устремились прямо на двоих, которые стояли неустрашимо, не сопротивляясь, ожидая этих объятий. И на меня, стоявшего прямо за ними.

Я почувствовал страшное возбуждение. Значит, конец — я встречу его с ними.

Что-то отбросило нас назад, с невероятной скоростью, но в то же время мягко, как летний ветерок сдувает пушинки одуванчика. Унесло от этих туманных щупалец, когда они были уже на расстоянии толщины волоса. Я слышал сумятицу звона Сверкающего, услышал крик Йолары.

Что это?

Между нами тремя и ними образовалось кольцо лунного пламени, оно вилось вокруг Сверкающего и его жрицы, прижимало их, охватывало!

И в нем я увидел лица Троих — неумолимые, печальные, полные божественной силы!

Искры и полосы белого пламени устремились от кольца, проникли в радужное свечение Обитателя, коснулись его ядра, пронзили семь шаров в короне.

Блеск Сверкающего начал тускнеть; семь шаров потемнели; тонкие полоски искр, которые устремлялись от них в тело Обитателя, разорвались, исчезли! В дымке показалось лицо Йолары, полное ужаса, искаженное, нечеловеческое!

Ряды живых-мертвых дрогнули, задвигались, взметнулись, как будто ощутили муки существа, поработившего их. Свечение, которым владели Трое, становилось все ярче, гуще, казалось, оно расширяется. В нем вдруг стали видны многие десятки треугольников — десятки глаз, таких же, как у Молчащих!

И семь маленьких лун Сверкающего — янтарная, серебряная, синяя, аметистовая, зеленая, розовая и белая — раскололись, разлетелись, исчезли! Резко оборвался мучительный звон.

Потускнев, лишившись своей потрясающей душу красоты, покрывшись пятнами, с побледневшими клубами, с сорванными огненными спиралями, существо, которое было Сверкающим, обернулось вокруг Йолары — обернулось и вобрало ее в себя; оно извивалось, раска-

чивалось и наконец бросилось через край моста — вниз, вниз, в зеленый огонь непостижимой пропасти, по-прежнему держа жрицу в своих объятиях.

Карлики, наблюдавшие это ужасное зрелище, закричали от страха, повернулись и побежали, побежали изо всех сил по мосту к входу в пещеру.

Ряды мертвых-живых задрожали. Лица их покинуло выражение экстаза и ужаса. Его место занял мир, абсолютное умиротворение.

И как поля пшеницы склоняются и падают под ветром, так они упали. Больше не живые-мертвые, теперь к ним пришла благословенная смерть, свобода от ужасного рабства!

Неожиданно десятки глаз исчезли из сверкающего кольца. Смутно видны были только головы Троих. Они приблизились к нам, вот они совсем перед нами! В их глазах нет огня — огонь погасили крупные слезы, струящиеся по мраморно-белым лицам. Они склонились к нам, через нас; их огненная дымка охватила нас. В глазах у меня потемнело. Я ничего не видел. Почувствовал на голове нежную руку, страх, застывший ужас, державшая меня паутина кошмара — все исчезло.

И они тоже исчезли.

Служительница плакала на груди Ларри, плакала от всего сердца, но на этот раз от радости, как человек, которого с порога ада переправили в рай.

«ПРОЩАЙ, ЛАРРИ!»

— Сердце мое, Ларри... — Это шепот служительницы. — Я как птица, летящая из сети печали.

Мы шли по мосту, рядом с нами охрана из акка и толпы ладала, явившиеся нам на помощь. Перед нами мягко покачивался в носилках перевязанный Радор; рядом с ним, в других носилках, лежал Нак, король людей-лягушек, от него мало что осталось после битвы, но он выжил.

После только что описанного мною ужаса прошло уже несколько часов. Прежде всего мне нужно было отыскать Трокмартина и его жену среди бесчисленных павших, толстым слоем, как листва осенью, покрывавших мост, выступ перед пещерой, лежавших повсюду, куда ни падал взгляд.

Наконец, с помощью Лаклы и Ларри, мы их нашли. Они лежали недалеко от конца моста, не расставшись, обняв друг друга, бледным лицом к лицу, ее волосы рассыпались по его груди. Как будто, когда та нечестивая жизнь, которую вдохнул в них Обитатель, кончилась, к ним на мгновение вернулась собственная, и они узнали друг друга, и обнялись, прежде чем милосердная смерть приняла их.

— Любовь сильнее всего, — служительница тихо плакала. — Любовь не оставила их. Любовь сильнее Сверкающего. А когда зло ушло, любовь осталась с ними — там, куда отправляются души.

Следов Стентона и Торы мы не нашли; да мы по-настоящему и не искали. Они мертвы — и они свободны.

Мы похоронили Трокмартина и его жену рядом с Олафом в саду Лаклы. Но прежде чем тело моего друга укрылось в могиле, я тщательно и с печалью осмотрел его. Кожа его была крепкой и гладкой, но холодной; не холодом смерти: при прикосновении пальцы неприятно пощипывало. Тело обескровлено; вены и артерии выделялись как белые бороздки, как будто их стенки давно опали. Губы, рот, даже язык — все бумажно-белое. Ни следа разложения, ни пятна, ни тени на мраморной поверхности. Энергия, которая исходила от Обитателя и пронизывала его жилище, предотвращала всякое гниение в телах — это по крайней мере ясно.

Но она не оказалась преградой для яда медуз, потому что, закончив работу и посмотрев в воды, я увидел, как бледные тела жертв Обитателя исчезают, растворяются в великолепии гигантских лун, плывущих сюда со всех концов Алого моря.

Люди-лягушки, новобранцы, пришедшие из отдаленных районов леса, очищали мост и выступ пещеры от мертвых, а мы слушали предводителя ладала. Как и пообещал их посыльный Радору, они восстали. Яростным было сражение в городе садов, отчаянно сражался гарнизон, оставленный Лугуром и Йоларой. Началось массовое убийство светловолосых, они пожинали урожай, который так долго растили. Не без сожаления думал я об этих людях, особенно женщинах, злых, но тем не менее прекрасных.

Древний город превратился в кладбище. Из всех правителей бежали только единицы, да и скрылись они в опасном районе, который только в насмешку можно было назвать убежищем. Но и ладала досталось. Из всех мужчин и женщин, потому что в битве участвовали и женщины, в живых осталась десятая часть.

И густо висели танцующие мотыльки света в серебристом воздухе, они шептались.

Нам рассказали, как устремился из-за своей Завесы Сверкающий, подобный комете, как бесчисленными рядами тянулось за ним его войско.

Рассказали об убийстве жрецов и жриц в циклопическом храме; о призывных огнях в невидимых руках, о том, как была уничтожена радужная Завеса, а вместе с ней и колоссальные светящиеся утесы; как под их обломками исчезли все следы входа в это таинственное место, где находились толпы рабов Сверкающего, как навсегда исчезло его логово.

Потом, когда ураган ненависти стих в кипящем городе, теперь

торжествующем победу, выжившие, вооруженные оружием убитых, подняли теневые ворота, прошли через Вход, встретили и перебили бегущие остатки армии Йолары — и увидели, что и здесь буря прекратилась.

Но следов Маракинова не было найдено! Спасся ли русский, думал я, или лежит в груде мертвых?

Ладала просили Лаклу идти с ними, править ими.

— Я не хочу, Ларри, дорогой, — сказала она. — Я хочу с тобой отправиться в Ирландию. Но не сейчас; мне кажется, что Молчащие хотят, чтобы мы остались на какое-то время и навели здесь порядок.

Но О'Кифа волновало что-то другое, а не правление Мюрией.

— Если они перебили всех жрецов, кто же нас поженит, сердце мое? — беспокоился он. — Никаких больше обрядов Сийи и Сийаны, — торопливо добавил он.

— Поженит! — недоверчиво воскликнула служительница. — Поженит нас? Но, Ларри, мы уже поженились!

Изумление О'Кифа было абсолютным; челюсть его отвисла.

— Как это? — выдохнул он. — Когда? — он запинался.

— Когда Мать призвала нас к себе, когда она положила нам на головы руки, после нашего обещания. Ты разве не понял? — удивленно спросила служительница.

Он посмотрел на нее, на чистоту ее ясного золотого взгляда, на чистоту души, смотревшей через эти глаза; великая любовь отразилась на его лице.

— И этого достаточно для тебя, mavourneen? — робко прошептал он.

— Достаточно? — Служительница искренне удивилась. — Достаточно? Ларри, дорогой, а что еще нужно?

Он глубоко вздохнул, прижал ее к себе.

— Поцелуйте новобрачную, док! — воскликнул О'Киф. И в третий и — какая печаль! — в последний раз я прикоснулся к мягким, сладким губам улыбающейся и покрасневшей Лаклы.

Мы быстро подготовились к отправлению. Радор находился в сознании, его невероятная жизнестойкость победила многочисленные раны, его должны были нести перед нами. Когда все было сделано, Лакла, Ларри и я пошли к алой плите — входу в помещение Троих. Мы, конечно, знали, что их нет, что они, несомненно, ушли за теми, чьи глаза мы видели в клубящемся тумане, кто из своего загадочного дома пришел на помощь Троим, объединил свои силы с их силами против Сверкающего. И мы не ошиблись. Когда алая плита отодвинулась, нам навстречу не устремилось сияние. Огромный купол стал тусклым, безжизненным; его изогнутые стены, ранее испускавшие яркий свет, теперь лишь слабо мерцали; помост опустел; завеса лунного огненного сияния исчезла.

Мы немного постояли, склонив головы, сердца наши полны были благодарности и любви — да, и жалости к этой странной Троице, такой далекой от нас и в то же время такой близкой; они, как и мы, хоть и не были похожи на нас, были детьми той же матери — Земли.

В чем же тайна обещания, которое они просили у служительницы и Ларри? И если они говорили правду, откуда у Троих появилась сила, чтобы предотвратить жертву в самый последний момент?

— Любовь сильнее всего! — сказала Лакла.

Неужели это и было им нужно, была нужна та сила, которая заключена в любви, в добровольном самопожертвовании; эта сила прибавилась к их силе и дала им возможность уничтожить великолепное злое существо, которое так долго охраняла их собственная любовь? Значит, воля к самопожертвованию не должна была ослабляться даже малейшей надеждой, чтобы Трое смогли прорвать защиту Обитателя и лишить его жизни?

Здесь тайна — и какая тайна! Лакла мягко закрыла алый камень. Загадка появления Лугура с его людьми объяснилась, когда мы обнаружили несколько водных кориа, пришвартованных в небольшой бухточке недалеко от того места, где екта сверкали своими цветочными головками. Карлики привезли с собой шлюпки, где-то спустили их с выступа пещеры и незаметно проплыли к дальней стороне острова, рискуя всем ради одного решительного удара. Что ж, Лугуру, каким бы злобным он ни был, в храбрости не откажешь.

Пещера была завалена живыми-мертвыми, акка выносили их сотнями и бросали в воду. Мы как можно быстрее прошли по той дороге, по которой проходил Обитатель, к ожидавшему нас кориа. И вскоре миновали место, где над сверкающими глубинами Полуночного бассейна нависает тень.

По настоянию Лаклы мы отправились не во дворец Йолары, а в дом Лугура; не знаю почему, но в дом Йолары она не хотела заходить. В одном из залов с колоннами черноволосые девушки, из блестящих глаз которых исчезли печаль и страх, прислуживали нам.

Мне захотелось посмотреть на разрушенное жилище Обитателя, самому убедиться, нельзя ли пробраться туда и попробовать разгадать его загадки.

Я сказал об этом, и, к моему удивлению, и служительница, и О'Киф торопливо и как-то застенчиво поторопились согласиться с моим предложением.

— Конечно, — воскликнул Ларри, — до ночи еще долго!

Он спохватился, бросил взгляд на Лаклу.

— Я забыл, что здесь не бывает ночей.

— Что ты сказал, Ларри? — спросила она.

— Я говорю: хорошо, если бы мы сидели в Ирландии и смотрели на закат солнца, — прошептал он.

Я удивился, почему Лакла покраснела.

Но мне нужно было торопиться. Мы пошли к храму; тела отсюда уже убрали. Миновали пещерообразное голубое помещение, прошли по мосту над стремительным морским потоком, поднялись по пандусу и оказались вновь в амфитеатре из черного гагата.

Над серебряными водами не было ни следа радужной Завесы, ни колоссальных столбов, ни скальных выступов, которые я заметил, когда Сверкающий выходил, чтобы приветствовать свою жрицу и Голос и танцевать с жертвами. Видна была только груда камней, у основания которой плескалось озеро.

Я смотрел долго — и отвернулся в печали. Я знал, что скрывал этот радужный занавес, и все же меня печалила мысль о небесной красоте и чуде, которое никогда не будет восстановлено.

— Пошли назад, — сказал Ларри.

Я чуть отстал от них, осматривая резьбу на стене — в конце концов я им сейчас не нужен. Видел, как они молча уходят вперед, он обнимает ее рукой, черные волосы рядом с бронзовыми локонами. Пошел за ними. На середине моста я услышал свое имя.

— Гудвин! Доктор Гудвин!

Удивленный, я повернулся. Из-за пьедестала резной скульптурной группы выглядывал — Маракинов! Мое предположение было верным. Он все-таки спасся, проскользнул сюда. Он осторожно приближался, высоко подняв руки.

— Со мной покончено, — прошептал он. — Все! Не знаю, что они со мной сделают. — Он кивком указал на служительницу и Ларри, которые уже миновали мост, ничего не замечая, кроме друг друга. Маракинов подошел ближе. Глаза его запали, в них горел безумный огонь, на лице появились глубокие морщины. Я сделал шаг назад.

На лице русского появилась злобная улыбка. Неожиданно он бросился на меня, сжал руками горло.

— Ларри! — закричал я; разворачиваясь от этого неожиданного нападения, я видел, как эти двое застыли, потом побежали к нам.

— Но вы ничего отсюда не унесете! — кричал Маракинов. — Нет!

Нога моя повисла над пустотой. Оглушал рев потока. Я почувствовал его дыхание, попытался броситься вперед.

Я падал... падал... руки русского по-прежнему сжимали мне горло. Ударился о воду, погрузился на мгновение; Маракинов ослабил хватку. Я пытался высвободиться, почувствовал, что меня несет с ужасной скоростью. Ведь этот поток течет из какого-то океана и устремляется — куда? Еще несколько мгновений я пытался бороться с этим дьяволом, сжимавшим мне горло — неукротимо, неумолимо.

Потом в ушах моих загудели все ветра Вселенной — и чернота!

Сознание возвращалось медленно, мучительно.

— Ларри! — простонал я. — Ларри!

Яркий свет бил мне в закрытые глаза. Больно. Я открыл глаза, закрыл: в них будто вонзилось множество иголок. Снова осторожно открыл. Это солнце!

Я с трудом встал. За мной остатки стены из базальтовых монолитов, обтесанных, квадратных. Передо мной был Тихий океан.

Недалеко от меня, тоже выброшенный на песок, лежал Маракинов. Он лежал неподвижно, с разбитой головой. Но все воды, сквозь которые мы прошли, даже воды самой смерти не смогли стереть с его лица торжествующую улыбку. Из последних сил я протащил тело по песку и столкнул его в воду. Небольшая волна подхватила его и унесла, покачивая. Потом еще одна волна, еще, они играли телом. Тело исчезло из вида — тот, кто назывался Маракиновым, из нашего прекрасного мира переместился в какой-то немыслимый ад.

Силы начали возвращаться ко мне. Я забрался в заросли и уснул; я проспал, должно быть, много часов, потому что, когда проснулся, был рассвет. Не буду рассказывать о своих страданиях. Достаточно сказать, что я отыскал ручей и немного фруктов и к вечеру оправился настолько, что смог подняться на стену и посмотреть, где я.

Это был один из дальних островков Нан-Матала. К северу на фоне неба чернели руины Нан-Тауаха, где находится лунная дверь. Я должен добраться до нее — и побыстрее.

На рассвете следующего дня я набрал плавника и соорудил из него некое подобие плота, связав лианами. Потом с помощью самодельного весла начал грести к Нан-Тауаху. Медленно двигался я к цели. День уже подходил к концу, когда я вытащил свое ненадежное сооружение на небольшой пляж между разрушенными морскими воротами, поднялся по большой лестнице и направился во внутренний двор.

При входе в него я остановился. Слезы побежали по моим щекам.

Потому что большая стена, в которой находилась лунная дверь — вход в мир Сверкающего, — лежала в обломках. Всюду были нагромождены монолиты; стена обрушилась, и ее покрывал слой воды.

Лунной двери не было!

Ошеломленный и плачущий, я подошел ближе, взобрался на остатки стены. Впереди — только море. Произошел большой оползень, может быть, землетрясение, вся поверхность сдвинулась — несомненно, это был отголосок катастрофы, уничтожившей логово Обитателя.

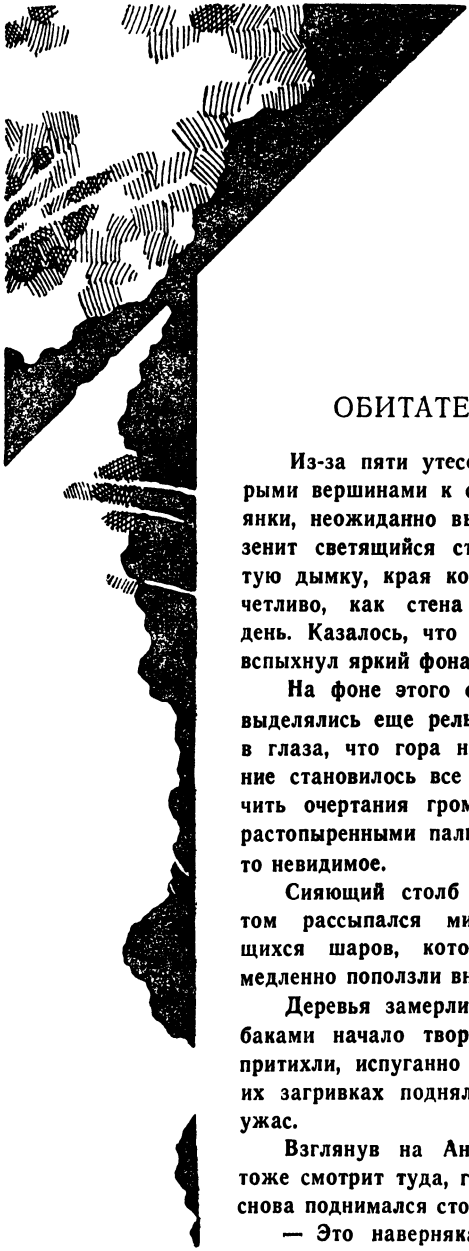
Островок Тау, на котором были скрыты семь шаров, исчез полностью. Над водой от него не оставалось и следа.

Лунная дверь исчезла; проход к Лунному бассейну для меня закрыт, его зал погребен под водой.

Нет дороги к Ларри — и к Лакле!

Здесь мир для меня кончился.

Перевод с английского *Д. Арсеньева*

ОБИТАТЕЛИ БЕЗДНЫ

Из-за пяти утесов, уткнувшихся в небо острыми вершинами к северу от нашей ночной стоянки, неожиданно вырос и устремился прямо в зенит светящийся столб. Он пронзил голубоватую дымку, края которой виднелись так же отчетливо, как стена слепого дождя в погожий день. Казалось, что внутри голубоватого облака вспыхнул яркий фонарь.

На фоне этого света черные верхушки скал выделялись еще рельефнее, и тут мне бросилось в глаза, что гора напоминает кисть руки. Сияние становилось все ярче, и можно было различить очертания громадной раскрытой ладони с растопыренными пальцами, готовой схватить что-то невидимое.

Сияющий столб на мгновение замер, а потом рассыпался мириадами маленьких светящихся шаров, которые, покачавшись немного, медленно поползли вниз.

Деревья замерли, стало тихо. С нашими собаками начало твориться что-то неладное: они притихли, испуганно жались к ногам, шерсть на их загривках поднялась дыбом, в глазах замер ужас.

Взглянув на Андерсона, я увидел, что он тоже смотрит туда, где из-за черных зубцов скал снова поднимался столб света.

— Это наверняка не северное сияние, — за-

метил я, с трудом произнося слова, будто Лао Т'цай сыпнул мне в рот пригоршню горячей и горькой пыли страха.

— Даже если это и оно, то я в жизни такого не видал, — буркнул Андерсон. — Да и слыханное ли дело — северное сияние в это время года?!

Словно прочитав мои мысли, он, уже громче, добавил:

— Сдается мне, там творится что-то недоброе. Какие-то дьявольские штуки, и нам здорово повезло, что мы сейчас далеко от этого местечка.

— Мне показалось, что когда свет начинает подниматься из-за скал, гора шевелится, словно живая, — сказал я. — Что бы это значило, как ты думаешь, Старр? Мне пришла на ум рука из замерзших облаков, которую Шан Надур поставил перед Воротами Вампиров, чтобы они не вздумали высовываться из своих пещер, вырытых для них Иблисом.

Вдруг он поднял руку, давая мне знак помолчать.

Оттуда, с севера, прилетел странный звук, не похожий ни на что — ни на шорох полярного сияния, когда по небу от края и до края пробегают тревожные всполохи, ни на тихий шелест первобытного ветра, шевелящего листву древних деревьев, под которыми нашла убежище Лилит. Скорее всего, этот звук напоминал шепот, и в нем было некое повеление. Он звал нас вперед, туда, где из-за каменной пятерни поднимался в небо светящийся столб. Он призывал, торопил. Тысячи липких от страха пальцев сжали мое сердце, но мне все равно неудержимо хотелось стремглав броситься вперед и окунуться в этот свет, утонуть в нем. То же самое, наверное, испытывал привязанный к мачте Улисс, слушая колдовские голоса сирен.

Звук нарастал.

— Дьявольщина! — сердито воскликнул Андерсон. — Что это с нашими собаками? Ты погляди, что они выделывают!

Возбужденно повизгивая, псы бросились прочь от костра и помчались к странному свету. Мы молча наблюдали, как они удалялись и вскоре совсем исчезли между деревьями. Затем до нас долетел их жалобный вой, но потом стих и он.

На ночь мы остановились на северной опушке леса. Полагаю, что от первого поворота Коскоквима мы прошли уже миль триста, направляясь к Юкону, и теперь нас окружают совершенно нетронутые края. Наш путь начался в городке Доусон, в излучине реки Спринг. Мы двигались на север, к затерянным в этой безлюдной глуши пяти утесам, где, если верить шаману из племени атабасков, золото можно брать голыми руками — зачерпни пригоршню породы, сожми покрепче, и оно полезет между пальцами, как оконная замазка. Мы так и не сумели нанять проводника — все индейцы в один голос твердили, что земля Жадной Руки проклята. И вот вчера на закате мы впервые

увидели пять черных вершин, а теперь — таинственный свет, неудержимо влекущий нас к ним.

Андерсон замер, прислушиваясь. Где-то неподалеку родился новый звук. Он напоминал чьи-то неуклюжие шаги. Казалось, что к нам приближается медведь. Я подбросил в костер парочку сучьев, и когда пламя с новой силой взметнулось вверх, увидел, как из-за кустов появилось странное существо. Оно передвигалось на четвереньках, но это был не медведь. Изумленно приглядываясь к нему, я вдруг поймал себя на мысли, что оно напоминает мне еще плохо умеющего ходить ребенка, который пытается вскарабкаться по ступенькам. Со стороны это выглядело довольно забавно. Загадочное существо приближалось к нам, и мы на всякий случай взялись за ружья, но тут же опустили их.

Да, это был человек. Наконец он доковылял до костра, и мы убедились, что не ошиблись.

— Здесь безопасно... — выдохнул он, и его голос слился с тем странным шепотом, что окружал нас со всех сторон. — Здесь ничто не угрожает. Им не выбраться оттуда... разве что вы сами пойдете к ним...

Едва произнеся эти непонятные слова, он свалился на землю. Мы бросились к нему. Андерсон наклонился и в ужасе воскликнул:

— О Боже! Фрэнк, смотри!

Я увидел руки этого несчастного. Кисти были обмотаны какими-то грязными лохмотьями, а вместо ладоней... Наверно, когда-то он сжал их в кулаки, но потом стер их так, что из рукавов теперь торчали голые кости. Почерневшие культи были похожи на ступни маленького слоненка. Окинув взглядом скрюченное тело, я заметил вокруг бедер пояс из какого-то желтого металла. На этом поясе висела короткая цепь из нескольких звеньев серебристого цвета.

— Что за тип? — пробормотал Андерсон. — Откуда он тут взялся? Смотри, Фрэнк, он сразу уснул, но даже во сне от кого-то убегает! А колени... Это ужасно, Фрэнк! Удивительно, что он вообще еще мог двигаться...

В самом деле, упав на землю, незнакомец мгновенно погрузился в глубокий сон, но его руки и ноги продолжали двигаться. Казалось, будто они живут какой-то своей отдельной жизнью. Глядя на эти странные размеренные движения, я вспомнил железнодорожный семафор. Кто хоть раз видел, как он работает, тот поймет, почему мне в голову пришло такое сравнение.

Вдруг стало совершенно тихо, столб света распался, его сверкающие частицы опустились вниз, и наступила темнота. Спящий человек замер. Небо на востоке посветлело. На Аляске ночи в это время короткие. Андерсон протер глаза и, глянув на меня, изумленно воскликнул:

— Послушай, Фрэнк, да на тебе лица нет! Ты выглядишь, как после приступа лихорадки!

— Да ты и сам не лучше, — буркнул я в ответ. — Старр, ты хоть что-нибудь понимаешь?

— Думаю, этот парень мог бы нам кое-что объяснить. — Андерсон кивнул на спящего у костра человека, которого мы укрыли одеялом, чтобы бедолага хоть немного согрелся. — Он наверняка знает ответ на твой вопрос. Во всяком случае, он удирал оттуда, как мог, и, видать, неспроста. Конечно, это было не северное сияние, тут ты прав. Боюсь, Фрэнк, что тот атабаскинский шаман не все нам сказал. Куда больше это смахивало на зарево — будто кто-то там разводил огромный костер...

— Сегодня мы остаемся на месте, — решил я. — Дальше пока не идем. Даже если мы пообещаем ему все золото этих мест, парня явно не добудиться.

Незнакомец продолжал спать, и сон его был глубок, как воды Стикса. Мы промыли и перевязали то, что осталось от его ладоней, но он, даже ни разу не вздрогнув, спал все в той же позе — вытянув руки и согнув колени.

— Я все думаю, почему он полз на четвереньках, — медленно проговорил Андерсон. — Почему не шел?

Я попытался распилить обруч, опоясавший его бедра. Тот оказался золотым, но я никогда прежде не видел такого золота. Оно тоже было мягким, но что-то меня насторожило — в нем, казалось, притаилось нечто живое, нечистое. Оно прилипало к напильнику. Распилив обруч, я разогнул его и отшвырнул подальше — не хотелось держать это в руках.

Незнакомец спал, не просыпаясь, весь день. Снова стемнело, а он все так же лежал, свернувшись под одеялом. Ночь выдалась спокойной — было темно и тихо. Словно кто-то снял, наконец, проклятие с этой земли.

Мужчина проснулся лишь в полдень, и я даже вздрогнул, услышав его необычно мелодичный голос, когда он спросил:

— Долго я спал?

В его глубоких глазах мелькнуло странное выражение.

— Две ночи и полтора дня... Почти двое суток, — ответил я.

— Этой ночью тоже был свет? — спросил он, указывая на север. — Вы слышали что-нибудь?

— Нет, ночь прошла спокойно, — сказал я.

Он долго смотрел в небо, запрокинув голову, и наконец в раздумье произнес:

— Неужто они сдались?

— Кто? — не понял Андерсон.

— Как? Вы не знаете? Обитатели Бездны. — Голос его прозвучал совсем тихо.

Мы удивленно посмотрели на него.

— Племя из Бездны, — повторил он и добавил: — Дьявол сотворил их задолго до всемирного потопа, но им удалось уцелеть. Возмездие неба не настигло их. — Он помолчал. — Вам нечего бояться, если только устоите перед их призывом. Они не могут переступить границу голубого свечения. Я был у них в плену, — пояснил он. — Они пытались вернуть меня, когда я бежал. Вы наверно слышали странный звук прошлой ночью?

Мы переглянулись. Видно, Андерсон подумал то же, что и я.

Незнакомец покачал головой.

— Нет, я не сошел с ума, вы ошибаетесь. Лучше дайте-ка чего-нибудь промочить горло. Мне уже недолго осталось, скоро я умру. Но пока это не случилось, увезите меня подальше отсюда, на юг, а когда придет конец, разведите костер и сожгите мое тело. Уж лучше развеяться с дымом по ветру, чем бояться, что их дьявольские духи опять затащат меня туда. Сделайте, как я прошу, но сперва я расскажу вам про них все, что знаю... — Вдруг он запнулся. — Кто снял с меня цепь?

— Я распилил ее и выбросил, — сказал я.

— Слава себе, Господи, — шепнул он и одним духом выпил виски, которое мы слегка разбавили водой и поднесли ему ко рту. — Рук и ног, считайте, у меня уже нет. Они умерли раньше хозяина. Что ж, им пришлось немало потрудиться. Ладно, теперь послушайте, что там, за этой горой. Там — ад!

Но давайте с самого начала. Меня зовут Стэнтон. Синклер Стэнтон. Закончил Йельский университет, много путешествовал. Наслушавшись разных историй, я в минувшем году вышел из Доусона на север к этим пяти вершинам. Вам тоже сказали, что между пальцами этой пятерни течет чистое золото? Так я и знал! Осенью заболел мой попутчик, и я отправил его обратно, послав с ним несколько индейцев из числа сопровождавших нас. Остальные разбежались. Я остался один, но решил не отступать. Соорудил надежное убежище, запасся провизией и перезимовал, а весной тронулся дальше на север. Через две недели увидел пять черных вершин. Я вышел к ним с другой стороны... — Он помолчал и вдруг попросил: — Налейте мне еще...

Выпив, Стэнтон продолжил свой рассказ.

— Я прошел немного стороной, зашел далековато на север, и пришлось вернуться. С этой стороны ничего не видно, лес подходит к самому подножию Руки. А с той, противоположной... — Он опять на минуту умолк. — С той стороны тоже лес. Я вышел на опушку и увидел, что между мной и Рукой на много миль раскинулась равнина. Казалось, нога человека никогда не ступала по ней. Посередине вид-

нелась гряда невысоких скал. Пройдя немного вперед, я обнаружил тропу...

— Тропу? — с недоверием переспросил Андерсон.

— Да, — кивнул Стэнтон. — Каменистая, идеально гладкая, утоптанная так, словно в течение тысяч лет по ней проходили миллионы. По сторонам — песок, как в пустыне, и груды камней. Я заметил их не сразу и вдруг поймал себя на мысли, что они похожи на развалины каких-то строений. Они казались очень древними, и к ним явно прикасалась рука человека.

Гора была все ближе, развалины попадались все чаще. Самые обычные камни, но в этих камнях таилось нечто такое, от чего тревожно сжималось сердце. Над ними витал страх. Однако я шел вперед и вскоре убедился, что видневшаяся издалека невысокая гряда у подножия Руки не что иное, как еще одно скопление руин. Я миновал их и увидел впереди две скалы, образовавшие что-то вроде ворот на пути к Руке.

Стэнтон умолк, будто собираясь с мыслями перед тем, как продолжить.

— Это и в самом деле были ворота. Пройдя сквозь них, я тотчас упал, с отчаянием вцепившись в землю. Я лежал на узком каменном уступе, а подо мной внизу зияла пропасть. Большой Каньон, но раз в пять шире и без дна — вот что это было! Словно мир рассечен надвое, а я — на самом краю. Вдалеке маячили пять утесов, как чья-то поднятая вверх рука, упреждающая путника. Край бездны был совсем рядом... — Он невольно поежился. — Видно было примерно футов на тысячу, а дальше — голубой туман или дымка, похожая на вечерние сумерки. Она собиралась вокруг вершин. А уходящая в бесконечность бездна была столь же ужасна, как мифический маорийский залив Раналак — он отделяет мир живых от мира мертвых, а вырвавшаяся из бренного тела душа пролетает над ним, но у нее никогда не найдется сил, чтобы проделать этот путь в обратную сторону.

Я осторожно отполз подальше от края и встал. Ноги дрожали, и я привалился к одному из столбов этих ворот. Тут я заметил на нем украшения. Довольно хорошо сохранилось барельефное изображение человека. Он был изображен со спины с вытянутыми над головой руками и в странном остроконечном головном уборе — не то в шлеме, не то в короне. Приглядевшись, я увидел точно такую же фигуру на второй скале.

Вдруг мне показалось, что рядом с этими изображениями я вижу другие фигурки. Они были совсем маленькие, как ставшие торчком улитки. Видел я их очень смутно, поскольку тела были едва очерчены. Отчетливо виднелись только круглые шарообразные головы. По правде говоря, выглядели они премерзко.

Я вернулся к краю пропасти, лег и заглянул вниз. Я увидел, что туда спускается лестница!

— Лестница?! — изумились мы с Андерсоном.

Стэнтон был на удивление спокоен. Он кивнул.

— Да. Причем не высеченная в монолитной скале, а сложенная из камней. Ступеньки имели футов шесть в длину и три в ширину. Далеко внизу они терялись в голубой мгле.

— Кто бы мог ее построить? — вслух задумался я. — Лестницу, ведущую вглубь бездонной пропасти?

— Совсем не бездонной, — возразил вдруг Стэнтон. — У нее есть дно. Я побывал там...

— Побывали там? — удивились мы.

— Спустился по лестнице, — пояснил Стэнтон. — Но не сразу, не в тот день. Я вернулся обратно к воротам, устроил там свой лагерь и переночевал. А утром снарядил рюкзак со всем необходимым, набрал воды из родника, пришел к лестнице и начал спускаться. Ступеньки были вытесаны из неизвестного мне зеленоватого камня, совсем не похожего на гранит, из которого образована почти вертикальная стена пропасти. Через полмили мне попался выступ. Тут лестница резко сворачивала и дальше шла зигзагами, как винтовая, то прижималась к стене, то повисала над пропастью. О ее природном происхождении не могло быть и речи. Ее явно кто-то построил. Но кто — вот вопрос! Ответ, наверное, можно поискать в окрестных развалинах, но едва ли это кому-то удастся.

В полдень я посмотрел вверх и уже не увидел ни края расщелины, ни Каменной Руки. Меня окружали голубой туман и пустота. Я боялся, но любопытство было сильнее страха. Что там внизу? Может быть, какая-нибудь великая древняя цивилизация, господствовавшая здесь, когда Аляску покрывали тропические джунгли? Я не сомневался, что там, внизу, не осталось ничего живого — прошло столько времени! Однако я надеялся, что эта величественная лестница в конце концов приведет меня к чему-то столь же грандиозному, и продолжал спускаться.

Время от времени мне попадались круглые отверстия пещер, примерно через две тысячи футов одна от другой. Под вечер я остановился возле такой. К тому времени я уже спустился вниз, наверно, мили на три. Хотя, учитывая угол наклона стены, их могло набежать и больше.

Я внимательно осмотрел вход в пещеру. С обеих сторон его украшали уже знакомые мне барельефы, но теперь они смотрели на меня. Их распростертые руки, казалось, не хотели выпустить что-то или кого-то из глубины, а лица просматривались очень плохо.

Я осторожно ступил внутрь. Сухой, хорошо освещенный ход вел в глубину метров на двадцать. Голубоватая дымка проникала и сюда,

но не клубилась беспорядочно, как снаружи, а приняла форму столба или колонны, края этой дымки отчетливо просматривались. Меня редко навещает страх, но тут я почувствовал себя в полной безопасности. Однако что и от кого охраняют фигуры снаружи?

Туман сгустился, появилось свечение, и я решил, что снаружи опускаются сумерки, достал свои дорожные припасы, подкрепился, запил ужин водой из фляги и устроился на ночь. Проснувшись, увидел, что мгла стала пореже и догадался: снаружи светает. Быстро собравшись, я отправился дальше, совсем не чувствуя ни усталости, ни голода, хотя позавтракал скорее символически. Шел весь день и на ночь остановился в другой пещере, а утром продолжил спуск. Уже почти совсем стемнело, когда я увидел город...

Стэнтон умолк, и на этот раз пауза затянулась надолго, словно он переживал все заново.

— Я никогда и нигде не видел ничего похожего, — продолжил он наконец. — Думаю, что ни один человек не видел... По-моему, расщелина имеет форму бутылки, а выход на поверхность у пяти скал — ее горлышко. Мне трудно судить, как широко ее дно, возможно, что и вся тысяча миль наберется... Уже в темноте я заметил далеко внизу не слишком яркие вспышки света, а потом — верхушки деревьев... Да, это были деревья, но не привычные нам, а какие-то странные, неприятные — издалека они напоминали извивающихся змей, но тонкие стволы и густые кроны были усыпаны множеством мелких листьев, похожих на наконечники стрел. Деревья были не зеленые, а красные. Под ними разлились желтые водоемы — я не раз видел, как волновалась их поверхность, но не мог понять, отчего.

Внизу подо мной был город. Мне трудно описать его, это надо видеть, но я попытаюсь. Положите на землю, скажем, пять труб большого диаметра, на них три, сверху этих — две, а потом — еще одну. Получится что-то вроде пирамиды. Вот из таких «трубо-пирамид» состоял этот город. Их было много, очень много. Их увенчивали башни, минареты, какие-то куполообразные сооружения, и все это сверкало так, словно было облито жидким пламенем. Повсюду росли ядовито-красные деревья. Их кроны казались головами гидр, которые оберегают покой обитателей этого города.

Несколькими фугами ниже я увидел гигантскую арку. Она была так же необычна, как и все здесь. Ее образовал чудовищный изгиб лестницы. Она возвышалась над зданиями, а второй ее конец терялся где-то между ними.

Стэнтон задрожал, его руки и ноги опять пришли в движение, как тогда, когда он вышел к нашей стоянке. Он бормотал что-то неразборчивое, и мне тотчас вспомнился странный звук — шепот, услышанный нами в ту ночь. Я положил руку ему на глаза, и он успокоился.

— Проклятье! — пробормотал он. — Мне никогда этого не забыть... Я говорил что-нибудь? Теперь они меня уже не достанут!

Немного придя в себя, он продолжал свой рассказ прежним спокойным, почти бесстрастным голосом.

— Я прошел арку, меня со всех сторон окутал сумрак, и тут я почувствовал, что лестница опять закручивается, как винтовая. Пройдя еще немного вниз, я попал... затрудняюсь определить, что это было такое, и буду называть помещением. В нашем языке едва ли найдутся достаточно выразительные слова, чтобы описать все, что мне довелось там увидеть... Помещение было огромным, впрочем, это тоже не то слово. Я видел пол футах в ста прямо под собой. Все вокруг было залито неровным мигающим золотисто-зеленым светом. Далеко впереди в окружении колонн высился алтарь. На колоннах можно было разглядеть украшающую их резьбу: какие-то невиданные чудовища, опутанные тысячами щупалец огромных осьминогов. Передняя стена алтаря представляла собой пурпурную плиту, покрытую барельефами.

Я не берусь описать их. Ни один человек не смог бы этого сделать. Мы живем в мире совершенно иных образов, символов и представлений. Невозможно постигнуть это хитросплетение линий и форм. Тем не менее они рождали в душе некую смутную неосознанную тревогу.

Вдруг я ощутил спиной чье-то незримое присутствие. Это нечто было позади, футах в пятидесяти надо мной. Я почувствовал его всеми клетками тела. Оно притаилось, выжидало. Его намерения не оставляли сомнений.

Заметив неподалеку круг голубого света, я устремился к нему. Благоразумие велело мне тотчас вернуться обратно, наверх, но любопытство оказалось сильнее и влекло вперед, словно бурное течение реки. Я проскочил сквозь круг и оказался на улице. Далеко впереди она терялась в туманной мгле. Кое-где росли деревья, а между ними виднелись небольшие каменные цилиндры, стенки которых были тоже украшены рисунками. Разглядывая их, я вновь испытал непонятное чувство тревоги. Нигде не было ни следа, ни малейших признаков живых существ.

Обнаружив в стене одного из цилиндров круглое отверстие, я решился зайти и нашел внутри пустое сводчатое помещение высотой футов в двадцать. Узкая щель между сходящимися вверху стенами, наверное, служила для перехода в смежное помещение. Как я уже сказал, там было совершенно пусто. Комнату заливало уже знакомое мне свечение, я видел его в пещерах. Вдруг я споткнулся, но не смог ничего разглядеть. Вытянув руку, я тотчас с отвращением отдернул ее. Она наткнулась на что-то холодное, скользкое, живое... Охваченный ужасом, я бросился прочь. Меня переполняло единственное желание: оказаться подальше от этого места, и я бежал куда глаза глядят.

Сказать, что мне было страшно, — значит ничего не сказать. Но постепенно я приходил в себя, успокаивался и с удивлением обнаружил, что меня все так же окружают красные деревья и странные здания. Я чувствовал себя как покинувшая тело душа в преддверии Ада. Мне захотелось во что бы то ни стало найти дорогу назад, к Лестнице. Но я не мог ее обнаружить! Тем временем туман стал сгущаться, цилиндры засветились. Это означало, что наступает ночь, а происходящие в окружающем перемены были сигналом к пробуждению для того живого, что несомненно обитало где-то здесь.

Забравшись на один из цилиндров, я затаился в укромном местечке, надеясь остаться незамеченным до той поры, когда опасность минует. Вдруг окружающий воздух наполнился каким-то звуком. Он был вездесущ и становился все громче, пока не перешел в неясный шепот. Заинтригованный этим явлением, я выглянул из своего укрытия и увидел внизу, на улице, движущиеся огни, множество огней. Они ручейками вытекали из цилиндров, покуда не запрудили всю улицу, светясь на разной высоте: от двух до восьми футов над землей. Они никуда не спешили, а медленно прогуливались, останавливались и, кажется, даже раскланивались! Но я не увидел ни туловищ, ни ног... Они просто висели в воздухе!

— Невероятно! — изумленно шепнул Андерсон.

— Уверяю вас! — воскликнул Стэнтон. — Я тоже был поражен. Однако, это несомненно были живые существа, причем разумные. У них было сознание, воля и, наверное, многое другое, присущее разумной жизни. Они представляли собой светящийся ореол, а в центре — голубое, зеленое или красное ядро. Самые крупные были фута два в поперечнике. Светящиеся ядра расширялись, тускнели, теряли очертания и как бы сливались с другими, образуя некое единое целое. Я напрягал глаза, не теряя надежды разглядеть это невидимое тело, присутствие которого так явственно ощущалось.

Вдруг я почувствовал, как по моему лицу скользнуло что-то холодное, гладкое, тонкое, как плеть или щупальце. Я вздрогнул и оглянулся.

За моей спиной висели три голубых огня. Они меня разглядывали, если можно так выразиться. Такое же холодное и скользкое схватило меня за руку, совсем рядом послышался шепот. Я испуганно вскрикнул, и движение на улице тотчас замерло. Стало тихо. Тысячи огней медленно поднимались вверх. Поднявшись, они сгрудились вокруг меня, точно толпа зевак на Бродвее. По моему телу скользили тысячи невидимых щупалец...

Очнувшись, я обнаружил, что лежу у подножия алтаря. Меня окружали тишина и красное свечение. Я вскочил и бросился к лестнице, но какая-то невидимая сила бросила меня на колени. И тут я

обнаружил на поясе желтый металлический обруч, от которого к самому алтарю тянулась цепь. Я был прикован!

Я вспомнил, что у меня при себе был нож, но в кармане его не оказалось. У меня отняли все, кроме висевшей на шее фляги — наверно, сочли ее неотъемлемой частью моего тела. Я попытался разорвать обруч, но тот, словно живой, вырывался из рук и все крепче сжимал меня. Тогда я рванул цепь... Увы, ее закрепили намертво. И в этот момент я почувствовал над алтарем то самое невидимое Нечто, которое пытался разглядеть на улице. Рухнув на пол, я заплакал от отчаяния. Остаться одному в таком месте, где вокруг только страх и неведомое...

Но минутная слабость прошла, и я увидел недалеко, у ближней колонны, миску из желтого металла, наполненную какой-то густой белой жидкостью. Совершенно не думая о последствиях, я выпил ее. Она оказалась приятной на вкус. Я с удивлением обнаружил, что силы возвращаются ко мне. Похоже, меня не собирались морить голодом. Эти удивительные существа, кем бы они ни были, знали, без чего не может обойтись человек.

Красный свет становился все ярче, снаружи послышался уже знакомый мне шепот, а через отверстие входа в святилище потянулись светящиеся шары. Они строились в шеренги, пока не заполнили все свободное пространство, а их шепот перешел в пение — ритмичное и монотонное. Мелодия то опускалась, то поднималась, и шары, повторяя ее волнообразное движение, тоже поднимались и опускались.

Это продолжалось всю ночь. Я чувствовал себя лишь ничтожно малой частицей Мироздания, попавшей в океан этих звуков. Даже мое сердце билось в их ритме. Потом красный свет начал блекнуть, шеренги поредели, и наконец я снова остался один. Это означало, что здесь, наверху, занялся день.

Я уснул, а проснувшись, обнаружил у столба свой завтрак. Подкрепившись, я стал внимательно разглядывать цепь, которой был прикован к алтарю, а затем принялся тереть два звена друг о друга. Прошло много часов. Когда опустились сумерки, мои усилия принесли некоторые плоды. Я приободрился, во мне забрезжила надежда.

Появились шары, опять все повторилось, как вчера. Теперь мне казалось, что каждая клетка моего тела вибрирует в ритме пения. Я хотел закричать, но не смог, как бывает в кошмарном сне. И тут я поймал себя на том, что подпеваю им, а мое туловище повторяет их движения. Я ничего не мог с собой поделать... Это было какое-то наваждение! Но больше всего меня поразило то, что начав петь вместе с ними, я увидел их!

— Огни? — с глупым видом переспросил Андерсон.

— Я увидел их тела, — продолжал Стэнтон. — Это были прозрачные большие улитки с десятками отростков вокруг раскрытых ртов,

а над всем этим — светящиеся шары. Зрелище малоприятное, чтобы не сказать сильнее. Я разглядывал их, продолжая машинально вторить мелодии. Вскоре рассвет прервал эту церемонию, и святилище опустело. Покидая меня, они не ползли и не шли. Они парили!

Немного отдохнув, весь следующий день я продолжал перетирать цепь и к вечеру перетер одно из звеньев на шестую часть его толщины, а потом всю ночь снова пел и раскачивался вместе с ними.

Еще дважды наступала ночь, и все повторялось сначала, и вот наконец на пятый день утром я перетер цепь. Я был свободен. Позавтракав, я слил остатки белой жидкости во флягу и поспешил к Лестнице, оставив позади сковывавшее меня ужасом Нечто, висевшее над алтарем. Этот ужас подгонял меня, и я мчался по лестнице, осознавая только одно — внизу остался Ад!

Когда я понял, что не могу больше сделать ни шагу, внизу все было уже скрыто голубой дымкой. Сердце выскакивало из груди, я упал на землю в одной из пещер, надеясь найти в ней убежище на ночь. Забившись поглубже, я стал ждать, когда стемнеет.

Ждать пришлось недолго. Снизу долетел возмущенный ропот — мой побег был обнаружен. Вскоре у входа в мою пещеру появился свет. И ушел вверх. Это были тысячи шаров. Через какое-то время они поползли вниз, на дно. Так повторилось несколько раз, и я понял, что меня ищут. На меня охотились! В их громком шепоте послышались новые нотки, теперь он звал, манил.

Мне опять безудержно захотелось подхватить этот звук. Я до боли кусал губы, чтобы преодолеть искус.

Всю ночь сноп света то поднимался вверх, то опускался на дно расщелины, а шепот не стихал ни на минуту.

Я вновь и вновь задавался вопросом, что за народ жил наверху, вокруг расщелины, кто построил Лестницу, устроил эти пещеры, и зачем, почему эти существа не боялись жить рядом с бездной, наконец, почему они давно вымерли, а те, внизу, живут до сих пор. Ни на один из этих вопросов я не нашел ответа, как не нахожу и сейчас.

Пока я размышлял, стараясь найти объяснение этим странностям, наступил рассвет, а с ним и тишина. Я допил из фляги остатки подкрепляющей жидкости и снова пустился в путь. В тот день ноги отказались служить мне и, разорвав рубашку, я сделал из нее наколенники и некое подобие рукавиц, а затем продолжал ползти все выше и выше. Вечером я забрался в пещеру и стал ждать, когда начнется эта оргия света и звуков.

Их шепот вновь искушал, звал. Меня охватил ужас. Если я поддамся, они сделают со мной все, что угодно. А искушение было все сильнее. Я дрожал от желания сдаться на их милость. Тело помимо моей воли раскачивалось, как маятник. Когда сноп света поднимался

вверх, я тянулся к нему, но остатки воли удерживали меня в пещере. Борьба продолжалась всю ночь.

На рассвете я выбрался из пещеры и остановился на лестнице, поняв, что продолжать подъем не могу. Израненные руки кровоточили, колени невыносимо болели. Но я заставил себя двигаться вперед, преодолевая ступеньку за ступенькой. А потом руки потеряли чувствительность, боль прошла. Они умерли. Но каким-то чудом я все еще тащил свое тело вверх по лестнице.

Я потерял счет дням и не знаю, сколько продолжался этот кошмар. Однажды мое несчастное тело чуть было не откликнулось на призывы, но я вовремя проснулся. И опять мучительный подъем по лестнице, ведущей к голубому небу, к людям, к моему миру!

Все было как во сне: последние ступеньки, край бездны, ворота с изображением огромных фигур, потом они остались позади, все дальше и дальше. Казалось, эти барельефы оберегают меня от преследователей, не подпускают их ко мне, придают силы.

Я прилег между камнями и уснул. Не знаю, как долго я спал, а проснувшись, увидел далеко на севере упирающийся в небо столб света — они не теряли надежды вернуть меня. Охота продолжалась.

Я полз вперед, пока не увидел ваш костер, и лишь тогда понял, что теперь я наконец в безопасности.

Стэнтон рассеянно улыбнулся и тут же уснул, свалившись на землю.

Соорудив для него носилки и собрав свой скарб, мы в тот же день двинулись в обратный путь. Мы шли три дня. Все это время Стэнтон спал, а на третий день, так и не проснувшись, скончался. Мы сделали, как он просил: развели большой костер и сожгли его тело, а прах развеяли по ветру. Даже самому дьяволу теперь не под силу вновь собрать его и отправить несчастного обратно в Бездну. Едва ли живущее там племя владеет такой властью!

Мы с Андерсоном так никогда и не вернулись к Каменной Руке, чтобы проверить это на себе.

Перевод с английского *Е. Сушарника*

ТРИ СТРОЧКИ НА СТАРОФРАНЦУЗСКОМ

— Война оказалась исключительно плодотворной для развития хирургической науки, — закончил Хоутри, — в ранах и мучениях она открыла неисследованные области, в которые устремился гений человека, а проникнув, нашел пути победы над страданием и смертью, потому что, друзья мои, прогресс требует жертв. И все же мировая трагедия открыла еще одну область, в которой будут сделаны еще более грандиозные открытия. Для психологов это была непревзойденная практика, большая, чем для хирургов.

Латур, великий французский медик, выбрался из глубин своего большого кресла; красные отблески пламени очага падали на его проницательное лицо.

— Это верно, — сказал он. — Да, это верно. В этом горниле человеческий мозг раскрылся, как цветок под горячим солнцем. Под напором колоссального урагана первобытных сил, захваченные в хаосе энергии, физической и психической — хоть сам человек породил эти силы, они подхватили его, как мошку в бурю, — все те тайные, загадочные факторы мозга, которые мы из-за отсутствия подлинных знаний называем душой, сбросили все запреты и смогли проявиться.

Да и как могло быть иначе — когда мужчины и женщины, охваченные предельным горем или радостью, раскрыли глубины своего духа, — как могло быть иначе в этом постоянно усиливавшемся крещендо эмоций?

Заговорил Макэндрюс.

— Какую психическую область вы имеете в виду, Хоутри? — спросил он.

Мы вчетвером сидели перед очагом в зале Научного клуба: Хоутри, руководитель кафедры психологии одного из крупнейших колледжей; Латур, бессмертный француз; Макэндрюс, знаменитый американский хирург, чей труд во время войны вписал новую страницу в книгу науки; и я. Имена этих троих не подлинные, но сами они таковы, какими я их описал; и я обещал не давать никаких подробностей.

— Я имею в виду область внушения, — ответил психолог. — Реакция мозга, проявляющая себя в видениях: случайные очертания облаков, которые для перенапряженного воображения наблюдателей становятся небесным войском Жанны Д'Арк; лунный свет в разрыве облаков кажется огненным крестом, который держат руки архангела; отчаяние и надежда, которые трансформируются в такие легенды как лунные лучники, призрачные воины, побеждающие врага; клочья тумана над ничейной землей кажутся усталым глазам фигурой самого Сына Человеческого, печально идущего среди мертвых. Знаки, предзнаменования, чудеса, целый сонм предчувствий, призраки любимых —

все это принадлежит области внушения; все они рождаются, когда срывают завесу с подсознания. В этой сфере, даже если будет собрана тысячная доля свидетельств, психологов ждет работа на двадцать лет.

— А каковы границы этой области? — спросил Макэндрюс.

— Границы? — Хоутри был явно озадачен.

Макэндрюс некоторое время молчал. Потом достал из кармана желтый листок — телеграмму.

— Сегодня умер молодой Питер Лавеллер, — сказал он, по-видимому, безотносительно к предыдущему. — Умер там, где и хотел: в остатках траншеи, прорезанной через древнее владение сеньоров Токелен, вблизи Бетюна.

— В траншее?! — Хоутри был предельно изумлен. — Но я читал, что его привезли домой; что он один из ваших триумфов, Макэндрюс!

— Он уехал умирать там, где и хотел, — медленно повторил хирург.

Так объяснилась странная скрытность Лавеллеров о том, что стало с их сыном-солдатом, скрытность, несколько недель занимавшая прессу. Потому что молодой Питер Лавеллер был национальным героем. Единственный сын старшего Питера Лавеллера — это тоже не настоящая фамилия семьи; подобно остальным, я не могу открыть ее, — он был наследником миллионов старого угольного короля и смыслом его существования.

В самом начале войны Питер добровольцем отправился во Францию. Влияния отца было бы достаточно, чтобы обойти французский закон, по которому в армии каждый должен начинать с самого низа, но молодой Питер не хотел и слышать об этом. Целеустремленный, обладающий пылом первых крестоносцев, он занял свое место в рядах.

Привлекательный, голубоглазый, ростом в шесть футов без обуви, всего двадцати пяти лет, немного мечтатель, он поразил воображение французских солдат, и они любили его. Дважды был он ранен в опасные дни, и когда Америка вступила в войну, его перевели в экспедиционный корпус. При осаде Маунт Кеммел он получил рану, которая вернула его домой, к отцу и сестре. Я знал, что Макэндрюс сопровождал его в Европе и вылечил — во всяком случае все так считали.

Но что случилось потом — и почему Лавеллер отправился умирать во Францию, как сказал Макэндрюс?

Он снова положил телеграмму в карман.

— Есть граница, Джон, — сказал он Хоутри. — Лавеллер был как раз пограничным случаем. Я вам расскажу. — Он поколебался. — Может, не следует; но мне кажется, что Питер не возражал бы против моего рассказа; он считал себя открывателем. — Он снова помолчал; потом принял решение и повернулся ко мне.

— Меррит, можете использовать мой рассказ, если сочтете его интересным. Но если решите использовать, измените имена и, пожалуйста, постарайтесь, чтобы по описаниям нельзя было никого узнать. Важно ведь в конце концов случившееся — а тому, с кем это случилось, теперь все равно.

Я пообещал и сдержал свое слово. Теперь я расскажу эту историю так, как тот, кого я назвал Макэндрюсом, рассказывал нам в полутемной комнате, где мы сидели молча, пока он не кончил.

* * *

Лавеллер стоял за бруствером первой линии траншей. Была ночь, ранняя апрельская ночь северной Франции, и этим все сказано для тех, кто бывал там.

Рядом с ним был траншейный перископ. Ружье лежало поблизости. Ночью перископ практически бесполезен; поэтому он всматривался в щель между мешками с песком, рассматривая полосу ничейной земли трехсотфутовой ширины.

Он знал, что напротив в такую же щель в немецком бруствере другие глаза напряженно следят за малейшим движением.

По всей ничейной полосе лежали трупы, и когда взлетали осветительные ракеты и заливали полосу светом, трупы, казалось, начинали двигаться: поднимались, жестикулировали, протестовали. И это было ужасно: французы и англичане, пруссаки и баварцы — отбросы красного винного пресса, установленного войной в этом секторе.

На проволочном заграждении два шотландца; оба в килтах; один прошит пулеметной очередью, когда перелезал через заграждение. Удар отбросил его руку на шею товарища; тот был убит в следующее мгновение. Так они и висели, обнявшись; и когда загорались и угасали осветительные ракеты, они, казалось, раскачивались, пытались вырваться из проволоки, броситься вперед, вернуться.

Лавеллер устал, его усталость превышала всякое воображение. Сектор достался тяжелый и нервный. Почти семьдесят два часа он не спал, несколько минут оцепенения, прерываемые постоянными тревогами, были хуже сна.

Артиллерийский обстрел продолжался почти непрерывно, а еды мало и доставлять ее было очень опасно. За ней приходилось идти за три мили под огнем.

И постоянно нужно было восстанавливать бруствер, соединять разорванные провода, а когда это было сделано, звучали новые взрывы, и снова нужно было проделывать ту же утомительную работу, потому что было приказано удерживать сектор любой ценой.

Все, что осталось в Лавеллере от сознания, сконцентрировалось в его взгляде, оставалась только способность видеть. И зрение, повинуясь его твердой, несгибаемой воле, с помощью всех остатков жиз-

ненной силы исполняло свой долг: Лавеллер был слеп ко всему, кроме узкой полоски земли, пока его не сменят с поста. Тело его онемело, он не чувствовал землю под ногами, иногда ему казалось, что он плывет — как два шотландца на проволоке!

Почему они не могут висеть неподвижно? Какое право имеют люди, чья кровь вытекла и стала черным пятном под ними, плясать и совершать пируэты под вспышки разрывов? Черт их возьми — хоть бы какой разрыв сбросил их и засыпал землей!

Выше по склону, в миле отсюда находился старый замок — шато, вернее, то, что от него осталось. Под ним глубокие подвалы, куда можно забраться и уснуть. Он знал это, потому что столетия назад, когда впервые прибыл на этот участок фронта, он переночевал там.

Каким раем было бы вползти в эти подвалы, прочь от безжалостного дождя; снова спать под крышей над головой.

— Я буду спать, и спать, и спать — и спать, и спать, и спать, — говорил он себе; потом встряхнулся, так как от повторения слова его начала окружать сонная мгла.

Осветительные ракеты вспыхивали и гасли, вспыхивали и гасли; послышался треск пулемета. Ему сначала показалось, что это стучат его зубы, пока остатки сознания не подсказали ответ: какой-то нервный немец изрешетил движущихся мертвецов.

Послышались чавкающие звуки шагов по вязкой грязи. Нет необходимости оборачиваться: это свои, иначе они не прошли бы часовых на повороте. Тем не менее невольно голова повернулась на звук, и он увидел трех человек, рассматривающих его.

Над головой плыло не менее полудюжины огней, и в их свете он узнал подошедших.

Один из них — знаменитый хирург, который приехал из базового госпиталя в Бетюне, чтобы посмотреть, как заживают раны после его операции; остальные двое — майор и капитан; все, несомненно, направляются к подвалам. Что ж, кому-то должно везти. И он снова посмотрел в щель.

— Что-то не так? — Это майор обратился к гостю.

«Что-то не так... что-то не так... что-то не так...» — Слова повторялись быстро, настойчиво в его сознании, снова и снова, пытаясь разбудить его.

Действительно, что не так? Все в порядке! Разве он, Лавеллер, не на посту? Измученный мозг гневно бился. Все в порядке, почему они не уходят и не оставят его в покое?

— Ничего. — Это хирург, и опять слова забились в ушах Лавеллера, маленькие, шепчущие, быстро повторяющиеся снова и снова: «Ничего — ничего — ничего — ничего».

Но что говорит хирург? Обрывочно, почти не понимая, он воспринимал фразы:

— Прекрасный пример того, о чем я вам говорил. Этот парень — абсолютно истощенный, уставший — все его сознание сосредоточено на одном — на бдительности... сознание истощилось, стало тонким... за ним пытается высвободиться подсознание... сознание отвечает только на один стимул — движение извне... но подсознание так близко к поверхности, почти не удерживаемое... что оно сделает, если его совсем освободить... прекрасный пример.

О чем это они говорят? Теперь послышался шепот.

— В таком случае, с вашего разрешения... — это опять хирург. Разрешение на что? Почему они не уходят и не перестанут его беспокоить? Так трудно смотреть, когда еще приходится и слушать! Что-то промелькнуло перед его глазами. Он смотрел, не понимая. Должно быть, затуманилось зрение.

Он поднял руку и потер глаза. Да, теперь все прошло.

Небольшой светлый кружок вспыхнул на бруствере рядом с его лицом. Свет карманного фонарика. Что они ищут? В круге появилась рука, рука с длинными гибкими пальцами, в ней листок бумаги, на нем что-то написано. Хотят, чтобы он еще и читал? Не только смотрел и слушал, но еще и читал! Он приготовился возражать.

Прежде чем застывшие губы смогли произнести слово, он почувствовал, как кто-то расстегнул верхнюю пуговицу его шинели, рука сунула что-то в карман рубашки, как раз над сердцем.

Кто-то прошептал: «Люси де Токелен».

Что это значит? Это не пароль.

В голове у него загудело — он как будто погружался в воду. Что за свет слепит его даже сквозь закрытые веки? Он с трудом открыл глаза.

Лавеллер смотрел прямо на золотой диск солнца, медленно садившегося за рощу благородных дубов. Ослепленный, он опустил взгляд. Он стоял по щиколотку в мягкой зеленой траве, усеянной голубыми цветами в маленьких соцветиях. Пчелы жужжали над чашечками цветов. Маленькие желтокрылые бабочки порхали в воздухе. Дул мягкий ветерок, теплый и ароматный.

Ему тогда это не показалось странным — нормальный домашний мир — мир, каким он должен быть. Но он помнил, что когда-то был в другом мире, очень-очень не похожем на этот, в месте страданий и боли, кровавой грязи, холода и влаги, в мире жестокости, где ночи — мучительный ад раскаленных огней и яростных смертоносных звуков, в мире измученных людей, которые ищут отдыха и сна и не находят их, в мире танцующих мертвецов. Где это было? Неужели действительно может существовать такой мир? Теперь ему совсем не хотелось спать.

Он поднял руки и посмотрел на них. Загрубевшие, исцарапанные и грязные. На нем шинель, промокшая, вся в грязи. На ногах ботинки

с высокими голенищами. Рядом с его грязной ногой лежит полураздавленный букетик голубых цветов. Он застонал от жалости и наклонился, чтобы поднять раздавленные цветы.

«Слишком много мертвых, слишком много», — прошептал он, потом смолк. Он на самом деле пришел из этого кошмарного мира! Как иначе в этом счастливом, чистом мире он может быть таким нечистым?

Конечно, но где он? Как мог добраться оттуда сюда? Ах, да, был пароль... что же это было?

Он вспомнил: «Люси де Токелен».

Лавеллер произнес это вслух, все еще стоя на коленях.

Мягкая маленькая рука коснулась его щеки. Низкий сладкий голос ласкал слух.

— Я Люси де Токелен, — произнес этот голос. — А цветы вырастут снова, но как мило, что вы о них горюете.

Он вскочил на ноги. Рядом с ним стояла девушка, стройная девушка лет восемнадцати, с туманным облаком волос вокруг маленькой гордой головки; в ее больших карих глазах, устремленных на него, были нежность и жалость.

Питер стоял молча, упиваясь ею: низкий широкий белый лоб, алые улыбающиеся губы, округлые белые плечи, сверкающие сквозь шелковую паутину шарфа, стройное нежное тело в облегающем платье необычного покроя с высоким поясом.

Она была достаточно хороша; но для голодных глаз Питера она была чем-то большим: источником, бьющим в безводной пустыне, первым прохладным ветерком сумерек после иссушающего дня, видением рая для души, только что освобожденной после столетий ада. Под его горящим восхищенным взглядом она опустила глаза, слабая краска появилась на ее белом лице, поползла к темным волосам.

— Я... я мадмуазель де Токелен, мессир, — прошептала она. — А вы...

Он пришел в себя.

— Лавеллер... Питер Лавеллер... так меня зовут, мадмуазель, — запинаясь, выговорил он. — Простите мою грубость... но я не знаю, как оказался тут... и не знаю, откуда пришел... из места, совсем не похожего на это. А вы... вы так прекрасны, мадмуазель!

Ясные глаза на мгновение остановились на нем, в них скрывалась шаловливость, потом она снова опустила взгляд и покраснела еще больше.

Он смотрел на нее зачарованно, потом вернулось недоумение, настойчиво требуя свое.

— Не скажете ли, что это за место, мадмуазель, — он по-прежнему запинался, — и как я здесь оказался, если вы... — Он замолчал. Издалека, через бесконечное пространство, на него надвигалась огром-

ная усталость. Он чувствовал ее приближение... все ближе и ближе... она коснулась его, накрыла, он погружался в нее, падал... падал...

Две мягкие теплые руки схватили его. Усталая голова упала на них. Сквозь тесно прижатые маленькие ладони в него вливались новые силы. Усталость сжалась, начала медленно отступать, медленно... ушла!

За ней последовало непреодолимое, неконтролируемое желание плакать... плакать от облегчения, что усталость ушла, что этот дьявольский мир, который тенью сохраняется в его сознании, остался позади, что он здесь, с этой девушкой. Слезы его падали на маленькие руки.

На самом ли деле голова ее склонилась к нему, губы коснулись его волос? Его охватило ощущение покоя. Он, устыдившись, встал.

— Не знаю, почему я плакал, мадмуазель... — начал он; и тут увидел, что ее белые пальцы переплелись с его почерневшими. Он в неожиданном страхе выпустил их.

— Простите, — запинаясь, пробормотал он. — Я не должен был вас касаться.

Она сделала быстрое движение, схватила его руки, крепко сжала их.

Глаза ее сверкнули.

— Я вижу их не так, как вы, мессир Пьер, — ответила она. — И даже если бы видела пятна, разве это не пятна крови из сердец храбрых сынов под знаменами Франции? Считайте эти пятна боевой наградой, мессир.

Франция — Франция? Да, так назывался мир, который он оставил позади; мир, где люди тщетно ищут сна, где мертвецы пляшут.

Мертвецы пляшут — что это значит?

Он бросил на нее тоскливый взгляд.

С коротким жалостливым возгласом она на мгновение прижалась к нему.

— Вы так устали — и голодны, — прошептала она. — Больше не думайте, не старайтесь вспомнить, мессир, пока не поедите, не напьетесь и не отдохнете немного.

Они повернулись. И тут невдалеке Лавеллер увидел шато. Увенчанное башенками, величественное, безмятежное, из серого камня, благородное, со своими шпилями и вымпелами, устремившимися к небу, как плюмаж на шлеме гордого воина. Взявшись за руки, как дети, мадмуазель Токелен и Питер Лавеллер пошли к шато по зеленой лужайке.

— Это мой дом, мессир, — сказала девушка. — А вон там, среди роз, ждет моя мать. Отца нет, и он расстроится, что не встретился с вами, но вы с ним увидитесь, когда вернетесь.

Он вернется? Это означает, что он тут не останется. Но куда он

отправится, откуда вернется? На мгновение взгляд его затуманился, но прояснился снова. Он шел среди роз; розы были повсюду, большие, ароматные, распустившиеся цветы, алые и шафрановые, розовые и совершенно белые; они росли гроздьями и полосами, взбирались на террасы, образуя как бы ароматный прибой у основания шато.

По-прежнему рука об руку они с девушкой прошли между розами и оказались у стола, покрытого белоснежной скатертью; стол стоял в беседке.

За ним сидела женщина. Она чуть миновала расцвет своей женской прелести, подумал Питер. Волосы ее, он видел, напудрены, щеки розовые и белые, как у ребенка, глаза сверкают, они тоже карие, как и у мадмуазель, и добрые, добрые, подумал Питер. Знатная дама старой Франции.

Мадмуазель присела.

— Мама, — сказала она, — представляю тебе сэра Пьера Ла Валье, очень храброго и достойного человека, который ненадолго навестил нас.

Ясные глаза старшей женщины внимательно рассматривали его. Потом она склонила величественную белую голову и протянула над столом тонкую руку.

Он понял, что должен поцеловать руку, но не решался, глядя на свою грязную.

— Сэр Пьер видит мир не так, как мы, — в голосе девушки веселье и в то же время упрек; она рассмеялась ласковым, золотым смехом.— Мама, можно он увидит свои руки так, как мы их видим?

Беловолосая женщина улыбнулась и кивнула, и во взгляде ее, заметил Лавеллер, та же доброта и жалость, что были во взгляде девушки, когда они впервые встретились.

Девушка слегка коснулась глаз Питера, подержала перед ними его ладони — они были белые, изящные, чистые и каким-то образом очень красивые.

Снова его охватило изумление, но сказалось воспитание. Он подавил удивление, поклонился, взял в свою руку изящные пальцы дамы и поднес их к губам.

Она коснулась серебряного колокольчика. Сквозь розы подошли два высоких человека в ливреях, взяли у Лавеллера его шинель. За ними последовали четыре негритенка в алой, вышитой золотом одежде. Они принесли серебряные тарелки, а на них мясо, белый хлеб, пирожные, фрукты и вино в высоких хрустальных флаконах.

И Лавеллер вспомнил, как он голоден. Но он мало что запомнил из этого пира. Помнил только, что был счастлив больше, чем когда-либо за свои двадцать пять лет.

Мать говорила мало, но мадмуазель Люси и Питер Лавеллер болтали и смеялись, как дети, они упивались друг другом.

И в сердце Лавеллера росло восхищение этой девушкой, встреченной так удивительно, росло, пока сердце, казалось, уже не могло вместить его радость. А глаза девушки, когда они останавливались на нем, становились все мягче, все нежнее, они были полны обещанием; а гордое лицо под белоснежными волосами наполнялось бесконечной мягкостью, как лицо мадонны.

Наконец мадмуазель де Токелен, подняв голову и встретив его взгляд, вспыхнула, опустила длинные ресницы; потом снова храбро подняла глаза.

— Ты довольна, мама? — серьезно спросила она.

— Да, дочь моя, я довольна, — улыбаясь, ответила та.

И тут последовало невероятное, ужасное — Лавеллер сказал, это похоже было на вопль из глубокого ада среди песен ангелов.

Справа, среди роз, появился свет — судорожный порывистый свет, он разгорался и гас, разгорался и гас. В нем были две фигуры. Одна обнимала другую рукой за шею; обнявшись, они наклонились в воздухе, и когда свет разгорался и гас, они, казалось, выделывают пируэты, стараются вырваться, побежать вперед, вернуться — они танцевали!

Танцующие мертвецы!

Мир, где люди ищут отдыха и сна и не находят их, где даже мертвые не находят покоя, но должны танцевать под вспышки осветительных ракет...

Он застонал; вскочил на ноги; смотрел, дрожа каждым нервом. Девушка и женщина проследили за его застывшим взглядом, посмотрели на него полными жалости и слез глазами.

— Это ничего, — сказала девушка. — Ничего. Садитесь, там ничего нет!

И снова коснулась его век: свет и раскачивающиеся мертвецы исчезли. Но теперь Лавеллер знал. В его сознание устремился поток памяти — памяти о грязи, о вони, о яростных звуках убийства, о жестокости, несчастье и ненависти; памяти об изувеченных людях и искалеченных мертвецах; памяти о том, откуда он пришел — о траншее.

Траншея! Он уснул, и все это только сон! Он уснул на посту, а товарищи доверяли ему. А эти две ужасные фигуры среди роз — это два шотландца, пришедшие призвать его к выполнению долга, они манят, манят его, заставляют вернуться. Он должен проснуться! Должен!

Отчаянно он попытался вырваться из этого иллюзорного сада, вернуться в дьявольский мир, который в этот час очарования был в его сознании только туманом на далеком горизонте. А женщина и девушка смотрели на него с бесконечной жалостью, со слезами на глазах.

— Траншея! — выдохнул Лавеллер. — Боже, разбуди меня! Я должен вернуться! О Боже, позволь мне проснуться!

— Значит, я только сон?

Это голос мадмуазель Люси, слегка жалобный, слегка потрясенный.

— Я должен вернуться, — простонал он, хотя от ее вопроса сердце, казалось, остановилось. — Позвольте мне проснуться!

— Я сон? — Теперь в ее голосе звучал гнев; мадмуазель придвинулась к нему. — Я не реальна?

Маленькая ножка яростно топнула, маленькая рука сильно ущипнула его над локтем. Он почувствовал боль и с глупым видом потер руку.

— Вы думаете, я сон? — спросила она и, подняв руки, прижала ладони к его вискам, притянув к себе его голову, так что его глаза смотрели прямо в ее.

Лавеллер смотрел, смотрел в глубину, терялся в ней, чувствовал, как сердце его яростно колотится от того, что он видел в ее взгляде. Ее теплое душистое дыхание касалось его щек; что бы это ни было, где бы он ни был — *она* не сон!

— Но я должен вернуться, назад в траншею! — Солдат в нем продолжал цепляться за свой долг.

— Сын мой, — теперь говорила мать, — сын мой, вы в траншее.

Лавеллер изумленно смотрел на нее. Глаза его обежали прекрасную сцену. Потом он снова взглянул на нее взглядом изумленного ребенка. Она улыбнулась.

— Не бойтесь, — сказала она. — Все в порядке. Вы в вашей траншее, но она в столетиях от нас; да, двести лет, по вашему счету времени; и мы так считали когда-то.

Холодок пробежал по его телу. Они сошли с ума? Или он? Рука его коснулась теплого плеча; это прикосновение успокоило.

— А вы? — наконец смог он спросить.

Он заметил, что они переглянулись, и мать в ответ на невысказанный вопрос коротко кивнула. Мадмуазель Люси взяла лицо Питера в свои мягкие руки, снова взглянула ему в глаза.

— Дорогой, — мягко сказала она, — мы были... — тут она заколебалась, — вы называете это... мертвыми... для вашего мира это было двести лет назад.

Но прежде чем она произнесла это, Лавеллер, я думаю, понял, что это значит. На мгновение он почувствовал во всем теле ледяной холод, который тут же исчез, исчез как изморозь под горячим солнцем. Если это правда — да ведь тогда смерти не существует! А это правда!

Это правда! Он знал это с уверенностью, в которой не было даже призрака сомнения, — но насколько его желание поверить отразилось в этой уверенности? Кто может сказать?

Он посмотрел на шато. Конечно! Его развалины виднелись в тем-

ноте, когда ее разрывали вспышки, в его подвалах хотел он уснуть. Смерть — о, глупые, трусливые люди! — и это смерть? Это великолепное место, полное мира и красоты?

И эта удивительная девушка, чьи карие глаза — ключ к его самому заветному желанию! Смерть? Он смеялся и смеялся.

Еще одна мысль пришла ему в голову, пронеслась, как ураган. Он должен вернуться, вернуться в траншею и открыть остальным великую истину, которую он обнаружил. Он похож на путника из обреченного мира, случайно открывшего тайну, которая превращает их потерявший надежду мир в живое небо.

Больше не нужно бояться снарядов, сжигающего огня, пуль, сверкающей стали. Какое они имеют значение, когда это — вот это — истина? Он должен вернуться и сказать им. Даже эти два шотландца затихнут на проволоке, когда он шепнет им.

Но он забыл — *они* теперь знают. Но не могут вернуться, чтобы рассказать, — а он может. Он был возбужден, полон радости, на седьмом небе, полубог, носитель истины, которая освободит мир от одолевающих его демонов; новый Прометей, который несет людям более драгоценный дар, чем огонь.

— Я должен идти! — воскликнул он. — Должен рассказать им! Как мне вернуться быстрее?

Сомнение охватило его, он задумался.

— Но они не поверят, — прошептал он. — Нет, мне нужно доказательство. Я должен принести что-нибудь, чтобы доказать им.

Дама Токелен улыбнулась. Взяла со стола маленький нож и срезала ветку роз, сунула ему в руку.

Прежде чем он их сжал, девушка перехватила цветы.

— Подождите, — прошептала она. — Я дам вам другое послание.

На столе оказались перо и чернила, и Питер удивился, откуда они взялись: до этого он их не видел; но среди такого количества чудес что значит еще одно маленькое чудо? В руке мадмуазель Люси был и листок бумаги. Она склонила головку и принялась писать; подула на бумагу, помахала ею в воздухе, чтобы просушить; вздохнула, улыбнулась Питеру и обернула бумагу вокруг стеблей роз; положила на стол и приглашающе взмахнула рукой.

— Ваш плащ, — сказала она. — Он вам понадобится, теперь вы должны вернуться.

Она помогла ему одеться. Она смеялась, но в ее больших карих глазах были слезы; алые губы печальны.

Теперь встала старшая женщина, снова протянула руку; Лавеллер склонился и поцеловал ее.

— Мы будем ждать вас, сын мой, — негромко сказала она. — Когда время наступит, возвращайтесь.

Он протянул руку за розами с обернутой вокруг стеблей бума-

гой. Девушка опередила его, подняла цветы, прежде чем он коснулся их.

— Вы не должны читать, пока не уйдете, — сказала она — и опять розовое пламя вспыхнуло у нее на щеках.

Рука об руку, как дети, они заторопились по лужайке к тому месту, где Питер встретил ее. Тут они остановились, серьезно глядя друг на друга, — и тут другое чудо, которое произошло с Питером Лавеллером и о котором он забыл, пораженный своими открытиями, заявило о своих правах.

— Я люблю вас! — прошептал Питер этой живой давно умершей мадмуазель де Токелен.

Она вздохнула и оказалась в его объятиях.

— О, я знаю! — воскликнула она. — Дорогой, я знаю это — но я так боялась, что ты уйдешь, не сказав мне этого.

Она вздохнула, прижала свои сладкие губы к его губам; откинулась назад.

— Я полюбила тебя с того момента, как увидела здесь, — сказала она, — и буду ждать тебя здесь, когда ты вернешься. А теперь ты должен идти, мой дорогой и любимый; но подожди...

Он почувствовал, как ее рука пробралась в карман его рубашки, что-то прижала к сердцу.

— Послания, — сказала она. — Возьми их. И помни: я жду. Я клянусь. Я, Люси де Токелен...

В голове у него зашумело. Он открыл глаза. Он снова в траншее, а в ушах еще звучит имя мадмуазель, а на сердце он чувствует пожатие ее руки. Голова его повернута к трем людям, смотрящим на него.

У одного из них в руке часы; это хирург. Зачем он смотрит на часы? Неужели он так долго отсутствовал?

Ну, это неважно, ведь он принес такое известие! Усталость его исчезла; он чувствовал себя преображенным, торжествующим; душа его пела гимны. Забыв о дисциплине, он устремился к троим.

— Смерти нет! — воскликнул он. — Мы должны сообщить об этом по линии — немедленно! Немедленно, понимаете? Скажите всем: у меня есть доказательство...

Он запнулся и поперхнулся словами. Трое переглянулись. Майор поднял электрический фонарик, посветил Питеру в лицо, смотрел он странно, потом быстро подошел и встал между юношей и его оружием.

— Придите в себя, мой мальчик, — сказал он.

Они ничего не поняли. Ну, ничего, сейчас он им расскажет!

И Питер рассказал им, опустив только то, что произошло между ним и мадмуазель: ведь это в конце концов их личное дело. Они

серьезно и молча слушали его. Но тревога в глазах майора усиливалась.

— И тогда — я вернулся, вернулся быстро, как мог, чтобы помочь нам всем, чтобы убрать все это, — рука его взметнулась в жесте отвращения, — потому что все это неважно. Когда мы умираем, жизнь продолжается! — закончил он.

На лице ученого появилось выражение глубокого удовлетворения.

— Отличная демонстрация; лучше, чем я надеялся! — сказал он над головой Лавеллера майору. — Замечательная штука — человеческое воображение!

В голосе его звучало благоговение.

Воображение? Питер был поражен до глубины души.

Они ему не верят! Он им покажет!

— Но у меня есть доказательство! — воскликнул он.

Он распахнул шинель, порылся в кармане рубашки; пальцы его сомкнулись на клочке бумаги. Ага, сейчас он им покажет!

Он вытащил цветы и протянул им.

— Смотрите! — Голос его звучал торжественной трубой.

Но что это с ними? Неужели они не видят? Почему они смотрят ему в лицо, а не на то, что он протягивает им? Он сам взглянул на то, что держит, потом недоверчиво поднес к своим глазам, смотрел и смотрел, и вся Вселенная будто завертелась вокруг, а сердце перестало биться. Потому что в руке его, со стеблями в бумаге, были не свежие и ароматные розы, которые мать кареглазой мадмуазель срезала для него в саду.

Нет — пучок искусственных цветов, грязных, рваных, потрепанных, выцветших и старых!

Оцепенение охватило Питера.

Он тупо смотрел на хирурга, на капитана, на майора, чье лицо стало теперь не только тревожным, но и строгим.

— Что это значит? — прошептал он.

Неужели это был сон? Нет никакой великолепной Люси — кроме как в его сознании, — нет кареглазой девушки, которая любила его и которую любил он?

Ученый сделал шаг вперед, взял из его разжавшейся руки искусственный букетик. Бумага соскользнула, осталась в пальцах Питера.

— Вы, несомненно, заслужили право узнать, что испытали, — вежливый, культурный голос пробивался сквозь его оцепеневший слух, — после той реакции, которую вы проявили в нашем маленьком эксперименте. — Хирург весело рассмеялся.

Эксперимент? Эксперимент? Тупой гнев загорелся в Питере, яростный, медленно усиливающийся.

— Мсье! — умоляюще и предупреждающе сказал майор как будто своему почетному гостю.

— О, с вашего разрешения, майор, — продолжал великий человек, — этот молодой человек высокого интеллектуального уровня, образованный, вы видите, как он говорит. Он поймет.

Майор не был ученым, но он был французом, человеком, и тоже обладал воображением. Он пожал плечами, но придвинулся чуть ближе к лежащему ружью.

— Мы обсуждали, ваши офицеры и я, — продолжал культурный голос, — сновидения, которыми полуспящий мозг стремится объяснить прикосновение, незнакомый звук или что-нибудь другое, пробуждающее от сна. Допустим, рядом со спящим разбито окно. Он слышит, сознание стремится объяснить услышанное, но оно отдало контроль подсознанию. И подсознание тут же приходит на помощь. Но оно безответственно и может выразить себя только в образах.

Оно берет этот звук — и сплетает вокруг него некую романтическую историю. Оно пытается объяснить, как может, — увы! В лучшем случае это только фантастическая ложь, и как только сознание пробуждается, оно тотчас понимает это.

И подсознание производит свои образы невероятно быстро. Оно может в долю секунды создать целый ряд событий; в реальной жизни они заняли бы часы... или дни. Вы понимаете, о каком эксперименте я веду речь?

Лавеллер кивнул. Горький, всепожирающий гнев все усиливался. Но внешне он оставался спокоен, насторожен. Он выслушает, что этот самодовольный дьявол с ним проделал, а потом...

— Ваши офицеры не согласились с некоторыми моими выводами. Я увидел вас здесь, усталого, сосредоточенного на своих обязанностях, в полутрансе от напряжения и постоянных вспышек ракет. Вы представляли прекрасный клинический случай, непревзойденный лабораторный материал...

Сможет ли он удержать свои руки вдалеке от горла хирурга, пока тот не кончит? Люси, Люси, фантастическая ложь...

— Спокойно, старина, — прошептал майор.

Да, он должен ударить быстро, офицер слишком близко. Но майор должен смотреть в щель за него. Когда Питер прыгнет, майор будет смотреть туда.

— И вот, — хирург говорил в лучшей академической манере, — и вот я взял веточку искусственных цветов, которую нашел между страниц старого молитвенника, подобранного в развалинах того шато. На листочке бумаги написал по-французски — я ведь думал тогда, что вы французский солдат. Написал строку из романа об Окассене и Николетт:

И вот она ждет, когда кончатся дни...

— На страницах молитвенника было написано имя, несомненно, его давно покойной владелицы — Люси де Токелен...

Люси! Гнев и ненависть забыты из-за страстной тоски, тоска вернулась сильнее, чем раньше.

— Я провел веточкой цветов перед вашими невидящими глазами; я хочу сказать, что их не видело ваше сознание; я был уверен, что подсознание их не пропустит. Показал вам написанную строчку — и ваше подсознание и это уловило: и верность в любви, и разъединение, и ожидание. Я обернул бумагой стебли цветов, сунул букет вам в карман и прямо вам в ухо произнес имя Люси де Токелен.

Проблема заключалась в том, что сделает ваше второе «я» с этими четырьмя вещами: цветком, содержанием строки, прикосновением и именем — захватывающая проблема!

И не успел я отнять руку, не успели сомкнуться мои губы после того, что я прошептал, — вы повернулись с криком, что смерти не существует, и вдохновенно выложили вашу замечательную историю... все, все создано воображением из...

Но больше он не выдержал. Ослепляющий гнев сжег все сдерживающие начала и бросил его к горлу хирурга. Перед глазами его мелькали вспышки — красные, колеблющиеся языки пламени. Он сам умрет, но убьет этого хладнокровного дьявола, который может извлечь человека из ада, раскрыть перед ним небо, а потом швырнуть обратно в ад, ставший во сто раз более жестоким, и никакой надежды во всей вечности.

Но прежде чем он смог ударить, сильные руки схватили его, удержали. Алые огни перед глазами померкли. Ему показалось, что он слышит нежный золотой голос, шепчущий:

— Ничего! Ничего! Постарайтесь видеть, как я!

Он стоял между офицерами, которые с обеих сторон прочно держали его. Они молчали, глядя на бледного хирурга с холодным недружелюбным выражением.

— Мой мальчик, мой мальчик... — самообладание хирурга исчезло; он дрожал, был растерян. — Я не понимал... простите... я и не думал, что вы воспримете это так серьезно.

Лавеллер сказал офицерам:

— Господа, все прошло. Не нужно держать меня.

Они посмотрели на него, освободили, похлопали по плечу, посмотрели на своего гостя с тем же холодным неодобрением.

Лавеллер неуверенно повернулся к брустверу. Глаза его были полны слез. Мозг, сердце, душа — все сплошное опустошение, ни призрака надежды. Его послание, его священная истина, с помощью которой он собирался привести измученный мир в рай, — всего лишь сон.

Его Люси, его кареглазая мадмуазель, которая шептала, что любит его, — образ, вызванный словом, прикосновением, строчкой, искусственными цветами.

Он не мог поверить в это. Он все еще чувствует прикосновение ее мягких губ к своим губам, ее теплое тело еще дрожит в его объятиях. И она сказала, что он вернется, и обещала ждать.

Что это у него в руке? Листок, в который были завернуты стебли роз, проклятая бумага, с помощью которой этот холодный дьявол поставил свой эксперимент.

Лавеллер скомкал ее, хотел швырнуть к ногам.

Как будто что-то остановило его руку.

Он медленно развернул листок.

Трое смотревших увидели, как на лице его появилось сияние, как будто душа его освободилась от вечной муки. Вся печаль, вся боль — все исчезло, перед ними снова был юноша.

Он стоял с широко открытыми глазами, грезя наяву.

Майор сделал шаг вперед, осторожно взял у него листок.

Непрерывно вспыхивали осветительные ракеты, траншея была залита их светом, и при этом свете он рассматривал листок.

Когда он поднял лицо, на нем было выражение благоговейного страха; когда остальные взяли у него листок и прочли, на их лицах появилось то же выражение.

Поверх строки, написанной хирургом, были три строчки — на старофранцузском:

«Не печалься, сердце мое, не бойся:
Наступит время пробуждения.
Та, что любит тебя. Люси.»

* * *

Таков был рассказ Макэндрюса, и наступившее молчание нарушил Хоутри.

— Строчки, конечно, были уже на бумаге, — сказал он, — вероятно, они были слабыми, и ваш хирург их не заметил. Шел дождь, и влага проявила их.

— Нет, — ответил Макэндрюс, — их там не было.

— Откуда вы знаете? — спросил психолог.

— Потому что этим хирургом был я, — негромко сказал Макэндрюс. — Листок я вырвал из своей записной книжки. Когда я заворачивал в него цветы, он был чистым — только та строка, что написал я.

Но было еще одно — назовем это доказательством, Джон, — почерк, которым были написаны три строчки, был тот же, что и почерк в найденном мной молитвеннике, и подпись «Люси» точно такая же, завиток к завитку, причудливый старомодный наклон.

Наступило долгое молчание, нарушенное неожиданно опять Хоутри.

— Что стало с листком? — спросил он. — Проанализировали ли чернила? Было ли...

— Мы стояли в недоумении, — прервал его Макэндрюс, — и вдруг резкий порыв ветра пролетел по траншее. Он вырвал листок у меня из руки; Лавеллер смотрел, как его уносит; не сделал попытки схватить.

«Это неважно. Теперь я знаю», — сказал он и улыбнулся мне прощающей, счастливой улыбкой веселого мальчишки. — «Простите, доктор. Вы мой лучший друг. Вначале я думал, что вы сделали со мной то, что ни один человек не сделал бы другому...»

Вот и все. Он прошел через войну, не ища смерти, но и не избегая ее. Я любил его, как сына. Если бы не я, он умер бы после горы Кеммель. Он хотел дожить до того, чтобы попрощаться с отцом и сестрой, и я залатал его. Он дожил, а потом отправился в траншею под тенью старого разрушенного шато, где его нашла кареглазая мадмуазель.

— Зачем? — спросил Хоутри.

— Он думал, что там он сможет вернуться... быстрее.

— Для меня это совершенно произвольное заключение, — сказал раздраженно, почти гневно психолог. — Должно существовать какое-то естественное объяснение.

— Конечно, Джон, — успокаивающе ответил Макэндрюс, — конечно. Скажите нам, какое оно.

Но Хоутри, казалось, не мог предложить никакого объяснения.

Перевод с английского *Д. Арсеньева*

ЛЕСНЫЕ ЖЕНЩИНЫ

Маккей сидел на балконе маленькой гостиницы, которая стояла на восточном берегу озера.

Озеро маленькое и одинокое, высоко в Вогезах; однако одиночество — не то слово, которым можно определить его дух; скорее уединение, отстранение. Со всех сторон были горы, образуя огромную треугольную чашу, которая, когда Маккей впервые ее увидел, показалась ему наполненной неподвижным вином мира и спокойствия.

Маккей с честью сражался в мировой войне, вначале во французской авиации, потом, когда его страна вступила в войну, в экспедиционном корпусе. И как птицы любят деревья, так же любил их и Маккей. Для него они были не просто стволы и ветви, побеги и корни; для него они были личностями. Он чутко понимал разницу в характерах даже у деревьев одного вида: вот эта сосна благожелательная и веселая, а вот та суровая и монашеская; вот здесь стоит важничающий разбойник, а там мудрец, окутанный в зеленые размышления; эта береза распутна, а береза рядом с ней девственна, мечтательна.

Война опустошила его: нервы, мозг, душу. За все годы, прошедшие после нее, рана не затягивалась. Но теперь, когда его машина начала спускаться в обширную зеленую чашу, он почувствовал, как его охватывает ее дух, ласкает, успокаивает, обещает исцеление. Казалось, он парит, как падающий лист, сквозь густой лес, и мягкие руки деревьев убаюкивают его.

Он остановился в маленькой гостинице и задержался здесь, проводя день за днем, неделю за неделей.

Деревья нянчили его; мягкий шепот листьев, протяжное пение игольчатых сосен вначале заглушили, а потом совсем прогнали грохот войны и его печали. Открытая рана его духа начала затягиваться от этого зеленого лекарства; потом она закрылась и стала шрамом; потом даже шрам зарос и скрылся, как шрамы на груди земли зарастают и покрываются опавшей осенней листвой. Деревья наложили ему на глаза исцеляющие зеленые ладони, изгоняя картины войны. Он вдыхал силу в зеленом дыхании холмов.

Но по мере того, как к нему возвращались силы и разум и дух исцелялись, Маккей все острее чувствовал, что это место чем-то обеспокоено, что его спокойствие несовершенно, что в нем чувствуется оттенок страха.

Как будто деревья ждали, пока он выздоровеет, прежде чем передать свою тревогу. Теперь они пытались сказать ему что-то; в шепоте листвы, в пении сосновой хвои слышался гнев, какие-то мрачные опасения.

Именно это удерживало Маккея в гостинице — несомненное ощущение призыва, сознание, что что-то неладно, и он должен это ис-

править. Он напрягал слух, чтобы уловить слова шелестящих ветвей, слова, дрожавшие на краю человеческого восприятия.

Но они никогда не переходили через этот край.

Постепенно он сориентировался, определил, как ему казалось, центр тревоги долины.

На берегах озера было только два здания. Одно — гостиница, и вокруг него защитно смыкались деревья — уверенно и дружески. Как будто они не только приняли это здание, но и сделали его частью себя.

Не так было с другим жилищем. Когда-то это был охотничий домик давно умерших землевладельцев; теперь он полуразвалился, стоял заброшенным. Он располагался на другом берегу озера, прямо напротив гостиницы, в полумиле от берега. Когда-то его окружали поля и плодовый сад.

Лес надвинулся на них. Тут и там на полях стояли одинокие сосны и тополя, как солдаты, охраняющие пост; отряды поросли поднимались среди искривленных, высохших стволов фруктовых деревьев. Но лесу непросто давалось продвижение: прогнившие пни показывали, где обитатели домика срубили вторгшихся, черные полосы говорили, где жгли лес.

Здесь был центр конфликта, который он ощущал. Здесь шла война. Домик был крепостью, осажденной лесом, крепостью, чей гарнизон устраивал постоянные вылазки с топором и факелом, унося жизни осаждающих.

Однако Маккей чувствовал безжалостный напор леса, видел, как зеленая армия заполняет бреши в рядах, выбрасывает отростки на расчищенные места, протягивает корни; и всегда с сокрушительным терпением, терпением, заимствованным у вечных холмов, стоящих вокруг.

У него было чувство, что за ним постоянно наблюдают, как будто ночью и днем лес следит за домиком мириадами глаз; неумолимо, не отступая от своей цели. Он рассказал о своих впечатлениях хозяину гостиницы и его жене, и те посмотрели на него подозрительно.

— Старый Поле́ не любит деревья, это точно, — сказал старик. — И двое его сыновей тоже. Они не любят деревья, но и деревья их не любят.

Между хижиной и берегом до самого края озера росла прелестная маленькая рощица из серебристых берез и пихт. Роща тянулась примерно на четверть мили, в ширину достигала не более ста-двухсот футов, и не только красота деревьев, но и их любопытное расположение вызвало живой интерес у Маккея. По обоим концам рощи росло с десяток или больше пихт, не группой, а цепочкой, как в походном порядке; с двух других сторон на равных промежутках друг от друга

также стояли пихты. Березы, стройные и изящные, росли под охраной этих крепких деревьев, но не густо и не заслоняли друг друга.

Маккею эти серебристые березы напоминали процессию милых девушек под защитой храбрых рыцарей. Со странным ощущением видел он в березах восхитительных женщин, веселых, смеющихся, а в пихтах — их возлюбленных, трубадуров в зеленых хвойных кольчугах. И когда дул ветер, вершины деревьев склонялись под ним, как будто изящные девушки приподнимали свои трепещущие лиственные юбки, склоняли лиственные головы и кружились, а рыцари-пихты вокруг них смыкали руки и танцевали с ними под шум ветра. В такие минуты он почти слышал веселый смех берез, возгласы пихт.

Из всех деревьев этой местности Маккею больше всего нравилась маленькая роща; он греб по озеру и отдыхал в ее тени, дремал здесь и, закрыв глаза, слышал волшебное эхо веселого смеха, слышал загадочный шепот и звуки танцующих ног, легкие, как падающие листья; впивал мечтательное веселье, которое было душой этого маленького леса.

А два дня назад он увидел Поле и его двух сыновей. Маккей дремал в роще почти весь день; когда начали сгущаться сумерки, он неохотно встал и начал грести к гостинице. Он находился в нескольких сотнях футов от берега, когда из-за деревьев показались три человека и остановились, глядя на него, три мрачных сильных человека, выше, чем средние французские крестьяне.

Он выкрикнул им дружеское приветствие, но они не ответили; стояли, хмурясь. И тут, когда он снова склонился к веслам, один из них поднял топор и свирепо ударил по стволу стройной березы. Маккею показалось, что он слышит тонкий жалобный крик раненого дерева, а весь лес вздохнул.

Маккею показалось, что острое лезвие впилось в его собственную плоть.

— Прекратите! — закричал он. — Прекратите, черт вас возьми!

Вместо ответа тот ударил снова — и ни у кого Маккей не видел такой ненависти, как у него на лице в момент удара. Бранясь, с гневом в сердце, он повернул лодку и начал грести к берегу. Он слышал, как снова и снова ударял топор, и совсем рядом с берегом услышал треск и снова тонкий жалобный крик. Он поднял голову, чтобы взглянуть.

Береза шаталась, падала. Но во время ее падения он увидел необычное зрелище. Рядом с березой росла одна из пихт, и, падая, меньшее дерево склонилось на пихту, как девушка падает в обморок на руки своего возлюбленного. Она лежала и дрожала, а одна из больших ветвей пихты выскользнула из-под нее, взметнулась и нанесла владельцу топора сокрушительный удар по голове, отбросив его на землю.

Конечно, всего лишь случайный удар ветви, согнутой давлением упавшего дерева и разогнувшейся, когда это дерево скользнуло ниже. Но в движении ветви была видна такая сознательная целеустремленность, такой гнев, что это очень походило на удар возмездия. Маккей почувствовал странное покалывание по коже, сердце забилось с перебоями.

Мгновение Поле и его второй сын смотрели на крепкую пихту и лежащую на ее груди серебристую березу, защищенную иглистыми ветвями, как будто — снова у Маккея возникло то же ощущение — как будто раненая девушка лежит в объятиях своего рыцарственного возлюбленного. Отец и сын стояли и смотрели.

Потом, ни слова не говоря, все с той же жгучей ненавистью на лицах, они подняли лежавшего, он обнял их руками за шеи, и они повели его, волочившего ноги, прочь.

Утром, сидя на балконе гостиницы, Маккей снова и снова возвращался к этой сцене; все более и более осознавал он, как по-человечески упала береза на подхватившую ее пихту, сознательность нанесенного удара. За прошедшие с того времени два дня он чувствовал, как усилилось беспокойство деревьев, шепот их призывов стал настойчивей.

Что они пытаются сказать ему? Что он должен сделать?

Обеспокоенный, он смотрел на озеро, пытаясь пронизать взглядом туман, нависший над ним и скрывший противоположный берег. Неожиданно ему показалось, что он слышит призыв рощи, почувствовал, что она влечет его к себе так же настойчиво, как магнит притягивает и удерживает стрелку компаса.

Роща звала его, просила прийти.

Маккей немедленно подчинился приказу; он встал и пошел вниз к причалу; сел в свой скиф и начал грести поперек озера. И когда весла коснулись воды, беспокойство покинуло его. Его место заняли мир и какое-то особое возбуждение.

Над озером плавал густой туман. Ни дуновения ветерка, но туман вздымался сгустками и перемещался, дрожал и сворачивался под прикосновением невидимых воздушных рук.

Он был живым, этот туман. Он собирался в фантастические дворцы, мимо чьих сверкающих фасадов плыл Маккей; дворцы превращались в холмы и долины, в окруженные стенами равнины, дно которых было из подернутого рябью шелка. Среди них блестели маленькие радуги, а на воде возникали призматические полосы и разбегались, как пролитое опаловое вино. У Маккея появилась иллюзия огромных расстояний, как будто туманные холмы были настоящими горами. А сам он великан, прорубающийся сквозь волшебный мир. Прыгнула форель — словно Левиафан вынырнул из бездонных глубин. Вокруг дуги ее тела переплетались радуги, потом они превратились

в дождь мягко сверкающих драгоценностей — алмазов и сапфиров, пламенных рубинов и жемчужин с блестящей розовой серединой. Рыба исчезла, беззвучно уйдя в воду; ее радужное тело скрылось в ней, и на мгновение только многоцветный водоворот сохранялся на том месте, где была форель.

Не слышно было ни звука. Маккей опустил весла и наклонился вперед, плывя по течению. В молчании вокруг себя он чувствовал, как открываются врата в неведомый мир.

Неожиданно он услышал голоса, множество голосов, вначале слабые и бормочущие; потом они стали громче, отчетливее; нежные женские голоса и смешанные с ними более низкие, мужские. Голоса поднимались и падали в диком веселом напеве, в его радости слышались одновременно гнев и печаль — как будто солнечные ткачи в свою огненную ткань вплетали черные нити печали и алые полосы, окрашенные гневными закатами.

Маккей дрейфовал, не смея дышать, чтобы не заглушить звуки волшебного пения. Оно звучало все ближе и ближе, и он заметил, что скорость лодки увеличилась, лодка больше не дрейфует, как будто маленькие волны по обе стороны подталкивают ее вперед своими мягкими бесшумными ладонями. Когда лодка уткнулась в берег и зашуршала по гладкой гальке, песня прекратилась.

Маккей привстал и всмотрелся вперед. Здесь туман был гуще, но он видел очертания рощи. Как будто смотришь через множество занавесей из тонкого газа: деревья казались движущимися, воздушными, нереальными. И среди них мелькали фигуры в размеренном ритме, как тени от ветвей ритмично движутся под ветром.

Маккей вышел на берег и медленно направился к ним. Туман сгустился за ним, закрыв берег.

Ритмичное мелькание прекратилось; ни движения, ни звука среди деревьев, но он чувствовал, что вся роща полна внимательно наблюдающей за ним жизни. Маккей попробовал заговорить; какое-то заклятие молчания было у него на устах.

— Вы меня звали. Я пришел вас выслушать, помочь вам, если смогу.

Слова сформировались в его сознании, но произнести их он не смог. Снова и снова пытался в отчаянии; казалось, слова умирают на устах, прежде чем он мог дать им жизнь.

Туманный столб проплыл вперед и остановился, покачиваясь, на расстоянии вытянутой руки от него. И неожиданно из него выглянуло женское лицо, глаза на уровне его глаз. Да, женское лицо; но Маккей, глядя в эти глаза, рассматривавшие его, понимал, что они не могут принадлежать человеку. Глаза были без зрачков, белки оленьи и цвета мягкой зелени глубокой лесной поляны; в них сверкали крошечные светлые звездочки, как мотыльки в лунном луче. Глаза боль-

шие и широко расставленные под широким низким лбом, над которым прядь за прядью волосы цвета бледного золота; пряди казались покрытыми блестящим золотым пеплом. Нос маленький и прямой, рот алый и изысканный. Лицо овальное, заострявшееся к нежному острому подбородку.

Прекрасное лицо, но чуждой красоты; волшебной. Долгие мгновения эти необычные глаза всматривались в него. Потом из тумана показались две белые тонкие руки с длинными ладонями, с тонкими пальцами.

— Он услышит, — прошептали алые губы.

И сразу вокруг послышались звуки; шепот и шорох листьев под дыханием ветра, скрип ветвей, смех невидимых ручейков, шум воды, падающей в глубокие каменные пруды, — голоса, которые лес сделал различимыми.

— Он услышит! — провозглашали эти голоса.

Длинные белые пальцы коснулись его губ, и прикосновение их было прохладным, как прикосновение березовой коры после долгого утомительного подъема; прохладным и слегка сладковатым.

— Он будет говорить, — прошептали алые губы.

— Он будет говорить! — снова подхватили лесные голоса, как молитву.

— Он увидит, — прошептала женщина, и холодные пальцы коснулись его глаз.

— Он увидит! — повторили лесные голоса.

Туман, скрывавший рощу от Маккея, задрожал, поредел и исчез. Его место занял ясный, прозрачный, слегка зеленоватый, чуть светящийся эфир: впечатление такое, будто он стоит в середине прозрачного бледного изумруда. Под ногами золотой мох, расцвеченный маленькими звездочками васильков. Женщина со странными глазами и лицом волшебной красоты теперь стала видна вся. Он увидел стройные плечи, крепкие маленькие заостренные груди, гибкое тело. От шеи до колен на ней какое-то одеяние, тонкое, шелковое, будто сотканное из паутины; сквозь него просвечивает тело, будто огонь молодой весенней луны играет в ее венах.

За ней на золотом мху видны другие такие же женщины, множество их; все смотрят на него такими же широко расставленными зелеными глазами, в которых танцуют облака лунных лучей; подобно ей, все увенчаны блестящими бледно-золотыми волосами; подобно ей, у всех овальные заостренные лица волшебной, опасной красоты. Странно только, что если она смотрела на него серьезно, оценивала его, среди ее сестер некоторые смотрели насмешливо, другие звали странно соблазнительным взглядом; были и такие, которые смотрели только с любопытством, и такие, чьи большие глаза упрашивали, умоляли его.

И вдруг Маккей понял, что в этом неземном зеленоватом свер-

кающем воздухе есть и деревья рощицы. Только они стали призрачными, они напоминали белые тени, отброшенные на тусклый экран; стволы и ветви, побеги и листья — они окружали его, как будто сплетенные из воздуха неведомым мастером призраки деревьев, растущих в другом измерении.

Неожиданно он заметил мужчин; у них так же широко расставлены глаза, и так же лишены зрачков, но белки карие и голубые; у них заостренные подбородки и овальные лица, широкие плечи; одеты они в темно-зеленые куртки; смуглые, мускулистые и сильные, с тем же гибким изяществом, что и женщины; и, как и у женщин, красота их была чуждой и волшебной.

Маккей услышал негромкий жалобный плач. Он обернулся. Недалеко от него в объятиях смуглого мужчины в зеленом лежала девушка. Лежала у него на груди. Его глаза были полны черным пламенем гнева, ее — затуманены и наполнены болью. На мгновение Маккей увидел березу, которую срубил сын Поле, и пихту, на которую упала береза. Он видел березу и пихту как нематериальные очертания вокруг женщины и мужчины. На миг девушка и мужчина, береза и пихта показались ему одним целым. Женщина с алыми губами коснулась его плеча, и зрение его прояснилось.

— Она сохнет, — вздохнула женщина, и в голосе ее Маккей услышал печальный шелест листвы. — Разве не жаль, что она сохнет: наша сестра так молода, так стройна и красива.

Маккей снова посмотрел на девушку. Белая кожа, казалось, стянулась; лунный блеск, который просвечивал сквозь тела остальных, у нее казался тусклым и бледным; стройные руки безжизненно опустились, тело обвисло. Рот побледнел и высох; длинные туманно-зеленые глаза поблекли. Бледно-золотые волосы потеряли блеск, высохли. Он смотрел на медленную смерть, смерть увядания.

— Пусть увянет рука, ударившая ее! — сказал мужчина в зеленом, который поддерживал девушку, и в его голосе Маккей услышал свирепый шум зимнего ветра в засохших ветвях. — Пусть сердце его засохнет, пусть сожжет его солнце! Пусть дождь и вода будут избегать его, а ветры покарают!

— Я хочу пить, — прошептала девушка.

Наблюдавшие женщины зашевелились. Одна выступила вперед, держа чашу, как бы из тонких листьев, превратившихся в зеленый кристалл. Она остановилась у ствола одного из призрачных деревьев, взялась за одну ветвь и потянула ее вниз. Стройная девушка с испуганными, негодующими глазами подплыла к дереву и обняла руками призрачный ствол. Женщина с чашей пригнула ветвь и надрезала ее чем-то, показавшимся Маккею стрелой из гагата. Из раны полилась слабо опалесцирующая жидкость, которая стала медленно заполнять чашу. Когда чаша заполнилась, женщина, стоявшая рядом с Маккеем,

подошла к этому дереву и накрыла руками раненое место. Потом отошла, и Маккей увидел, что жидкость больше не течет. Женщина коснулась дрожащей девушки и развела ее руки.

— Залечится, — мягко сказала она. — Была твоя очередь, маленькая сестра. Рана зарастет. Скоро ты об этом забудешь.

Женщина с чашей опустилась на колени возле бледных сухих губ той, которая увядала. Девушка жадно выпила до последней капли. Туманные глаза прояснились, засверкали; губы, которые были такими сухими и бледными, покраснели, бледное тело блеснуло, как будто его убывающий свет подкрепили заново.

— Пойте, сестры! — резко воскликнула она. — Танцуйте для меня, сестры!

Снова послышалась песня, которую Маккей уже слышал в тумане на озере. Как и тогда, он не мог разобрать ни слова, но тему разобрал ясно: радость весеннего пробуждения, нового рождения, когда в каждой ветви поет зеленая жизнь, вздувается в почках, расцветает в каждом листочке; танец деревьев в ароматных ветерках весны; барабаны радостного дождя на лиственном капюшоне; страсть летнего солнца, испускающего свой золотой поток на деревья; медленное величественное прохождение луны, и зеленые руки, протягивающиеся к ней и извлекающие из ее груди молоко серебряного пламени; мятеж и дикая радость ветров с их безумным воем и гудением; мягкое переплетение ветвей, поцелуй любящих листьев — все это и еще больше, гораздо больше такого, чего Маккей не мог понять, потому что все это тайны, о которых у человека нет никакого представления, — все это звучало в пении.

И все это и еще больше было в ритмах танца этих странных зеленоглазых женщин и смуглых мужчин; что-то невероятно древнее и вместе с тем молодое, что-то от мира, каким он был до появления человека.

Маккей слушал, Маккей смотрел, терялся от удивления; свой собственный мир он почти забыл; мозг его запутался в паутине зеленого волшебства.

Женщина рядом коснулась его руки. Она указала на девушку.

— И все же она вянет, — сказала она. — И даже вся наша жизнь, если бы мы ее влили, не спасла бы ее.

Он взглянул: увидел, что краска медленно покидает губы девушки, сверкающий прибой жизни отступает; глаза, которые только что были такими яркими, затуманились и снова потускнели. Неожиданно приступ великой жалости и гнева сотряс его. Он склонился к девушке, взял ее руки в свои.

— Убери их! Убери свои руки! Они меня жгут! — простонала она.

— Он пытается помочь тебе, — негромко прошептал одетый в зеленое мужчина. Однако отвел руки Маккея в сторону.

— Не так ты можешь ей помочь, — сказала женщина.

— Что мне сделать? — Маккей встал, беспомощно переводя взгляд с одного на другого. — Как помочь?

Пение стихло, танец прекратился. Над рощей нависла тишина, и Маккей почувствовал, что все взгляды устремлены на него. Все были напряжены — ждали. Женщина коснулась его руками. Прикосновение их было прохладным, и странная сладость от него распространялась по венам.

— Там живут три человека, — сказала она. — Они ненавидят нас. Скоро мы все последуем за ней, — увянем. Они поклялись в этом, а как они поклялись, так и сделают. Если только...

Она замолчала; Маккей почувствовал странное беспокойство. Лунные мотыльки в ее взгляде сменились красными точками. Они почему-то привели его в глубокий ужас, эти красные точки.

— Три человека? — В его затуманенном мозгу всплыло воспоминание о Поле и двух его крепких сыновьях. — Три человека, — тупо повторил он. — Но что такое для вас три человека? Ведь вас так много! Что могут сделать три человека против ваших рослых кавалеров?

— Нет, — она покачала головой. — Наши... мужчины ничего не могут сделать. Никто ничего не может сделать. Когда-то мы веселились ночью и днем. Теперь мы боимся — ночью и днем. Они хотят уничтожить нас. Нас предупредили наши родственники. Но они не могут нам помочь. Эти трое — хозяева лезвия и огня. Против лезвия и огня мы беспомощны.

— Лезвие и огонь! — подхватили слушатели. — Против лезвия и огня мы беспомощны.

— Они нас обязательно уничтожат, — прошептала женщина. — Мы все увянем, как она, или сгорим... Если только...

Неожиданно она обхватила белыми руками шею Маккея. Прижала к нему свое гибкое тело. Ее алый рот нашел его губы и прижался к ним. По всему телу Маккея пробежало быстрое сладкое пламя, зеленый огонь желания. Он схватил ее, прижал к себе.

— Ты не умрешь! — воскликнул он. — Нет, клянусь Господом, ты не умрешь!

Она откинулась, посмотрела ему в глаза.

— Они поклялись уничтожить нас, — сказала она, — и скоро. Лезвием и огнем они уничтожат нас, эти трое... если только...

— Если только? — яростно повторил он.

— Если только ты не убьешь их раньше, — ответила она.

Холод охватил Маккея, пригасив зеленое сладкое пламя желания. Он опустил руки, оттолкнул от себя женщину. На мгновение ее образ задрожал перед ним.

— Убей! — услышал он ее шепот — и она исчезла. Призрачные

деревья задрожали, их очертания стали плотнее, материальнее. Зеленая прозрачность потемнела. На мгновение Маккей почувствовал головокружение, как при переходе из одного мира в другой. Он закрыл глаза. Головокружение прошло, и он открыл их, осмотрелся.

Он стоял на обращенном к озеру краю маленькой рощи. Не было никаких мелькающих теней, ни следа белых женщин и смуглых, одетых в зеленое мужчин. Под ногами зеленый мох; исчез мягкий золотой ковер с голубыми звездами цветов. Вокруг него толпились березы и пихты. Слева росла мощная пихта, на ее ветвях лежала сохнущая береза. Это была та самая береза, которую так бессмысленно срубил сын Поле. На мгновение в пихте и березе он увидел призрачные очертания одетого в зеленое мужчины и стройной вянущей девушки. На мгновение береза и пихта, девушка и мужчина слились, стали чем-то единым. Маккей сделал шаг назад, и руки его коснулись гладкой прохладной коры другой березы, растущей справа от него.

Под руками кора была как... как что?.. как прикосновение длинных стройных рук женщины с алыми губами. Но это прикосновение не приносило того неземного восторга, того пульса зеленой жизни, что ее руки. Однако, как и тогда, это прикосновение помогло ему прийти в себя. Очертания девушки и мужчины исчезли. Перед ним были крепкая пихта и упавшая на ее ветви сохнущая береза.

Маккей стоял, смотрел и дивился, как человек, проснувшийся после странного сна. Неожиданно ветерок пошевелил листву росшей рядом с ним березы. Листва зашумела, вздохнула. Ветер стал сильнее, и листья зашептали.

— Убей! — услышал он шепот — и опять: — Убей! Помоги нам! Убей!

И шепот был голосом женщины с алыми губами!

Гнев, быстрый и беспричинный, вспыхнул в Маккее. Он побежал по роще, туда, где, как он знал, стоит старая хижина, в которой живут Поле и его сыновья. Ветер дул все сильнее, и громче и громче шептала листва деревьев.

— Убей! — шептала она. — Убей их! Спаси нас! Убей!

— Я убью! Я спасу вас! — Маккей задыхался, пульс бился у него в ушах, отвечая на этот все более громкий, все более настойчивый приказ. В сознании его оставалось только одно желание — добраться до горла Поле и его сыновей, сломать им шеи; стоять рядом с ними и смотреть, как они сохнут; сохнут, как та стройная девушка в объятиях одетого в зеленое мужчины.

С криком выбежал он из рощи на залитое солнцем поле. Пробежал еще сто футов и понял, что шепот прекратился, что больше он не слышит гневного шороха листьев. Казалось, он освободился от какого-то заклинания, разорвал паутину колдовства. Маккей остановился, упал на землю, зарылся лицом в траву.

Он лежал, собираясь с мыслями, приводя их в разумный порядок. Что он собирался сделать? Наброситься, как сумасшедший, на этих троих в хижине, убить их? А за что? Из-за того, что его попросила волшебная женщина с алыми губами, чьи поцелуи он еще ощущал? Из-за того, что шепот листвы маленькой рощи показался ему тем же приказом?

И из-за этого он собрался убить трех человек!

Что такое эта женщина, и ее сестры, и одетые в зеленое мужчины? Иллюзии, фантомы, рожденные гипнотическим действием клубящегося тумана, в котором он греб, когда плыл по озеру. Такие происшествия нередки. Маккей знал людей, которые, глядя широко раскрытыми глазами на движущиеся облака, придумывали фантастический мир и жили в нем; другим достаточно было взглянуть на водопад, чтобы видеть сны наяву; были и такие, кто погружал себя в сон, глядя на сверкающий хрустальный шар, а некоторые находили источник иллюзии в блестящем блюдце с черными чернилами.

Не мог ли движущийся туман протянуть такие же гипнотические пальцы в его сознание—и его любовь к деревьям, ощущение просьбы, которое он так давно чувствует, воспоминание о бессмысленно срубленной березе — все это соединилось в его загипнотизированном мозгу в те картины, которые он видел?

А потом в потоке солнечного света очарование растаяло, сознание его проснулось.

Маккей потрясенно встал. Оглянулся на рощу. Ветра не было, листва неподвижна, молчит. И снова ему показалось, что он видит группу девушек, окруженных рыцарями и трубадурами. Он вспомнил слова женщины с алыми губами: веселье ушло, его место занял страх. Кем бы она ни была: привидением, дриадой, — она сказала правду.

Он повернулся, в мозгу его начал формироваться план. Что-то в глубине его души упрямо утверждало, что происшествие было реальным. Во всяком случае, говорил он себе, роща слишком прекрасна, чтобы допустить ее уничтожение. Пусть испытанное им — сон, но он спасет рощу ради той красоты, которая содержится в ее зеленой чаще.

Старый дом находился примерно в полумиле. К нему вела по полю петляющая тропа. Маккей прошел по тропе, поднялся по шатким ступеням и остановился, прислушиваясь. Он услышал голоса и постучал. Дверь распахнулась, на пороге стоял старый Поле, глядя на него подозрительно прищуренными глазами. За ним стоял один из его сыновей. У обоих лица были мрачные и враждебные.

Маккею показалось, что со стороны отдаленной рощи донесся слабый отчаянный шепот. Двое на пороге как будто тоже его услышали, потому что взгляд их переместился на рощу, и он увидел, как лица их исказило выражение ненависти; потом они снова взглянули на него.

— Что вам нужно? — коротко спросил Поле.

— Я ваш сосед, живу в гостинице... — вежливо начал Маккей.

— Я знаю, кто вы такой, — резко прервал его Поле. — Но что вам нужно?

— Воздух этого места полезен мне. — Маккей подавил растущий гнев. — Я хочу прожить здесь с год или больше, пока здоровье не поправится. Я хотел бы купить часть вашей земли и построить себе дом.

— Да, мсье? — в мощном голосе старика теперь звучала ядовитая вежливость. — Но позволительно ли спросить, почему бы вам не остаться в гостинице? Там хорошие условия, и вы там понравились.

— Я хочу быть один, — ответил Маккей. — Мне не хочется жить рядом с людьми. Мне нужна своя земля, я хочу спать под собственной крышей.

— Но почему вы пришли ко мне? — спросил Поле. — На той стороне озера много места, можете выбирать. Там хорошо, а эта сторона несчастливая, мсье. Но скажите, какая часть моей земли вам приглянулась?

— Вон та маленькая роща, — ответил Маккей и указал на рощу.

— Ага! Я так и думал! — прошептал Поле и понимающе переглянулся с сыном. Потом мрачно посмотрел на Маккея.

— Роща не продается, мсье, — сказал он наконец.

— Я могу хорошо заплатить, — сказал Маккей. — Назовите цену.

— Она не продается, — повторил Поле, — ни за какую цену.

— Послушайте, — рассмеялся Маккей, хотя сердце у него упало от такого бесповоротного отказа. — У вас много акров, что вам до тех нескольких деревьев? Я могу позволить себе исполнение своих прихотей. Я дам вам столько, сколько стоит вся остальная ваша земля.

— Я спросил вас, какое место вам нужно, и вы ответили, что всего несколько деревьев, — медленно сказал Поле, и высокий сын за ним неожиданно резко и злобно рассмеялся. — Но это не все. Далеко не все. И вы это знаете, иначе зачем бы вам платить? Да, вы знаете. Вы знаете, что мы должны уничтожить эту рощу, и хотите спасти ее. И кто вам сказал об этом, мсье? — рявкнул он.

В его лице, придвинувшемся к Маккею, в оскаленных зубах была такая злоба, что Маккей невольно отступил.

— Несколько деревьев! — насмехался старый Поле. — Кто ему сказал, что мы собираемся делать, а, Пьер?

Сын его снова рассмеялся. И, слушая его смех, Маккей почувствовал, как в его крови снова вспыхивает та же слепая ненависть, что и во время бега по шепчущему лесу. Он справился с собой, отвернулся. Он ничего не может сделать — сейчас. Поле остановил его.

— Мсье, — сказал он. — Подождите. Войдите. Я хочу кое-что сказать вам. И показать тоже. Кое о чем, возможно, попросить.

Он отступил в сторону, поклонился с грубой вежливостью. Маккей прошел в дверь. Поле и его сын шли за ним. Он оказался в большой, тускло освещенной комнате с высоким потолком, по которому шли почерневшие от дыма балки. С балок свисали связки лука, травы и копченые окорока. С одной стороны широкий очаг. Возле него сидел второй сын Поле. Когда они вошли, он поднял голову, и Маккей увидел повязку на левой части головы, скрывавшую глаз. Маккей узнал в нем того, кто срубил стройную березу. Он с удовлетворением увидел, что удар пихты оказался тяжелым.

Старый Поле подошел к сыну.

— Смотрите, мсье, — сказал он и снял повязку.

Маккей со слабой дрожью ужаса увидел почерневшую пустую глазницу, окруженную красным.

— Милостивый Боже, Поле! — воскликнул он. — Ему нужна медицинская помощь! Я разбираюсь в ранах. Я сейчас поплыву на тот берег и принесу свою медицинскую сумку. Я позабочусь о нем.

Старый Поле покачал головой, хотя его угрюмое лицо на время смягчилось. Он вернул повязку на место.

— Заживет, — сказал он. — Мы тоже в этом разбираемся. Вы видели, как это было. Смотрели со своей лодки, когда проклятое дерево ударило его. Выбило глаз, и он повис на щеке. Я отрезал его. Теперь заживет. Нам не нужна ваша помощь, мсье.

— Не нужно было рубить березу, — сказал Маккей, скорее про себя.

— Почему? — яростно спросил Поле. — Она его ненавидела.

Маккей смотрел на него. Что знает этот старый крестьянин? Его слова укрепили упрямое убеждение, что то, что он видел и слышал в роще, было реальностью — не сном. И следующие слова Поле еще более укрепили эту уверенность.

— Мсье, — сказал Поле, — вы пришли как посол — в некотором роде. Лес разговаривал с вами. Что ж, я буду говорить с вами, как с послом. Четыреста лет здесь жили мои предки. Сто лет, как мы владеем этой землей. Мсье, все эти годы не было ни одного мгновения, чтобы деревья нас не ненавидели — а мы не ненавидели деревья.

Все эти сотни лет между нами и лесом ненависть и война. Мой отец, мсье, был убит деревом; мой старший брат искалечен другим. Отец моего отца, он был дровосеком, заблудился в лесу; когда его нашли, он лишился рассудка, кричал, что лесные женщины околдовали его и насмехались над ним, заманивали его в болота, прямо в трясину, в густой кустарник, мучили его. В каждом поколении деревья брали с нас свою дань — и не только мужчин, но и женщин, — калечили и убивали.

— Совпадения, — прервал Маккей. — Это ребячество, Поле. Нельзя винить деревья.

— В глубине души вы в это не верите, — сказал Поле. — Послушайте, наша вражда очень древняя. Она началась столетия назад, когда мы были рабами, крепостными господ. Чтобы готовить пищу, топить зимой, они позволяли нам брать хворост, мертвые ветви, засохшие прутики, упавшие с деревьев. Но если мы срубали дерево, чтобы нам было тепло, чтобы было тепло нашим женщинам и детям, нас вешали, или бросали в темницы, где мы гнили, или пороли нас так, что спины наши превращались в кровавое месиво.

У них, у господ, были широкие поля, а мы должны были выращивать пропитание на клочках, где деревья считали ниже своего достоинства расти. И если они прорастали на наших жалких клочках, тогда, мсье, мы должны были оставлять их в покое, иначе нас пороли, или бросали в темницы, или вешали.

Они напирали на нас, деревья, — в голосе старика звучала фанатичная ненависть. — Они крали наши поля, вырывали пищу изо рта наших детей; бросали нам хворост, как подаяние нищим; искушали нас согреться, когда холод пробирал нас до костей, и мы повисали, как плоды, на их ветвях, когда поддавались искушению.

Да, мсье, мы умирали от холода, чтобы они могли жить! Наши дети умирали от голода, чтобы у их поросли было место для корней! Они презирали нас, деревья! Мы умирали, чтобы они могли жить, а ведь мы — люди!

А потом, мсье, пришла революция и свобода. Ах, мсье, как мы отплатили им! Огромные стволы ревели в очагах в зимний холод — больше никаких подачек хворостом. На месте деревьев появились поля — больше не умирали с голоду наши дети, чтобы их дети могли жить. Теперь деревья наши рабы, а мы их хозяева.

И деревья знают это и ненавидят нас!

Но удар на удар, сто их жизней за нашу одну — мы платим им ненавистью. Мы рубим их, жжем, мы сражаемся с ними...

— Деревья! — закричал Поле неожиданно, глаза его сверкали кровавым гневом, лицо исказилось, на углах рта показалась пена, он сжимал кулаки. — Проклятые деревья! Армии деревьев ползут... ползут... все ближе и ближе... напирают на нас! Крадут наши поля, как и в старину! Строят темницы вокруг нас, как в старину строили темницы из камня! Ползут... ползут! Армии деревьев! Легионы! Проклятые деревья!

Маккей слушал, пораженный. Какая невероятная ненависть! Безумие! Но в чем его исток? Какой-то глубокий унаследованный инстинкт, идущий от предков, для которых лес был символом их ненавистных хозяев. Предков, чей прибой ненависти бился о зеленую жизнь, объявленную хозяевами табу, как нелюбимый ребенок ненавидит любимого, кому достается вся любовь и все подарки. Такому свихнувшемуся разуму смертоносное падение дерева, калечащий взмах ветви

могут показаться сознательными, естественный рост растений кажется неумолимым наступлением врага.

И все же — удар ветви пихты после падения березы был сознательным, и были лесные женщины в роще...

— Терпение. — Стоявший сын коснулся плеча старика. — Терпение! Скоро мы нанесем свой удар.

Безумие частично отступило во взгляде Поле.

— Мы срубаем их сотнями, — прошептал он. — Но они возвращаются сотнями! А тот из нас, кого они ударяют, не возвращается. Нет! На их стороне численность и — время. А нас всего трое, и времени у нас мало. Они следят за нами, когда мы идем по лесу, готовые поймать, ударить, раздавить!

— Но, мсье, — он повернул налитые кровью глаза к Маккею. — Мы нанесем свой удар, как сказал Пьер. Ударим по роще, которую вы захотели. Ударим по ней, потому что это сердце леса. Тайная жизнь леса здесь бьет ключом. Мы знаем — и вы тоже знаете! Если мы уничтожим ее, мы лишим леса сердца, дадим ему понять, кто тут хозяин.

— Женщины! — Глаза стоявшего сына блестели. — Я видел там женщин! Прекрасные женщины с блестящей кожей, которые манят... и насмехаются, и исчезают, как только пытаешься схватить их.

— Прекрасные женщины заглядывают в наши окна и смеются над нами, — прошептал одноглазый сын.

— Больше они не будут насмехаться! — крикнул Поле, снова охваченный безумием. — Скоро они полягут и умрут! Все они — все! Они умрут!

Он схватил Маккея за плечи, затряс его, как ребенка.

— Идите, скажите им это! — кричал он. — Скажите, что сегодня мы их уничтожим. Скажите, что это мы будем смеяться, когда придет зима и мы будем смотреть, как их круглые белые тела горят в очаге и отдают нам тепло! Идите — скажите им это!

Он повернул Маккея, подтолкнул к двери, распахнул ее и спустил его со ступенек. Маккей слышал, как засмеялся высокий сын, как захлопнулась дверь. Ослепший от гнева, он взбежал по ступеням и бросился на дверь. Снова рассмеялся высокий сын. Маккей бил в дверь кулаками, бранился. Трое внутри не обращали на него внимания. Отчаяние приглушило его гнев. Могут деревья помочь ему, дать ему совет? Он повернулся и медленно пошел по полю к маленькой роще.

Приближаясь к ней, он шел все медленнее и медленнее. Он потерпел неудачу. Теперь он посланник, несущий смертный приговор. Березы стояли неподвижно: листва их безжизненно свисала. Они как будто знали о его неудаче. Он остановился на краю рощи. Посмотрел на часы, с легким удивлением заметил, что уже полдень. Невелик про-

межуток между приговором и казнью у маленького леса. Уничтожение скоро начнется.

Маккей расправил плечи и зашагал меж деревьями. В роще стояла странная тишина. Она казалась траурной. Он чувствовал, что жизнь вокруг отступила, ушла в себя, опечаленная. Он шел по лесу, пока не добрался до места, где росло дерево с блестящей корой, а рядом на пихту опиралась вянущая береза. По-прежнему ни звука, ни движения. Он положил руки на прохладную гладкую кору.

— Дай мне увидеть снова! — прошептал он. — Дай услышать! Говори со мной!

Ответа не было. Снова и снова он призывал. Роща молчала. Он побрел по ней, шепча, зовя. Стройные березы стояли неподвижно, ветви их свисали, как безжизненные руки, как руки пленных девушек, покорно ожидающих воли своих завоевателей. Пихты напоминали беспомощных мужчин, охвативших руками головы. Сердце Маккея ныло от тоски, охватившей рощу, от безнадежной покорности деревьев.

«Когда ударят Поле?» — подумал он. Снова взглянул на часы: прошел час. Сколько еще будут ждать Поле? Он опустился на мох, спиной прижался к стволу.

И неожиданно Маккею показалось, что он сумасшедший, такой же безумец, как Поле и его сыновья. Он спокойно начал вспоминать обвинения, высказанные лесу старым крестьянином; вспомнил его лицо и глаза, полные фанатичной ненависти. Безумие! В конце концов деревья — это всего лишь... деревья. Поле и его сыновья, так он рассудил, перенесли на деревья всю жгучую ненависть, которую испытывали их предки к своим хозяевам, поработившим их; возложили на них всю горечь своей собственной борьбы за существование в этой высокогорной местности. Когда они ударят по деревьям, это будет тень того удара, который их предки нанесли по своим угнетателям; и сами они ударят по своей судьбе. Деревья — всего лишь символ. Искаженный мозг Поле и его сыновей одел их в видимость разумной жизни в слепом стремлении отомстить старым хозяевам и судьбе, которая превратила их жизнь в непрестанную жестокую борьбу с природой. Хозяева давно мертвы; судьба не подвластна человеку. Но деревья здесь, и они живые. Благодаря им, закутанным в мираж, можно удовлетворить жгучее стремление к мести.

А сам он, Маккей? Разве его собственная глубокая любовь к деревьям и сочувствие им также не одели их в ложное подобие разумной жизни? Разве не он сам создал свой собственный мираж? Деревья на самом деле не плачут, не могут страдать, не могут — сознавать. Его собственная печаль таким образом сообщилась им; собственная печаль эхом отразилась от них.

Деревья — это только деревья.

И тут же, как бы в ответ на свою мысль, он ощутил, что ствол,

о который он опирается, дрожит глубокой внутренней дрожью. Дрожит вся роща. Все листья мелко и боязливо трясутся.

Удивленный Маккей вскочил на ноги. Рассудок говорил ему, что это ветер, — но ветра не было!

И тут же он услышал пение, как будто траурный печальный ветер задул меж деревьями, — и все-таки никакого ветра не было!

Все громче слышалось пение, а с ним тонкий плач.

— Идут! Идут! Прощайте, сестры! Сестры, прощайте!

Он ясно слышал этот печальный шепот.

Маккей побежал мимо деревьев к тропе, которая по полям вела к старой хижине. Лес потемнел, как будто в нем собрались тени, как будто огромные невидимые крылья взметнулись над ним. Дрожь деревьев усилилась; ветвь касалась ветви, они прижимались друг к другу; все громче становился печальный возглас:

— Прощайте, сестры! Сестры, прощайте!

Маккей выбежал на открытое место. На полпути между ним и хижиной видны были Поле и его сыновья. Они увидели его; указывали, насмешливо поднимая блестящие топоры. Он присел, ожидая их приближения; все теории забыты, внутри кипел тот же гнев, что несколько часов назад звал его убивать.

Скорчившись, он слышал тревожный шум на покрытых лесом холмах. Он доносился отовсюду, гневный, угрожающий; как будто голоса легионов деревьев ревели в рог бури. Этот шум приводил Маккея в бешенство, раздувал пламя гнева в невыносимый жар.

Если трое слышали этот гул, они не подали виду. Шли упрямо, смеясь над ним, размахивая острыми топорами. Он побежал им навстречу.

— Уходите! — кричал он. — Уходите, Поле! Предупреждаю вас!

— Он нас предупреждает! — насмехался Поле. — Он — Пьер, Жан, — он нас предупреждает!

Рука старого крестьянина взметнулась и стиснула до кости плечо Маккея. Потом согнулась и бросила его на здорового сына. Сын подхватил его, развернул и отшвырнул в сторону на десяток ярдов, отшвырнул, как ветку на опушке леса.

Маккей вскочил на ноги, завывая, как волк. Шум леса стал еще громче.

— Убей! — ревел лес. — Убей!

Здоровый сын поднял свой топор. И опустил его на ствол березы, одним ударом наполовину расколов его. Маккей слышал, как по маленькой рощице пронесся жалобный вопль. Прежде чем топор смог нанести второй удар, Маккей ударил его владельца кулаком в лицо. Голова сына Поле откинулась, он заорал и, прежде чем Маккей снова смог ударить его, обхватил Маккея своими сильными руками, почти лишив способности дышать. Маккей расслабился, обвис, и сын разжал

руки. Маккей мгновенно выскользнул из его хватки и снова ударил, увернувшись от встречного удара. Сын Поле оказался быстрее, его длинные руки снова схватили Маккея. Но когда они сжимались, послышался резкий треск, и береза, которую он ударил топором, упала. Она ударилась о землю прямо перед борющимися людьми. Ее ветви, казалось, вытянулись и ухватили сына Поле за ноги.

Он споткнулся и упал на спину, Маккей на него. При падении руки от удара разжались, и Маккей снова высвободился. Снова он вскочил, и снова сын Поле стоял против него. Дважды Маккею удалось ударить его по корпусу, прежде чем длинные руки снова схватили его. Но теперь хватка их была слабее; Маккей чувствовал, что теперь силы их равны.

Они кружили, Маккей пытался вырваться. Падали, перекатываясь, сжимая друг друга руками и ногами; каждый пытался высвободить руку, чтобы ухватить другого за горло. Вокруг бегали Поле и его одноглазый сын, подбадривали Пьера, но никто не решался ударить Маккея, потому что удар легко мог прийтись в его противника.

И все это время Маккей слышал крик маленькой рощи. Из него исчезла вся траурность, вся пассивная покорность. Лес был живым и гневным. Он видел, как тряслись и сгибались деревья, будто под ударами бури. Смутно сознавал, что остальные этого не видят и не слышат; столь же смутно думал, почему бы это.

— Убей! — кричала роща, а издалека доносился рев большого леса:

— Убей! Убей!

Он увидел рядом с собой две теневые фигуры одетых в зеленое мужчин.

— Убей! — шептали они. — Пусть потечет его кровь! Убей! Пусть течет кровь!

Он высвободил руку из хватки сына. И тут же почувствовал в ней рукоять ножа.

— Убей! — шептали теневые мужчины.

— Убей! — кричала роща.

— Убей! — ревел лес.

Маккей размахнулся свободной рукой и погрузил нож в горло сына Поле! Услышал захлебывающийся вздох; услышал крик Поле; почувствовал, как горячая кровь хлынула ему на лицо и руки; ощутил ее соленый и чуть кислый запах. Руки разжались; он, шатаясь, встал.

И как будто кровь была мостом, теневые мужчины прыгнули из нематериальности в реальность. Один набросился на сына Поле, которого ударил Маккей; второй — на старого Поле. Искалеченный сын повернулся и побежал, завывая от ужаса. Из тени выпрыгнула белая женщина, бросилась ему в ноги, схватила за них и уронила его. Еще

женщина и еще падали на него. Крик ужаса сменился криком боли; потом неожиданно оборвался.

Теперь Маккей не видел никого из троих: ни старого Поле, ни его сыновей, потому что их накрыли зеленые мужчины и белые женщины.

Маккей стоял, тупо глядя на свои красные руки. Рев леса сменился глубоким торжествующим пением. Роща обезумела от радости. Деревья снова стали призрачными фантомами в изумрудном прозрачном воздухе, как и тогда, когда впервые его охватило зеленое волшебство. Вокруг него сплетались и танцевали стройные блистающие женщины леса.

Они окружили его, песня их была по-птичьи нежной и резкой. Он увидел, как к нему скользит женщина из туманного столба, чьи поцелуи наполняли его вены зеленым огнем жизни. Она протянула к нему руки, в ее странных широко расставленных глазах застыл восторг, белое тело блестело лунным светом, красные губы улыбались — алая чаша, полная обещаний неслыханного экстаза. Круг танцующих расступился, пропуская ее.

Неожиданно Маккея наполнил ужас. Не перед этой прекрасной женщиной, не перед ее торжествующими сестрами — перед самим собой!

Он убил! И рана, которую оставила война в его душе, которую он считал зажившей, снова открылась.

Он рванулся через круг, отталкивая женщин окровавленными руками, и побежал, плача, к берегу озера. Пение прекратилось. Он услышал негромкие восклицания, нежные, умоляющие; возгласы жалости; мягкие голоса, зовущие его остановиться, вернуться. За ним слышались бегущие шаги, легкие, как падение листа на мох.

Маккей продолжал бежать. Роща поредела, перед ним берег. Он слышал, как зовет его прекрасная женщина, чувствовал прикосновение ее руки к своему плечу. Но не обратил внимания. Пробежал по узкой полоске берега, оттолкнул лодку и на мелководье вскочил в нее.

Он лежал на дне, всхлипывая, потом поднялся, взялся за весла. Посмотрел на берег в двадцати футах от себя. На краю рощи стояла женщина, глядя на него сочувственным мудрым взглядом. За ней виднелись белые лица ее сестер, смуглые лица одетых в зеленое мужчин.

— Вернись! — прошептала женщина и протянула к нему точеные руки.

Маккей колебался, его ужас под этим чистым, мудрым, сочувственным взглядом ослаб. Он почти повернул лодку назад. Но тут увидел свои окровавленные руки, и снова у него началась истерика. Только одна мысль оставалась в мозгу — уйти как можно дальше от того места, где лежит сын Поле с перерезанным горлом.

Склонив голову, Маккей нагнулся к веслам, быстро погреб к про-

тивоположному берегу. Когда он оглянулся, между ним и берегом стояла стена тумана. Из рощи не доносилось ни звука. Он посмотрел вперед, в сторону гостиницы. И ее скрывал туман.

Маккей молча поблагодарил за этот занавес, скрывающий его и от мертвых, и от живых. Он лег под банку. Немного погодя склонился за борт лодки и, содрогаясь, смыл кровь с рук. Стер кровь с весел, где его руки оставили красные пятна. Вырвал подкладку пиджака и, намочив ее в озере, промыл лицо. Взял грязный пиджак, вместе с подкладкой завернул в него якорный камень и утопил в озере. На рубашке тоже есть пятна, но от них он избавится позже.

Некоторое время он бесцельно греб, физическое напряжение уменьшало напряжение душевное. Онемевший мозг начал функционировать, анализируя положение, составляя планы на будущее — как спастись.

Что ему делать? Признаться, что он убил сына Поле? Какую причину он укажет? Он его убил, потому что тот хотел срубить несколько деревьев — деревьев, принадлежавших его отцу?

А если он расскажет о лесной женщине, о лесных женщинах и теневых фигурах их зеленых кавалеров, которые ему помогли, кто ему поверит?

Решат, что он сошел с ума; он сам почти поверил в свое безумие.

Нет, ему не поверят. Никто! И признание не вернет к жизни убитого. Нет, он не будет признаваться.

Но погоди, — у него появилась другая мысль. Могут ли его обвинить? Что в сущности произошло с Поле и другим его сыном? Он считал несомненным, что они погибли, умерли под белыми и смуглыми телами. Но умерли ли они? Когда его окружало зеленое волшебство, он в этом не сомневался. Иначе почему торжествовала роща, почему триумфально пел лес?

Умерли ли они — Поле и его одноглазый сын? Ему пришло в голову, что они не видели то, что он видел, и не слышали, что он слышал. Для них Маккей и его противник были лишь двумя людьми, борющимися на лесной полянс. И больше ничего до самого конца. До самого конца? Видели ли они тогда еще что-нибудь?

Нет, нужно считать реальностью только, что он перерезал горло одному из сыновей старого Поле. Это единственная неопровержимая истина. Кровь с лица и рук он смыл.

Все остальное должно быть миражом, но одно остается несомненным. Он убил сына Поле!

Сожаление? Вначале ему показалось, что он его испытывает. Теперь он знал, что это не так: ни тени сожаления он не испытывал. Его потрясла паника, паника от сознания необычности, реакция на боевую ярость, эхо войны. Он правильно поступил. Какое право имеют

люди уничтожать эту маленькую рощу, бессмысленно убивать такую красоту?

Никакой! Он рад, что убил!

В этот момент Маккей с радостью повернул бы лодку и устремился прочь, чтобы пить из алой чаши женских губ. Но туман поднимался. Он увидел, что уже совсем близко от причала и гостиницы. Никого не было видно. Время избавиться от последних улик. После этого...

Он быстро выбрался, привязал скиф, никем не замеченный проскользнул в свою комнату. Закрыл дверь, начал раздеваться. Но тут волной навалилась на него непреодолимая сонливость, унесла беспомощного в глубины океана сна.

Разбудил Маккея стук в дверь, голос хозяина позвал его на обед. Маккей сонно ответил и, когда шаги хозяина замерли вдали, встал. Взгляд его упал на рубашку с большими темными пятнами, теперь ржавого цвета. Удивленный, он некоторое время смотрел на нее, пока память не вернулась.

Он подошел к окну. Сумерки. Дул ветер, деревья пели, все их листья танцевали; со стороны леса доносилась торжественная вечерняя молитва. Исчезло все беспокойство, весь страх. Лес был спокоен и счастлив.

Маккей поискал в сгущавшихся сумерках рощицу. Ее девушки легко танцевали на ветру, опустив лиственные головы, их лиственные юбки развевались. Рядом с ними маршировали зеленые трубадуры, беззаботно помахивая иглистыми руками. Весел был маленький лес, весел, как тогда, когда его красота впервые притянула к себе Маккея.

Маккей разделся, спрятал грязную рубашку в дорожный саквояж, умылся, надел свежий костюм, спокойно спустился к обеду. Поел он с аппетитом. Он удивлялся, что не чувствует сожалений, даже печали из-за человека, которого убил. Он готов был поверить, что все это сон, настолько слабые эмоции он испытывал. Он даже перестал думать о том, что произойдет, когда убийство откроется.

Мозг его был спокоен; он слышал, как лес поет, что ему нечего бояться, и когда он в этот вечер сидел на балконе, из шепчущего леса, окружившего гостиницу, на него снизошел мир. И оставался в нем.

Но старый владелец гостиницы все больше беспокоился. Он часто ходил на причал, всматривался в противоположный берег.

— Странно, — сказал он наконец Маккею, когда солнце уходило за вершины. — Поле должен был прийти ко мне сегодня. Он никогда не нарушал свое слово. Если не мог прийти сам, послал бы одного из сыновей.

Маккей беззаботно кивнул.

— Еще одного я не понимаю, — продолжал старик. — Весь день я не видел дыма над хижиной. Как будто их там нет.

— Где же они могут быть? — равнодушно спросил Маккей.

— Не знаю, — в голосе хозяина звучало беспокойство. — Это меня беспокоит, мсье. Поле жесткий человек, да; но он мой сосед. Может быть, несчастный случай...

— Если что-нибудь случилось, они дадут знать, — сказал Маккей.

— Может быть, но... — старик колебался. — Если он завтра не придет, и я снова не увижу дыма над хижиной, я отправлюсь туда,— закончил он.

Маккей испытал легкий шок: завтра он будет знать, точно знать, что произошло в маленьком лесу.

— На вашем месте я не стал бы ждать слишком долго, — сказал он, — бывают же несчастные случаи.

— Пойдете со мной, мсье? — спросил старик.

«Нет, — прошептал предупреждающий голос. — Нет. Не ходи!»

— К сожалению, мне нужно кое-что написать, — вслух сказал он.— Если я вам понадоблюсь, пошлите за мной своего человека. Я приду.

Всю ночь он спал без сновидений, и поющий лес баюкал его.

Утро прошло без всяких знаков с противоположной стороны. Через час после полудня Маккей видел, как старый хозяин и его человек плыли по озеру. Неожиданно все спокойствие Маккея исчезло. Он достал свой полевой бинокль и следил за этими двумя, пока они не причалили к берегу и не скрылись в роще. Сердце его забилось сильнее, ладони вспотели, губы пересохли. Он вглядывался в берег. Долго ли они в лесу? Должно быть, не меньше часа. Что они там делают? Что нашли? Он недоверчиво смотрел на часы. Прошло всего пятнадцать минут.

Медленно тянулись секунды. И действительно, прошел целый час, прежде чем он увидел, как они идут к берегу и стягивают лодку в воду.

Горло Маккея пересохло, пульс оглушительно бился в ушах: он заставлял себя успокоиться, неторопливо направиться к причалу.

— Все в порядке? — крикнул он, когда они были близко. Они не ответили; но когда скиф был привязан, они посмотрели на него, и на их лицах был ужас и удивление.

— Они мертвы, мсье, — прошептал хозяин. — Поле и оба его сына — мертвы!

Сердце Маккея подпрыгнуло, он почувствовал легкое головокружение.

— Мертвы! — воскликнул он. — Что их погубило?

— Что, кроме деревьев, мсье? — ответил старик, и Маккею показалось, что он смотрит на него странно. — Их убили деревья. Понимаете, мы пошли по тропе через рощу, и в конце ее путь преградили

упавшие деревья. Над ними жужжали мухи, мсье, поэтому мы принялись искать. Они были под деревьями, Поле и его сыновья. Пихта упала на Поле и раздавила ему грудь. Другой сын лежал под пихтой и несколькими березами. Они сломали ему спину и вырвали глаз — но эта последняя рана была не свежая.

Он помолчал.

— Должно быть, неожиданный порыв ветра, — сказал его человек. — Но я никогда о таких порывах не слышал. Никакие деревья не упали, кроме тех, что лежали на них. А эти как будто выпрыгнули из земли. Да, как будто вырвались и прыгнули на них. Или их вырвали какие-то гиганты. Они не сломаны, корни у них голые...

— Но второй сын? У Поле ведь их было двое? — Маккей старался изо всех сил скрыть дрожь.

— Пьер, — сказал старик, и снова Маккею почудилось что-то странное в его взгляде. — Он лежал под пихтой. У него перерезано горло.

— Перерезано горло! — прошептал Маккей. Его нож! Нож, который сунула ему в руку теневая фигура...

— Перерезано горло, — повторил хозяин. — И в нем сломанная ветвь, которая это сделала. Сломанная ветвь, мсье, острая, как нож. Должно быть, ударила Пьера, когда пихта падала, и разорвала ему горло. Ветвь сломалась при падении дерева.

Маккей стоял, теряясь в диких предположениях.

— Вы сказали, сломанная ветвь? — побелевшими губами спросил Маккей.

— Сломанная ветвь, мсье, — хозяин смотрел ему в глаза. — То, что произошло, очень ясно. Жак, — обратился он к своему человеку, — иди в дом.

Он подождал, пока тот не скрылся из виду.

— Не все ясно, — негромко сказал он Маккею. — Потому что в руке Пьера я нашел — вот это.

Он сунул руку в карман и достал пуговицу с обрывком ткани. Клочок окровавленного пиджака Маккея, который он утопил в озере.

Маккей пытался заговорить. Старик поднял руку. Пуговица и ткань выпали из нее в воду. Волна приняла их и понесла. Они молча следили, пока ткань не исчезла.

— Ничего не говорите мне, мсье, — повернулся к нему старик-хозяин. — Поле был трудным человеком, и сыновья его не легче. Деревья их ненавидели. Деревья их убили. И теперь деревья счастливы. Вот и все. А этот — сувенир — исчез. Я забыл, что видел его. Но мсье тоже лучше... уйти.

Вечером Маккей собрался. Когда рассвет начал проникать в его окно, он долго смотрел на маленькую рощу. Она просыпалась, сонно шевелилась, как томная изящная девушка. Он пил ее красоту в последний раз; прощался с ней.

Маккей хорошо позавтракал. Сел на сиденье водителя, мотор заработал. Старик и его жена как всегда заботливо пожелали ему удачи. На их лицах было дружелюбие, а в глазах старика еще и благоговейный страх.

Дорога шла через густой лес. Скоро гостиница и озеро исчезли.

Маккей ехал, напевая, его сопровождал мягкий шепот листьев, веселое пение сосен; нежный, дружеский, ласковый голос леса. Как прощальный дар, лес вливал в него свой мир, свое счастье, свою силу.

Перевод с английского *Д. Арсеньева*

ПОСЛЕДНИЙ ПОЭТ И РОБОТЫ

Русский, по имени Народный, сидел в своей лаборатории. Лаборатория Народного находилась на глубине мили под землей. Она состояла из сотен пещер, маленьких и огромных, вырубленных в скале. Это было целое царство, и он был его единственным владыкой. В некоторых пещерах светили гирлянды небольших солнц; в других маленькие луны прибывали и убывали, как прибывает и убывает Луна над Землей; были пещеры, в которых над клумбами лилий, фиалок и роз царил вечный росистый рассвет; и другие пещеры, в которых алые закаты, окрашенные кровью, тускнели, а потом рождались вновь за сверкающим занавесом солнечного сияния. Была пещера десяти миль в диаметре, в которой росли цветущие деревья и деревья с плодами, каких не видел ни один человек в течение многих поколений. Над этим большим садом горел желтый солнечный шар, и облака проливали дождь, и гремел миниатюрный гром, когда его вызывал Народный.

Народный был поэтом — последним поэтом. Он писал свои стихи не словами, материалом его были цвета, звуки и видения. Он был также великим ученым, величайшим в своей узкой области. Тридцать лет назад Научный Совет России решал, дать ли ему разрешение на отъезд, как он просил, или уничтожить его. Совет знал, что Народный неортодоксален, но насколько неортодоксален, не знал, иначе его не отпустили бы, а уничтожили. Следует напомнить, что из всех стран Россия была наиболее механизирована и наполнена роботами.

Народный не относился к механизации с ненавистью. Он был равнодушен к ней. Как истинно разумный человек, он не ненавидел ничего. Он был равнодушен к человеческой цивилизации, в недрах которой родился. Он не чувствовал своего родства с человечеством. Внешне, физически, он принадлежал к этому виду. Но не разумом. Как Леб за тысячу лет до него, он считал человечество племенем безумных полуобезьян, склонных к самоубийству. Время от времени из океана бездумной посредственности вздымалась волна, удерживала в себе на мгновение свет от солнца истины, но скоро опадала снова, и свет исчезал. Гас в море глупости. Народный знал, что он — одна из таких волн.

Он затерялся, и все потеряли его из виду. Через несколько лет о нем забыли. Пятнадцать лет назад никому не известный и под другим именем он приехал в Америку и купил права на тысячу акров местности, которая в старину называлась Вестчестер. Он выбрал именно это место, потому что исследования показали, что из всех мест на планете оно наиболее свободно от опасности землетрясения и других сейсмических беспокойств. Человек, владевший этой землей, был причудлив; вероятно, случай атавизма, как и сам Народный, хотя Народный никогда бы так о себе не подумал. Во всяком случае, вме-

сто угловатого стеклянного дома, какие строили в тридцатом столетии, этот человек восстановил разрушенный каменный дом девятнадцатого века. В те дни мало кто жил на природе; большинство переселилось в города-государства. Нью-Йорк, раздувшийся за годы обжорства, представлял собой толстый живот, набитый людьми, но находился все еще во многих милях. Местность вокруг дома поросла лесом.

Через неделю после того, как Народный купил этот дом, деревья напротив растаяли, оставив гладкую ровную площадку в три акра. Они не были срублены, а просто как бы растворились. Позже той же ночью над этим полем появился большой воздушный корабль — неожиданно, как будто вынырнул из другого измерения. Корабль имел форму ракеты, но без носа. И сразу туман окутал корабль и дом, совершенно скрыв их. Внутри тумана можно было бы увидеть широкий туннель, ведущий от цилиндрической двери корабля к двери дома. Из корабля появились закутанные фигуры, всего десять, они прошли по туннелю, были встречены Народным, и дверь закрылась за ними.

Немного погодя они вернулись, Народный вместе с ними, и из корабля выехала небольшая плоская машина, на которой был установлен механизм из хрустальных конусов, поднимающихся друг над другом к центральному конусу примерно четырех футов высотой. Конусы стояли на толстом основании из какого-то стекловидного материала, в котором плескалось беспокойное зеленое сияние. Его лучи не проникали за стенки, но, казалось, постоянно ищут выход, чтобы освободиться. И в них чудилась невероятная сила. Много часов держался густой необычный туман. На двадцать миль уходил он в стратосферу, росло слабо светящееся облако, как бы конденсируя космическую пыль. И как раз перед рассветом скальный холм за домом растаял и открыл большой туннель. Пятеро вышли из дома и вошли в корабль. Корабль беззвучно поднялся с земли, скользнул в отверстие и исчез. Послышался шепчущий звук, а когда он стих, холм вновь стал целым. Скалы сдвинулись, как закрывшийся занавес, и на них снова появились отдельные камни. То, что склон холма стал слегка вогнутым, хотя раньше был выпуклым, никто не смог бы заметить.

Две недели наблюдалось в стратосфере сверкающее облако, по этому поводу строились ленивые предположения, потом его не стало видно. Пещеры Народного были готовы.

Половина скального материала, вынутого при земляных работах, исчезла вместе со сверкающим облаком. Остальное, преобразованное в первичную форму энергии, было запасено в блоках стекловидного материала, того самого, что поддерживал конусы, и в блоках беспокойно двигалось, с тем же ощущением неимоверной силы. И это действительно была немыслимо могучая сила, от нее исходила энергия

маленьких солнц и лун, она приводила в движение многочисленные механизмы, регулировавшие давление в пещерах, поставлявшие воздух, создававшие дождь и превратившие подземное царство Народного в рай поэзии, музыки, цвета и формы, которые он создавал в своем сознании и с помощью остальных десяти человек воплощал в реальность.

Больше нет необходимости говорить об этих десяти. Хозяином был Народный. Трое, подобно ему, были русскими; двое китайцами; из остальных пяти три женщины: немка, женщина из народа басков и евроазиатка; и наконец индус, ведший свою родословную от Гаутамы, и еврей, который прослеживал свой род до Соломона.

Все они разделяли равнодушие Народного к миру; каждый был одного с ним взгляда на жизнь; и все жили в одиночестве, каждый в своем собственном раю в сотнях пещер, разве что иногда им было интересно поработать вместе. Время ничего для них не значило. Исследования и открытия использовались исключительно для их нужд и развлечений. Если бы они отдали их людям на поверхности, те использовали бы их как оружие в войне на Земле или с жителями других планет. К чему ускорять самоубийство человечества? Они не чувствовали бы сожаления о гибели человечества. Но зачем приближать ее? Время ничего не значило для них, потому что они могли жить, сколько захотят; конечно, если не вмешается случайность. А пока существуют скалы, Народный может превращать их в энергию, чтобы поддерживать свой рай — или создавать другие.

Старый дом начал трескаться и обрушился. Гораздо быстрее, чем под действием стихий. Среди развалин фундамента выросли деревья; и поле, так странно выровненное, тоже заросло деревьями. За несколько коротких лет вся местность превратилась в глухой молчаливый лес; только изредка слышался гул пролетающей вверху ракеты да песни птиц, которые нашли здесь убежище.

Но глубоко под землей, в пещерах, царили музыка и пение, веселье и красота. Легкие нимфы кружили под маленькими лунами. Пан играл на свирели. Соревновались древние жнецы под миниатюрными солнцами. Рос и зрел виноград, его давили, и вакханки пили красное и пурпурное вино, засыпая наконец в объятиях фавнов и сатиров. Ореады танцевали в бледных лунных лучах, и изредка кентавры исполняли древние танцы под топот своих копыт на поросшей мхом почве. Здесь снова жила старая Земля.

Народный слушал, как пьяный Александр хвастает перед Таис в великолепии завоеванного Персеполиса; слышал треск пламени, по капризу куртизанки уничтожившего этот город. Он смотрел на осажденную Трою и вместе с Гомером подсчитывал корабли ахейцев, вытащенные на берег у стен Трои, или вместе с Геродотом смотрел, как маршируют племена под командой Ксеркса: капсии в своих плащах из

шкур и с луками из тростника; эфиопы в шкурах леопардов с копьями из рогов антилопы; ливийцы в кожаной одежде, с копьями, закаленными в огне; фракийцы с лисьими мордами на головах; племена в шлемах из дерева и в шлемах из человеческих черепов. Для него снова разыгрывались элевсинские мистерии и мистерии Озириса, он смотрел, как фракийские женщины на куски разрывают Орфея, первого великого музыканта. По своей воле он мог видеть расцвет и падение империи ацтеков и империи инков; он видел гибель Цезаря в римском сенате; он видел лучников Азенкура или американцев при Бельвуде. Все, что создал человек: стихи, исторические записи, философские и научные работы — все его странной формы механизмы могли восстановить перед ним, превращая слова в образы, реальные, как живое существо.

Он был последним и величайшим поэтом — но он также был последним и величайшим музыкантом. Он мог вызвать к жизни песни древнего Египта или напевы еще более древнего Ура. Мелодии материземли, выливавшиеся из души Мусоргского, гармония глухого уха Бетховена, песни и рапсодии из сердца Шопена. Он мог сделать больше, чем просто восстановить музыку прошлого. Он был хозяином звука. Для него реальной была музыка сфер. Он мог взять лучи звезд и планет и свить из них симфонии. Или превратить солнечные лучи в золотые звуки, каких не мог создать никакой земной оркестр. А серебряная музыка луны — сладкая музыка весенней луны, глубокая музыка страдной луны, хрупкая хрустальная музыка зимней луны в арпеджио метеоров — он мог свивать такие ноты, каких не слышало человеческое ухо.

Так Народный, последний и величайший поэт, последний и величайший композитор, последний и величайший художник — и не по-человечески, но величайший ученый — жил с десятью избранными в своих пещерах. А поверхность Земли и всех, кто жил на ней, послал ко всем чертям...

Разве что случится что-нибудь такое, что будет угрожать его раю.

Сознавая возможность такой опасности, он создал механизмы, которые доносили до его глаз и ушей, что происходило на земной поверхности. Время от времени он забавлялся этими известиями.

Так совпало, что в ту ночь, когда Исказитель Пространства нанес свой удар по космическим кораблям и вышвырнул часть огромного кратера Коперника в другое измерение, Народный сплетал лучи Луны, Юпитера и Сатурна в бетховенскую Лунную сонату. Луна была четырехдневным полумесяцем, Юпитер только зарождался, а Сатурн висел, как подвеска под луком. Вскоре по небу проплывет Орион, и яркий Регул, и красный Альдебаран, Глаз Быка, и они добавят новые ноты звездного света, превращенного в звук.

И вдруг свитый ритм надорвался — отвратительно. Опустошительный, невероятный диссонанс вторгся в пещеру. Нимфы, томно танце-

вавшие под музыку, задрожали, как туман под внезапным ударом ветра, и исчезли; маленькие луны мигнули и погасли. Инструменты замерли. И Народный почувствовал себя так, будто его ударили.

Через некоторое время маленькие луны загорелись снова, но тускло, а из тональных механизмов донеслись безобразные звуки. Народный зашевелился и сел, его худое широкоскулое лицо приобрело еще более сатанинское выражение, чем обычно. Нервы его оцепенели, потом они начали оживать, и он ощутил сильную боль. Он сидел, борясь с болью, пока не смог позвать на помощь. Ему ответил один из китайцев, и вскоре Народный пришел в себя.

Он сказал:

— Это пространственное искажение, Лао. И ничего подобного раньше я не видел. Оно пришло с лучами, я в этом уверен. Посмотрим на Луну.

Они прошли в другую пещеру и остановились перед огромным телевизионным экраном. Нацелили его, на нем появилась Луна, она быстро увеличивалась, как будто ее бросили им навстречу. Потом на экране появился космический корабль, летящий к Земле. Они сфокусировались на нем, и он раскрылся перед ними; они обыскали корабль и оказались в контрольной рубке, где сидели Бартоломью, Джеймс Тарвиш и Мартин, глядя на быстро увеличивающуюся в небе Землю. Народный и китаец смотрели на них, читая речь по губам. Тарвиш сказал: «Когда мы вызовем Землю, Мартин? Роботы будут следить за нами повсюду. Они позаботятся, чтобы нас уничтожили, прежде чем мы сможем передать свое послание или предупреждение миру. Они контролируют правительства — по крайней мере достаточно, чтобы схватить нас при посадке. А если мы сумеем уйти и соберем вокруг себя людей, это означает гражданскую войну, а это в свою очередь означает фатальное промедление в строительстве космического флота — даже если мы победим».

Мартин ответил: «Мы должны благополучно приземлиться, уйти от роботов, найти способ управлять ими или уничтожить их. Боже, Тарвиш, вы видели, что делает этот дьявол, которого называют Исказитель Пространства. Он выбросил из нашего измерения кратер, как мальчишка бросает камень в пруд!»

Бартоломью сказал: «Он может взять Землю и разбить ее на кусочки...»

Народный и Лао переглянулись. Народный сказал:

— Достаточно. Мы знаем.

Китаец кивнул. Народный сказал:

— Я полагаю, они достигнут Земли через четыре часа.

Опять Лао кивнул. Народный продолжал:

— Мы поговорим с ними, Лао; хотя я считал, что с человечеством мы покончили. Но мне не нравится то, что они так причудливо назы-

вают Исказителем Пространства, потому что он испортил мою музыку.

Они принесли экран меньшего размера и установили его перед большим. Сориентировали относительно летящего корабля и встали перед ним. Меньший экран покрылся светящимися голубыми вихрями; вихри собрались вместе и превратились в огромный конус, который потянулся к большому экрану, как будто их разделяли не футы, а тысячи миль. И когда конец конуса коснулся отраженной на экране контрольной рубки космического корабля, Тарвиш воскликнул:

— Смотрите!

В воздухе появилось мерцание, какое бывает над дорогой в жаркий летний день. Мерцание превратилось в сверкающий занавес из бледно-голубого света, оно становилось все устойчивее, пока на огромном расстоянии не показалась овальная дверь. И вдруг в двери появились два человека: один высокий, худой, мрачный, с чувственным лицом мечтателя, а другой китаец, с головой, как большой желтый купол, с лицом, бесстрастным, как у Будды, и было странно видеть, как в то же самое время в глубокой подземной пещере эти самые два человека стояли перед уходящим в экран голубым конусом, а на большом экране видны были их изображения в контрольной рубке космического корабля, там, где находилась вершина конуса.

Народный заговорил, голос его был полон равнодушия и уверенности, этот голос вызывал дрожь и одновременно ободрял. Он сказал:

— Мы не причиним вам вреда. Вы не можете причинить вред нам. То, что происходит на поверхности Земли, для нас ничего не значит. Но то, что может произойти под поверхностью, значит очень многое. То, что вы назвали Исказителем Пространства, уже вызвало мое раздражение. Я полагаю, что оно может сделать и больше. Я также полагаю, что роботы более или менее на его стороне. А вы против него. Поэтому первым нашим шагом должна быть помощь вам против роботов. Сообщите мне все факты. Но говорите коротко, потому что мы не можем без неудобств поддерживать свое положение больше, чем полчаса.

Мартин сказал:

— Кто бы вы ни были, откуда бы вы ни были, мы вам верим. Вот наш рассказ...

В течение пятнадцати минут Народный и китаец слушали их рассказ о борьбе против роботов, об их бегстве и исчезновении кратера Коперника, когда Исказитель Пространства пытался помешать им уйти.

Народный сказал:

— Достаточно. Теперь я понимаю. Сколько вы можете оставаться в космосе? Каковы у вас запасы энергии и пищи?

Мартин ответил:

— На шесть дней.

Народный сказал:

— Достаточно времени для успеха — или неудачи. Оставайтесь вверху все это время, потом спуститесь там, откуда стартовали...

Неожиданно он улыбнулся.

— Я не забочусь о человечестве, однако я не стал бы причинять ему вред сознательно. И мне приходит в голову, что я все же перед человечеством в долгу. Если бы не оно, не было бы и меня. К тому же я подумал, что роботы никогда не производили поэта, музыканта, художника... — Он рассмеялся. — Но мне кажется, что к одному великому искусству они все же способны! Посмотрим.

Овал неожиданно опустел: потом и он исчез.

Бартоломью сказал:

— Созовите остальных. Я за подчинение. Но они должны знать.

Когда остальные услышали, они все проголосовали за подчинение, и космический корабль, изменив курс, принялся медленно, как мог, кружить вокруг Земли.

Внизу, в пещере с экранами, Народный рассмеялся. Он сказал:

— Лао, неужели мы так ушли вперед за несколько лет? Или люди регрессировали? Нет, это проклятие механизации, которая уничтожает воображение. Потому что, посмотрите, как легка проблема роботов. Начали изготовлять человекоподобные машины. Математические, бездушные, нечувствительные к эмоциям. Такова была и первичная материя, из которой состоит все на Земле: скалы и вода, деревья и трава, металлы, животные, рыбы, черви и люди. Но где-то как-то что-то было добавлено к первичной материи, соединилось с ней — использовало ее. Это то, что мы называем жизнью. А жизнь — это сознание. И потому связана с эмоциями. Жизнь устанавливает свой ритм, и ритм этот различается в скале и кристалле, в металле, рыбе и так далее... и потому у нас множество разных предметов и существ.

Похоже, жизнь начала устанавливать свой ритм и в роботах. Их коснулось сознание. Доказательство? Они достигли идеи единства — группового сознания. Это уже связано с эмоциями. Но они пошли дальше. Они развили инстинкт самосохранения. А это, мой мудрый друг, означает страх — страх гибели. А страх означает гнев, ненависть, высокомерие — и множество других чувств. Короче, роботы в определенном смысле приобрели эмоции. И потому стали уязвимы для того, кто сможет уловить и усилить эти эмоции. Они больше не механизмы.

Поэтому, Лао, я задумал эксперимент, который даст мне материал для изучения и забавы на многие годы. По происхождению роботы — дети математики. И я спрашиваю — к чему ближе всего математика?

И отвечаю: к ритму, к звуку, к звукам, которые до энной степени усилят ритмы, на которые они отзываются. И математически, и эмоционально.

Лао сказал:

— Звуковая последовательность?

Народный ответил:

— Совершенно верно. Но нам нужно несколько их для экспериментов. Впрочем, это легко. Попросите Маринова и Ефросинью сделать это. Пусть остановят какой-нибудь корабль и доставят его сюда. Опустят мягко. Конечно, придется убить всех людей, но пусть сделают это милосердно. А роботов пусть приведут ко мне. Используйте на одном-двух зеленое пламя, остальные послушаются, уверяю вас.

Холм за тем местом, где когда-то стоял старый дом, задрожал. Бледно-зеленый круг появился на его склоне. Он потускнел, и вместо него показалось темное жерло туннеля. Воздушный корабль, наполовину самолет, наполовину ракета, совершавший обычный рейс в Нью-Йорк, неожиданно вздрогнул, сделал круг и устремился вниз. Он мягко, как мотылек, опустился перед зияющим жерлом туннеля.

Его дверь открылась, и оттуда с руганью выбрались два человека — пилоты. Из туннеля послышался легкий вздох, из него вылетело серебристое туманное облачко и устремилось к пилотам и к открытой двери корабля. Пилоты споткнулись и упали на землю. В корабле еще с полдесятка человек с улыбкой опустились на пол и умерли.

На корабле было также два десятка роботов. Они стояли, глядя на мертвых людей и друг на друга. Из туннеля показались две фигуры в металлических сверкающих одеждах. Они вошли в корабль. Одна из них сказала:

— Роботы, соберитесь вместе.

Металлические люди оставались неподвижными. Затем один из них испустил негромкий зов. Во всех частях корабля зашевелились металлические люди. Они собрались за тем, кто позвал. И молча стояли за ним в ожидании.

В руке одного из вышедших из туннеля появилось нечто похожее на старинный фонарик. Из него вылетело тонкое зеленое пламя. Оно ударилось в ближайшего робота и разрезало его с головы до ног. Еще одна вспышка, и робот был разрезан с одного бока до другого. Он упал, разделенный на четыре части. Эти четыре части неподвижно лежали на полу корабля.

Одна из фигур произнесла:

— Хотите дальнейших демонстраций, или пойдете за нами?

Роботы сдвинули головы, пошептались. Потом один из них сказал:

— Мы пойдем за вами.

Роботы прошли в туннель, не сопротивляясь и не пытаясь убежать. Снова послышался вздох, и скалы закрыли вход в туннель. Все оказались в помещении, пол которого стал опускаться, пока не опустился до уровня пещер. Машины послушно пошли дальше. Из-за смеси любопытства с презрением к этим людям, чьи хрупкие тела так легко сломать одним ударом металлических рычагов, которые служили им руками? Возможно.

Они пришли в пещеру, где их ждали Народный и остальные. Маринов подвел их и остановил. Это были роботы, которые используются в летающих кораблях, с цилиндрическими головами, четырьмя руками, треножником ног и стройным торсом. Следует знать, что роботы очень различаются в зависимости от своего предназначения. Народный сказал:

— Добро пожаловать, роботы! Кто у вас старший?

Один ответил:

— У нас нет старшего. Мы действуем как один.

Народный рассмеялся.

— Но говоря от имени всех, ты показал себя старшим. Подойди ближе. Не бойся — пока.

Робот сказал:

— Страх нам неведом. Чего нам бояться? Даже если вы уничтожите нас, тех, что здесь, вы не справитесь с миллиардами на поверхности. И размножаться достаточно быстро вы не можете, чтобы сравняться с нами. А мы появляемся на свет сильными и полностью укомплектованными.

Он протянул к Народному руку, и в его движении была надменность. Но прежде чем он смог ее опустить, кольцо зеленого пламени охватило руку у плеча. Оно вылетело из маленького предмета в руке Народного, как брошенное лассо. Рука робота, отрезанная, со звоном упала на пол. Робот недоверчиво посмотрел на нее, потом протянул остальные три, чтобы поднять отрезанную. Их тоже окружило зеленое пламя, отрезав заодно и ноги. Робот упал вперед, крича что-то остальным высоким голосом.

Зеленое пламя быстро заиграло среди них. Безногие, безрукие, некоторые безголовые, все роботы, кроме двух, упали.

— Двоих достаточно, — сказал Народный. — Но руки им не нужны, только ноги.

Сверкающие зеленые браслеты охватили руки роботов и отрезали их. Роботов увели. Тела остальных были разобраны, изучены, и под руководством Народного были проведены разнообразные эксперименты. Музыка заполнила пещеры, странные аккорды, необычные прогрессии, рассыпающиеся арпеджио и грандиозные вибрации звуков, которые не

могло воспринять человеческое ухо. И наконец последняя вибрация стала слышна как глубокое гудение. Она поднималась все выше и выше в урагане хрустальных хрупких нот; потом опускалась, снова переходила в резкий высокий писк, и снова продолжалась неслышимо, как прелюдия к гудению. И снова назад, вернулись писк и хрустальная буря, снова гудение и тишина, и опять, и опять.

Разбитые тела роботов задрожали, как будто каждый их атом ускорил, усилил свое движение. Музыка взлетала вверх, опускалась — снова и снова. И закончилась неожиданно, на одной сокрушительной ноте. Разбитые тела перестали дрожать. В их металле появились звездообразные трещины. Снова прозвучала нота, и трещины расширились. Металл раскалывался.

Народный сказал:

— Ну, что ж, мы нашли частоту, соответствующую ритму роботов. Разрушительную гармонию. Надеюсь, ради блага внешнего мира, что эта частота не совпадает с частотой их зданий и сооружений. Но в конце концов в любой войне жертвы должны быть с обеих сторон.

Лао сказал:

— Земля будет захватывающим зрелищем в ближайшие несколько дней.

Народный возразил:

— И очень неудобным для жизни местом. Несомненно, многие погибнут или сойдут с ума. Но есть ли другой выход?

Ответа не было. Он приказал:

— Приведите двух роботов.

Их привели.

Народный спросил:

— Роботы, был ли среди вас когда-нибудь поэт?

Они удивились:

— А кто такой поэт?

Народный рассмеялся.

— Неважно. Пели ли вы когда-нибудь... сочиняли музыку... рисовали? Снились ли вам сны?

Один робот ответил с холодной иронией:

— Сны? Нет, мы не спим. Это мы оставляем людям. Поэтому мы и покорили их.

Народный произнес почти мягко:

— Пока нет, робот. А приходилось ли вам когда-нибудь... танцевать? Нет? Ну, этому искусству вам предстоит научиться.

Началась неслышимая нота, поднялась вверх, взлетела до урагана и снова вниз. Вверх и вниз, вверх и вниз, хотя и не так громко, как раньше. И неожиданно роботы начали переступать ногами, двигаться.

Их ножные соединения сгибались, тела раскачивались. Нота, казалось, перемещалась по помещению, и роботы гротескно следовали за ней. Двигались за ней, как огромные металлические марионетки. Музыка кончилась сокрушительной нотой. И тут как будто все вибрирующие атомы тел роботов наткнулись на непреодолимое препятствие. Тела их задрожали, из голосовых механизмов послышался крик, в котором отвратительно смешивались бездушность машин и жизнь. Снова гудение и неожиданная остановка, и снова, и снова. Послышался треск — от голов роботов, от их тел. Появились звездообразные трещины. Гудение раздалось снова, но два робота стояли неподвижно, они уже не отвечали. Потому что их внутренние сложные механизмы тоже раскололись.

Роботы были мертвы!

Народный сказал:

— Завтра мы усилим звук, чтобы он действовал в окружности трех тысяч миль. Используем, конечно, верхнюю пещеру. Разумеется, это означает, что мы должны снова поднять наш корабль. В три дня, Маринов, вы сможете накрыть остальные континенты. Проследите, чтобы сам корабль был абсолютно непроницаем для вибраций. За работу! Мы должны действовать быстро, прежде чем роботы узнают, как нейтрализовать звук.

* * *

Ровно в полдень на следующий день над всей Северной Америкой послышалось необъяснимое гудение. Казалось, оно доносится не только глубоко из-под земли, но и со всех сторон. Оно быстро поднималось к урагану звенящих хрустальных нот, переходило в резкий писк и исчезало... потом возвращалось от писка до гудения... потом снова вверх и вниз... опять и опять. И по всей Северной Америке роботы прекращали свои занятия. Останавливались... и начинали танцевать. Танцевали в воздушных кораблях, и десятки этих кораблей разбились, прежде чем люди сумели взять управление на себя. Тысячами танцевали на улицах городов — гротескный ригодон, причудливую сарабанду, подпрыгивали и переминались, а пока они танцевали, люди в панике бежали, и в этом паническом бегстве сотни были раздавлены и погибли. На огромных заводах, в подземных туннелях городов, в шахтах — везде слышался этот звук... и везде танцевали роботы... под музыку Народного, последнего великого поэта, последнего великого композитора.

Затем послышалась сокрушительная нота — и по всей стране танец прекратился. И снова начался... и прекратился... и снова начался...

Пока все улицы, подземные туннели, шахты, заводы, дома не были усеяны неподвижными металлическими телами, покрытыми звездообразными трещинами.

Люди в городах укрывались, не зная, откуда ожидать удара... или собирались в обезумевшие от страха толпы, и многие погибли...

И вдруг ужасное гудение, разрывающий ураган, невыносимый высокий писк — все кончилось. Люди повсюду падали и засыпали среди мертвых роботов, набирались во сне сил и постепенно приходили в себя.

Америка будто исчезла. Она не отвечала на телеграфные запросы, прекратились всякие коммуникации в радиусе звука.

Но в полночь гудение послышалось над Европой, и европейские роботы начали танцевать свой танец смерти, а когда он кончился, необычный молчаливый ракетный корабль, который висел высоко в стратосфере над Европой, почти со скоростью света перелетел в Азию, а на следующий день гудение услышала Африка, и туземцы отвечали ему своими тамтамами... потом гудение услышала Южная Америка и наконец далекая Австралия... и всюду люди впадали в панику, и безумие снимало свой урожай...

Пока по всей Земле из всей неисчислимой орды ожившего металла не осталось несколько сотен роботов, уцелевших из-за отклонений в своей конструкции. И, просыпаясь от быстрого сна, по всей Земле те, кто боялся и ненавидел роботов и свое рабство, поднимались против тех, кто порождал металлическое господство, и фабрики, изготовлявшие роботов, превращались в пыль.

Снова раскрылся холм над пещерами, мелькнул, как призрак, странный торпедообразный корабль, беззвучно влетел в туннель, и скалы сомкнулись за ним.

Народный и остальные стояли у гигантского телевизионного экрана, переносясь из города в город, из страны в страну, по всей поверхности Земли. Лао, китаец, сказал:

— Многие умерли, но многие выжили. Они могут не понять, но дело того стоило.

Народный прошептал:

— То, за что человек не платит, он не ценит. Думаю, наши друзья вверху теперь не встретят сопротивления.

Он с сомнением покачал головой.

— Но мне по-прежнему не нравится этот Исказитель Пространства. Я не хочу, чтобы он опять портил мне музыку, Лао. Выбросить Луну из нашей Вселенной, Лао?

Лао рассмеялся.

— Из чего тогда будет у вас лунная музыка?

Народный сказал:

— Верно. Ну, что ж, посмотрим, что смогут сделать люди. Время у них есть — возможно.

Трудности, ожидавшие человечество, не интересовали поэта Народного. Тем временем реорганизовывались земные правительства, заводы переходили на изготовление космических кораблей, люди учились управлять этими кораблями, собирались запасы, совершенствовалось оружие, и когда пришло сообщение с Луны, содержавшее точные указания курса, флот Земли был готов.

Народный смотрел, как стартуют корабли. Он с сомнением покачал головой. Но скоро в большой пещере вновь зазвучали звуки гармонии, и нимфы и фавны начали танцевать под благоухающими деревьями, и Народный снова забыл о мире.

Перевод с английского *Д. Арсеньева*

СОДЕРЖАНИЕ

ВЕДЬМА, ГОРИ! 5
ТЕНЬ, ПОЛЗИ! 127
ПОКОРИТЕЛИ ЛУННОГО БАССЕЙНА 295
РАССКАЗЫ
Обитатели бездны 507
Три строчки на старофранцузском 520
Лесные женщины 537
Последний поэт и роботы 561

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ
ИЗДАНИЕ

АБРАХАМ МЕРРИТ

Собрание сочинений
в трех томах

Том 2

Составитель *В. Азарский*
Редактор *А. Романова*
Художественный редактор *О. Владиславов*
Технический редактор *Т. Сайтарова*
Корректор *Е. Евсеева*

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА

А. Гладков (директор)
В. Смоляков
В. Ширинкин
С. Пятунин

Сдано в набор 17.06.93. Подписано в печать 12.10.93. Формат $84\times108^{1}/_{32}$. Бум. тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 30,24. Усл. кр.-отт. 30,24. Уч.-изд. л. 40,7. Тираж 100 000 экз. Заказ № 739. Цена свободная.

ОсОО «Янус», 614016, г. Пермь, а/я 10119.
ТОО «Типография «Книга», 614001, г. Пермь, ул. Коммунистическая, 57.

Меррит Абрахам

М52 Собрание сочинений. Том 2. — Пермь: «Янус», 1993. — 576 с. («Коллекция «Януса»).

ISBN 5-87916-041-6

Во второй том собрания сочинений А. Меррита вошла увлекательная детективно-мистическая дилогия, отдельный роман «Покорители Лунного бассейна» и блок фантастических рассказов.

М $\frac{4703010100—041}{Д25(03)—93}$ Без объявл. ББК 84.4. США

Сканирование и обработка:
Алексей Н. (Lion)

А.МЕРРИТ

Известный американский писатель-фантаст Абрахам Меррит прожил недолгую жизнь, успев, однако, оставить заметный след в мировой литературе.

Впервые на русском языке все девять романов, составляющих литературное наследие А. Меррита, а также несколько повестей и рассказов собраны в трехтомное собрание сочинений, которое осуществляет ОсОО «Янус».

ПЕРЕД ВАМИ ВТОРОЙ ТОМ ТРЕХТОМНИКА.

А. МЕРРИТ

2

ПЕРМЬ
ЯНУС
1993

IVANOFF '93